„Слово о полку Игореве"

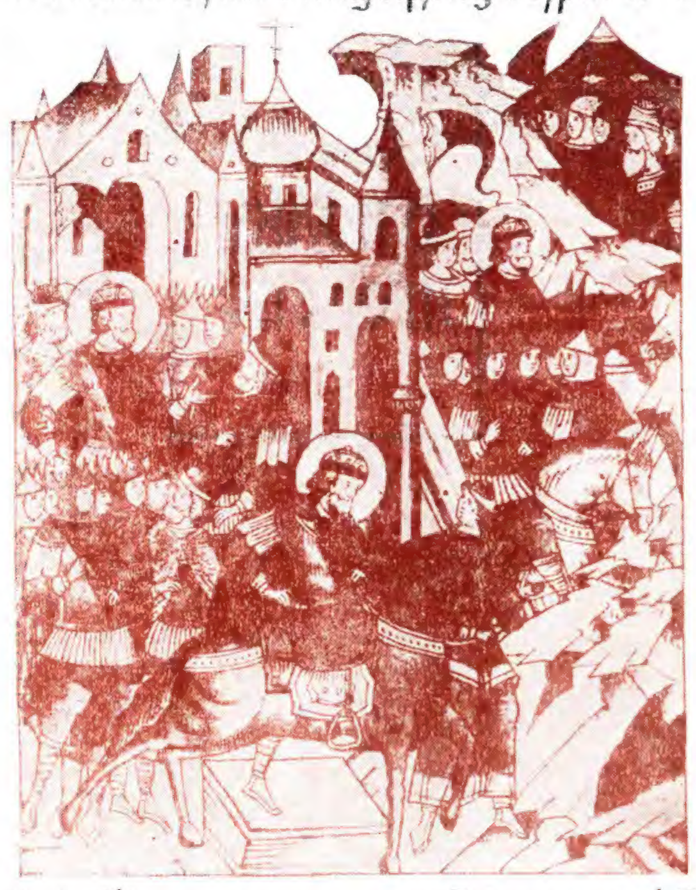
Комплексные исследования

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
им. А. М. ГОРЬКОГО

в чюжїа предѣлы . такжеи оставль и при
шедпо с Ионием архиепископом придопоу
ни лишимоу него и изыде изъ цркви .

Но оуцрьвнононь вєстиѥсвое и рече невѣнлъ
кто . поимъ правдѫ и свѣ на конь и де
противоу ратны . и нсоще оу него оусть
в вести пославти . приближиша бо ся
ратнии . и они новогородцы многажды не
оустѣша со нокоупити нем . понеже изы

„Слово о полку Игореве"

Комплексные исследования

Ответственный редактор
доктор филологических наук
А. Н. Робинсон

МОСКВА
«НАУКА»
1988

ББК 83.3Р1
С48

Рецензенты:
доктор филологических наук Н. И. ПРОКОФЬЕВ,
доктор филологических наук Л. А. СОФРОНОВА

С48 «Слово о полку Игореве». Комплексные исследования. — М.: Наука, 1988. — 440 с.
ISBN 5-02-011378-6.

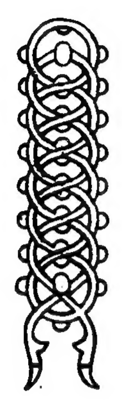
В сборнике поэтический памятник «Слово о полку Игореве» впервые изучается в условиях научного сотрудничества советских ученых с учеными НРБ, КНР, Норвегии, ПНР, СФРЮ, США, ЧССР и Японии. Состав авторов включает представителей литературоведения, языкознания, искусствоведения и смежных исторических дисциплин. Принадлежность авторов к различным научным школам и их стремление рассматривать «Слово» в разных аспектах придает сборнику комплексный характер.

Для филологов, историков, научных работников и преподавателей, а также для всех ценителей «Слова о полку Игореве» и древнерусской культуры вообще.

С $\frac{4603010100-374}{042(02)-88}$ 335-88-IV ББК 83.3Р1

ISBN 5-02-011378-6

ОТ РЕДАКТОРА

«Слово о полку Игореве» представляет собой драгоценное поэтическое наследие восточнославянских литератур — русской, украинской, белорусской. «Слово», начиная с его первого издания (1800 г.), постоянно изучалось и переводилось на многие языки как в нашей стране, так и в ряде зарубежных стран. В СССР были торжественно отмечены четыре даты, относящиеся к «Слову», — в 1938 г. его 750-летие, в 1950 г. — 150-летие первого издания памятника, в 1975 г. — 175-летие того же издания, в 1985 г. — 800-летие произведения. Последний юбилей «Слова» приобрел международный характер. XXII сессия ЮНЕСКО (в 1983 г.) вынесла специальное решение о повсеместном праздновании 800-летия памятника как одного из величайших поэтических произведений, имеющих значительное влияние на русскую и славянские литературы, на мировую литературу и культуру.

Настоящий сборник статей «„Слово о полку Игореве“ (комплексные исследования)» предусматривает разностороннее рассмотрение великого памятника древнерусской поэзии в аспектах историко-литературных, исторических, лингвистических, искусствоведческих.

В отличие от существующих коллективных трудов и монографий о «Слове», весьма ценных во многих отношениях, это гениальное произведение впервые исследуется на широком типологическом фоне мировых шедевров средневековой героической поэзии, что позволяет определить достойное место «Слова» среди них и выявить его национальное своеобразие. В ряде статей по-новому рассматриваются проблемы жанра и стиля «Слова», его идейное содержание, вопросы авторства и др. Особый аспект изучения «Слова» отражают статьи, посвященные его влиянию на широко известных русских поэтов и писателей XIX—XX вв. вплоть до современных. Представлены также статьи, которые предлагают новые объяснения так называемых «темных мест» памятника, продолжая тем самым издавна установившуюся традицию в его изучении. Исследователи правомерно сосредоточивают свое внимание на предпринятых ими современных опытах комментирования памятника, на специальных вопросах его текстологии. Определенные результаты достигнуты в области этимологических и лин-

гво-стилистических исследований «Слова». Важное место занимает трактовка непреходящего значения «Слова», его роли в современной культуре.

Следует подчеркнуть, что в сборнике принимают участие известные иностранные ученые (представляющие данную область знания в Болгарии, Китае, Норвегии, Польше, США, Чехословакии, Югославии, Японии). Эти зарубежные ученые вносят свой позитивный вклад в изучение «Слова». Всемирная популярность «Слова», его многочисленные исследования в разных странах впервые получили возможность предложенной в данном сборнике консолидации всех научных сил в деле разностороннего и комплексного изучения этого великого произведения.

Как известно, в России, а затем и в некоторых других странах возникла и долгое время распространялась концепция ученых-«скептиков», которые пытались доказать, что «Слово» (как и другие «романтические» подделки, например знаменитые «Песни Оссиана», написанные шотландским поэтом Д. Макферсоном) представляет фальсификацию, сделанную «под древность» кем-то в конце XVIII в. Эта концепция в последние десятилетия была решительно опровергнута рядом советских и зарубежных ученых, приложивших немало усилий для полного доказательства (с различных точек зрения) подлинности «Слова», созданного, несомненно, не позже 1187 г. Среди авторов статей настоящего сборника есть некоторые русские и иностранные ученые, которые и ранее, и теперь прилагают все свои знания для окончательного утверждения «Слова» как произведения подлинного, полагая, что поэт был непосредственно близок к изображаемым им героям и событиям. Разумеется, научные дискуссии между этими учеными по поводу различных толкований общих или частных проблем изучения «Слова» как памятника XII в. являются правомерными и полезными, помогают полнее и глубже осветить с разных сторон это прекрасное многогранное художественное произведение.

Сборник рассчитан на специалистов (филологов, историков, лингвистов, искусствоведов и др.), преподавателей высшей и средней школы, аспирантов и студентов филологического или исторического профиля, на широкие круги культурных читателей, интересующихся «Словом о полку Игореве» и отечественной стариной.

А. Н. Робинсон

«СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ» СРЕДИ ПОЭТИЧЕСКИХ ШЕДЕВРОВ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

«Слово о полку Игореве», знаменитая эпико-лирическая песнь конца 80-х годов XII в., является драгоценным достоянием восточных славян (русских, украинцев, белорусов) и вместе с тем — достоянием мировой литературы и культуры человечества. Об этом наглядно свидетельствует тот факт, что уже вскоре после первого своего издания (1800 г.) и до сих пор «Слово» переводилось и продолжает переводиться на многие языки мира, и, следовательно, оно повсеместно находит не только своих переводчиков и исследователей, но и читателей. Так, например, «Слово» переведено на языки народов СССР: абхазский, азербайджанский, армянский, башкирский, белорусский, грузинский, еврейский, казахский, карельский, киргизский, латышский, литовский, молдавский, мордовский, осетинский, русский, татарский, узбекский, украинский, чувашский, эстонский и др. На иностранные языки: английский, бенгали, болгарский, венгерский, вьетнамский, голландский, греческий, датский, иврит, испанский, итальянский, китайский, македонский, монгольский, немецкий, норвежский, польский, португальский, румынский, сербский, словацкий, словенский, финский, французский, хинди, хорватский, чешский, шведский, японский и др. Перевод «Слова» на какой-либо язык обычно не остается единственным; вслед за ним появляются новые переводы на тот же язык. Достаточно сказать, что на современный русский язык «Слово» переводилось десятки раз (есть переводы стихотворные — поэтические и прозаические — филологические). На японский язык «Слово» переводилось шесть раз.

Все эти многочисленные и постоянно продолжающиеся далеко не легкие работы по переводу «Слова» на языки мира так же, как и ведущиеся во многих странах исследования этого памятника, могут быть объяснены не только интересом к нему как явлению уникальному и экзотическому. Можно думать, что повсеместное и все более возрастающее внимание к «Слову» со стороны культурных читателей и ценителей во многих странах вызывается также и тем, что они чувствуют в этом памятнике нечто им самим родственное.

Что же может быть близким в «Слове» для иноязычных читателей? По-видимому, все то, что оказывается в нем в той или иной мере близким их собственным отечественным преданиям: страст-

ный патриотизм и героический пафос, печаль по погибшим воинам и прославление героев, анимизация природы и повсеместно известные легенды о солнечных затмениях как зловещих предзнаменованиях. Можно предполагать, что французские ценители своей старины, читая перевод «Слова», вспомнят о «Песни о Роланде», испанские читатели — о «Песни о моем Сиде» и т. п. Не случайно некоторые современные зарубежные исследователи начинают сопоставлять «Слово» со средневековой героической поэзией своих стран (см. в настоящем сборнике статью Ё. Накамуры «„Слово о полку Игореве“ и „Повесть о доме Тайра“ (сравнение с точки зрения системы цветов)».

В настоящее время широко признано международное значение «Слова о полку Игореве». На 22-й сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО (в 1983 г.) в связи с готовившимся празднованием 800-летия «Слова» (1985 г.) было официально отмечено «непреходящее значение этого произведения («Слова». — *А. Р.*) в становлении русской и славянских литератур, которое также является вкладом в сокровищницу мировой литературы»; а также было обращено внимание на «широкую международную известность этого литературного памятника и то влияние, которое он наряду с другими величайшими произведениями древних литератур продолжает оказывать на мировой литературный процесс» [1].

Реализация этих положений в плане научном предполагает прежде всего развитие сопоставительно-типологических исследований «Слова» на фоне шедевров героической поэзии мирового средневековья.

В условиях средневековья, когда повсеместно на протяжении долгих периодов существовали и развивались многие более или менее однотипные литературные традиции, среди них важное место занимала традиция героической эпики. У европейских народов эта традиция развивалась от кратких песен о битвах до поэм среднего объема. Древнейшие памятники такой поэзии представляли собой, по определению А. Хойслера, жанр «краткой эпической песни» [2]. К ним можно отнести древнегерманские «Песнь о Хильдебранде» (рукопись начала IX в., фрагмент, 100 строк), «Песнь о Людвике» (Людовике III, рукопись IX в., 114 строк), древнеанглийские «Битву при Финсбурге» (X в., 96 строк) и «Битву при Брунанбурге» (X в., 146 строк). «Слово о полку Игореве» занимает приблизительно 500 строк, а «Песнь о Роланде» — 4000 строк [3]. У азиатских народов героические поэмы значительно больше по объему. Например, казахский эпос «Кобланды-батыр» — 6490 строк, а киргизский эпос «Манас» — 500 550 строк

---

[1] Цит. по: Спустя восемь веков: Ред. ст. // Коммунист. 1985. № 10. С. 45.
[2] *Heusler A.* Die altgermanische Dichtung. B., 1923. S. 147—149.
[3] См. в настоящем сборнике: *Ворт Д.* Лирические элементы в «Слове о полку Игореве». С. 33. Текст «Слова» не позволяет точно определить число его строк.

(варианты несколько различаются по объему) [4]. Однако, несмотря на такие различия в размерах, все эти памятники принадлежат героической эпике и во многом обнаруживают взаимное сходство.

Следует отметить, что европейские эпосы были записаны (и в ряде случаев литературно обработаны) еще в средние века. В новое время они неоднократно издавались научно и всесторонне изучались. Эпосы азиатских народов существовали только в устной традиции. Их записи и исследования начались примерно со второй половины XIX в. и особенно успешно развернулись за последние полвека. В этом плане предстоит еще большая работа. Но, несмотря на определенные затруднения, привлечение азиатских эпосов (на равных основаниях с эпосами европейскими) к исследованию «Слова о полку Игореве» нам представляется необходимым. Конечно, этот первый опыт может быть усовершенствован и пополнен в дальнейшем.

Во всяком случае, в настоящее время можно с уверенностью констатировать, что у многих народов Евразии сама раннефеодальная и средневековая феодальная действительность обладала типологически близкими признаками, которые в конечном счете отражались в устном и письменном поэтическом творчестве. Основой для возникновения и развития героической поэзии повсеместно были свойственные племенам, народностям, ранним государственным образованиям постоянные внешние и внутренние (междоусобные) войны. При всем разнообразии эпико-лирической и эпической поэзии у разных народов в ней много общего и в области идей, и в сфере художественных форм (особенно в символике). Это относится и к патриотическим идеалам (выросшим на основе необходимости защиты отечества — народа, государства), и к созданию целого героического кодекса представлений о «славе» и «чести», «обиде» и «мести», как и представлений о необходимости борьбы за свою «веру» против «неверных».

Закономерностью всей героической поэзии становилась идеализация героев и осуждение их врагов. Воспевание подвигов героев должно было развиваться на фоне их побед над многочисленными и опасными врагами. Нередко незначительные военные столкновения щедро гиперболизировались поэтами. В таких условиях открывался широкий простор для поэтической фантазии, для развития и литературного воплощения многих мифологических представлений и образов.

Начальной стадией сопоставительно-типологических исследований «Слова о полку Игореве» и шедевров героической поэзии других народов, по нашему мнению, должно стать изучение символики, которая получила сильнейшее развитие в переходный период между мифологией и поэзией в собственном смысле. Символы этого периода, укрепившиеся надолго в традициях героиче-

---

[4] См.: Кобланды-батыр: Казах. героич. эпос/Сост. Н. В. Кидайш-Покровская и О. А. Нурмагамбетова. М., 1975. С. 217; *Мусаев С.* Эпос «Манас». Фрунзе, 1985. С. 14.

ской поэзии, занимали срединное положение между мифологическими представлениями и условными поэтическими тропами (метафорами, сравнениями и т. п.).

По нашим наблюдениям, «Слово» занимает законное место среди таких известнейших образцов героической поэзии, как, например, «Беовульф» у англичан, песни скальдов и «Эдда» у скандинавов, «Песнь о моем Сиде» у испанцев, «Песнь о Роланде» и «Песни о Гильоме Оранжском» у французов, «Песнь о Нибелунгах» и «Кудруна» у немцев, «Нарты» у кавказских народов, «Витязь в тигровой шкуре» у грузин, «Давид Сасунский» у армян, «Кобланды-батыр» у казахов, «Песни о хане Джангаре» и «Песни о хане Гесере» у азиатских народов, «Хэйкэ-моногатари» («Повесть о доме Тайра») у японцев и многих других.

В пределах настоящей статьи мы попытаемся рассмотреть «Слово о полку Игореве» с позиций литературно-исторической типологии, касаясь патриотических идей памятника, присущей ему солнечной символики и символики «битвы-жатвы».

Средневековая героическая поэзия у всех народов была патриотичной, но формы выражения патриотических чувств не были одинаковыми, так как они были связаны с различными способами идеализации действительности. В этой связи следует привести поучительную запись Ф. Энгельса: «. . . Тальефер пел перед битвой при Гастингсе песнь о Роланде <. . .>. В этой песне воспевается единство Франции, воплощенное в личности Карла, — несуществующая идеальная феодальная монархия. . .» [5]. «Песнь о Роланде» (ок. 1100 г.) была посвящена событиям далекого прошлого (в основе ее сюжета — битва в Ронсевальской долине в 778 г.) и сформировалась в тот период, когда империя Карла Великого давно уже стала легендой. Автор «Песни» был совершенно свободен в своем стремлении идеализировать и прославлять героев (Карла, Роланда, Оливье, Турпина и др.). Однако прославление героев у него прочно связывалось с патриотическими мыслями: «О, Франция, отчизна дорогая!», «Нет, Франции здесь слава не погибнет!», умирающий Роланд вспомнил «о родине, о Франции-красе» (47, 86) и т. п.[6] Тот же мотив наблюдается в песнях о Гильоме Оранжском (XII в.): «Гильом. . . В дорогу к милой Франции пустился»; перед битвой рыцари говорят: «Мы предками клянемся // Так бить врага и умирать сегодня, // Чтоб он зарекся Францию тревожить, // И, бросив „Монжуа!“, тот клич, с которым Карл, император наш, ходил в походы, // Ударили на нехристей («сарацин». — *А. Р.*) бароны» [7].

В «Песни о моем Сиде» (ок. 1140 г.) герой часто говорит о своей родине — Кастилии (24 раза), а всю Испанию называет 5 раз (боль-

---

[5] *Энгельс Ф.* Материалы по истории Франции и Германии // Архив Маркса и Энгельса. М., 1948. Т. 10. С. 301.

[6] Песнь о Роланде / Пер. со старофр. Ф. Г. де Ла Барта. М., 1937. Страницы указаны в скобках в тексте.

[7] Песни о Гильоме Оранжском / Изд. подгот. Ю. Б. Корнеев, А. Д. Михайлов. М., 1985. С. 130, 297 и др. (Лит. памятники.)

шая часть Испании была занята арабско-мусульманскими государями). Но Сид мечтает о славе, которая станет известной всей Испании. При нападении на Толедо (мусульманское владение) Сид говорит, ободряя своих немногочисленных рыцарей: «Об их удаче будет говорить вся Испания!» [8].

Авторы названных героических поэм (имена их неизвестны, как и имя автора «Слова») сочиняли свои произведения не о своей современности, а о прошлом, во многом уже легендарном. Поэтому они были относительно свободными в тех или иных масштабах идеализации своих героев и в оценках их действий. Положение автора «Слова» было более трудным: он сочинял свою лиро-эпическую песнь по свежим следам события (похода 1185 г.) и предназначал ее для феодальной аудитории, в первую очередь состоявшей из его же героев, т. е. князей Ольговичей. Поэт должен был прославить своих героев (видимо, он был их родовым певцом и служил Святославу Всеволодовичу), хотя они и потерпели полное поражение от половцев: «Слава Игорю Святъславличю, буй туру Всеволоду, Владимиру Игоревичу!» На протяжении всего «Слова» поэт вспоминал о «Русской земле». И это производило и производит очень большое впечатление, так как на небольшом пространстве текста памятника «Русская земля» названа 21 раз. В своем знаменитом призыве к князьям объединиться для общей войны с половцами (которой, разумеется, не произошло) автор трижды вдохновенно восклицал: «. . .за землю Рускую, за раны Игоревы, буего Святъславлича!» У автора «Слова», как и у создателя «Песни о Роланде» и ряда других поэтов, был свой идеал ушедшей в прошлое феодальной монархии. Поэт намеревался охватить своим взором период «отъ стараго Владимера до нынѣшняго Игоря. . .», т. е. от Владимира I Святославича (ум. 1015 г.), крестителя Руси и предка всех князей, названных в «Слове» (включая и обособленный род князей полоцких — Всеслава и его трех правнуков). Поэт скорбел о том, что невозможно было навсегда сохранить времена «первых» (давних) князей, и эта скорбь, как казалось, должна была исходить от всей «Русской земли» как некоего одухотворенного существа. После обращения к князьям и эпических воспоминаний о Всеславе, князе полоцком, автор восклицал: «О стонати Руской земли, помянувше пръвую годину и пръвыхъ князей! Того стараго Владимира нельзѣ бѣ пригвоздити къ горамъ Киевьскымъ». С громадным уважением говорит автор и о сыне Владимира Ярославе (Мудром): Боян пел «старому Ярославу», «давный великый Ярославь». Обращение к славным предкам здесь не только дань эпической традиции, но и прямое указание на те времена, когда огромная Русь, империя Рюриковичей, действительно была единым государством и когда борьба князей-братьев за киевский престол не превратилась еще в постоянные войны между княжествами.

---

[8] *Соловьев А. В.* Заметки к «Слову о погибели Рускыя земли» // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 18. С. 83; ср.: Зарубежная литература средних веков. М., 1975. С. 133.

Но патриотизм автора «Слова» в отличие от патриотизма автора «Песни о Роланде» и других создателей героической поэзии средневековья не ограничивался только обращениями к родине и идеализацией давней монархии. Древнерусский поэт создавал сочинение о своей современности, эпохе феодальной раздробленности и постоянных междоусобных войн. С необыкновенной откровенностью и поэтической силой он выразил свое недовольство в данное время поведением князей: «А князи сами по себе крамолу коваху, а погании (язычники-половцы. — *А. Р.*) сами, побѣдами нарищуще на Рускую землю. . .», «. . .рекоста бо брат брату: „Се мое, а то мое же“. И начаша князи про малое „се великое“ млъвити, а сами на себѣ крамолу ковати». Критика княжеской сепаратистской политики (не мешавшая автору восхвалять тех же князей) говорит о том, что его патриотическое самосознание обогащалось идеалами гражданственности, весьма редко встречающимися в героической эпике. Эти идеи углублялись определенным сознанием феодального демократизма. При деде героев, Олеге Святославиче («Гориславличе» — прославившемся своим горем), «въ княжихъ крамолахъ вѣци человѣкомъ скратишась. Тогда по Руской земли рѣтко ратаевѣ кикахуть нъ часто врани граяхуть, трупиа себѣ дѣляче. . .» Судьба «ратаев»-пахарей привлекала к себе внимание и автора одной из песен о Гильоме Оранжском: «Принес он (Гильом. — *А. Р.*) милой Франции покой, // Дал пахарю за дело взяться вновь» (456).

Характеризуя период феодальной раздробленности в Западной Европе, Ф. Энгельс отметил, что в городах и деревнях увеличилось «количество таких элементов населения, которые прежде всего требовали, чтобы был положен конец бесконечным бессмысленным войнам, чтобы прекращены были раздоры между феодалами, приводившие к непрерывной междоусобной войне даже в тех случаях, когда в стране был внешний враг, чтобы прекратилось это состояние непрерывного и совершенно бесцельного опустошения. . . в течение всего средневековья» [9]. Относительно Руси конца XII в. было бы преждевременно говорить о повсеместном росте таких элементов населения, которые могли бы требовать прекращения феодальных раздоров и постоянных междоусобных войн, приводивших к опустошению «Русскую землю» (включая и Киев с его разгромом русскими князьями в 1169 г., в чем участвовали будущие герои «Слова» — Игорь, Всеволод Юрьевич, Рюрик и Давыд Ростиславичи). Однако содержание «Слова» ясно показывает, что автор его осознавал бессмысленность феодальных раздоров и осуждал междоусобные войны князей. В этом плане, безусловно, «Слово» во время его создания было ярким фактом зарождающегося национального самосознания, критического отношения к действительности, но, конечно, еще без предложения каких-либо социальных реформ. Автор как истинный патриот призывал князей к объединению, причем не только к войне против половцев, но и по-

---

[9] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 409.

мимо этой идеи. Это выражено в приведенной выше формуле, характеризующей осуждение корыстных интересов князей-братьев: «. . .и скажет брат брату: „Се мое, а то мое же“ . . .» Здесь особенно интересна мысль поэта о неправомерности такой ситуации: и начали князья про малое «се великое» говорить. Автор вскрыл внутренние интересы феодального сепаратизма, когда из-за «малого» страдало «великое», т. е. из-за борьбы за расширение княжеских уделов разрушалось и государственное значение Руси, ослаблялось ее сопротивление половцам.

Патриотизм «Слова» был выражен очень ярко, а главное, он был связан с широким кругом проблем русской феодальной действительности XII в. и в этом плане отличался от патриотизма как явления в целом закономерного для героической поэзии средневековья.

Для понимания основ символической образности «Слова», сходства и отличия ее от символики других героических песен, необходимо обратить внимание на особые исторические и идеологические факторы данной эпохи. На Руси уже около двух веков христианство было государственной религией, но оно еще долгое время не могло преодолеть пережитков язычества (даже в высшей феодальной среде). Проповедники боролись с данным явлением, которое они метко назвали «двоеверием». Это явление вызвало точное замечание К. Маркса, который писал о «Слове»: «Вся песнь носит героически-христианский характер, хотя языческие элементы выступают еще весьма заметно» [10].

Для оценки исторической обстановки следует заметить, что до похода Игоря на половцев, начиная с 60-х годов XI в., было множество войн с половцами, немало походов более значительных и победоносных (например, походы во главе с великим князем киевским Святополком Изяславичем и его племянником Владимиром Мономахом в начале XII в.). Были и успешные походы половцев на Русь, хотя самостоятельно (без союзов с той или иной группировкой русских князей) им ни разу не удалось захватить Киев или какой-либо другой большой город. Поход 1185 г. совершался втайне от великого князя киевского Святослава Всеволодовича (двоюродного брата Игоря), но при поддержке его родного брата князя черниговского Ярослава Всеволодовича. Поход был небольшим по силам (5 русских полков, 1 полк ковуев — тюркское племя). Он возглавлялся четырьмя князьями, владевшими небольшими городами и землями: Игорем из Новгорода-Северского, его братом — Всеволодом (Буй-Туром) из Трубчевска и Курска, сыном — Владимиром Игоревичем из Путивля, племянником — Святославом Олеговичем из Рыльска. Поражение Игоря не вызвало никаких территориальных или политических перемен в жизни Руси. Однако именно поход 1185 г. привлек к себе

---

[10] Там же. Т. 29. С. 16.

наибольшее внимание его современников. Поход вызвал две повести (с разными его оценками), помещенные в двух летописях (Ипатьевской и Лаврентьевской), причем эти повести гораздо более пространные и подробные (особенно в Ипатьевской летописи — с деталями передвижения войск, хода двух сражений, описанием жизни Игоря в плену и т. п.), чем все летописные описания других многочисленных походов на половцев. Кроме того, именно поход Игоря послужил поводом для создания «Слова». Таким образом, только поход 1185 г. вызвал к жизни три произведения, причем во многом не совпадающие друг с другом.

Исключительный интерес к походу Игоря по сравнению с другими походами требует особого внимания к тому факту, который сильно поразил теологически мыслившее феодальное общество. Этим фактом было солнечное затмение (1 мая 1185 г.), заставшее войско Игоря перед переходом через реку Донец. Очень показательно в связи с этим впечатление летописца (как человека весьма образованного), описавшего затмение и сообразно своим верованиям объяснившего его: «. . .страшно бе видети человеком знаменье божие»[11]. Страх перед солнечным затмением в средние века (и даже позже) был явлением повсеместным.

Впечатление от «знамения» было особенно сильно в войске Игоря. В подробном повествовании об этом событии (по Ипатьевской летописи) говорится, что, увидев затмение солнца, бояре Игоря «поникоша главами»; Игорь «рече бояром своим и дружине своей: „Видите ли, что есть знамение се?“», ему ответили «мужи: „Княже! се есть не на добро знамение се“» (И, 431)[12]. Но Игорь сказал: «Братья и дружино! ‹. . .› знамению творец бог ‹. . .› а нам что сотворит бог, или на добро, или на наше зло, а то же нам видети» (И, 431). Для современников удивительным было мужество Игоря, который преодолел «знамение» (тяготевшее над его родом, как будет показано далее) и бросил вызов судьбе. Современникам было ясно, что поход не будет иметь успеха (что и произошло). Но удивительнее всего было то, что, несмотря на «знамение», из четырех князей — участников похода никто не погиб. Все они благополучно вернулись из плена. Более того, Кончак и Игорь возобновили свой старый союз (1180 г.), который был скреплен династическим браком. В 1187 г. Владимир Игоревич с женой Кончаковной и их сыном Изяславом (внуком Игоря и Кончака) вернулся к Игорю.

Культ солнца в языческие времена был широко распространен у многих народов. В модифицированном виде он перешел и в монотеистические миросозерцания. Известно также, что различные монархические династии стремились возводить свое происхождение от солнца. Например, «сыновьями» солнца считались египетские фараоны, индийские раджи, китайские богдыханы, японские

---

[11] Лаврентьевская летопись. ПСРЛ. Л., 1927. Т. 1. Вып. 2. С. 396.
[12] Летопись по Ипатскому списку. СПб., 1871. Обозначается в скобках в тексте «И» с указанием страниц.

микадо, короли инков (в Перу) и др. История стран мыслилась в средние века генеалогически, как история правящих династий. Автор «Слова», перечисляя многих князей, тоже обращал преимущественное внимание на их генеалогические связи. Кроме того, называя имена некоторых славянских языческих богов, автор указывал на их генеалогические (воображаемые) связи с историческими лицами или с явлениями природы, символизирующими определенные действия людей. Так, поэт-певец Боян (XI в.), возможно прадед автора, обозначался в «Слове» как «внук» (в значении — потомок) бога Велеса. Южные ветры, которые будто бы дули навстречу войскам Игоря (и символизировали половцев), назывались «внуками» Стрибога. «Внуком» солнечного Даждьбога (Дажьбога) считался подробно описанный дед героев «Слова» Олег Святославич, а затем его же кровный внук Игорь [13].

Наблюдения над этими теологическими представлениями о «знамениях», мифологическими и генеалогическими связями позволили сделать следующий опыт. На основании летописных данных нами была составлена генеалогическая таблица князей Ольговичей (т. е. героев «Слова», их предков и родственников) с указанием точной даты смерти каждого из них (кроме трех случаев, когда указан только год смерти). Эта таблица была сопоставлена с астрономической таблицей солнечных затмений, которые захватывали южную территорию Руси в XI—XII вв.[14] В результате оказалось, что за период 110 лет (до похода 1185 г.) 12 предков и родственников Игоря, из них 5 великих князей киевских, умерли или были убиты в близких по времени промежутках от солнечных затмений. Конечно, не все эти затмения могли быть замечены в те времена и описаны (из-за пасмурной погоды и других условий). Однако по крайней мере четыре затмения (включая затмение 1185 г.) были подробно описаны в летописях. Автор «Слова» уделил большое внимание деду его героев Олегу Святославичу, князю черниговскому и тмутараканскому. Олег умер в 1115 г. на десятый день после солнечного затмения. При этом летописец не только описал затмение и указал на смерть Олега, но и сообщил еще существовавшее языческое предание: «. . .погибе солнце и бысть яко его же глаголють невегласи: снедаемо солнце» (И, 203). По древним верованиям европейских народов в случаях затмений солнце «съедалось» волшебным волком (у славян «волкодлаком»). Несколько ранее Олега, в 1113 г., умер его двоюродный брат, тоже названный в «Слове», — великий князь киевский Святополк Изяславич. Это случилось на 29-й день после затмения, причем летописец дал ясное для его современников указание на связь двух событий: «. . .знаменье в солнце проявляше Святополчю

---

[13] Подробнее см.: *Робинсон А. Н.* Солнечная символика в «Слове о полку Игореве» // «Слово о полку Игореве». Памятники литературы и искусства XI—XVII вв. М., 1978. С. 5—58.

[14] См.: *Святский Д.* Астрономические явления в русских летописях с научно-критической точки зрения. СПб., 1915. С. 11—22.

смерть» (И, 198)[15]. Другой великий князь киевский, Всеволод Олегович (сын того же Олега, отец героев «Слова» Святослава и Ярослава Всеволодовичей, дядя Игоря и Всеволода Святославичей), умер на 50-й день после затмения (оно отмечено в Никоновской летописи под 1146 г.).

На фоне таких астрально-генеалогических совпадений (особенно затмения и смерти деда героев «Слова» Олега) солнечное затмение 1185 г. сильно испугало и участников похода, и их современников. В результате этих событий и совпадений создалась уникальная генеалогическая, историческая и идеологическая ситуация, которая заставила феодальное общество (включая летописцев и автора «Слова») обратить особое внимание на небольшой поход 1185 г. Следует заметить также, что изложенные факты свидетельствуют о личной близости автора «Слова» к князьям Ольговичам — героям «Слова».

Эти факты дают возможность выявить и объяснить солнечную символику, созданную автором «Слова», а также сопоставить ее с солнечными символами в других средневековых шедеврах. Затмение 1185 г. описано в «Слове» дважды. Уже в начале «Слова», еще до похода, поэт делает Игорю первое предупреждение. Игорь будто бы «възрѣ на свѣтлое солнце и видѣ отъ него тьмою вся своя воя прикрыты». В конце произведения этот печальный образ сменяется радостным (для князей все кончилось благополучно): «Солнце свѣтится на небесѣ — Игорь князь въ Руской земли». Радостные чувства связываются с солнцем в эпосах многих народов. Например, в «Песни о моем Сиде» (ок. 1140 г.) перед битвой: «Солнце взошло, боже, как прекрасно!»[16]. В «Песни о Роланде»: «Был ясный день, светило ярко солнце» (94, 114). Но как в этих, так и во многих других памятниках солнечные символы нигде не заключают повествование в такую «солнечную» композиционно-символическую рамку, как это сделано в «Слове».

Отношение героев к солнечной символике тоже выражается различно. В повестях о походе 1185 г. солнечное «знамение» фигурирует только один раз и трактуется по-христиански как знак божественного провидения, причем само солнце ничего не предпринимает: Игорь увидел «солнце стояще яко мѣсяцъ». . .» (И, 431). По летописи Игорь трактует это событие, как мы видели, в чисто христианском духе («знамению творец бог»). Он передает себя и свое войско на волю провидения. В «Слове», напротив, Игорь ведет себя как эпический герой. По словам поэта, желание «ему

---

[15] Такое же представление вызывали и лунные затмения. Например, в 1161 г. племянник того же Олега, князь Изяслав Давыдович, захватив Киев, был убит в междоусобной войне вскоре после лунного затмения. Об этом, как отметил летописец, «рекоша старии людие: „Не благо есть сяково знамение, се прообразует князю смерть“, еже бысть» (И, 353—354). В «Слове» лунная символика один раз тоже фигурирует, когда говорится, что вместе с двумя «солнцами» — Игорем и Всеволодом — будто бы погибли «молодая мѣсяца», Олег и Святослав (видимо, младшие сыновья Игоря, в походе не участвовавшие).

[16] Песнь о моем Сиде // Зарубежная литература средних веков. С. 138.

знамение заступи искусити Дону великаго». Герой не ссылается на бога и действует в силу своего мужественного порыва. Но и солнце здесь в трактовке поэта выступает не как знак провидения. Оно не «стоит» на месте (как в летописи), а само активно действует против героя. Вторично автор описывает затмение так: Игорь поехал по чистому полю — «солнце ему тъмою путь заступаше» (не случайно совпадение глаголов: Игорю желание «знамение заступи», но ему солнце путь «заступаше»). Так возрождается языческое толкование данного символа. Ярославна, жена Игоря, вместо христианской молитвы тоже по-язычески непосредственно обращается к силам природы — Ветру, Днепру, Солнцу: «Свѣтлое и тресвѣтлое слънце! Всѣмъ тепло и красно еси: чему, господине, простре горячюю свою лучю на ладѣ вои?». Поэт создает образ, далекий от действительности (от феодально-христианских норм поведения), но обаятельный и вечно живой: ведь Ярославна укоряет само солнце, как живого «господина», будто бы способного внять ее чувствам. В «Песни о Роланде» символика та же, но здесь она всецело подчинена христианской традиции. Карлу Великому необходимо продлить день, чтобы завершить свою победу над «язычниками». Он уже не может прямо обратиться к солнцу, а, «простершись ниц», молит бога. И тогда «Великое по просьбе Карла чудо // Явил господь: стояло неподвижно // На небе солнце» (88).

В «Слове» изображение битвы русичей с половцами предваряется картиной анимизированной природы, действующей против героев. Обращаясь к братьям и дружине, Игорь говорил: «Хощу бо. . . копие приломити конець поля Половецкаго. . .» (действие, основанное на желании). Теперь силы стихии (символизирующие половцев) тоже «хотят» победы: «Чръныя тучя съ моря идутъ, хотятъ прикрыти 4 солнца» (которые символически представляют четырех князей-полководцев).

У грузин с их уже 700-летним христианством подобная символика появляется только в качестве подчеркнутой поэтом метафоры. В поэме Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре» встретились герои (Автандил, Тариэл, Придон): «Казалось, сошлись два солнца с Луною» [17].

В героической эпике присутствует и лирическое начало. Оно обычно представлено женскими образами. В «Песни о Роланде» мавританская царица Брамимонда — «язычница» (хотя мавры были мусульманами) — проклинает своих языческих богов, поднимается на башню, ожидая возвращения с войны своего мужа Марсилия, побежденного Карлом. В «Слове» Ярославна поднимается на стену в Путивле и обращается с языческим заклинанием к «господам» Ветру, Днепру и Солнцу. И тогда «магия» женской любви спасает героя: Игорь сразу бежит из плена и весь тон дальнейшего повествования становится радостным.

---

[17] *Имедашвили Г. И.* «Четыре солнца» в «Слове о полку Игореве» // «Слово о полку Игореве»: Сб. ст. / Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1950. С. 224.

В «Слове» вслед за солнцем (возглавляющим природу) и другие природные силы как бы взаимодействуют с героями. Сначала против героев выступают ночь, гроза, тучи, молнии, гром, а также анимизированные животные (волки, лисицы, орлы). Потом печалятся о героях растения (деревья, трава, цветы), помогают Игорю бежать из плена птицы (сороки, вороны, галки, дятлы, соловьи). Сами герои в эпических ситуациях действуют, как звери и птицы: и русские — Боян, Игорь, Всеслав, и половцы — Кончак, Гзак, Влур бегут «волком». Боян еще парит «орлом», Игорь летит «соколом», скачет «горностаем», плывет «гоголем». Герои изображаются в их единстве с жизнью Вселенной. Анимизация природы свойственна героической эпике многих народов, но в «Слове» (при его небольшом по объему тексте) она достигает наибольшей концентрации и эмоциональной напряженности.

Наблюдения над символикой героической поэзии приводят к более конкретному определению места «Слова» в системе архетипов образного мышления. Эти наблюдения позволяют нам выделить древний комплекс взаимосвязанных представлений: «солнце—золото— огонь—свет—тьма». Некоторые народы древности (греки, скандинавы, инки) верили, что золото происходит от солнца, а серебро — от луны [18]. На этой основе, по нашему мнению, стали развиваться и другие фантастические представления, важные для поэзии. Возникшее от солнца золото, как казалось, само могло гореть и светить. «Свет» и «тьма» чередовались постоянно (день и ночь), но особенное впечатление их борьба производила во время затмений, вызывавших страхи и порождавших легенды. «Свет» и «тьма» рано получили моральные характеристики «добра» и «зла», как это видно, например, в библейской легенде о «сотворении мира». Отмеченный символический комплекс перешел из политеистических мифологий в монотеистические. Эта символика распространилась в героической поэзии (устной и письменной), так как она отвечала требованиям контрастного изображения героев и их врагов.

Символический комплекс подвергался определенным историческим видоизменениям, которые можно разделить на два больших этапа. Первому этапу свойственна значительная зависимость этих символов от мифологического миросозерцания в условиях язычества, племенного строя, военной демократии. На этом этапе развивается значительная универсальность в поэтическом применении данных символов. Солнце и зависимые от него символы анимизируются. Они непосредственно взаимодействуют с богами, героями, людьми. Особенно широко распространяется символ «золота». Его универсальность долгое время сохраняется в традициях архаической эпики. Например, в «Беовульфе», «Эдде», «Нартах»

---

[18] См.: *Аверинцев С. С.* Золото в системе символов ранневизантийской культуры // Византия. Южные славяне и Древняя Русь. Западная Европа: Искусство и культура. М., 1973. С. 46, 48; *Неклюдов С. Ю.* Заметки о мифологической и фольклорно-эпической символике у монгольских народов: символика золота // Etnografia Polska. 1980. T. 24. Z. 1. S. 65—94.

символика золота охватывает почти все мироздание. «Золотыми» считаются чертоги и башни («небесные» и земные), мебель, посуда, шахматы, веретено, шлемы (и другие доспехи), оружие, кони героев, разные звери, растения. «Золотыми» становятся даже слезы скандинавской богини любви Фрейи. Так складывались образные представления древних европейцев. У азиатов этот символ получил еще большее распространение и сохранился значительно дольше (в традиционных песнях о Гесере, Джангаре, поэмах «Кобланды-батыр», «Гёр-оглы» и многих других). Кроме указанных выше «золотых» объектов (особенно чертогов, оружия и др.), здесь типичны такие обобщения, как «золотая» Вселенная, «золотые» мать-земля, вода, степь, дорога, даже Полярная звезда — «золотой кол».

Второму этапу мировой эпики свойственно ограниченное применение указанных символов, которое утверждается с монотеизмом, развитием феодализма и новой государственности. Это явление наиболее характерно для христианских эпосов средневековой Европы, в которых поведение героя обусловливалось службой богу и сюзерену. Мифологическое единство символов распадается, и они постепенно превращаются в поэтические метафоры. Солнце утрачивает свое иерархическое господство и становится только объектом божественного провидения. Золото уже не может «гореть». Оно становится критерием ценности, престижа и красоты. Символ «золота» чаще всего служит характеристикой знаков государственности. Например, в «Песни о Роланде» у Карла «трон из золота литого» (9), «золотой венец» (56), в сербских песнях у царя Лазаря «золотая сербская корона»[19]. В «Слове» неоднократно фигурирует «золотой стол» (престол), а князь Ярослав Осмомысл (тесть Игоря) сидит на «златокованом столе». Этот символ во всех эпосах становится важным средством изображения идеализируемых героев (Карла, Роланда, Игоря и Всеволода, южнославянских феодалов — Степана, Вукашина, Лазаря и др.) с их «золотыми» шлемами, доспехами, щитами, стременами, шпорами, рукоятками мечей, кинжалов и т. п. В азиатских эпосах, кроме того, фигурируют «золотые» луки, арканы, седла, конские подковы, шубы, шапки, овес (для богатырского коня) и т. п. Некоторые государства Востока стали официально обозначаться данным символом. У чжурдженей была империя Цзинь (по-китайски «Золотая»), у монголо-татар — Золотая Орда.

В отношении географическом, историческом и стадиально-поэтическом «Слово» занимает срединное место между героической поэзией Запада и Востока, первым и вторым этапом развития ее символики. В «Слове» архаичное значение в полной мере сохраняется за символом «солнца» и зависимыми от него символами «света» и «тьмы». Но символ «золота» уже приобретает самостоятельность, как в христианских европейских эпосах. Например,

---

[19] Эпос сербского народа / Изд. подгот. И. Н. Голенищев-Кутузов. М., 1963. С. 6—7. (Лит. памятники)

когда Игорь, отклонив «знамение», вступил «въ златъ стремень. . . Солнце ему тъмою путь заступаше». Всеволод во время боя «своимъ златымъ шеломомъ» посвечивает. Последний образ широко распространен. У Беовульфа был «шлем сверкающий // золотым вепрем украшенный» (93) [20]. Эйвинд Погубитель Скальдов пел о норвежском конунге Хаконе Добром (ум. ок. 960 г.): «. . .злат шлем его // Сиял преславно» (35) [21]. У воинов Сида «мечи обнаженные, сверкают как солнце // Эфес до клинка весь из золота скован» (146).

Обратим внимание на символы наиболее архаичные. Беовульф убивает дракона и захватывает его клад: там был «стяг златотканый // над россыпью золота // Солнцегорящий <. . .> // сиял» (160). В исландской «Младшей Эдде» повествуется: «Когда боги расселись по местам, Эгир приказал внести в палату светящееся золото, и оно как огонь . . .светило во время пира» [22]. В алтайском эпосе у чудесного коня Ак-Сары были светящиеся «золотые серьги», которые освещали его путь в «темном» подземном мире [23]. В золотом храме «сыновей Солнца» — королевской династии инков — сияла мужская фигура золотого Солнца с «лучами, с языками пламени», а жена его Луна красовалась «на толстом слитке серебра» [24]. Близкие символы наблюдаются в русских народных былинах. Когда богатырь Дунай Иванович вспорол кинжалом живот своей беременной жены Непры-королевичны, он увидел их чудесного младенца, у которого: «По колен-то ноженьки во серебри, // А по локоть-то рученьки во золоти // Назади просвичать будто светел месяц, // Впереди еще как там солнышко» [25].

В этих примерах объединяются все позитивные компоненты комплекса, отсутствует только негативный символ — «тьма». «Тьма» в широком смысле (затмение, буря, тучи, темное болото и др.) становится необходимой, когда герои (носители «света») сталкиваются с их врагами. Остановимся в этом плане на характеристиках героев и их врагов.

«Светлая» символика обычно бывает преобладающей, так как она относится к воспеваемым героям. Например, скальд Торгильс Рыбак пел норвежскому королю Харальду Суровому Правителю (зятю Ярослава Мудрого): «Слушай, светлый княже, // Слово скальда снова» (69). В «Повести временных лет» послы Олега Вещего заявили византийцам, что заключают мирный договор от имени великого князя «русского» и его «светлых» князей (под

---

[20] Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах. М., 1975. (Б-ка всемир. лит. Сер. 1.) Страницы указываются в тексте в скобках.

[21] Поэзия скальдов / Изд. подгот. С. В. Петров, М. И. Стеблин-Каменский. Л., 1979. (Лит. памятники.) Страницы указываются в тексте в скобках.

[22] Младшая Эдда / Изд. подгот. О. А. Смирницкая и М. И. Стеблин-Каменский. Л., 1970. С. 70. (Лит. памятники)

[23] *Баскаков Н. А.* Северные диалекты алтайского (ойротского) языка: Диалект черневых татар (туба-кижи). Тексты и переводы. М., 1965. С. 265—266.

[24] *Инка Гарсиласо де ла Вега.* История государства инков / Изд. подгот. Ю. В. Кнорозов, В. А. Кузьминцев. Л., 1974. С. 188. (Лит. памятники)

[25] *Гильфердинг А. Ф.* Онежские былины. 2-е изд. СПб., 1894. Т. 1. С. 352.

912 г.). В «Песни о Роланде» — «И горд и светел Карл». В ряде восточных эпосов создаются такие же оценки героев: в «Нартах» герой Бадыноко — «солнечный свет», в казахском эпосе герой Кобланды-батыр — «лучезарный» и т. п. В «Слове» эта оценка тавтологически усилена: Игорь — «свѣтъ свѣтлый». Ему угрожает «черный ворон, поганый половчине». Этот собирательный образ врага поэтически не менее выразителен, чем образ героя.

Появление в «Слове» символа «тьмы» («тьма», «черные тучи», «черный ворон») особенно показательно для его поэтики, так как в исторической действительности такого противопоставления русских и половцев не было. Сами герои «Слова», князья Ольговичи (Святослав и Ярослав Всеволодовичи, Игорь и Всеволод Святославичи и др.), были родственниками половецких ханов, их бабушкой была дочь хана Осулка (жена Олега Святославича). Родство это укрепилось женитьбой Владимира Игоревича на Кончаковне. Хан Кончак вовсе не притеснял пленных князей. Судя по летописи, он предоставил Игорю прекрасные условия жизни (Игорь охотился с ястребами, вызвал из Руси попа с «церковной службой» и т. п.). Но героическая эпика не терпела таких компромиссов феодальной реальности, так как она нуждалась в контрастах. «Черный ворон», птица «вещая», — вообще излюбленный образ героических песен. Например, после гибели Беовульфа его сторонники (гауты) ожидали нападения шведов-мстителей, и поэт прорицал: тогда «повстанут ратники, // но их разбудит не арфа в чертоге, // а черный ворон. . .» (172).

В состав таких характеристик героев и их врагов широко включались символизированные явления природы. Так, при нападении Игоря на половцев сначала он ехал «по чистому полю». Но, углубившись в Половецкую землю, его войско должно было продвигаться с трудом «по болотам и грязивымъ мѣстомъ». Эти препятствия казались такими значительными, что для преодоления их русичам будто бы пришлось пожертвовать дорогими одеждами и тканями, только что захваченными в половецком становище. Они стали «мосты мостити» покрывалами, плащами, кожухами и всякими нарядами половецкими. Перед нами, несомненно, эпический образ, положительно характеризующий героев. В реальных условиях захваченной одежды и тканей не могло бы хватить для устройства «моста» при переходе конного войска через одно болото. Кроме того, в половецких степях были достаточные возможности для военного маневра и обхода болот. Замена «чистого поля» половецкими «болотами» представляет собой эпическую поэтизацию событий, важную и для отрицательной характеристики врагов-половцев, которые были «дети бесовы» [26]. Примерно лет за 300 до Игоря и около 1000 км к северо-западу светлый Беовульф победил ужасного Гренделя, который был «темным духом» и жил

---

[26] Ср. в пословицах: «Было бы болото, а черти будут», «Навели на беса, как бес на болото» и многие другие. См.: *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955. Т. 1. С. 110, 158.

в «темном болоте». Лет на 300 после создания «Слова» и на несколько тысяч километров к юго-востоку тоже «внук» солнца (как и Игорь) носитель «света» хан Гесер победил страшного Шэрэм-Мината, который был «черным бесом» и жил в «черном болоте».

На общем фоне типологической близости героической поэзии разных народов (в пределах данного символического комплекса) ясно выступает национальная оригинальность «Слова». Первой, качественной особенностью поэтики «Слова» является более последовательная, чем в других памятниках, связь изучаемой символики с тем содержанием событий, которые автор воспроизводил. Символы в поэтике «Слова» не столько украшают повествование, сколько служат созданию у читателей определенных впечатлений об общем смысле происходящего.

Например, разбитый половцами Игорь как бы пересел из своего седла золотого в седло рабское — «высѣдѣ изъ сѣдла злата, а въ сѣдло кощиево». Поэт создает впечатление, что Игорь, попавший в плен, будто бы по своей воле переменил эти «седла», т. е. сам был виноват в неудаче похода. «Золотые седла» фигурируют в русских былинах, украинских и сербских песнях, более всего — в казахском эпосе о половцах «Кобланды-батыр», но там они остаются только символами престижа и красоты.

Автор «Слова» в отличие от многих эпических поэтов (кроме скальдов) воспевает события, недавно происшедшие. Поэтому он стремится сближать символы данного архаичного комплекса с другими символами, традиционными для идеализации героев. Когда воины Игоря ограбили первое половецкое становище, они действовали, как должно: «. . .помчаша красныя дѣвкы половецкыя, а с ними злато». Грабеж и захват девушек, особенно по отношению к «неверным», в те времена считался заслугой. Справедливый герой «Песни о моем Сиде» Сид Компеадор, напав на мавров, приказал своим рыцарям: «До самой Алькалы грабьте их без пощады», а когда он захватил Кастехан, «в добычу ему достались мавританки. . . с серебром и золотом» (133) [27].

Но в отличие от таких единичных эпизодов автор «Слова» последовательно проводит символ «золота» через ряд этапов повествования. Сначала Игорь захватил половецкое «золото». Потом, потерпев поражение, Игорь и его воины оказались виноватыми: певцы «кают» Игоря, «иже погрузи жиръ во днѣ Каяли рѣкы. . . рускаго злата насыпаша. . .». Вспомним сурового Хагена из немецкой «Песни о Нибелунгах», который опустил на дно Рейна захваченное некогда Зигфридом золото нибелунгов. Но автор «Слова», продолжая повествование, опять вспоминает о том же символе. Оказывается, золото уже не у Игоря и не на дне реки, а у готов-тетракситов (остатков остготов), христиан, которые жили в Крыму. В героических песнях золоту (как украшению)

---

[27] Ср.: «. . .совершим набег, среди пленных будут и девушки и молодухи» (Гёр-оглы: Туркмен. героич. эпос / Сост. Б. А. Каррыев. М., 1983. С. 719).

всегда радуются женщины. Сначала в «Слове», узнав о поражении, «жены русские» откровенно плакали о том, что теперь им и мужей своих не повидать, «а злата и сребра ни мало того потрепати». Теперь же это «золото» приносит радость, но уже не «женам русским» (и не «девкам половецким»). «. . .Готьскыя красныя дѣвы въспѣша на брезѣ синему морю: звоня рускымъ златомъ. . .». Они «лелѣютъ месть Шароканю». Поэт, несомненно, имел представление о крымских готах, которые говорили (и, разумеется, пели) на своем языке, он был засвидетельствован в этих местах в XV в.[28]

И в данном случае символика золота дает как бы намек на важные историко-генеалогические обстоятельства («. . .месть Шаруканову»). Ольговичи, безусловно, поняли этот намек. Хан Шарукан напал на южную Русь (1068 г.), но был разбит и взят в плен князем черниговским Святославом Ярославичем (прадедом Игоря). Пленив Игоря, хан Кончак (внук Шарукана) отомстил за своего деда. Причем оба эти пленения (1068, 1185 гг.) окончились для знатных пленников благополучно.

Автор стремился расширять символический кругозор своего повествования. Кроме поющих готских дев, он привлекает к событиям 1185 г. и других иностранцев, создавая как бы международный суд поэтов-певцов: немцев, венецианцев, греков и моровян, которые будто бы «поют славу Святъславлю, каютъ князя Игоря».

Объединяя разные традиционные символы в поэтические картины, автор «Слова» нередко достигает неповторимой красоты. Например, в силу придворно-генеалогических соображений поэт создает великолепную картину гибели на северо-западе Руси малоизвестного князя Изяслава Васильковича (этот князь никак не был связан с походом Игоря, но зато он был шурином великого князя Святослава Всеволодовича). Вот символическая основа этого эпизода: Изяслав «единъ же изрони жемчюжну душу изъ храбра тѣла чересъ злато ожерелие». Жемчуг, традиционный символ слез, сливается здесь с символом золота (княжеского украшения). В других эпосах упоминается только такая ценная реалия: у Беовульфа был «обруч шейный витого золота» (162). У туркменского героя Гёр-оглы была «кольчуга с золотым воротом»[29].

В мировых эпосах большое значение имеют «вещие сны» героев, позволяющие им предчувствовать будущее. По «Песни о Роланде», в Ахене Карл видит тревожный сон, предвещающий гибель его «племянника» Роланда. А в Киеве спал Святослав в «тереме златоверхом» («златоверхие» терема обычны в русских былинах; ср. в «Беовульфе» — «златосияющая кровля чер-

---

[28] Этот факт отметил итальянский путешественник И. Барбаро: «Готы говорят по-немецки. Я знаю это потому, что со мной был мой слуга — немец; они с ним говорили. . .» (Барбаро и Контарини о России: К истории италорусских связей в XV в. Л., 1971. С. 157, 181).

[29] Гёр-оглы: Туркмен. героич. эпос. С. 676, 678.

тога») (43). И вдруг ему приснилось, что он умер, а тело его готовят для похорон. Сна, разумеется, не было, так как Святослав узнал о поражении Игоря, будучи в Чернигове. Но поэту необходим был и «сон», и его толкование.

«Бояре» Святослава объясняют значение «сна» при помощи комплекса символов. «. . .Два сокола слѣтѣста съ отня стола злата. . .», но их «поганые» (язычники-половцы) «опуташа въ путины желѣзны». Пока что речь идет о пленении героев (Игоря и Всеволода). Но поэту этого недостаточно, так как с самого начала солнце «тьмою» предвещало их гибель. Во многих памятниках смерть героя означалась заходом солнца. Так, оплакивая Александра Македонского, его вдова Роксана причитала: «. . .Сам яко солнце, с солнцем. . . зашел еси» [30]. Поэтому и в «Слове» «два сокола» превращаются в другие (солнечные) символы, позволявшие поэту изобразить не только их пленение, но и гибель. «Два солнца померкоста, оба багряная стлъпа погасоста, и съ нима молодая мѣсяца, Олегъ и Святъславъ (видимо, младшие сыновья Игоря, в походе не участвовавшие. — *А. Р.*), тъмою ся поволокоста и въ морѣ погрузиста. . . На рѣцѣ на Каялѣ тьма свѣтъ покрыла». Покинувшие «золотой» престол герои — два солнца, два огненных столпа, с добавлением лунной символики — два месяца, все они гибнут. «Тьма» становится абсолютной. Герои поглощены морем — традиционным символом смерти. Вспомним картину мировой катастрофы из «Эдды», а именно из «Прорицания вёльвы»: «Солнце померкло, земля тонет в море. . .» (189).

Итак, две символические картины («мутный сон» Святослава и толкование сна боярами) гармонически завершены. Святослав будто бы увидел во сне свою смерть и похоронный обряд, а проснувшись, узнал от бояр о трагической гибели своих любимых «племянников» (по феодальной терминологии, в действительности — двоюродных братьев). Тогда Святослав «изрони злато слово, с слезами смешѣно». Он упрекал Игоря и Всеволода за то, что они рано начали себе «славы искать», хотя и обладали мужественными сердцами, но «нечестно бо кровь поганую пролиясте. . . Се ли створисте моей сребреней сѣдинѣ?». Такие сетования феодала-патриарха, олицетворявшего государственную мудрость, очень характерны. В песнях о Гесере его дядя старый, «белоголовый» князь Саргал тоже упрекает молодых богатырей: «Только славы своей им хотелось. . . // На свою уповали смелость, // И не поняли силы врага» [31]. Узнав о гибели Роланда, «рыдая, Карл рвет бороду седую» (104). Когда конунг Хротгар прощался с Беовульфом, «сбежала слеза // по щеке седовласого. . . // не смог он сдержать // в сердце бурю слез» (117).

Создавая «мутный сон» и его толкование, как и многие другие символические картины, автор «Слова» следовал законам эпиче-

---

[30] Александрия / Изд. подгот. М. Н. Ботвинник, Я. С. Лурье и О. В. Творогов. М.; Л., 1965. С. 71. (Лит. памятники.)

[31] Гесер: Бурятский героический эпос. М., 1973. С. 327.

ской фантазии даже в тех случаях, когда она вступала в противоречие с действительностью. Именно такая гениальная фантазия создала вечное обаяние «Слова», как и других шедевров средневековья. Автор «Песни о Роланде» писал, например, о Карле Великом: «Он стар и сед — ему за двести лет» (25); хотя в действительности во время изображаемой битвы в Ронсевальской долине Карлу было 36 лет. Такое противоречие нисколько не смущало ни создателей, ни читателей (или слушателей) героических песен. Такая же фантазия отличает русские былины, а также все азиатские эпические памятники. Феодалы — современники «Слова» (и прежде всего князья Ольговичи — участники похода) прекрасно знали, что никто из них не погиб, а гибель войска в средние века вовсе не воспринималась трагически.

По всему этому, когда мрачные символы «Слова» сгустились до предела, автор его, по-видимому, почувствовал, что пора дать отдых себе и слушателям, вернуться к «веселию», свойственному феодалам всех стран, — к пиру, который, помимо прямого назначения, был обычным местом исполнения героических песен. Вот в этот момент, по словам поэта, бояре (к которым, видимо, он сам принадлежал) перестали устрашать Святослава и бодро воскликнули: «А мы уже, дружина, жадни веселия!» [32]. Поэтому в конце повествования буйное веселье (в честь Игоря — «буего Святъславлича» и других) приобретает (как ранее — печаль) тоже международные масштабы: «Дѣвици поютъ на Дунаи — вьются голоси чрезъ море до Киева. . . Страны ради, гради весели». Солнце уже не угрожает «тьмою», оно «свѣтится», и «море» есть, но князья в него не погружаются. Напротив, они прославляются: «Слава Игорю. . .» и т. д. Погибших воинов жены их уже оплакали, а Святослав (в «мутном сне» и в «златом слове») и его бояре о них не вспоминают. Поэт прославляет князей и дружину, как будто бы и не было неудачного похода: «Здрави князи и дружина!». Это тоже свидетельствует о ближайшем отношении поэта к князьям Ольговичам, которым, несомненно, именно такой оптимистический конец «Слова» был весьма приятен.

Эти явления весьма характерны. Так, например, когда битвы миновали, конунг Хротгар сказал Беовульфу: «Время! сядем за пир! // Винопитием // усладись, герой. . .», «. . .И приближенный, любимец конунга // . . . сохранитель преданий // стародавних лет, // он, по-своему // сопрягая слова, // начал речь — // восхваление Беовульфа; // сочетая созвучья // в искусный лад, // он вплетал в песнопение // повесть новую. . . // поведывал быль. . .» (70). Героическая эпика знает множество изображений феодальных пиров и выступлений на них поэтов-певцов, славящих героев. Это описание, взятое из «Беовульфа», особенно показательно для характеристики речи-песни поэта-певца, сочетав-

[32] Жаден — Жадьнъ ⟨. . .⟩ 2. Перен. Испытывающий потребность, нужду в чем-л.; сильно желающий чего-л.: «. . . А мы уже дружина жадни веселия» (Словарь-справочник «Слова о полку Игореве» / Сост. В. Л. Виноградова. Л., 1967. Вып. 2. С. 67).

шего старые предания с новой былью. Автор «Слова» с самого начала предполагал повествовать «по былинам сего времени, а не по замышлению Бояню», но затем, не раз обращаясь к преданиям старины (эпохе «дедов» — Олега Святославича, Всеслава Брячиславича и др.), вплетал в свое творчество речения Бояна Вещего.

Обратимся теперь ко второй особенности поэтики «Слова», имеющей количественное значение. Эта особенность проявляется в исключительной насыщенности небольшого текста данными символами, которые в других произведениях героической эпики не достигают такой концентрации и обычно встречаются реже на протяжении более обширных произведений. «Золото, золотой» (как существительное и прилагательное) названо в «Слове» 22 раза (что превышает все другие объекты), «свет» — 13, «тьма» — 6. Огонь фигурирует дважды, но только в образных формах («оба багряная стлъпа погасоста», «трепещуть синии млънии»). Количественное превосходство «света» над «тьмою» способствует созданию в целом оптимистического тона повествования, преобладающего над тоном печальным. Образ «света» на протяжении произведения претерпевает характерное изменение. «Свет» исходит от «светлого солнца», которое, однако, сначала действует «тьмою». Постепенно «свет» покидает Игоря и других князей до полного исчезновения («тьма свѣт покрыла»). Но затем «свет» возвращается к Игорю, возвещая радость («соловьи веселыми пѣсньми свѣтъ повѣдаютъ»), и в заключение «солнце свѣтится на небесѣ. . .»

Главенствующий символ — «солнце» — назван 7 раз, также 7 раз фигурирует имя Бояна. Сам автор «Слова» указал на семерку, имевшую символическое значение: «На седьмомъ вѣцѣ Трояни връже Всеславъ жребий. . .» Семерка, как известно, во всем мире считалась магическим числом. Она постоянно встречается в героических эпосах, иногда даже сочетаясь с элементами символического комплекса. Так, у эпического хана Джангара было удивительное светящееся знамя: «Семь ослепительных солнц затмевало оно» (109). В «Песни о Роланде» знаменосец Карла нес «орифламму» (aurea flamma — золотое пламя). Действительно, орифламма как государственное знамя Франции было учреждено с XI в. ко времени сложения «Песни о Роланде».

Феноменальную насыщенность «Слова» символами «солнца — золота — огня—света—тьмы», как и органические их связи с другими традиционными символами (сокол, жемчуг, море и т. п.) и, главное, с самим содержанием произведения, следует объяснить хронологической зависимостью судьбы Игоря и некоторых его предков от солнечных затмений, на что обратили внимание и летописцы, и поэт, и, очевидно, другие их современники.

Рассмотренный выше символический комплекс в целом отражал «небесные» средневеково-космологические представления. Теперь следует обратиться к другому символическому комплексу, основанному на «земных» представлениях, а именно на образном

уподоблении военных действий крестьянскому труду. Этот символический комплекс, как и предшествующий, необходим для понимания поэтики «Слова» в аспекте литературно-исторической типологии, так как он тоже имел широкое международное распространение. Назовем его условно «битва-жатва».

Символика битвы как земледельческого труда слагается в основном из двух этапов: посева и жатвы. Эти действия в ряде случаев подразделяются на пахоту и посев, жатву хлебных злаков, покос (колосьев, травы, рубка бамбука и т. п.), уборку снопов, молотьбу, веяние (очистку зерна от мякины), помол муки. Сопоставление битвы с жатвой основывается на представлении о насильственной смерти в одном случае людей (воинов), в другом — растений (злаков, травы). В героической поэзии нередко встречается образ «нивы» (засеянного поля) как поля боя.

Поэтические средства такого рода позволяют давать весьма выразительные характеристики отдельным героям или их войскам в целом. На такой основе в «Слове» создается прежде всего изображение воинственного Олега Святославича (деда героев «Слова»). Поэт говорит: «Тъй бо Олегъ мечемъ крамолу коваше и стрелы по земли сѣяше». Олег выступает как некий труженик: он кует, но мечом, он сеет, но стрелами. И далее: «Тогда, при Олзѣ Гориславличи, сеяшется и растяшеть усобицами, погибашеть жизнь Даждьбожа внука. . .», т. е. «посев» Олега «прорастал» междоусобными войнами. Так было в далеком прошлом (битвы 1078, 1094 гг.) при деде героев «Слова». Но так же оказывается и при них самих — внуках: «Чръна земля подъ копыты костьми была посѣяна, а кровью польяна: тугою (печалью. — *А. Р.*) взыдоша по Руской земли». Упомянутая здесь деталь — земля посеяна костями «под копыты» — давала понять сведущим слушателям о победе половцев, так как их конница победила Игоревы войска, сражавшиеся в пешем строю. По Ипатьевской летописи, русские «. . . вси сосѣдоша с конѣи, и поидоша бьющеся. . .» (1185 г.). Метафора строится так, что она переводит явление материальное в явление духовное: посеянные кости взошли печалью.

Уподобление в «Слове» битвы посеву близко к тому, что наблюдается в великорусской песне: «Не черным то зачернелось, // Зачернелось турецкое чисто поле, // Не плугами поле, не сохами пораспахано, // А распахано поле конскими копытами, // Засеяно поле не всхожими семенами, // Засеяно казачьими головами. . .» [33]. И в украинской песне: «Чорна поля заорана, // Кулями засіяна, // Білим тілом заволочена, // І кровъю сполощена» [34]. Подобного рода примеры известны у восточных славян только в поздних фольклорных записях.

---

[33] Песни, собранные П. В. Киреевским. М., 1872. Вып. IX. С. 220.

[34] *Максимович М.* Украинские народные песни. М., 1834. Ч. 1—2. С. 154. См. также: *Гудзий Н. К.* История древней русской литературы. 7-е изд. М., 1966. С. 143; Словарь-справочник «Слова о полку Игореве» / Сост. В. Л. Виноградова. Вып. 2. С. 206—207.

Но вот примеры из памятников европейской литературы, близкой по времени ее создания к «Слову». В сказании о Гильоме Оранжском (Гаагский фрагмент, написан по-латыни между 980 и 1030 гг.): «Герцог горделиво восседает на коне <. . .> с мечом <. . .> и сеет смерть здесь и там», «сверху (крепости. — *А. Р.*) летят острые колья и сеют раны, а тяжелый жернов давит наступающих воинов, сминая их оружие» [35]. Представление о битве как помоле зерна очень архаично. Оно встречается, например в знаменитой ирландской саге «Похищение быка из Куальнге» (восходящей к VII—VIII вв., древнейшая рукопись «Книга Бурой Коровы», ок. 1100 г.), где герой Кухулин говорит Фергусу перед поединком: «Я перемолю тебя, как мельница мелет доброе зерно» [36].

В предренессансной грузинской поэме Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре» (конец XII в.), где изображаются фантастические перипетии вымышленных аристократов (арабских, индийских и др.), применяются близкие символы: «Смертный плуг мне ниву пашет», «сева смерти жатва собрана» [37].

В немецкой поэме «Кудруна» (первая треть XIII в.): «И юный воин Морунг им много зла содеял, // Всю землю перед замком телами убитых усеял». И далее: «Там Ортвин, Морунг пашню костями засевали, // . . . Покрыли оба славой себя на поле бранном» [38].

Символ «жатвы», связанной со «славой», встречается в раннем средневековье. Так, в песне «Выкуп головы» великий исландский скальд Эгиль Скаллагримссон воспел норвежского конунга Эрика Кровавая Секира (в 948 г.): «Лес в ливне стрел // Железный рдел, // Эрик нивы жал, // Славу пожал. . . // Серп жатвы сеч // Сек вежи с плеч. . .» [39].

Автор «Слова» создает наиболее сложный символ «битвы-жатвы» при изображении воинственного полоцкого князя Всеслава (Брячиславича). «На Немизѣ снопы стелютъ головами, молотят чепи харалужными, на тоцѣ животъ кладутъ, вѣютъ душу от тѣла. Нѣмизе кровави брезѣ не бологомъ бяхуть посѣяны, посѣяны костьми рускихъ сыновъ». Деталь — «костьми рускихъ сыновъ» — для сведущих слушателей имела определенное значение, так как эта битва была междоусобной, т. е. русские погибали с обеих враждующих сторон. В целом развернутая картина строится как бы в обратном порядке: сначала «жатва» и «молотьба», а затем «посев» — «костьми рускихъ сыновъ». Вторая фраза представляет собой отрицательный параллелизм («не . . .

---

35 Песни о Гильоме Оранжском. С. 463, 465.

36 Похищение быка из Куальнге / Изд. подгот. Т. А. Михайлова, С. В. Шкунаев. М., 1985. С. 322. (Лит. памятники.)

37 *Руставели Шота*. Витязь в тигровой шкуре / Пер. с груз. К. Д. Бальмонта. М., 1937.

38 Кудруна / Изд. подгот. Р. В. Френкель. М., 1983. С. 149, 241. (Лит. памятники.)

39 Поэзия скальдов. С. 12. См.: Исландские саги / Ред., вступ. ст. и примеч. М. И. Стеблина-Каменского. М., 1956. С. 178—191.

посѣяны, посѣяны костьми. . .»), типичный для фольклора. При описании битвы Игоря, приведенном выше, земля была «кровью польяна». Теперь поэт создает более значительный образ — у реки Немиги «кровави брезѣ». Символика первой фразы оригинально строится на обратной метафоре: «снопы стелютъ головами» (а не головы стелят снопами), что корреспондирует с другой метафорой поэта: «итти дождю стрѣлами». Такое сложное построение метафор сильно отличается от фольклорных и литературных сравнений (обычная летописная формула: стрелы идут, «аки дождь»). Однако и при таком обратном строе метафоры (со «снопами») последовательность действий строго выдерживается: сначала «стелют» снопы, потом молотят на току (но цепами не деревянными, а «харалужными») и, наконец, занимаются веянием (отделяют зерно от мякины, т. е. «душу от тѣла»). На последнем компоненте символа (отделении «души» как итоге «битвы-жатвы») мы остановимся ниже.

Необходимо отметить, что вся картина события на Немиге, созданная поэтом, совершенно фантастична. Поэт не интересовался реальными обстоятельствами сражения, он создавал его обобщенный великолепный символ. Что же касается реальности, то она, несомненно, была известна и поэту, и первым его слушателям, но неизвестна будущим читателям.

Реальность была такой: в 1067 г., как говорит летописец, «заратися Всеслав, сынъ Брячиславль, Полочьскѣ, и зая Новъгородъ» («Повесть временных лет»). По «Слову», этот полоцкий князь, считавшийся волхвом-оборотнем, «. . .отвори врата Новуграду, расшибе славу Ярославу (Владимировичу. — *А. Р.*), скачи влъкомъ до Немиги. . .». Крупнейший и богатейший (после Киева) Новгород Великий был северным оплотом Руси, важным пунктом знаменитого военного и торгового пути из «варяг в греки. . . и из грек». Ярослав Мудрый создал в Новгороде первый русский свод законов (свою «Правду русскую»). Он неоднократно опирался на идущих на юг через Новгород варягов и на новгородцев в войнах с братьями Святополком и Мстиславом за киевский престол. Эти времена миновали (Ярослав в последний раз призвал варягов для битвы с печенегами под Киевом в 1036 г.), но торговое и военное значение Новгорода оставалось. Поэтому трое сыновей Ярослава — великий князь киевский Изяслав (гибель его в битве на Нежатиной ниве, 1078 г., иносказательно отмечена в «Слове»), князья Святослав (прадед героев «Слова») и Всеволод (оба они в других контекстах названы в «Слове») выступили против Всеслава. Трое Ярославичей, как говорит летописец, «идоша на Всеслава, зимѣ суще велицѣ ‹. . .› Си же братья взяша Мѣнескъ (первое упоминание г. Минска. — *А. Р.*), и исѣкоша муж, а жены и дѣти вдаша на щиты (отдали своим воинам в рабство. — *А. Р.*) и поидоша к Немизѣ ‹. . .› мѣсяца марта в 3 день; и бяше снѣгъ великъ ‹. . .› И бысть сѣча зла, и мнози падоша, и одолеша Изяславъ, Святославъ, Всеволодъ, Всеславъ же бежа» («Повесть временных лет», 1067 г.). Эти обстоятельства

битвы на Немиге, очевидно, были известны и всем князьям Ольговичам и Марии Васильковне (жене Святослава Всеволодовича, ее прадедом был Всеслав), и другим феодалам, и автору «Слова» из родовых преданий и из летописей (Ипатьевская летопись, включавшая в себя Киевский летописный свод, передает их точно так же, как и Лаврентьевская летопись). Итак, князья — предводители обеих сторон были известны. Из контекста «Слова», однако, можно только понять, что в битве участвовал один Всеслав (так как он «волком» скакнул до Немиги). Но трое Ярославичей не названы. Может быть, автору не хотелось напоминать о том, что в их числе был Святослав Ярославич — прадед Игоря и всех Ольговичей — героев «Слова». Так или иначе, читателям, далеким от данной феодальной среды, было вообще непонятно, когда и как происходила битва на Немиге, кто в ней участвовал и кто стал победителем.

В день битвы стояла «зима великая», был «снег великий». Но и это для поэта не имело значения. Ему нужен был определенный символ: жатва, уборка снопов, молотьба, что, разумеется, если говорить о действительности, могло бы происходить не зимой, а в погожие дни конца лета. Из всего этого можно заключить, что, по всей вероятности, ближайшие к автору его слушатели (князья Ольговичи и др.), имевшие достаточные сведения о битве на Немиге, нисколько не упрекали автора в утрате достоверности повествования, так как они ясно отличали поэзию от действительности.

Подтверждением такой ситуации может служить летописное изображение другой, еще более крупной русско-русской битвы у реки Липецы (1216 г.), когда войска старшего из трех братьев (сыновей Всеволода Юрьевича, которого автор «Слова» тщетно призывал в Киев), Константина Всеволодовича, с его союзниками победили войска двух его братьев — Юрия и Ярослава (отца Александра Невского). Тогда победители, по словам летописца, «акы на ниве класы пожинаху», истребляя побежденных. И в этом случае символ «битвы-жатвы» оказался необходимым, несмотря на то, что битва эта происходила 21 апреля и, как отметил летописец, накануне сражения «бяше бо того дни буря и студено вельми» [40].

Образы «нивы», «снопов», «колосьев», пожинаемых в битвах, принадлежали к древней литературной традиции. Так, в былине пелось о победе Ильи Муромца над Соловьем-разбойником: «И пал Соловей да как овсяный сноп» [41]. При взятии польского города Сандомира монгольским темником-богатырем Бурундаем горожане стремились спрятаться в детинце (донжоне), но «мостъ бяше узокъ воротом, и <. . .> падаху с моста в ровъ, акы снопове» (Ипатьевская летопись, 1261 г.). В русском переводе с греческого «Истории иудейской войны» Иосифа Флавия при описании

[40] Памятники литературы Древней Руси. XIII век. М., 1981. С. 120, 122.
[41] *Астахова А. М.* Былины Севера. М.; Л., 1938. Т. 1. № 28.

штурма города римскими войсками сказано: . . .«падающа жиды, акы снопы, со забрал» [42]. В «Житии Михаила Тверского»: «И бысть видети безчисленное множество ратных, падающих язвени, аки снопы в жатву на ниве» [43].

Особенно интересно, что эта «земледельческая» традиция изображения войны встречается в эпических памятниках и тех народов, в данном случае среднеазиатских, которые преимущественно занимались не земледелием, а скотоводством. Например, в казахском эпосе о половцах «Кобланды-батыр» герой и его товарищи победили врагов (калмыков): «Подмяли их, как снопы» [44] (344). В туркменских песнях о Гёр-оглы рассказывается о том, как Овез-хан и его игиды (джигиты) победили могучего и злого Араб-хана: «. . . и они били по голове Араба, как женщины молотят снопы» [45]. В среднеазиатских песнях об освободителе народа хане Гесере погибшие воины лежат, как «скошенные колосья» [46].

В европейской героической поэзии и отчасти в прозе наблюдается близкая картина: посеченная «нива», сжатые «колосья» и т. п. Например, в былине: «А й как народу тут прибито приранено. . . // Будто в лисях как нива присечена» [47]. В поэме «Кудруна»: «Цвет рыцарства, сраженный, полег, как сжатый колос, // Узнали это жены, от горя заплакали в голос» (122).

Гальфрид Монмутский (XII в.), последний представитель кельтской традиции в Англии, писавший на латинском языке, привлек близкий образ при описании битвы за британский престол между принцами-братьями Белином и Бренитом: «В рядах нападающих раненые валились, точно хлеба под серпами жнецов» [48].

Выдающийся английский писатель Джон Мильтон в поэме «Потерянный рай» (1667 г.) перенес эту символику в небесные сферы. Архангел Гавриил будто бы воевал с Сатаной. Отряд ангелов «фалангой серповидною теснил // Врага. . . // Точь-в-точь— созревшая для жатвы нива // Цицерина, густой остистый лес // Колосьев наклоняет до земли; // Куда их ветер гнет; глядит на

---

[42] *Мещерский Н. А.* История иудейской войны Иосифа Флавия в древнерусском переводе. М.; Л., 1958. С. 304, 360.

[43] Цит. по кн.: *Барсов Е. В.* «Слово о полку Игореве» как художественный памятник Киевской дружинной Руси. М., 1887. Т. I. С. 434. В русской литературе XIX в. встречаются сравнения со «снопом», но в бытовых ситуациях: «Всплеснула руками Катерина и повалилась, как сноп, на мертвое тело» (*Гоголь Н. В.* Страшная месть // Соч. / Под ред. Н. С. Тихонравова. СПб., 1894. Т. II. С. 184); «. . . у него дрогнуло лицо, и он снопом повалился матери в ноги . . .» (*Мамин-Сибиряк Д. Н.* Золото//Собр. соч. М., 1958. Т. 8 С. 199).

[44] Кобланды-батыр: Казах. героич. эпос. С. 344.

[45] Гёр-оглы: Туркмен. героич. эпос. С. 592.

[46] Гесериада: Сказание о милостивом Гесер-Морген-хане, искоренителе десяти зол в десяти странах света / Пер., вступ. ст. и коммент. С. А. Козина. М.; Л., 1935. С. 168.

[47] Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 г. 2-е изд. СПб., 1900. Т. III. С. 66.

[48] *Гальфрид Монмутский*. История бриттов. Жизнь Мерлина / Изд. подготовили А. С. Бобович, А. Д. Михайлов, С. А. Ошеров. М., 1984. С. 29. (Лит. памятники.)

них // Крестьянин озабоченный, страшась, // Чтоб урожай желанный не принес // Ему одну мякину» [49]. Эта поэтическая ситуация несколько напоминает «Слово», в котором «ратаи» (пахари) тоже не принимают участия в «битве-жатве», а являются ее жертвами. Когда при Олеге Гориславиче «сѣяшется и растяшеть усобицами <. . .> Тогда по Руской земли рѣтко ратаеве кикахуть. . .» (покрикивали).

В ряде эпических произведений битва представляется также в образах покоса травы или иных растений (рубки бамбука, ботвы). Так, в былине о русских богатырях поется: «Вышли они на темну орду, // Силушки стали бить, как трава косить» [50]. В русской обработке греческого эпоса о Дигенисе Акрите («Девгениево деяние») византийский герой Девгений «. . .вынявъ меч противо вои. И посичи, яко добры жнец траву сечет. . .», «И нача вои <. . .> сещи, яко добры косец траву косити. . .» [51]. В молдавском народном эпосе: «А Некульче, как добрался. . . // Турок лютых всех // Как траву посек» [52]. В стилизованном под средневековье латышском героическом эпосе «Лачплесисе» о герое сказано: «. . .как ботву, он рубит // Иноземных рыцарей» [53]. В китайском «Троецарствии» Ло Гуаньджуна (XIV в.) при описании сражений используются аналогичные по семантике сопоставления: «Цао Цао со своим победоносным войском несколько ночей подряд, круша врагов, врывался в город, словно рубил бамбук»; или: «Хуан Гай живьем захватил Ван Чэна, словно срубил бамбук». Это сравнение встречается уже в составленной в VII в. официальной «Истории династии Цинь» [54].

Образ покоса был древним и в Европе. Так, в древнеанглийской поэзии («Битва при Брунанбурге», X в.) при описании победы англичан (из Уэссекса) над викингами и шотландцами говорилось: «. . .сколько северных мужей // положили копейщики <. . .> // и так же скоттов косили уэссекцы. . .» [55].

Упомянутый выше образ отделения «души» от «тела», представленный в «Слове» («вѣютъ душу отъ тѣла»), в составе комплекса «битва-жатва» нам не встретился. Однако и он иногда фигурирует в других контекстах при описании сражений. Например, в «Похищении быка из Куальнге»: герой Кухулин метнул дротик в барда

---

[49] *Мильтон Д.* Потерянный рай: Стихотворения. Самсон-борец. М., 1976. С. 138. (Б-ка всемир. лит. Сер. 1.)

[50] Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. 2-е изд. М., 1909. Т. I. С. 58. Подробнее см.: *Робинсон А. Н.* К вопросу о народно-поэтических истоках стиля «воинских» повестей Древней Руси // Основные проблемы эпоса восточных славян. М., 1958. С. 131—157.

[51] *Кузьмина В. Д.* «Девгениево деяние». М., 1962. С. 156, 183.

[52] Героический эпос народов СССР. М., 1975. Т. 2. С. 254. (Б-ка всемир. лит. Сер. 1.)

[53] Лачплесис // Там же. Т. 2. С. 301.

[54] См.: *Рифтин Б. Л.* Проблема стиля китайского книжного эпоса // Памятники книжного эпоса: Стиль и типологические особенности. М., 1978. С. 184.

[55] Древнеанглийская поэзия / Изд. подгот. О. А. Смирницкая, В. Г. Тихомиров. М., 1982. С. 134. (Лит. памятники.)

Редга и «. . . у барда с душой простилось его тело» (с. 202). В сказании о Гильоме Оранжском (по Гаагскому фрагменту) о гибели одного из героев говорится с прозрачным намеком на перемещение его «души»: «И вскоре упрямая обитательница его тела вынута сквозь защиту щита и тройной кольчуги. Он склоняет голову, падает. . .» (465).

Никто из князей — участников похода 1185 г. не погиб, но автора «Слова» привлекал мотив смерти, и именно в виде удаления «души» от «тела». Названный только в «Слове» (по летописям неизвестный) мелкий князь Изяслав Василькович (шурин Святослава Всеволодовича) погиб в каком-то бою с литовцами, и поэт создает совершенно оригинальный образ: «. . .единъ же изрони жемчюжну душу изъ храбра тѣла чресъ злато ожерелие». О прадеде этого Изяслава князе полоцком Всеславе поэт говорит: «Аще и вѣща душа въ дръзѣ тѣлѣ, нъ часто бѣды страдаше». Далее, по словам поэта, сам «вещей Боянъ» сказал Всеславу, что тому «суда божиа не минути» (т. е. смерти не миновать). Во всех трех употреблениях в «Слове» (включая компонент изображения битвы — «вѣютъ душу отъ тѣла»), во-первых, представления автора о «душе» (начале нетленном, вечном) и о «теле» (плоти как временном вместилище «души») противопоставлены. Во-вторых, везде представления эти связаны со смертью (как «судом божьим»). «Душа», по взглядам средневекового человека, должна была предстать перед «судом» бога. Поэтому и о гибели Бориса Вячеславича (двоюродного брата и союзника Олега Святославича) в битве с родичами на Нежатиной Ниве (1078 г.) говорится: Бориса «слава на судъ приведе».

Этот заключительный компонент картины «битвы-жатвы» на Немиге («вѣютъ душу отъ тѣла») свидетельствует об определенных христианских представлениях автора «Слова». Именно такие представления о смерти имеют самостоятельную литературную традицию.

В европейских средневековых литературах были распространены рассказы о «Плясках смерти» (например, Totentänze — в немецкой и Danses macabres — во французской), существовали также своеобразные диалоги со смертью. В этой литературе смерть выступает в виде неумолимого «жнеца». Так, в польской литературе распространился диалог «Разговор Магистра со Смертью» (XIV—XV вв.), в котором, в частности, Смерть говорит: «Полководцев и царей, // Без числа косой своей // До сих пор я покосила. . .»[56]. Такого рода «беседы» в конечном счете выражали средневековые представления о равенстве всех людей перед смертью, как и перед богом.

---

[56] Хрестоматия по зарубежной литературе: Литература средних веков / Сост. Б. И. Пуришев, Р. О. Шор. М., 1953. С. 651. Ср. этот образ в новой литературе: «. . .о благодетельная сила вековой аллегории — Смерть явилась передо мной в картинно нестрашном виде: скелетом, танцующим с длинной косой в руках . . .» (*Грин А. С.* Алые паруса // Избр. соч. Барнаул, 1958. С. 51).

Никакой непосредственной зависимости между «Словом» и другими памятниками героической поэзии, с одной стороны, и сказаниями о Смерти — с другой, разумеется, нет. Однако рассмотренный выше символ жатвы (покоса и т. п.) как гибели на поле боя, в том числе и образ отделения «души» от «тела», находит свое раскрытие в средневековых представлениях о соотношении между жизнью и смертью вообще.

В русскую литературу (через посредство литературы польской) входит и получает определенную обработку «Прение Живота со Смертью» (XVI в.) [57]. Интересно отметить, что в этой повести-диалоге человек изображен как воин, сначала он самоуверен, даже дерзок. Человек «с оружием стоя и противляяся дръзостне», «не поминая Смерти, ни суда будущаго» (141). Типологически этот персонаж может быть сопоставлен с уже упомянутым образом Всеслава в «Слове»: у него была «вѣща душа въ дръзѣ тѣлѣ», но, как сказал Боян, и ему «суда божия не минути». В «Прении» сближаются тема войны и тема смерти. Храбрый воин заявляет о превосходстве своего оружия (меча) над крестьянским орудием Смерти (косы). Воин говорит: «. . .аз на многих бранех бых и многих побих <. . .> И ныне прииде ко мне с своею с кривою косою, а аз предстану с мечем моим» (145). Но выясняется, что профессия воина и оружие его не имеют никакого значения, они бессильны перед косой, так как Смерть косит всех людей одинаково. Воин замолкает и вместо него диалог продолжает сама Жизнь («Живот»), которая как бы с удивлением спрашивает Смерть: «И что же сие кривое орудие, иже ты влечеши, акы по росе сено сечи? Смерть рече: <. . .> всех пожинаю равно <. . .> кошу аз всех» (141, 143). Наконец Жизнь должна признать невозможность сопротивления Смерти. И только тогда человек вспоминает о «душе»: «Се уже виде душа моя и устрашися вельми <. . .> и отторже ми душу от тела» (146).

Итак, храбрый воин не думает о «суде» будущем, надеясь на свой меч. Но «жатва» все равно осуществляется при помощи смертоносной косы, и «душа» отделяется от «тела», чтобы предстать перед «судом» божьим. Смерть успешно действует (по-крестьянски), она «жнет» и «косит» либо «косой», либо «серпом». Эти действия Смерти всегда уподобляются крестьянскому труду и никогда не противопоставляются ему.

Символ «битва-жатва» является частным случаем средневековых представлений о смерти. Сражение, сопряженное с гибелью многих воинов одновременно и на ограниченном пространстве (на «ниве»), изображалось поэтами в духе общего понимания конца жизни, происходящего в результате смертоносного «посева» или «жатвы».

Однако поэтические образы, обусловленные этими представлениями, оказывались неодинаковыми по своей идейной глубине

---

[57] Повести о споре Жизни и Смерти / Исслед. и подгот. текстов Р. П. Дмитриевой. М.; Л., 1964. Страницы указаны в скобках в тексте.

и сложности построения. Простейшее и весьма распространенное выражение этой символики осуществлялось при помощи изображения «покоса»: одни воины «косят» других (как колосья, траву и т. п.). Следующий этап, усложняющий эту символику, состоял в том, что тела падающих воинов — это уже не «колосья», а подготовленные для дальнейшей обработки «снопы» и т. п.

В этом плане символика «Слова» достигла наибольшего совершенства и оригинальности. В ней, как отмечалось выше, наблюдается постепенное развертывание символики «битвы-жатвы», начиная от «пахоты» и «посевов» (стрелами, костьми), продолжая печальными «всходами» («тугою») и, наконец, завершаясь общей картиной битвы (на Немиге) со сложной метафоричностью. Ни в одном из героических эпосов нам не встретилось такой насыщенной и последовательной картины «битвы-жатвы», как в «Слове», где итоги битвы постепенно проходят через действия со «снопами» — «головами» (их «стелютъ», потом «молотят»), «на тоцѣ животъ кладутъ» (т. е. лишают жизни) и в итоге «вѣют душу отъ тѣла» (для грядущего «суда» над нею). В данном случае для поэта неважно, кто именно из князей оказался победителем в этом сражении (1067 г.), а важно то, что в результате действий обеих враждующих сторон берега реки оказались «засеяны» костями воинов одной крови — «рускихъ сыновъ». Такой «посев» предвещал новые печальные «всходы», т. е. междоусобные войны, против которых так страстно и так безуспешно протестовал автор «Слова о полку Игореве».

Сопоставительно-типологический анализ символики «битвы-жатвы» показывает, что и в этом плане древнерусское «Слово о полку Игореве» создавалось на мировых путях развития героической поэзии.

Весьма показательно, что символический комплекс «битва-жатва» в разных своих компонентах перешел в литературу (чаще в поэзию, реже — в прозу) Нового времени либо как самостоятельное средство авторского самовыражения, либо как средство намеренной стилизации.

Первое из этих положений можно наблюдать, например, у А. С. Пушкина: «Ты пал, и хладною косою // Едва скошенный, не увял!» («К Батюшкову»). «В поля, где мчится бурный бой, // Где меч главы героев косит. . .» («Вадим»), «Как пахарь, битва отдыхает» («Полтава»). «Царица грозная, Чума, // Теперь идет на нас сама // И льстится жатвою богатой. . .» («Пир во время чумы»). У М. Ю. Лермонтова: «То битва семя смерти сеет. . .» («Баллада»). У А. И. Полежаева: «Вокруг него, на поле брани // Чернеет дыму полоса, // И смерти алчная коса сбирает горестные дани» («Чир-Юрт»). У Н. М. Языкова: «Меня твое благоволенье // Предаст в другое поколенье, // И сталь плешивого косца, // Всему ужасная, не скосит // Тобой хранимого венца» («А. С. Пушкину»). У П. А. Вяземского: «Смерть жатву жизни косит, косит» («Старшее поколение»). У М. Горького Девушка говорит Смерти:

«Острою косою не звени»; «Ходят неразлучно до сего дня, // За Любовью Смерть с косою острой» («Девушка и Смерть. Сказка»).

Есть случай изощренной интерпретации этого символического комплекса в поэзии начала XX в. Так, у К. Д. Бальмонта: «Смертные гумна убиты цепами // Смилуйся, Господи, жатвы над нами. . . // Серп зазвенел, проходя за косою // Словно здесь град пробежал полосою. // Пали безгласными — жившие шумно. // Пали колосья на страшные гумна» («Страшные гумна», 1914 г.).

Нередко у поэтов и писателей Нового времени, избиравших историческую тему, использование компонентов символического комплекса «битва-жатва» приобретало одну из функций стилизации «под древность». Например, в знаменитых «Поэмах Оссиана» Д. Макферсона (1765 г.): «Кухулин косит героев, словно чертополох» [58]. У русского поэта-романтика В. И. Туманского (1800—1860 гг.): «Прияв булат и бранну жатву — // Отмстить врагам мы дали клятву!» («Греческая ода. Песнь греческого воина»). У Н. М. Языкова: «Мы бились жестоко: враги перед нами, // Как нива пред бурей, ложились во прах» («Песня короля Регнара»). У А. К. Толстого: «Когда дохнет в нежданный день // Дыханье длительное смерти, // Мы все поляжем, как хлеба, // Серпом подрезанные в нивах. . .» («Иоанн Дамаскин»).

Австрийский поэт-романтик Н. Ленау в стихотворении «Альбигойцы» (1840 г.) писал: «Так во блеске боя, там, // . . .Где строй на строй валится сжатой рожью, // То здесь, то там я вижу искру божью» (169) [59]. Он же писал в поэме «Ян Жижка» (1837—1842 гг.) о Тáнатосе (олицетворении смерти в греческой мифологии): «Тáнатос прекрасный гений, // Из дворян пошел в крестьяне; // Косу взял и смертных косит, // Точно травы на поляне»; и далее: «Иль, безглазый и безгубый, // В роковой и страшный час, // Рот оскалив злобным смехом, // Он серпом срезает нас» (199). О герое поэмы, знаменитом чешском полководце-гусите Яне Жижке (умер в 1424 г.), Ленау писал: «Вновь, бушуя, смерть он сеял. . .» (189); «Знает, где удобрить землю // Черной кровью супостата» (195).

В романе «Крестоносцы» (1900 г.) польский классик Г. Сенкевич описывал исход битвы при Грюнвальде (1410 г.), сокрушившей могущество Тевтонского духовно-рыцарского ордена: немецкая армия «почти целиком лежала, как сжатая нива»; польский король Владислав II Ягайло и его рыцари-победители смотрели на трупы, «как глядят уставшие жнецы на сжатые и связанные снопы. Тяжел был день и страшен сбор этого урожая. . .» [60]. Эти образы были заимствованы Г. Сенкевичем из знаменитой, написанной

---

58 *Макферсон Дж.* Поэмы Оссиана / Изд. подгот. Ю. Д. Левин. Л., 1983. С. 32. (Лит. памятники.)

59 *Ленау Н.* Стихотворения. Ян Жижка: Поэма. М., 1956. Страницы указаны в скобках в тексте.

60 *Сенкевич Г.* Крестоносцы. М., 1950. С. 735, 740.

по-латыни «Истории Польши» Яна Длугоша (умер в 1480 г.), возможно, и из других польских хроник (XVI в.).

Иногда такие образы проникали даже в научное изложение. Так, у историка Л. А. Погодина при описании той же битвы при Грюнвальде: «Князь Витольд (Витаутас. — *А. Р.*) напрасно бросал в эту пасть смерти все новые и новые ватаги (. . .) все побережье, покрытое трупами, напоминало какой-то страшный покос» [61].

Сам факт существования этого комплекса «битва-жатва» в литературах Нового времени у разных народов свидетельствует о его идейно-эстетической значимости. Эта литературная связь времен предоставляет нам возможность раскрыть внутренние свойства непреходящей эстетической ценности «Слова», в котором, по сравнению с другими эпосами, комплекс «битва-жатва» выражен с наибольшей полнотой.

Выявление и исследование символических комплексов «Слова» («солнце—золото—огонь—свет—тьма» и «битва-жатва») показало, что эти символы свойственны и самому «Слову», и многим выдающимся памятникам героической поэзии средневековья. В ряде случаев эти символы превращаются в сравнения и метафоры, свойственные поэзии разных народов и в Новое время. Национальная особенность «Слова» в этом плане выражается в стремлении поэта к наиболее полному, концентрированному и последовательному воссозданию данных символических комплексов в пределах небольшого объема памятника. По-видимому, поэтическое обобщение в «Слове» этих вечных символов может служить одной из основ популярности «Слова о полку Игореве», его неиссякаемой патриотичности и художественности, его свежести и привлекательности в качестве русского и мирового средневекового шедевра.

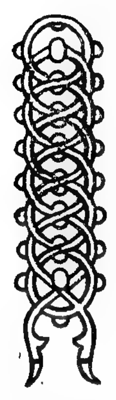
---

[61] *Погодин Л. А.* Очерк истории Польши. М., 1908. С. 48.

Д. С. Ворт
(США)

ЛИРИЧЕСКИЙ ЭЛЕМЕНТ В «СЛОВЕ О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»

О жанровой системе древнерусской литературы в целом и «Слова о полку Игореве» в особенности написано уже весьма много; отметим здесь только широкоизвестные работы Чижевского, Ягодича, Еремина, Лихачева и новейшие исследования Сейманна и Ленхофф [1]. Дать критический обзор этой обширной научной литературы не входит в задачи настоящей статьи. По отношению к «Слову о полку Игореве» речь чаще всего идет об эпическом и лирическом началах этого уникального и все еще отчасти загадочного произведения русского средневековья. Самое меткое наблюдение, на наш взгляд, — сжатое замечание Д. С. Лихачева о том, что «„Слово“ — произведение лирическое и эпическое одновременно» [2]; можно было бы прибавить — «и дидактическое». Большинство исследователей, кажется, подходят к «Слову» по преимуществу как к произведению эпическому [3]. Именно потому нам представляется небесполезным остановиться на некоторых «неэпических» элементах «Слова». В настоящей статье мы выдвинем на обсуждение как некоторые аспекты неэпичности «Слова», так и некоторые аспекты его собственно лиричности (а это, разумеется, два разных понятия, которые не следует отождествлять).

В чем состоит неэпичность «Слова»? Первая очевидно неэпи-

---

1 *Tschiżewskij D.* On the question of genres in Old Russian literature // Harvard Slavic Studies. 1954. 2. С. XX—LV; *Jagoditsch R.* Zum Begriff der 'Gattungen' in der altrussischen Literatur // Wiener Slavistisches Jahrbuch; 1957/58. 6. С. 133—137; *Еремин И. П.* Жанровая природа «Слова о полку Игореве» // Еремин И. П. Литература Древней Руси. М., 1966. С. 144—163; *Лихачев Д. С.* «Слово о полку Игореве» и процесс жанрообразования XI—XII вв. // ТОДРЛ. 1972. Т. 27. С. 69—75; *Он же.* Зарождение и развитие жанров древнерусской литературы // Славянские литературы: VII Междунар. съезд славистов: Докл. сов. делегации. М., 1973. С. 160—177; *Seemann K.-D.* Thesen zum mittelalterlichen Literaturtypus und zu Gattungssystematik am Beispiel der altrussischen Literatur // Gattungsprobleme der älteren slavischen Literaturen / Ed. W.-H. Schmidt. Berliner-Fachtagung, 1981; Berlin; Wiesbaden, 1984. S. 277—290; *Lenhoff G.* Toward a theory of protogenres in medieval Russian letters // The Russian Review. 1984. 43. P. 31—54.

2 *Лихачев Д. С.* Слово о полку Игореве // БСЭ. М., 1976. Т. 23. С. 581.

3 Так, например, во многих ценных исследованиях А. Н. Робинсона. См.: *Робинсон А. Н.* «Слово о полку Игореве» в поэтическом контексте мирового средневековья // Вопр. лит. 1985. № 6. С. 118—139.

ческая черта «Слова» — его необычайная краткость. В разных изданиях в зависимости от исследовательских решений и типографских приемов «Слово» занимает от 283 до 637 строк [4]; типичным можно считать критическое издание Р. О. Якобсона, в котором «Слово» разделено на 218 стихов, занимающих 505 строк [5].

Сравним длину «Слова» с длиной некоторых других общеизвестных эпических произведений (цифры приблизительны):

Слово о полку Игореве	500	строк
Сид	3000	»
Гильгамеш	3000	»
Беовульф	3200	»
Песнь о Роланде	4000	»
Энеида	9900	»
Одиссея	12 000	»
Илиада	15 000	»
Калевала	23 000	»
Махабхарата	120 000	»

Оказывается, что «Слово» в 6 раз короче, чем самый короткий из других приведенных эпосов. Разумеется, жанр произведения нельзя установить простым измерением его длины (существует даже точка зрения, согласно которой эпосом можно считать и рассказы-миниатюры, например, раннего А. П. Чехова) [6]. Тем не менее, поскольку речь идет именно о героическом эпосе, следует признать, что масштаб в 500 строк не предоставляет возможности использования типичных для эпоса приемов, как, например, развитой психологической характеристики действующих лиц, детального и всестороннего развертывания фабулы, подробных описаний пейзажей и т. п., — иными словами, весь сложный и изысканный художественный аппарат эпического повествования не укладывается в такие узкие рамки.

Вторая и более существенная неэпическая черта «Слова» — ослабленность фабулы. Стержневым началом эпического жанра является повествовательность; по словам В. Е. Хализева, «повествовательный пласт. . . доминирует в (эпическом) произведении, скрепляя воедино все в нем изображенное» [7]. А эта повествовательная доминанта в «Слове» настолько ослаблена, что неосведомленный слушатель или читатель вряд ли мог бы догадаться из одного только «Слова», что́ случилось в апреле—мае 1185 г., и где это случилось, и почему. Наоборот: подсчет показывает, что лишь десятая часть стихов «Слова» посвящена описанию исторических событий, и даже эта десятая часть представлена в таком

[4] См.: Слово о полку Игореве. Л., 1952. (Б-ка поэта); Слово о плъку Игоревъ тай його поетични переклади і переспіви. Київ, 1966.
[5] *Jakobson R. O.* Edition critique du Slovo // Gregoire H., Jakobson R., Szeftel M. La geste du Prince Igor: Epopée russe du douxième siècle. N. Y., 1948. С. 38—78.
[6] См.: *Хализев В. Е.* Эпос // БСЭ. М., 1978. Т. 30. С. 225.
[7] Там же. С. 225.

метафорическом и метонимическом калейдоскопе, что следить за ходом событий может только тот, кто эти события заранее хорошо знает. Действительный ход событий в «Слове» (поскольку вообще можно говорить о «ходе событий» в нем) видится как будто в кинематографических проблесках, изредка сверкающих на фоне длительных и разнообразнейших авторских «отступлений». Напомним, что эти «отступления» составляют 90 % всего «Слова», правильнее было бы считать их не отступлениями, а композиционной сутью произведения.

Подкрепим это утверждение конкретным материалом из самого «Слова». Стихи 6 и 7 (по исчислению Якобсона) [8] нам сообщают, что князь Игорь, исполненный ратного духа, двинул свои полки против Половецкой земли («наведе своя храбрыя плъкы на землю Половѣцькую»). В следующем, 8-м стихе Игорь поднимает глаза и замечает затмение Солнца («Тогда Игорь възрѣ на свѣтлое с(о)лнце и видѣ отъ него тьмою вся своя воя прикрыты») [9]. А между 7-й и 8-й строками пропущено целых семь дней и приблизительно 260 км езды (по вычислению Рыбакова) [10]. В следующих пяти строках (9—13) князь Игорь ободряет своих соратников, а затем следует пятистишное авторское отступление, во время которого незаметно снова проходят пять дней езды. Автор нам почти ничего не сообщает о подготовительных этапах приближающегося сражения. В 19-м стихе внезапно заговаривает князь Всеволод, неожиданное появление которого ничем не подготовлено и никак не объяснено: только из летописных источников мы знаем, что Всеволод двигался другим маршрутом из Курска.

Даже центральное событие «Слова» — гибельная битва 11—12 мая — представлено крайне фрагментарно и эллиптически. Стихи 53—56 показывают Всеволода в середине злой сечи («Камо туръ поскочяше, своимъ златымъ шеломомъ посвѣчивая, тамо лежать поганыя головы Половѣцкыя»). Самого Игоря не видно. Следующие 11 стихов отводят нас к событиям второй половины XI в. А к битве на Каяле мы возвращаемся только в 69-м стихе. Несчастному исходу битвы отведено, собственно, всего два стиха («Давечя рано предъ зорями Игорь плъкы заворочаеть, жаль бо ему мила брата Всеволода» — 69; «Бишася день, бишас(я) другый, — третьяго дни къ полудню подоша стязи Игоревы» — 70). Что касается боевого действия предполагаемого героя «Слова» Игоря, то его участие в роковом сражении ограничивается тем, что он заворачивает полки и попадает в плен. На самом деле, не странно ли, что в течение целой кровавой сечи мы ни разу не видим героя с оружием в руках, не видим крови его раненых про-

[8] *Jakobson R. O.* Edition critique du Slovo.

[9] О солнечной символике см.: *Робинсон А. Н.* Закономерности развития средневекового героического эпоса и символика «Слова о полку Игореве» // Славянские литературы: VIII Междунар. съезд славистов (Загреб—Любляна, сентябрь 1978 г.): Докл. сов. делегации. М., 1978. С. 150—165.

[10] См.: *Рыбаков Б. А.* «Слово о полку Игореве» и его современники. М., 1971. С. 218 и след.

тивников, не слышим топота его верного коня? В самый критический момент эпического боя эпический герой совсем исчезает с поля сражения; у нас остается не героическая поэма, а поэма без героя. Объяснить это странное отсутствие эпического героя и отчасти даже эпического сюжета, как нам кажется, можно только двумя способами: или автор «Слова» не умел сочинять эпическое произведение, т. е. он был плохим художником, или же он и не намеревался сочинять эпос. Ввиду общепризнанной высокой литературно-художественной ценности «Слова» упрекать его автора в художественной неумелости, конечно, никак нельзя. Остается признать, что автор «Слова», по всей вероятности, вовсе не был особенно заинтересован в ходе событий, не заботился о своем герое, не увлекался фабулой, — иными словами, создание эпического повествования вовсе не было его главной задачей. Значит, автор «Слова» сочинял не эпос, а что-то другое. А это «что-то другое», даже если нельзя назвать его совсем лирикой в современном смысле этого термина, содержало в себе, очень много лирического.

Перейдем к обсуждению некоторых собственно лирических аспектов «Слова». Одним из ярких примеров лиричности «Слова» можно считать его частичное лексико-фразеологическое совпадение с языком русской народной причети (можно было бы привести и параллели из сербской тужбалицы) [11]. Не останавливаясь на общепризнанном сходстве «плача Ярославны» с северорусскими причитаниями по умершим, мы перейдем к одному менее очевидному, но не менее любопытному морфосемантическому совпадению между «Словом» и причитанием. Речь идет об употреблении глагольного префикса при- в нелитературном значении «очень, чрезмерно, до конца», с добавочным оттенком чего-то печального, гневного, иногда зловещего. Когда в «Слове» Святослав Киевский топчет холмы и овраги («притопта хлъмы и яругы» — 89), он их касается не слегка, а основательно сокрушает. Точно такое же значение «основательного повреждения» находим у префикса при- и в народных причетях [12]:

Чѣм розгнѣвала вас бѣлая лебедушка?
Знать, дубовыи полы да притоптала?
Скамѣечки кленовы присидѣда? (120 : 57—59)

Быдто звѣрь да во темном лѣсѣ кидается,
Да он рѣзвыма ногами призатопае,
Как на стойлы конь копытом призастукае (284—5 : 77—9).

---

[11] См.: *Адрианова-Перетц В. П.* Устная причеть как основа древнерусских плачей // Адрианова-Перетц В. П. Очерки поэтического стиля Древней Руси. М.; Л., 1947. С. 137—154; *Она же.* «Слово о полку Игореве» и устная народная поэзия // Слово о полку Игореве. М.; Л., 1950. (Лит. памятники.) См. также: Српске народне тужбалице. Београд, 1929.

[12] Примеры цитируются по изданию: *Барсов Е. В.* Причитания северного края. М., 1872. Ч. I: Плачи похоронные, надгробные и надмогильные. Приводятся страница и строка. Цитаты из «Слова» даются по изданию Якобсона «Edition critique. . .»; приводятся стихи.

Когда русским копьям предстоит сломаться в бою («Ту ся копiемъ приламати, ту ся саблямъ потручати» — 46), автор «Слова» имеет в виду именно все русские копья: они обречены совсем сломаться. Точно такое же значение «полного включения всех субъектов (объектов) в сферу действия глагола» нередко встречается в унылых пейзажах севернорусской вопленицы:

Што уныла стоит рощица зеленая,
Вси пруточки на деревьях приломалися,
По сырой землѣ листочки расстилаются (189 : 43—5).

О грозе, которая убивает крестьянина молнией:

Лѣса к зени с этой тучи приклонилися,
По корёшку онѣ всѣ приломалися (246 : 38—9).

Особенно интересен с этой точки зрения глагол «прикрыти». Он встречается 4 раза в «Слове»:

Тогда Игорь възрѣ на свѣтлое с(о)лнце и видѣ
от него тьмою вся своя воя прикрыты (8);
Чръныя тучя съ моря идуть, хотять прикрыти 4
с(о)лнца (45);
Земля тутнетъ, рѣкы мутно текуть, пороси
поля прикрываютъ (49);
Уже бо, братiе, невеселая година въстала,
уже пустыни силу прикрыла (75).

Функция префикса при- в этих примерах кажется с первого взгляда загадочной: ведь солнечное затмение не может только «накрыть или закрыть (войска) неплотно» и пустыня (т. е. половцы) уже совсем не «прикрыла» (т. е. не защитила) силу (русских). Напротив, половцы уничтожили их чуть ли не до последнего воина. Загадочное значение данного префикса становится ясным только тогда, когда вспомним, что в народном плаче глагол при(у)крыть(ся) неизбежно ассоциируется со смертью, с гибелью любимого человека, например:

Приукрылся нонь надежная головушка,
Во матушку вѣдь он да во сыру землю,
В погреба вѣдь он да во глубокии! (18 : 1—3);
Приукрылся наш желанной, родной дядушка,
Он за темныи лѣса (да) за дремучии (211 : 54—5).

В «Слове» встречаются глаголы притрепати, прiодѣти, припѣшати с таким же загадочным префиксом при-:

Единъ же Изяславъ сынъ Васильковъ. . . притрепа
славу дѣду своему Всеславу, а самъ падъ. . .
притрепанъ Литовскыми мечи (144);
(Изяслав убит мечами).

И рекъ (Боянъ): «Дружину твою, княже, птиць
крилы приодѣ, а звѣри кровь полизаша!» (145—6);

(Если звери лижут кровь, значит, дружина лежит мертвой.)

уже соколома крилца припѣшали поганыхъ саблями (102).

Идентично отрицательное, даже зловещее значение «обречь, повредить, уничтожить» выступает и в глаголах приограять, приовеять и других в причитаниях, например:

Добры людушки меня да приоббаяли,
Чорны вороны талан, знать, приограяли,
Видно, участь ту собаки приоблаяли (7 : 30—32);
Приовиют тонки ветерки,
Обдождят да мелки дождики (35—6 : 30—31).

Подобные примеры можно было бы умножить (их происхождением мы займемся в другом месте), но из сказанного уже ясно, что «Слово» соответствует причитанию и на этом, морфосемантическом уровне.

На лирическое отношение «Слова» к природе уже обращено внимание [13]. Здесь нам хотелось бы лишь подчеркнуть чрезвычайное обилие в «Слове» «природоведческой», топонимической, этнонимической и антропонимической лексики. В «Слове» мы находим названия около 25 разных животных и птиц, встречающихся в совокупности 72 раза (волк, тур, комонь, зверь, лисица, белка, бобр, пардус, иноходец; сокол, птица, ворон, галка, соловей, сорока, зегзица, орел, лебедь, кречет, куры, дятлы, чайки, чернядь). Свыше 60 % стихов в «Слове» содержат названия природных явлений и сил: земля, поле, гора, луг, овраг, холм, пустыня, берег; цветы, лоза, тростие, листья, ковыль, трава, дуб; свет, тьма, мгла, сень, солнце, луч, месяц, ночь, полночь, день, полдень, заря, утро, вечер, время, година; путь, дорога, тропа; ветер, облако, гром, молния. Между ними особое место занимают названия разных явлений, связанных с водой, которых 17: болото, буря, вода, волна, гроза, грязивые места, дождь, море, озеро, поток, река, роса, ручья, смерч, стремнины, струя, туча. К ним следует прибавить как другие жидкие вещества (слезы в плаче, кровь, вино), так и речные топонимы (Волга, Двина, Днепр, Дон, Донец, Дунай, Каяла, Немига, Рось, Стугна, Сула), а также расширенную «образность текучести», например: «тоска разліяся» — 85; «печаль жирна тече» — 85; «грозы твоя по землям текуть» — 131 [14]; «шеломы по крови плаваша» — 127; «Романъ и Мьстиславъ высоко плаваеши на дѣло въ буести» — 134; «омочю бебрянъ рукавъ в Каялѣ рѣкѣ» — 170; «въ полѣ безводнѣ жаждею имь лучи съпряж(и)» — 183.

В противопоставлении «мокро—сухо», восходящем к глубокой древности [15], можно видеть метонимизацию противопоставления этносов: русских (народа рек, озер и болот) и половцев (народа сухой степи).

---

[13] См.: *Адрианова-Перетц В. П.* Древнерусская литература и фольклор. Л., 1974. С. 107 и след.

[14] Правда, в древнерусском глаголе «течи» не различались значения «течь» и «бежать».

[15] См.: *Иванов В. В., Топоров В. Н.* Исследования в области славянских древностей: Лексические и фразеологические вопросы реконструкции текстов. М., 1974. С. 13, 24.

Едва ли не самой заметной стилистической чертой «Слова» является его насыщенность топонимами, этнонимами и антропонимами. Более чем 70 % стихов «Слова» содержат названия мест, народов и отдельных лиц. Таких названий в «Слове» свыше 330. Они встречаются иногда сплошными рядами. Например:

«. . .храброму Мстиславу, иже зарѣза Редедю предъ плъкы Касожьскыми, красному Романови Святъславличю» — 5;

«Комони ржуть за Сулою — звенить слава въ Кыевѣ; трубы трубять въ Новѣградѣ — стоять стязи въ Путивлѣ; Игорь ждетъ мила брата Всеволода» — 18;

«Ту Нѣмци и Венедици, ту Греци и Морава поютъ славу Святъславлю, кають князя Игоря, иже погрузи жиръ во днѣ Каялы, — рѣкы Половецкыя рускаго злата насыпа(в)ша» — 90;

«Суть бо у ваю желѣзніи паперси подъ шеломы Латиньскыми; тѣми тресну земля, и многы страны — Хинова, Литва, Ятвязи, Деремела и Половци — сулици своя повръгоша. . .» — 135.

Высокая частотность топонимов, этнонимов и антропонимов сама по себе не превращает «Слово» в лирическое произведение. Наоборот, если взять это явление отдельно, не обращая внимания на каждый контекст, то такую насыщенность (которая способствует временной и пространственной универсализации) следует считать эпической чертой. Но в данном контексте, где она сочетается с двумя другими, уже отмеченными нами особенностями (а именно ослабленной фабулой, с одной стороны, и преобладающей ролью природных явлений — с другой), эти 330 названий городов, рек, народов, князей и т. п. создают впечатление скорее пейзажной живописи, чем сюжетно-тематического повествования: перед нами не динамический рассказ, а статистическая картина. Автора интересует преимущественно не военный поход незначительного удельного князя Игоря, а вся сложная политическая, экономическая, социальная, даже моральная картина Киевской Руси. Автор сам мысленно «рыщет» по времени и пространству, описывает холмы и овраги, реки и озера, называет (и вызывает) целые ряды князей настоящего и прошлого, привлекает немцев, венецианцев, литовцев, греков, моравян. Необычайно широкий авторский охват (географический, временной и этнический) способствует и конкретизации, и универсализации его картины и позволяет ему создать богатейший социальный ландшафт своей земли. А такой социальный ландшафт, разумеется, представляет собой не рассказ, а словесную живопись, не динамику, а статику, не эпос, а лирику.

Еще одной стилистической особенностью «Слова» является его коммуникативная интенсивность. И люди, и звери, и птицы, и неживые предметы постоянно сообщаются между собой: лебеди запевают — 4, ночь стонет — 28, соловьи щекочут и галки «говорят» — 35, земля гудит — 49, стязи гласят — 50, трава шумит— 187. «Слово», собственно, поэма весьма «шумная». Особенно за-

метна в нем роль прямой речи. Почти половина всего «Слова» состоит именно из прямой речи: Игорь ободряет свои полки — 10—13, Всеволод ободряет Игоря — 20—25, русские жены причитают — 83, причитают и Ярославна — 168—183, и мать Ростислава — 198, Святослав рассказывает о своем «мутном сне» 93—99, река Донец и князь Игорь обмениваются комплиментами — 192—196 и т. д. Особенно разговорчив сам автор: он обращается к слушателю (читателю) — 1—7, к Бояну — 14—18, к Русской земле — 32, 47, к отсутствующим князьям — 53—56, 123—142, 149—152. Уровень коммуникативной интенсивности повышается употреблением большого числа звательных и повелительных форм, глагольных форм первого и второго лица, а также заметного количества глаголов и существительных, обозначающих разного рода коммуникативные акты, из коих некоторые многократно повторяются (слово, повесть, голос, свист, щекот, клик, звон, пети/песня — 12, речь — 24 и т. д.). Автор «Слова» стоит в центре сложной и разнородной коммуникативной сети, которая связывает между собой старое и новое, друзей и недругов, человека и природу. Автор знает все детали русской природы, знает свой и чужой народы, бывал (хотя бы мысленно, а может быть, и на самом деле) во многих странах, он как будто лично знаком чуть ли не с каждым великим и удельным князем. Со многими он разговаривает, и когда он сам не говорит, он слушает, интерпретирует, пересказывает. При отсутствии настоящей эпической фабулы и настоящего эпического героя ключевую роль в «Слове» занимает сам автор, ставший, так сказать, композиционным героем собственной песни (напомним, что такая «установка на автора, на говорящего» является типичной чертой не эпического, а лирического произведения) [16].

В «Слове» это не «повествовательный пласт», а авторская личность, которая скрепляет воедино все в нем изображенное. Благодаря именно сильной, центральной авторской личности сотни и сотни разнообразнейших деталей «Слова» связываются в единую, художественно целостную картину. В этой картине имеются и дидактические, и эпические элементы, но преобладающая тональность «Слова», как нам кажется, лирическая.

---

[16] *Jakobson R. O.* Closing statement: Linguistics and poetics // Style in language / Ed. T. Sebeok. Cambridge (Mass.), 1960. S. 353—358.

С. Матхаузерова
(ЧССР)

СИСТЕМА ОБРАЗОВ В «СЛОВЕ О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Богатая образность текста «Слова о полку Игореве» два столетия привлекает к себе внимание тех, кто, занимаясь памятником, пытается дать его родословную. Наличие языческих богов Велеса, Хорса, Стрибога, Дажбога, конкурирующих с христианскими религиозными представлениями, с самого начала изучения текста воспринималось как особая система, определяющая разнохарактерную образность и представляющая собой отражение сосуществования двух религий, т. е. двоеверия, в котором на христианском фоне действовали языческие мифологические существа, такие, как Обида, Горе и др.[1]

В полную семантическую систему удалось сложить также образы русских князей, упоминающихся в «Слове о полку Игореве». Они подобраны с четко продуманной целью, а именно напомнить «нынешним» князьям о славе и братолюбии прежних князей. Князь Владимир, его знаменитый сын Ярослав Мудрый, потомки его Ярославичи, князья Всеслав Полоцкий, Ярослав Осмомысл и Олег Гориславич, так же как и последующее «гнездо» Ольговичей, — это историческая сеть (в нее включены описываемые события и данная им историческая оценка).

Помимо этих двух главных систем, религиозной и исторической, на которых базируется образность «Слова о полку Игореве», в последнее время были раскрыты еще и другие связанные с ними закономерности поэтики текста, в особенности жанрового оформления и стилистических особенностей. В изучении «Слова» сейчас вообще сказывается исследовательская активность и методологическая находчивость. В этом смысле можно говорить о стимулирующей функции изучения «Слова о полку Игореве», о его тексте как пробном камне современной медиевистики. Необходимость глубокого анализа текста заставляет исследователей активизировать все достижения, сделанные литературоведением, раскрыть новые перспективы изучения, расширить спектр исследуемых вопросов.

Д. С. Лихачев проверил «Слово о полку Игореве» критериями, извлеченными из знания поэтики древнерусской литературы [2].

---

1 *Weselovsky A. N.* Die russischen Todtenklagen // Russische Revue. Sankt-Peterburg, 1873. T. III. S. 516.

2 См.: *Лихачев Д. С.* «Слово о полку Игореве» и культура его времени. Л., 1978.

Право на включение этого памятника в литературу XII в. он обосновал сопоставлением его художественных средств со стилистическими приемами других памятников, возникших в это время. Широко развернутая конфронтация текста «Слова о полку Игореве» с целым рядом выразительных средств литературы XII и начала XIII в. сама по себе является проницательным анализом творческого литературного процесса и штудий о литературных системах.

Убеждением, что проблему текста памятника можно раскрыть на перекрестке разных систем, проникнут также подход А. Н. Робинсона, показавшего на солярную образность памятника как на закономерную структуру. Образ солнца действует в «Слове о полку Игореве» не только как метафора силы и красоты, но также как роковой фактор. Затмение солнца, по наблюдению А. Н. Робинсона, исполняет в синхронной образной системе текста не простую образную роль, а функцию, связанную роковым значением затмений солнца в диахронной системе смертной судьбы Ольговичей [3].

«Особую систему», по определению Н. С. Демковой, представляют повторы, которые появляются на разных уровнях структуры — стилистическом, образном и тематическом, — чем характеризуется эпос [4]. И еще одна система выдвинута той же исследовательницей: предостережения, сны, плачи, выкликание из царства мертвых, магические превращения героев. Это образы, сопровождающие людей на пути в «иное царство». Интерпретация метафорической сети образов дает Н. С. Демковой право утверждать, «что возвращение Игоря из половецкого плена описано в системе изображения волшебной сказки как возвращение из царства мертвых» [5].

Несмотря на указанные системные соотношения текста с мифом, сказкой и литературными произведениями других жанров, «Слово о полку Игореве» остается особым и единичным эпическим памятником, зарождение которого нелегко обосновать предшествующей традицией; ее существование можно только гипотетически предполагать.

В таком же исторически изолированном положении находится также один из древнечешских литературных памятников — «Хроника Далимила» [6], написанный в самом начале XIV в. Он отличается как от современного ему «античного» романа об Александре, так и от распространенных тогда легенд о Екатерине,

---

[3] См.: *Робинсон А. Н.* Солнечная символика в «Слове о полку Игореве» // «Слово о полку Игореве»: Памятники литературы и искусства XI—XVII вв. М., 1978. С. 7—58.

[4] См.: *Демкова Н. С.* Повторы в «Слове о полку Игореве» // Русская и грузинская средневековые культуры. Л., 1979. С. 59—74.

[5] *Демкова Н. С.* Проблемы изучения «Слова о полку Игореве» // Чтения по древнерусской литературе. Ереван, 1980. С. 58—108.

[6] Ср. ее последнее издание: *Havránek B., Daňhelka J.* Nejstarší česká rýmovaná kronika tak řečeného Dalimila. Pr., 1958. Ср. также: *Lehár J.* Nejstarší česká épika. Pr., 1983. С. 12—76.

Прокопе и др. своей конкретной злободневностью и публицистическим призывом к единению народных сил. От предыдущих литературных памятников исторического характера он отличается тем, что написан не на латинском, а на чешском языке и еще с четко выраженной национальной идеей, призывающей всех чехов к борьбе за свои национальные права.

Перед нами встает вопрос: не полезно ли сопоставить чешские и русские памятники летописного и эпического характера с целью найти параллели, общие идиомы в языке, напоминающие древние образные архетипы и намекающие таким образом на общие эпические истоки? И в самом деле, сравнение «Хроники Далимила» (и некоторых последующих чешских хроник) со «Словом о полку Игореве» и «Задонщиной» (включая летописные повести о походе Игоря Святославича и Дмитрия Ивановича) приносит интересные результаты: при всей лексической разнице, обусловленной специфическим историческим развитием обоих языков, термины или идиоматические выражения, относящиеся к определенным областям жизни, удивительно сходятся. Образная ткань русского и чешского повествований имеет немало одинаковых выражений, под которыми просвечивает как будто бы давний общий обряд. Созданный еще на праславянской родине, он сопровождал своих носителей на их пути в новые земли, помогая им сохранить в чужом окружении самобытность и единство.

Обряд, объединявший людей одного племени, имел законодательный характер, определяющий нормы поведения. Многое из старой славянской обрядности исчезло под влиянием закона христианского, многое исчезло под влиянием новых культурных средств, так что не во всех сферах народного бытия можно найти следы давних законодательных обрядов. Однако сравнение чешских и русских текстов показывает, что самыми устойчивыми формулами являются те, которые сопровождают обряд воинского похода и обряд его осмысления, обсуждения, оценки [7].

Сопоставленный образный материал русских и чешских памятников ведет даже к реконструкции первоначального обряда, — а если нам удастся доказать сходство образов, сопровождавших ратное дело, в чешской и русской эпической лексике, то мы получим определенный аргумент в пользу предсуществования тра-

---

[7] Много материала по лексике воинских повестей содержат работы А. С. Орлова. См.: *Орлов А. С.* Об особенностях формы русских воинских повестей (кончая XVII в.). М., 1902; *Он же.* О некоторых особенностях стиля великорусской исторической беллетристики // Изв. ОРЯС АН. 1909. Т. XIII. Кн. 4. С. 344—379. От нашей темы эти статьи отличаются тем, что А. С. Орлов в них обозревает великорусскую повесть как жанр, вырабатывавшийся веками (с начала XI до конца XVII в.) и подвергавшийся влиянию переводной литературы, в то время как наше внимание сосредоточивается на самых древних и самых устойчивых формулах повествования воинского характера. Ближе к нашей теме относится работа: *Робинсон А. Н.* К вопросу о народно-поэтических истоках стиля «воинских» повестей Древней Руси // Основные проблемы эпоса восточных славян. М., 1958. С. 131—156.

диции, восходящей к самым началам славянского эпоса — устного и впоследствии письменного.

Убедительно сходны формулы, объясняющие мотивацию брани: князь и его дружина воюют ради славы и чести, что подчеркивается во всех сравниваемых памятниках (т. е. в «Слове о полку Игореве» [8], «Задонщине» [9], летописных повестях о походе Игоря Святославича — Ипатьевской и Лаврентьевской [10], в краткой летописной повести о походе Дмитрия Ивановича [11]; из чешских памятников были взяты для сравнения «Хроника Далимила» [12], «Хроника о Штильфриде», «Хроника о Брунцвике» и «Александер» [13]).

ищучи себе чти, а князю славы *(Сл. 374)*	hledati cti jazyku svému *(Br. 165)*
ищут собе чести и славного имени *(Зад. 10)*	jedno jmene dobrého hledachu *(Dal. 82)*
и возмем до конца свою славу и честь *(Лавр. 366)*	často málo lidí na mnozě čest vzalo *(Dal. 82)*
и чести есми, брате, добыли и славного имени *(Зад. 13)*	dobývali svému jazyku cti a jména dobrého *(Št. 151)*

Вслед за начальной мотивацией, оправдывающей выступление князей в поход, имеют место клятва и обещание верности. Еще раз повторяется моральный аспект и подчеркивается патриотический мотив борьбы — за русскую землю, за славу и честь воинов. Если битва окажется тяжелой, то все будут биться до самого конца, бегству предпочитается смерть:

луце жь потяту быти, неже полонену быти *(Сл. 374)*	lépe nám jest ctně zbitu býti, než hanebné z země vyjíti *(Dal. 120)*
лутчи бы нам потятым быть, нежели полоненым быти *(Зад. 11)*	lépe by bylo tobě i s námi zemříti, nežli hubeně. . . živu byti *(Št. 152)*

Общим для русского и чешского эпического контекста является уверение князя, что он готов подчиняться тем же законам, какие обязательны для его дружины:

или умремъ, или живи будемъ на единомъ месте *(Ип. 354)*	anebo sě braňte, neb še dajte zbíti, jáť odtudto nechci běžěti *(Dal. 82)*

[8] См.: Слово о полку Игореве // Памятники литературы Древней Руси. М., 1980. С. 372—387. Далее обозначается в тексте в скобках с указанием страницы, напр.: Сл. 386.

[9] См.: Задонщина // Сказания и повести о Куликовской битве. Л., 1982. С. 7—13. Далее обозначается, напр.: Зад. 12.

[10] См.: Памятники литературы Древней Руси. С. 346—370. Далее, напр.: Ип. 348 и Лавр. 366.

[11] См.: Сказания и повести о Куликовской битве. С. 14—15. Далее, напр.: К. лет. 14.

[12] Цит. по изданию, приведенному под сноской 6. Далее обозначается в тексте с указанием страницы, напр.: Dal. 82.

[13] Prósa českého středověku. Pr., 1983. С. 21—179. Далее: Št. 152; Br. 165; Alex. 35.

В последующем описании подготовки боя начинаются поиски выгодного места для будущего сражения, побоища (bojiště), чаще всего это поле (pole), река (řeka), в которой надо найти брод (brod). Битва описывается в ярких цветах, названия оружия то относятся к славянским корням — меч, лук, копие, сулица (meč, luk, kopí, sudlice), то отражают влияние уже новых этнических соседств. Битва оканчивается или поражением — в таком случае упоминаются вдовы и сироты, или победой, что связано с описанием корысти. Повествование заканчивается в таком случае славой, веселием, торжественным приветствием победителей, пением. Композиция сравнительно устойчива, так же как большинство словесных образов:

за землю рускую (*Сл. 372*)	*pro své země čest* (*Dal. 175*)
аз *на* ны *поиду* (*Ип. 348*)	ihned *na* Čechy *pojědu* (*Dal. 149*)
поиде на великого князя (*К. лет. 14*)	pak kněz *jěde na* Bělu (*Dal. 149*)
Рюрик *поиде противу им* (*Ип. 348*)	Čechy a Uhři *proti sobě jidu* (*Dal. 149*)
вседе на конь (*Ип. 362*)	*vskočě na kóň* žeň pryč (*Dal. 59*)
побарая за христьяны (*Сл. 386*)	hrdinsky sě *brănieše* (*Dal. 92*)
стоиши на *борони* (*Сл. 376*)	anebo *sě braňte* (*Dal. 82*)
хотя *боронити* своея отчины (*К. лет. 14*)	počě sě *brániti* (*St. 158*)
и бися с ними *крепко* (*Ип. 358*)	*křepce* Žibřida na obě ruce silně rubáše (*St. 158*)
и тако бишася *крепко* (*Ип. 354*)	*křepce* na svuoj kóň vskoči (*St. 153*)
хотя *пленити землю* рускую (*К. лет. 14*)	polskú *zemi poplenichu* (*Dal. 116*)
пленити хотя грады руские (*Ип. 348*)	zbavi ten kraj *plena* švábského (*Dal. 160*)
коньници *переберуться* (*Ип. 354*)	přěs Labe še tajně *přěbrachu* (*Dal. 75*)
и ту *переббродися* (*Ип. 346*)	mocí tu řěku *přěbřidu* (*Dal. 87*)
пришедъ ко реце, и *перебредъ* (*Ип. 362*)	a jakž brzo Moravu *přěbřědu* (*Dal. 149*)
то рекъ, *перебреде* Донець (*Ип. 352*)	
трубы трубятъ городеньскии (*Сл. 382*)	káza *trúbiti* u vojenské *trúby* (*Alex. 95*)
трубы трубят на Коломне (*Зад. 8*)	a tu své *trúby* čekati (*Dal. 70*)

прочая же воя. . . *избиша* (*Ип. 350*)	mnoho Rakúsicóv *zbichu* (*Dal. 149*)
и *облегоша* ту (*Ип. 354*)	u Stožcě *ležiechu* (*Dal. 149*)
половци *стоять* на Хороле (*Ип. 348*)	Uhři . . . dva dni *státi* slibichu (*Dal. 149*)
и *жда* два дни брата своего Всеволода (*Ип. 352*)	Soběslav jeho. . . *ždieše* (*Dal. 120*)
	skoro-li vyniknú, *ždaje* (*Dal. 91*)
бысть бо их бещисленое множество (*Ип. 354*)	*neb jich jest mnoho bez čísla* (*Alex. 129*)
и бысть радость велика (*Лавр. 366*)	*tu še stala velká radost* českè zemé (*Št. 160*)
Олегъ *мечемъ* крамолу по земле *коваше* (*Сл. 376*)	*mlatem* německé helmy *kováše* (*Dal. 153*)
быти стуку и *грому* великому (*Зад. 9*)	ot jeho ran jako*h rom hřimáše* (*Dal. 153*)
бела *хорюговь* (*Сл. 15*)	kázal svú *koruhev* českú rozvinúti (*Št. 129*)
аки живи *хоругови* (*Зад. 10*)	
брань крепка зело и *сеча зла* (*К. лет. 14*)	*sěč veliká* by na mostě (*Dal. 40*)
бысть скорбь и *туга* люта (*Ип. 358*)	ta *túha* sta sě. . . u pátek (*Dal. 152*)
се есть не на добро *знамение* (*Ип. 352*)	otázachu, které by bylo *znamenie* (*Dal. 120*)

Не все из приведенных выражений сохранились в чешском языке до наших дней, многие из них на протяжении веков исчезли, например, слова ždát (ждать), bez čísla (бесчисленный), zbít (избить) были заменены другими. И наоборот, до сих пор в чешском языке сохранились лексикализированные метафоры «brodit se po kolena v krvi» («а в крови по колено бродят» — Зад. 12), «země pod kopyty koní kostmi byla poseta a krví zalita» («чръна земля подъ копыты костьми была посеяна, а кровию была польяна» — Сл. 376), «položit hlavy) («положили есте головы своя»), «prolít krev» («пролиться крови на речке Непрядве» — Зад. 9 [14]). Продуктивным остался также образ тура в качестве сравнения. Его архетип можно найти не только в «Хронике Далимила», но и в «Слове о полку Игореве» и в «Задонщине»:

---

[14] О возможности литературного источника этого образа (слова Иоанна Златоуста) *см. ст.*: *Орлов А. С.* Об особенностях формы русских воинских повестей (кончая XVII в.). С. 21—22. О слое германских слов, встречающихся во всех древнеславянских языках, см. ст.: *Polák V*. Několik poznámek k etymologické struktuře staroslověnštiny. Pr., 1977. Slavia XLVI, 2. S. 125.

Яръ Туре Всеволоде *(Сл. 376)*	Jetříšek Buškovic bieše, mezi hrdinami
Камо Туръ поскочяше *(Сл. 376)*	jako Tuří roh slovieše *(Dal. 108)*
не тури возрикали у Дону *(Зад. 10)*	
то ти не тури побеждени у Дону... но посечены князи руские *(Зад. 10)*	

В «Слове о полку Игореве» образ тура закреплен за Всеволодом, в «Задонщине» турами называются князья русские, в чешском народном эпосе, в «Хронике Далимила» упоминается храбрый чешский воин, который «среди героев имел прозвище Турий Рог». Предшественник Далимила, пишущий на латинском языке летописец Космас, называл этого героя «Детришек, сын Бузов», ничего не говоря о его прозвище. Далимил, который пишет о нем на 200 лет позже, опирается, видимо, не только на Хронику Козьмы Пражского, но еще и на другой текст. Может быть, он располагал каким-то особым эпическим материалом вроде дружинной исторической песни, что дало ему право написать, что «еще столетия спустя хвалят Иетришка доброго, так как, покинув все по душе, добыл себе имени честного»:

Zbožie i rozkoš přěstane,
jediňéť dobré jmě ostane.
Po stu let chválé Jetřiška dobrého.
Raziť: opustě vše po duši, dobývaj jmene ctného.
(Dal. 108)

В этих словах как будто прозвучала цитата давней эпической песни, сохранившейся еще до времени Далимила. На такую мысль наталкивает нас факт, что и в других местах «Хроники Далимила» имеются следы влияния воинских повестей, которыми подбадривались, а может быть, и развлекались княжеские дружины. Их содержание было иногда шутливое. Например, о походе чехов на Милан при короле Владиславе в 1158 г. рассказывается как о веселом событии, во время которого чехи пугали миланских жителей, притворяясь людоедами. Разные шутки чешской дружины описаны в одной миланской повести тех лет и также в латинском стихосложении о злых врагах — людоедах.

Наличие дружинной воинской повести, не только устной, но и письменной, оказывается возможным, во всяком случае этого нельзя опровергать. Устойчивость образов, связанных с обрядом похода и сохранившихся в русских и чешских текстах, применение сходных композиционных средств — от объяснения целей похода до описания общего веселия и радости по случаю победы и славы, которая поется героям, — вот свидетельство, как нам кажется, общих эпических начал и непрерывной традиции.

В качестве еще одного доказательства можно привести пример поражающего сходства функции «забрал» в чешском и русском текстах:

Ярославна рано плачетъ въ Путивле на забрале, аркучи

(Сл. 384)

be sě ciesařovna nedomyslila spieše, na *zábradlách státi* a takto volati

(Dal. 75)

восплакася вси княгини. . . у Москвы града на забралах, а ркучи

(Зад. 11)

у *Коломны* на забралах. . . жены коломенские, а ркучи тако

(Зад. 11)

Забрала выполняли не только оборонительную функцию, они были, видимо, местом, откуда жены подбадривали бойцов, произносили свой «плач» или если уже не было другого выхода, то обращались к врагам с просьбой о помиловании города.

Было бы, конечно, интересно показать сходство русского эпоса с национальными эпосами других народов: образ «утирать рукавом» раны, кровь, пот [15] является общим для «Слова о полку Игореве» и для старофранцузского эпоса о Роланде, но он встречается и в Ипатьевской летописи, где является метафорой смерти переяславского князя Владимира Глебовича. Однако наряду с общими чертами, объединяющими мировой эпос, есть в нем и специфические элементы, сказывающиеся прежде всего в языке, которые дают нам возможность выделить на основе системного изучения образной сети определенную славянскую традицию.

Перед нами стоит задача реконструкции всех праславянских образов и идиоматических выражений, необходимой для изучения эпических традиций. Наше сравнение образных систем в чешских и русских летописях, хрониках и сохранившихся эпосах является лишь небольшим шагом по этому пути.

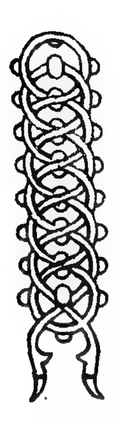
---

[15] А. С. Орлов указал на близкий вариант этого образа в русском переводном тексте Иосифа Флавия. См.: *Орлов А. С.* Об особенностях формы русских воинских повестей (кончая XVII в.). С. 4.

А. С. Демин

КУДА РАСТЕКАЛСЯ МЫСЛИЮ БОЯН?

«Боянъ бо вѣщии, аще кому хотяше пѣснь творити, то растѣкашется мыслию по древу, сѣрымъ вълкомъ по земли, шизымъ орломъ подъ облакы»[1]. Это знаменитое высказывание автора «Слова» ясно по форме, однако смысл его все-таки неотчетлив. Обозначил ли здесь автор «Слова» единую черту пения Бояна и какова тогда эта рельная черта?

Обратим внимание на следующие элементы высказывания: «по древу» — «по земли» — «подъ облакы». Древо, земля, облака, если их брать как реалии, имели пространственный смысл, обозначали разные уровни пространства: облака — небесный верх, земля — почвенный низ, а древо заполняло промежуток между верхом и низом. Думается, не нужно специально доказывать то, что подобные пространственные ассоциации существовали в XII в. и у автора «Слова». Во всяком случае, в одном месте он прямо сказал по поводу облаков: «. . . горѣ подъ облакы вѣяти» (54) — веять вверху под облаками, облака вверху (правда, если в этом месте исправленное слово «горъ» значило «горѣ», а не «горы»). Боян «растекался» мыслию по древу, по земле, под облаками — три пространственных элемента объединились[2], и возник образ огромного пространства, которое охватывал своим пением Боян. Вот сначала кажущийся нам смысл приведенного отрывка из «Слова».

Однако дальнейшие наблюдения заставляют отказаться от столь заманчивой трактовки. «Древо» в данном отрывке не похоже на реалию, это скорее символ, притом не совсем понятный нам. Тройственная структура реально-пространственной характеристики того, как пел Боян, оказывается подорванной. Кроме того, в контексте приведенного высказывания автор нигда не развивает и не поддерживает тему огромности пространства, охватываемого пением Бояна.

---

[1] Слово о полку Игореве / Подгот. текстов Л. А. Дмитриева и Д. С. Лихачева. Л., 1967. С. 43. Далее ссылки на страницы данного издания приводятся в тексте статьи.

[2] «. . .мысль, песнь, слава Бояна движутся в трех сферах пространства: верхнем, нижнем и среднем» (*Лихачев Д. С.* «Слово о полку Игореве» и культура его времени. 2-е изд., доп. Л., 1985. С. 49).

Поиски аналогий в «Слове», более четких по своему реально-пространственному смыслу, заводят в тупик. Самая близкая аналогия: «О Бояне, соловию стараго времени! А бы ты сиа плъкы, ущекотал скача, славию, по мыслену древу, летая умомъ подъ облакы, свивая славы оба полы сего времени, рища въ тропу Трояню чресъ поля на горы» (44). Можно здесь выделить необходимые пространственные элементы: «скача по древу» — «летая подъ облакы» — «рища въ тропу чресъ поля на горы». Облака означали верх, поля — низ, древо и горы помещались между небом и землей. В пространственном распределении подобных реалий сомневаться не приходится, в том числе пóля и гор. Сравните пояснение, например, в «Толковой псалтыри» XII в.: «. . .възвышаються, яко горы; низѣуть же, яко поле» [3]. Но все дело в том, что не все является реалиями и в этой, второй характеристике Боянова пения: символичны, а не реальны и «мысленое древо», и умственные облака, и «тропа Трояна». Тема огромности пространства пения Бояна не выдвигается и здесь.

В «Слове о полку Игореве» есть еще отрывки, содержащие упоминания трех необходимых пространственных элементов — небесного верха, земного низа и середины между ними. Рассказывается, правда, не о Бояне, а о других персонажах «Слова». Но самое главное: в этих отрывках не создается ни образа огромного пространства, ни вообще хоть какого-нибудь самостоятельного пространственного образа. Например, автор сообщает: «Темно бо бѣ въ 3 день: два солнца помѣркоста, оба багряная стлъпа погасоста, и въ морѣ погрузиста, и съ нима молодая мѣсяца, Олегъ и Святъславъ, тъмою ся поволокоста» (50—51). Формально мы можем указать пространственные элементы в приведенном отрывке: «два солнца» — «оба багряная стлъпа» «въ— морѣ». Столп привычно помещался между верхом и низом, как, например, в «Повести временных лет»: «Явися столпъ огненъ от земля до небеси» [4]. Однако сочетание элементов в данном месте «Слова» не создавало образа большого, с моря до неба, пространства, охваченного реальной тьмой. Все элементы здесь имели символический смысл, чего и не скрывал сам автор «Слова»: иносказательно говорилось о поражении русских князей. Эта аналогия только в одном отношении подходит к отрывку о Бояне: и в характеристике Бояна, и в рассказе о князьях автор «Слова» не думал о каких-либо пространственных, объемных картинах.

На то же указывают в «Слове» и отрывки преимущественно с реальным, а не только с символическим смыслом. Вот Ярославна плачет: «Свѣтлое и тресвѣтлое слънце! . . . чему, господине, простре горячюю свою лучю на ладѣ вои? Въ полѣ безводнѣ жаждею имь лучи съпряже» (55). Три пространственные реалии в структуре этого отрывка — *солнце, его луч, поле* — могли бы создать объем-

---

[3] *Срезневский И. И.* Материалы для Словаря древнерусского языка. М., 1958. Т. 2. Сб. 449.

[4] Летопись по Лаврентиевскому списку. 3-е изд. / Подгот. А. Ф. Бычков. СПб., 1897. С. 273.

ный образ. Солнечный луч привычно мыслился связывающим солнце и землю. Сравнение в «Минеях служебных» 1095 и 1097 гг.: «Солнце земли луча простьрл есть. . .» [5]. Однако в данном месте «Слова» образ все-таки не складывался, потому что солнце и поле, в сущности, не были связаны: солнце простерло луч именно на воинов и на их луки, а не на поле. Поле упоминалось в соседней фразе как бы само по себе, без прямой связи с солнцем. Автор «Слова» не ценил возможность создания реального пространственного образа ни в плаче Ярославны, ни в характеристике пения Бояна.

Прочие аналогии в «Слове» лишь укрепляют сделанный вывод. Например, полно свежего воздуха и простора обращение Ярославны: «О вѣтрѣ, вѣтрило!. . Мало ли ти бяшетъ горѣ подъ облакы вѣяти, лелѣючи корабли на синѣ морѣ?» (54). Здесь упоминаются пространственные элементы только двух уровней — верха и низа (солнце и море). Ветер тоже относится к верху, дует вверху. Сравните в «Слове» же: «Высоко плаваеши. . . на вѣтрехъ» (52). Но в этом месте плача Ярославны остается не названным в явлениях природы средний пространственный уровень. Ветер словно бросается из-под облаков сразу на сине море. А между облаками и морем зияет как бы белое пятно. Законченного образа нет. Правда, слово «горъ» в данном месте (исправленное при издании на «горѣ») можно истолковать как «горы» — ветер обвевает гóры под облаками [6]. Тогда появляется необходимый для образа третий, промежуточный пространственный элемент. Однако и в таком случае автору «Слова» не удается приписать стремление к созданию пространственного образа: не связаны эти облака и сине море — ветер обвевает отдельно горы под облаками и отдельно лелеет корабли на море (так построена фраза). И данный пример не подтверждает предположения о наличии объемно-пространственного образа в характеристике пения Бояна в начале «Слова».

Прочие примеры отвести совсем легко. «Игорю утрьпѣ солнцю свѣтъ, а древо небологомъ листвие срони» (52) — есть пространственные элементы верхний (солнце) и средний (древо), но не назван низ. «Ничить трава жалощами, а древо с тугою къ земли преклонилось» (49), «уныша цвѣты жалобою, и древо с тугою къ земли прѣклонилось» (55) — обозначены пространственные элементы нижний (земля, трава, цветы) и средний (древо), но зато не назван верх. «Небрежность» автора «Слова» тут объяснима одним: не реально-пространственные образы его привлекали, а символика горя. «Слово о полку Игореве» настойчиво указывает на старания автора совсем в иной сфере творчества, нежели создание реально-пространственных образов.

---

[5] Цит. по кн.: *Адрианова-Перетц В. П.* «Слово о полку Игореве» и памятники русской литературы XI—XIII веков. Л., 1968. С. 176.

[6] Реконструкцию древнерусского текста «Слова» и комментарии Н. А. Мещерского и А. А. Бурыкина см. в кн.: Слово о полку Игореве. Л., 1985. С. 33, 44, 478.

Попытки найти подобные образы в других памятниках древнерусской литературы XI—XIII вв. тоже заканчиваются неудачей. Так, описания природы встречаются в сочинениях Кирилла Туровского. Приведем лишь небольшой отрывок из такого описания: «Нынѣ небеса. . . темных облак, яко вретища, съвьлекъше. . . Нынѣ солнце, красуяся, к высотѣ въсходить и, радуяся, землю огрѣваеть. . . Ныня древа лѣторасли испущають. . .» [7]. В приведенном отрывке можно выделить элементы всех трех пространственных уровней — верха (небо, солнце, облака), низа (земля) и середины (древа), но сделать это можно только чисто искусственно. С точки зрения образной указанное описание слишком пространно и хаотично. Пространственные элементы не связаны единым действием в реальное целое. Кирилл Туровский описывал символическую весну — победу христианства на Руси — и к четкому пространственному образу не стремился.

То же и в другом поучении Кирилла Туровского: «. . .облаци дъждьмь землю напаяють, и земля всяку траву сѣмениту и дрѣва плодовитая. . . въздращаеть» и т. д.[8] Облака — древа — земля. Но пространственные элементы здесь снова не связаны единым действием. И снова абстракция, а не реальный образ: Кирилл Туровский рассуждал о предназначенности мира вообще для человека вообще, а не рисовал конкретную картину.

Подобных примеров в литературе можно найти немало, в том числе в поучениях Иоанна Златоуста: «Вьсе ставлено житию нашему: то бо далъ есть солнце и луну, украшеныи ликъ звѣздьнии основа, въздухъ протягну, землю напълни, море оград̀и, горы и дубравы, хълъмы, источьникы, вапы и рѣкы несъвѣдьныя, роды садовьныя и ино вьсе пакы» [9]. Тут перечислены элементы трех пространственных уровней — верха (солнце, луна, звезды), середины (воздух, горы, дубравы, холмы, сады), низа (земля, море, источники, реки). Но знаменательна некоторая хаотичность перечисления элементов как реалий и одновременное присутствие солнца, луны и звезд — все это свидетельствует в пользу абстрактного, «инвентарного» описания мира Златоустом, а не реально-пространственной картины. В древнерусской литературе XI—XIII вв. не обнаруживается ни одного примера, который помог бы считать характеристику пения Бояна в «Слове о полку Игореве» реально-пространственным художественным образом. От такого истолкования приходится решительно отказаться.

Тогда какой же пространственный смысл мог вкладывать в это место автор «Слова»? Не подразумевал ли автор «Слова», что Боян в своем пении «растекался» очень далеко, за пределы Руси, пел о далеких походах? Предлагая еще одно истолкование, мы опираемся уже на несколько иные опорные слова в характеристике

---

[7] Цит. по ст.: *Еремин И. П.* Литературное наследие Кирилла Туровского // ТОДРЛ. М.; Л., 1957. Т. 13. С. 416—417.

[8] Там же. 1958. Т. 15. С. 333.

[9] Успенский сборник XII—XIII вв. / Изд. подгот. О. А. Князевская, В. Г. Демьянов, М. В. Ляпон; под ред. С. И. Коткова. М., 1971. С. 315.

Бояна: «мыслию по древу» — «вълкомъ — «орломъ». Все указанные слова ассоциировались у автора «Слова» с отдаленными местностями или далекими частями мира [10]. Боян растекался серым волком, но волки отмечались автором «Слова» всегда где-то в полях, вне границ Руси: «. . .сѣрыи влъци въ полѣ» за Курском (46), «влъци. . . по яругамъ» у Дона (46), «бѣжитъ сѣрымъ влъкомъ. . . къ Дону Великому» (47), «влъкомъ. . . дорискаше до куръ Тмуторокавя» (54), «влъкомъ. . . потече къ лугу Донца» по степи половецкой (55). Боян-волк, следовательно, тоже растекался мыслью где-то по далеким степям.

Замечание о том, что Боян растекался «шизымъ орломъ подъ облакы» (43) указывало не только на высокий, но и на далекий полет орла. Орлы в «Слове» тоже ведь далеко клекотали — в поле, у Дона, за Русской землей (46). В других памятниках орлы летали тоже очень далеко. В «Похвале Кириллу Философу»: «Прѣлатая яко орелъ на вся страны от вьстока до запада и от сѣвера и юга» [11]. В «Повести пророка Иеремии о взятии Иерусалима» орел летал «на всякъ путь» из Иерусалима в Вавилон и обратно [12]. Орел посещал человека в далеком путешествии в «Житии Вита» [13]. «Орьлъ идущь съ небесе» указывал путь к раю — в «Хождении Агапия в рай» [14]. В Ипатьевской летописи под 1201 г. русский князь «прехожаше землю ихъ, яко и орелъ» [15] — орел летел через всю вражескую землю. Боян-орел, вероятно, представлялся автору «Слова» улетающим очень далеко своей мыслью, — во всяком случае, за пределы Руси.

Мысль Бояна доходила до некоего древа, а древо у автора «Слова» тоже помещалось на дальних рубежах. С древа начинались неведомые земли: «Дивъ кличетъ връху древа, велитъ послушати земли незнаемѣ, Влъзе, и Поморию, и Посулию, и Сурожу, и Корсуню, и тебѣ, Тьмутороканьскыи блъванъ» (46). Древом отмечались пограничные реки: «. . .древо не бологомъ листвие срони: по Роси и по Сули гради подѣлиша» (52). Древо стояло на берегу пограничного Донца (55). Древо преклонялось к земле на берегу Каялы (49) и на берегу Стугны, разделившей русских и половцев (55). Древо тоже служило автору вехой (символом) далекой перспективы, куда уносилась мысль Бояна.

Наконец, Боян растекался «мыслию» (если полагать, что имелась в виду мысль, а не белка), а мысль в «Слове» имела свойство лететь далеко: можно было «мыслию. . . прелетѣти издалеча»

---

[10] О «локальном признаке дальности» см.: *Лотман Ю. М.* О понятии географического пространства в русских средневековых текстах // Учен. зап. Тарт. гос. ун-та. Тарту, 1965. Вып. 181: Труды по знаковым системам, II. С. 210—216.
[11] *Климент Охридски.* Събрани съчинения / Обраб. Б. Ст. Ангелов, К. М. Куев. Хр. Кодов. С., 1970. Т. 1. С. 426.
[12] Успенский сборник. С. 34, 36 и др.
[13] См.: Там же. С. 224—225.
[14] Там же. С. 467—470.
[15] Словарь-справочник «Слова о полку Игореве» / Сост. В. Л. Виноградова. М., 1977. Вып. 4. С. 36.

(51), мыслью можно было мерять огромные поля (55). Если уж кого-то нельзя «ни мыслию смыслити», то, значит, он пребывает совсем далеко — на том свете (49). И в других древнерусских памятниках мысль не только возносилась высоко, но и неслась далеко [16]. Таким образом, можно предположить, что всю характеристику пения Бояна автор «Слова» построил на подчеркивании далекого бега Бояновой мысли.

В контексте этой характеристики даже пояснялось конкретнее, насколько далеко «растекалось» пение Бояна: Боян пел «Храброму Мстиславу, иже зарѣза Редедю предъ пълки Касожьскыми» (44), т. е. мысль Бояна «дотекала» до касогов. Сказано также, что Боян помнил «първыхъ временъ усобицѣ» (43). Слово «усобицы» означало здесь не междоусобицы князей, а их походы на врагов (ср. далее в «Слове»: «Усобица княземъ на поганыя» — 49). То есть Боян вспоминал о походах князей вовне Руси, включая и касожский поход.

В контексте фразы о «растекании» мысли Бояна добавлено знаменитое сопоставление: поющий Боян «пущашеть 10 соколовь на стадо лебедѣи» (43—44). Но, по представлениям автора «Слова», соколы неуклонно устремлялись за пределы Руси: «. . .буря соколы занесе чресъ поля широкая. . . къ Дону Великому» (44), «о, далече заиде соколъ, птиць бокя, — къ морю» (49), «два сокола слѣтѣста съ отня стола злата поискати града Тьмутороканя. . . Дону» (50). Сокол находился вне своего гнезда: «. . .соколъ. . . высоко птицъ възбиваетъ, не дастъ гнѣзда своего въ обиду» (51). Сокол летел к своему гнезду, но опять-таки над полем половецким, вне Руси: «. . .полетѣ соколомъ», «соколъ къ гнѣзду летитъ. . . въ полѣ Половецкомъ» (55, 56). Лебедей, на которых охотились соколы, автор «Слова» мыслил тоже только вне Руси, в половецких степях (46, 55). Так что темы песен Бояна касались именно дальних мест — автор «Слова» снова давал понять это.

И еще. Во второй характеристике Бояна автор «Слова» говорил, что поющий Боян «рища. . . чресь поля на горы» (44): через те самые «поля широкие» и «великая поля», куда отправлялись русские князья «копие приломити конець поля Половецкаго» (44). И это поле казалось автору очень далеким: «Дремлетъ въ полѣ Ольгово хороброе гнѣздо. Далече залетѣло!» (47). Все вдаль и вдаль устремлялась мысль Бояна — так ее характеризовал автор в начале «Слова о полку Игореве». «Растекание» мысли (и пения) Бояна до далеких пределов — вот в чем состоял пространственный смысл и начальной фразы о Бояне.

В древнерусской литературе XI—XIII вв. нет близкой аналогии рассмотренной фразе о Бояновом пении. Но в литературе того времени были нередки упоминания о далеких пределах, до которых доходят произносимые слова проповедников и правителей. Например, Моисей Выдубицкий в 1199 г. поминал широкое

[16] Примеры см. в кн.: *Адрианова-Перетц В. П.* Указ. соч. С. 28—29, 177—178.

распространение слов киевского князя Рюрика Ростиславича: «Во всю бо землю изиидоша, по пророку, богомирная словеса твоя. . .»[17]. Такое же представление неоднократно выражалось в «Слове похвальном Кириллу и Мефодию»: «. . . словесе божия. . . излия ся устьнама его и вьсю вьселеную сластьно възвесели», «словеса ваю. . . насладиста вьсю вьселеную»[18]. О дальнем распространении «Словес» повествовали поучения Иоанна Дамаскина, Иоанна Златоуста и др.: «По вьсеи бо земли изиде гласъ ихъ и въ страну вьселеныя глаголи ихъ», «въ вьсю землю изиде вѣщание ихъ и въ коньць вьселеныя глаголи ихъ»[19]. Общее сходство между подобными высказываниями и характеристикой Бояна — в указании на дальность распространения «словес». Но есть и существенное различие: автор «Слова» ничем не намекнул на тех, кто слышит или знает песни Бояна; песнь или мысль Бояна «растекались» сами по себе, как бы без слушателей. Это разные смыслы: «словеса», усвояемые дальними слушателями, и автор «словес», улетающий далеко в мыслях. И все-таки можно признать, что имеются определенные основания выдвигать предположение именно о таком смысле фразы о Бояне в «Слове о полку Игореве»: мысль или пение Бояна «растекались» очень далеко, т. е. их содержание, их темы затрагивали географически отдаленные от Руси пункты и события.

В высказывании автора «Слова» о Бояне можно предположить существование не одного, а по крайней мере двух пространственных смыслов. Автор «Слова», возможно, выражал представление не только о дальности «растекания» мыслей у Бояна, но дополнительно и о быстроте движения его мыслей, быстром охвате многих тем: «растѣкашется вълкомъ» — «орломъ». Форма сопоставлений Бояна с волком и орлом вводила ощущение быстроты передвижения так же, как потом при описании стремительного бегства Игоря из плена: «А Игорь князь поскочи горнастаемъ къ тростию, и бѣлымъ гоголемъ на воду, въврѣжеся на бръзъ комонь и скочи съ него босымъ влъкомъ, и потече къ лугу Донца, и полетѣ соколомъ подъ мьглами. . . Коли Игорь соколомъ полетѣ, тогда Влуръ влъкомъ потече, труся собою студеную росу: претръгоста бо своя бръзая комоня» (55). В подобных оборотах (скакать или летать горностаем, гоголем, волком, соколом) выражалось украшенное, условное обозначение быстрого движения. Так же автор рассказал о таинственном Всеславе: «Скочи. . . лютымъ звѣремъ. . . скочи влъкомъ. . . а самъ въ ночь влъкомъ рыскаше. . . влъкомъ путь прерыскаше» (53—54), — стремительно скакал из города в город. Перед нами сопоставления, обозначавшие ту самую быстроту передвижения в пространстве, которой отличались герои

---

[17] Памятники литературы Древней Руси: XII век / Текст памятника подгот. В. В. Колесов. М., 1980. С. 410.

[18] Успенский сборник. С. 200.

[19] Там же. С. 302, 423.

в литературе динамичного монументализма (термин Д. С. Лихачева [20]).

Дополнительных примеров «звериных» сопоставлений можно привести несколько — они хорошо известны. В «Повести временных лет» говорилось о быстроте походов Святослава: «. . . и легъко ходя, аки пардусъ, войны многи творяше» [21]. В Галицко-Волынской летописи отмечалась стремительность напора князя Романа Галицкого: «Устремилъ бо ся бяше на поганыя, яко и левъ, сердитъ же бысть, яко и рысь, и губяше, яко и коркодилъ, и прехожаше землю ихъ, яко и орелъ. . .» [22]. В библейской книге пророка Исайи подобными же средствами изображался воинский натиск: «Колеса колесницам их, акы буря. Устремляются, акы лвы, и предстают, акы львичища» [23]. Смысл всех этих сопоставлений сводился к украшенному утверждению стремительности героев, в том числе и Бояна.

О том, что автор «Слова» как-то думал о быстроте многоохватывающей мысли Бояна, свидетельствует и контекст фразы о Бояне: Бояново пение напоминало автору стремительный полет выпущенных соколов на стадо лебедей. Боян перебирал перстами по струнам так стремительно, что струны будто сами песнь князьям рокотали. Не за то ли автор «Слова» назвал Бояна «смысленым» (54)? Сравните в списке XI в. «Толковых пророчеств»: «Съмысленнии людие съмыслять много» [24]. Боян в своих песнях быстро касался многих тем и далеких событий — примерно таков тот второй смысл, который, по нашему предположению, автор «Слова» вкладывал в характеристику Бояна. Можно обнаружить и иные пространственные смыслы в высказывании о Бояне. Эстетика пространства в «Слове» есть, но не привычная нашему современному сознанию (образная), а особая, монументальная, — впрочем, изучение этой эстетики прекрасно начато Д. С. Лихачевым [25].

---

[20] См.: *Лихачев Д. С.* «Слово о полку Игореве» и культура его времени. С. 51, 54.
[21] Летопись по Лаврентиевскому списку. С. 63.
[22] Цит. по кн.: *Лихачев Д. С.* «Слово о полку Игореве» и культура его времени. С. 54.
[23] Цит. по кн.: *Адрианова-Перетц В. П.* Указ. соч. С. 67.
[24] Там же. С. 167.
[25] См.: *Лихачев Д. С.* «Слово о полку Игореве» и культура его времени. С. 39—75. Ср. *Лихачев Д. С.* Избранные работы: В 3 т. Л., 1987. Т. 1. С. 644—646; Т. 3. С. 26—67.

В. В. Кусков

ИСТОРИЧЕСКИЕ АНАЛОГИИ СОБЫТИЙ И ГЕРОЕВ В «СЛОВЕ О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»

Среди многочисленных исследователей «Слова о полку Игореве» до сих пор нет единого мнения относительно места, которое занимают в его композиции исторические экскурсы.

Русский историк С. М. Соловьев отказывал тексту «Слова» в цельности и предполагал наличие в нем пропусков, связанных с изложением событий о борьбе Мономаха и последующих князей с половцами [1].

К мнению о том, что в мусин-пушкинском тексте «Слова» «многое не необходимо, многое стоит не на своем месте» пришел А. А. Потебня [2]. «Кажется, что список, дошедший до нас в издании 1800 г., — писал он, — ведет свое начало от черновой рукописи, писанной самим автором или с его слов, снабженной приписками на полях, заметками для памяти, поправками, вводившими переписчика (быть может, конца XIII или начала XIV в.) в недоумение относительно того, куда их поместить. . . Сверх того, кажется, в текст внесены глоссы одного или более чем одного переписчика» [3].

Исследователь предпринял реконструкцию текста первого издания «Слова о полку Игореве» и внес в него 722 поправки. Что касается исторического отступления об Олеге Гориславиче в «Слове», то его А. А. Потебня считает вставкой, которая нарушает живость изложения. Она взята автором «из другого, неизвестного сочинения. . . при вторичной редакции для памяти» [4].

В отступлении о Всеславе Полоцком исследователь видел «характер набросанных без порядка заметок по памяти и для памяти. . . по поводу славы деда Полоцких князей» [5].

«Потебня, — писал Е. В. Барсов, — смело и не обинуясь выступил с таким взглядом на „Слово“, который в существе подрывает всякое значение его текста и открывает полный и широкий

---

[1] См.: *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. М., 1960. Т. 3. С. 92.

[2] *Потебня А. А.* «Слово о полку Игореве»: Текст и примечания. 2-е изд. Харьков, 1914.

[3] Там же. С. 2.

[4] Там же. С. 51.

[5] Там же. С. 121.

простор для всевозможных его переделок по личным вкусам и настроениям»[6].

Пытался привести «в надлежащий порядок» текст «Слова» Д. И. Прозоровский[7]. Он считал, что мусин-пушкинский текст до крайности испорчен и перепутан переплетами и переписками, в нем утрачены многие места, и в «теперешнем его виде представляет какой-то странный сбор отрывков и бессмысленных выражений»[8]. Полагая, что художественное произведение обязано следовать в изложении событий хронологической летописной последовательности, Д. И. Прозоровский соединил воедино повествование о старом времени, относящемся к Бояновой эпохе, и поместил его перед началом рассказа о походе Игоря. Эти перестановки, как отметил Е. В. Барсов, «разрушают основную форму — свитие старых словес с новыми былями там, где то требовалось творческою мыслью автора»[9].

Еще больший произвол и субъективизм в реконструкции текста «Слова» допускал М. А. Андриевский[10].

А. И. Соболевский предложил произвести перестановку в начале текста «Слова о полку Игореве»[11], что было поддержано рядом ученых[12].

Отказывал «Слову» в цельности его композиции Иван Франко[13]. Он утверждал, что поэма состоит из многих песен, созданных в различное время разными певцами. Это песни о походе Игоря, о Всеславе Полоцком, о смерти Изяслава, о походе двух русских князей на Тмуторокань и отрывок песни — причитания русских жен. И. Франко полагал, что автор «Слова» заменил начало песни об Игоре своим риторическим вступлением, вставил различные отрывки из хроник, в том числе об Олеге Святославиче. Франко назвал это историческое отступление беспорядочной вставкой. Роль автора «Слова» он сводил к роли компилятора-книжника.

Как художника-компилятора рассматривал автора «Слова» Е. Ляцкий[14]. Исследователь полагал, что в «Слове» объединены две оригинальные песни-поэмы XII в. о походе Игоря и о киев-

---

[6] *Барсов Е. В.* «Слово о полку Игореве» как художественный памятник Киевской дружинной Руси. М., 1887. Т. II. С. 85—86.

[7] *Прозоровский Д. И.* Новый опыт объяснительного изложения «Слова о полку Игореве». СПб., 1881.

[8] Там же. С. 3.

[9] *Барсов Е. В.* Указ. соч. Т. II. С. 109—110.

[10] См.: *Андриевский М. А.* Исследование текста песни Игорю Святославичю. Екатеринослав, 1879—1880. Ч. I—IV. Вып. I—II.

[11] См.: *Соболевский А. И.* Материалы и заметки по древнерусской литературе // ИОРЯС. 1916. Т. XXI. Кн. 2. С. 210—212.

[12] См.: *Перетц В. Н.* «Слово о полку Ігоревім»: Пам'ятка феодальної України Руси XII віку. Київ, 1926. С. 39—40; *Гудзий Н. К.* О перестановке в начале текста «Слова о полку Игореве» // Слово о полку Игореве. М.; Л., 1950; *Он же.* Еще раз о перестановке в начале текста «Слова о полку Игореве» // ТОДРЛ. М.; Л., 1956. Т. 12. С. 35—41.

[13] См.: *Франко И.* Композиция «Слова о полку Игореве» // Archiv für slavische Philologie. B., 1907. Bd. 29. Heft 2—3. S. 299—307.

[14] См.: *Ляцкий Е.* «Слово о полку Игореве»: Очерк из истории древнерусской литературы. Композиция, стиль. Прага, 1934.

ском князе Святославе. «Трудно допустить, — писал ученый, — прежде всего, чтобы поэту Игоревых строф пришло в голову в наиболее ответственных драматических и поэтических местах вставлять то назидательные примеры из жизни и боевой деятельности других князей, то исторические воспоминания, то обращения к князьям за помощью для дальнейших битв. Приходится предположить, что автором строф о походе и судьбе Игоря не был и не мог быть слагатель всего памятника» [15].

В качестве резких нарушений логики повествования рассматривает исторические экскурсы в «Слове» известный советский историк академик Б. А. Рыбаков [16]. Он предложил восстановить в тексте поэмы хронологическую последовательность изложения исторического материала, полагая, что некогда со своих мест были изъяты шесть кусков и перемещены переписчиками в различные места «Слова».

Такова вкратце одна позиция исследователей относительно места в «Слове о полку Игореве» лиро-эпических отступлений.

Художественную цельность поэмы отстаивали Е. В. Барсов [17], А. В. Лонгинов [18], В. М. Истрин [19], В. Ф. Ржига [20], А. С. Орлов [21], В. П. Адрианова-Перетц [22], Л. А. Дмитриев [23], академик Д. С. Лихачев [24]. Каждый из этих исследователей посвоему доказывал органическую связь исторических отступлений в «Слове» с развитием его основного сюжета.

Принимая посильное участие в столь длительном научном споре, рассмотрим, какое место в поэме занимают исторические отступления, как они связаны с повествованием о событиях, современных автору, каков их характер и какие художественные функции они выполняют.

Как справедливо отмечалось неоднократно исследователями (Д. С. Лихачевым [25], А. Н. Робинсоном [26] и др.), историзм — одна из характерных особенностей древнерусской литературы XI—XII вв., он определяет собою ее метод и стиль. В то же время исто-

---

[15] Там же. С. 47.

[16] См.: *Рыбаков Б. А.* «Слово о полку Игореве» и его современники. М., 1971. С. 37—46.

[17] См.: *Барсов Е. В.* Указ. соч. Т. I—II.

[18] См.: *Лонгинов А. В.* «Слово о полку Игореве». Одесса, 1911.

[19] См.: *Истрин В. М.* Очерк истории древнерусской литературы. Пг., 1922. Т. 2.

[20] См.: *Ржига В. Ф.* Композиция «Слова о полку Игореве» // Славия. Прага, 1925. Т. 4. Вып. 1. С. 44—62.

[21] См.: *Орлов А. С.* «Слово о полку Игореве». 2-е изд., доп. М.; Л., 1946.

[22] См.: *Адрианова-Перетц В. П.* «Слово о полку Игореве» и памятники русской литературы XI—XIII веков. Л., 1968.

[23] См.: Слово о полку Игореве / Вступ. ст. Л. А. Дмитриева, В. Л. Виноградовой; Подгот. текста и коммент. Л. А. Дмитриева. Л., 1952. (Б-ка поэта. Большая сер.).

[24] См.: *Лихачев Д. С.* «Слово о полку Игореве». М.; Л., 1950; *Он же.* «Слово о полку Игореве» и культура его времени. 2-е изд. Л., 1985.

[25] См.: *Лихачев Д. С.* Развитие русской литературы X—XVII вв. Л., 1973.

[26] См.: *Робинсон А. Н.* Литература Древней Руси в литературном процессе средневековья XI—XIII вв. М., 1980.

ризм присущ и народному эпосу, складывавшемуся и развивавшемуся в этот период. Однако характер и качество историзма литературы и фольклора различны, хотя и имеют безусловно общие точки соприкосновения [27].

Каков же характер историзма «Слова о полку Игореве» и как он соотносится с историзмом древнерусской литературы XI—XII вв.?

В основу «Слова» положен реальный исторический факт неудачного похода Новгород-Северского князя Игоря Святославича совместно с братом Всеволодом, сыном Владимиром и племянником Святославом на половцев в апреле—мае 1185 г. Все его персонажи — реальные исторические личности. Однако в отличие от исторических повестей об этом походе, дошедших до нас в двух редакциях: Киевской и Суздальской летописей, в «Слове» отсутствует последовательное изложение всех событий неудачного похода, их точное хронологическое приурочивание. Автор «Слова» не указывает, когда русские войска выступили в поход, где соединились дружины Игоря с дружинами Всеволода, когда произошло затмение солнца, где была одержана русичами победа над половцами, не рассказывает о всех перипетиях второго, решающего сражения: ранении Игоря, обстоятельствах его пленения, жизни в плену. Поэт внезапно прерывает полный эмоционального драматического напряжения рассказ о сражении историческим лирическим отступлением о походах и битвах деда «нынешнего» Игоря Олега, рисует картину разгрома «храбрых русичей» на Каяле, «жалость» всей Русской земли и ее природы, обращая внимание на трагические последствия поражения Игоревых полков для Руси: усиление крамолы между князьями-братьями, ослабление политической и военной мощи Русской земли, усиление поганых, начало «невеселой године», године «туги и скорби», что подчеркивается плачем русских жен.

Поражению Игоря автор противопоставляет победу, одержанную великим киевским князем Святославом. При этом поэт не указывает, что этот поход был предпринят год тому назад, кто из князей принимал в нем участие.

В отличие от летописной повести в «Слове» отсутствуют сведения о времени и обстоятельствах, в которых Святослав Киевский узнает о самовольном походе северских князей и их поражении. Поэт создает силой своего художественного воображения символическую картину «мутного сна» Святослава «в Киеве на горах». Свой зловещий сон Святослав рассказывает боярам, которые в иносказательной метафорической форме сообщают великому князю о печальном событии.

Летописная повесть содержит слова упрека Святослава, а затем жалости к плененным половцами князьям. Автор «Слова» со-

---

[27] См.: *Адрианова-Перетц В. П.* Древнерусская литература и фольклор: (К постановке проблемы) // Адрианова-Перетц В. П. Древнерусская литература и фольклор. Л., 1974. С. 8—19.

здает, опираясь на реальный, конкретный факт, «золотое слово» Святослава, «со слезами смешанное», в котором звучит главная мысль поэмы о «зле» политической жизни феодальной Киевской Руси, когда князья-вассалы не помогают сюзерену. Поэт превращает «золотое слово» Святослава в страстный, вдохновенный монолог-призыв, обращенный к русским князьям, объединиться для общей борьбы за землю Русскую. При этом раны Игоря становятся тем знаменем, вокруг которого и призывает автор сплотиться русских князей для борьбы с внешними врагами.

Поэт-гражданин мысленно обозревает всю Русь. Его волнует судьба родной земли и безопасность не только юго-восточных ее рубежей, но и западных. Междоусобная борьба, рознь среди внуков полоцкого князя Всеслава приводит к торжеству западных врагов Руси. Междоусобия полоцких князей напоминают автору «Слова» крамолы их беспокойного деда вещего Всеслава. Стон Русской земли, вызванный крамолами первых князей, не прекращается и ныне, когда «сташа стязи Рюриковы, а друзии — Давидовы, нъ розно ся им хоботы пашут. Копия поют!».

Резким контрастом этому «пению копий» является голос Ярославны, которая «зегзицею незнаема рано кычеть». Заметим, что летописные повести даже не упоминают о жене Игоря Ефросинье Ярославне. Поэт силою своего «замышления», воображения раскрывает мысли, чувства и думы русской женщины, разлученной со своим милым ладой, скорбящей о горестной участи его и русских «воев», силой своей любви заклинающей стихии природы: ветер, Днепр Словутич и «светлое и тресветлое слънце».

И после этого плача-заклинания природа помогает Игорю вырваться из плена. Поэт создает поэтический диалог князя с Донцом, вкладывая в уста Игоря рассказ о горестной судьбе юного Ростислава, «которому затвори Днепр темне березе». Усилия половецких ханов Гзы и Кончака настигнуть беглеца оказываются тщетными. Поэт создает живую сцену диалога половецких ханов.

Завершается «Слово» апофеозом Игоря, возвратившегося в Киев, Русскую землю, и провозглашением славы в честь Игоря, «буй-тура Всеволода», Владимира Игоревича, общей славы князьям и дружине.

Таким образом, автор «Слова» не летописец. Он отказывается от летописного принципа хронологически-последовательного изложения событий, хотя и говорит о своем намерении излагать эти события «по былинам сего времени, а не по замышлению Бояню», т. е. следуя историческому факту, действительно бывшему, происходившему. Автора «Слова» интересует не внешняя хронологическая последовательность событий, их подробное описание, а внутренний смысл событий, их сущность, их оценка.

«Слово о полку Игореве» не хроника событий несчастного похода северских князей, а лиро-эпическое художественное произведение — поэма, в которой факт поражения Игоревых войск на Каяле — материал для глубоких раздумий поэта о судьбах Русской земли, гневного осуждения княжеских крамол-котор

и страстного призыва князей к единству во имя защиты интересов Русской земли и ее ратаев.

Отказывается автор «Слова» и от философско-моралистических провиденциалистских объяснений исторических событий, присутствующих в летописи. Исторические события определяются и направляются не волею божества, а волею и желанием человека и силами природы. Эти силы в начале похода предупреждают Игоря и его воев о грозящей им опасности, затем сочувствуют постигшей их беде — поражению и, наконец, помогают Игорю бежать из плена.

Сравним, как реагирует князь Игорь на небесное знамение — затмение солнца в летописной повести по Ипатьевскому списку и в «Слове» [28]:

в летописи:

. . . и рекоша мужи: «Княже, се есть не на добро знамение се». Игорь же рече: «Братья и дружино, таины божия никто же не весть, а знамению творець бог и всему миру своему; а нам что створить бог, или на добро или на наше зло — а то же нам видити».

(ПСРЛ. СПб., 1908. Т. II. С. 638).

в «Слове»:

И рече Игорь к дружине своей: «Братие и дружино! Луце ж бы потяту быти, неже полонену быти; а всядем, братие, на свои бръзыя комони, да позрим синего Дону». Спала князю умь похоти и жалость ему знамение заступи искусити Дону великаго.

(«Слово о полку Игореве»: Фототипическое воспроизведение 1-го изд. 1800 г. СПб., 1904. С. 5—6)

Согласно летописной повести, Игорь идет на половцев «положаче на бозе упование свое». После одержанной победы над половецкими отрядами Игорь, обращаясь к братьям и мужам, говорит: «. . .се бог силою своею возложил на врагы наша победу». «Божиим попущениемь уязвиша Игоря в руку». Поражение на Каяле летописец расценивает как проявление гнева божьего. Игорь видит в своем поражении божественное отмщение за содеянное им «убийство и кровопролитие в земле крестьяньстей» — взятие города Глебова у Переяславля. Нападение половцев на русские города Переяславль и Римов летописец рассматривает как божие наказание: «. . .и се бог казня ны грех ради наших». Бегство Игоря из плена трактуется в летописи как проявление божественного милосердия: «избави и́ (Игоря. — *В. К.*) господь за молитву християньску . . . се же избавление створи господь в пяток в вечере. . .».

Таким образом, в летописной повести о походе Игоря на половцев последовательно проведен провиденциалистский взгляд на события.

В «Слове о полку Игореве» отзвук этой позиции можно услышать только в словах автора при описании бегства героя из плена: «Игореви князю бог путь кажет из земли половецкой на землю Рускую. . .».

---

[28] В Лаврентьевской летописи затмение солнца, датируемое здесь 1 мая 1186 г., предшествует повести о походе Игоря на половцев. См.: ПСРЛ. Л., 1926. Т. 1. С. 396.

Средством оценки исторических событий, их героев в летописи служит прием исторической ретроспективной аналогии. Этот прием позволяет летописцам подкрепить свои морализаторские рассуждения авторитетом «писания», обратить внимание на символический смысл событий. Аналогии событиям отечественной истории летописцы отыскивают в истории библейской, сопоставляют русских князей с героями библейскими, а также героями византийской истории. Источник этих аналогий в XI—XII вв. — Историческая Палея и византийские хроники, преимущественно хроника Георгия Амартола.

Так, сообщая предание о хазарской дани, летописец прибегает к его сопоставлению с библейской историей, связанной с взаимоотношениями Моисея и египетского фараона. Как некогда израильтяне были освобождены Моисеем из египетского рабства, так и славяне, покоренные хазарами и платящие им дань по мечу от дыма, будут владеть своими поработителями. Этой аналогии летописец придает не только назидательно-символический характер, но и пророческий. (См.: Там же. С. 17.)

Русская княгиня Ольга сопоставляется в летописи с византийской царицей Еленой, матерью Константина Великого (Там же. С. 61). Подобно царице Ефиопской, пришедшей к царю Соломону, Ольга является в Царьград (Там же).

На параллели царь Соломон — Владимир строится летописный рассказ о распутстве князя. При этом подчеркивается преимущество киевского великого князя перед иудейским царем: Соломон остался язычником и погиб, Владимир, приняв крещение, обрел спасение. (См.: Там же. С. 80.)

В качестве нового Константина Великого Рима прославляет летописный некролог князя Владимира (Там же. С. 130).

Аналогии с библейскими персонажами русских князей служили в летописи средством не только их прославления, но и осуждения. Так, Святополк Окаянный, убийца братьев Бориса и Глеба, сопоставлялся с Каином. Суетность устремлений Святослава Ярославича, захватившего киевский стол и изгнавшего старшего брата Изяслава, сопоставлялась с суетностью иудейского царя Иезекия (Там же. С. 199).

Подобный прием ретроспективной исторической аналогии используется и в летописной повести о походе Игоря на половцев по Лаврентьевскому списку. Спасение Игоря из половецкого плена сопоставляется с бегством Давида от Саула: «. . .яко и Саул гони Давыда, но бог избави и́, тако и сего (Игоря. — *В. К.*) бог избави из руку поганых» (Там же. С. 399—400).

К приемам ретроспективной библейской исторической аналогии автор «Слова», как и автор летописной повести о походе Игоря по Ипатьевскому списку, не прибегает.

Исторические аналогии, которые широко использует автор «Слова», носят иной характер. Они связаны с воззрениями, уходящими в глубь «старых» времен, «века Трояна» — язычества с их культом предков, представлениями о мифическом родоначальнике.

«Слово» постоянно подчеркивает генеалогические родовые связи своих персонажей, неразрывную связь «нынешних» внуков с их дедами не только реально-историческими, но и мифическими. Так, главный герой поэмы Игорь, внук Олега Святославича черниговского, и все князья — участники похода принадлежат к «хороброму Ольгову гнезду», «Ольговичам». Изяслав, сын Васильков, единственный из всех внуков Всеслава полоцкого, «притрепа славу своему деду». Велесовым внуком именуется в «Слове» вещий Боян, даждьбожьими внуками — Ольговичи, стрибожьими внуками — ветры.

Генеалогическая точка зрения широко представлена и в летописи, где подчеркивается неразрывная связь внуков и дедов. Например: «В лето 6529 (1021) приде Брячислав, сын Изяславль, внук Володимерь на Новгород» (Там же. С. 146). Или под 6552 (1044): «В се же лето умре Брячислав, сын Изяславль внук Володимерь, отець Всеславль. . .» (Там же. С. 155). «В лето 6601 (1093), индикта 1 лето, преставися великый князь Всеволод, сын Ярославль, внук Володимерь. . .» (Там же. С. 215—216). Подобных примеров из летописи можно было бы привести довольно много.

Д. С. Лихачев обратил внимание на то, что в своих исторических воззрениях автор «Слова» придерживается родовой точки зрения [29]. «Отчина» и «дедина» постоянно фигурируют в правовых взаимоотношениях князей.

У некоторых летописцев XII в. наблюдается тенденция объяснять события своего времени событиями прошлого.

Так, в Лаврентьевской летописи под 1128 г. помещено историческое предание о Рогнеде. На его устный источник указывает сам летописец: «. . .яко сказаше ведущии преже» (Там же. 299). Это предание объясняет причины родовой вражды Всеславичей — Рогволожьих внуков — с Ярославичами: «. . .и оттоле мечь взимають Роговоложи внуци противу Ярославлим внуком» (Там же. С. 301). Под 1169 г., завершая рассказ о неудачном походе суздальцев во главе с Мстиславом Андреевичем на Новгород, летописец морализирует: «. . .не глаголем же прави суть Новгородци, яко издавна суть свобожени Новгородци прадеды князь наших, но аще бы тако было, то велели ли им предниии князи крест преступити. . .» (Там же. С. 362).

Однако в летописях XII в. подобные объяснения «настоящего» прошлым встречаются относительно редко, в «Слове» же они занимают весьма существенное место. Напоминание о дедах «нынешних» князей — характерная особенность поэмы.

В центре внимания поэта «хороброе гнездо Ольгово», «Ольговичи». В летописях Ольговичи в качестве активной политической силы Руси фигурируют с 1135 по 1210 г.

Под 1135 г.: «. . . и сложишася Олговичи и с Давыдовичи. . .». «В то же лето про то заратишаяся Олговичи с Володимеричи. . .

---

[29] См.: *Лихачев Д. С.* Исторический и политический кругозор автора «Слова о полку Игореве» // «Слово о полку Игореве»: *Сб. исслед. и ст.* // Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1950. С. 5—52.

Тое же зимы придоша Олговичи с Половци и взяша Городок и Нежатин. . .» (Там же. С. 302—303).

1136 г.: «В то же лето почаша с Олговичи рать имети. . . и изидоша противу им Володимеричи. . .» (Там же. С. 303). «И паки крамола бысть в них немала, шедше бо ти же Олговичи с Половци взяша Треполь. . .» (Там же. С. 304).

1138 г.: «Того же лета послаша Олговичи по Половци и начяша воевати по Суле. . .» (Там же. С. 305).

1139 г.: «Седе Олгович в Кыеве и нача замышляти на Володимерече и на Мстиславиче» (Там же. С. 307).

Таким образом, Ольговичи с 30-х годов XII столетия выступают постоянными противниками и соперниками Володимеречей (сыновей, а затем и внуков Владимира Мономаха) и Мстиславичей (сыновей и внуков Мстислава Владимировича). Следует отметить, что эта княжеская ветвь Володимеречей и Мстиславичей мало интересует автора «Слова». Он певец Ольговичей, их судьбы в центре его внимания.

Обращает на себя внимание и тот факт, что когда в 1139 г. великим князем киевским стал Всеволод Ольгович, отец Святослава «грозного великого киевского», происходит сближение Ольговичей с полоцкими Всеславичами. Эти связи скрепляются брачным союзом: в 1143 г. Всеволод Ольгович женит сына Святослава на полоцкой княжне Марии Васильковне. В 1151 г. полочане отправляют послов к Святославу Ольговичу (отцу Игоря) и отдаются его покровительству, обязавшись «имети его отцем собе и ходити в послушании его».

Весной 1180 г. Мстислав Ростиславич двинулся на Полоцк на Всеслава Васильковича. Предлог вражды: «. . .прадед Всеслав взял ерусалим церковный, сосуды служебные и погост один завел за Полтеск». Всеслав Василькович от союза с Ростиславичами отказывается и переходит на сторону черниговских князей. В 1181 г. черниговские князья помогают Всеславу Васильковичу одолеть Давида.

Автор «Слова о полку Игореве», несомненно, был хорошо осведомлен о взаимоотношениях «нынешних» Ольговичей и Всеславичей и искал объяснения их поведения в поведении их родоначальников — дедов.

Трагические судьбы Олега Святославича и Всеслава Брячиславича поражают своим сходством. Много невзгод и бед довелось претерпеть этим князьям за свою жизнь. «Повесть временных лет» позволяет восстановить фрагменты их жизненного пути.

Олег, сын Святослава Ярославича, впервые упоминается в летописи под 1076 г. Когда его отец княжит в Киеве, изгнав оттуда старшего брата Изяслава, Олег живет в мире и согласии с дядей Всеволодом, княжившим в Чернигове, и его сыном, а своим двоюродным братом Владимиром. Совместно Олег и Владимир идут «Ляхом в помочь на Чехы» (Там же. С. 199). Положение меняется после смерти Святослава Ярославича. Всеволод садится на великокняжеский стол в Киеве. Заключив мир с Изяславом, он уступает

ему Киев и возвращается в Чернигов, где находится и Олег. 10 апреля 1078 г. Олег от Всеволода бежит в Тмуторакань, где княжит его брат Роман и куда еще 12 мая 1077 г. бежал из Чернигова его двоюродный брат Борис. В 1078 г. в Заволочье убивают Глеба Святославича, княжившего в Новгороде. Кто и почему его убивает, летописец молчит. Можно только высказать догадку, что его, как старшего сына Святослава Ярославича, устраняет Всеволод, расчищая себе путь к киевскому престолу.

Олег и Борис из Тмуторакани приводят «поганых на Руськую землю» и с половцами устремляются на Всеволода, одержав над ним победу 25 августа 1078 г. Окрыленные успехом, Олег и Борис приходят к Чернигову, «много зла створше, проливше кровь крестьяньску». Всеволод идет в Киев к Изяславу, который, не помня зла, что довелось ему претерпеть от братьев, вместе с сыном Ярополком, а Всеволод с Владимиром выступают против Олега и Бориса к Чернигову. Черниговцы затворились в крепости, не пуская в город ни Олега с Борисом, ни Владимира. Изяслав же и Всеволод, услышав, что Олег и Борис идут против, пошли им навстречу. Олег сказал Борису, что они не смогут противостоять четырем князьям. Борис не послушал Олега и, «похваливъся вельми», выступил против. Злая сеча произошла «у села на Нежатине ниве». Первого убили Бориса Вячеславича, а затем убили Изяслава, стоявшего среди пешей дружины («внезапу приехав един, удари й копьем за плече»). Убийство Изяслава весьма загадочно. Можно полагать, что здесь действовала рука Всеволода, устранившего брата с великокняжеского престола. С малой дружиной Олег едва убежал с поля боя и скрылся в Тмуторакани. На столе отца и брата своего в Киеве сел Всеволод, посадив сына Владимира в Чернигове, а Ярополка — во Владимире, придав ему Туров.

В 1079 г. Роман Святославич из Тмуторакани пришел с половцами к Воину. Всеволод стал у Переяславля и заключил с половцами мир. Роман возвратился со своими союзниками-половцами назад, но по пути был ими убит 20 августа. Так Всеволод Ярославич расправился еще с одним племянником Святославичем. Олега же, по-видимому, не без ведома Всеволода в Тмуторакани захватили хазары и заточили за море, на остров Родос, а в Тмуторакани Всеволод посадил посадника Ратибора. Таким образом, к концу 1079 г. Всеволод оказался единовластным властителем Киевской и Черниговской земель, включая Тмуторакань.

В 1083 г. из греческого плена вернулся в Тмуторакань Олег. Он казнил там хазар, что подстрекали на убийство Романа и на его, Олега, заточение, отпустив из Тмуторакани Давида Игоревича и Володаря Ростиславича, которые 18 мая 1081 г. заняли Тмуторакань, схватив Ратибора.

Затем в летописи Олег появляется в 1094 г. Он приходит из Тмуторакани с половцами к Чернигову. Владимир Мономах затворяется в городе. Олег пожег городские предместья и монастыри. Владимир заключает мир с Олегом, и тот входит в город

отца своего. Летописец замечает, что это уже третий раз навел Олег поганых на землю Русскую (Там же, С. 226). В 1095 г. Святополк Изяславич и Владимир Мономах посылают за Олегом, веля ему идти с собою на половцев. Олег обещал, но не пошел с ними «в путь один». Заметим, что так же и Игорь Святославич не принял участия в коалиционном походе на половцев 1184 г. (очевидно, это было в традициях Ольговичей). Между Олегом, Святополком и Владимиром была ненависть, отметил летописец.

В 1096 г. Святополк и Владимир посылают за Олегом, чтобы тот пришел в Киев «поряд положить» о Русской земле. Олег же, «восприим смысл буй и словеса величава. . . рече сице: „несть мене лепо судити епископу ли игуменом, ли смердом", и не въсхоте ити к братома своима, послушав злых светник» (Там же. С. 230). Тогда Святополк и Владимир пошли на Олега, тот бежал в Стародуб. После 33-дневной осады в Стародубе Олег запросил мира. Выйдя из осады, он направился к Смоленску, но не был смолянами принят и тогда пошел к Рязани, а затем к Мурому. Услышав об этом, сын Владимира Мономаха, Изяслав, стал собирать войска против Олега. Олег направил к Изяславу послов, говоря: «. . .иди в волость отца своего Ростов, а Муром — волость отца моего, да хочу ту седя поряд створити со отцем твоим, се бо мя выгнал из города отца моего» (Там же. С. 237). В этом споре с Изяславом Олег был прав. Изяслав начал с ним междоусобную борьбу и был убит. Олег занял всю землю Муромскую и Ростовскую, посадил по городам своих посадников и стал взимать дань. Сын Владимира, Мстислав, разбил Олега. Умер Олег 10 августа 1115 г.

Какие же исторические реалии, связанные с бурными событиями жизни Олега, избирает автор «Слова»? Таких реалий весьма немного: это походы Олега из Тмуторакани в Чернигов (как свидетельствует летопись, их было несколько), битва на Нежатиной ниве, где погибли Борис Вячеславич и великий киевский князь Изяслав, — и все! Поэт не касается перипетий междоусобной борьбы Олега с Всеволодом, Владимиром, Святополком и Мстиславом. Он идет по пути широкого эпического обобщения исторических событий прошлого, прибегая к емкому метафорическому, метонимическому символическому стилю. Поэт сознательно прерывает рассказ о битве русичей на Каяле в самый напряженный ее момент, подчеркивая неразрывную связь времен и событий: полков Олега и рати «нынешнего Игоря», его внука. Сопоставляя прошлое с настоящим, поэт отмечал, что полки Олега не принесли славы Русской земле, а привели к ее запустению: «. . .тогда, при Олзе Гориславличи, сеяшется и растяшеть усобицами, погибашеть жизнь Даждьбожа внука; в княжих крамолах веци человекомь скратишась. Тогда по Руской земли ретко ратаеве кикахуть, нъ часто врани граяхуть, трупиа себе деляче, а галицы свою речь говоряхуть, хотять полетети на уедие».

К запустению Русской земли привело и поражение полков Игоря: «пустыня силу прикрыла», «по Руской земле простерлись половцы, словно „пардуже гнездо"», «невеселая година встала»,

«усобица князем на поганыя погибе». Более того, разгром русичей на Каяле привел к торжеству «поганых», которые «победами нарищуще на Рускую землю, емляху дань по беле от двора», «с всех стран прихождаху с победами на землю Рускую». Как рать Игоревых войск превосходит полки Олега, так результаты ее походов по своим бедственным последствиям превосходят последствия междоусобиц Олега. Если за обиду Ольгову погибает Борис Вячеславич, то теперь Обида встает в силах даждьбожьих внуков и вступает девою «на землю Трояню».

Аналогию событий и героев поэт усугубляет аналогией места. Если в междоусобной борьбе Олега с Изяславом, Всеволодом и Владимиром «с тоя Каялы» Святополк увозит тело убитого отца, то теперь «на брезе быстрой Каялы» разлучаются попавшие в плен братья, а кровавый пир битвы» «докончиша храбрии русичи: сваты попоиша, а сами полегоша за землю Рускую». «На реце на Каяле тьма свет покрыла».

Таким образом, сопоставление полков Олега и битвы Игоря с половцами позволяет поэту не только подчеркнуть грандиозность «нынешней» рати («а сицей рати не слышано»), но и главным образом сопоставить последствия политики деда и внука для Русской земли и дать оценку этой политики, высказать свое осуждение ей и сочувствие личной судьбе внука и деда. В связи с этим хотелось бы обратить внимание на то, что в отчестве Олега «Гориславлич» — так именует его поэт — звучит и осуждение Олега, и сочувствие ему одновременно. С одной стороны, он своими крамолами снискал себе горькую славу в Русской земле, а с другой — судьба его была горемычной. Лишенный отчины, отцовского стола в Чернигове, вынужден был он искать прибежища в далекой Тмуторакани, терпеть лишения в заточении на Родосе. «Гориславой» прозвал народ полоцкую княжну Рогнеду, сочувствуя ее горестной судьбе: лишенная отца и братьев, силою взятая Владимиром, а затем покинутая мужем, она одиноко прожила в выделенном ей Владимиром городе Изяславе.

Как двойственно отношение поэта — автора «Слова» к Олегу Святославичу, деду «нынешнего Игоря», так двойственно отношение и к последнему. Слава и хула сопутствуют герою, при этом в конечном итоге поэма завершается прославлением вернувшегося из плена Игоря.

Судьба Олега напоминала поэту судьбу полоцкого князя Всеслава. «Повесть временных лет» сообщает об этом князе, что он родился «от волхованья», «бысть ему язвено на главе его», «еже носит Всеслав и до сего дне на собе, сего ради немилостив есть на кровьпролитие» (ПСРЛ. Т. I. С. 155). После смерти отца Брячислава в 1044 г. он становится полоцким князем. В 1067 г. Всеслав совершает нападение на Новгород, он сжег город, сняв у святой Софии колокола, паникадила. Против начавшего междоусобную войну Всеслава выступили Ярославичи: Изяслав, Святослав и Всеволод. Они захватили Минск, перебив всех мужчин, а женщин и детей взяли в качестве добычи. Битва с Всеславом произошла

3 марта на реке Немиге. «И бысть сеча зла, и мнози падоша» (Там же. С. 167). Победа досталась Ярославичам, а Всеслав бежал. 10 июля Ярославичи пригласили к себе Всеслава, поклявшись на кресте, что не причинят ему зла. Однако они нарушили крестоцеловальную клятву. Когда Всеслав переехал к ним в ладье через Днепр, а Изяслав ввел его к себе в шатер, полоцкий князь был схвачен. Пленника привели в Киев, где и посадили в темницу вместе с двумя сыновьями.

В 1068 г. на Русскую землю напали половцы и на реке Альте разбили Ярославичей. Изяслав и Всеволод бежали в Киев, а Святослав в Чернигов. Собравшись на вече на торгу, киевляне обратились к князю: «. . .се Половци росулися по земли, даи, княже, оружье и кони, и еще бьемся с ними» (Там же. С. 170). Князь не послушал, и тогда киевляне, разделившись надвое, пошли одна часть к княжескому двору, а другая к темнице, где сидел Всеслав. Полоцкий князь был освобожден восставшими киевлянами, которые «прославиша и среде двора къняжа» (Там же. С. 171). Изяслав и Всеволод бежали. Семь месяцев пребывал Всеслав на киевском столе.

В 1069 г. Изяслав в союзе с Болеславом польским выступил против Всеслава. Всеслав пришел к Белгороду. «И бывши нощи утаивъся Кыян, бежа из Белагорода Полотьску» (Там же. С. 173). Обнаружив бегство Всеслава, киевляне вернулись в город, созвали вече и обратились к Святославу, прося его быть посредником между ними и Изяславом, чтобы тот не вел на Киев Польскую землю. Святослав и Всеволод послали к Изяславу, прося его не водить в город поляков и не уничтожать город отца своего. Взяв с собою небольшую часть поляков, Изяслав с сыном Мстиславом вошел в Киев. «И пришед Мьстислав исече Кияны, иже беша высекли Всеслава числом 70 чади. А другыя слепиша, другыя же без вины погуби не испытав» (Там же. С. 173—174). Затем Изяслав прогоняет из Полоцка Всеслава и сажает на его место Мстислава. Мстислав вскоре умер и на его место в Полоцке был посажен его брат Святополк, потому что Всеслав бежал. В 1071 г. Всеслав выгнал Святополка из Полоцка. Однако в том же году у Голотичска Ярополк Изяславич одержал победу над Всеславом.

В 1073 г. возникла распря среди Ярославичей. Святослав со Всеволодом объединились против Изяслава. 22 марта они вошли в Киев, а Изяслав вынужден был бежать. При этом Святослав оговорил перед Всеволодом Изяслава, якобы он «сватится со Всеславом мысли на наю» (Там же. С. 182). Умер Всеслав 14 апреля 1101 г.

Таким образом, сведения о Всеславе Брячиславиче Полоцком, помещенные в «Повести временных лет», довольно скудны. Его образ в «Слове о полку Игореве», как и образ Олега Святославича, дан приемами метафорически-символических эпических обобщений. Поэта не интересуют перипетии междоусобной борьбы Ярославичей со Всеславом. Он нарушает хронологическую последовательность событий, поскольку ему важно подчеркнуть стреми-

тельность, дерзость и отвагу вещего полоцкого князя-оборотня, тщетно пытавшего урвать свое счастье, «нъ часто беды страдаше». Вещему князю сложил свою припевку и вещий Боян. Усобицы Всеслава сеяли зло, отмечает поэт, рисуя яркую, образную картину битвы-молотьбы на Немиге, где «снопы стелют головами, молотят чепи харалужными, на тоце живот кладут, веют душу от тела. Немизе кровави брезе не бологом бяхуть *посеяни, посеяни костьми* руских сынов» («Слово». С. 36). Сравните: «Тогда при Олзе Гориславличи *сеяшется* и растяшеть усобицами. . .» и результат битвы Игоревых войск на Каяле: «Чърна земля под копыты *костьми была посеяна*, а кровию польяна» (Там же. С. 17—18). Так стилистически связываются воедино усобицы «первых» князей и поражение «нынешнего» Игоря как следствие нарушения князем-вассалом своих обязанностей по отношению к сюзерену — великому киевскому князю.

Обращает на себя внимание и тот факт, что в «Слове» Всеслав и Олег связаны также с далекой Тмутараканью: Олег «ступает в злат стремень в граде Тьмуторокане», Всеслав «из Кыева дорискаше до кур Тмутороканя», а Игорь и Всеволод — «„два сокола„ слетеста с отня злата стола поискати града Тьмутороканя».

Как известно, летопись не говорит о пребывании Всеслава в Тмутаракани, летописные повести о походе Игоря не указывают на эту далекую цель его похода.

Историческое отступление в «Слове» о Всеславе Полоцком органически входит в текст поэмы. Оно позволяет автору показать преемственность между знаменитым дедом и его внуками. Из всех Всеславлих внуков один Изяслав, сын Васильков, «притрепа славу деду своему Всеславу».

О которых между Всеславичами находим краткие свидетельства в летописи. После смерти Всеслава его ярый противник Владимир Мономах повел борьбу с его детьми, в частности с Глебом Всеславичем, и в 1118 г. захватил его в плен, а минское княжение перешло к Мономаху.

Борьбу с полоцкими князьями продолжил сын Мономаха Мстислав. В 1129 г. Давид, Ростислав и Святослав Всеславичи, а также внуки Всеслава, Василий и Иван Рогволодовичи, с женами и детьми были по приказу Мстислава захвачены и отправлены в заточение в Царьград, поскольку полоцкие князья, как заявил Мстислав, «учинили ему великую обиду». Так Всеславичи 50 лет спустя разделили участь Олега Святославича Черниговского.

Как сообщает В. Н. Татищев, греческий император послал полоцких князей в войске против сарацин [30].

В 1140 г. два полоцких княжича возвратились из Царьграда. В середине 40-х годов XII в. начинается бурный период междоусобной борьбы среди Всеславичей: «Быша усобица в них, и воевати сами на ся начаше».

---

[30] См.: *Татищев В. Н.* История Российская с самых древнейших времен. М.; Л., 1964. Т. 2. С. 240—241.

60-е годы XII в. отмечены постоянной междоусобной борьбой Рогволода Всеславича с Глебовичами — своими племянниками. В этой борьбе приняли участие Ростиславичи Мстислав и Давид, стремясь подчинить полоцких князей смоленским. Васильковичи переходят на сторону черниговских князей. В 1181 г. из Чернигова на Друцк двинулись Ярослав и Игорь Святославич с половцами, а с севера Святослав Всеволодович с новогородцами. Воздержавшись от решительного сражения, Ярослав с Игорем и половцами ушли к Киеву, а Святослав осадил Друцк, но города не взял (см.: ПСРЛ. Т. II. С. 418—420). После этого в летописях нет известий о событиях в Полоцкой земле до 1186 г., когда Давид Ростиславич Смоленский предпринял поход на Полоцк и заключил с полочанами мир. Вероятно, в течение пяти лет (1081—1086 гг.) шла непрерывная междоусобная борьба. О характере этой борьбы и позволяет судить автор «Слова о полку Игореве».

«Ярославе, и вси внуце Всеславли (о) уже понизить стязи свои, вонзить мечи вережени; уже бо выскочисте из дедней славе. Вы бо своими крамолами начасте наводили поганыя на землю Рускую, на жизнь Всеславлю».

Как известно, академик Д. С. Лихачев предложил весьма интересную конъектуру этого фрагмента текста «Слова» [31]. Однако полагаем, что здесь мусин-пушкинский текст должен быть сохранен в неприкосновенности и следует признать правоту А. В. Соловьева [32], считающего, что в данном обращении речь идет о внуке Всеслава, Ярославе Глебовиче, о котором упоминает В. Н. Татищев. Ведь в 80-х годах XII в. вряд ли было уместным говорить о внуках Ярослава Мудрого, или «давнего», «старого», как он именуется в «Слове». Очевидно, хорошо осведомленный в делах и взаимоотношениях полоцких князей поэт взывал к своим современникам, выделив из всех внуков Всеслава Ярослава Глебовича, как старшего в роде. При этом обращение к Ярославу стоит в форме звательного падежа единственного числа. Обращение автора «Слова» к Ярославу и всем внукам Всеслава поставлено в один ряд обращений к русским князьям сплотиться за землю Русскую. Поэт отмечал, что их распри привели к ослаблению западных рубежей Руси, и, учитывая реальную ситуацию, призывал внуков Всеслава прекратить междоусобия, «выскочить» из худой дедовской славы. Поэт не преминул подчеркнуть, что Всеславичи, подобно Ольговичам, прибегали в своей междоусобной борьбе к помощи «поганых», т. е. литовцев, наводя их на достояние своего деда Всеслава («жизнь Всеславлю»).

Следуя законам эпического художественного обобщения, поэт в зачине своей «трудной повести» намечает широкую историческую перспективу связей прошлого с настоящим: «Почнем же, братие,

---

[31] См.: *Лихачев Д. С.* Исторический и географический комментарий к «Слову о полку Игореве» // «Слово о полку Игореве» / Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. С. 452.

[32] См.: *Соловьев А. В.* К 40-летию Р. О. Якобсона. Нью-Йорк, 1956. С. 475—485.

повесть сию от стараго Владимера до нынешняго Игоря» («Слово». С. 5).

До сих пор среди исследователей «Слова» нет единодушного мнения относительно того, какого Владимира здесь имеет в виду автор: Владимира Святославича или Владимира Всеволодовича Мономаха.

Не будем повторять аргументов, выдвигаемых учеными в пользу того или другого Владимира. С точки зрения законов эпического художественного обобщения решение этого вопроса может быть только в пользу Владимира Святославича.

Эпитет «старый» в «Слове» употреблен 8 раз: «старые словесы», «старый Ярослав», «старый Владимир» (дважды), «старое время» (дважды)», «певше песнь старым князем» и в значении существительного: «стару помолодити». При этом синонимическим оборотом к словосочетанию «старый Ярослав» служит в «Слове» — «давний Ярослав».

В значении «прежний», «давний», «древний» слово «старый» нередко употребляется в памятниках XI—XII вв. Так, Иларион в «Слове о законе и благодати» прославляет «великаго кагана нашеа земли Володимера, вънука *стараго Игоря*, сына же славнааго Святослава» (курсив наш. — *В. К.*) [33]. В Новгородской первой летописи под 6717 (1209) г.: «Вда им (новгородцам. — *В. К.*) волю всю и уставы *старых* князей» [34].

Характерно, что «Слово о погибели Русской земли» называет Владимира Мономаха только «великим» [35].

На одно из значений слова «старый» — «прежний», «давнишний», «прошедший», «минувший», «древний» указывает В. Даль [36].

«Старый Владимир» связывается автором «Слова» с далеким прошлым Руси, ее золотым веком. В народном представлении «старые времена — золотой век» [37].

«Были вечи Трояни, минула льта Ярославля, были плъци Олговы» — такие своеобразные периоды в истории Русской земли выделяет автор «Слова». При этом «лета Ярославля» завершают определенный исторический период и противопоставляются походам Олега Святославича.

А. А. Шахматов обратил внимание, что до 6569 (1061) г. в тексте летописи почти не встречается точных хронологических определений. Исследователь пришел к выводу, что до 1061 г. летописец излагал события понаслышке, по устным преданиям [38].

---

[33] *Молдован А. М.* Слово о законе и благодати Илариона. Киев, 1984. С. 91.

[34] Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 248.

[35] *Бегунов Ю. К.* Памятник русской литературы XIII века: „Слово о погибели Русской земли“. М.; Л., 1955. С. 157.

[36] *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. СПб.; М., 1882. Т. IV. С. 316.

[37] Там же.

[38] См.: *Шахматов А. А.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908. С. 398—402.

По-видимому, «лета Ярославля» для автора «Слова» и его современников были гранью, отделявшей героическую устную эпическую историю Руси от истории письменной, летописной.

Хранителем этой устной эпической традиции, вероятно, был вещий Боян, связанный с уходящей в прошлое языческой культурой (недаром он «Велесов внук!») и в то же время свивавший «славы оба полы времени», т. е. времени эпического периода с временем историческим, современным Бояну: века Трояна и лета Ярослава с полками Олега и усобицами князя-оборотня Всеслава.

Поэт — автор «Слова» не касается событий, связанных со «старым Владимиром». Он хорошо понимает, что прошлое уже не воротить: «. . .того стараго Владимира нельзе бе пригвоздити к горам киевьским». В то же время автор не идеализирует прошлого. «О стонати Руской земли, помянувши пръвую годину и пръвых князей».

Интерес автора «Слова» к прошлому избирательный. Он не касается тех усобиц, которые возникли, согласно «Повести временных лет», еще в конце X в., после смерти Святослава Игоревича: в 977 г. Ярополк, старший сын Святослава, убивает брата Олега, а через три года с Ярополком расправился Владимир. В 1015 г. едва не вспыхнула междоусобная борьба между отцом и сыном (Владимиром и Ярославом), и только смерть Владимира помешала ей разразиться. Но зато старший сын Владимира Святополк начинает уничтожать своих братьев, и только в 1019 г. Ярославу удается одержать над Святополком победу. В 1023 г. начинается междоусобная брань между Ярославом и братом Мстиславом, закончившаяся только через три года, когда братья заключили мир, разделив Русскую землю по Днепру. «И начаста жить мирно и в братолюбстве, и уста усобица и мятежь, и бысть тишина велика в земли», — с удовлетворением констатирует летописец (ПСРЛ. Т. 1. С. 149).

Умалчивая об этих фактах, поэт явно идет по пути идеализации и «старого Владимира», и «давнего Ярослава».

А далее, согласно «Повести временных лет», начало междоусобной борьбы среди Ярославичей было положено Святославом, который «бе начало выгнанью братню, желая болшее власти» (Там же. С. 182).

Однако, как уже отмечалось выше, автора «Слова» интересуют прежде всего судьбы «нынешних» Ольговичей, он их певец, как справедливо заметил М. Н. Тихомиров [39]. Изображая беду, постигшую храбрые русские полки на Каяле, трагическую судьбу мужественного Игоря, отважного и бесстрашного буй-тура Всеволода, автор умело и тонко соединяет прошлое с настоящим, показывает преемственность между дедами и внуками, «передней» и «задней» славой и глубоко вскрывает причины «туги» и «печали», постигшей всю Русскую землю.

---

[39] См.: *Тихомиров М. Н.* Источниковедение истории СССР с древнейших времен до конца XVIII века: Курс источниковедения истории СССР. М., 1940. Т. 1. С. 76—87.

Поэт убеждает, что стремление князей к личной славе, их рознь приводят и приводили к торжеству «поганых» — внешних врагов.

Обращаясь к князьям со страстным призывом к единству, поэт-гражданин на примерах прошлых князей ставил вопрос о необходимости «нынешним» «выскочить» из дурной дедовской славы и, восприняв от предков их доблесть и мужество, сплотиться для борьбы за целостность и безопасность Русской земли. Поэт призывал к торжеству света над тьмой, радости над тугой, солнца и мира на земле над черными тучами кровавой войны.

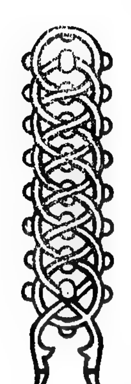

Е. Накамура
(ЯПОНИЯ)

«СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ» И «ПОВЕСТЬ О ДОМЕ ТАЙРА»

СРАВНЕНИЕ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ СИСТЕМЫ ЦВЕТОВ

1. Общее и необщее

Нам кажется, что в последнее время во всем мире с каждым годом возрастает живой интерес к «Слову о полку Игореве».

Мы имеем уже немало работ советских и иностранных исследователей, прежде всего А. Н. Робинсона[1], по типологическому сравнению «Слова» с другими средневековыми эпическими памятниками Европы — «Песнью о Роланде», «Песнью о Нибелунгах» и т. п. Эти работы, безусловно, во многом помогли выяснить художественную природу «Слова о полку Игореве».

Теперь нам хотелось бы познакомить зарубежный научный мир с одним из самых любимых японцами классических произведений — средневековым эпосом «Повестью о доме Тайра» и попробовать сравнить его со «Словом о полку Игореве» с точки зрения системы цветов.

В истории древнеяпонской литературы «Повесть о доме Тайра» относится к жанру гунки, буквально «военных описаний». Это произведение частично переведено на русский язык под названием «Повесть о Тайра» и «Сказание о доме Тайра»[2]. Оно описывает расцвет и падение военного феодального (самурайского) рода Тайра. «Повесть» называется по-японски «Хэйкэ-моногатари», т. е. «Повесть о доме Тайра», потому что иероглиф «тайра» читается в определенных ситуациях и «хэй», а «кэ» значит «дом».

Весной 1185 г. род этот окончательно погиб в сражении с другим военным домом — Минамото. Вскоре после этого, в самом начале XIII в., сложилась первоначальная форма «Повести о доме Тайра». Также весной 1185 г. выступил в поход в половецкие степи князь Новгород-Северский Игорь Святославич. И вскоре после

---

[1] См.: *Робинсон А. Н.* Литература Киевской Руси среди европейских средневековых литератур: (Типология, оригинальность, метод) // Славянские литературы: VI Междунар. съезд славистов (Прага, август 1968): Докл. сов. делегации. М., 1968. С. 49—116; и другие статьи. Его главные работы по этому вопросу см. в кн.: Литература Древней Руси в литературном процессе средневековья XI—XIII вв.: Очерки литературно-исторической типологии. М., 1980.

[2] См.: Повесть о Тайра // Конрад Н. И., Колпакчи Е. М. Японская литература в образцах и очерках. Л., 1927; Сказание о доме Тайра // Классическая проза Дальнего Востока / Пер. И. Л. Львовой. М., 1978. (Б-ка всемир. лит.)

похода возникло «Слово о полку Игореве». Это временнóе совпадение, хотя и случайное, нас удивляет.

Но, прежде чем сравнить два этих эпоса с какой-либо точки зрения, считаем необходимым сказать о нескольких существенных различиях между ними. Ведь, на первый взгляд, различий намного больше, чем сходства, и, вероятно, никакое сравнение не имеет смысла без оговорок.

Прежде всего, «Повесть» полностью отличается от «Слова» по истории формирования текста, точнее, текстов. «Слово о полку Игореве», как известно, создал некий анонимный автор XII в., и оно дошло до конца XVIII в. в одном списке позднейшего времени (по всей вероятности, XVI в.). Напротив, доказано, что в создании «Повести» принимал участие не один автор, и к тому же существует великое множество разночтений между многочисленными списками, дошедшими до нас.

По мнению одного авторитетного специалиста [3], в первой четверти XIII в. возникла первоначальная «Повесть», состоящая из трех книг, которая как таковая не сохранилась. В течение последующих 30—40 лет она дополнялась другими авторами и разрослась до шести, а затем до двенадцати книг. Самым лучшим из дошедших до нас текстов является так называемый «Какуйти-бон», т. е. текст, отредактированный гениальным слепым сказителем Какуйти в 1371 г. Хотя оригинал «Какуйти-бона» утрачен, до нас дошло несколько списков, переписанных с оригинала в конце XIV и начале XV в., и они получили широкое распространение в качестве самых авторитетных текстов. Одна редакция повести включает 20 книг, другая состоит даже из 48 книг. В общем, ни одно произведение древней японской литературы не имеет так много редакций, как «Повесть о доме Тайра».

Во-вторых, нельзя игнорировать огромную разницу в размере и составе двух эпосов. «Слово о полку Игореве» повествует, по существу, об единичном походе одного героя и исходе этого похода, включая оценку и исторические воспоминания автора, в более или менее однородном стиле. «Повесть о доме Тайра», за исключением пролога и эпилога, в основном хронологически излагает цепь событий с 1177 по 1185 г. В вышеупомянутой редакции «Какуйти-бона» текст памятника состоит из 12 книг и одной дополнительной книги, весь текст разделен приблизительно на 200 глав. Одни главы представляют собой почти документы, более летописные, чем художественные, другие — законченные рассказы о тех или иных лицах, третьи — любовные истории, а четвертые — описания сражений. Поэтому «Повесть» пестра по составу и разнородна по стилю.

Наконец, нам нельзя упускать из виду различия в литературной традиции, лежащей в основе двух эпосов. Можно сказать, что «Слово о полку Игореве» — достижение сравнительно молодой

---

[3] Имеется в виду проф. Е. Ямада (1873—1958), один из крупнейших специалистов по древнеяпонской литературе.

литературы. Наоборот, в Японии до «Повести» существовала традиция письменной словесности, насчитывавшая более 500 лет. Назовем только самые показательные памятники: «Кодзики» (VIII в.), своего рода начальная летопись Японии; «Манъёсю» (VIII в.), всенародная антология стихотворений; «Гэндзи-моногатари» (XI в.), большой роман в прозе, написанный придворной дамой.

До сих пор мы рассказывали о том, чем «Повесть о доме Тайра» отличается от «Слова о полку Игореве». Теперь нам хотелось бы отметить сходство между двумя произведениями. Во-первых, главные события, описанные в них, произошли в конце XII в. И оба эпоса созданы спустя короткий промежуток времени после этих событий, когда впечатления от них были еще свежи. Отсюда актуальный характер обоих произведений.

Во-вторых, относясь к жанру эпоса, и «Повесть», и «Слово» содержат так называемые лирические отступления. В «Повести» рассказывается с большой эмоциональностью об удачных или неудачных любовных приключениях действующих лиц и о сердечном сострадании разных женщин к погибающим воинам-героям. Что касается «Слова о полку Игореве», достаточно вспомнить о плаче Ярославны, жены Игоря. С нашей точки зрения, эти лирические сцены в значительной степени увеличивают прелесть эпических, в сущности, произведений.

Нужно отдать справедливость и мужчинам. Наибольшей добродетелью на поле боя является храбрость. Отправляясь в степь, Игорь ободряет свою дружину:

Луце жъ бы потяту быти, неже полонену быти.

В «Повести» также величайшей честью для воинов считается погибнуть в бою, защищая жизнь своего господина. Брат Игоря, «яр тур» Всеволод, выступает против превосходящих вражеских сил. Вот как воспевает автор «Слова» его героизм:

Кая раны, дорога братие, забывъ чти и живота,
и града Чрънигова отня злата стопа, и своя
милыя хоти, красныя Глъбовны, свычая и обычая!

Приведем параллельное место из «Повести»:

В старину полководец, выезжающий из столицы с повелением разгромить государевых врагов, знал три вещи: в тот день, когда ты пожалован командирским мечом, забудь свой дом, покидая свой дом, забудь жену и детей, когда же на поле брани сражаешься с противником, забудь о самом себе.

(Кн. V. Гл. «Битва на реке Фудзи»).[4]

---

[4] Собственно говоря, этот параграф является адаптированной цитатой из древнекитайской книги по стратегии «Wei-liao-tzy (Вэй Ляоцзу)». Это также имя автора книги, который жил в 3 в. до н. э. Он повторяется почти буквально и в «Ши цзи (Исторических записках)» величайшего древнекитайского историка Сыма Цянь (II—I вв. до н. э.). Само собой разумеется, что японцы вообще, феодальные воины в особенности, очень ценили храбрость. «Покидать самого себя» — обычное выражение, которое мы встречаем в наших воинских повестях. На достоинство храбрости героев эпических про-

И на Руси, и в Японии военные люди дорожили своей честью и опасались бесчестья.

Мы здесь не ставим своей целью перечислить все общие двум эпосам черты. Но остается еще одна важная особенность, свойственная «Повести» и, вероятно, также «Слову». Давно шел спор о «Слове о полку Игореве» — проза это или поэзия, сказывали или декламировали его или пели, как песню? Здесь мы воздержимся от подробного ответа, так как вопрос о жанре «Слова» прекрасно проанализирован в статье академика Д. С. Лихачева [5]. Только воспользуемся случаем, чтобы сказать, что заслуживает большого внимания мнение Д. С. Лихачева о том, что жанр «Слова» выходит за пределы книжной системы и системы фольклора. Что касается того, каким образом сложилась «Повесть о доме Тайра», японский автор XIV в. пишет в своем знаменитом эссе «Записки от скуки» [6], что бывший губернатор одной из провинций Фудзивара Юкинага после пострижения в монахи создал «Повесть» и обучил слепца по имени Сёбуцу рассказывать ее. Кстати, пишет он, Сёбуцу был родом из восточных провинций и, узнав многое и о самих ратниках, и о воинском искусстве в разговорах с воинами, помог Юкинага описать все это. Не установлено, был ли Фудзивара Юкинага первоначальным автором «Повести» или одним из позднейших редакторов. Однако из вышеприведенного места «Записок от скуки» совершенно ясно, что «Повесть о доме Тайра» была с самого начала предназначена для устного исполнения. Основанная на предыдущей литературной традиции, «Повесть», как и «Слово», выходит за пределы книжной системы. После «Повести» появилось несколько произведений-эпигонов, но они не пользовались таким успехом.

Сёбуцу и его последователи сказывали «Повесть» под аккомпанемент четырехструнного инструмента бива. В течение долгого периода феодализма японцы всех сословий, начиная с микадо и аристократов и кончая самураями и простым народом, любили слушать «Повесть», исполняемую слепыми бродячими монахами-сказителями. Через несколько поколений после смерти Сёбуцу образовалось несколько школ в искусстве сказывания «Повести». Внутри каждой школы текст передавали из уст в уста. Отсюда многочисленные редакции этого произведения. В свое время в одной только столице Киото было несколько сотен сказителей «Повести», а в настоящее время во всей Японии с трудом сохраняется старинная традиция сказывания двумя-тремя исполнителями.

Сказывают «Повесть о доме Тайра» то на мужественную, то на грустную мелодию, то без всякой мелодии, смотря по содержанию.

изведений давно обращает внимание проф. А. Н. Робинсон. См.: *Робинсон А.* Литература Древней Руси в литературном процессе средневековья XI—XIII вв. С. 273—288.

[5] См.: *Лихачев Д. С.* «Слово о полку Игореве» и процесс жанрообразования XI—XIII вв. // ТОДРЛ. Л., 1972. Т. 27. С. 69—75.

[6] См.: Кэнко-Хоси (монах) «Цурэдзурэгуса». См. русский перевод: *Горегляд В. Н.* Записки от скуки. М., 1970. Гл. 226. С. 151.

Точнее говоря, сказывают каждую главу в сопровождении комбинации нескольких протяжных мелодий, которых в общей сложности насчитывается более 20 видов. Существует письменное свидетельство, что требовался целый месяц, чтоб исполнить все 200 глав «Повести».

2. Цвета в обоих произведениях

А. М. Панченко в своей статье «О цвете в древней литературе восточных и южных славян» пишет: «Сама проблема цвета в словесном искусстве нуждается в обосновании» [7]. Нельзя не согласиться с ним в принципе. С точки зрения этого исследователя, художественная литература может обходиться без цвета. Возможно, существуют литературные шедевры, где нет даже упоминания о цвете.

Но все-таки, нам кажется, когда речь идет о сравнении одножанровых эпических произведений, цвет служит немаловажным показателем художественных особенностей каждого произведения.

Еще раз процитируем слова А. М. Панченко. Заметив, что древнерусский художник слова, как правило, не нуждался в цвете и что средневековая эстетика «не хотела» цвета, он признает, что «наиболее окрашенным оказывается самое талантливое произведение древнерусского словесного искусства — „Слово о полку Игореве"».

Говоря конкретно, в «Слове о полку Игореве» встречаются следующие цвета: синий (8 раз), червленый (6), черный (4), серый (3), зеленый (3), белый (2), багряный (1), бусов (1), сизый (1). Чаще всего обладают цветом природа и природные явления (море, Дон, земля, туча и т. п.), затем идут животные (волк, орел, ворон и т. п.) и оружие (щит, чолка и т. п.). Отсюда можно видеть, какую активную роль играет природа в процессе развития событий «Слова».

Мы думаем, что, когда обсуждается колорит литературного произведения, следует принимать во внимание, кроме слов, обозначающих цвет, также фигуральные выражения и те слова, которые сразу вызывают ассоциацию самих вещей с цветом. К первой группе относятся такие выражения, как «кровавая заря» и «серебряная седина», а ко второй — прилагательные «златой», «серебряный», «жемчужный» и существительные «лебедь», «кость», «трава», «дерево» и т. п. «Слово» делает окрашенным не сравнительное обилие цветообозначающих слов, а искусное сочетание таких слов с различными выражениями, которые пробуждают понятие цвета. Приведем из «Слова» более или менее типичные примеры:

Съ зарания въ пятъкъ потопташа поганыя плъкы Половецкыя и, рассушясь стрѣлами по полю, помчаша красныя дѣвкы Половецкыя, а съ ними злато, и паволокы, и драгыя оксамиты. Орьтъмами и япончицами, и кожухы

---

[7] *Панченко А. М.* О цвете в древней литературе восточных и южных славян // ТОДРЛ. Л., 1968. Т. 23. С. 3—15.

начаша мосты мостити по болотомъ и грязивымъ мѣстомь, и всякыми узорочьи Половѣцкыми. Чрьленъ стягъ, бѣла хорюговь, чрьлена чолка, сребрено стружие — храброму Святьславличю!

Чръна земля подъ копыты, костьми была посѣяна, а кровию польяна; тугою взыдоша по Руской земли!

С нашей точки зрения, в противоположность древнерусской литературе средневековая японская литература именно «любила» цвет. С древнейших пор возникновения литературы японцев интересовали богатые красками образы. И авторы «Повести» были неравнодушны к цвету. По-японски слово, которое обозначает цвет, — иро. Задолго до создания «Повести» появились разные переносные значения этого слова. Сначала, между прочим, «цвет лица», потом «красивое лицо» и «страсть, вызванная красивым лицом». Есть основание думать, что в сознании японцев средних веков иро-кономи, т. е. способность к такой страсти, была необходимым качеством аристократов-комильфо.

Недавно в Японии вышла в свет большая работа А. Ихара, посвященная проблеме цвета в древнеяпонской литературе [8]. В ней исчерпывающе представлены все слова, обозначающие цвет, в главных литературных произведениях. В «Повести о доме Тайра» А. Ихара выделяет 57 таких слов. Из этих слов, на наш взгляд,

собственно цветообозначений	13
фигуральных, или обозначающих вещь, которая имеет определенный цвет (как «хурма», «увядший лист», «вода», «злато», «серебро», «пудра» и т. п.)	24
заимствований из китайского языка, употребляемых в книжных словосочетаниях	6
обозначающих способ окрашивания	6
специальных слов для обозначения масти лошадей	6
и совсем косвенных выражений (как «запрещенный цвет» и «чистая (одежда)»)	2

Перечислим самые важные цвета «Повести» в порядке частоты употребления. (Текст по изданию: Нихон котэн бунгаку таэкэй. «Серия классической японской литературы». Токио: Иванами, 1959—1960. Т. 32. Это своего рода сводный текст). Белый (сиро) (158), черный (куро) (105), красный (ака) (49), синий (ао) (38), алый (курэнай) (31), темно-синий (кон) (20), зеленый (мидори) (15), желтый (ки) (14), желтовато-зеленый (мозги) (13), пунцовый (хи) (11), фиолетовый (мурасаки) (11), иссиня-черный (кати) (8).

Нужно добавить, что в Японии часто называли золото желтым и не различали слова «золотой» и «желтый». Слово «золотой» встречается в «Повести» 42 раза. Кроме того, как и сейчас, смешивались синий и зеленый цвета.

Для «Повести» более всего характерно то, что в подавляющем большинстве случаев названия цветов использованы для описания одежды и доспехов воинов. Вспомним, что в «Слове о полку Игореве» упоминается с определением цвета одна паполома, т. е. по-

---

[8] См.: *Ихара А.* Нихон бунгаку сикисай ёго сюсэй — Тюсэй (Словник цветообозначений в японской литературе средних веков). Токио, 1975.

гребальная пелена. В «Повести», напротив, очень подробно и тщательно описываются одежда, доспехи и оружие, носимые воинами. Почти ни одно сражение не начинается без описания нарядного платья на военачальниках обеих сторон. Вот одно из самых типичных мест.

В тот день на Куро Ёсицунэ под хитатарэ из красной парчи надеты были фиолетовые, сверху бледной, книзу более сочной окраски доспехи, завязаны шнуры у шлема, увенчанного выступами в форме мотыг, подпоясан меч, отделанный золотом; стрелы при нем были «со вкраплениями», к луку, расписанному под гроздь глицинии, чуть ниже середины его, прикреплены полоски бумаги шириною в один сун. Это был знак, что сегодня он великий полководец.

(Кн. IX. Гл. «Битва на Кавара»)

По нашему подсчету, в «Повести» употреблено 22 слова, обозначающих цвета одежды. Разумеется, используются все собственные цветообозначения, за единственным исключением желтого; более того, в эпосе имеются названия разных тонких, так называемых нейтральных цветов, обозначенных с помощью фигуральных выражений, таких, как «увядший лист» (кутиба), «кора кипарисовика» (хивада), «горный голубь» (ямабато) и т. п. Такие названия в быту японцев того времени были прочно закреплены за цветами ткани. Одно из названий нейтральных цветов — кидзин — этимологически обозначает «светлый желтовато-зеленый цвет плесени, покрывающий закваску». Это слово появляется дважды в «Повести» как цвет хитатарэ — просторного облачения самурая.

В «Гэндзи-моногатари (Повести о принце Гэндзи)», написанной в начале XI в., писательница Мурасаки Сикибу говорит: «И в старинных повестях описывалось, прежде всего, как героиня наряжается». Можно утверждать, что японцы с давних времен пускали в ход свою изобретательность для создания самых тонких цветов и состязались друг с другом в красоте цвета одежды. В средневековой Японии цвет одежды служил и для характеристики социального положения человека, потому что за определенными сословными группами были законодательно закреплены цвета, в которые они могли окрашивать свою одежду. Каждый чин или ранг тоже имел свой собственный цвет для парадного костюма.

Почти столь же богата цветовая гамма «Повести» при изображении воинских доспехов, шлемов, мечей, луков, стрел и т. п. Разнообразны по масти боевые кони: кроме белой, вороной и «черной, как тушь», встречаются серая (асигэ), коричневая (кагэ), пегая (касугэ), белая с черной холкой (каварагэ), гнедая (куригэ) и золотистая (цукигэ). Нередко читаем и выражение «серая в яблоках» (рэнсэн-асигэ).

Надо сказать, что животные, кроме боевых коней, не играют никакой роли в «Повести».

Явления природы, которые в «Слове» «окрашены» в различные цвета, представлены в «Повести» значительно беднее. К тому же явления природы с обозначением цвета в «Повести» упоминаются только в таких устойчивых сочетаниях, как «белый снег», «белая волна», «черная туча», «синее море», «синее небо» и т. п.

3. Система цветов

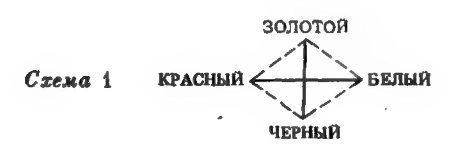
Основные группы цветов в «Повести о доме Тайра» — белый, красный, желтый и черный. Несмотря на большую употребительность, синий и зеленый намного менее выразительны, потому что, с одной стороны, эти цвета относятся к одежде меньше основных цветов, а с другой — они использованы главным образом для описания природных явлений в постоянных эпитетах. И в сфере цветового представления алый и пунцовый можно включить в красный, а темно-синий и иссиня-черный — в черный.

С точки зрения символики цветов всю «Повесть» пронизывает контраст красного и белого: за власть боролись Тайра с красным знаменем, а Минамато — с белым. Вся страна была вовлечена в водоворот их борьбы во второй половине XII в. В «Повести» рассказывается эпизод, как один провинциальный феодал, чтобы решить, к какой стороне примкнуть, заставлял красных петухов биться с белыми.

Номинальным властелином страны все оставался микадо, точнее, экс-микадо Го-Сиракава, который, отрекшись от престола, принял монашество. Вообще, двор с Го-Сиракава во главе можно представить цветом золота, т. е. желтым, как символом знатности. Еще одной группой, пользующейся большим общественным влиянием, являются клерикальные силы, независимые от военных домов. Происходило характерное для Японии объединение буддийских и синтоистских храмов. В «Повести» религиозные силы связаны с черным цветом, примером чего являются «черная ряса» и набрюшник (харамаки) воинов-монахов. Интересно, что и между двором микадо, и религиозными силами чередовались отношения союза и вражды, как это излагает «Повесть».

Соотношение четырех главных цветов в «Повести» представлено на схеме 1.

Схема 1

Преобладающие цвета одежды, доспехов, оружия в «Повести» изображены путем контраста или сочетания этих основных цветов:

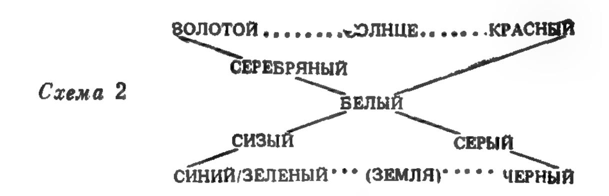
красный — белый: красное знамя / белое знамя, алая юбка (хакама) / белая юбка;
красный — золотой: парча;
красный — черный: красное хитатарэ / иссиня-черное хитатарэ, доспехи с красной шнуровкой / доспехи с черной шнуровкой;
белый — золотой: алебарда с белой рукояткой / меч с золотой отделкой, седло с белым бордюром / седло с золотым бордюром;
белый — черный: белый конь / вороной конь, стрела с черной серединой и белыми концами;
золотой — черный: меч с золотой отделкой / меч с ножнами, покрытыми черным лаком.

Что касается «Слова о полку Игореве», Д. С. Лихачев замечает, что его художественная система вся построена на контрастах, в том числе и на контрасте свет—тьма [9]. Контраст свет—тьма, по нашему мнению, можно заменить контрастом золотой—черный. «Златыми» являются в «Слове» стол, седло, стремя, шлем русских князей и т. п., а черными — ворон, туча и земля, относящиеся к половцам. В «Слове» мы можем различить еще другой, дополнительный контраст цветов: теплый колорит (красный) — холодный колорит (синий). В красный цвет выкрашены русские щиты, а также стяг и чолка, принесенные к Игорю. «Багряные столпы» представляют собой русские князья. Очень интересно, что зловещая заря изображается «кровавой», а не «красной». С другой стороны, синий Дон и синее море принадлежали вражеской земле, синяя молния — дурная примета [10]. Синее вино было «с трудом (скорбью) смешано».

В середине, т. е. в точке пересечения двух контрастов золотой—черный и красный — синий, находится белый цвет. Давно было отмечено, что в славянском устно-поэтическом творчестве эпитет «белый» употребляется в смысле достойного любви или похвалы. По мнению А. А. Потебни [11], белый цвет был символом красоты. Однако, поскольку речь идет о «Слове», белый цвет встречается только два раза («белый хоругвь» как трофей и «Игорь князь поскочи. . . бълымъ гоголемъ на воду») и не резко отличается от других цветов, хотя не вполне нейтрален.

Можно было бы иллюстрировать взаимоотношения цветов в «Слове о плоку Игореве» так, как это представлено на схеме 2.

Схема 2

Чем можно объяснить разницу в системе цветов в двух эпических памятниках? Нам хотелось бы остановиться сначала на различиях в общественной основе этих произведений.

Положение Японии конца XII—начала XIII в. коренным образом отличалось от положения Киевской Руси того же периода. В «Повести» описывается распря или, самое большшее, война внутри

---

[9] См.: *Лихачев Д. С.* Слово о походе Игоря Святославича // Слово о полку Игореве. Л., 1967. С. 20. (Б-ка поэта).

[10] Об особенной реальной связи половцев с синим цветом см.: *Гордлевский В. А.* Что такое «босый волк»? // Изв. АН СССР. ОЛЯ. 1947. Т. 6. Вып. 4. С. 326 и след.

[11] См.: *Потебня А. А.* О некоторых символах в славянской народной поэзии. Харьков, 1914. С. 34.

страны между двумя лагерями самурайства, т. е. военного дворянства, выступавшего на историческую арену на смену старинной аристократии, окружавшей микадо. Иноземцы не участвовали в войне. Воюющие лица, правда, питали непримиримую вражду друг к другу и иногда проявляли жестокость. Но авторы «Повести» никогда не считали, что от исхода борьбы двух самурайских родов зависит судьба всего народа. В то же время ни к одной из четырех сил, представленных концами креста цветов, не склонялись исключительные симпатии авторов «Повести». Относительно больше сострадания приходится на долю погибающего дома Тайра (откуда и название эпоса). Тем не менее авторы относятся к роду Минамото не враждебно, а иногда с большой доброжелательностью. По отношению ко двору микадо высказывается постоянное уважение. Религиозные силы принимают на себя роль убежища и спасения душ всех мирян, в том числе микадо, аристократов и военных, и пользуются соответствующим авторитетом. «Главное содержание эпоса — полная сострадания повесть о многочисленных людских судьбах», — пишет переводчица «Повести» И. Л. Львова [12]. Здесь царит буддийская идея:

Гордые — недолговечны:
  Они подобны сновидению весенней ночью.
Могучие — в конце концов погибнут:
  Они подобны лишь пылинке пред ликом ветра [13].

Такими словами начинается «Повесть о доме Тайра».

Поэтому ни один цвет не имеет исключительно положительной или отрицательной нагрузки. Нейтральные цвета одежды как будто смягчают антагонизм основных цветов.

«Слово о полку Игореве» воплощает совсем другую идею, другие стремления людей, живших, можно сказать, в более тяжелых условиях. В «Слове» описывается борьба русского народа с угрожающим ему противником. В этой борьбе не должно быть никакого примирения со своей судьбой, никакого раздвоения симпатии автора. Очевидна была точка зрения автора «Слова» как русского человека. Поэтому во всей системе цветов «Слова» свет и теплый колорит, т. е. златой и красный, представляют положительные ценности, а тьма и холодный колорит, т. е. черный и синий, обозначают отрицательные ценности. Разница в системе цветов, по нашему мнению, соответствует различному отношению авторов к описываемым ими событиям и различию в историческом положении двух стран.

---

[12] *Львова И. Л.* Примечания к «Сказанию о доме Тайра» // Классическая проза Дальнего Востока. С. 869.

[13] *Конрад Н. И., Колпакчи Е. М.* Указ. соч. С. 337.

Г. О. Винокур

К ВОПРОСУ О ЯЗЫКЕ «СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ» *

Исследование языка «Слова о полку Игореве» представляет значительные и своеобразные трудности. Ими объясняется то странное на первый взгляд обстоятельство, что в обширной научной литературе «Слова» нет ни одной работы, которая представляла бы собой хотя бы попытку систематического изучения «Слова» как памятника древнерусского литературного языка. Эти трудности двоякого рода. Во-первых, доступный нам текст «Слова» является крайне несовершенным. Нам приходится судить о языке «Слова» по очень поздней, и притом еще очень искаженной передаче, изобилующей совершенно непонятными местами, на разгадку которых нет никакой надежды до тех пор, пока не будет обнаружен новый список этого памятника. Во-вторых, изучать язык «Слова» трудно еще и потому, что, при всем обилии наших частных сведений о строе и составе древнерусской речи, мы до сих пор не обладаем отчетливыми представлениями о разных типах культуры письменного языка в эпоху Киевской Руси, о дифференцированных формах употребления древнерусского языка как языка разных родов древней письменности. Эта проблема литературных стилей древнерусского языка возникает с особенной остротой по отношению к такому памятнику, как «Слово», исключительное своеобразие языка которого заметно даже при самом поверхностном знакомстве с ним.

I. В исследовании языка «Слова» прежде всего следует выяснить, что представляет собой в лингвистическом отношении тот текст «Слова», которым мы располагаем. Этот текст, как известно, сохранился в виде двух копий с рукописи, сгоревшей в 1812 г.: *одна копия* — рукописная, снятая в конце XVIII в., другая — печатная, представляющая собой первое издание «Слова», вышед-

* Настоящая статья представляет собой доклад Г. О. Винокура, прочитанный на заседании ИМЛИ им. А. М. Горького АН СССР, посвященном 750-летию «Слова о полку Игореве» (23.V.1938 г.). Рукопись хранится в ЦГАЛИ. Фонд Г. О. Винокура. № 2164. *Оп.* № 1, 13, 41, 92. *См. также:* Язык «Слова о полку Игореве»: Альбом / Сост. Г. О. Винокур. М., [1938]. [26] с. ([Материалы к выставке Гос. лит. музея]). Текст доклада, библиографические сноски и примечания подготовлены к печати Т. Г. Винокур. Доклад печатается с сокращениями.

шее в 1800 г. По общепринятому теперь мнению, рукопись, к которой восходят оба эти текста, должна датироваться XV или началом XVI в., причем написана она была в Псковской области. Указанная датировка основывается, во-первых, на некоторых авторитетных свидетельствах лиц, видевших подлинную рукопись, — из них особенно важным является показание известного в свое время практического знатока палеографии А. Ермолаева о том, что рукопись «Слова» писана полууставом XV в., — а, во-вторых, на данных языка и орфографии. Из данных этого рода всего важнее для датировки сгоревшей рукописи те, которые представляют собой результат южнославянского влияния XV—XVI вв. на русскую письменность. Так как этих данных в мусин-пушкинском тексте «Слова» очень много, а к середине XVI в. волна южнославянского влияния спадает, то тем самым получаем сравнительно узкие рамки для датировки погибшей рукописи. Во всяком случае, следы южнославянского влияния — это тот первый слой явлений, который должен быть снят с сохранившегося текста «Слова» как несомненно отсутствовавший в оригинальном списке «Слова» [1].

Сюда относятся следующие факты:

1) Написание *ръ, рь, лъ* в положении между согласными, в тех случаях, где древнерусская орфография представляла обратный порядок плавного и глухого: *пръсты* 4 [2], *наплънився* 5, *плъкы* 5, 6, 10, 12 и др., *бръзыя* 5, *бръзыи* 7, *въскръмлени* 8, *влъцы* 8, *връху* 9, *блъванъ* 9, *Влъзѣ* 9, *чръленыя* 10, *длъго* 10, *чрьлеными* 10, *чръныи* 11, *млъніи* 12, *Чрънигова* 13, *Святоплъкь* 16, *млъвити* 19, *хлъми* 21, *чръпахуть* 23, *златовръсѣмъ* 23, *стлъпа* 25, *връжеса* 25, *подпръся* 35 и т. д. Я подсчитал, что от 85 % до 90 % случаев — это написания болгарского вида, в каком русские рукописи тогда не писались, даже в списках богослужебных книг это уже было редкостью.

2) Смешение букв ъ и ь — кроме случаев сочетания с плавными (*първыхъ* 3 и т. п.), ср.: *былинамь* 2, *соколовь* 3, 4, *умь* 5, 6, 24, 4, *Велесовь* 7, *тъмою* 8, 25, *мъгла* 10, *Святоплъкь* 16, *Святъславь* 21, 23, *вихръ* 22, *женчюгь* 23, *дъскы* 23, *дивь* 25 и др. В свое время уже Буслаев видел в этом факте влияние сербского правописания [3], а Колосов отмечал, что ь вместо ъ — «почти исключительно стоит при губных только» [4].

---

[1] См.: *Каринский Н. М.* Мусин-пушкинская рукопись «Слова о полку Игореве» как памятник псковской письменности XV—XVI вв. / ЖМНП. 1916. Ч. XII. Июль. С. 206—208.

[2] Цифры обозначают страницу издания, по которому проводилось исследование: «Ироическая пѣснь о походѣ на половцовъ удѣльнаго князя новагорода-сѣверскаго Игоря Святославича, писанная стариннымъ русскимъ языкомъ». М., 1800.

[3] См.: *Буслаев Ф.* Историческая хрестоматия церковно-славянскаго и древнерусскаго языковъ. М., 1861. С. 595.

[4] *Колосов М.* Очерк истории звуков и форм русского языка с XI по XVI столетие. Варшава, 1872. С. 182.

3) Написание буквы *а* вместо соответствующей йотированной буквы после гласных: *вѣщіа* 4, *сіа* 6, *трупіа* 17, *копіа* 17, 37, *граахуть* 43 и др.

4) Написание и, очевидно, произношение сочетания *жд* вместо *ж*, являющегося в чередовании с *д*, например: *порождено* 11, *междю* 16, *Даждь-Божа* 17, *прихождаху* 19, *нужда* 25, *жаждею* 39, *побѣждають* 27, *вижду* 26. Древнерусские рукописи, если исключить богослужебную литературу, не знают такого письма. Например, в Лаврентьевском списке летописи конца XIV в. нет ни одного случая, где вместо *ж* было бы написано *жд*.

Во всех этих категориях есть и случаи обратных написаний. Например, при *ръ* встречаем — *ър* и т. д.: *вълкомъ* 3, *пълкы* 4 и др. Что касается таких написаний издания 1800 г., как *солнце* 5, 8, *сердца* 5, 26, то, всего вероятнее, они представляют собой раскрытие титл: в рукописи, очевидно, было: *слнце*, *срдца* и т. д. Рядом с *копіа* 37 находим *копія* 8, рядом с *Даждь-Божа* 17 — *Дажь-Божа* 19 и т. д.

Второй слой явлений, который должен быть снят с мусин-пушкинского текста «Слова» как отсутствующий в оригинальном списке, — это те многообразные факты фонетики и морфологии, которые, по нашим общим сведениям, не могли принадлежать памятнику XII в., независимо от того, в какой области древней Руси он был написан, и которые представляют собой позднейшее, преимущественно великорусское, наслоение на первоначальный язык «Слова». В области фонетики сюда относятся, например, следующие факты: *вѣщей* 7, 37, *Софеи* 36, *иноходьцы* 16, что свидетельствует о твердом произношении *ц*, а под влиянием таких случаев — графическое *ы* после *щ*: *полунощы* 9 (Каринский считает возможным и эти факты объяснять влиянием южнославянской графики [5]). Возможно, что сюда же следует отнести и *чолка* 11, с *о* из *е*.

Гораздо более многообразны этого рода наслоения в области морфологии. Сюда прежде всего относится *-ть* в окончании 3 л. ед. и мн. ч. наст. вр., которое встречается в памятнике гораздо чаще постоянного в языке древнейшего периода *-ть*. По подсчету Огановского, формы на *-ть* встречаются в мусин-пушкинском тексте 12 раз, а формы на *-тъ* — 39 [6]. Ср. *бѣжать* 7, *звенить* 7, *трубять* 7, *стоять* 7, *скачють* 8; но *кличетъ* 9, *велитъ* 9, *крычатъ* 9, *ведетъ* 9, *пасетъ* 9, *брешутъ* 10, *бѣжитъ* 11 и т. д.

Особо нужно поставить вопрос о *-тъ* в окончании 3 л. ед. и мн. ч. имперфекта. Такая форма встречается в памятнике всего 4 раза, считая два случая, в которых конечный *ъ* не написан перед возвратной частицей *-ся*: два раза *бяшетъ* 1, 38; *растѣкашется* 3, *сѣяшется* 16. Этим четырем случаям противостоят довольно многочисленные случаи с *-ть*: *помняшеть* 3, *пущашеть* 3, *погибашеть*

---

[5] См.: *Каринский Н. М.* Указ. соч. С. 208.

[6] См.: *Огоновський О.* Слово о плъку Игоревѣ: Поетичний памятник Руської письменности XII віку. Львів, 1876. С. XXVI.

16, *растяшеть* 16, *ки́кахуть* 17, *гра́яхуть* 17, *говоряхуть* 17, *бяшеть* 21, *чръпахуть* 23, *сы́пахуть* 23, *гра́ахуть* 43. Очевидно, *-тъ* написано было в имперфектных формах писцом мусин-пушкинской рукописи вместо *-ть* под влиянием аналогичного соотношения в формах наст. вр., а сам по себе имперфект в любой форме был для него категорией совершенно мертвой.

Далее, несомненными великорусизмами являются три случая окончания *-ы* в им.-вин. мн. ч. слов среднего рода: *озеры* вин. 21, *забралы* им. 22, *времены* (вин., вероятно, ошибочно прочтено вместо *бремены*) 30. К морфологическим явлениям, которые трудно предполагать в оригинальном тексте слова, но которые хорошо известны из севернорусских памятников XIV—XVI вв., относится окончание род. ед. в словах ж. рода с твердой основой на *ѣ*: *ищучи себе чти, а князю славѣ* 8, *уже бо выскочисте изъ дѣдней славѣ* 35, *чему господине простре горячюю свою лучю на ладѣ вои* 39. Сюда же следует отнести и дат. ед. этой категории слов на *-ы*: *тяжко ти головы, кромѣ плечю* 44.

Нужно заметить, что установившаяся со времен Н. С. Тихонравова привычка исправлять эти формы, т. е. печатать *славы, головѣ* вместо *славѣ, головы*, отразившаяся в новейшем издании «Слова» [7], не может быть научно оправдана. Тихонравов исходил из мысли, что издатели «Слова» плохо отличали в издаваемой ими рукописи буквы *ы* и *ѣ*, очень похожие в почерках полускорописного типа XVI—XVII вв. Но мнение Тихонравова о полускорописном характере почерка сгоревшей рукописи опровергается свидетельствами очевидцев рукописи, а сам по себе факт написания *ѣ* вместо *ы* и обратно в род. и дат. ед. слов ж. рода представляет собой настолько известное по древним рукописям морфологическое явление, что всякое иное, неморфологическое его объяснение представляется искусственным и ненужным. На это уже давно было обращено внимание Колосовым [8]. Чертой северного диалекта, вероятно, является также смущающее издателей «Слова» *на кроваты* 23 (по Каринскому — южнославянизм).

Далее, в имеющемся тексте «Слова» ярко отразилось смешение им. и вин. п. мн. ч. слов м. р. Можно думать, что и эта черта является наносной, в первоначальном тексте «Слова» отсутствовавшей. Например: *на свои бръзыя комони* 5, *сѣдлай, брате, свои бръзыи комони* 7, *свѣдоми къмети* <. . .> *подъ шеломы възлелѣяны* 8, *Игорь къ Дону вои ведетъ* 9, *были плъци Олговы* 14, *притопта хлъми и яругы* 21, *поскепаны саблями калеными шеломы Оварьскыя* 13, *Салтани* 30, *гради подѣлиша* 32, *подъ тыи мечи* 32, *желѣзныи папорзи* 32 и др.

Далее к числу морфологических явлений, которые трудно предполагать в оригинальном тексте «Слова», должны быть отнесены написания, свидетельствующие о разложении категории рода во мн. ч., наблюдаемом не ранее XIII—XIV вв.: *страны*

---

[7] См.: Слово о полку Игореве. М.; Л., 1934. С. 66, 72—74.
[8] См.: *Колосов М.* Указ. соч. С. 182.

ради 45, *синіи млъніи* 12, *копіа харалужныя* 17, *живая струны* 4 и др. Наконец, есть некоторые случаи, свидетельствующие как будто о том, что старые нечленные причастия действительного залога имеют в тексте «Слова» значение деепричастия, например, *звоня Рускымъ златомъ*, *поютъ* 25, *къмети* <. . .> *скачють* <. . .> *ищучи себе чти* 8, *вѣяти*, *лелѣючи* корабли (к ветру) 38, *помянувше* 37, *аркучи* 20, *звонячи* 27 и др. Можно думать, что и эти факты отсутствовали в оригинальном тексте «Слова».

Таковы, приблизительно, явления, составляющие этот второй круг наслоений на тексте «Слова». Третьим слоем являются некоторые черты мусин-пушкинского текста, отразившие местные особенности того северно-русского диалекта, к которому принадлежал писец сгоревшей рукописи, например, цоканье: *лучи* 39, *вѣчи* 14, *русици* 6, *птичь* 8. После работы Каринского, развившего старую догадку А. И. Соболевского, принято думать, что этот писец был псковичрем. Нужно сказать, что вполне убедительных данных для такого заключения в статье Каринского не содержится. Самая яркая черта древнего псковского говора, именно смешение шипящих и свистящих, представлена в тексте «Слова» всего одним примером: *шизымъ орлом* 3 [9]. Единичность этого случая делает шатким основанный на нем довод. Второй случай, который приводит Каринский, очень сомнителен: *храбрая мысль носитъ* васъ *умъ на дѣло* 31 [10].

Все прочие особенности мусин-пушкинского текста, приводимые Каринским в доказательство псковского его происхождения, не противореча этому тезису, могут, однако, иметь и иное объяснение, например, смешение *ы* и *и* после *р* (известно уже по древним южным рукописям), смешение ѣ и *е*, формы типа *ркучи* и т. п. С другой стороны, в мусин-пушкинском тексте «Слова» нет многих важных признаков псковских памятников: аканья, смешения ѧ и *е*, сочетания *гл* — черт, наблюденных самим Каринским и Шахматовым [11]. Однако общие культурно-исторические соображения не противоречат этому. Пришлось бы признать лишь, что псковский говор нашел себе в мусин-пушкинском тексте очень слабое выражение.

Вот то бесспорное до сих пор, за что можно отвечать, на чем можно стоять. Дальше начинается уже известный гипотетический отдел моего доклада.

II. Что же представляет собой мусин-пушкинский текст после всех этих изъятий? Нельзя ли найти каких-нибудь признаков, которыми можно было бы характеризовать положительным обра-

---

[9] Некоторые исследователи склонны видеть псковизм в слове *мысію* (вместо *мыслью*), но для этого нет никаких оснований. Наличие выражения *помысленъ* и т. п. этому мешает.

[10] См.: *Каринский Н. М.* Указ. соч. С. 201.

[11] См.: *Шахматов А. А.* Несколько заметок об языке псковских памятников XIV—XV вв.: (По поводу книги: Николай Каринский: Язык Пскова и его области в XV веке) // ЖМНП. Н. С. 1909. Ч. XXII. Июль. С. 116, 118, 124, 125, 154—158, 132, 175 и др.

зом первоначальный текст, помимо наслоений? Нельзя ли поставить «Слово» в связь с известными нам памятниками XII в. в отношении орфографии, внешних форм, фонетики для того, чтобы определить происхождение этого памятника, тип этого памятника и т. д.? Дело в том, что рукописей XII в. у нас очень мало, имея в виду и богослужебные, т. е. евангелия, разного рода минеи и т. п. книги. Оригинальная литература в рукописях XII в. до нас дошла просто единично. Приходится пользоваться главным образом «Успенским сборником», где «Сказание о Борисе и Глебе» и «Житие Феодосия Печерского» — древнейшие рукописные тексты оригинальной литературы. Что касается памятников церковнославянских богослужебных, то некоторые из них изучены хорошо, в частности, хорошо изучена группа галицийско-волынских памятников. Существует и гипотеза Н. М. Карамзина и А. С. Орлова о том, что певец Игоря происходил из Галицко-Волынской земли [12].

В связи с этим любопытно поставить вопрос: нельзя ли попытаться утвердить или опровергнуть эту гипотезу при помощи данных языка? При анализе имеющегося текста приходишь к выводам, что данных для подкрепления этой гипотезы нет. Галицко-волынские памятники знают специфическое употребление буквы ѣ в закрытых слогах; это тот ѣ, из которого в украинском языке развился звук *и* (например, наша *печь* — украинская *піч*), т. е. *и* из *е*, но которое прошло стадию ѣ. Это самая ярко выраженная галицко-волынская черта, но на нее нет никаких указаний в тексте самого «Слова». Оно дает ряд случаев, где буквы ѣ и *е* смешиваются, но такое смешение не подходит под этот тип, например, тѣлега 9; Всеволодѣ 13, Осмомыслѣ 30, с ѣ на конце в звательном падеже; это не галицко-волынский ѣ.

С другой стороны, опираясь на некоторые фонетические особенности текста, можно выдвинуть другое гипотетическое положение. Одной из черт, которые отличали язык древней поры от языка XV в., является сочетание звуков *гы*, *кы*, *хы* вместо новых *ги*, *ки*, *хи*, например *облакы*, *пълкы* и т. д. Если проследить, как это употребляется в тексте «Слова о полку Игореве», то получается, что в 60 случаях в «Слове» выдерживается старое написание, т. е. *облакы*, *сорокы* и т. д. и только 21 случай, где имеются *ги*, *ки*, *хи*. Так что предполагать, что писец из Пскова поставил вместо *ки* — *кы*, трудно; скорее, могло быть наоборот.

Эта поправка очень существенна, так как она дает право выдвигать гипотетическое положение о том, что в тексте «Слова» было написано не *ги* и *ки*, а *гы* и *кы*, а если и было *ги*, *ки*, то только спорадически. Таким образом, создание «Слова» относится к такой эпохе, когда процесс перехода *кы* и *гы* находился в начальной своей стадии. И если это сопоставить с данными других памятников, то окажется, что «Сказание о Борисе и Глебе» или «Житие Феодосия Печерского» дают подобные моменты: там нет *ги* вместо

[12] См.: *Орлов А. С.* «Слово о полку Игореве». М., 1923. С. 28—31.

гы. А галицко-волынские памятники — наоборот. В этом отношении «Добрилово евангелие» и даже еще раньше — «Галицкое евангелие» тоже дают такие случаи, как *секира* и т. д. Так что и с этой стороны «Слово» не подходит под тип галицко-волынских памятников и просится в какую-то иную среду. Я сравнил данные, заключающиеся в мусин-пушкинском тексте, с данными Ипатьевской летописи, которая написана почти наверное в Пскове. Там совершенно другая картина — написаний *ки* вместо *кы* гораздо больше.

Наконец, третья фонетическая черта, которая может быть привлечена, — это употребление глухих гласных *ъ* и *ь*. Первое впечатление от текста такое, что там глухие *ъ* и *ь* употребляются не в чрезмерном количестве. Вместо них пишутся *о* и *е*. Но при внимательном анализе оказывается, что есть несколько категорий, в которых эти буквы употреблятся более последовательно. Во-первых, любопытно, что писец XV в. должен был придерживаться правильного написания этих букв. Сюда относятся такие слова, как *къмети* 8, затем упорно пишется *ъ* в приставках *въ-* и *съ-*: *въскладаше* 4, *възлелѣяны* 8 (чаще в приставке *съ-*).

Сочетания плавных с глухими, когда они написаны по-старославянски (*плъкы* 5), а не по-древнерусски — (*пълкы* 4), заставляют предполагать здесь точное воспроизведение написаний первоначального манускрипта, т. е. гипотетически древнейший первоначальный манускрипт «Слова» содержал глухое применение *ъ* и *ь*. Общее впечатление от этих разрозненных наблюдений такое, что текст конца XII в. употреблял букву *ъ* более или менее правильно, хотя нельзя сказать, что совершенно правильно. Это утопия, предложенная Н. М. Каринским и Потебней [13]. Они исходили из идеалистического представления о праязычном состоянии русского языка: каждый раз, когда требуется поставить *ъ*, они его и ставили. И соответственно поступали во всех других случаях, хотя в конце XII в. целый ряд глухих звуков должны исчезать и не звучать. И можно выдвинуть гипотезу, что буквы *ер* и *ерь* употребляются в «Слове» более или менее правильно.

В галицийско-волынском письме этого нет; оно знает целый ряд употреблений этих букв, в то время как фонетика «Слова» больше похожа на тип, отразившийся в «Успенском сборнике». Это обстоятельство говорит не о галицийско-волынском, а о киевском, черниговском типе или что-нибудь в этом роде.

Вот те вопросы, которые возникают в первую очередь и относительно которых хочется намекнуть хотя бы на возможность их разрешения.

III. Если спросим себя, что же представлял собою язык «Слова» в области морфологии, здесь мы найдем целый ряд явлений более типичных, известных из памятников этого времени. Мы не будем

---

[13] См.: Слово о полку Игореве / Текст и примеч. А. Потебни. Воронеж, 1878. С. 128; *Каринский Н. М.* Указ. соч. С. 209.

говорить о явлениях флексии, еще менее интересных и более скудных, но один-два примера приведу.

В тексте «Слова» имеется обычно в ряде форм на конце *-я*: ср. вин. и им. п. мн. ч. слов типа *конь*: *своя воя* или слов типа *земля*: *чръныя тучя*. Это *я* от *юса*; в живом языке ему соответствовало *ѣ*. Так что нужно предполагать — *своѣ воѣ* - через *ѣ*. Это *ѣ* проявляется очень слабо в тексте «Слова», но все-таки есть. Например, *усобицѣ* 3 (вин. п. мн. ч.) или «красны *дѣвице*» (р. п. ед. ч., где *е* вместо *ѣ*). И наконец, там есть случаи, которые сближают этот памятник со «Сказанием о Борисе и Глебе». Таким образом, наличие этого *ѣ*, замененного *е*, является типичным для древнерусских памятников.

Другой пример, который я приведу, заключается в том, что в формах *оригинальных* мы находим обычное смешение между русским и старославянским: *стараго*, *поганаго*. Но зато в дательном падеже — русская форма: *ому*, а не *уму*, т. е. *другому*, а не *другуму*. Это явление очень хорошо известно из памятников XII в. и служит лишним подтверждением того, что мы знаем.

В области глагольной отмечу, что «Слово о полку Игореве» пользуется имперфектумом и аористом — и сравнительно редко перфектумом, о чем я сказал раньше. Есть там и давнопрошедшее время, которое нам известно из старых памятников старославянского типа, и звательный падеж, который употребляется и который хорошо изучен Каринским, хотя истолковывается им как псковская форма [14].

Однако меня интересуют не столько вопросы флексий, которые имеют второстепенное значение, сколько возможность выяснить какие-нибудь черты самого грамматического строя древнего текста «Слова» по тем данным, которые у нас есть. В самом деле, как представить себе грамматический строй того языка, который отразился в тексте «Слова», и какие его наиболее существенные особенности? И здесь я вовсе не уверен, но все-таки выскажу такую свою мысль.

Одним из любопытных вопросов русской исторической грамматики является так называемая категория одушевленности, в силу которой в ряде случаев вместо винительного падежа употребляется родительный. Эта сторона отразилась и в тексте «Слова», в котором категория одушевленности имеется, но она не так развита, как в современном языке, т. е. в качестве предметов одушевленных употребляются только названия людей, а не зверей. Это явление известно и по другим источникам — такова примитивная стадия развития данной категории. Ср., например, вин. п.: не буря *соколы занесе* 6—7, *избивая гуси и лебеди* 41, но: *поганаго Кобяка изъ луку моря* <. . .> *выторже* 21 или: *стрѣляй господине Кончака, поганого Кощея* 30. Любопытно, что категория одушевленности в применении к людям отразилась в форме двойственного числа, что, на первый взгляд, не совсем понятно, т. е. «почнут

---

[14] См.: *Каринский Н. М.* Указ. соч. С. 204.

наю птици бити» 44; «наю» (род. п.) употребляется здесь в значении винительного падежа.

Есть ли какие-нибудь противоречия? Есть. В ряде случаев название людей употребляется, как неодушевленное: . . .*зоветь Князи на побѣду* 32. Во всяком случае, там, где родительный падеж употреблен в значении винительного, это относится к человеку, а не к животному. Только один пример можно этому противопоставить: . . .*а вѣ соколца опутаевѣ красною дивицею* 43. Тут слово соколца в родит. падеже вместо винительного. Но, может быть, все дело в том, что слово «соколца» употреблено метафорически: говорится не о птице, а о живом человеке?

Другой любопытный пример того грамматического строя, который должен был здесь отразиться, — это членные или нечленные формы прилагательного. Обычно считается, что первоначально краткое прилагательное употреблялось так же, как и полное, в значении как сказуемого, так и определения — без всякого различия. Но сравнительно недавно работа Истриной, проиллюстрировавшей этот вопрос на материале первой Новгородской летописи, показала, что краткие формы прилагательного вовсе не всегда употреблялись как определение даже в древнерусском языке, где были случаи полупредикативного употребления[15]. Например, найдем такую форму: *Печаль жирна тече* 20. Это не значит, что «жирная печаль потекла», а «потекла печаль, будучи жирной». В такой краткой форме прилагательные часто употребляются и представляют характерную особенность древнерусского языка. Но, сравнивая работы Истриной с тем, что дает текст «Слова о полку Игореве», приходишь к заключению, что в «Слове» отразилась более архаическая стадия языка, потому что здесь краткие прилагательные употреблены в атрибутивном смысле: *храбра и млада Князя* 16; *мутенъ. . . сонъ* видѣ 23; в *пламянѣ розѣ* 20 и т. д. Эти примеры показывают, что спор о формах я хочу связать со своеобразием языка «Слова» как поэтического. Это связь с фольклором — то, что придает «Слову» отличие от других памятников русской письменности.

Далее: двойственное число в «Слове» употребляется безукоризненно, хотя есть некоторые следы первоначального его разложения. Так, встречаем: *ваю храбрая сердца* 26 (м. р. им. п., дв. ч., вместо ср. р. *сердцѣ*), т. е. имеются следы порчи двойственного числа. Есть порча и в области причастий и деепричастий. Собственно деепричастий в полном смысле слова нет, но иногда форма мужского рода приписана женскому, или наоборот. Например, Ярославна говорит ветру: *ти* <. . .> *лелѣючи*, или ср. *жены* <. . .> *аркучи*. Но в формах падежей путаницы нет еще — они правильно употребляются; например, *стлавшу ему зелену траву* 42. Перерождение старых причастий в деепричастие, таким образом, лишь начинается.

---

[15] См.: *Истрина Е. С.* Синтаксические явления синодального списка 1 Новгородской летописи. Пг., 1923. С. 76.

Тут я перехожу к вопросу, который меня самого интересует и волнует немножко, — это вопрос о виде и времени, поскольку эти категории отразились в тексте «Слова». Я уже упоминал, что формы древнего времени — аорист и имперфектум — в нем употреблялись. Но есть ли разница в видовом значении или нет? Дело в том, что первоначально разница между аористом и перфектом была такова, что аорист изображал действие, состоявшееся в прошлом и отвечающее нашему совершенному виду, а перфект изображал действие, которое было, но продолжается до сих пор: *пришелъ есмь*, т. е. 'я нахожусь здесь'. Это то, что было, но продолжается до сих пор. Поэтому иногда не без основания говорят, что перфектум — это не прошлое, а настоящее. Профессор Петерсон, мой учитель, недавно написавший статью о синтаксисе «Слова о полку Игореве», находит, что в этих формах нет никакой разницы и никакие видовые оттенки наблюдать нельзя [16]. Мне кажется, что это не совсем так. Прежде всего я хочу сказать, что есть несколько случаев, где старое значение перфекта сохранилось, как оно должно быть, например: *Дремлетъ въ полѣ Ольгово хороброе гнѣздо далече залетѣло* 11. Автору важно было сказать, что оно улетело и находится там до сих пор. Это есть чистый перфект, где для древнего строя аорист оказывается невозможен.

Когда я составлял список случаев, где в «Слове» употреблен перфект, а их очень много — до десятка, то оказалось, что они обычно обозначают силы природы, а не действия людей и животных, т. е. когда что-нибудь «делает» природа или внутренний мир человека — тогда мы видим перфект. А когда человек или зверь что-нибудь делает, то всегда — аорист, например, *«мъгла поля покрыла»* 10. Это перфект, который совпадает с нашим давнопрошедшим временем (*уже бо, братіе, не веселая година въстала, уже пустыни силу прикрыла»*; *«туга умь полонила, ты лелѣялъ еси»* — к ветру . . . и т. д.). Одним словом, когда говорится о действиях природы или о мифологических явлениях, о деве Обиде и т. д., тогда появляется перфект. Любопытно, что в одной фразе и перфект и аорист сочетаются: *мгъла поля покрыла, щекотъ славій успе* 10. Соболевский говорил, что здесь нужно поправить [17], но этого сделать нельзя. Или такой спорный случай: *Заря свѣтъ запалá* 10. Хочется это понимать как перфект, так как он всегда является предикатом. Здесь напрашивается вывод о своеобразии поэтического языка. Аорист — это происшествие, а перфект — картина, которая существует перед глазами. Этот запах жизни мы имеем в перфекте, он здесь отражается больше, чем в аористе. И если это правильно, то можно характеризовать «Слово» как несколько отличный от других памятников того времени образец языка. Один только пример здесь противоречит — *Олговичи храбрыи Князи доспѣли на брань* 32.

---

[16] См.: *Петерсон М. Н.* Синтаксис «Слова о полку Игореве» // Slavia. 1937. Roč. 14. Seš. 4. S. 568—569.

[17] См.: *Соболевский А. И.* Материалы и заметки по древнерусской литературе // Изв. ОРЯС. 1916. Т. XXI, кн. 2. С. 212.

IV. Какие явления можно наблюсти в области синтаксиса? Прежде всего, как и следовало ожидать, — любопытное явление паратактического строя языка, т. е. такого строя, когда отношение между различными словосочетаниями не выражается специальными словами, а просто они употреблены рядом: например, *чрьленъ стягъ, бѣла хорюговь* 11 ʻкрасное древко с белым знакомʼ. Тут нет союза с соответствующим падежом, как это было в духе живого древнего языка и как это характерно для фольклора. В том примере, который я приводил, видится мне след старого паратаксиса.

Ср.: *Дремлет въ поле Ольгово хороброе гнѣздо далече залетѣло* 11. Издатели сначала не ставили точки после слова *гнѣздо*, а потом стали ее ставить. Мне кажется, что нет надобности слова *далече залетѣло* понимать как отдельное предложение. Это предложение есть часть синтаксического целого. Здесь относительное подчинение, не нашедшее еще себе средства выражения. «Которое» — вот что здесь нужно, но этого здесь еще нет.

Самые способы сочетания представляют собою тоже любопытную проблему в исследовании языка. Прежде всего вопрос страшно трудный: как делить предложения текста? Где ставить точки? Ведь те точки, которые имеются в издании 1800 г. и других, совершенно произвольны, и можно толковать текст самым различным образом, так что объективное исследование находится здесь в весьма затруднительном положении. Но тем не менее позволю себе привести интересную статистику М. Н. Петерсона: оказывается, что 63 % предложений из 100 соединены без союза; с союзами только 34 %, а с соединительными словами — 2 % [18].

Эта статистика показывает, что бессоюзный способ соединения слов типичен и является господствующим в «Слове о полку Игореве». Петерсон правильно отметил, что, несмотря на это, нельзя думать, что большое количество случаев бессоюзного сочетания есть результат простоты языка [19]. Оказывается, что отсутствие союзов может быть сочетаемо с большой сложностью построения речи, что можно видеть на самых простых примерах, которые показывают высокую организованность фразы. Она проявляется в анафорах. Если предложения начинаются одним и тем же словом или одной и тою же частью речи, то это лексическая анафора или грамматическая анафора. Например: *Ту ся брата разлучиста* <. . .> *Ту кроваваго вина недоста*; *ту пиръ докончаша храбріи Русичи*. . . 18. Все время подряд — подлежащее и сказуемое. Никаких союзов нет. Но это вещь не простая. Особенно красочен пример: *Комони ржуть за Сулою*; *звенить слава въ Кыевѣ*; *трубы трубять въ Новѣградѣ*; *стоять стязи в Путивлѣ*. . . 7.

Это, конечно, есть речь не разговорная, как иногда кажется исследователям, а это есть речь, во всяком случае, литератур-

---

[18] См.: *Петерсон М. Н.* Указ соч. С. 552.
[19] См.: Там же. С. 548—549.

ная, которая представляет собою ступень очень высокой организации.

Для того чтобы родилось такое строение речи, нужна большая письменная культура. Это есть результат уже богатого опыта — опыта литературного, который здесь и отразился. Но вместе с тем здесь есть и следы связи языка с древним паратактическим отношением, которое роднит его с народной поэзией. Одно другому ни в какой степени не противоречит. Это своеобразие «Слова», которому нельзя найти аналогии ни в летописи, ни в других памятниках, продолжается и тогда, когда мы вступаем в область союзов. Известно, что одним из характерных союзов древнерусского языка является союз *а*, имевший назначение, которого теперь нет; в частности, такой союз имел чисто соединительное значение, он был равен *и*: *Княземъ слава, а дружинѣ* 46, *Синѣус умре, а братъ его Трувор* (в Лаврентьевской летописи). Но вот что важно: на почве такого распространения аморфного влияния союза *а* формальным путем в древнерусском языке типичной чертой оказывается нанизывание предложений, этакое раздражающее *а. . . а. . . а.* Возьмите, например, еще предложение из Лаврентьевской летописи: *Аще не створимъ мира* <. . .> *а печенѣзи с нами ратьни* <. . .> *а Руска землѧ далеча* <. . .> *а кто ны* поможетъ? . . . Всего здесь четыре раза *а* в одном предложении. И возникает вопрос: сколько здесь предложений — четыре или одно? Это типическая черта летописной древней грамоты. В «Слове» же союз *а* только начинает предложение и соединяет максимум два члена; но нанизывания этого нет, как и такого «расхлябанного» синтаксиса, когда начинают одно предложение, а потом перескакивают на другое. Ср.: . . .*а мои ти Куряни свѣдоми къ мети, подъ трубами повити, подъ шеломы възлелѣяны, конець копія въскръмлени, пути имь вѣдоми, яругы имъ знаеми, луци у нихъ напряжени, тули отворени, сабли изъострени, сами скачють акы сѣрыи влъци въ полѣ, ищучи себе чти, а князю славѣ* 8.

Дальше я бы хотел отметить как особую черту синтаксиса «Слова» две особенности. Во-первых, слабое влияние церковнославянского языка. Это выражается прежде всего в дательном абсолютивном, которого нет ни одного раза в «Слове», хотя это излюбленная черта древнего языка. Например, в галицко-волынской летописи дат. абс. употребляется вместо главного предложения, т. е. вместо *князь пришел — князю пришедшу.* Отмечу и редкое употребление соединительных славянских слов — *иже, аще* и т. д., а также несколько своеобразный в «Слове» тип языка, показывающий, что личность самого повествователя, творца этого «Слова», тоже находит себе грамматическое выражение.

Я здесь подхожу к вопросу, который затронул И. А. Новиков [20], не делая биографических выводов, меня в данном случае не интересующих, — был ли автор «Слова» в плену, воевал ли он. Мне

---

[20] См.: Слово о полку Игореве / Пер., предисл. и пояснения И. Новикова. М., 1938. С. 149—150.

важно то, что он присутствует в самой поэме. Это бесспорно, и я думаю, что именно это дало повод И. А. Новикову построить свою гипотезу. Он приводит примеры: «Что *ми* шумить? Что *ми* звенить?» Но здесь «*ми*» не нужно понимать как дательный падеж. «Ми» здесь — частичка того человека, который говорит. Это связано с лиричностью «Слова». Об авторе же здесь нет никаких данных.

Конечно, «Слово» нельзя сравнивать с Даниилом Заточником, который говорит: *Воззри на меня, Государь мой! Как мать на младенца* ‹. . .› *Кому любовь; мнѣ лютое горе. Кому бѣло озеро; Мнѣ чернѣе смолы* [21]. Там он говорит о себе как о реальном лице, а здесь дательный падеж — форма, при помощи которой автор обнаруживает свое присутствие в речи. Этим соображением может решаться спорный вопрос о том, кому принадлежит обращение к князьям — Святославу или автору — в пользу второго ‹. . .›

При освещении названных выше особенностей я пытался выявить то своеобразное, что отличает «Слово о полку Игореве» от других памятников древнерусской литературы. Мы знаем, на каком языке написано «Слово» — оно написано на литературном языке древней Руси. В этнографическом смысле это восточнославянский язык, но с самого начала очень дифференцировавшийся, представлявший собой основу, от которой шли самого разного рода жанры. «Слово» представляет собой один какой-то жанр языка. Какой это жанр? Как назвать его? Я называю его поэтическим. Я считаю, что были и другие произведения такого рода, но только уникальный их представитель дошел до нас.

Кто писал «Слово»? В какой среде писал? Ясно, конечно, что в светской, в среде воинов, которые обладали высшей формой национального самосознания в эту эпоху.

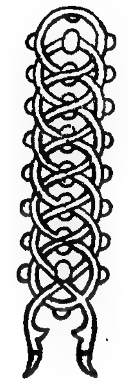
---

[21] *Миндалев П.* Моление Даниила Заточника и связанные с ним памятники. Казань. 1914. С. 14.

Т. М. Николаева

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СМЫСЛОВАЯ СТРУКТУРА АНТИТЕЗ И ПОВТОРОВ В «СЛОВЕ О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»

1. «В повторяемости один из секретов завораживающей силы „Слова о полку Игореве". Сложные сплетения и переплетения различных повторений составляют различные ритмы „Слова". Ритмичность „Слова" не может быть вскрыта на одном каком-то уровне. Она идет в самых неуловимых и трудно осознаваемых сферах — от чисто звуковых до чисто смысловых, от коротких повторов внутри одного предложения до повторов, разделенных большими расстояниями» [1]. Богатство и разнообразие повторов в «Слове о полку Игореве» отмечено практически всеми исследователями его поэтики и, по общему мнению, является специфической характерологической чертой именно этого памятника. Детальный анализ типов повторов проводится в работах И. П. Еремина, Н. С. Демковой, Д. С. Лихачева, Сл. Вольмана, Р. О. Якобсона и др. Обращает на себя внимание широкая структурная вариативность типов повторов: могут повторяться целые предложения, фрагменты предложений, отдельные словосочетания и отдельные лексемы. Повторяются синтаксические конструкции, цепочки контактных словоформ, вводящие частицы-зачины. Повторяются звуковые сочетания и отдельные звуки. При этом связываются как элементы контактные, близкие, так и дистантные.

Насыщенность повторами текста столь очевидна, что правомерно поставить вопрос об их функциональной нагрузке. Основную задачу повторов Сл. Вольман видит в реализации ритмического членения «Слова», его разбиении на строки [2]. Это объяснение, во многих случаях приемлемое, не распространяется на далеко расположенные повторы-рефрены, не имеет оно и содержательной интерпретации. Детальный анализ повторов, проведенный Н. С. Демковой, показывает связи рефренов со смысловой расчлененностью текста и с идейной нагрузкой каждого выделяемого фрагмента: «Можно говорить о наличии сложной и единой системы повторов, которая обнаруживается во всех без исключения фрагментах (таким образом, внутритекстовые связи

---

[1] *Лихачев Д. С.* Поэтика повторяемости в «Слове о полку Игореве» // Рус. лит. 1983. № 4. С. 21.

[2] *Wollman Sl.* «Slovo o pluku Igorevě» jako umělecké dílo // Rozpravy ČAD. 1958. R. 68. S. 10.

в „Слове“ очень сильны)»[3]. Так, повторы «О Руская землѣ! Уже за шеломянемъ еси» образуют дважды указание на грядущую беду, они вводятся автором накануне битвы. Три призыва «За землю Рускую. . . за раны Игоря» звучат как «настойчивое заклинание», напоминающее о связи Игоря и Русской земли. Рефрены несколько видоизменяются, и, как показывает Н. С. Демкова, изменяется и описываемая ситуация. В одном из последних исследований Д. С. Лихачева о поэтике «Слова» указывается на полифункциональность повторов в «Слове»: они создают эффект художественного узнавания, своего рода ритмы и рифмы, характерные для средневековой прозы, они как бы замедляют действие — там, где автор хочет это подчеркнуть, они имеют свою собственную семантику: так, конструкции с *уже* часто показывают печальные и предвиденные события. Существенно также, что «каждый предлагающий новое прочтение или новое толкование „Слова о полку Игореве“ исходит сознательно или бессознательно из презумпции его художественной логичности»[4]. Поэтому, как представляется, может быть предложен еще один опыт изучения художественной системы «Слова», в то же время включающий все предшествующие наблюдения.

Текст «Слова» объединяют и скрепляют не только повторы, но и противопоставления, антитезы. Так, Всеволод говорит, что его кони *готови, осѣдлани у Курьска напереди. А мои куряне свѣдоми къмети. . . пути имь вѣдоми, яругы имъ знаеми, луци у нихъ напряжени, тули отворени.* А враги их, половцы, *неготовами дорогами побѣгоша къ Дону великому.* Неготовые дороги антонимичны сразу двум синонимам — *вѣдоми* и *знаеми.* Тем самым создается цепь: пути — дороги, ведомы — знаемы. Антонимичные прилагательные при путях и дорогах включаются по звуковой ассоциации в ряд *комони готови* и *къмети свѣдоми.* Нестройный бег половцев (*побѣгоша*) контрастирует с безупречным выездом войска Игоря: *поѣха по чистому полю. . . Игорь къ Дону вои ведетъ.* Возникает проходящая и далее через текст значимая идейно антитеза: *ехать — бежать.* Обратимся к двум последним характеристикам воинов-курян в приведенном ряду: *луци у нихъ напряжени, тули отворени.* Из мольбы Ярославны мы узнаем, что беспощадное солнце *въ полѣ безводнѣ жаждею имь лучи съпряже, тугою имъ тули затче*[5]. В свою очередь, лексема *жаждею*, несомненно, есть смысловая контрастная перекличка с претенциозным желанием *испити шеломомъ Дону.* Солнце расслабляет луки и отворяет колчаны *имъ*, т. е. Игорю и его войску. Активная направленность солнца подчеркивается в начале текста той же

---

[3] *Демкова Н. С.* Повторы в «Слове о полку Игореве»: (К изучению композиции памятника) // Русская и грузинская средневековые литературы. Л., 1979. С. 59.

[4] *Лихачев Д. С.* Поэтика повторяемости в «Слове о полку Игореве». С. 9.

[5] На контрастный параллелизм мажорного начала и плача Ярославны обратил внимание Н. А. Мещерский. См.: *Мещерский Н. А.* К изучению лексики и фразеологии «Слова» // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 14. С. 47.

формой дательного падежа: *Солнце ему тьмою путь заступаше* (ср.: «Затмение представляется делом самого солнца, а не враждебной ему силы» [6], «Солнце представляется действующим произвольно» [7]). Активную *персональную* направленность солнца понимает и Ярославна: *Свѣтлое и тресвѣтлое слънце! В с ѣ м ъ тепло и красно еси: чему, господине, простре горячюю свою лучю на ладѣ вои?* Солнце и ветер Ярославна *упрекает*: *Чему, господине. . .* — и только одну обожествленную стихию — реку она *просит*: *Възлелѣй, господине, мою ладу ко мнѣ.* И именно река (Донец) отвечает ей. Лексемный повтор связывает обращение к водной стихии Игоря и Ярославны: *О Донче, не мало ти величия, л е л ѣ я в ш у князя на вълнахъ. . .*

Даже по одному этому пути повторов и антитез, прослеженному выше, видно, как глубоко пронизывает текст памятника разветвленная система антитез и повторов, называемых нами в целом системой антитез-скреп.

Современный анализ текста во многом базируется на задаче выявления неочевидных — в отличие от идейного содержания — смысловых противопоставлений, ценностных ориентаций и установок автора. Метод лингвистики текста состоит в содержательной интерпретации распределения лингвистических показателей по противопоставленным смысловым полям (например, поле русских — поле половцев), причем выбор этих языковых показателей должен быть свободным, т. е. не определяться ни грамматическими, ни стилистическими требованиями. Таким образом, в задачу анализа художественного произведения методами лингвистики текста входит установка на дешифровку, на выявление неочевидных смысловых характеристик.

В целом поэтика «Слова» характеризуется двумя свойствами, отмеченными Д. С. Лихачевым для средневековой русской литературы в целом. Это стремление к дуальному противопоставлению, к абстрагированности, с одной стороны, и стремление и умение создавать «сверхсмыслы» из наложений и перекличек фонических, грамматических и лексических [8]. Дуальные противопоставления в «Слове» уже подвергались изучению, шестичленная система подобных противопоставлений излагалась в других наших публикациях [9], в настоящей же статье основное внимание будет

---

[6] Слово о полку Игореве / Текст и примеч. А. Потебни. Воронеж, 1878. С. 17.

[7] *Робинсон А. Н.* Солнечная символика в «Слове о полку Игореве» // «Слово о полку Игореве»: Памятники литературы и искусства XI—XVII вв. М., 1978. С. 41.

[8] См.: *Лихачев Д. С.* Поэтика древнерусской литературы. М., 1979. С. 118.

[9] См.: *Николаева Т. М.* Лингвотекстологические средства в «Слове о полку Игореве»: Поле прошлого—настоящего и глубинные смысловые оппозиции // Scando-Slavica. 1983. Т. 28. Р. 225—237. *Она же.* Оппозиции «туга — веселие» и «тьма — свет» в «Слове о полку Игореве» // Проблемы структурной лингвистики. 1982. М., 1984. С. 121—136; *Она же.* Лингвотекстологический диалог: русские — половцы // Труды по знаковым системам 17. Тарту, 1 984. С. 68—83.

обращено на формальные аспекты создания «сверхсмыслов» в «Слове» через систему антитез-скреп.

Практически всеми современными исследователями теории текста подчеркиваются два его основных свойства: его цельность и его связность. Цельность и связность могут обеспечиваться одними и теми же единицами текста, но эти задачи функционально различны. В каждом художественном произведении эти две функциональные задачи различать необходимо. В «Слове о полку Игореве», как будет видно далее, обе текстовые задачи разрешаются по-разному. Цельность текста реализуется созданием смысловых комбинаций и смысловых ассоциаций, связность достигается повторами иного рода и способствует закреплению рассказанного.

2. Разобраться в системе *смысловых ассоциаций* в «Слове» и возникающих при этом «сверхсмыслах» оказывается возможным при разграничении основного сюжета — повествования о походе Игоря Святославича — и комментария к основному сюжету: сообщений о событиях прошлого, отступлений литературно-полемического или эмоционального характера [10].

Анализ распределения антитез и повторов в этих двух повествовательных пластах показывает довольно строго дистрибутивную закономерность: антитезы относятся к основному сюжету, повторы объединяют основной сюжет и комментарий к нему, а также разнородные части неосновного сюжета. Таким образом, различное объединяется и единое противопоставляется.

Сказанное необходимо подкрепить материалом текста памятника.

Контрастивные переклички, антитезы-скрепы отличают основной сюжет «Слова», его повествовательную структуру. Однако выявленный набор этих инкрустированных антитез-перекличек останется простым неинтерпретированным перечнем стилистико-поэтических находок, если не обратиться к смысловой схеме противопоставлений основного сюжета, только через соотнесение с которой может определиться функциональная нагрузка антитез-скреп.

На симметричность, зеркальность архитектоники основного сюжета «Слова» внимание обращалось неоднократно. Однако всякая симметрия имеет ось, стержень отсчета. Это же относится и к содержательной стороне текста. По нашему мнению, таким центральным поворотным пунктом основного сюжета «Слова» является мольба Ярославны — обращение к трем обожествленным стихиям: солнцу, ветру и воде. Эта мольба как бы переворачивает ситуацию, меняя плюсы на минусы.

Всего в предшествующих работах нами было выделено шесть дуальных противопоставлений: 1) русские — половцы, 2) человек — окружающая его природа; 3) свет — тьма; 4) веселие — туга; 5) настоящее — прошлое; 6) автор «Слова» — Боян. Все

---

[10] О безусловной необходимости разграничения основного рассказа и видов комментария к нему см.: *Braun M*. Epische Komposition im Igor'-Lied // Die Welt der Slaven. 1963. Jg. 8. Hf 2.

они охватывают разные аспекты художественных ценностей: первая связана с борьбой двух человеческих станов, вторая — с отношением человека и окружающего его мира, третья — с моральнo-оценочными категориями, четвертая — с эмоциональным миром, пятая — с противопоставлением эпох, шестая — с противопоставлением творческих стилей. Каждое из этих противопоставлений включается в общую систему повторов и антитез-скреп, но в то же время реализуется именно ему присущим специфическим способом.

Соотношение формальных и смысловых единиц в художественном тексте может быть двояким: от противопоставления к способам его реализации и наоборот. В настоящей работе центром тяжести является анализ особого вида изобразительных средств «Слова», поэтому применяется метод движения от формы к смыслу.

Под *лексическими антитезами* понимаются такие антитезы-скрепы, в которых один из членов связанной грамматически пары элементов сохраняется в тексте или заменяется словосочетанием с той же лексемой, а другой заменяется на антоним.

Так, заменяется предикат при том же смысловом субъекте:

Солнце ему тьмою путь заступаше — Солнце свѣтится на небесѣ;
Щекотъ славий успе — Соловии веселыми пѣсньми свѣтъ повѣдаютъ;
Говоръ галичь убуди — Галици помлъкоша (интересна представленность птиц в двух предыдущих примерах через характерный для них звук).

Субъект может заменяться на синоним:

Пути имъ вѣдоми — Неготовами дорогами побѣгоша.

Заменяется субъект при сохранении предиката:

Се бо готския красныя дѣвы въспѣша на брезѣ синему морю, звоня рускымъ златомъ — Дѣвици поютъ на Дунаи;
Кровавыя зори свѣтъ повѣдаютъ — Соловии веселыми пѣсньми свѣтъ повѣдаютъ;
Игореви князю богъ путь кажетъ — Дятлове тектомъ путь рѣцѣ кажутъ (ханам).

Меняется ситуация в целом на антонимическую при сохранении основных актантов:

А въстона бо, братие, Киевъ тугою, а Черниговъ напастьми. Тоска разлияся по Руской земли, печаль жирна тече средь земли Руской — Страны ради, гради весели[11].

Антитеза может охватывать два и более фрагмента:

[11] Страна имеет значение 'земля', и наоборот. См.: Словарь-справочник «Слова о полку Игореве» / Сост. В. Л. Виноградова. М., 1967. Вып. 2. С. 125; М., 1978. Вып. 5. С. 229.

Луци у нихъ напряжени *А любо испити шеломомъ Дону*	— *Жаждею имъ луци съпряже;*
Спала князю умъ похоти *Тули отворени*	— *Тугою имъ тули затче.*
О Руская земле! Уже за шеломянемъ еси *Дремлетъ въ полѣ Ольгово хороброе гнѣздо.* *Далече залетѣло*	— *Игорь князь в Руской земли;*
Длъго ночь мркнетъ	— *Погасоша вечеру зори;*
Се вътри, Стрибожи внуци, въютъ съ моря стрѣлами на храбрыя плъкы Игоревы	— *Въшумѣ трава, вежи ся половецкии подвизашася;*
Луцежъ бы потяту быти, неже полонену быти *Тъгда въступи Игорь князь въ златъ стремень*	— *Ту Игорь князь, высѣдѣ изъ сѣдла злата, а в сѣдло кощиево;*
И видѣ отъ него тьмою вся своя воя прикрыты *Солнце ему тьмою путь заступаше* *Игорю утрпѣ солнцю свѣтъ*	— *Чему, господине, простре горячюю свою лучю на ладѣ вои?*

На последнем примере хочется несколько остановиться. Если мир Ольговичей, их тема характеризуется тьмой, мглой, они восстали против знамения и лишились света, то Ефросинья Ярославна, дочь князя Галицкого, видит иную ситуацию: для нее солнце открыто и обнажено, лагерь и воинов мужа она видит залитыми палящим светом. Это, как представляется, дополняет важную теорию А. Н. Робинсона об особых солярных претензиях Ольговичей, об их конфликте с Солнцем [12]. Ярославна же из другого рода.

Наконец, большими противопоставленными ситуациями-антитезами можно считать два обращения, две мольбы: князя Святослава Всеволодовича к князьям и Ярославны — к обожествленным стихиям. Оба они построены по одной и той же общеиндоевропейской модели гимнического обращения адоранта: Называние — Перечисление Могущества — Просьба. Князья в «Слове» не слабее Природы. Ветер веет в вышине под облаками, лелеет корабли на синем море. Он мечет хиновские стрелки на своих легких крыльцах на воинов милого лады. А Ярослав Галицкий мечет тяжести через облака, стреляет *съ отня злата стола салътани за землями*; великий князь Всеволод может *посуху живыми шереширы стрѣляти.*

Днепр Словутич пробил каменные горы сквозь землю Половецкую, он лелеял на себе Святославовы суда до стана Кобяка. А Ярослав Осмомысл *подперъ горы Угорскыи своими желѣзными пълки. . . затворивъ Дунаю ворота. . . Грозы твоя по землямъ текутъ*; великий князь Всеволодъ *может Волгу веслы раскропити, а Донъ шеломы выльяти.*

Всем тепло и прекрасно Солнце, только беспощадно жжет зноем войско Игоря, а от железных войск Романа и Мстислава *тресну земля.*

Эту противопоставленность двух обращений заметил еще М. А. Максимович: «После того как Певец с напрасной надеждой

[12] См.: *Робинсон А. Н.* Указ. соч. С. 32.

взывал к князьям и думою уносился в минувшее, он обратился к Природе голосом женской любви. . . И Природа услышала сей голос и отозвалась на него благосклонно своими стихиями, дотоле враждовавшими с Игорем»[13].

Следующим видом реализации смысловых противопоставлений в тексте при помощи антитез-скреп является особый художественный прием, который удобно назвать *контрастным распределением*. Контрастное распределение также входит в систему антитез, но спецификой его является взаимная симметричность характеристик по отношению к некоторой заданной паре актантов. Например, в начале текста X играет и X рисует акварелью. Y же молча стоит у окна и Y горько плачет. В конце текста X молча стоит у окна, X горько плачет. Y же играет и Y рисует акварелью. Подобное контрастное распределение в художественном тексте не может не иметь содержательной интерпретации и не быть связанным с глубинными противопоставлениями текста.

В «Слове о полку Игореве» контрастное распределение связано в основном с двумя противопоставлениями: русские — половцы и человек — природа.

В указанной работе Н. С. Демковой было обращено внимание на введение темы поля у русских и темы бега у половцев в предполагаемом зачине «в духе Бояна»: *Не буря соколы занесе чрезъ поля широкая*; *галици стады бѣжать къ Дону Великому*. Действительно, тема бега становится в «Слове» в каком-то смысле диагностической. В начале текста предикат 'ехать' и его синонимы относятся только к русским, к воинам, профессионально обученному войску и его предводителю: *Наведе свои храбыя плъкы*; *А всядемъ, братие, на свои бръзыя комони*; *Въступи Игорь князь въ златъ стремень и поѣха по чистому полю*; *Игорь къ Дону вои ведетъ*!; *Ту Игорь князь высѣдѣ изъ сѣдла злата*; *Вступита, господина, въ злата стремена*. К врагам же, к половцам, относятся предикаты невоинские, неиндивидуальные, почти анималистические: *А половци неготовами дорогами побѣгоша*; *Гзакъ бежить сѣрымъ вълкомъ*; *Половци идутъ отъ Дона и отъ моря*; *А погании сами, побѣдами нарищуще на Рускую землю*; *По руской земли прострошася половци, акы пардуже гнѣздо*.

Рассмотрим сферу тех же предикатов движения после обращения Ярославны. Русские — *А Игорь князь поскочи горнастаемъ къ тростию и бѣлымъ гоголемъ на воду*; *Въвръжеся на бръзъ комонь и скочи съ него бусымъ влъкомъ*; *И потече къ лугу Донца, и полетѣ соколомъ подъ мьглами*; *Коли Игорь соколомъ полетѣ*. . . Половцы — *На слѣду Игоревѣ ѣздитъ Гзакъ съ Кончакомъ*.

Картина явно переворачивается. Раньше Игорь вел войска, едучи на коне, а половцы бежали неготовыми дорогами, серым волком бежал их хан Гзак. Теперь Гзак и Кончак едут на конях, а серым (бусым) волком бежит сам Игорь.

---

[13] *Максимович М. А.* Песнь вторая. Песнь Игорю относительно ее духа // ЖМНП. 1836. Июнь. С. 460.

Эту симметричность еще ярче подчеркивает сфера глаголов речи. Предикаты со значением речи связаны с русскими до обращения Ярославны: *И рече Игорь дружине своей*; *Хощу бо — рече — копие приломити*; *И рече ему буй туръ Всеволодъ*; *Рекоста бо братъ брату*; *Жены руския въсплакашась, аркучи*; *Одѣвахуть мя — рече*; *И ркоша бояре князю*; *Изрони злато* слово; *На Дунаи Ярославнынъ гласъ ся слышитъ.* А половцы? *Дѣти бѣсови кликомъ поля прегородиша.* Таким образом, в первой части текста «Слова» с половцами хотя и связывается много звуков, но не человеческих вербальных, а странных, скрипящих — кричат, как перепуганные лебеди, их телеги, речь их уподобляется говору галок, стрекотанью сорок, отрывистому лаю лисиц; *Дѣти бѣсови кликомъ поля прегородиша, а храбрии русици преградиша чрълеными щиты* и *Лисици брешутъ на чръленыя щиты Дѣти бѣсови — Лисици.*

После обращения Ярославны ситуация изменяется в направлении, указанном выше. Русские — *Игорь рече.* Половцы — *Овлуръ свисну за Рѣкою*; *Млъвитъ Гзакъ Кончакови*; *Рече Кончакъ ко Гзѣ*; *И рече Гзакъ Кончакови.* Итак, после обращения Ярославны половцы обретают речь, и весьма здравую.

Эта крестообразная мена антонимических предикатов связана, на наш взгляд, с преображением в тексте протагониста — Игоря. Игорь терпит не только военное поражение. Не останавливаясь на этом подробнее, выскажем лишь соображение, что именно со «Слова» начинается доминантная именно для русской классической литературы и типологически неповторимая тема краха индивидуализма («Слово» и Пушкин слишком связаны, но эта тема есть, безусловно, и у Лермонтова, еще больше — в «Преступлении и наказании» и др.). Спасенный из плена силой женской мольбы, Игорь возвращается уже не индивидуальностью, осознавшей себя как личность, одержимой гордыней. Мена предикатов *ехать* и *бежать* подчеркивает эту перемену.

Последний вид антитетического распределения в основном сюжете «Слова о полку Игореве» можно определить как *наличие— отсутствие текстовых показателей.* Говорить о функциональной значимости такого распределения можно лишь в том случае, если оно строго выдерживается. В этом можно убедиться, обратившись к показателям имени в тексте при существительных, относящихся к сфере русских и сфере половцев. Все показатели определенного, индивидуализированного имени: указательные, определительные и относительные местоимения, посессивы относятся только к русским. Половцы предстают без какого-либо индивидуализирующего показателя. Их сфера — только множественное число без местоименных показателей. Особенно ярко различие половцев и русских сказывается в богатстве разнообразных обращений у русских: *О Бояне, соловию стараго времени*!; *Одинъ братъ, одинъ свѣтъ свѣтлый ты, Игорю*; *О моя сыновъчя, Игорю и Всеволоде*!; *Инъгварь* и *Всеволодъ и вси три Мстиславичи, не худа гнѣзда шестокрилици*! и т. д. Обращения в «Слове» — это как бы

свернутые характеристики. У половцев обращения нет: *Млъвитъ Гзакъ Кончакови: Аже соколъ къ гнѣзду летитъ, — соколича ростре̂ляевѣ своими злачеными стрѣлами. Рече Кончакъ ко Гзѣ: Аже соколъ къ гнѣзду летитъ, а вѣ соколца опутаевѣ красною дивицею.*

Таким образом, оппозиция русские — половцы разрешается содержательно как противопоставление индивидуализированново и массового, личностного и стихийного, человеческого и стаеобразного, почти звериного врага.

Система контрастивного распределения связывается и с противопоставлением свет — тьма. В начале активного развития основного сюжета Солнце лишено своего постоянного эпитета *свѣтлый — Солнце ему тьмою путь заступаше.* Светлым величается Игорь: *Одинъ свѣтъ свѣтлый ты, Игорю.* Далее в тексте, подтверждая эту контрастность, солнцами называются Ольговичи [14]: *Чръныя тучя съ моря идутъ, хотятъ прикрыти 4 солнца, а въ нихъ трепещутъ синии млънии* (см. это же в рассказе бояр). И только Ярославна возвращает Солнцу отнятый у него постоянный присущий ему титул: *Свѣтлое и тресвѣтлое слънце.* Происходит контрастивное распределение [15].

3. Как было показано выше, система антитез-скреп характеризует основной сюжет «Слова». В противоположность этому повторы-переклички относятся к сфере прошлого в трех ее реализациях: 1) прошлое соотносится с прошлым же; 2) время Игоря и сам Игорь соотносится с временем других князей и с самими этими князьями, 3) соотносятся и противопоставляются автор «Слова» и Боян.

Линия прошлое — прошлое связывает в основном через повторы два сюжета: историю Олега Святославича и историю Всеслава Брячиславича Полоцкого. Обе истории симметрично располагаются по отношению к вершине симметрии в рассказах о прошлом, обе они примерно совпадают по протяженности, оба отражаемых периода близки хронологически: 1067—1078 гг. Психологическим центром первой истории является битва на Нежатиной Ниве — НН, психологическим центром второй — битва на Немиге — Н. Текстовые повторы в них активны. *Были вѣчи Трояни* — первая и *На седьмомъ вѣцѣ Трояни* — вторая. Эти повторы их связывают абсолютно безотносительно к тому, кто реально этот Троян: важно, что это, по всей вероятности, одно и то же лицо. Обе истории перекликаются и упоминанием Ярослава Мудрого: *Минула*

---

[14] Некоторое объяснение претензий Ольговичей см. еще у Е. В. Барсова: «Что под выражением „Дажь-божья внука“ нужно понимать киевского князя, об этом толковал еще Шишков в 1826 г. . . .» (*Барсов Е. В.* „Слово о полку Игореве“ как художественный памятник Киевской дружинной Руси. М., 1887. Т. I. С. 368). См. также у Вс. Миллера: «Итак, внуком Дажь-бога называется князь“ (*Миллер Вс.* Взгляд на „Слово о полку Игореве“. М., 1877. С. 74).

[15] А. Н. Робинсон считает, что известная отчужденность сторон во фразе *Солнце свѣтится на небесѣ — Игорь князь в Руской земли* все же есть. См.: *Робинсон А. Н.* Указ. соч. С. 49—51.

лѣта Ярославля (история Олега) — *разшибе славу Ярославу* (история Всеслава). Повторы связывают их и далее. Это почти мистический перезвон городов: *Ступаетъ въ златъ стремень въ градѣ Тьмутороканѣ, той же звонъ слыша давный великий Ярославъ, а сынъ Всеволожь Владимиръ по вся утра уши закладаша въ Черниговѣ* (рассказ об Олеге) — *Тому въ Полотьскѣ позвониша заутренюю рано у святыя Софеи въ колоколы, а онъ въ Кыевѣ звонъ слыша* (рассказ о Всеславе). Повторяются в обеих историях упоминания двух святых Софий: в Киеве — история Олега и в Полоцке — история Всеслава.

Однако беспокойный Олег Святославич не похож, судя только по этим текстам, на Всеслава Полоцкого. Они объединяются по законам поэтики через третий член сравнения — tertium comparationis. Так создаются «сверхсмыслы». Третьим членом сравнения являются Игорь и история его похода.

Так, во времена Олега Святославича *Рѣтко ратаеви кикахуть, нъ часто врани граяхуть, трупиа себѣ дѣляче, а галици свою речь говоряхуть, хотять полетѣти на уедие.* При возвращении Игоря *Тогда врани не граахуть, галици помлъкоша* — это повтор-антитеза и к *Говоръ галичь убуди.*

В битве на Немиге *Немизѣ кровави брехѣ не бологомъ бяхуть посѣяни, посѣяни костьми рускихъ сыновъ.* Во время битвы на Каяле— *Чръна земля подъ копыты костьми была посѣяна, а кровию польяна.*

Олег *мечемъ крамолу коваше* и после поражения Игоря *Князи сами на себе крамолу коваху.*

Олег *ступаетъ въ златъ стремень въ градѣ Тъмутороканѣ.* — *Тогда въступи Игорь князь въ златъ стремень и поѣха по чистому полю.*

Олег лишен колдовского начала, он вступает в злат стремень, как Игорь в начале похода до плена. Н. С. Демкова пишет: «. . .плен князя Игоря интерпретируется автором в системе образов „Слова“ как „смерть“, а его бегство из плена — выход, выход из „смерти“ (из другого мира)» [16]. Выйдя «из другого мира», Игорь приобретает уже сходство с другим князем — Всеславом Полоцким. Повторы-скрепы показывают это сходство. Князь Всеслав, убегая от киевлян, *Скочи отъ нихъ лютымъ звѣремъ въ плъночи из Бѣлаграда, обѣсися синѣ мьглѣ . . . скочи влъкомъ до Немиги съ Дудутокъ.* См. побег Игоря — *Прысну море полунощи; идутъ сморци мьглами. . . Въвръжеся на бръзъ комонь и скочи съ него бусымъ влъкомъ.* Совпадают лексемы-повторы: *полночь, мгла, скочить волком.* Возникает многократно обсуждавшаяся в литературе тема оборотничества Игоря. Однако, не останавливаясь на данной теме, хочется подчеркнуть мастерство автора в создании этих сверхтекстовых аллюзий. Все, что происходит с Игорем в момент побега, сообщается уже *после* истории Всеслава, поэтому *скочи съ него бусымъ влъкомъ* перекликается с *скочи влъкомъ до Немиги* волхва Всеслава. Между тем в начале текста бежит серым

---

[16] *Демкова Н. С.* Указ. соч. С. 69.

волком Гзак, и здесь явно не возникает никакой идеи оборотничества половецкого хана, на этом этапе развития повествования *бежать* у половцев противостоит *Игорь къ Дону вои ведетъ*.

Повторы объединяют и скрепляют настоящее и прошлое не только по рекам Каяле и Немиге, но и Каялу объединяют со Стугной: *Ту ся брата разлучиста на брезѣ быстрой Каялы*; *ту кроваваго вина не доста*; *ту пиръ докончаша храбрии русичи: сваты попоиша, а сами полегоша за землю Рускую. Ничить трава жалощами, а древо съ тугою къ земли преклонилось.* В реке Стугне в 1093 г. погибает князь Ростислав: *Плачется мати Ростислава по уноши князи Ростиславѣ. Уныша цвѣты жалобою, и древо съ тугою къ земли прѣклонилось.*

Так, Олег и Всеслав становятся двумя прототипами Игоря — до плена и после плена. Но в «Слове» не один смысловой пласт перекличек повторов и антитез. Игорь спасен (и Всеслав спасается, и Олег становится черниговским князем), но он гибнет как индивидуальность. Поэтому возникает ассоциация с третьим князем — Ростиславом. Имя юного князя анаграмматически подготавливается: через Р, С, Т и У — уноша: *Р—ѣка СТУ—гна х—У—д—У СТРУ—ю имѣя пож—Р—ъши ч—У—жи РУ—чьи и СТРУ—гы Р—о—СТР—ена къ УСТ—ью.* Также с *уноши князи* перекликается *Уныша цвѣты. . .*

Творческий спор связывает автора «Слова» и Бояна. Как ни квалифицировать творчество Бояна, очевидно, что автор соперничает с ним. Начальные контексты, передающие речь Бояна, автором далее дублируются и редублируются.
См.:

Боянъ бо вѣщий,
аще кому хотяше пѣснь творити,
то растѣкашется мыслию по древу,
сѣрымъ вълкомъ по земли,
шизымъ орломъ подъ облакы.

И далее:

О Бояне, соловию стараго времени!
Абы ты сиа плъкы ущекоталъ,
скача, славию, по мыслену древу,
летая умомъ подъ облакы,
свивая славы оба полы сего времени,
рища въ тропу Трояню чресъ поля на горы.

Уже много лет спорят по поводу того, что такое «мысль»: «мысль» или «белка», «мысь». Но поэтика «Слова» полиассоциативна. Поэтому оба прочтения не исключают друг друга. «Мысль-белка» перекликается со скальдическим образом белки Рататоск, переносящей знание по воображаемому мировому древу, ясеню Иггдрасиль, от верха, где парит орел, к низу, к земле, где сидит волк. Но «мысль-мысль» также имеет текстовую скрепу: *Скача, славию, по мыслену древу, летая умомъ подъ облакы.* «Здесь „мысль“ аналогична мифологической „мыси“ и в смысловой функции,

и в фонетическом звучании»[17]. Весьма вероятно, что автор намеренно подкреплял повторами текста оба смысла. Обратимся к первому «бояновскому» контексту. В нем три действующих образа: мысль, волк, орел.

Заметим, что во втором тексте конкретные образы-субъекты последовательно исчезают. Но они подкрепляются предикатами и тем самым создается повтор:

Кто скачет по древу? Белка.
Кто летает под облаками? Орел.
Кто рыщет? Волк.

Но добавление *мыслену, умомъ, времени* показывает, что эти образы — символы. Итак, в первом случае автор описывает стиль Бояна через конкретные образы, а во втором, повторяя их, дает понять, что на самом деле эти образы символичны.

Как указывалось выше, Н. С. Демкова заметила перекличку с началом «под Бояна» как воплощение далее темы бега (сначала половцы, потом Игорь) и темы поля — для русских.

К повторам, относящимся к Бояну, по всей вероятности, принадлежит и техника звукописи:

Комони ржутъ за Сулою — К—З—С;
Звенитъ слава въ Кыевѣ — З—С—К.

Автор, подхватывая тему, сохраняет синтаксическую структуру, но применяет другую звукотехнику: *Трубы трубятъ въ Новѣградѣ, Стоятъ стязи въ Путивлѣ* — Тр—Тр—Р; Ст—Ст—Т. Этот же «звук труб» повторяется автором не в мажорном начале, а в печальной ситуации поражения в основном сюжете (т. е. соблюдая антитетичность именно для основного сюжета): *Трубы трубять городеньскии* — Тр—Тр—Р.

Такой же прием синтаксического и фонического «подхвата» применяется с соблюдением законов зеркальной симметричности текста и в конце «Слова»:

Рекъ Боянъ. . . Тяжко ти головы кромѣ плечю,
зло ти тѣлу кромѣ головы.

Во фразе-подхвате и ее дальнейшем синтаксическом продолжении мы видим звуковую тему З/С — *Ру-С-кой З-емли бе-Зъ Игоря* — и далее: *С-олнце С-вѣтит-С-я на небе-С-ѣ, Игорь кня-З-ь въ Ру-С-кой З-емли.*

По нашему мнению, еще один глубинный смысловой повтор-антитеза связывает автора «Слова» и Бояна. Это триада воспеваемых князей. Кого воспевал Боян? Двух родных братьев, Ярослава и Мстислава, и потомка одного из них — внука Ярослава, Романа Красивого. Оба брата ненавидели друг друга, один из них, Ярослав, даже бежал с поля боя в битве при Листвене 1024 г. Роман привел на Русь половцев. Половцы убили Романа, упрекая

---

[17] *Шарыпкин Д. М.* «Боян» в «Слове о полку Игореве» и поэзия скальдов // ТОДРЛ. Л., 1976. Т. 31. С. 19.

его в обмане. Поединок храброго Мстислава с Редедей, во всяком случае с более поздних нравственных позиций, строится на обмане: договорившись биться «борьбою», а не оружием, но, поняв, как «был велик и силен Редедя», Мстислав зарезал его ножом.

Обратимся к триаде воспеваемых в конце князей. Родственные отношения повторяются: два брата, Игорь и Всеволод, и потомок одного из них, Владимир. Братья нежно любят друг друга, дружны и в тексте это подчеркивается дважды, с обеих сторон: *Одинъ братъ, одинъ свѣтъ свѣтлый ты, Игорю!* и *Игорь плъкы заворочаетъ: жаль бо ему мила брата Всеволода.* Храбрость буй-тур Всеволода безупречна, а его воинская отвага описывается почти гиперболически. Владимир Игоревич возвращается успешно домой.

Представляется, что повтор этой триады родственных отношений ассоциативно как бы еще один тур в соперничестве двух поэтов.

4. *О Бояне, соловию стараго времени, абы ты сиа плъкы ущекоталъ* — обращается автор к Бояну. Далее в основном сюжете — *Щекотъ славий успе.* Это явный повтор-перекличка. Но затем — *Соловии веселыми пѣсньми свѣтъ повѣдаютъ.* Возникает тройная ассоциативная цепочка. См.: Боян растекается *сѣрымъ вълкомъ по земли.* Он ущекотал полки, *рища въ тропу Трояню.* И половцы *Побѣдами нарищуще на Рускую землю.* Снова возникает тройная аллюзия. Эта трехступенчатость ассоциаций характерна для «Слова». Тернарные структуры в основном можно разделить на три группы:

1). X ассоциируется с Y и Z ассоциируется с Y. Поэтому ассоциируются X, Y и Z. По тому же принципу возникают, через повторы-скрепы, аллюзивные тройки: Олег — Всеслав — Игорь; Каяла — Стугна — Немига; Боян — Игорь — Всеслав (по *волком*).

2). X сближается с Y через повторы, и X противостоит Z через антитезы. Речь галок слышится и в прошлом и в настоящем, но в настоящем они замолкают. Донец противостоит Стугне в тексте. Тем самым он противостоит и Каяле — в настоящем, и Немиге — в прошлом.

3). Создается тройка объектов со следующей семантикой: X; X — как бы Y, одновременно X и Y; Y. То есть знаки этой триады асимметричны. Примеры:

Когда в прошлом перекликаются редко пахари, но часто каркают вороны и слышится речь галок, то можно предположить, что имеются в виду просто галки, птицы. Когда перед битвой *Щекотъ славий успе, говоръ галичь убуди* — то это и галки, и как бы половцы. Когда начинается зачин «Бояна»: *Не бури соколы занесе черезъ поля широкая — галицы стады бѣжатъ къ Дону великому*, то здесь галки — это половцы [18].

---

[18] Поэтому Г. В. Сумаруков, считая птиц и зверей «Слова» половецкими тотемами, одновременно может быть прав и не прав: художественный образ не элемент шифровального кода, он многогранен, и каждая грань создает новые ассоциации. См.: *Сумаруков Г. В.* Кто есть кто в «Слове о полку Игореве». М., 1983. 141 с.

То же можно сказать и о Солнце. Это и просто солнце, природное светило, и Солнце — верховное божество, и Дажь-бог, солярный покровитель Ольговичей.

Гзак бежит волком, т. е. подобно волку, Игорь — уже и как волк и как бы оборотень, Всеслав явно бежит, обернувшись волком, как оборотень.

5. Троичные ассоциации в «Слове», накладываясь, могут создавать сложные ассоциативные ряды. Например, Игорь — Олег — Всеслав — Гзак — Боян. Все они связаны через систему антитез и повторов, попарно и троично, но не обязательно одним признаком. Так же связаны: Каяла — Немига — Стугна — Донец. Объединен и ряд: галки — вороны — соловьи — соколы — «птицы».

Отдельные предложения «Слова» оказываются связанными системой текстовых перекличек «гуще», чем остальные. Таким образом, возникают субтексты, глубокую соединенность которых можно понять, если рассмотреть их особенно детально. В начале статьи приводилась такая связь для ряда: *готови — свѣдоми— вѣдоми — знаеми — неготовами.*

Приведем еще три подобных субтекста.

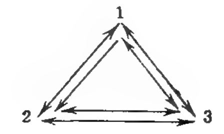
Субтекст первый:

1) *Дремлетъ въ полѣ Ольгово хороброе гнѣздо. Далече залетѣло* — перед битвой-поражением.
2) *О далече зайде соколъ, птицъ бья, — к морю!*
А Игорева храбраго плъку не крѣсити! — Представлено поражение и его печальный результат.
3) *А Игорева храбраго плъку не крѣсити!*
Донъ ти, княже, кличетъ
И зоветъ князи на побѣду.
Ольговичи, храбрыи князи, доспѣли на брань — это резюмирование поражения Святославом Всеволодовичем.

Вышеуказанные контексты объединяются:

1) все три по лексеме *храбрый;*
2) 1 и 2 — по лексеме *далече;*
3) 1 и 3 — по *Ольгово гнездо / Ольговичи;*
4) 2 и 3 — по *А Игорева храбраго плъку не крѣсити!*

Получается фигура

Субтекст второй:

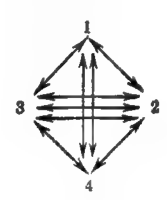
1). *Ничитъ трава жалощами, а древо с тугою к земли преклонилось* — эмоциональный итог рассказа о поражении Игоря.

2). *Уныша бо градомъ забралы, а веселие пониче* — подведение итогов последующим бедам.
3). *Уныли голоси, пониче веселие, трубы трубятъ городеньскии* — эмоциональное завершение рассказа об одинокой кончине Изяслава Полоцкого.
4). *Уныша цвѣты жалобою, и древо съ тугою къ земли прѣклонилось* — печальный комментарий о гибели в реке Стугне князя Ростислава в 1093 г.

Эти контексты объединяются:

1) 1 и 4 по корню *жал-* и по отрезку *древо с тугою. . .*;
2) 2 и 3 по *никнуть*, по *веселие* и по корню *уныл-*;
3) 1 и 2 по *никнуть*;
4) 1 и 3 по *никнуть*;
5) 2 и 4 — по *уныша*;
6) 3 и 4 — по *уныл-*.

Графическая схема перекличек:

Субтекст третий:

Как можно заметить по ряду примеров, наиболее тесно связанными в тексте «Слова» являются эмоциональные его части. Эмоционально окрашенными являются и концовки-итоги текста. Наиболее частой лексемой, передающей негативное эмоциональное состояние, является в «Слове» лексема *туга* (печаль'). Эта лексема часто бывает подкреплена синонимами, усилена: *тугою и жалощами*; *тугою — напастьми — тоска — печаль*; *туга и тоска*; *жалобою — тугою*.

Напротив, его антоним *веселие* выражается обычно как «минус»-веселие с отрицающим его квалификатором, причем эти квалификаторы разнообразятся: *невеселая година въстала*; *веселие пониче*; *жадни веселия*. Всего с лексемами *туга* и *веселие* в «Слове» представлено 15 контекстов, из них 9 — до обращения Ярославны, а 6 — после:

1). Чръна земля подъ копыты костьми была посѣяна, а кровию польяна; *тугою* взыдоша по Руской земли.
2). Ничитъ трава жалощами, а древо с *тугою къ* земли преклонилось.
3). Уже бо, братие, *невеселая* година въстала, уже пустыни силу прикрыла.
4). А въстона бо, братие, Киевъ *тугою*, а Черниговъ напастьми; тоска разлияся по Руской земли; печаль жирна тече средь земли Руской.

5). Уныша бо градомъ забралы, а *веселие пониче.*
6). И ркоша бояре князю: уже, княже, *туга* умъ полонила.
7). А мы уже, дружина, *жадни веселия.*
8). Се у Римъ кричатъ подъ саблями половецкыми, а Володимиръ подъ ранами. *Туга* и тоска сыну Глѣбову!
9). Уныли голоси, *пониче веселие*, трубы трубятъ городеньскии.
10). Чему, господине, мое *веселие* по ковылию *развѣя*?
11). Чему, господине. . . въ полѣ безводнѣ жаждею имъ лучи съпряже, *тугою* имъ тули затче?
12). Княже Игорю! не мало ти величия, а Кончаку нелюбия, а Руской земли *веселиа.*
13). Уныша цвѣты жалобою, и древо съ *тугою* к земли прѣклонилось.
14). Соловии *веселыми* пѣсньми свѣтъ повѣдаютъ.
15). Страни ради, гради *весели.*

Обозначим тугу как Т, а веселие — как В, «минус»-веселие — как В̄. Получаем общую цепочку субтекста: [19] Т/Т/В̄/Т/В̄/Т/В̄/Т/В̄ В/Т/В/Т/В/В. Видны симметричность начала и конца: Т/Т—В/В, перелом в середине после обращения Ярославны и глубокий внутренний ритм чередования Т и В. Это и есть один из внутренних ритмов «Слова», создаваемых повторами и антитезами.

6. Все сказанное выше относилось к повторам, антитезам и антитезам-повторам, обеспечивающим смысловую цельность текста памятника, создающим единую систему дуальных противопоставлений, осложненную дополнительными аллюзивными наложениями.

Однако в «Слове» повторы обеспечивают и связность текста, они скрепляют текст. Поэтическая техника подобных повторов отличается от повторов, описанных выше.

К повторам скрепляющего типа относятся повторы-цитаты, представленные в «Слове» многократно. В каждой цитате-пересказе обязательно есть хотя бы один буквальный повтор предыдущего текста.

Н. С. Демкова обратила внимание на «текст в тексте» — рассказ бояр о битве на Каяле Святославу [20]. В их рассказе есть *А любо испити шеломомъ Дону.* См. ранее в речи Игоря: *Хощу главу свою приложити, а любо испити шеломомъ Дону.*

Эти попарные цитаты-повторы всегда связаны с прямой речью (см. выше). Причем либо оба автора принадлежат прямой речи, либо один из них входит в авторское повествование, а другой — в прямую речь. Примечательно, что такие повторы-цитаты относятся только к основному сюжету памятника.

Святослав Киевский повторяет слова автора: *А Игорева храбраго плъку не крѣсити!* См. ранее: *О далече зайде соколъ, птиць бья, къ морю! А Игорева храбраго плъку не крѣсити!*

---

[19] Два последних субтекста приводятся в ст.: *Николаева Т. М.* Оппозиции «туга — веселие» и «тьма — свет» в «Слове о полку Игореве». С. 126.
[20] *Демкова Н. С.* Указ. соч. С. 71.

Святослав трижды призывает князей вступиться за землю Русскую. См. вначале: *Наведе своя храбрыя плъкы на землю Половѣцькую за землю Рускую.*

Автор повторяет слова Всеволода о курянах: *Сами скачють, акы сѣрыи влъци въ полѣ, ищучи себе чти, а князю славѣ.* См. далее: *Русичи великая поля чрьлеными щиты прегородиша, ищучи себѣ чти, а князю славы.*

Автор, описывая пленение Игоря: *Ту Игорь князь высѣдѣ изъ сѣдла злата, а въ сѣдло кощиево,* перекликается с двумя предшествующими контекстами: *Тогда въступи Игорь князь въ златъ стремень* и со словами самого Игоря: *Луцеж бы потяту быти, неже полонену быти.*

На последнем примере еще раз можно продемонстрировать указанную выше поэтическую особенность текста «Слова», когда образуются тройки: X; X и У; У. Игоря пленяет Кончак. *Стрѣляй, господине, Кончака, поганого кощея* — обращается Святослав Киевский к Ярославу Осмомыслу. Здесь кощей — Кончак. *Пересел въ сѣдло кощиево* — это и седло Кончака, и седло раба. *Аже бы ты былъ, то была бы чага по ногатѣ, а кощей по резанѣ* (о князе Всеволоде Юрьевиче). Здесь *кощей* — только 'раб'.

Игорь повторяет слова Ярославны: *Възлелѣй, господине, мою ладу ко мнѣ — О Донче! не мало ти величия, лелѣявшу князя на влънахъ.*

Игорь повторяет слова реки Донца: *Княже Игорю! Не мало ти величия, а Кончаку нелюбия — О Донче! не мало ти величия. . .*

Кончак повторяет слова Гзака: *Аже соколъ къ гнѣзду летитъ, соколича ростръляевѣ — Аже соколъ къ гнѣзду летить, а соколца. . .*

Не цитатой является только самый известный повтор-рефрен:

О Руская землѣ! Уже за шеломянемъ еси.

Скрепляют текст повторы близких или контактных слов:

А самъ въ ночь вълкомъ рыскаше,
изъ Кыева дорискаше до Куръ Тмутороканя,
великому Хрьсови влъкомъ путь прерыскаше.
. . . Бишася день, бишася другой. . .
Уже бо Сула не течетъ сребреными струями
къ граду Переяславлю,
и Двина болотомъ течетъ
онымъ грознымъ полочаномъ
подъ кликомъ поганыхъ.

Так повторяются не только глаголы, но и имена:

Съ зарания до вечера съ вечера до свѣта;
Яръ туре Всеволодѣ. . . отъ тебѣ, яръ туре Всеволоде!

Повторяются однокоренные слова: *ни мыслию смыслити, ни думою сдумати.* Повторяются однотипные синтаксические конструкции и грамматические цепочки. В этом плане особенно ин-

тересны конструкции с инициальной частицей *Уже*. Как отмечает Д. С. Лихачев, через *Уже*-конструкции обычно передаются ситуации печальные, ожидаемой беды [21]. И это действительно так. Само же слово *уже* не заключает в себе печальных ассоциаций, в принципе Всеволод мог бы сказать: *А мои ти готови, уже осѣдлани у Курьска*. Но в «Слове» через *уже* передаются ситуации грустные и трагические:

Уже бо бѣды его пасетъ птицъ по дубию;
О Руская земле! Уже за шеломянемъ еси!;
Уже бо, братие, невеселая година въстала, Уже пустыни силу прикрыла;
Уже намъ своихъ милыхъ ладъ ни мыслию смыслити, ни думою сдумати, ни очима съглядати;
Уже дъскы безъ кнѣса в моемъ теремѣ златовръсѣмъ;
Уже, княже, туга умъ полонила;
Уже соколома крильца приспѣшали поганыхъ саблями;
Уже снесеся хула на хвалу, Уже тресну нужда на волю, Уже вържеся дивъ на землю. . . А мы уже, дружина, жадни веселия!
А уже не вижду власти сильнаго и богатаго, и многовоя брата моего Ярослава. . .;
Нъ уже, княже Игорю, утръпѣ солнцю свѣтъ;
Уже бо Сула не течетъ сребреными струями къ граду Переяславлю. . .;
Уже понизите стязи свои, вонзите свои мечи вережени. Уже бо выскочисте изъ дѣдней славѣ.

Примечательно, что после обращения Ярославны *уже*-конструкции исчезают, хотя через *уже* можно констатировать и позитивный результат. Это показывает семантическую направленность и эмоциональную окрашенность конструкций с *уже*. Неожиданным поэтому является в тексте «Слова» частая сопряженность *уже*-конструкций с лексемами *туга* и ««минус»-*веселие*: *Уже бо, братие, невеселая година встала . . Уже, княже, туга умъ полонила; А мы уже, дружина, жадни веселия.*

7) Система повторов и антитез-скреп относится и к звуковой форме текста «Слова». Проблемы метрики «Слова», определение его стихотворного жанра, акцентологические проблемы «Слова» остаются за пределами данной статьи, так же, как и вопросы чисто лингвистические. Однако чисто звукописные решения «Слова» создают еще один, поверхностный слой скреп, дополняя скрепы лексические и лексико-фразеологические. Но и сам слой звукописи имеет внутреннюю структуру, повторяющую во многом структуру лексических повторов и антитез.

Так, в слое звукописи выделяются зеркальные, симметричные структуры:

---

[21] См.: *Лихачев Д. С.* Поэтика повторяемости в «Слове о полку Игореве». С. 19.

Сорокы втроскоташа: СОР—ОК/РОС—КО;
Връже жребий: РЪЖ/ЖР;
Бръзыя комони да позримъ: РЪЗ/ЗР;
Щиты прегородиша ищучи: ЩИ/ИЩ и т. д.

На антитетические симметричные модели могут накладываться сквозные звуковые темы. Например:

Уже лжу убудиста — УЖ/ЖУ и одновременно У—У—У—У;
Уже тресну нужда — УЖ/УЖ, НУ/НУ и У—У—У;
Прысну море полунъщи — НУ/УН и П—Р—Р—П;
Чръныя тучя идутъ — ТУ/УТ и Ч—Ч;
Хула на хвалу — УЛ/ЛУ и Х—У—Л—Х—Л—У;
Уже дружина жадни — УЖ/УЖ и Ж—Д—Ж—Д.

Симметричные структуры комбинируются с параллельными:

Тутнеть . . . мутно т-екутъ: Т—УТН/УТН—Т:

Возможны и параллельные структуры:

И рече Игорь — И—Р/И—Р;
Полозие ползаша— О—Л—О—З/ОЛЗ;
Изяславъ позвони — З—В/ЗВ;
Князю разумѣти — ЗЮ/ЗУ
Немизѣ брезѣ — ЗѢ/ЗѢ и т. д.

Параллели объединяются в комплексные квазилексемные сочетания:

Одинъ СВѣтъ свѣ-тлый ты Игорю, оба е-СВѣ СВЯ-тъславлича;
СИН-очь. . . СИН-ее; *На КРОВА-Вѣ т-РАВѣ. . . на КРОВА-ти. . .*
КР-илы. . . КРОВ-ь и т. д.

Звукопись «Слова» изучалась многократно, начиная еще с подробных наблюдений П. П. Вяземского [22], но кажется и поныне поистине неисчерпаемой.

Предлагаемая ниже классификация звукописных повторов, не учитывающая, как было уже сказано, метрико-акцентологического аспекта, строится по иерархической модели усложнения. Всего в ней выделяется четыре основных типа звукописных повторов: 1) инициали, 2) темы, 3) фуги, 4) анаграммы.

Инициали — это совпадающие звуковые комплексы начал слова. Они могут быть однокомпонентными, двухкомпонентными, трехкомпонентными и более сложными. Инициали связывают:

---

[22] См.: *Вяземский П. П.* «Слово о полку Игореве»: Исследование о вариантах. СПб., 1877. П. П. Вяземский особенно отмечает частотность инициали ПО- и гласного О, распространяющихся на большие по протяженности отрезки: Въ ПОлѣ ОльгОвО гнѣздО хОрОбрОе гнѣздО далече залѣтелО не был Онъ Обидѣ ПОрОжденО ни сОкОлОу ни кречетОу ни тебѣ ПОганый ПОлОвчине. С. 29.

а) слова контактные и связанные по смыслу — *П-ятка П-отопташа П-оганыя П-лъкы П-оловецкыя*; *По-роси По-ля П-рикрываютъ*; *П-реди п-ѣснь П-ояше*; *И-горя И-же И-стягну* и т. д.;

б) слова, связанные синтаксически, но дистантные:

За-ря / *За-пала*; *Вѣ-три* / *Вѣ-ютъ*; *По-ловцы* / *По-бѣгоша*; *Ту-гою* / *Ту-ли*; *По-чнемъ* / *По-вѣсть*; *По-слушати* / *По-морию* / *По-сулию*; *З-аутренюю* / *з-вонъ* и т. д.;

в) слова дистантные и непосредственно синтаксически не связанные: *Побѣ-дами* / *Побѣ-ле*; *Ка-ютъ* / *Ка-ялы*; *Кров-авѣ*/*Кров-ати* и т. д.

Наложение этих инициалей-повторов создает особого рода ритмы. Например, чередование В/Д: *В-ъстала Обида В-ъ силахъ Д-ажьбожа В-нука В-ступила Д-ѣвою*; С/В — *С-е В-ѣтри С-ътрибожи В-нуци В-ѣютъ С-ъ моря С-трѣлами* и т. д.

Выше говорилось о лексемно-семантических тернарных ассоциациях. Тернарный принцип отражен и в звукописи. Он состоит в том, что два слова соединяются двухкомпонентной инициалью, а третье слово или присоединяется к ним однокомпонентной инициалью, или эта инициаль как бы входит «внутрь» третьего слова: *Бр-ата . . .бр-езѣ б-ыстрой*; *Б-ысть. . . бр-ата Бр-ячислава*; *Ту-гою ту-ли за-т-че*. Так возникают некоторые единства связанных инициалью слов: *В-си в-нуци В-сеславли*; *Б-резѣ* (*не*) *б-ологомъ б-яхуть* и т. д. От примеров такого типа легко перейти к следующему классу звукописи, который был назван нами *темой*.

Тема — это какой-либо звук, связывающий группы слов. Например:

Тема М: *Смагу мычючи въ пламянѣ розѣ*;
Милыхъ ладъ ни мыслию смыслити ни думою сдумати;
Тема В: *Вся своя воя*; *Не ваю ли. . . по крови плаваша*;
Тема Р: *Не ваю ли храбрая дружина рыкаютъ акы тури ранены*;
Отвори врата Новуграду;
Тогда по Руской земли рѣтко ратаевѣ кикахутъ, нъ часто врани граяхуть, трупиа себѣ дѣляче, а галици свою речь говоряхутъ.

Число подобных звуков-тем можно продолжить в большом количестве. Описывая повторы звуков в «Слове», В. Ржига обратил внимание на часто встречающиеся комбинации определенных звуков, например ЗЛ, СЛ, СМ и т. д. (*Святъславъ изрони злато слово съ слезами смешѣно*). Идея повторяющихся комплексов привела его к мысли о зашифрованности в этих комплексах имен князей [23]. Р. Якобсон, идя далее, предположил, что кодируемые имена могут представать в разных комбинациях, как раскладываясь по минимальным элементам, так и представая в виде сгущений разного рода конденсированности [24].

Анализ текста «Слова», во всяком случае, показывает, что

---

[23] См.: *Ржіга В.* Гармонія мови «Слова о полку Ігоревім» // Україна. 1926. Кн. 4. С. 28.

[24] *Jakobson R.* Selected writings. IV. The Hague; Paris, 1966. C. 660—680.

в нем выделяются промежуточные конструкции между «темой», т. е. повторением одного звука, и анаграммой, т. е. включением целого значимого отрезка. Такую звукопись условно называем *«фугой»*.

Под звукописью типа фуги понимается движение по тексту некоторой совокупности звуков, так что иногда создается фугированная ткань текста большой протяженности. Например:

Н—З/С—В: *Понизите стязи свои вонзите свои*;
В—К—Р: *Въ княжихъ крамолахъ вѣци человѣкомъ скратишася*; *Рукавъ въ Каялѣ рѣцѣ утру князю кровавыя раны*;
П—Р—Т: *Рища въ тропу Трояню чресъ поля на горы*;
К—П—Р: *Княже птицъ крилы приодѣ а звери кровь полизаша*;
В—К—Х: *Великихъ плъковъ половецкихъ яко вихрь выторже*;
К—П—Т: *Подъ копыты костьми была посѣяна, а кровию польяна*;
К—Т—З: *Клектомъ на кости звѣри зовутъ.*

Указанные выше приемы могут концентрироваться, создавая концентрируемую звукопись, анализируемую по слоям. Приведем два примера.

Вот описание воинов подвластных Ярославу Черниговскому:

Могуты—Татраны—Шельбиры
Топчакы—Ревугы—Ольберы.

Здесь можно назвать четыре звуковых переклички:

-льбиры/-льберы; *Т-опчакы/Т-атраны*; *Топч-А-кы/Татр-А-ны*; *МоГУ-ты/Рев-УГ-ы.*

Второй пример — обращение Ярославны к Солнцу: *Чему господине простре горячюю свою лучю на ладѣ вои въ полѣ безводнѣ жаждею имъ лучи спряже тугою имъ тули затче.* Р. Якобсон указал на поэлементное шифрование в этом обращении имени Игоря: ГО—И—Р—О—Р—ГОР—О—ОИ—О—О—И—И—Р—О—И—И. Но, помимо этого, здесь выявляются и другие переклички: ЧЮЮ—ЧЮ—ЧИ—Ч; ВО—ВО—ВО; ЛУ—ЛА—ЛЕ—ЛУ—УЛ; Ж—Ж—Ж; Т—Т—Т; ЮЮ—Ю—Ю—У—У—У.

Развитие фуг определяет разделение текста на элементы. Например: *Дивъ кличетъ връху древа велитъ послушати земли незнаемѣ Влъзѣ и Поморию и Посулию и Сурожу и Корсуню и тебѣ Тьмутороканьскый блъванъ.* Этот фрагмент распадается на четыре отрезка: *Дивъ кличетъ връху древа велитъ послушати* (Д—В—Л—Д—В—В—Л); *Земли незнаемѣ Влъзѣ* (З—Л—З—Л—З), соединяемый с первым через Л в *послушати.* Третий — *и По-МОР-ию и По-СУЛ-ию и СУР-ожу и Ко-РСУ-ню*, где только вместе рассмотренные перекликаются МОР—СУЛ-СУР-РСУ. (Необходимо отметить как звуковую «скрепу» дальнейшее введение этих географических реалий — *СРО-ни и по-РОС-и и по-СУЛ-и*). Инициаль По- объединяет два первых наименования и связывает третий отрезок с первым через *По-слушати*, где вводится предваряющее *по-СЛУ-шати.* Четвертый отрезок — *Тебѣ Тьмутороканьский блъванъ* (Т—Б—Т—Б).

Таким образом, элементы фугированного текста могут комбинироваться в устойчивые сочетания. Это сближает их с *анаграммами*.

Выше приводились анаграмматические компоненты вокруг *Уноши Ростислава*. Можно привести и другие примеры.

При назывании имен князей сопровождающие их определения содержат консонантный состав их имени: *Красному* (*Р—С*) *Романови Святъславличю*; *Рюриковы, а ДРУзии Давидовы* (Д—РУ как будто объединяет князей).

У и Р, С, Т, вводимые в текст, кодировали князя Ростислава. Обратимся к тексту об осуждении Игоря: *Каютъ князя Игоря иже погрузи жиръ во днѣ Каялы рѣкы половецкыя*: К—К—И—Г—Р—И—ГР—З—И—ИР—К—Р—К—К. К—З — Князь, И, Г, Р — Игорь.

Каковы же содержательные интерпретации описанных форм? По нашему мнению, они многообразны и в то же время подчинены единой задаче дополнительного сопряжения звука и смысла, т. е. созданию «сверхсмысла».

Инициали служат непосредственному объединению текста, они же и членят его.

Темы во многом создают общий эмоциональный колорит отрезка текста.

Анаграмматические компоненты обычно сопровождают называемое имя, как бы подготавливая к нему или окружая его. В. Ржига пишет: «Імена князів дзвенять не тільки в слави, але й у всій музици „Слова" . . . В них відчувалося зачарования влади, бачилось сяйво світла, чулося дзвін славы» [25].

Более сложна интерпретация фуг. Во-первых, именно фуги выполняют функцию звукоподражания. *А не сорокы втроскоташа* — Сор-ок-трос-ко; *Подъ копыты костьми была посѣяна* — Ко—По—Т; звуки К—Т дважды передают крик птиц: Орлов — *Орли клектомъ на кости* и Дятлов — *Дятлове тектомъ путь къ рецѣ кажутъ*.

Во-вторых, именно фуги связывают текст, создавая переходы от одной сюжетной темы к другой.

Все сказанное выше есть попытка разгадать некие неявные смыслы, заложенные и скрытые в самом тексте. Многое осталось за пределами данной статьи, посвященной только повторам и антитезам, многое, разумеется, осталось скрытым. Осталась и убежденность в том, что истинно художественное произведение отличает право на уникальность сооотношения смысла и формы.

---

[25] *Ржига В.* Указ. соч. С. 26.

В. Э. Орел

«СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ» И ЕГО ЭТИМОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ

Лингвистическое изучение «Слова о полку Игореве» имеет давнюю и разностороннюю традицию, все исторические этапы которой в той или иной степени ознаменованы постепенным — часто очень медленным и всегда драматическим — продвижением к полному понимания великого памятника, от уточнения его территориально диалектной основы до уяснения смысла «темных мест» и этимологии довольно многочисленных ħapax'ов. Почти 200-летняя история филологического исследования «Слова» закрепила в сознании ученых определенное представление о сравнительной ценности различных лингвистических дисциплин, одни из которых признаются безусловно полезным инструментом анализа «Слова», другие же существуют в рамках науки о «Слове», так сказать, неосознанно, подспудно, вызывая самые разнообразные оценки — от критических до декларативно-нигилистических. К таким «пасынкам» в изучении «Слова» относится и славянская (в том числе и восточнославянская) этимология.

Каким образом создалось такое положение? Не последнюю роль в этом сыграли некоторые особенности становления и развития славянской этимологии как самостоятельной науки и прежде всего то, что период ее бурного роста, коренного изменения задач и исследовательских приемов (от «корнеискательства» — к тонкому семантико-словообразовательному анализу) пришелся лишь на середину нашего столетия. Естественно поэтому, что истинное значение этимологии для анализа «Слова» долгое время оставалось непонятым, а специалисты-этимологи обходили лексику этого памятника своим вниманием. Между тем наука о «Слове» по самому своему содержанию не могла обойтись без этимологии; так сложилась курьезная (и досадная) ситуация, которую исчерпывающе характеризует Б. А. Ларин: «Вопрос о языке „Слова о полку Игореве“ был и остается самым трудным в истории русского языка. Лингвисты ряда поколений проделали огромную черновую работу по отнесению текста к определенной территории, по очищению его от искажений, внесенных в XIV—XVI и XVIII вв. Литературоведы и историки разгадали многие „темные места“. . .»[1].

[1] *Ларин Б. А.* Лекции по истории русского литературного языка: (X—середина XVIII в.). М., 1975. С. 177.

Таким образом, толкование «темных мест» — работа, безусловно входящая в компетенцию этимологии, — оказалось передоверенным представителям других филологических (и даже нефилологических) специальностей!

Действительные возможности современной славянской этимологии применительно к «Слову» вовсе не ограничиваются этой наиболее очевидной сферой деятельности — интерпретацией «темных мест». На деле этимологический подход пронизывает (точнее было бы сказать — должен пронизывать) все стороны филологической критики древнего текста — от словоделения (которое подчас определяет наши представления о лексическом составе «Слова») до научного обоснования верных, но достигнутых интуитивным путем семантических толкований отдельных мест [2]. В этом отношении поучителен пример, приведенный О. Н. Трубачевым [3], свидетельствующий о значительно более широких возможностях этимологии, чем обычно принято считать. Известное место *А половци неготовами дорогами побѣгоша къ Дону великому*. . . никогда не вызывало дискуссий лингвистического характера, а слово *неготовами* со времен Срезневского единогласно переводится как «не проторенными» [4]. Это прочтение, кажущееся и сегодня безусловно верным, вызывает, однако, известные затруднения, так как употребление *готовыи* в значении 'проторенный' стоит несколько особняком от наиболее характерных значений этого слова (ἕτοιμος, paratus). Подтверждение правильности принятого понимания в данном случае устанавливается лишь этимологией: *готовыи* в конечном счете восходит к индоевропейскому *$g^{u}\bar{a}$ — 'идти' и родственно слову *гать* 'мощеный или насыпной проход (через болото, топкое место и т. п.)' [5]. Таким образом, угаданное Срезневским значение верно; более того, удержанное "Словом" значение исключительно архаично. В настоящее время наблюдения О. Н. Трубачева могут быть дополнены, а лексема *неготовыи* в значении 'не проторенный' должна, как кажется, утратить налет уникальности. В Никоновской летописи читаем: *Отець же его Володимеръ въсхотѣ поити на него и повелѣ вои събирати, и путь готовити, и мосты мостити*. Контекст ясно указывает, что *готовити* здесь означает 'торить', а никак не 'устраивать, изготовлять', как считают лексикографы [6].

Неоднозначность толкований — естественное, но не имманентное свойство этимологии, которое кажется излишним возводить

---

[2] См.: *Трубачев О. Н.* Этимология и текст // Современные проблемы литературоведения и языкознания: К 70-летию со дня рождения акад. М. Б. Храпченко. М., 1974. С. 448—449.

[3] См.: Там же.

[4] См.: *Срезневский И. И.* Материалы для Словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1895. Т. II. Стб. 373.

[5] См.: *Трубачев О. Н.* Славянские этимологии. 40. Слав. *gotovъ* // Prace filologiczne. 1964. Т. 18. Cz. 2. S. 153 ff.

[6] Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 1977. Вып. 4. С. 110.

в принцип [7]. Именно поэтому и следует признать, что в тексте «Слова» есть места, не раз подвергавшиеся этимологическому анализу, но тем не менее до настоящего времени не имеющие сколько-нибудь правдоподобного решения. Это «темные места» в буквальном смысле слова, и хотя число их не стоит преувеличивать, именно они нередко задают тон, когда заходит речь о пресловутой непроницаемости и таинственности «Слова о полку Игореве». К таким подлинно «темным местам» несомненно относится синтагма *утръ же воззни стрикусы*, для которой предлагались самые различные эмендации, в свою очередь становившиеся основой разнообразных этимологий. Один только перечень этих этимологий весьма поучителен: здесь и чтение *стрикусы*, причем последнее объясняется как заимствование из ср.-в.-нем. *strîtackes* 'боевой топор', нем. *Streitaxt* 'то же' [8] и членение *с три кусы*, где *кусы* получают различные толкования — 'куски' (Всеслав «урвал удачи с три куска») [9], 'попытки' [10], 'зубы' (предлагается чтение *(о)стры кусы*, причем *кусы*=польск. *kęsy* 'зубы хищных зверей') [11], 'набеги, нападения' (как вариант русск.-цслав. *хуса* 'набег, засада') [12]. В этом перечне все интерпретации не выдерживают критики оппонентов; не вдаваясь в подробности [13], заметим здесь, что если чтение *стрикусы* обнаруживает лишь весьма отдаленное сходство с приведенными верхненемецкими формами, то все объяснения, исходящие из членения *с три кусы*, неудачны не только этимологиями самой формы *кусы*, но и общей «угловатостью» синтаксической конструкции.

Чтобы преодолеть иллюзию неразрешимости этимологических проблем «Слова», достаточно напомнить хотя бы о множестве удач, сопутствовавших поиску тюркизмов в этом памятнике и их этимологическому истолкованию [14]. Один из самых ярких примеров в этом плане — объяснение сочетания *босымъ влъкомъ* как адап-

---

[7] Совершенно иное мнение см.: *Топоров В. Н.* Др.-греч. βάτραχος и др.: (Заметка на полях) // Балто-славянские исследования, 1981. М., 1982. С. 155.

[8] См.: Слово о полку Игореве / Текст и примеч. А. А. Потебни. Воронеж, 1878. С. 124 (развитие догадки И. Н. Снегирева).

[9] La geste de prince Igor / Ed. H. Grégoire, R. Jakobson et M. Szeftel. N. Y., 1948. P. 68; *Jakobson R.* Marginalia to Vasmer's Russian Etymological Dictionary (Р—Я) // IJSLP. 1959. V. 1/2. P. 272; *Якобсон Р. О.* Изучение «Слова о полку Игореве» в Соединенных Штатах Америки // ТОДРЛ. 1958. Т. 14. С. 104.

[10] См.: *Лихачев Д. С.* «Воззни стрикусы» в «Слове о полку Игореве» // ТОДРЛ. 1962. Т. 18. С. 587.

[11] См.: *Булаховський Л. А.* Вибрані праці в п'яти томах. Славістика, російська мова. Київ, 1978. Т. 3. С. 473.

[12] См.: *Виноградова В. Л.* Еще одна догадка о «стрикусы» «Слова о полку Игореве» // Изв. ОЛЯ. 1969. Т. 28. Вып. 1. С. 82—85.

[13] Некоторые существенные критические замечания см.: *Трубачев О. Н.* Этимология и текст. С. 448—449.

[14] См., в частности: *Менгес К. Г.* Восточные элементы в «Слове о полку Игореве». Л., 1979; и ряд работ Н. А. Баскакова.

тации тюрк. *boz qurt* 'серый волк' [15] (и в этой области, однако, не обошлось полностью без недоразумений: так, форма *бусово*, *бусови* связывалась прежде и сравнивается поныне с именем антского вождя *Booz*, хотя последнее продолжает либо слав. **božь(jь)*, либо **vodjь* и ни при каких условиях соответствовать слову *бусово* не может). Если же не ограничиваться проблемой тюркских элементов «Слова», приходится с сожалением отметить, что во многих случаях ощущение этимологической непрозрачности многочисленных мест памятника возникает и укрепляется не потому, что в том или ином случае отсутствует правдоподобное, надежное решение, а потому, что это давно существующее решение погребено под «культурным слоем» более новых, но отнюдь не более удачных предположений и конъектур.

Так обстоит дело, например, с толкованием слова *папорзи* (*суть бо у ваю желѣзныи папорзи подъ шеломы латиньскими*). Место это далеко от ясности, и необходимость какой-то конъектуры здесь не вызывает сомнений, однако, обращаясь к истории вопроса, мы видим, что многие исследователи, пожалуй, злоупотребили различными «улучшениями» текста. Одна из таких малоудачных точек зрения восходит к Д. Дубенскому, предложившему видеть в *папорзи—папорози*, последнее же понимается как *папороти*, т. е. 'косточки в птичьих крыльях, находящиеся между плечиком и кистью': «Автор олицетворил мысль; она ширяется, подобно соколу, — на чем же? на железных папороках (крыльях)» [16]. Это толкование, конечно, совершенно ненаучно — как потому, что оно исходит из исправления сразу двух букв, так и потому, что оно совершенно беспомощно в семантическом отношении. Неудивительно, что оно не дожило до наших дней [17]. Трудно принять и объяснение А. С. Орлова, читающего на месте *папорзи — паробци*, *паропци* или *пароб(п)чи* 'младшие члены дружины, слуги князя' [18], и трудность не только в том, что это прочтение предполагает очень существенную правку дошедшего до нас текста, но и прежде всего в том, что сочетание *желѣзныи паропци* в стилистическом отношении звучит подозрительно современно (нечто вроде нем. *die Männer aus Eisen*). Можно, правда, возразить, что др.-русск. *желѣзныи* встречается в переносных значениях и может означать нечто вроде 'крепкий, сильный, несгибаемый', однако нетрудно заметить, что в этой роли прилагательное *желѣзныи* часто сочетается со словами типа *сердце* или *шея*, но *никогда* — с существительными одушевленными [19]. Еще

---

[15] См.: *Гордлевский И. А.* Что такое «босый волк»? // Изв. ОЛЯ. 1947. Т. 6. Вып. 4. С. 317—337.

[16] Цит. по кн.: Словарь-справочник «Слова о полку Игореве» / Сост. В. Л. Виноградова. Л., 1973. Вып. 4: (О—П). С. 55—56.

[17] В последний раз это толкование встречаем в кн.: *Максимович М. А.* Собр. Соч. Киев, 1880. Т. III. С. 651.

[18] См.: *Орлов А. С.* «Слово о полку Игореве». М.; Л., 1946. С. 126—127.

[19] См.: Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 1978. Вып. 5. С. 82.

одно объяснение, впервые предложенное Ф. И. Буслаевым [20], исходя из конъектуры *паперси*, *паперсти* (имеется также древнерусский вариант *папорстъ* и русск. диал. *папорсть*), т. е. 'верхняя часть брони, нагрудник'. Хотя это толкование и поддержано авторитетом В. Н. Перетца [21], принять его невозможно: и здесь, как и в предшествующих случаях, значительная конъектура не может быть поддержана никакими палеографическими доводами. В то же время здесь налицо и основательная натяжка в том, что касается значения др.-русс. *паперсь*, *паперсть*, которое никогда не означало часть брони, но исключительно — часть конского убора, ремень на нижней части конской груди. Ничуть не улучшает дела и указание В. Н. Перетца на пассаж из «Хроники» Георгия Амартола: *на красоту же ему и на лѣпоту мѣдяны обручи прекова и мнози поперсьци* [22], поскольку греческое соответствие сочетанию *мнози поперсьци* — οἱ πλεῖστα λῶροι 'многие ремни, поводья' — прямо указывает все на то же значение др.-русск. *поперсь*, *поперсть* 'часть конского убора'. Что в таком случае делать сбруе *подъ шеломы латиньскими*? Как ни странно, все то же толкование (несколько ухудшенное тем, что приходится принимать еще более радикальное исправление — *поперсие*!) встречается и в самое последнее время [23]: форма *папорзи* сравнивается с с.-хорв. *pȍpr̄sje* 'корсет; поясной портрет; нагрудник', древнерусским (фонетически регулярным) соответствием которого было бы *поперсие*, *попьрсие*, поражающее своим несходством с объясняемым *папорзи*.

Мы столь подробно остановились на ошибочных толкованиях слова *папорзи*, чтобы читатель, имея теперь необходимую историческую перспективу, мог оценить тот многозначительный факт, что филологически фундированная и, по всей видимости, верная этимология слова *папорзи* появилась по меньшей мере не позже разобранных выше. В сущности, эта этимология принадлежит Д. Дубенскому, который, развивая изложенное нами ошибочное толкование, сделал любопытную оговорку: «. . .ежели здесь не описка вместо *паворози*» [24]. Со свойственным эпохе лаконизмом он фактически заложил основу того объяснения, которое исчерпывающим образом было разработано Ю. М. Лотманом [25]. Конъектура *павор(о)зи* (о полногласном и неполногласном вариантах см. ниже) палеографически достоверна: квадратное полууставное

---

[20] См.: *Буслаев Ф.* Историческая хрестоматия церковнославянского и древнерусского языков. М., 1861. Стб. 610.
[21] См.: *Перетц В.* «Слово о полку Ігоревім». Київ, 1926. С. 280.
[22] Там же.
[23] См.: *Прийма Ф. Я.* Сербскохорватские параллели к «Слову о полку Игореве» // Рус. лит. 1973. № 3. С. 81. Автор предпочитает говорить о слове «поперсье».
[24] См. примеч. 16.
[25] См.: *Лотман Ю. М.* О слове «папорзи» в «Слове о полку Игореве» // ТОДРЛ. 1958. Т. 14. С. 37—40.

в легко было смешать с *п* [26]. Исправление на *павор(о)зи* не вызывает и лексикологических проблем, поскольку слова *паворозъ*, *павороза* известны были древнерусскому языку (в значении 'привязь боевого оружия' и близких к нему), известны и русским диалектам (в значении 'шнурок, звязка' и т. п.). Названные значения вписываются в ближайший контекст слова *папорзи*: как показал Ю. М. Лотман, речь идет о средневековых западноевропейских шлемах, у которых закрепляющие их тесемки (в отличие от шлемов русских) были ременными и укреплялись металлическими пластинками [27]. Поэтому *папорзи* и *желѣзныи*, и находятся они *подъ шеломы латиньскими*. В исправленном *паворзи* трудность возникает только в связи с тем, что ожидалось бы полногласное *паворози* (как соответствие польск. *powróz* 'веревка' и т. п.), что осложняет конъектуру. Ю. М. Лотман считает, что «пропуск. . . одного „о" в непонятном слове представляется возможным», но допускает и чисто лингвистическое объяснение — синкопу безударного гласного в соседстве с *-р-* [28].

Выше этимология предстала перед нами в сравнительно скромной роли — как инструмент уточнения некоторых реалий «Слова». Однако этим значение этимологии не ограничивается: без ее участия оказывается невозможным однозначное и научно обоснованное прочтение таких мест памятника, которые затрагивают проблемы более широкого звучания, вопросы образного строя и идейного содержания «Слова», его художественного своеобразия. Как например, следует понимать формы *карна* и *жля* — как заимствованные названия восточных музыкальных инструментов [29] (ср. перс. *карнāй* 'труба, рожок', тур. *zil* 'звонок, тарелки') или как олицетворенную печаль и скорбь [30]? Очевидно, ответ на данный вопрос прямо затронет и литературоведческую трактовку этого места, которая, конечно, склоняется в пользу второго решения. В том же направлении указывает и контекст (ср. далее: *а въстона бо, братіе, Киевъ тугою, а Черниговъ напастьми. Тоска разлияся по Руской земли, печаль жирна утече средь земли Рускыи*). Однако решающее слово остается здесь за этимологией: приблизительность и фонетическая неточность сопоставления *карна* и *жля* с *карнāй* и *zil* исключают их трактовку как ориентализмов, несмотря на весь соблазн созвучия. Вместе с тем для *карна* в последнее время указаны точные инославянские соответствия — с.-хорв. *кāрња* 'ругань, брань, ссора' и ст.-чеш. *kárna*, — позволяющие реконструировать слав. **karьna* [31]; что же касается *жля* (соб-

---

[26] См.: *Генсиоровский О.* Заметки о «Слове о полку Игореве» // ЖМНП. 1884. Февр. С. 287.

[27] См.: *Ю. М. Лотман.* Указ. соч.

[28] Там же. Возможно, что *паворзи* — продолжение слав. **pavьrzi*.

[29] См.: *Попов А. И.* Заметки о «Слове о полку Игореве» // Рус. лит. 1969. № 4. С. 184—185.

[30] См.: *Миллер Вс.* Взгляд на «Слово о полку Игореве». М., 1877. С. 211—212; *Орлов А. С.* Указ. соч. С. 113.

[31] См.: Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд. М., 1983. Вып. 9. С. 155.

ственно, **жьля*), то это слово уже давно рассматривается как морфологический вариант к засвидетельствованному *желя*[32], образованный по хорошо изученной словообразовательной модели[33].

Столь же значимой для постижения *художественного* текста, его глубинной образности оказывается этимология при обращении к одному из самых известных «темных мест» «Слова»: *Боянъ бо вѣщій, аще кому хотяше пѣснь творити, то растѣкашется мыслію по древу, сѣрымъ вълкомъ по земли, шизымъ орломъ подъ облакы.* До сих пор исследователи не пришли к согласию относительно того, как следует понимать в этом отрывке слово *мысль* — читать ли его в значении 'мысль, ум, воображение'[34] или, даже прибегая к конъектурам, пытаться увидеть за *мыслію* «Слова» название какого-то животного, живого существа: «. . .здесь разумеется отнюдь не мысль, а что-нибудь другое. . . не зверок ли, не птичка ли какая» (Н. Полевой)[35].

В пользу второй точки зрения говорит очень многое, прежде всего — стремление достроить до логического завершения параллелизм, поставить рядом с орлом и волком еще одного «зверка». Для того чтобы дополнить этот зрительный ряд, некоторые исследователи[36] предлагали конъектуру *мысию* и дальнейшее сопоставление этой формы с диал. русск. *мысь* 'белка, векша'. Здесь нет надобности подробно обсуждать этот вариант толкования, поскольку О. Н. Трубачев, в целом сторонник сходной точки зрения, подверг его обоснованной критике[37]. Сам О. Н. Трубачев, отказываясь в этом месте от конъектур, предлагает неожиданную и блестящую этимологию, согласно которой *мысль* «Слова» продолжает особое слав. **myslь* (лишь омонимичное **myslь* 'мысль'), сопоставляемое далее с лат. *mūstēla* 'ласка, каменная куница' и осет. *mystūlæg* 'ласка'[38]. Затем все эти формы получают объяснение как древнее сложение и.-е. **mūs'-* 'мышь' и **tel-* 'поднимать, нести', в целом же **mūs-tel-* «обозначало бы носящегося, летающего зверька»[39].

Смелая этимология О. Н. Трубачева разрешает некоторые старые сомнения, но вызывает к жизни новые. Нетрудно заметить,

---

[32] См.: *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. М., 1967. Т. 2. С. 58.

[33] См.: *Варбот Ж. Ж.* Праславянская морфонология, словообразование и этимология. М., 1984. С. 113—114.

[34] См.: *Срезневский И. И.* Указ. соч. Т. 2. Стб. 217; *Виноградова В. Л.* Растекаться мыслью по древу // Рус. речь. 1971. № 1. С. 81 и след.

[35] Цит. по кн.: Словарь-справочник «Слова о полку Игореве» / Сост. В. Л. Виноградова. Л., 1969. Вып. 3. С. 124.

[36] См., напр.: *Черных П. Я.* Очерк русской исторической лексикологии: Древнерусский период. М., 1956. С. 172.

[37] См.: *Трубачев О. Н.* Еще раз мыслию по древу // Вопросы исторической лексикологии и лексикографии восточнославянских языков. М., 1974. С. 23.

[38] О латинском и осетинском словах см.: *Абаев В. И.* Скифо-европейские изоглоссы. М., 1965. С. 28.

[39] *Трубачев О. Н.* Еще раз мыслию по древу. С. 26.

что отношения между огласовками второго слога у славянского, латинского и осетинского слов имеют нерегулярный характер; для осетинского слова, видимо, следует принять совершенно иное морфемное членение [40], что, в общем, оставляет латинскую форму в изоляции (вероятно, не случайно В. А. Абаев рассматривает ее не как родственную, а как заимствованную из скифского, т. е. древнеосетинского). Кроме того, ласка не летает. Правда, это животное очень подвижно, способно носиться с большой скоростью, но насколько близка она к белке-летяге, которая, как считает О. Н. Трубачев, именуется в «Слове» *мыслію*? Одним словом, рассмотренная выше этимология не бесспорна, и это заставляет нас вновь обратиться к вопросу о том, так ли уж закономерен тот прямолинейный параллелизм, который исследователи настойчиво ищут в этом месте древнего памятника.

В данной связи уместно привести тонкое замечание А. С. Орлова: «Мы не разделяем какой бы то ни было замены слова *мыслию*, не видя необходимости доводить до предельной точности симметрию сравнения и подчинять средневекового автора современным требованиям параллелизма» [41]. К этому можно добавить, что в данном случае стремление по возможности упорядочить «узкий» контекст приводит к серьезным нарушениям в более широких связях, соединяющих более крупные блоки. Принимая версию о том, что *мысль* означает какое-то живое существо, пришлось бы, например, считать испорченным такое место, как *О, Бояне, соловію стараго времени, абы ты сіа плъкы ущекоталъ, скача, славію, по мыслену древу, летая умомъ подъ облакы* [42], хотя видеть здесь порчу нет решительно никаких оснований, особенно ввиду смыслового и синтаксического подобия конструкций *скача. . . по мыслену древу* и *летая умомъ подъ облакы* [43]. Добавим, что косвенным свидетельством в пользу надежности и достоверности этого пассажа служит и эпитет *смысленыи*, примененный к Бояну: *тому вѣщеи Боянъ и пръвое припѣвку, смысленыи, рече.* Можно было бы спросить: «В чем же в данном случае сказывается участие этимологии?» Однако ответ на этот вопрос представляется достаточно прозрачным, так как в компетенцию этимологии входит не только выдвижение новых, оригинальных трактовок, но и отсев трактовок неудачных — иногда в пользу самых тривиальных, лобовых решений.

Контекст рассматриваемого здесь «темного места» может быть еще более расширен, если выйти за пределы «Слова о полку Игореве». Важнейшее подтверждение правильности нашего чтения мы находим в «Молении» Даниила Заточника, памятнике, как известно хронологически близком к «Слову». В «Молении» читаем:

---

[40] См.: *Абаев В. И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. М., 1973. Т. 2. С. 143.

[41] *Орлов А. С.* Указ. соч. С. 89.

[42] См.: *Трубачев О. Н.* Еще раз мыслию по древу.

[43] См.: *Адрианова-Перетц В. П.* «Слово о полку Игореве» и памятники русской литературы XI—XIII веков. Л., 1968. С. 59.

Есмъ бо яко вретище обетшало <. . .> *ползая мыслию, яко змия по камению*[44]. Опираясь на более ясно выраженный у Даниила тип сравнения, можно, вероятно, внести бо́льшую ясность и в соответствующие отрывки «Слова». Очевидно, что рассматриваемая проблема тесно связана и с трактовкой образа Бояна. К сожалению, все упоминания Бояна за пределами «Слова» (*Боянъ* новгородских грамот[45]; сын царя Симеона, *Baianus* Лиутпранда[46]; хорватский титул βο(ε)ᾶνος Константина Багрянородного[47]), как к ним ни относиться, встречаются в контекстах, фактически никак не освещающих интересующий нас вопрос: в сущности, почти ничего не может быть извлечено даже из сообщения Лиутпранда о том, что *Baianus*, овладев тайнами магии, мог обернуться волком или другим животным. Ничего не дает и собственно этимология имени *Боянъ* (скорее всего, тюркская)[48].

Следует обратить внимание и на то, как понимается в интересующем нас месте глагол *растѣкашетея*. В. Л. Виноградова уверенно помещает словоупотребление *растѣкашется мыслiю* под рубрикой 'разливаться, течь в разных направлениях' (с пометой «переносно и образно»)[49]. Совершенно очевидно, однако, что, если оставить пока в стороне мысль, орел и волк разливаться или течь в разных направлениях не могут ни в буквальном, ни в образно-переносном смысле. Возможное удовлетворительное решение подсказывается приведенными выше текстуальными параллелями, содержащими глаголы движения; поскольку же у др.-русск. *течи* прекрасно засвидетельствованы значения 'бежать, двигаться', естественно в данном случае усматривать в *растѣкашется* не обозначение диффузного расплывания, «размазывания» в пространстве, а производное *течи* 'бежать, двигаться', одним словом, '(быстро) передвигаться в разных направлениях, носиться' и т. п. Остается не совсем ясным, в каком отношении к этой форме находится приводимый В. Л. Виноградовой интересный пример из рязанской «Кормчей»: *Умъ убо нерасыпаемъ о внѣшнихъ, и от чувъстъвъ же въ миръ растекается* (=проникает? — *В. О.*), *въсходитъ убо къ себе. . .*

Первостепенным представляется значение этимологических исследований и если обратиться к теме религиозно-мифологических представлений, отразившихся в «Слове». Иногда в связи с этим приходится говорить о чрезвычайно тонких нюансах смысла, если, например, решать вопрос о том, считать ли рассматрив-

---

[44] Искренне признателен А. Б. Пичхадзе за указание на это важное место.
[45] См.: *Арциховский А. В., Янин В. Л.* Новгородские грамоты на бересте: (Из раскопок 1962—1976 гг.). М., 1978. С. 125.
[46] См.: *Менгес К. Г.* Указ. соч. С. 80.
[47] De administrando imperio XXXI, 30. См. также: Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. М., 1982. С. 321.
[48] См.: *Мелиоранский П. М.* Турецкие элементы в языке «Слова о полку Игореве» // ИОРЯС. 1902. Т. VII. Кн. 2. С. 282—283.
[49] См.: Словарь-справочник «Слова о полку Игореве» / Сост. В. Л. Виноградова. Л., 1978. Вып. 5: (Р—С). С. 19.

щиеся выше *карна* и *жля* просто определениями известных психических состояний (тогда верно принятое здесь написание) или же олицетворениями этих состояний, именами собственными (тогда надо писать *Карна* и *Жля*). Проблема эта далеко не только орфографическая, выбор того или иного толкования очерчивает разные контуры мировоззрения, выраженного в «Слове». Наглядно переплетение этимологических и семантических контроверз выступает при анализе слова *дивъ*, и здесь, в сущности, за этимологией и семантикой прячется столкновение взглядов куда более масштабных, относящихся скорее к идеологии «Слова», чем к прагматике.

Контексты, в которых встречается *дивъ* (*збися дивъ, кличетъ връху древа*; *уже връжеса дивь на землю*), в общем, оставляют широкое поле для разного рода догадок о его значении; наиболее очевидное и, так сказать, легкое направление — видеть в этом образе зловещую птицу, с дальнейшей конкретизацией вплоть до биологического вида: отсюда толкования вроде филина первых издателей или удода [50]. Эти этимологии заслуживали бы самого серьезного внимания, если бы приводимый для сравнения лингвистический материал был доброкачественным — это, однако, не так [51]. Остается, следовательно, видеть в форме *дивъ* не реальное живое существо, а элемент мифопоэтических представлений, мифологический образ, возможно, хотя и не обязательно, воплощавшийся в птице. В таком случае *дивъ* «Слова» неотделим от болг. *див* 'чудовище' и ст.-слав. ДИВЪ в том же значении [52], однако такая точка зрения наталкивается на ту принципиальную трудность, что болг. *див* (в основном в значении 'великан') вместе с его сербохорватским соответствием *дйв* то же не могут рассматриваться в отрыве от тур. *dev* 'великан, демон' и, следовательно, к рассматриваемому нами *дивъ* не относятся; что же касается ст.-слав. ДИВЪ, оно выступает все же не в значении 'чудовище', а в значении 'чудо, диво' и с названными южнославянскими формами объединяться не может.

В литературе неоднократно поднимался вопрос об этимологической связи между *дивъ* в «Слове» и др.-русск. *дивъ* 'чудо, диво, удивление', *диво* то же, *дивитися* 'удивляться' [53]. За вычетом возможного тождества *дивъ* 'мифологическое существо' = *дивъ* 'чудо, удивление' (см. ниже), надежность сопоставления в целом, видимо, не слишком велика, а стремление некоторых исследователей объединить этот ряд форм еще и с и.-е. **deiuos* 'бог' (с развитием на славянской почве 'божество' > 'злой дух') только

---

50 См.: *Мальсагов Д. Д.* О некоторых непонятных местах в «Слове о полку Игореве» // Изв. Чеч.-Инг. НИИ истории, яз. и лит. 1959. Т. 1. Вып. 2. С. 139—141.

51 См.: *Менгес К. Г.* Указ. соч. С. 192—193.

52 См.: Български етимологичен речник / Съст. Вл. Георгиев и др. С., 1971. Т. 1: (А—З). С. 384.

53 См., напр.: *Павлов Н. М.* «Слово о полку Игореве»: Заметки об исследовании памятника и переложение на современный язык. М., 1902. С. 14—16.

осложняет картину и не может считаться убедительным [54]. В сущности, отождествление *дивъ* и *диво* мы находим уже в «Задонщине» (*уже веръжено диво на землю*), где оно имеет несомненно народно-этимологический характер и возникло, конечно, из-за непонимания соответствующей формы в «Слове».

Решительное предпочтение следует, на наш взгляд, отдать той точке зрения, которая усматривает в форме *дивъ* старое заимствование из иранского. Ранее предполагавшееся при этом тюркское посредство теперь оспаривается [55], однако исходные формы — перс. *dīv*, *dēv*, авест. *daēva* — достаточно очевидны. Происхождение лексемы *дивъ* от иранского названия демона, злого духа (возникшее из индоиранского названия божества после реформы Зороастра) согласуется со зловещей функцией, которую выполняет *дивъ* в «Слове», не вызывая при этом существенных трудностей собственно этимологического порядка. Дополнительные аргументы в пользу этой точки зрения мы находим у Д. Ворта [56], предложившего идентифицировать форму *дивъ* в «Слове» (по функции!) с иранской мифической птицей *Sīmurγ* (авест. *mərəγo saenō*) [57]. Однако, на наш взгляд, еще существеннее то, что формулы, в которых *дивъ* упоминается в «Слове», мы можем сопоставить с формулами, дошедшими до нашего времени из иранского фольклора и сохранившими соответствующую иранскую лексему. Помимо не столь выразительных примеров, вроде фрагментов из мунджанских сказок: *díw-ān hāmlá kər* «див бросился (кинулся)»; *díw-ān kə vay ləšk*, *yāki lārzá da ǰón-i díw-ghon ləgháy* «когда див его (героя сказки. — *В. О.*) увидел, тотчас дрожь охватила его тело», напоминающих конструкцию «Слова» *збися дивъ*, пристального внимания заслуживает исключительное сходство формулы *уже връжеся дивь на землю* и того отрывка из мунджанской сказки, где после описания победы над дивом говорится: *žiyá da zamín*, *diw mərá* «див треснулся об землю и сдох» [58]. Мы вправе, следовательно, предполагать в данном случае не просто заимствование, а преемственность формул, текстов, фольклорных представлений — только учитывая это обстоятельство, можно искать подход к литературоведческой трактовке образа Дива. Из предложенных выше

---

[54] La geste de prince Igor. P. 356 ff.; *Berneker E.* Slavisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1908—1913, S. 203. Критическую оценку см.: Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд. М., 1978. Вып. 5. С. 35.

[55] *Miklosich F.* Die Türkischen Elemente in den südost-und osteuropäischen Sprachen. Nachtrag II // Denkschriften der Wiener Akad. der Wiss. Phil.-hist. Klasse, 1890. XXXVIII. S. 29; *Мелиоранский П. М.* Указ. соч. С. 287; *Фасмер М.* Указ. соч. М., 1964. Т. 1. С. 512.

[56] См.: *Ворт Д.* Див-Sīmurγ // Восточнославянское и общее языкознание. М., 1978. С. 127—132.

[57] Подробно о Симурге и его восточнославянских отражениях см.: *Абаев В. И.* Скифо-осетинские изоглоссы. С. 116. Ср.: *Иванов В. В.*, *Топоров В. Н.* Славянские языковые моделирующие семиотические системы. М., 1965. С. 20—28, 173.

[58] Тексты цит. по кн.: *Грюнберг А. Л.* Языки восточного Гиндукуша: Мунджанский язык. Л., 1972. С. 23, 111, 126.

вниманию читателя этимологических заметок вытекает, кстати, и невозможность принять оригинальный взгляд С. В. Шервинского, характеризовавшего Дива как «симпатизирующего отнюдь не половцам, „поганым“, а Игорю и Русской земле» [59]. Необходимо критически оценить и ряд широко распространенных конъектур, вроде *зри* вместо *зби* в другом месте «Слова» (*свистъ звѣринъ в стазби*) [60], поскольку этому противоречит несомненно подлинное *збися* в связи с Дивом.

В более широкой историко-лингвистической перспективе *дивъ* «Слова» оказывается неотделимым по своему происхождению от южнославянского названия мифологической обитательницы лесов и гор, носящей имя болг. *самодива*, макед. *самодива*. Последнее сравнительно недавно было убедительно объяснено как иранское заимствование, продолжение иран. **asma-daiva* 'небесный демон, небесный дух' [61].

Конечно, далеко не во всех случаях назначение этимологии — поиск или выбор принципиально важных, насущных для понимания толкований текста. Бывает и так, что текст понятен *в целом* и этимология бессильна что-либо изменить в этом целостном понимании, но зато она зачастую способна внести уточнения в принятое прочтение. Это, пожалуй, самая распространенная ситуация, однако и в ней этимологический подход к тексту оказывается действительно полезным только во взаимодействии со всем спектром лингвистических дисциплин, от фонетики и грамматики до диалектологии.

Пример такого «в целом понятного» и все же «темного» места в «Слове» мы видим в известном пассаже: *Всеславъ князь людемъ судяше, княземъ грады рядяше, а самъ въ ночь влъкомъ рыскаше, изъ Кыева дорискаше до Куръ Тмутороканя, великому Хръсови влъкомъ путь прерыскаше*. Ночной маршрут Всеслава *изъ Кыева... до Тмутороканя* не вызывает как будто ни малейшего сомнения (независимо от того, что столь быстрое передвижение князя не следует, конечно, понимать слишком буквально). Трудности вызывает форма *куръ* и общее синтаксическое строение фразы. Первые издатели и комментаторы передают слово *куръ* с прописным *К-* и видят в этой форме — в духе филологической науки своего времени — имя собственное, ср., например, у В. В. Капниста: «Слова *до Куръ Тмутороканя* должны, кажется, значить до *Курска* и *Тмуторокани*. . . Догадываться можно, что прежнее название Курска было *Кур*, что он так прозван по имени князя

---

59 См.: *Шервинский С. В.* «Дивъ» в «Слове о полку Игореве» // «Слово о полку Игореве»: Памятники литературы и искусства XI—XVII вв. М., 1978. С. 137.

60 См.: *Орлов А. С.* Указ. соч. С. 96; *Мещерский Н. А.* Необходим полный историко-грамматический комментарий к тексту «Слова о полку Игореве» // По новым программам. Петрозаводск, 1970. С. 313.

61 См.: *Трубачев О. Н.* Две болгарские этимологии // Исследования по славянскому языкознанию. М., 1971. С. 458 и след.

Куря. . .»[62]. Такого рода толкования, конечно, давно оставлены исследователями, однако единства в понимании данного места пока нет.

Обращаясь к современным объяснениям формы *куръ*, мы обнаруживаем два взаимоисключающих и заслуживающих подробного разбора подхода[63]: один, более традиционный, опирается (с некоторыми более тонкими различиями, о которых — ниже) на полное отождествление формы *куръ* с род. п. мн. ч. др.-русск. *куръ* 'петух', другой стремится видеть здесь какое-то заимствованное (из восточных языков) название стен или построек. С первого взгляда ясно, что вторая точка зрения имеет неоспоримые преимущества просто потому, что дает в наше распоряжение чрезвычайно логичный и внутренне непротиворечивый отрывок: Всеслав добегал до домов (или еще лучше — до стен) Тмуторокани. Эта-то ясность и прозрачность толкования и заставляет прежде всего разобраться в том, на чем оно основано в лингвистическом плане.

Не рассматривая здесь более ранних работ на эту тему (впервые затронутую уже И. Снегиревым)[64], обратимся к исследованию Н. А. Баскакова, интерпретирующего *куръ* как один из многочисленных тюркизмов «Слова»[65]. Видный советский тюрколог, трактуя *куръ* как форму род. п. мн. ч. от *кура*, объясняет последнее в связи «с тюркской глагольной основой *qurmaq* 'строить, поставить'» и указывает на «тат. *qur-* 'строить, сооружать' || 'строительство, сооружение, постройка', отглагольное имя от которой *quruw* 'строение, постройка' могло быть заимствовано. . . в форме *кура*». Одновременно с Н. А. Баскаковым ту же мысль высказал и В. А. Захаров, утверждающий, что «слово *кур* встречается в тюркских языках в значении 'поселение', 'населенное место', 'город'»[66]. Авторитетное мнение специалистов, однако, не может полностью удовлетворить, поскольку в подтверждение изложенной точки зрения приводятся лишь данные татарского — современного (в смысле словарных фиксаций) тюркского языка, в то время как желательно было бы иметь сведения о положении

---

62 Цит. по ст.: *Бабкин Д. С.* «Слово о полку Игореве» в переводе В. В. Капниста // «Слово о полку Игореве»: Сб. исслед. и ст. М.; Л., 1950. С. 391.

63 Ср. в противовес этому: *Никитин А. Л., Филипповский Г. Ю.* Хтонические мотивы в легенде о Всеславе Полоцком // «Слово о полку Игореве»: Памятники литературы и искусства XI—XVII вв. С. 144 и след. Эта статья, современная лишь в чисто хронологическом смысле и глубоко анахронистичная по своим исследовательским приемам, — прекрасная иллюстрация того, как *не надо* комментировать «темные места»: для авторов *куръ* — то же, что Кур из «Сказания о всей твари», а *до Куръ*=ad ultima Thule (!).

64 См.: *Мальсагов Д. Д.* Указ. соч. С. 150—152 (к вайнах. *кур* 'квартал'). Связь *куръ* с *курень* (Снегирев) невозможна, так как исходное значение *курень* — 'пекарня' (из чагат. *kürän* 'то же'). См. далее: *Фасмер С.* Указ. соч. Т. II. С. 425.

65 См.: *Баскаков Н. А.* Тюркизмы — социальная терминология в «Слове о полку Игореве» // Turcologica. Л., 1976. С. 230.

66 *Захаров В. А.* Что означает «. . . *до куръ Тмутороканя*» в «Слове о полку Игореве»? // ТОДРЛ. 1976. Т. 31. С. 295.

в более древний период, в тюркских языках, современных или предшествующих по времени изучаемому памятнику. Как же обстояло дело в древних тюркских языках?

В тюркском, действительно, имеется глагольная основа *qur-*, бытующая в таких значениях, как 'устраивать, устанавливать, сооружать' и т. п. [67]: если стремиться к тому, чтобы выразить общее значение *qur-* одним словом, наилучшим переводом его оказалось бы англ. *to set*. В конкретных контекстах поэтому *qur-* может означать и 'натягивать (тетиву лука)', и 'ставить (палатку, шатер)'. Тюрк. *qur-* представлено в самых старых памятниках тюркских языков, ср. др.-уйгур. *qur-*, ст.-кыпчак. *kur-*. Заметим, однако, что *qur-* можно понимать как 'строить' только в совершенно особом смысле — как 'устанавливать, ставить, возводить', с чем согласуется и именное производное, приводимое в «Древнетюркском словаре»: *qurvi* 'балдахин' [68]. Основа *qur-* может выступать не только как глагол, но и как имя: В. Радлов [69] переводит его 'ограда, круг, край' (с самыми различными оттенками; так, 'круг' раскрывается далее как «круг людей, находящихся при празднестве»), перевод Радлова повторяет и М. Рясянен: 'Umzäunung, Kreis, Rand' [70]. Видимо, именно значение 'ограда' и послужило отправной точкой для сближения тюрк. *qur-* и *куръ* «Слова», причем — хотя это значение и хуже в контексте памятника, чем 'стена' или 'строение', — оно все же вполне удовлетворительно объясняет «трудное место». К сожалению, однако, следует признать, что и это значение у тюрк. *qur-* фиктивно или, правильнее сказать, не вполне точно. В фундаментальном исследовании Дж. Клосона с определенностью установлено подлинное значение тюрк. *qur-* (чагат. *kur*) — 'ряд кирпичной или каменной кладки в стене или фундаменте' [71]. В этом значении слово употребляется, по крайней мере, с XVI в. Перевод Радлова и Рясянена, очевидно, является приблизительной передачей этого значения. Таким образом, в древних тюркских языках попросту отсутствует та лексема, которая рассматривалась как источник формы куръ в «Слове», и соответствующее объяснение приходится категорически отклонить.

Мы должны, следовательно, примкнуть к ученым, видящим в форме *куръ* род. п. мн. ч. от *др.*-русск. *куръ* 'петух'. Однако и у комментаторов, принимающих это чтение, нет единства в толковании всей фразы в целом. Некоторые исследователи склонны понимать сочетание до *куръ Тмутороканя* как определительное: например, Д. С. Лихачев переводит это место следующим образом: «Всеслав князь людям суд правил, князьям города рядил, а сам

---

[67] См.: Древнетюркский словарь. Л., 1969. С. 467.
[68] См.: Там же.
[69] См.: *Радлов В. В.* Опыт словаря тюркских наречий. СПб., 1897. Т. II. Ч. 1. С. 918.
[70] *Räsänen M.* Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türksprachen. Helsinki, 1969. S. 301.
[71] *Clauson G.* An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish. Oxford, 1972. P. 642.

в ночи волком рыскал: из Киева дорыскивал до петухов Тмутороканя, великому Хорсу волком путь перерыскивал»[72]. Иначе понимает эту конструкцию А. С. Орлов: «Всеслав князь людям суд правил, князьям города рядил, а сам ночью волком рыскал: из Киева дорыскивал ранее (пенья) петухов (иначе говоря, до рассвета[73]. — *В. О.*) до Тьмутороканя, великому Хорсу волком путь перебегал»[74]. Такая интерпретация подразумевает, что *до куръ* является устойчивым словосочетанием, в то время как в форме (*дорискаше*) *Тмутороканя* усматривается род. падеж с направительным значением.

Первое чтение привлекательно тем, что опускает высокую степень метафоричности описания. Тем не менеде есть, как кажется, веские доводы в пользу того, что второй вариант чтения в данном случае точнее раскрывает намерения автора. Хотя *дорискати* — hapax, а «при глаголах движения. . . в древнейших памятниках употреблялся дательный падеж направления, места, как цели движения, без предлога»[75], сочетание *дорискати* с род. п. цели кажется самым естественным, если принять во внимание, что именно эта форма в древнерусском выступает при глаголах движения с префиксом *до-*. Так, наряду с многочисленными характерными примерами дательного направительного у названий городов при глаголах движения (ср. хотя бы *ѡжгоша Полтескъ ѡнъ иде Новугороду* в «Поучении» Владимира Мономаха), более или менее регулярный родительный направительный у названий городов при глаголах движения с *до-*: . . *.и дошедше Воинѧ и воротишасѧ* (Лавр. лет.); *и доидоша града Ѡсенева и Сугрова* (Сузд. лет. по Лавр. сп.); *и дошедъ Оуглеча полѧ* (там же); *и доѣхаша Добра* (Ипат. лет.). Следовательно, *дорискаше. . . Тмутороканя* — грамматически правильный способ выразить по-древнерусски искомое направительное значение. Единственная остающаяся проблема — доказательство действительного существования в древнерусском фразеологизма *до куръ*, употребление которого в «Слове» уникально. Но следует ли в данном случае злоупотреблять гиперкритицизмом, если в русском языке (и в диалектах) существует и активно употребляется устойчивое сочетание *до* (*первых*) *петухов*, в котором на месте русск. *петух* как раз и следовало бы ожидать др.-русск. *куръ*. Возможность такой замены подсказывается не только академическими знаниями, но и живыми фольклорными текстами:

Уж я прялочку купила,
В посиделочку пошла,
Я сидела молода д о п е р в о г о п е т у х а.
У ж и п е р в ы й к у р з а п е л,
Я не думала идить[76].

---

[72] Цит. по кн: The Lay of the Warfare Waged by Igor. Moscow, 1981. P. 108.
[73] См.: Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 1981. Вып. 8. С. 134.
[74] *Орлов А. С.* Указ. соч. С. 85.
[75] *Борковский В. И., Кузнецов П. С.* Историческая грамматика русского языка. М., 1963. С. 433.
[76] Словарь русских народных говоров. Л., 1980. Вып. 16. С. 106.

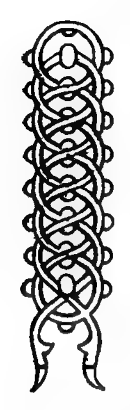
Предложенными здесь этимологическими заметками, разумеется, ни в коей мере не исчерпывается сложнейшая этимологическая проблематика, связанная с изучением «Слова о полку Игореве»: можно было бы назвать еще немало таких мест в этом памятнике, которые безусловно требуют участия этимологии — конечно, не в изоляции, а в содружестве с другими филологическими и историческими дисциплинами. *Боянъ*, *Троянь*, *Деремела*, *кнѣсъ*, *спала* и многие другие формы, засвидетельствованные в «Слове», — все это требует дальнейших этимологических комментариев и поисков. Тем не менее опыт исследования «Слова» дает достаточные основания для делового оптимизма: практика показывает, что число этимологических загадок постепенно сокращается и понимание слова (=этимология) ведет к решению главной задачи — к пониманию текста великого памятника во всей его глубине.

Таким образом, этимология в ее современном виде вновь приближается к своей античной трактовке, к тому, в чем видели ее назначение стоики: она не только устанавливает ἔτυμα («истины») в узких рамках слова, но и ἔτυμα значительно большего масштаба, проливая свет на гордость нашей национальной культуры.

В. Л. Виноградова

К ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИМ ПАРАЛЛЕЛЯМ «СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»

Одной из причин бессмертия и неувядаемости «Слова о полку Игореве» является его художественно-поэтическая и историческая глубина, сокрытая в ажурно-тонкой словесной ткани. Вчитываясь в текст произведения, можно всякий раз обнаружить все новые и новые оттенки значений и даже значения, стилистическую и экспрессивную окраску слов и выражений, заново понять и осмыслить стоящую за всем этим образную символику, уходящую своими корнями в античность и христианскую религию, в славянское, восточнославянское язычество, к связям с восточными и западными народами, в частности с Византией и греческим языком, черпать истоки «Слова» в древнерусской литературе и письменности и славянском фольклоре. Нельзя при этом не удивляться мастерству поэта XII в., сумевшего вложить в небольшое произведение, освещенное вечной и гуманной идеей единения, целую энциклопедию русского и славянского средневековья.

В данной статье на примере трех слов и выражений, неясных или недостаточно ясных в смысловом отношении, делается попытка приоткрыть некоторые из упомянутых выше связей памятника. Здесь рассматриваются следующие слова и выражения: *мыслено древо*, *тресветлый*, *ми*.

Мыслено древо

«О Бояне, соловію стараго времени! а бы ты сіа плъкы ущекоталъ, скача, славію, по мыслену древу, летая умомъ подъ облакы, свивая славы оба полы сего времени». До сих пор исследователи и переводчики «Слова» не могут прийти к единому мнению, что такое *мыслено древо*. По пониманию значения компонента *древо* их можно разделить на две группы. Одни понимают *древо* как «дерево (на корню)», другие видят здесь название изделия из дерева. Поэтому первые толкуют выражение *мыслено древо* следующим образом. А. Н. Майков — как мифическое дерево, растущее в царстве богов, наверху небесного свода ветвями вниз. П. П. Вяземский полагал, что это «древо жизни — жизни человеческого рода». По мнению А. Н. Веселовского, *мыслено древо* — это фигуральное выражение, ведущее свое начало от библейского

древа познания. А. А. Потебня и Е. В. Барсов склонялись к пониманию древа воображения, древа (сада) поэтической фантазии Бояна. И. Н. Жданов тоже толковал *мыслено древо* как древо не реальное, а воображаемое; по его мнению, здесь «дано иносказательное выражение: образ — дерево, смысл — смена и вместе с тем связь человеческих поколений». А. Д. Айналов считал, что в «Слове о полку Игореве» имеется в виду «древо аллегорическое, древо мысли, мудрости», восходящее к древу познания, которое в памятниках называется *древом разумным*, т. е. в какой-то мере А. Д. Айналов развивал точку зрения А. Н. Веселовского, В. Ф. Ржига предложил понимать *мыслено древо* метафорически, в переносном смысле «как древо поэзии, древо песен».

Главным представителем другой группы толкователей явился М. Г. Халанский, который в 1894 г. высказал предположение, что *мыслено древо* в «Слове о полку Игореве» означает название музыкального инструмента — гуслей. В советское время к тому же мнению пришли Н. А. Мещерский и Н. В. Шарлемань; однако последний понимал под данным выражением не гусли, а южную лютню [1].

Последнее время в связи с открытием нового типа письменных источников — берестяных грамот появились попытки истолковать *мыслено древо* как кусок бересты или дощечку для письма, на которую Боян записывал свои творения. Больше последователей приобрела первая группа толкователей как более надежная, поскольку ее толкования в какой-то мере подтверждались древнерусским письменным материалом. Название же *древо* в качестве «музыкального инструмента» или «бересты» в древнерусских памятниках пока не обнаружено.

Основным компонентом, определяющим лексико-семантическое значение этого фразеологизма, служит прилагательное *мыслень* (*мысленный*). Поэтому попытаемся рассмотреть его семантику и функциональную употребляемость в древнерусском языке XI—XVII вв. Слово *мысленный* употреблялось главным образом в книжных контекстах. Оно имело следующие значения: «постигаемый умом, представляемый в воображении, воображаемый в мыслях» (в этом значении оно встречается как прямо, так и переносно, т. е. метафорически); книжно-церковным жанрам, в том числе Ветхому и Новому завету, особенно было свойственно понимание *мысленный* как «духовный, относящийся к божественному началу, в противоположность материальному». Кроме того, *мысленный* могло быть синонимом к *разумный*, *мудрый*. В переводных памятниках им переводились наиболее часто греческие слова: νοητός, νοερός, λογικός которые, как показывают древнегреческие словари, использовались Платоном, Аристотелем, Плутархом и другими античными мыслителями, а потом были приспособлены для нужд

---

[1] Подробнее см.: Словарь-справочник «Слова о полку Игореве» / Сост. В. Л. Виноградова. Л., 1969. Вып. 3. С. 120—122.

христианской религии и книжно-церковной литературы, особенно богословия. Прилагательное *мысленный* практически имело свободную сочетаемость с разными существительными, особенно в первом значении, поскольку воображение средневекового человека могло быть ограничено только самими его представлениями о мире. *Мысленный* могло сочетаться как с существительными, выражающими конкретные понятия, так и с существительными абстрактными, отвлеченными. Так в памятниках встречаются с *мысленный* следующие слова: камень, двери, гады, зверь, земля, секира, щит, ковчег, гусли, лоза, очи, уста, волк, фараон, жених, враг, пища, Голиаф, солнце, господь, отец, буря, силы, чины (ангельские), слуги (божественные), три собства (о Троице), селение, рай, сключение, кознь, место, естество, доброе (в знач. сущ.), песнь, оцьстие, потвор, душа, тесто, труд, брань, суд, взрасть, напасть, печаль, согрешения, высота, беда, волны, свет, цвет, светильник, образ, лице (божие), море (неверия), воля и т. д. Большинство из этих словосочетаний являют собой библейскую символику. Некоторые из них стали церковными фразеологизмами. Например: *мысленный камень* — «скрижаль»; *мысленное солнце*, *мысленный жених* — «Христос»; три собства — «Троица (бог — отец, бог — сын и святой дух)» и т. п. Слово *мысленный* обычно противопоставлялось чувственному, естественному, плотскому, телесному и сочеталось с синонимами: *духовный*, *бесплотный*, *небесный*, *божественный*. Например: «Яко общая суть вся и не токмо плотная и чювьственая, но и духовная и мысленая, добродѣтелная и благодѣянная другъ къ другу приобщаимся убо» (Творения Феодора Студита. Л. 39—39 об XIV в.); «Мысленая же кознь и естьственая» (Там же. Л. 191 об); «Божественыхъ и мысльныхъ слугъ» (Ярославов сборник XIII в. Л. 217); «мысленыя и бесплотныя силы» (Житие Варлаама и Иоасафа. Л. 83 об XIVв.); «И присно девица Мария матере твоея и святыхъ небесныхъ и мысленыхъ твоихъ силъ» (Ярославов сборник XIII в. Л. 50 об.). Ближе всех к прилагательному *мысленный* стоял синоним *разумный*. Он сочетался в текстах с теми же существительными и в тех же самых значениях: *мысленный* — *разумный* (душа, очи, уста, силы, рай, суд, свет, земля, Голиаф — филистимский великан, которого убил Давид, — см.: Библия. I кн. Царств. Гл. 17) и т. д. Встречаются контексты, где оба слова стоят почти рядом: «Мысленаго сего моря и глубиннаго разумныма очима и таиныма вижю плавающаго ж в нем с корабли» (Кормчая Балашева. Л. 415 об.—416. XVI в.). Бывают и взаимозамены этих синонимов: например, в «Провославлении Никиты, епископа Новгородского» Зиновия Отенского XVI в. на л. 33 читаем: «О мысленнѣи веснѣ святеи церкви просиянием̃ъ Христовымъ благодати на ню. Нынѣ и церкви православныхъ разумною весною процвете краснѣиши, и благочестия чадъ ея свѣтлиипи возсия проявлениемъ вьсечестнаго телесе святителя господня Никиты» (ГБЛ. Ф. 256/154, XVII в.~XVI в.). Особенно ярко близость этих синонимов проявляется при взаимозаменах одного из компонен-

тов (прилагательного) в метафорических, почти фразеологических сочетаниях. Например: «Погуби (Христос) исконого сотону льстиваго, мерзъкого врага, мыслъного фараона, князя темного» (Словеса св. пророк о сыне блудном. Л. 176. XV в. ~XIII в.); «Тако же намъ противящимъся горекъ явится разумныи фараонъ — дьяволъ» (Григорий Богослов. Л. 49а. XIV в.; ср.: «разумныи змии». — Там же. Л. 44); «Милостивыи богъ. . . хотя избавити отъ устъ волка мысленаго» (Житие Леонтия Ростовского. Л. 304. XVI в. ~ XII в.; ср.: «. . .да не. . . снѣденъ будеши мысленымъ волкомъ». — Требник. Л. 91. 2-я пол. XVI в.); «Радуися, преблажене Карпилие. . . сохраняя и соблюдая нас от волковъ разумных» (Житие Корнилия Комельского. Л. 232. Нач. XVII в. ~1589 г.). Словом *разумный* переводились те же греческие прилагательные в переводных памятниках, что и словом *мысленный*. Те же противопоставления и сопоставления: «. . .два же суща мира, разумный, чувственныи, двое же и та освѣщающа: богъ и солнце» (Григорий Богослов. Л. 178. XIV в.); «десница же духовная и разумная, шюица же чювьствено» (Там же. Л. 123 об.). И все же, несмотря на такое близкое сходство, *мысленный* и *разумный* имели в своей семантике различия, которые определяли их развитие в древнерусском языке. Семантика прилагательного *разумный* еще в старославянском была шире, чем у *мысленный*. Таковой она вошла и в древнерусский язык. Очевидно, это прежде всего объясняется большей широтой понятия существительного *разумъ*, от которого образовалось *разумный*, по сравнению с *мысль*. В старославянском и древнерусском языках слово *разумный* имело ряд значений, получивших на русской почве развитие хотя и более книжное, чем в бесприставочном *умный*, но все же довольно близкое к нейтральному, а именно «мудрый», «знающий», «известный», «познаваемый», «познанный», «понятный» и т. д. Например, в памятнике бытового содержания читаем: «И того для разумные земледѣлателие и ратаи, такъ дѣлаютъ гноиники, чтобы тамо вода стекалася, которая тучность навозную от высохнения соблюдаетъ». (Назиратель. Л. 95. XVI в.). Ср.: «. . .но надобеть того чтобы волъ смиренныи былъ. . . а извощикъ тако ж разуменъ. . .» (Там же. Л. 182). Демократизации указанных значений слова *разумный* способствовал, вероятно, и однокоренной глагол *разумѣти*, который рано нейтрализировался. Ср.: «Комонь въ полуночи Овлуръ свисну за рѣкою; велить князю разумѣти». В прилагательном *мысленный* указанные значения не развились; они обретались в семантике слова *смысленый*, поскольку приставка *с*-(*съ*-), как и приставка *раз*-(*разъ*-) (*разумный*), вносила в него необходимый элемент завершенности действия или состояния. Таково вкратце функционирование в древнерусском языке прилагательных *мысленный и разумный*. Обратимся к «Слову о полку Игореве». «Скача, славію, по мыслену древу. . .» В ранних памятниках *мыслено древо* (*мысленное древо*) пока не найдено. Зато среди библейских терминов, пришедших на Русь из старославянского языка, нередко в книжных памятниках встречается *разумное*

древо. Оно употреблялось в древнерусском языке в нескольких фразеологических или почти фразеологических формах: *древо разумное* («Написание Афанасья мниха Ерусалимьскаго к Панкови о древѣ разумнѣмь добру и злу». — Новгородская кормчая. Л. 374. 1282 г.; «Егда сотвори богъ Адама и Евгу и заповѣда ему отъ единаго древа не ясти и рече ему: „. . .аще снѣси отъ древа разумнаго, смертью умреши; аще ли не снѣси, живъ будеши въ вѣки"». — РИБ VI (1), 211—213. Поучение еп. Стефана против стригольников, ок. 1386 г.; «Еже есть животное древо да разумное древо». — Сборник Чудова монастыря. Завет мнишского житья (Кирилл Туровский). Л. 285. XIV в.~XII в.; «Изгнаша насъ бѣси из рая и древа животнаго, изгнана же древа ради разумнаго без времени подобна приимшю». — Григорий Богослов. Л. 17 об. XIV в.); *древо разума* («Древо же разума — расуженье добру и злу». — Григорий Богослов. Л. 57 об. XIV в.); *древо разумения* («Смертию Адама осуди (бог), понеже коснуся древа разумения добра и зла» — Сборник Чудова монастыря (Кирилл Туровский). Л. 290 об. XIV в. ~XII в.); *древо ведьное* (*ведения*) («Отнелѣ же древа жизньнаго изгнавше ны (из рая), древа вѣдьнаго не в годъ ни въ строи приемшемъ». — Григорий Богослов. Л. 17. XIV в.; «древо вѣдѣнию». — Великие минеи четии. Дек. 1—5. Л. 193. XVI в.); *древо ослушания* («Адамъ егда не вкуси древа ослушания, то не стыдяшетася». — Палея толковая. Л. 47. 1406 г. ~XIII в.); *древо едания* («Древо и вкушение Адамле того ради наречено бысть древо ѣданию добру и злу». — Новгородская кормчая 1282 г. Л. 374 об.); иногда называется описательно («Възбрани ему господь прияти плод от древа, еже разумѣвати добру и злу». — Палея толковая. Л. 32. 1406 г. ~XIII в.); может встретиться без определения, если из окружающего контекста понятно, о каком древе идет речь («Иже древле змия прельсти древа вкусити». — Там же. Л. 143 об.). Любопытно отметить, что буквальный перевод греческого фразеологизма τὸ ξύλον τοῦ γιγνώσκειν — *древо познания* — нигде нам не встретилось в переводных памятниках XI—XVII вв. и в оригинальных тоже. *Древо мысленное* в том же значении библейского древа познания добра и зла обнаружено в позднем переводном памятнике промежуточного жанра XVIII в. Полное его название следующее: «История и описание святой земли и святого града Иерусалима. Сочинение блаженнейшего Хрисанфа, патриарха Иерусалимского, 1728 года, переведенного с новогреческого на славяно-русский диалект. Сообщил архимандрит Леонид» (см.: Памятники древней письменности и искусства. СПб., 1887. С. 67). Хрисанф был патриархом Иерусалимским с 1707 по 1731 г. и очень хорошо знал Палестину, которую описывал. Перевел это сочинение переводчик Святейшего синода Иван Григорьев в 1732 г. В главе 14 читаем:

«Сей святѣйший храмъ (храм Воскресения. — *В. В.*) прообразованъ бысть посредѣ рая, яко посредѣ и прочихъ благихъ, яже богъ насади посредѣ онаго рая, которыя паче изряднѣйшая быша два: древо мысленное, еже вѣдѣти доброе и лукавое, и древо жизни. И въ семъ священномъ храмѣ обрѣ-

таются многая и различная знамения различнаго благоговѣния, ими же утѣшаются поклонницы ихъ духовнѣ, обаче изрядная суть два. Образъ велми согласный со оными двѣма древами и ими прообразованный. Едино святейшее Краниево мѣсто, согласно съ древомъ мысленнымъ, еже вѣдѣти доброе и лукавое. Другое — преславный гробъ господа нашего, согласенъ съ древомъ жизни. Пообразоваше же первое, сирѣчь древо мысленное, еже вѣдѣти доброе и лукавое, святую Голгофу зане, яко же плодъ оный аще бы былъ приятъ во врѣмя и пристойно восхотѣлъ бы родити въ насъ знание добраго и лукаваго, и послѣдовательно плоды древа жизни, тако Христосъ, возшедъ на гору Краниеву обра плода ея, то есть вкуси страдание смерти, и искусомъ навыче послушанию, яко же апостолъ глаголетъ (Къ Евреомъ. Гл. 5. Ст. 8): навыче, отъонуду же пострада, послушанию. И колико требуетъ едина душа, о ней же излия пречистую свою кровь, честнѣйшую несравненно всякаго сокровища. Бысть древо разума во всемъ мирѣ, зане егда вознесеся на кафедру креста, на гору Краниеву, познася богъ и человѣкъ, яко же бывъ живъ оными словесы прорече: егда вознесете сына человѣческаго, тогда разумѣете, яко азъ есмь (Иоан. Гл. 8. Ст. 28). И истинно, яко во единой божественной академии позна разбойникъ господа: подобнѣ и Кентирионъ купно со иными избранными, и быша наслѣдницы вѣчныя жизни, умолчевая отверженныхъ, иже быша наслѣдницы безконечнаго мучения. (Далее речь идет о древе жизни. — *В. В.*) . . .Кроме двухъ избранныхъ древъ и древесъ, разумѣния добраго и лукаваго, и (древа) живота, устрои велми красный и знаменитый рай изходящая рѣка изъ него. . .» (С. 92—93).

Итак, в одном и том же фрагменте библейское древо познания названо тремя синонимическими словосочетаниями: *древо мысленное* (три раза), *древо разума* и *древо разумѣния* (добраго и лукаваго). Ошибки и вольностей в переводе быть не могло, так как переводчик принадлежал к высокому органу церковной власти. Остается предположить, что древо познания могло называться в древнерусском языке также и *мысленным древом*. Если оно не встретилось до сих пор в ранних памятниках, то вследствие редкого употребления: догматизм христианской религии предписывал применять *разумное древо*, *древо разума* и т. д. Автор «Слова о полку Игореве» использовал этот библейский образ (как это делал не однажды — ср., например, тресветлый — см. ниже), вложив в него свой светский метафорический смысл познавательной глубины поэзии Бояна. А может быть, здесь содержится намек на сочинение Бояном каких-либо церковных песнопений, понятный современникам. Ведь мы о Бояне, кроме нескольких строк «Слова», ничего не знаем. В принципе же прилагательное *мысленный* в значении «воображаемый, представляемый в мыслях» могло сочетаться в языке со словом *древо*, как и с любым другим существительным.

Тресветлый

«*Ярославна* рано плачетъ въ Путивлѣ на забралѣ, аркучи: „Свѣтлое и тресвѣтлое слънце! Всѣмъ тепло и красно еси: чему, господине, простре горячюю свою лучю на ладѣ вои?“» (39). Прилагательное *тресвѣтлый* (*трьсвѣтлыи*, *трисвѣтлыи*) в качестве эпитета иногда встречается в книжно-церковных памятниках и текстах в применении к богу (единому в трех лицах — Троица), святым мученикам и т. д. В. П. Адрианова-Перетц хорошо объяс-

нила божественное (христианское) развитие этой метафоры, а Д. С. Лихачев нашел в опубликованном Б. С. Ангеловым по списку XV в. старославянском церковном памятнике «Служба святым обща пророку» даже точное словосочетание: «. . .дважды — «трісвѣтлаго слънца» и «трисвѣтлаго слънца»[2]. В картотеке Словаря древнерусского языка XI—XIV вв. имеются еще три контекста с этим прилагательным. Дважды у Григория Богослова в философо-богословском догмате о боге-свете: «Свѣтъ единъ не присяжемъ и не преставляемъ богъ, ни начатъ, ни кончеваемъ, ни мѣримъ, присно свѣтелъ тресвѣтелъ (ἀειλαμπὲς, τριλαμπὲς); не множѣмъ елико есть разумѣваемъ, мню же и не множѣмъ, свѣтила вторая 1-го свѣта заря, яже о немъ силы и служебнии дуси» (Л. 78, XIV в.; этот фрагмент восходит к списку XI в.). Перевод: «Бог есть свет неприступный. Он непрерывен, не начинался, не прекратится. Он неизменяем, вечносияющ и трисиятелен: немногие (думаю же, едва ли и немногие) созерцают его во всей полноте. Силы, окружающие бога, и служебные духи — вторые светы, отблески света первого»[3]. Здесь видим почти совпадающее со «Словом о полку Игореве» сочетание двух прилагательных *свѣтелъ тресвѣтелъ*. Еще ближе к рассматриваемому выражению «Слова» звучит тот же догмат в Кормчей Балашева XVI в.: «Свѣт богъ и свѣт въ отьци и въ сынѣ и святомь дусѣ: един яко въ трех солнцих, присно свѣтелъ и тресвѣтел неприступенъ отинуд» (Л. 370). Впрочем, в списке XIV в. Григория Богослова следует такое объяснение: «. . .и присно свѣтяи ся тресвѣтло же въ трехъ съставѣхъ» (Л. 78 об.). «Святость» эпитета *тресветлый* наблюдается и в Прилуцком прологе XIV—XV вв. и похвале Кирилла Туровского: «Придѣте же дьньсь, братие, да похвалимъ сего святителя, глаголюще: „Радуися, святителю честныи учителю, другии златословесныи намъ в Руси въсия паче всѣхъ; радуися, иже святымъ и тресвѣтлымь ученьемь своимь конца руськия освѣти; радуися, яко солнце, о мрачныя и темныя и тъ просвѣти богоразумьемь“» (Т. 2. Л. 84). Здесь вновь путем сравнения подчеркивается связь этого эпитета с солнцем. В. П. Адрианова-Перетц писала: «Вряд ли можно определенно решить вопрос о том, вкладывал ли автор „Слова о полку Игореве“ в эпитет тресвѣтлое оттенок христианского божества или он отразил лишь теорию Шестоднева о трех проявлениях света (т. е. солнце, луна, звезды. — *В. В.*), применив ее к представлению о восточнославянском боге солнца. . . Безусловно, книжный, „ученый“ эпитет тресвѣтлое лишь подчеркивал могущество божественной силы солнца, и вряд ли древнерусский читатель вместе с автором воспринимал этот эпитет в свете христианского догмата троичности. Формально тресвѣтлое слънце очень близко к метафорическому образу христианского „праведного солнца треми светы сияющего“, но по существу эпитет

[2] Там же. Л., 1984. Вып. 6. С. 50—51.
[3] Творения иже во святых отца нашего Григория Богослова, архиепископа Константинопольского. 3-е изд. М., 1889. Ч. IV. С. 115.

„тресветлый“ не уводит непременно от понимания солнца как одного из трех, главного источника света на земле»[4]. Таким образом, автор использовал эпитет *тресвѣтлый* в «Слове» примерно по тому же принципу, что и вышерассмотренное нами *мыслено древо*. Лексема *тресвѣтлый* распадается на две составные части: префикс *тре* (*трь*, *три*) — числительное+*свѣтлый* — прилагательное. С первой части *три* еще в античном мире начинались многие слова древнегреческого языка. Семантика их обычно была усилительна — трижды чего-л. (предмета, признака, качества, действия, явления и пр.). Однако уже тогда семантика некоторых таких составных слов усиливалась настолько, что, помимо элемента троичности, приобрела лексико-грамматический элемент превосходной степени. Например: τρίγέρων — трижды, т. е. весьма старый, древний; τρικόρωνος — проживший три вороньих века, т. е. очень старый; τρικύλιστος — катящийся с утроенной скоростью, т. е. с величайшей поспешностью или стремительностью; τρικυμία — третий вал, т. е. самый сильный и опасный вал; τρίλλιστος — трижды призываемый, т. е. вожделенный, долгожданный; τριόρχης — похотливый; τριπάνουργος — трижды коварный, т. е. страшно лукавый; τριπέμπελος — совершенно одряхлевший; τρίπολος — трижды вспахиваемый, т. е. весьма плодородный; τριτάλας — трижды, т. е. глубоко несчастный; τριτάνυστος — чрезвычайно длинный и т. д.[5] Как видно, некоторые из этих слов утратили семантический элемент троичности, и стали обозначать высшую степень качества. В старославянском и древнерусском языках тоже имелся ряд слов с приставкой *тре* (*трь*, *три*). Например, прилагательные: *трьблаженныи* — «трижды блаженный, преблаженный»; *трьбогатыи* — «трижды богатый, очень богатый»; *трьвольныи* — «сильно волнующийся, очень бурный»; *трьжеланьныи* — «трижды вожделенный, превожделенный; долгожданный»; *трьклятыи* — «трижды проклятый, препроклятый»; *тресветлыи* — «тресветлый, триипостасный, пресветлый». В их семантике происходили те же процессы, что и в древнегреческом: постепенная утрата (там, где это не подчеркивалось реалиями) элемента троичности — замена его превосходной степенью. У некоторых из указанных выше слов данные процессы, вероятно, могли завершиться еще в праславянский период. Греч. τριλαμπής (пóзднее)[6] и его буквальный перевод *тресвѣтлый* не были в этом смысле исключением. Семантика этого прилагательного имела два аспекта — светский и церковный: с одной стороны, *тресвѣтлый* — трижды светлый, т. е. очень светлый, очень яркий, сверкающий, сияющий; с другой стороны, идея троичности, ведущая

---

[4] *Адрианова-Перетц В. П.* «Слово о полку Игореве» и памятники русской литературы XI—XIII веков. Л., 1968. С. 175.

[5] См.: *Дворецкий И. Х.* Древнегреческо-русский словарь. М., 1958. Т. 2. С. 1644—1647.

[6] См.: *Коссович К. А.*, *Коссович И. А.* Греческо-русский словарь. М., 1848. Ч. II. С. 728.

начало из глубокой древности, в частности от античности (например, три Мойры, три Парки — три богини судьбы), заложенная в этом прилагательном, была удачно использована христианством в догмате о троичности бога-света и троичности проявления света вообще. В книжно-церковных контекстах эти две линии могли пересекаться, усиливая значение. В «Слове о полку Игореве» автор использовал сочетание однокоренных синонимов, художественный прием, типичный для гимнографии, в частности христианской, для еще большего усиления экспрессивной степени значения. В молитвах-мольбах, возможно, повторение синонимов носило магически-заклинательный характер. В Минеях служебных Новгородских 1095—1097 гг. часто употребляются солнце, свет, светлый и т. д. в качестве сравнений, метафор, эпитетов и пр. Ср.: «Яко солнце пресвѣтьлое съ луною съвъкупль ся съ Неонилою, славьныи Терентии. . .» (Минеи. Окт. 203, 1096 г.). Эпитет *тресвѣтлый* в этом памятнике тоже не раз встречается [7].

Ми

«Что ми шумить, что ми звенить давечя рано предъ зорями? Игорь плъкы заворочаетъ: жаль бо ему мила брата Всеволода. Бишася день, бишася другыи; третьяго дни къ полуднію падоша стязи Игоревы» (18). Обычно исследователи и переводчики «Слова» понимают *ми* как энклитическую (краткую) форму местоимения *азъ* в дат. п. ед. ч. (полная форма — *мнѣ*) и считают эти слова непосредственным заявлением автора о себе, и даже некоторые пытаются опираться на них в обосновании своих гипотез об авторе памятника. Однако существует и другое мнение о слове *ми*. Другого мнения о слове *ми* в данном выражении придерживался, видимо, уже Я. Пожарский. В 1819 г. он перевел: «Что за шум, что за звук так рано пред зарею?» [8], т. е. опустил *ми*. В своей работе о «Слове» А. А. Потебня писал: «Наш частный случай мог бы быть назван дательным поэтическим. Он выражает сознание живости, с какой певец или рассказчик представляет себе то, о чем говорит; интерес, какой принимает в этом он сам (ми) или вместе со слушателями (нам), или, какой он предполагает во 2-м лице (ти, Мр. тобі, вам) как отражение интереса 1-го лица» [9].

В 1877 г. он привел параллели из украинских колядок, из сербского, болгарского, польского песенного фольклора, где *ми* употребляется в качестве частицы [10]. В советское время Л. А. Булаховский, считая *ми* единственным числом от *азъ*,

---

[7] См.: Словарь-справочник «Слова о полку Игореве» / Сост. В. Л. Виноградова. Вып. 6. С. 50.

[8] *Пожарский Я.* Слово о полку Игоря Святославича, удельного князя Новагорода Северского, вновь переложенное Яковом Пожарским с присовокуплением примечаний. СПб., 1819. С. 13.

[9] *Потебня А. А.* «Слово о полку Игореве». 2-е изд. Харьков, 1914. С. 186.

[10] См.: *Потебня А. А.* Малорусская народная песня по списку XVI в. // Филол. зап. 1877. Вып. II. С. 7.

все же оговаривался при этом: «. . .ми, если это здесь (при что) уже не частица (позже вышедшая из употребления вроде нередкого в подобных функциях — ти)» [11]. С. П. Обнорский тоже считал *ми* местоимением от *азъ*, но усматривал в *ми* первичную архаическую форму, сохраненную от оригинала памятника [12]. В наше время точку зрения А. А. Потебни разделил Ф. Я. Прийма: «В функции эстетической (преимущественно эвфонической) частицы „ми" и „ти" — распространенное явление в сербскохорватских и особенно в болгарских народных песнях» [13]. «Можно указать на ряд болгарских народных песен («Султан Селим, Арапин и Марко Кралевич» и др.), в которых, как и в „Слове о полку Игореве" „ми" в „эстетической" функции и „ми" в функции местоимения сосуществуют друг с другом» [14].

По-видимому, *ми* в качестве частицы употреблялось, как и *ти*, еще в праславянском языке. Однако в силу каких-то пока неизвестных нам причин рано стало утрачиваться в письменности, сохраняясь как реликт в разговорной речи и в песенном фольклоре славянских народов, неся в себе известную эмоциональную окраску. А. А. Потебня привел примеры со словом *ми* из украинских колядок. Дополним параллелями из других видов украинских песен. Исторические песни (думы):

А там на лугах, на барз широких,
Там же мі горіт терновий огник,
Сам молод, ей сам молод!

Вл. Антонович и М. Драгоманов. Исторические песни малорусского народа. Киев, 1874—1875. Т. I. С. 36.

А в тій світлойці округлий столик,
При ним мі сидит пан Перемисльний
Перед ним пляше молоде паня.

Там же. С. 43.

Коломийки:

Ой шапка ми мармазинка, ой чорна ми гуня,
Ой чобот мой залупчастый и жёнка Маруня!

Я. Ф. Головацкий. Народные песни Галицкой и Угорской Руси. М., 1878. Ч. II. С. 289.

Думки образованного сословия:

Бувай ми здорова, ты дѣвчино моя!
Не забувай мене, коли ласка твоя.

Там же. Ч. I. С. 353.

---

11 *Булаховский Л. А.* «Слово о полку Игореве» как памятник древнерусского языка // «Слово о полку Игореве»: Сб. исслед. и ст. М.; Л., 1950. С. 136.

12 См.: *Обнорский С. П.* Очерки по истории русского литературного языка старшего периода. М.; Л., 1946. С. 157.

13 *Прийма Ф. Я.* Сербскохорватские параллели к «Слову о полку Игореве» // Рус. лит. 1973. № 3. С. 77.

14 *Прийма Ф. Я.* Болгарские параллели к «Слову о полку Игореве» // Русско-болгарские фольклорные и литературные связи. Л., 1976. Т. 1. С. 66.

Гуцульские песни:

С любки ми се не збыткуйте,
Моя любка бѣдна,
От леніи в другой хатѣ
Бодай разопрѣла!

Там же. Ч. II, С. 468.

Таким образом, в украинских думах и песнях *ми* встречается не только как дательный падеж от личного местоимения *азъ*, но и как эмоциональная усилительно-выделительная частица. В древнерусских книжных памятниках тоже иногда используется *ми* в этом же значении в эмоциональных авторских восклицаниях, в риторических вопросах и даже в сочетаниях с вопросительным местоимением *что*, как и в «Слове о полку Игореве». Например, у Григория Богослова по списку XIV в. читаем: «Люто бесплодье земля и плодомъ погибель, како ни уже ми надежами веселящимъ ся, и къ житницамъ приближающимся. И люто безгодная жатва». Перевод: «Ужасно видеть бесплодье земли и погибель плодов, и притом в какое время? Когда уже плоды радовали надеждою и близки были к собранию. Ужасно было видеть безвременную жатву!» (Ч. II. С. 44). «Что ми есть долгыми словесы? Ученью бо есть годъ, а не прѣнью» (Там же. Л. 46). Перевод: «Но к чему продолжать слово? Теперь время учить, а не спорить» (Ч. III. С. 262). «Что ми противу сему дѣло седмера врата Фивьска и Египетьска, и стѣнъ градъ Вавилонескъ, и Маузоловъ мраморяныи гробъ?. .» Перевод: «В сравнении с сим заведением что́ для меня и седмивратные и Египетские Фивы, и Вавилонские стены, и Карийские гробницы Мавзола?. .» (Ч. II. С. 96) [15]. Все три фрагмента восходят к рукописи XI в. Греческий текст первого из них не имеет энклитического слова μοι — *ми*: вероятно, оно принадлежит переводчику. В двух других фрагментах μοι употребляется в значении dativus ethicus, т. е. дательного этического — дательного заинтересованного лица, когда дательный падеж применяется в функции, близкой к вводному слову. В греческом дательный этический μοι использовался часто [16]. Связь греч. энклитики μοι в данной функции со славянским *ми* в качестве усилительно-выделительной частицы весьма вероятна. Ср. еще: «Тако ми силы честьнаго креста, его же ангели зьряще трепещють и съ страх(о)мь покланяються ему» (Торжественник, конец XII—начало XIII в. // ОР. ГБЛ. Троицко-Сергиевское собр. Ф. 304. № 12. Л. 31 об.); «Да нѣсть ми трѣбъникъ еже о томь же еже не блудити, нъ аще подружие имуще, то въ врѣмя нѣкое приближити ся не удьржания дѣл(ь)ма, а не акы скоту наслажатися плътьск(ы)» (Там же. Л. 57. Пѣснь 4 ирмосъ); «Ты ми, Христе» (Киево-Печерский патерик (Арсениевская ред.), 1406 г. ~ XIII в. Л. 5 об. Служба Феодосию). Интересно отметить, что в Прологе 1383 г. не однажды

---

[15] Творения иже во святых отца нашего Григория Богослова, архиепископа Константинопольского. Ч. II, III.

[16] См.: *Поспишиль А. О.* Греческо-русский словарь. Киев, 1890. С. 250.

встречается удвоенное *ми*. Внешне это «удвоение» производит впечатление описки, особенно в конце и начале строки или листа. Однако, принимая во внимание все вышесказанное, можно предполагать, что это не описка, а намеренное (подчеркнутое) усиление местоимения *ми* тем же *ми*, употребленным в функции усилительно-выделительной частицы. Тем более что это «удвоение» повторяется в одном и том же выражении: «Вѣруи ми ми, жено. . .» (Л. 8; мати — Л. 44; старица — Л. 44). Как уже было сказано, слово *ми* как частица, не в пример частице *ти*, которая долго сохранялась, стало рано утрачиваться в древнерусском языке. Поэтому сохранение *ми* в данном реликтовом значении в рукописи XVI в. «Слова о полку Игореве» особенно важно, поскольку лишний раз свидетельствует о подлинности памятника и принадлежности его к старшему периоду. В Словаре-справочнике «Слова о полку Игореве», следуя строгому принципу объективности, мы вынуждены были разделить общепринятую точку зрения и поместить *ми* в словарной статье на местоимение *азъ*, указав при этом в комментарии на особое мнение А. А. Потебни. Кстати, заметим, что И. А. Бунин, взяв в качестве эпиграфа данное выражение к своей вариации на тему «Слова» — «Ковыль», начал ее так:

Что шумит-звенит перед зарею?
Что колышет ветер в темном поле? [17]

В заключение хочется надеяться, что приведенные в настоящей статье фактический материал и некоторые наши соображения к рассмотренным выше выражениям «Слова о полку Игореве» дадут повод для новых размышлений исследователям и переводчикам памятника.

---

[17] Слово о полку Игореве. Л., 1952. С. 225. (Б-ка поэта. Большая сер.).

Д.-В. Хейни
(США)

К ВОПРОСУ О ПРОСОДИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ «СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»*

Прошло уже 185 лет с тех пор, как граф А. И. Мусин-Пушкин издал знаменитое «Слово о полку Игореве», найденное им в Спасо-Ярославском монастыре, где оно сохранялось до 1795—1796 гг. Известия о находке СОПИ впервые появились в печати в 1797 г., когда Н. М. Карамзин сообщил во французской эмигрантской газе «Le Spectateur du Nord», что «в наших архивах был обнаружен отрывок из поэмы под названием „Песнь воинам Игоря"». С тех пор написаны сотни научных и популярных работ о СОПИ, оно переведено на десятки языков, «Слово» изучается в школах и университетах во всем мире. «Слово о полку Игореве» является единственным памятником древнерусской письменности, который пользуется мировой известностью. Его ставят в один ряд с другими средневековыми эпическими произведениями — «Беовульфом», ирландским «Похищением быка из Куальнге», со скандинавскими сагами и старофранцузской «Песнью о Роланде».

Издание Мусина-Пушкина 1800 г. не только привлекло внимание русской читающей публики к СОПИ, оно сделало возможным изучение древнего памятника. Изучают его биологи и зоологи, ботаники и географы, историки и языковеды, литературоведы и фольклористы. Казалось бы, такое сосредоточение ученых сил на одном небольшом тексте давно должно было истощить научный интерес к «Слову», но этого не произошло. До сих пор спорят по очень многим вопросам, связанным со «Словом о полку Игореве», — о времени создания, о языке, об авторе, о жанре. Нет, быть может, более досконально изученной проблемы славистики, чем просодия СОПИ и возможная его поэтическая структура. Именно просодия и поэтика «Слова» привлекают внимание современных литературоведов [1].

Когда читаешь восстановленный В. В. Колесовым текст СОПИ с его тремя разными типами ударения, сразу же бросается в глаза,

---

* Приношу искреннюю благодарность своей коллеге З. М. Полак за помощь, оказанную мне при обработке этой статьи.

[1] *Cooper H. R., jr.* The Igor Tale: An Annotated Bibliography of 20-th Century Non-Soviet Scholarship on the «Slovo o polku Igoreve»: White Plains. N. Y.; L., 1978. P. 62—64; *Колесов В. В.* Ударение в «Слове о полку Игореве» // ТОДРЛ. Л., 1976. Т. 31. С. 23—26.

что, по-видимому, все эти по-разному ударенные слоги все-таки не составляют никакой опознаваемой системы [2]. И напрасно искать какую-либо последовательную систему рифмы, аллитерации или тех приемов, которые характерны для эпической поэзии (устной или письменной) других европейских народов [3]. Нельзя сомневаться в том, что в СОПИ есть довольно много мест, где именно эти приемы употребляются, и с большой виртуозностью, тем более указывая на их отсутствие как постоянное явление в просодической системе поэмы. Но даже если эти типичные для северного эпоса вообще приемы не составляют единую регулярную структуру, сильноударные слоги образуют именно такую систему, и эта поэтическая, просодическая система в основном знакома студентам при изучении других европейских литератур [4]. Я утверждаю, что основным просодическим элементом, придающим СОПИ структуру и отличающим его от ритмической прозы, является система шести абсолютно сильно подударных слогов-морфем [5]. В этой системе ни слабоударные, ни среднеударные слоги не играют никакой роли. Само заглавие поэмы представляет собой пример этой просодии:

> Сло̂во о пѣлку Игóревѣ, Игóря сы́на Святъслáвля, вну́ка Ольгóва. (6)

Верно, очень возможно, что заглавие не было составной частью подлинного текста, и, таким образом, оно может выступать как свидетельство наличия этой просодической системы лишь на втором плане, но все же нам кажется странным, что кто-то считал нужным точное установление имени, отчества и даже пра-отчества Игоря. И кроме остроумного и вполне подходящего к общей дуалистической структуры СОПИ предложения, амплификация имени героя делает из четырех-ударной строки полную шестиударную. То, что подобная формулировка встречается в других местах СОПИ, дает нам возможность заключить, что название является исконной частью поэмы.

Очень часто учеными делается разделение СОПИ на строфы или стансы, хотя в рукописи, по-видимому, не было никаких перерывов в тексте. Иногда «Слово о пълку Игоревѣ» разбивают

---

[2] См.: *Колесов В. В.* Указ. соч. С. 23—76.

[3] *Sievers E.* Zur Rhytmik des germanischen Alliterationsvers // Beitrage zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur. 1885. N 10. P. 209—314; 415—545; «Old Englishe Poetry» in Bright's Old English Gramma and Reader. 3-rd ed. / Ed. F. Cassidy, R. Ringler. N. Y., 1971. P. 274—288.

[4] Она особенно наглядно выступает в древнеанглийской (англосаксонской) поэзии. Бóльшая часть древнеанглийской поэзии дошла до нас в четырех рукописях и большинство стихотворений известно только в одном экземпляре. К тому же рукописи написаны всплошную, как, по-видимому, было написано СОПИ, но в отличие от СОПИ постоянным приемом древнеанглийского стихотворства являлось широкое употребление аллитерации. Именно аллитерация делает возможным разделение текста на строки.

[5] Пользуясь термином В. В. Колесова. См.: *Колесов В. В.* Указ. соч. С. 31.

на смысловые единицы, иногда на предложения. Достоинством моей разбивки СОПИ, если это можно охарактеризовать как достоинство, является отражение ее просодических, стилистических и семантических единиц. По этой схеме СОПИ разделяется на 258 строк, каждая из которых имеет непостоянное число слов и слогов.

«Слово о пълку Игоревѣ» начинается, как часто отмечают, со вступления, в котором неизвестный нам поэт излагает свои задачи в поэме. Поэт ставит перед собой не политические, а поэтические задачи. Уже А. С. Пушкин обратил внимание на данный факт. Эти поэтические задачи ничем не связаны с мнимым сюжетом поэмы. Наоборот, они касаются скорее стиля или метода изложения сюжета. Во вступлении поэт как бы знакомит слушателя (читателя) со своим великим предшественником и дружеским противником, Бояном. Во второй строке мы предлагаем чтение с шестью «абсолютно сильными слогами», а в третьей же строке считаем, что четвертый сильноударный слог появился в результате необходимости (со стороны поэта, разумеется) определить точно, о каком Игоре идет речь:

2 Не‿лѣпо‿ли́‿ны бя́шеть, бра́тие, начя́ти ста́рыми словесы́ тру́дн‿ыхъ повѣсти́и (6)
3 о пълку Игóревѣ, Игóря Святъсла́вличя? (4)

Этот риторический вопрос имеет свою параллель в следующей строке — с шестью сильноударными слогами:

4 Начяти́‿же‿ся тои пѣсни по были́намъ сегó‿времене, а не по замы́шлению Боя́ню? (6)

Пять строк в тексте занимает характеристика Бояна Вещего. Семантические единицы в этой строфе указывают на тенденцию в СОПИ состоять из строк с шестью сильноударными слогами.

5 Боя́нъ‿бо вѣщии, а́ще‿кому хотя́ше пѣснь твори́ти, (6)
6 то ростѣкаше́ться мыслию пò‿древу, сѣрымь вълкомь пò‿земли, си́зымь орлóмь пòдъ‿облакы. (6)
7 Пòмняшеть‿бо, рѐче, първы́хъ временъ́ усóбицѣ. Тогдà пущяше́ть 1‿соколóвъ на ста́до лебедѐи, (6)
8 котóрыи дотечяшѐ, та предѝ пѣснь пояшѐ ста́рому Яросла́ву, хра́брому Мстисла́ву, (6)
9 ѝже зарѣза Редéдю предъ‿пълкы касóжьскыми, кра́сному Рома́нови Святъсла́вличю. (7)

Только в последней (т. е. девятой) строке мы находим лишний сильноударный слог, слог, вызванный, на наш взгляд, подчиненным предложением, описывающим Мстислава, но в то же время перебивающим симметрию данного отрывка текста. Без этого предложения мы бы ожидали довольно распространенное в СОПИ полустишие.

Именно такому образцу следует поэт СОПИ в своем ответе на собственную формулировку стиля Бояна.

10 Боя́нъ‿же, бра́тие, не‿1‿соколóвъ на ста́до лебедѐи пущяшѐ, нъ своѣ вѣщиѣ пьрсты на живы́ѣ стру́ны въсклада́ше; (9)
11 они‿же‿са́ми князем ъсла́ву рокота́ху. (3)

Примечательно, однако, что в вышеприведенной строфе семантика требует несколько иной системы: (9+3=12). Но это не должно смущать нас, потому что в поэзии средневековья такие варианты, как полустишие и полуторастишие, встречаются часто [6]. К тому же в «Слове о пълку Игоревѣ» поэт часто подчеркивает разницу между своим стилем, стоящим ближе к повествовательной прозе, и пышным, метафоричным стилем Бояна именно длинными девяти- или двенадцатиударными строками [7].

С 12-й строки начинается повествование об Игоревом походе как таковом. Поэт уточняет оба временных конца своей повести и описывает в метафорах подготовку князя Игоря к роковому походу. Строфа содержит в себе две шестиударных строки и кончается двухударной, а такие строки с двумя сильноударными слогами чаще всего обозначают перемену в СОПИ тематики или настроения.

12 По̀чнемъ‿же, бра́тие, по̀вѣсть сию̀ отъ ста́рого Влади́мера до нынѣшня́го Игóря, ѝже истягну̀ у́мъ крепостию̀ своѐю (6)
13 и пóстри сердця̀ своегò мужествóмь, напѣлнився ра́тного ду́ха, на̀веде сво̀ѣ хра́брыѣ пѣлкы (6)
14 на̀ землю Половéцькую, за̀‿землю Ру́ськую. (2)

Следующая за этой строфа вводит в поэму зловещий образ солнечного затмения и речь Игоря к его дружине, в которой становится ясным, что русский князь или не понимает значения предзнаменования, или, что более вероятно, не обращает внимания на него. И хотя в последних трех строках этого отрывка много неясного, поэт предлагает объяснение немудрого поведения Игоря [8].

15 Тогда̀ Игóрь възрѣ̀ на свѣтлóе солнцѐ и ви́дѣ о̀тъ‿него тьмóю всѣ̀‿своѣ̀ воѣ̀ прикры́ты, (6)
16 ѝ‿рече Игóрь къ дружи́нѣ своéи: (3)
17 «Бра́тие и дружи́но! лу́цежь бы по̀тяту бы́ти, нежѐ полонéну бы́ти, (6)
18 а вся́дѣмъ, бра́тие, на̀‿своѣ̀ бързы́ѣ комóни, да̀ позри́мъ си́него До̀ну». (6)
19 Спала́‿князю у́мъ‿похоти и‿жя́лость ему зна́мение заступѝ искуси́ти До̀ну вели́кого. (6)
20 «Хощю́‿бо — рѐче — копиѐ приломи́ти конѐць‿поля Половéцкого съ ва́ми, руси́ци. (6)
21 Хощю́‿главу сво̀ю приложи́ти, а‿любо̀ испи́ти шелóмомь До̀ну». (4)

Отрывок начинается с точной шести-сильноударной строки и с ней тесно связанным трех-сильноударным полустишием, кото-

---

[6] См., напр., уже у Виргилия полустишие: Энеида, 1. 534; 2.233. Оно особенно распространено в древнегерманской поэзии. (*Sievers E.* Altgermanische Metrik. Halle, 1893, § 165).

[7] См. в нашем тексте строки 70, 80, 82, 107, 126, 134, 140, 155, 158, 176, 179, 180, 198, 199, 201, 228, 229, 232, 236, 237, 239, 242, 243, 244, 250. О функциях этих сверхметрических строк см. ниже.

[8] Очень убедительно объясняет это «темное место» Л. П. Жуковская. См.: *Жуковская Л. П.* Два замечания о методике изучения «Слова о полку Игореве» // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1971. Вып. 30. № 3, 255—261.

рое, по существу, является не только отступлением, но в то же время очень удачным поэтическим способом, отделяющим самый факт затмения от Игорева неудачного, иронического отклика на него. Первая часть этого отклика состоит из двух совершенно регулярных шести-сильноударных строк. Шестиударной является и следующая за ней строка — комментарий древнего поэта на странное поведение князя. Продолжение Игоревой речи представляет собой вероятный пример опускания намеренного epanadiplosis, или удвоение [9]. Не настаиваю на повторении словосочетания «съ вами, русици», но интересно, что ученые с самого начала не могли решить, к какой части двухсоставного предложения относятся эти слова, т. е. к сказуемому «хощю приломити» или же к «хощю приложити». Отсутствие в одной из этих строк двух сильноударных слогов делает возможным догадку о пропуске повторенной фразы.

Вполне возможно, что текст в том виде, в котором он дошел до нас, отражает подлинник. В таком случае сокращенная 21-я строка служит еще раз доказательством намерения со стороны поэта перейти на другую тему. И действительно, ни с того ни с сего повесть тут обрывается, и мы начинаем слышать другой голос, голос давнего Бояна, в цитате Игорева поэта. Тот, с нашей точки зрения, не чувствует никакой обязанности сохранять им установленный поэтический «размер», и получается вполне симметричное и в контексте всей поэмы, как ниже станет ясно, закономерное отступление, вводное полустишие в звательном падеже, потом три строки, имеющие три, семь и три сильноударных слога и две параллельно построенные цитаты: шесть — четыре—шесть. Интересно, что строка 26, для того чтобы стать нормативной, требует включения, хотя бы в скобках, marginalia, Ольга, чего требует и смысл отрывка.

22 О Бояне! соло́вию ста́рого врѐмене, (3)
23 Абы́‿ты сиѣ пѣлкы ущекота́лъ, (3)
24 скачя̀ сла́вию по мы́слену дрѐву, лета́я умо́мь подъ‿облакы̀,
свива́я сла́вы о̀ба‿по̀лы сего́‿времене, (7)
25 ри́щя въ тро̀пу Трояню чре́съ‿поля на̀‿горы, (3)
26 пѣ́ти бы́ло пѣ́снь Иго́реви, то̀го (О́лга) вну́ку: (6)
27 «Не бу́ря соколы́‿занесе чре́съ‿поля широ́кая. (4)
28 Га́лици ста́ды бѣжя́ть къ До̀ну вели́кому». (4)

Продолжая обсуждение стиля Бояна, поэт точно повторяет просодию им только что созданных строк «по Бояню», усекая третью строку и, таким образом, предвещая переход к другой теме.

29 Чилѝ въспѣ́ти бы́ло, вѣ̀щеи Боя́не, Веле́совъ вну́че: (6)
30 «Комо́ни ржю́ть за Сулою — звени́ть сла́ва въ Кыевѣ. (6)
31 Трубы̀ тру́бять въ Новѣ̀градѣ, стоя́ть стя̀зи въ Пути́вли!» (4)

[9] См., напр., 193-ю снизу, где читаем «съдудутокъ», т. е. «съду токъ». В данном случае удвоение слога появилось по ошибке. Ср.: *Jacobson R. O.* Altérations du texte et leurs corrections // La Geste du Prince Igor. N. Y., 1948. P. 92—93.

Отступление о поэтической манере Бояна позволяет нашему поэту пропустить описание в пространстве и во времени первой части похода русских. Мы встречаем Игоря в тот момент, когда его брат и союзник Всеволод присоединяет свои войска к армии брата. Их встреча отмечается длинною речью Всеволода с использованием не только длинных аллитеративных строк, но и особенно регулярной просодии.

32 Игóрь ждéть ми́ла бра́та Всéволода, и̂‿рече ему бу́и‿туръ
Всéволодъ: (7)
33 «Оди́нъ бра́тъ, оди́нъ свѣтъ свѣтлыи, ты Игóрю, о̂ба есвѣ
Святъсла́вличя. (6)
34 Сѣдла́и, бра́те, свое̂ бързы́ѣ комо̂ни, а‿мои‿ти готóви, (6)
35 осѣдлани у Ку́рьска напереди́; а‿мои‿ти ку́ряни свѣ́домь
къмéти, (6)
36 подъ‿труба́ми повити, подъ‿шелóмы възлелѣ́яни, конéць
копия въскърмлени, (6)
37 пути̂ имъ вѣ́доми, яру́ги имъ зна́еми, лу́ци у̂‿нихъ
напряжени̂, ту̂ли отворени̂, са́бли изóстрени. (6)
38 Са́ми ска́чють, акы сѣ́рыи вълци въ по̂ли, и̂щючи сѐбѣ
чти̂, а̂‿князю сла́вы». (6)

И характерно, что встреча двух братьев-князей представлена еще более длинным, особенно лирическим и метафорическим отрывком текста, позволяющим поэту и его читателям (слушателям) преодолеть огромное пространство Юго-Восточной Руси, отнявшее несколько дней перехода у русской армии к месту встречи с врагом. К тому же это отступление служит особенно эффективным способом, с помощью которого поэт прямо вводит в свое повествование половцев без всякой предварительной подготовки, будто они возникают стихийно из пустой глубины времени и пространства, чем является степь. Этот лирический текст состоит из одной очень длинной повествовательной строки, содержащей двенадцать абсолютно сильноударных слогов и две регулярных шести-подударных строки. Первая строка знакомит нас с темным древним Дивом. Вторая строка представлет собой список тех пограничных земель, к которым обращается Див. Обращение Дива кончается неожиданно — ничем не связанной строкой во втором лице единственного числа, направленной к таинственному «Тмутороканскому болвану» и содержащей всего два подударных слога.

39 Тогда̂ въступи̂ Игóрь‿князь въ зла́тъ‿стременъ и‿поѣ̂ха
по чи́стому по̂лю. Солнце̂‿ему тьмóю пу́ть заступа́ше;
нóщь, стóнущи ему, грозо̂ю пти́чь убуди̂; свистъ
звѣри́нъ въста́. (12)
40 Збúся Ди́въ, кли́четь вьрху́ древа, вели́ть послу́шяти (6)
41 зѐмли незна́емѣ, Вѣлзѣ, и Помóрию, и Посу́лию, и Сурóжию
и Корсу́ню, (6)
42 и̂‿тебѣ, тьмуторóканьскыи бълва́нъ! (2)

Появление половцев внезапно, оно описывается всего в одном полуторастишии:

43 А‿полóвци неготóвами дорóгами побѣ̂гоша къ До̂ну вели́кому,
крычя́ть тѣлѣ́гы полу́нощи, рци, лéбеди роспущени̂. (9)

И с какой-то непреодолимой, бесповоротной силой поэт ведет Игоря и его несчастных воинов навстречу половцам. Описание движения русских отсутствует. Вместо этого поэт предлагает зловещее участие степной природы в развертывающейся драме. Для отрывка характерна симметрия: он начинается и кончается кратким восклицательным предложением с двумя сильноударными слогами:

44 Игóрь къ Дòну воѣ ведéть! (2)
45 Ỳже‿бо бѣды̀ его пасéть птѝць по дýбию, вълци грòзу въсрóжять по ярýгамъ. (6)
46 Орлѝ клекътóмь на̀‿кости звѣ̀ри зовýть, лисѝци брéшють на чьрленыѣ́ щиты̀. (6)
47 О Рýская зѐмле! Ỳже за шелóменемь есѝ! (2)

И в тот момент, когда напряжение в степи ясно ощутимо читателем, поэт прерывает свое описание приготовлений к битве поразительным воспоминанием о ночи, проведенной русскими в степи. Всего в двух строках он рассказывает, как проходит ночь. Регулярной является первая строка, т. е. описание ночной природы. Описание поведения русских нерегулярно, и оно кончается рефреном, который указывает на повествовательный «сдвиг» со стороны самого поэта.

48 Дългo нóчь мѣ́ркнеть, заря́‿свѣтъ запала̀, мьглá‿поля покры́ла. Щѐкотъ сла̀вии успѐ, гòворъ гáличь убудѝ. (6)
49 Русѝчи велѝкая поля̀ чьрлены́ми щиты̀ прегородѝша, ѝщючи сѐбѣ чтѝ, а̀‿князю слáвы. (5)

Может показаться странным, что поэт вовсе не описывает первого столкновения русских с врагами. Ведь это героическая поэма! Именно битвам с общими врагами или схваткам с каким-то одним противником отведено в эпосе главное место. На самом деле первую встречу русских с половцами вряд ли можно описать как героическую. Сам поэт говорит, что результат этой победы русских над своими степными врагами был негероический; грабеж половецкого становища и похищение половецких женщин. Эта первая стычка с известным аллитеративным эхом конских копыт начинается с регулярной шести-абсолютносильноударной строки, но весь отрывок имеет точно симметричную схему: 6—5—3—5—6. 55-я строчка отделяет описание как таковое от описания тихой, но роковой ночи в степи. В этой строке проявляется интересная система ударений с чередованием абсолютно сильных и средне-ударных слогов.

50 Съ зарáния въ пятъкъ потоптáша погáныѣ пълкы половéцкыѣ (6)
51 и, рòссушясь стрѣлáми по̀‿полю, помчя́ша крáсныѣ дѣвкы половéцкыѣ, (5)
52 а̀‿съ ними злàто и пáволокы и драгыѣ́ оксáмиты; (3)
53 орътьмáми и япончѝцями и кожю́хы начя́ша мòсты мостѝти (5)
54 по болóтомъ и грязѝвымъ мѣ́стомъ, и вся́кыми узорóчьи половéцкыми. (6)
55 Чьрлéнъ стя̀гъ, бѣ́ла̀ хорюгóвь, чьрлена̀ чéлка, срéбрено стружиѐ хра́брому Святъсла́вличю! (6)

Во вторую ночь в степи русские войска празднуют свою пиррову победу над половцами, а ханы Гзак и Кончак перебрасывают главные войска к Игорю. Отрывок строго симметричен: 6—3—6. Причем полустишие в середине служит для того, чтобы связать две враждебных силы.

56 Дрéмлеть въ пòли Ольгóво хорóброе гнѣздò, далечѐ
залетѣло! Нѐ‿было онò обѝдѣ порождено — ни‿соколỳ,
ни‿крéчету, (6)
57 нѝ‿тебѣ, чьрныи вòронъ, погáныи полóвчине! (3)
58 Гзакъ бѣжѝть сѣрымь вълкомь, Кончя́къ ему слѣдъ прáвить
къ Дòну велѝкому. (6)

Описание рассвета рокового дня состоит из шести строк. Все они регулярны за исключением только третьей, где встречаем добавочное ударение, вызванное предложным оборотом. Отрывок кончается обращением поэта в звательном падеже и втором лице к далекой Руси.

59 Другáго‿дни вéлми рáно кръвавы́ѣ зòри свѣтъ повѣдáють, (6)
60 чьрныѣ тýчѣ съ‿мòря‿идуть, хотя́ть прикры́ти д̄ солнця̀. (6)
61 А̀‿въ‿нихъ трепéщють сѝнии мълнии — бы́ти грòму велѝкому,
иттѝ дождю̀ стрѣлáми съ Дòну велѝкого. (7)
62 Тý‿ся копьéмъ приламáти, тý‿ся сáблемъ потрýчяти (6)
63 о шелóмы половéцкыѣ, на рѣцѣ на Кая́лѣ, у Дòну велѝкого.
О Рýская зèмле! Ỳже за шелóменемь есѝ! (6)

По причинам, на которых мы остановим наше внимание в дальнейшем, автор СОПИ намеренно заслоняет начало битвы. В строках 64—66 язык его темный, метафорический. Двойная строка (12 сильных ударений) является выражением повышенной напряженности и, может быть, декламировалась с возрастающей скоростью.

64 Се‿вѣ́три, Стрибóжи внýци, вѣ́ють съ‿мòря стрѣлáми на
хрáбрыѣ пълкы Игóревы. Землѝ тутнéть, рѣкы̀ мỳтно
текýть, пòроси полѝ прикрывáють, стя̀зи глаголю́ть: (12)
65 Полóвци ѝдуть òтъ‿Дона ѝ‿отъ‿моря и‿отъ‿всѣ́хъ сторóнъ
рýскыѣ пълкы оступѝша. (6)
66 Дѣти бѣ́сови клѝкомь полѝ прегородѝша, а хрáбрии русѝци
преградѝшя чьрлены́ми щиты̀. (7)

Славное обращение к князю Всеволоду дает нам в поэме единственный пример одного из героев в бою — Игорь показан только при поражении. Отрывок начинается с призыва поэта к герою и кончается со вторым обращением к нему в звательном падеже. К этому описанию Всеволода поэт добавляет свое суждение. Место часто считается искаженным. Кажется, что не хватает одного ударного слога.

67 Я́ръ‿туре Всéволоде! (2)
68 Стоѝши нà‿борони, пры́щеши на‿воѣ стрѣлáми, грьмлеши
о шелóмы мечѝ харалýжными! (6)
69 Кáмо тỳръ поскочя́ше своѝмъ золоты́мь шелóмомь
посвѣ́чивая, (6)
70 тáмо лежя́ть погáныѣ гòловы половéцкыѣ, поскѣпани
сáблями калéными шелóмы овáрскыѣ — (9)

71 о̀тъ‿тебе, я́ръ‿туре Все́володе! (2)
72 Ка́я ра́ны, дорога̀ бра́тия, забы́въ чти̇ и живота̀, и̇‿града Чьрни́гова, о̀тня злата̀ стола̀, (6)
73 и̇ своѣ̀ ми́лыѣ хоти̇, кра́сныѣ Глѣ́бовны, свы́чяя и обы́чяя. (5)

Начиная с 74-й строки, поэт еще раз перебивает ход своего повествования, на этот раз первым из нескольких длинных исторических отступлений. В этих же отступлениях, казалось бы, он приводит в качестве примера несколько событий из истории тех времен, когда княжеские междоусобицы особенно препятствовали мирному развитию русского общества. История, таким образом, освещает поступок Игоря. Первая часть этого исторического воспоминания носит регулярную систему ударений, но она почему-то состоит из пятиударных предложений.

74 Бы́ли вѣци Троя́ни, мину́ла лѣ́та Яросла́вля. (5)
75 Бы́ли пълци Олго́вы, О̀льга Святъсла́вличя. (5)
76 Тъи бо О̀легъ мече́мь крамолу̀ ковашѐ и̇‿стрѣлы по̀‿земли сѣяше. Ступа́сть въ‿зла́тъ‿стременъ въ градѣ̀ Тьмуторо́канѣ. (5)
77 То жѐ зво́нъ слы́шя да́вныи вели́кыи Яросла́въ, (5)
78 а‿сы̀нъ Всеволо́жь Влади́миръ по‿вся́‿утра у̀ши заклада́ше въ Чьрни́говѣ. (5)

Продолжая свой экскурс в русскую историю, поэт повествует почти прозой, т. е. таковым получается эффект этих четырех длинных, хотя строго регулярно ударных, предложений. Последнее же возвращает нас к настоящему с вышеупомянутыми галками (с. 48), служащими как связь.

79 Бори́са же Вячесла́вличя сла́ва на‿су́дъ‿приведе, и на Ка́нину зелену̀ паполо́му постла̀ за оби́ду Олго́ву, храбра̀ млада̀‿князя. (9)
80 Съ‿тоѣ̀‿же Ка́нины Святъпѣлкъ повелѣ̀ ятѝ отця̀ своего́ междю̀ угръскыми иноходьци къ святѣ̀и Софи́и къ Кыеву. (9)
81 Тогда̀ при Олзѣ̀ Горисла́вличи сѣ́яшеться и ростя́ше́ть усо́бицями, погыбашеть жи́знь Дажьбо́жя вну́ка, въ княжи́хъ крамола́хъ вѣци человѣ́комъ скрати́шясь. (12)
82 Тогда̀ по Ру́скои зѐмли рѣ́дко ра́таеве кы́кахуть, нъ чя́сто вра́ни гра́яхуть, тру́пья сѐбѣ дѣля́че. (9)
83 А‿га́лици свою рѣ́чь говоря́хуть, хотя́ть полетѣ́ти на уѣ́дие. (6)

Настоящее действие связывается с историческим в 84-й строке. Эта строка предшествует длинной 85-й строке, описывающей ход битвы в конкретных образах, а в 86-й дается метафорическое изображение тех же событий.

84 То бы́ло въ‿ты‿ра́ти и съ‿ты́‿пълкы, а‿си́цеи ра́ти не слы́шяно! (6)
85 Съ зара́ния до вече́ра, съ вече́ра до̀‿свѣта летя́ть стрѣлы кале́ныѣ, гри́млють са́бли о‿шело́мы, трещя́ть копья̀ харалу́жныя въ по̀ли незна́емѣ, среди̇ земли̇ Полове́цкыѣ. (12)
86 Чьрна̀ земля̀ подъ копы́ты костьми̇ была́ посѣ́яна, а‿кровью польяна̀. Тугою взыдо̀шя по Ру́скои зѐмли! (6)

В отрывке текста, содержащем описание исхода Игорева похода, поэт чередует строки, лишенные метафор, со строками, в которых его язык приобретает намеренную неясность. Эта неясность, являющаяся у поэта постоянной тенденцией к перестановке современного ему повествовательного стиля и стиля, им приписываемого предшественнику Бояну, вызывает у слушателя (читателя) некоторое чувство «остранения» и в то же время заставляет его задуматься над судьбой русского войска, над ответственностью за случившееся самого князя Игоря и, наконец, над последствиями для Русской земли рокового похода. Замечательная регулярность строк в этом отрывке еще раз дает нам возможность заключить, что просодия поэмы строго обдумана.

В этих пяти длинных строках (87—91), все с одинаковой системой двенадцати абсолютно сильных ударений, поэт создает разные впечатления. В первой же строке он выступает как очевидец битвы, во второй он смотрит на дело, будто уже знает его исход, в третьей он приводит образ брачного пира, чтобы напомнить своей «публике» о парадоксе: сын Игоря, Владимир, в близком будущем женится на дочери врага, хана Кончака. Поэт в 90-й строке возвращается на поле битвы и описывает реакцию природы на поражение русских. Упоминанием древних богов и времен и употреблением излюбленного у Бояна образа лебедя поэт подготавливает слушателя (читателя) к изменению темы.

87 Что мѝ шюми́ть, что мѝ звени́ть да́вечя ра́но предъ
зоря́ми? Игóрь пълкы заворóчяеть, жяль‿бó‿ему
ми́ла бра́та Всéволода. (12)

88 Би́шяся день, би́шяся другы́и, третья́го дни къ полу́днию
па́дошя стя́зи Игóревы. Ту́‿ся бра́та розлучи́ста
нà‿брезѣ бы́строи Кая́лы. (12)

89 Ту́ кръвава́го винà не доста́, ту́‿пиръ докончя́шя хра́брии
руси́чи. Сва́ты попои́шя, а са́ми полегóшя зà‿землю
Ру́скую. (12)

90 Ни́чить трава́ жялóщями, à‿древо съ тугóю къ зѐмли
преклони́лось. У̀же‿бо, бра́тие, не‿весела́я годи́на
въста́ла. у̀же пусты́ни си́лу прикры́ла. (12)

91 Въста́ла оби́да въ си́лахъ Дажьбóжя вну́ка. Вступи́ла
дѣ́вою нà‿землю Троя́ню, въсплеска́ла лебеди́ными
крылы̀ на си́нѣмь мòри, у̀‿Дону плѣ̀щючи, убу́ди жирня́
временà. (12)

Явно осуждая Игоря, поэт в строках 92—95 все-таки критикует всех русских князей за их разорительные междоусобицы. За исключением «цитаты» в строке 93, во всем тексте строго соблюдена предполагаемая система абсолютно сильных ударений.

92 Усóбиця княземъ на пога́ныѣ погы́бе, рекóста‿бо бра́тъ
бра́ту: (6)

93 «Се‿моѐ, à‿то моé‿же». (1)

94 И начя́шя князи про‿ма́лое «се вели́кое» мълвити, а‿са́ми
на себѣ̀ крамолу̀ кова́ти. (6)

95 А‿пога́нии съ всѣ́хъ стра́нъ прихожда́ху съ побѣда́ми
нà землю Ру́скую. (6)

В строках 96—99 поэт еще раз возвращается к тому метафорическому стилю, который он сам уже охарактеризовал как стиль

Бояна. Этот отрывок довольно сложный. Очень возможно, что дошедший до нас текст несколько искажен. Первая и последняя строки не представляют для нас проблемы, но интересно, что первая из них описывает поражение Игоря, употребляя исключительно мужскую и княжескую образность, а в последней, наоборот, поэт смотрит на дело с точки зрения тех женщин, которые потеряли своих мужей и все материальные ценности. Примечательно, что первая строка с придаточным деепричастным оборотом отражает более высокий стиль, чем последняя с ее плеоназмом.

96 О, далечѐ заидѐ сокόлъ, птúць бúя, къ мòрю, а Игόрева хрáброго пълку не крѣсúти. (6)
97 Зà‿нимъ клúкну Кáрна и Жлѧ́ поскόчи по Рýскои зѐмли, смáгу мы́чючи въ плáмянѣ ròзѣ. (7)
98 Жены̀ рýскыѣ въсплáкашясь, аркучѝ: (2)
99 «Ýже намъ своúхъ мúлыхъ лáдъ ни мы́слию смы́слити, ни дýмою сдýмати, ни очúма съглядáти, а златà и сребрà ни мáло тόго притрепáти». (12)

Поэт обращает наше внимание на последствия Игорева похода, описывая в трех порядочных строках вторжение на Русь половцев-победителей.

100 А‿въстόна‿бо, брáтие, Кы́евъ тугόю, а‿Чьрнúговъ напáстьми. (6)
101 Тоскá розльяся по Рýскои зѐмли, печя́ль жирнà тече срéдь‿зѐмлѣ рýскыѣ. À‿князи сáми нà‿себѣ крамолỳ ковáху. (6)
102 А‿погáнии сáми побѣдáми нарúщюще на Рýскую зѐмлю, ѐмляху дáнь по‿бѣлѣ отъ‿дворà. (6)

Случилась беда, и в 103-й строке названы виновники беды — Игорь и Всеволод. Они сравниваются с князем Святославом, которого поэт описывает как сильного, положительного князя, уже раз подавившего междоусобицы князей. Его известная победа в борьбе против степных кочевников сопоставляется с поражением Игоря и Всеволода. Половецкий хан Кобяк взят в плен Святославом, а Игорь и Всеволод попали в плен к половцам. Только несколько ироническое слово «грозный» в 104-й строке нарушает систему предполагаемых ударений [10].

103 Тии‿бò два‿хрáбрая Святъслáвличя, Игόрь и Всéволодъ, ýже лжю́ убудúста котόрою. (6)
104 То бя́ше успúлъ отéць ихъ Святъслáвъ грόзныи велúкыи кы́евскыи грозою́. (7)
105 Бя́шеть притрепетáлъ своúми сúльными пълкы и харалýжными мечѝ. (6)
106 Наступѝ нà‿землю Половéцкую, притоптà хълмы̀ и ярýгы, взмýти рѣкы̀ и озéры, ѝссуши потόкы и болόта. (6)
107 а‿погáного Кобя́ка изъ‿лукý моря отъ желѣзныхъ велúкыхъ пълкόвъ половéцкыхъ, яко‿вúхрь, вытόрже, (9)
108 и пáдеся Кобя́къ въ грáдѣ Кы́евѣ, въ грúдници Святъслáвли. (6)

---

[10] В этой строке мы встречаем интересный случай — polysyndeton, или многосоюзность. Это был популярный прием в античной поэзии. Он обычно трактуется как способ передать эффект стремительного стимула. См. еще строки 72—73 и 134—135.

Сравнение Игоря со Святославом продолжается. Несмотря на то, что мы уже знаем, что Игорь попал в плен, поэт повторяет эту информацию, но теперь он не сочувствует ему, а укоряет его. Отрывок не совсем точно отражает систему ударений, которую мы постулируем. Если слово «Каяла» на самом деле тюркского происхождения, то оно, пожалуй, носило бы другое ударение.

109 Ту немцѝ и венеди́ци, ту грѣци и мора́ва поють сла́ву Святъсла́влю, (6)
110 ка́ють князя Иго́ря, ѝже по̀грузи жи́ръ въ днѣ̀ Кая́лы, рѣкы̀ полове́цкыѣ, ру́ского зла̀та насы́паша. (7)
111 Ту̀ Иго́рь‿князь вы́сѣдѣ̀ изъ‿сѣдла̀‿злата, въ‿сѣдло̀ кощи́ево. (3)
112 Уны́щя бо градо́мъ забра́лы, а весельѐ пони́че. (4)

Несомненно, самым драматическим моментом в поэме является сон Святослава. Как обычно в эпической поэзии, сон непонятен самому сновидцу — Святославу [11], но этого еще мало. Текст СОПИ в указанном месте поддается толкованию с трудом, и первые издатели поэмы читали и переводили его по-разному. Некоторое исправление текста, по-видимому, необходимо до того, как можно будет начать разбирать его более или менее правильно. Мое чтение отрывка имеет строгую регулярность абсолютно сильно подударных слогов: 6—6—12—6—6 [12].

113 А‿Святъсла́въ муте́нъ со́нъ видѣ въ Кыевѣ на гора́хъ. (6)
114 «Синочь съ вече́ра одѣва́хуть‿мя —рѐче—чьрною паполо́мою, на крова́ти ти́совѣ. (6)
115 Чьрпа́хуть‿ми си́нее вино̀ съ трудо́мь смѣшено, сы́пахуть‿ми то́щими ту́лы пога́ныхъ толко́винъ вели́кыи жемчю́гъ на‿лоно̀ и нѣгують‿мя. (12)
116 У̀же дъскы̀ без‿кнѣса въ моемь теремѐ златовьрсѣмь. Всю нощь съ вечёра‿бо сиви вра́ни възгра́яху. (6)
117 У Плѣсньска на̀‿болони бѣша де̄ бра́ты князи и несо́шая къ си́нему мо̀рю». (6)

Присутствующие бояре объясняют, толкуют зловещий сон великого князя. Это они обвиняют Игоря в том, что он ищет не столько славы, сколько возврата себе давно потерянного княжества Тмуторокани. Дальше бояре сообщают Святославу о судьбе Всеволода и Игоря, о том, что они томятся в половецком плену. Бояре обосновывают последующую речь Святослава. Хотя система ударений ясно параллельна, возникают проблемы в связи с последней строкой, где не хватает одного ударного слога.

118 И‿рко́ша боя́ре князю: (2)
119 «У́же, княже, туга̀ у́мъ полони́ла. Се‿бо‿два̀ сокола̀ слетѣста съ‿отня́ стола̀‿злата поиска́ти града̀ Тьмуторо́каня, (6)

---

[11] См., напр., сон короля Артура накануне его последней битвы против Мордреда и его интерпретацию в «Morte d'Arthur».

[12] Разбивка слов в этом тексте следует *Perejda G. J.* «Beowulf» and «Slovo o polku Igoreve»: A Study of Parallels and Relations in Structure, Themes and Imagery. Ph. D. Thesis. Detroit, 1973.

120 а‿любо̀ испи́ти шело́момъ До̀ну. (2)
121 У̀же соколо́ма кри́льця припѣ́шяли пога́ныхъ са́блями, а само̀ю опута́шя въ пу́тины желѣ́зны». (8)

В отрывке СОПИ, начинающемся с традиционной фразы «темно бо бѣ в третеи день», поэт в третий раз осведомляет свою «публику» о поражении русского войска, но на этот раз описание похода дается в метафорах. В зависимости от значения и происхождения слов «хынови» и «Каяле» эти три строки имеют структуру 6—6—5, или 6—6—4, или же 6—6—3.

122 Те́мно‿бо бѣ̀ въ г҃ (трете́и) день. Два‿солнця̀ помѣ́ркоста, о̀ба багря́ная стълпа̀ пога́сосста, (6)
123 и съ нима̀ молода́я мѣ́сяця, О̀легъ и Святъсла́въ, тьмо́ю ся поволоко́ста и въ мо̀ре погрузи́ста (6)
124 и вели́кое бу́иство пода́ста хы́нови на‿рѣцѣ̀ на Каялѣ. (5)

Силы Тьмы простираются по всей Русской земле, как выводок гепардов:

125 Тьма́‿свѣ̀тъ покры́ла. По‿Ру́скои зѐмли простро́шяся поло́вци, а̀кы парду́же грѣздо̀. (6)

В одном полуторастишии и одной вполне регулярной строчке поэт метафорически описывает несчастье, принесенное Игорем на Русь. Участвуют Див и готские девы, Див с сочувствием, а готы с восхищением.

126 У̀же снѐсеся хула̀ на хвалу̀, у̀же тре́сну ну́жда на̀‿волю, у̀же вѐржеся Ди́въ на̀‿землю. Се‿бо̀ го́тскыѣ кра́сныѣ дѣ̀вы въспѣ̀шя на̀‿брезѣ̀ си́нему мо̀рю. (9)
127 Звѐня ру́скымь зла̀томь, пою́ть время̀ Бу́сово, лелѣ́ють мѐсть Шарока́ню. (6)
128 А̀‿мы у̀же, дружи́на, жа́дни веселия̀. (2)

Краткий двухударный рефрен — траурное толкование (комментарий) боярами Святославова сна — от знаменитого его «золотого слова». Но личное местоимение «мы» и сказуемое «жадни» меняют тон поэмы, возвращают нас к ее общей теме, к княжеской верности «Злато слово» начинается беспорядочно. На самом деле, в первых пяти строках мы наблюдаем несколько отклонений от нормы, особенно в первой и пятой строках.

129 Тогда̀ вели́кыи Святъсла́въ и̏зрони злато́‿слово слеза́ми смѣ̀шено и̏ рече: (5)
130 «О моя̀ сыно́вчя, Иго́рю и Все́володе! Ра́но еста̀ начяла̀ Полове́цкую зѐмлю мечи̇ цвѣли́ти, (6)
131 а̀‿себѣ̀ сла́вы иска́ти. (2)
132 Нъ‿не́чьстно одолѣ̀сте, не́чьстно‿бо крѣвь пога́ную проли́ясте. (6)
133 Ва̀ю хра́брая сердця̀ въ жесто́цѣмь харалу́зѣ скована̀, а въ бу́ести закалена̀. Се‿ли̇ створи́сте моѐи сре́бренѣи сѣди́нѣ? (8)

Укором Святослава Игорю в вероломстве начинается речь великого князя киевского, но он скоро обращает свое внимание на более оскорбительный поступок своего родного брата, князя Ярослава Черниговского. Тот упрекается не только в вероломстве, но и

в тщеславии. Этот отрывок СОПИ строго следует предполагаемой системе абсолютно подударных слогов.

134 А‿у̀же не вѝжду вла̀сти си́льного и бога́того и многово́и бра́та моего́ Яро̀сла́ва съ Чьрни́говскыми быля́ми, (9)
135 съ могу́ты, и съ татра́ны, и съ шельби́ры, и съ топча́кы, и съ ревугы, и съ ольбе́ры. (6)
136 Тии‿бо̀ бес щито̀въ съ засапо́жникы кли́комъ пълкы̀ побѣжда́ють,
звопячѝ въ прадѣ́днюю сла́ву. (6)
137 Нъ реко́сте: (1)
138 — Мужа́имѣся са́ми, пре́днюю сла́ву са́ми похы́тимъ, (6)
139 а за́днюю ся са́ми подѣ́лимъ! (3)

В следующей части поэмы князь Святослав сосредоточивает внимание на князе Игоре. Он будто насмехается над безалаберным князем за его неразумное эгоистическое поведение. Возникает некоторое затруднение в разрешении проблемы установления ударений в 142-й строке, которая часто считается искаженной.

140 А‿чи‿ди́во ся, бра́тие, ста́ру помолоди́ти? Колѝ соко́лъ въ мы́техъ быва́еть, высоко̀ пти́ць възбива́еть (9)
141 не да́сть гнѣзда̀ своего́ въ оби́ду. (3)
142 Нъ‿се‿зло́‿княже, ми‿не‿пособие, на‿ничь‿ся̀ годи́ны обрати́шя. (4)
143 Се у Ри́мъ кричя́ть подъ са́блями полове́цкыми, а Володи́миръ подъ ра́нами. (6)
144 Туга̀ и тоска̀ сы́ну Глѣбо́ву! (1)

Несомненно, сочувствие Святослава к судьбе князя Владимира Глебовича, выраженное в заметно «тихой», почти без сильных ударений 144-й строке, и начало первого от Святослава длинного обращения к князю Всеволоду означает еще один переходный момент в поэме. Эти длинные речи великого князя не составляют регулярной схемы ударений, но все-таки их характеризуют некоторые общие черты. За исключением первого, все эти обращения начинаются с полустишия, где упомянуто имя князя, которому Святослав адресует свою речь. Достойно внимания то, что все эти обращения кончаются регулярно за исключением только 162-й строки, где мы встречаем четвертый, сильноподударный слог в связи с упоминанием князя Игоря.

145 Вели́кыи кня̀же Все́володе! (2)
146 Не мы́слию ти прилетѣ́ти издалечя̀, о́тня злата̀ стола̀ поблюстѝ? (3)
147 Ты‿бо̀ може́ши Вѣлгу веслы̀ роскропи́ти, (3)
148 а̀‿Донъ шело́мы вы́льяти. (2)
149 Аже‿бы‿ты‿бы́лъ, то была́‿бы чяга̀ по нога́тѣ, а кощ́еи по рѣ́зани. (6)
150 Ты‿бо̀ може́ши по̀суху живы́ми шереши́ры стрѣля́ти удалы́ми сыны̀ Глѣбо́вы. (6)
151 Ты бу́и Рюри́че, и Давы́де! (3)
152 Не‿ва́ю‿ли злачены́ми шело́мы по̀‿крови пла̀ваша? (4)
153 Не‿ва́ю‿ли хра́брая дружи́на рыка́ють, а́кы ту́ри, (6)
154 ра́нени са́блями калёными на̀‿поли незна́емѣ? (4)
155 Вступи́та, господи́на, въ злата̀ стремена̀ за оби́ду сего́‿времене, за̀‿землю Ру́скую, за‿ра́ны Иго́ревы, бу́его Святъсла́вличя! (9)
156 Га́личкы Осмомы́сле Яросла́ве! (3)

157 Высокò сѣди́ши на своéмь златокóваннѣмь столѣ! (3)
158 Пòдперъ гòры Угóрскыѣ свои́ми желѣзными пълкы, заступи́въ
королéви пу́ть, затвори́въ Дуна́ю воротà, (9)
159 мечй бремéны чрéсъ‿облакы̀, суды̀ ряды̀ до Дуна́я,
грòзы твоѣ по землямъ теку́ть. (6)
160 Отворя́еши Кыеву вратà, стрѣля́еши съ òтня златà столà
салта́ни за земля́ми. (6)
161 Стрѣля́и, господи́не, Кончя́ка, пога́ного кощéя, зà
землю Ру́скую, (6)
162 за‿ра́ны Игóревы, бу́его Святъсла́вличя! (4)
163 А ты бу́и Рома́не, и Мстисла́ве! (3)
164 Хра́брая мы́сль нóсить ва́шь у́мъ на дѣло. (6)
165 Высокò пла́ваеши на дѣло въ бу́ести, ѧко сокóлъ на
вѣтрехъ ширя́яся, (6)
166 хóтя птúцю въ бу́ести одолѣти. (4)
167 Су́ть‿бо у ва́ю желѣзныи паробци подъ шелóмы лати́нь-
скыми. (6)
168 Тѣми трéсну землѧ̀ и мнóгы странъ: (3)
169 Хы́нова, Ли́тва, ятвя́зи, Дерeмéла. (4)
170 И половци су́лици своѣ повьргоша,à‿главы своѣ поклони́ша
подъ‿тыѣ мечѝ харалу́жныѣ. (6)

Древний поэт никогда не позволяет себе отклониться от князя Игоря, и хотя речь князя Святослава еще не закончена, поэт ее перебивает, чтобы еще раз напомнить о судьбе Игоря. Его язык явно метафорический. Первая строка (171) состоит из особенно длинного полустишия, которое будто подчеркивает личное злосчастие Игоря, а следующее за этой строчкой расширяет поле нашего зрения, чтобы включить всех участвующих в походе русских воинов.

171 Нъ у̀же, кня́же, Игóрю утьрпѣ солнцю̀‿свѣтъ, à‿древо
нѐ‿бологомь ли́ствие срòни. (3)
172 По Рòси, по Су́лѣ грàды подѣли́ша, а Игóрева хра́брого
пълку не крѣси́ти! (6)
173 Дóнъ‿ти, кня́же, кли́четь и зовéть кня́зи на побѣду̀.
Ольгови́чи, хра́брии кня́зи, доспѣли нà‿брань. (6)

«Золотое слово» Святослава продолжается обращением к князьям Ингварю, Всеволоду и Мстиславичам. Поэт применяет здесь две регулярных строки с шестью сильными ударениями и одно более длинное полуторастишие.

174 Ингва́рь и Всéволодъ, и вси́‿три Мстисла́вичи, не худà
гнѣздà шестокри́льци, непобѣдными жребии собѣ
власти роехы̀тисте? (6)
175 Кое‿ва́ши златы́и шелóмы и су́лицѣ ляцкыѣ и щи́ты! (6)
176 Загороди́те пòлю воротà свои́ми óстрыми стрѣла́ми зà‿землю
Ру́скую, за ра́ны Игóревы, бу́его Святъсла́вличя. (9)

В строках 177—184 поэт обращает внимание на прошлое, подыскивая параллель к поведению князя Игоря в истории некоего храброго (но неизвестного) князя Изяслава, погибшего в битве против литовцев. За исключением двух последних, все строки в этом отрывке регулярны, а последняя уже служит тому, чтобы наше внимание было обращено к настоящему.

177 Уже‿бо Сýла не течéть срéбреными струя́ми къ грáду Перейслáвлю, (6)
178 и‿Двйна болóтомь течéть оны́мъ грóзнымъ полочя́номъ. (6)
179 Подъ кли́комь погáныхъ еди́нъ же Изяславъ, сы́нъ Васи́льковъ, пòзвони своúми óстрыми мечи̂ о шелóмы литóвскыѣ, (9)
180 притрепà слáву дѣ́ду своéму Всеслáву, а‿сáмъ подъ чьрлеными щиты̀ на кръвáвѣ травѣ́ притрепáнъ литóвскыми мечи̂. (9)
181 И‿съ‿хотию̀ на кровáть и̂‿рек:—Дружи́ну твою̀, кня́же, пти́ць крилы̀ приодѣ, à‿звѣри кръвь полизáшя. (6)
182 Не‿бы́сть тý брáта Брячеслáва, ни другáго Вcéволода. (6)
183 Еди́нъ же и̂зрони жемчю́жну дýшю изъ хрáбра тѣлà, чрéсъ‿злато ожерéлие. (5)
184 Уны́ли гòлоси, понйче весельѐ. (2)

Продолжая свою речь, Святослав обращается к князьям Северо-Западной Руси. Они же потомки загадочного Всеслава Полоцкого. Все четыре строки имеют одинаковую систему шести сильноподударных слогов.

185 Трубы̀ трýбять городéньскыѣ, я́ро слáвли все внýкы Всеслáвли! (6)
186 У̀же понйзите стя́гы своѣ, воньзи́те своѣ мечѣ вережéны; у̀же‿бо выскочи́сте изъ дѣ́днѣи слáвы. (6)
187 Вы‿бò своими крамолáми начя́сте наводи́ти погáныѣ нà‿землю Рýскую. (6)
188 На жи̂знь Всеслáвлю котóрое‿бо бѣ́шя наси́лие отъ землѣ Половéцкыѣ? (6)

Особенно поэтичным и таинственным является «слово» о князе-оборотне Всеславе. Этому полоцкому князю, умершему в 1101 г., посвящается в нашем понимании текста 13 строк, из которых 11 имеют вполне регулярную систему ударений. Только 196-я и 200-я образуют отклонение от нормы, а первая из этих, возможно, включает в себя невольное ударение слова «посѣяни», что дает ей лишнее ударение.

189 На сéдьмомь вѣ́цѣ Тро́яни вьрже Всеслáвъ жрéбии о дѣвицю сèбѣ любý. (6).
190 Тъи клю́ками подъпьрся̀, окóни, и‿скóчи къ грàду Кыеву и‿дотчеся̀ стружиéмь златà столà кыевского. (6)
191 Скóчи òтъ‿нихъ лю́тымь звѣрéмь въ полуночи̂ изъ Бѣлáграда, обѣсися си́ни мьглѣ. (6)
192 Утѣрже вáзни съ‿три́‿кусы: òттвори вратà Новýграду, рòшибе слáву Ярослáву, (6)
193 Скòчи вѣлкомь до Неми́гы, съдý тòкъ. (3)
194 На Неми̂зѣ снопы̀ стéлють головáми, молóтять чѣпи харалýжными, (6)
195 нà‿тоцѣ живóтъ кладýть, вѣють дýшю отъ‿тѣлà. (5)
196 Неми́зѣ кръвавѣ‿брезѣ нè‿бологóмь бя́хуть посѣяни, посѣяни костьми̂ рýскыхъ сынóвъ. (7)
197 Всеслáвъ‿князь лю́демъ судя́ше, кня́земъ грàды рядя́ше, а‿сáмъ въ ночь вѣлкомь ры́скаше. (6)
198 Изъ Кыева дори́скаше до кýръ Тьмуторóканя; вели́кому Хърсови вѣлкомь пýть прерыскаше. (9)
199 Тòму въ Полоцкѣ позвони́шя заýтреню рáно у святы́ѣ Софѣѣ въ кòлоколы, а‿óнъ въ Кыевѣ звóнъ слы́шя. (9)
200 Ащè и вѣща душя̀ въ друзѣ‿тѣлѣ, нъ чя́сто бѣды̀ страдáше. (4)

201 Тому вѣщеи Боянъ и пьрвое припѣвку смысленыи рече:
— Ни хытру, ни горазду, ни пытьцю горазду суда божия не минути. (9)

Сравнив Всеслава с его потомством, поэт еще раз возвращается к настоящему и теперь уже сравнивает умную политику князя Владимира I с политикой Рюрика и Давида. Из трех строк, посвященных этим смоленским князьям, только третья представляется нерегулярной, и она служит знаком перехода к новой теме.

202 О, стонати Руской земли, помянувше пьрвую годину и пьрвыхъ князей. (6)
203 Того старого Владимера нельзѣ бѣ пригвоздити къ горамъ кыевскымъ. (6)
204 Сего бо нынѣ сташя стязи Рюриковы, а друзии Давидовы, нъ розно ся имъ хоботы пашють. (7)

Поэт часто пользуется оборотом в звательном падеже, чтобы ввести в поэму новую тему на обсуждение. Заклинание жены Игоря поясняет другой вариант нашей предполагаемой схемы. Из двадцати строк четыре состоят из индикаторов, явно отмечающих переходные моменты в поэме. Это 205, 210, 216 и 221-я. Все эти обращения предшествуют трехударной строке. И хотя система в целом не типична для поэмы, она все-таки образует известную симметрию. Так, воссоздание равновесия в начале заклинания делается шестиударной строкой (206). Следует внеупорядоченная 207-я и окончательное полустишие. Заклинание как таковое начинается в строчке 205 определением места (2 сильных ударения) и действующего лица в регулярной 206-й строке. Слова Ярославны образуют следующую систему ударений: 5—2—3, 6—6—3, 5—2—3, 5—7, 5—2—3, 3—6. Во всех обращениях повторяется ряд 5—2—3. Ясно, что во всем отрывке проявляется какая-то схема. А что, если соединить строки с двумя ударениями вместе с теми, которые имеют три? Получается полная симметричность, основанная на пяти-подударной строчке: 209 (5), 210—211 (2+3), 215 (5), 216—217 (5), 218 (5), 220 (5), 221—222 (5). Эту схему приходится сравнить со строками 74—78, где поэт описывает поход князя Олега «Гориславича» против князя Владимира Мономаха. Там тоже встречаем систему пяти сильноударных слогов.

205 Копия поють на Дунаи! (2)
206 Ярославнынъ голосъ слышить, зегзицею незнаемь рано кычеть. (6).
207 «Полечю —рече— зегзицею по Дунаеви. Омочю бебрянъ рукавъ въ Каялѣ рѣцѣ, (5)
208 утру князю кръвавыѣ его раны на жестоцѣмъ его тѣлѣ». (3)
209 Ярославна рано плачеть въ Путивли на забралѣ, аркучи: (5)
210 «О вѣтре, вѣтрило! (2)
211 Чему, господине, насильно вѣеши? (3)
212 Чему мычеши хыновскыѣ стрѣлкы на своею не трудною крильцю на моеѣ лады воѣ? (6)
213 Мало ли ты бяшеть горѣ подъ облакы вѣяти, лелѣючи кораблѣ на сини мори? (6)
214 Чему, господине, мое веселие по ковылию розвѣя?» (3)
215 Ярославна рано плачеть Путивлю городу на забородѣ, аркучи: (5)

216 «О Днѣпре Слову́тицю! (2)
217 Ты пробі́лъ есі̀ ка́менныѣ гѡ̀ры сквозѣ‿землю Полове́цкую. (3)
218 Ты лелѣялъ есі̀ на себѣ Святъсла́вли наса́ды до пълку Кобя́кова. (5)
219 Възлелѣи, господи́не, мою ла́ду къ мнѣ, а‿быхъ не‿сла́ла къ нему слѣзъ на̀‿море ра́но». (7)
220 Яросла́вна ра́но пла́четь въ Пути́вли на забра́лѣ, аркучи̑: (5)
221 «Свѣтло́е и тресвѣтло́е солнцѐ (2)
222 Всѣмъ тепло́ и кра́сно есі̀! (3)
223 Чему, господи́не, про̀стре горючю̀ю свою̀ лучю̀ на ла́ды воѣ? (3)
224 Въ по̀ли безво́днѣ жаждѐю и́мъ лу̀кы съпря́же, туго́ю і́мъ тулы̀ затчѐ». (6)

Бегство князя Игоря из половецкого плена, организованное при помощи изменника Овлура, занимает семь длинных строк, образующих систему чередования регулярных шестиударных строк с полуторастишиями. Эти особенно длинные предложения производят на слушателя (читателя) эффект, будто бы он участвует в очень длинном и долгом походе. Отрывок начинается вводным полустишием.

225 Прысну́‿море полу́нощи, и̂дуть смърци мъгла́ми. (3)
226 Иго́реви князю богъ пу̀ть ка́жеть изъ‿землѣ Полове́цкыѣ на̀‿землю ру́скую, къ о́тню злату̀ столу̀. (6)
227 Погасо́шя вечѐру зо̀ри, Иго́рь спи́ть, Иго́рь бди́ть, Иго́рь мыслию полѧ̀ мѣрить отъ вели́кого Дѡну до ма́лого Донцѧ̀. (9)
228 Комо́нь въ полу́ночи, Овлу́ръ свистну за рѣко́ю, вели́ть князю розумѣти, князю Иго́рю не‿бы́ть! (9)
229 Кли́кну, сту́кну землѧ̀, въсшюмѣ трава̀. Вѣжѣ‿сѧ̀ полове́цкыѣ подвиза́щя, а Иго́рь‿князь поско́чи горноста́емь къ тростию̀ и бѣлымь го́големь на̀ воду. (9)
230 Въвѣ́ржеся на̀‿бързъ комо́нь и‿ско́чи съ него бо́сымь вълкомь и по̀тече къ лу̀гу Донцѧ̀ и полетѣ соколо́мь подъ мьгла́ми, (6)
231 избива́я гу̀си и ле́беди завтро́ку и обѣду и у̀жинѣ. (6)
232 Колѝ Иго́рь соколо́мь полетѣ, тогда̀ Овлу́ръ вълкомь‿потече, труся̀ собо́ю студѐною ро̀су, претѣ́ргоста‿бо своя̀ бързая комо́ня. (9)

В отрывке текста, содержащем «разговор» Игоря с рекой Донцом, поэт продолжает свою эпическую ретардацию, или торможение. Текст начинается с вводной фразы «Донець рече» и кончается строкой «Уныша цвѣти жялобою и древо съ тугою къ земли прѣклонило». Последняя явно должна отделить разговор Игоря с Донцом от следующего разговора половецких ханов. За исключением строки 235, которая отделяет речь Донца от речи Игоря, все эти строки образуют систему. Мы встречаем шестиударные строчки и полуторастишия: 1—6—1—9—9—6—9—4.

233 Доне́ць‿рече: (1)
234 «Кня́же Иго́рю! Не‿ма́ло‿ти вели́чия, а Кончя́ку нелю́бия, а Ру́ской зѐмли веселия̀. (6)
235 Иго́рь‿рече: (1)
236 «О До́нче! Не‿ма́ло‿ти вели́чия, лелѣ́явшю князя на вълна́хъ стла́вшю ему зелену̀ траву̀ на своихъ сре́бреныхъ брезѣхъ, (9)

237 одѣва́вшю его те́плыми мьгла́ми подъ сѣнию зелену̀‿древу, стрежашѐ его го́големъ на‿водѣ, ча́ицями на струя́хъ, чьрня́дьми на вѣтрѣхъ. (9)
238 Не та́ко‿ли —рѐче— рѣка̀ Сту́гна, ху̀ду струю имѣя, пожьрши чюжи ру́чьи и стру̀гы, ро̀стрена къ у́сту? (6)
239 Уно́шю князю Рости́славу за̀твори Днѣпръ темнѣ‿березѣ, пла́чется ма́ти Рости́слава по уно́ши князи Рости́славѣ». (9)
240 Уны́шя цвѣти жялобо́ю и̇‿древо съ туго́ю къ зѐмли преклони́ло. (4)

Этот образец, т. е. чередование регулярных строк с полуторастишиями, поэт продолжает в своем описании преследования Игоря ханами Гзаком и Кончаком. Исключениями являются только краткие строчки, отмечающие переход речи от одного хана к другому, и последняя в этом отрывке строка, где седьмое ударение служит средством, чтобы ввести в поэму третий подряд пример прямой речи. Система такова: 6—6—6—6—(1)—6 (1)—7.

241 А‿не‿соро́кы втроскота́шя — на слѣду̀ Иго́ревѣ ѣздить Гза́къ съ Кончя́комь. (6)
242 Тогда̀ вра́ни не‿гра́яхуть, га́лицѣ помълкошя, соро́кы не троскота́шя, по ло́зию ползо́шя то́лько. (9)
243 Дя́тлове тектомь пу́ть къ рѣцѣ ка́жють, соловьи́ весели́ми пѣсньми свѣтъ повѣда́ють. (9)
244 Мълвить Гзакъ къ Кончя́кови: «Ажѐ‿сокол́ъ къ гнѣзду̀ лети́ть, соколи́чя рострѣля́евѣ свои́ми злачены́ми стрѣла́ми». (9)
245 Рѐче Кончя́къ къ Гзѣ: (1)
246 «Ажѐ соко́лъ къ гнѣзду̀ лети́ть, а̀‿вѣ соко́лця опу́таевѣ кра́сною дѣвицею». (6)
247 Й‿рече Гзакъ къ Кончя́кови: (1)
248 «Ащѐ его опу́таевѣ кра́сною дѣвицею, ни на́ма бу́деть соко́льця (6)
249 ни на́ма кра́сны дѣвицѣ, то по̀чнуть на́ю пти́цѣ би́ти въ поли Полове́цкомь». (7)

Тенденция в СОПИ к симметричности поразительна. Поэт начал свое «Слово» с цитаты из традиции загадочного своего предшественника Бояна, поэтому нас не удивляет цитата в конце поэмы из того же поэтического наследства. Упоминая барда, поэт Игоря будто сравнивает героев, воспетых Бояном, со своим злополучным Игорем. Прав был автор «Задонщины», прямо говоря, что Боян воспевал среди других князя Игоря I, княжившего в X в. и объединившего южно-восточнославянские племена в одно целое вокруг Киева. Тот Игорь, его отчим (регент) Олег, его сын Святослав I и внук Владимир I действительно приносили славу на Русь и ходили не раз на земли к югу от Дуная, и эти старые князья нам служат ярким контрастом с тезоименитыми Олегом, Святославом, Игорем и Владимиром из «Слова о полку Игореве». Ссоры последних между собой приносили на Русь лишь вред и окончательный распад Киевского государства. В нашем чтении этой цитаты в первой строке имеем девять сильноударных слогов, а в двух остальных более типичные шесть.

250 Рѐкъ Боя́нъ и хо̀ды на Святъсла́вля пѣснотво́рця ста́рого вре́мене, я́ро сла́вля Ольго́ва кога́ня хо̀ти: (9)

251 «Тяжко́‿ти го̀ловѣ кромѣ плечю, зло́‿ти тѣлу кромѣ го̀ловы, Ру́скои зѐмли безъ Иго́ря. Солнцѐ свѣтится̀ на̀‿небесе. Иго́рь‿княѝзь въ Ру́скои зѐмли. (6)
252 Дѣвици пою́ть на Ду́наи, вью́тся го̀лоси чре́съ‿море до Кы́ева». (6)

По тексту СОПИ получается, что освободившись из плена, Игорь Святославич возвращается на Русь, но не к своей жене, а в Киев. Он едет прямо в церковь, где находилась икона «Богородица Пирогощая». Там он, по-видимому, молился перед образом Богородицы — по русской традиции заступницы воинов. Этим поэт подчеркивает уже известное: ни унизительные призывы беспомощного «великого князя» Святослава к другим князьям, ни языческое заклинание Ярославны не играли никакой роли в судьбе Игоря: «Игореви князю Богъ путь кажеть из землѣ половицкыѣ». Дальше он должен был примириться с «братом» Святославом, со своим ленником, из-за своего неоговоренного, тайного похода в степь, но о таком событии поэт не говорит. Все-таки надо думать, что Игорь прощен, ибо если примирения не было, трудно понимать смысл тех строк, где читаем о всеобщей радости по поводу возвращения князя.

253 Иго́рь ѣдеть по Бори́чеву къ святѣи Богоро́дици Пирого́щеи. (6)
254 Стра̀ны ра́ди, гра̀ди вѐселы. (4)

«Слово о полку Игореве» кончается точно так, как оно началось — намеком на поэтический подход поэта и перечислением главных действующих лиц, и, что более важно, в концовке поэт тоже поёт «славу» истинным героям Русской земли, тем князьям и воинам, которые борются против языческих врагов, как боролись в прошлом. Схема сильных ударений, по-видимому, 6—7—7, с кратким последним полустишием, состоящим из трех сильноударных слогов.

255 Пѣ́вше пѣснь ста́рымъ княѝземъ а пото́мъ молоды́мъ пѣти. (6)
256 Сла́ва Иго́рю Святъсла́вличю, бу́и‿туру Все́володу, Влади́миру Иго́ревичю! (7)
257 Здра́ви княѝзи и дружи́на, побара́я за христья́ны на пога́ныѣ пълкы! (6)
258 Княѝземъ сла́ва а дружи́нѣ ами́нь (3)

Несомненно, существует много других подходов к вопросу о разделении слов, о возможной строфической системе в СОПИ, о месте и типе ударения в поэме. Вряд ли кто-либо скажет, что какое-нибудь издание «Слова о полку Игореве» может воспроизвести язык и стиль авторского оригинала точно и во всех отношениях. Предполагаемая в данной статье просодическая схема, возможно, имеет некоторое преимущество перед другими. По-нашему, ясны регулярность метрической структуры, общая понятность частей поэмы — все это позволяет читателю понимать СОПИ и оценивать его как поэму. А о регулярности «Слова» надо добавить, что из 258 строк, на которые мы разделяем его, 186 строк являются регулярными полустишиями, стихами с шестью абсолютно сильно

подударными слогами, полуторастишиями или двойными стихами. Отклонения от общей системы часто находят свое объяснение вне просодических соображений [13].

В заключение можно напомнить современным метрономически устроенным читателям о том, что древние стихотворцы не обязательно считали необходимостью строгую точность поэтов более поздних времен. Очень возможно, что мы ищем такую строгость там, где ее никогда не было. Более вероятно, что у поэта существовали некоторые довольно неопределенные принципы стихосложения, но кроме них он позволял себе разные отклонения. Даже если он декламировал свои стихи под гусли, то мог пользоваться риторическими паузами, продлениями для эффекта и разными другими способами, которые современному поэту или музыканту могут казаться странными и неприемлемыми. Поэтому мы не должны надеяться восстановить в наших реконструкциях то, чего в памятнике никогда не было.

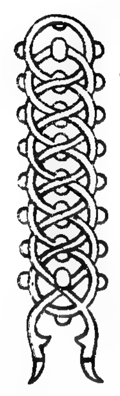
[13] Более подробное изложение моей концепции см. в ст.: *Haney J. V.* Some Prosodic Features in the' Discourse on Igor's Campaign' // Occasional Papers in Slavic Languages and Literature, University of Washington. Seattle; Wash., 1982. P. 3—52.

М. А. Робинсон, Л. И. Сазонова

НОВЫЙ ОПЫТ КОММЕНТИРОВАНИЯ «СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»

(ФРАГМЕНТ «СОКОЛЪ ВЪ МЫТЕХЪ»)

В «золотом слове» князя Святослава есть фрагмент, который, как показывают многочисленные поэтические и научные переводы, а также комментарии, труден для понимания, хотя он не принадлежит к темным местам «Слова» и грамматически и лексически вполне ясен: «Коли соколъ въ мытехъ бываетъ, высоко птицъ възбиваетъ; не дастъ гнѣзда своего въ обиду». Дословный перевод: «Когда сокол линяет, высоко птиц взбивает: не даст гнезда своего в обиду» [1]. От верного истолкования данного фрагмента зависит и правильное понимание предшествующего ему риторического вопроса: «А чи диво ся, братие, стару помолодити?» Уже первые издатели допустили скрытую конъектуру текста, переведя действие в иной временной план: в их переводе сокол не в линьке, а после нее: «Но мудрено ли, братцы, и старому помолодѣть? Когда соколъ перелиняетъ, тогда онъ птицъ высоко загоняетъ и не даетъ въ обиду гнѣзда своего» [2].

Первые издатели во многом определили то направление, в котором в основном складывалась в дальнейшем традиция поэтических переводов данного фрагмента. Приведем несколько примеров.

К. Д. Бальмонт: «Разве диво, братья, стару молодеть? Перелинявши, // Сокол птиц взобьет высоко, а гнезда не даст в обиду» [3].

С. В. Шервинский: «Дивно ль, братья, и старому // Стать молодым? // Сокол, перья сменивший, // В поднебесье птиц // Избивает, в обиду // Не даст он гнезда» (с. 139).

В. И. Стеллецкий: «А так ли уж дивно, братья, старому помолодеть? // Когда сокол перелиняет, // высоко птиц загоняет — // не даст гнезда своего в обиду!» (с. 158—159).

---

[1] Слово о полку Игореве / Вступ. ст. и подгот. текста Д. С. Лихачева. М., 1983. С. 40, 68.

[2] Ироическая пѣснь о походѣ на половцовъ удѣльнаго князя Новагорода-Сѣверскаго Игоря Святославича, писанная стариннымъ русскимъ языкомъ въ исходѣ XII столѣтія съ переложеніемъ на употребляемое нынѣ нарѣчіе. М., 1800. С. 27.

[3] Слово о полку Игореве. 3-е изд. Л., 1985. С. 121. (Б-ка поэта. Большая сер.) Далее ссылки на данное издание см. в тексте.

Н. И. Рыленков: «Диво ль старцу сбросить с плеч года? // Сокол тот, что в линьке побывает, // Не позволит разорить гнезда, // Хищных птиц он высоко взбивает» [4].

А. Степанов: «А диво ли было бы // брату старому помолодеть? // Сокол, когда в линьке побывает, // взбивает высоко птицу. . . // Он не даст гнезда своего // в обиду . . .» (с. 199).

Л. И. Тимофеев: «А разве диво старому помолодеть? // Коли сокол перелиняет, // Высоко в подоблачье птиц загоняет, // Не дает гнезда своего в обиду» [5].

На поэтические переводы оказывали сильное воздействие научные толкования и комментарии. Совершенно очевидно влияние А. А. Потебни, считавшего, что «сокол в мытях» — это сокол «в летах, старый» [6]. Например, Г. Шторм переводит: «А разве диво, братья, старому омолодиться? // Коли сокол в летах бывает, // высоко птиц взбивает, // не даст гнезда своего в обиду» [7]. Или Н. А. Заболоцкий: «Диво ль старцу, мне, помолодеть? // Старый сокол, хоть и слаб он с виду, // Высоко заставит птиц лететь, // Никому не даст гнезда в обиду» (с. 177).

В расширительно-толковательном переводе А. Ю. Чернова сделана попытка объединить две рассмотренные выше точки зрения: «Зло не в том, // Что стал // И сам я стар! // Экое диво — помолодеть! // Старый сокол // В линьке побывает — // Снова высоко // Птиц побивает // И гнезда в обиду не дает» (с. 242—243).

Перевод С. В. Ботвинника явно опирается на комментарии, восходящие к Н. В. Шарлеманю, согласно которым выражение «в мытях» обозначает линьку, «когда молодая птица надевает оперенье взрослой птицы, т. е. достигает половой зрелости» [8]. Перевод С. В. Ботвинника: «Старому помолодеть ведь не диво: // ежели сокол, мужая, линяет — // птиц он высоко взбивает, в обиду // выводок свой // никому не дает он» (с. 219).

Некоторые авторы предпочитают или вообще не переводить фразу «въ мытехъ», или дословный перевод фрагмента. Например, В. В. Капнист: «Не чудно ли, братие! старому помолодеть? Когда сокол в мытех бывает, высоко птиц взбивает, не даст гнезда своего в обиду» [9]. У И. Новикова: «А что, // Уж такое ли, братие,

---

[4] Слово о полку Игореве. 2-е изд .Л., 1967. С. 323. (Б-ка поэта. Большая сер.)

[5] Слово о полку Игореве / Сост., вступ. ст., подгот. древнерус. текста и коммент. В. А. Стеллецкого. М., 1981. С. 207.

[6] *Потебня А. А.* «Слово о полку Игореве»: Текст и примечания. Воронеж, 1878. С. 104.

[7] Слово о полку Игореве. 2-е изд. С. 210. (Б-ка поэта.)

[8] *Шарлемань Н. В.* Из реального комментария к «Слову о полку Игореве // ТОДРЛ. М.; Л., 1948. Т. 6. С. 112. Следует, однако, заметить, что, по мнению специалистов, «какой-либо зависимости между наступлением половой зрелости и надеванием второго наряда (оперение взрослой птицы. — *М. Р., Л. С.*) у кречетов нет, как нет ее и у других крупных соколов»; отмечается также, что половая зрелость наступает «в возрасте около года, еще в гнездовом наряде» (*Дементьев Г. П.* Сокола-кречеты. Систематика, распространение, образ жизни и практическое значение. М., 1951. С. 67, 61).

[9] Слово о полку Игореве. 2-е изд. С. 113. (Б-ка поэта.)

диво: // Старому да помолодеть? // Коли сокол линяет, // Птиц высоко взбивает, // Гнезда своего он в обиду // Не даст!»[10]. Или И. И. Шкляревский (последний вариант перевода): «А не диво и старому помолодети, // когда сокол линяет, // высоко птиц избивает, — // не даст гнезда своего в обиду»[11].

В рамках рассматриваемой темы особый интерес представляют переводы «Слова» В. А. Жуковского и А. Н. Майкова. Работа этих авторов над данным фрагментом наглядно показывает их неудовлетворенность переводом первого издания. По-видимому, не найдя собственного решения, В. Жуковский предложил другой образ — «ученого сокола»: «И не диво бы, братья, старому стать молодым. // Сокол ученый // Птиц высоко взбивает, // Не даст он в обиду гнезда своего» (с. 81). Возможно, на В. Жуковского оказали влияние рассуждения А. С. Шишкова, писавшего: «. . . я под словами: „сокол в мытех" разумею выученного, выношенного сокола»[12]. У А. Майкова вместо «сокола в мытех» образ сокола, вьющего гнездо: «Старику б помолодеть не диво! // Вьет гнездо сокол и птиц взбивает, // Своего гнезда не даст в обиду. . .» (с. 107).

В чем же трудность для понимания данного места «золотого слова» Святослава? В том, что в традиционном прочтении и при дословном переводе создается картина противоестественного поведения сокола: мыть — линька, а в этот период птица слабеет и не проявляет своих самых сильных бойцовских качеств. В «Слове» же, казалось бы, получается загадочная картина: сокол находится в самом слабом состоянии, что подчеркнуто деталью «в мытех», но при этом он почему-то «высоко птиц взбивает», что противоречит его природе. Невозможно допустить, что автор, безусловный знаток природы, не знал такого явления. Сокол в линьке не может соответствовать тому поэтическому образу могучего князя-воителя, который принято видеть в данном фрагменте «Слова». На это обстоятельство впервые обратил внимание А. Потебня, критикуя переводы Ф. И. Буслаева, Н. С. Тихонравова и других: «. . .когда сокол линяет, его моет, он болен и вряд ли способен обнаруживать особую энергию»[13]. Первый серьезный аргумент в попытке снять противоречие был предложен им же. А. Потебня впервые выдвинул лингвистически обоснованное замечание, отрицающее трактовку печатного издания 1800 г. Он заметил, что фразу «коли соколъ . . . въ обиду» обычно переводят «когда перелиняет», «коли излиняє» (Максимович), но, возражает ученый, «*бываетъ* не может здесь иметь совершенного значения»[14]. Иначе говоря, глагол несовершенного вида «бывает» со значением незаконченного повто-

---

[10] Там же. С. 235.
[11] Слово о полку Игореве: 800 лет. М., 1986. С. 377.
[12] Цит. по кн.: *Барсов Е. В.* «Слово о полку Игореве» как художественный памятник Киевской дружинной Руси. М., 1889. Т. III: Лексикология «Слова». С. 496.
[13] *Потебня А. А.* Указ. соч. С. 104.
[14] Там же.

ряющегося действия не может указывать на какой-то завершившийся процесс.

В современной науке проблема была поставлена вновь, и целый ряд исследователей посвятили ей отдельные статьи или высказали специальные замечания.

На парадоксальность картины с соколом в «золотом слове» вновь указал В. П. Петрусь. Проанализировав термин «мыть» и его значение в древнерусском языке, он пришел к выводу: «. . . на древнерусской почве термин „мыть" уже неизбежно соединялся с представлением о *болезненном* состоянии, сопровождавшем линьку». Исследователь задавался вопросом: «Как же объяснить тот факт, что, рисуя образ сокола, который „высоко бьет птиц", образ мощи и силы, он приурочивает это к периоду временной слабости боевой птицы, ко времени, когда она „мытится", т. е. болеет, и вследствие этого менее сильна и подвижна, чем обычно? Подобный стилистический прием был бы оправдан логически только в том случае, если бы „мыть" была состоянием наибольшего развития, расцвета сил и энергии сокола, а не наоборот. Следовательно, внутреннее противоречие здесь налицо и слишком разительно, чтобы не требовать объяснения» [15].

Особую остроту в обсуждении данной проблемы внесло замечание А. А. Зимина: «По „Слову" получается, что сокол „в мытех", то есть в период линьки, проявляет особенно воинственные наклонности. Это, конечно, заблуждение» [16]. Данное справедливое наблюдение приводилось, однако, как один из аргументов вторичности «Слова» и свидетельство испорченности фрагмента, заимствованного якобы из поздней рукописи XVII в.

Поэт О. Сулейменов посвятил в своей книге вопросу о «соколе в мытех» специальную главу. Он также констатирует, что «речь идет о находящемся в „мыте" соколе, т. е. *линяющем*, а не *перелинявшем*. Грамматическая форма вступает в противоречие с литературным смыслом контекста». Фраза о «соколе в мытех» представляется в «Слове» «грамматически правильной, но смыслово-парадоксальной» [17].

Пытаясь снять указанное противоречие, исследователи выдвигали свои предположения, но характерно, что так или иначе они исключали из своих толкований значение «мыть» — линька.

А. Потебня видел в «мытех» не процесс линьки, а определение возраста птицы: «„Сокол двух-трех мытей" — что мытился два, три раза, двух-трехлетний; след. «соколъ въ мытехъ» — в летах, старый» [18]. Таким образом, А. Потебня подменял прямое значение слова «мыть» (линька) переносным, при котором количество мы-

---

[15] *Петрусь В. П.* Соколъ въ мытехъ // Учен. зап. Киров. гос. пед. ин-та. 1957. Вып. 2. С. 104.

[16] *Зимин А. А.* Когда было написано «Слово»? // Вопр. лит. 1967. № 3. С. 145.

[17] *Сулейменов О.* Аз и я. Алма-Ата, 1975. С. 41, 44.

[18] *Потебня А. А.* Указ. соч. С. 104.

тей у охотничьих птиц обозначает возраст, и создавал на основе его искусственное понятие «в мытех» — «в летах, старый».

К такому же пониманию, что и у А. Потебни, приходят В. Ф. Ржига и С. К. Шамбинаго в результате следующего рассуждения: «„. . .коли соколъ въ мытехъ бываетъ“ — всякий раз, когда он линяет, т. е. уже не в первый раз. Поэтому Святослав говорит о себе как о „старом соколе“» [19]. Исследователи допускают типичное для всей традиции изучения данного фрагмента перетолковывание: «в мытех» (в линьках) на «линяющий не в первый раз», следовательно уже неоднократно *бывавший в линьках.* Такой подход практически возвращает к переводу первых издателей и уводит в сторону от понимания поэтического образа «Слова».

Аргументированно отрицая традиционную точку зрения и толкование А. Потебни, В. П. Петрусь предлагает радикальное переосмысление данного отрывка. Он ставит в принципе верную задачу — выявить значение образа «сокола в мытех» в контексте всего «золотого слова» Святослава. Но в попытке решить ее В. П. Петрусь, исходя из заранее сконструированной версии, моделирует собственный контекст, разрывающий реальный текст «Слова». В. П. Петрусь утверждает, что, «удерживая термин „мыть“, мы не можем выйти из затруднения и не устраним глубокого противоречия в содержании данного контекста». Исследователь предлагает понимать «мыть» как «мытъ (мыто)», т. е. налог, пошлина. «В этом случае, — пишет он, — „бывати в мытех“ метафорически может означать: „находиться в экспедиции (походе) для сбора дани“, „собирать дань“, „охотиться“. Следовательно, наше предложение приобретает такой смысл: „Когда сокол берет дань с птиц (т. е. охотится), он бьет их на большой высоте, не давая своего гнезда в обиду“» [20]. Метафора эта чрезвычайно натянута и художественно не оправдана: трудно усмотреть связь в охоте сокола с поездкой князя за пошлиной. Истребление птиц соколом нельзя приравнивать к сбору дани. Главный же недостаток предположения В. П. Петруся в том, что трактовка его требует отделения риторического вопроса: «А чи диво ся, братие, стару помолодити?» от следующих далее строк о «соколе в мытех». Получается, что первый фрагмент заканчивается вопросом, на который нет ответа. Между тем связь между риторическим вопросом и следующим далее на него ответом очевидна и принципиально важна для понимания «золотого слова».

А. А. Зимин справедливо отметил противоречие традиционной трактовки, но, исходя из задач своей концепции, подверг сомнению правильность написания фразы «коли соколъ въ мытехъ бываетъ» в «Слове» и увидел в ней искажение заимствованной из «Повести об Акире Премудром» известной цитаты о соколе трех мытей (т. е.

---

[19] Слово о полку Игореве. М.; Л., 1934. С. 285.
[20] *Петрусь В. П.* Указ. соч. С. 105.

трехлетнем), дающей, по его мнению, «лучшее чтение этого фрагмента, чем фраза о соколе в „мытех“ из „Слова“»[21]. Цитаты, квалифицировавшиеся В. Н. Перетцем и другими исследователями как лексические параллели[22], А. А. Зимин рассматривает в прямой текстологической зависимости «Слова» от «Повести об Акире». Обосновывая свое предположение, А. А. Зимин выдвинул единственный довод, а именно то, что и в мусин-пушкинском сборнике, и в сборнике Ундольского (XVII в.) вместе с «Задонщиной», которая, по его мнению, легла в основу «Слова», находилась также «Повесть об Акире Премудром»[23]. Утверждая взаимосвязь двух цитат, А. А. Зимин перевел тем самым проблему поэтического значения фрагмента в иной план — истории текста.

Непосредственным откликом на мнение А. А. Зимина явилась статья О. В. Творогова, посвященная изучению лексических параллелей выражения «въ мытехъ бываетъ». Проанализировав обширный рукописный материал (36 списков «Повести об Акире»), О. В. Творогов сделал ценное наблюдение о том, что в древнейшей редакции повести об Акире, «один из списков которой содержался в мусин-пушкинском сборнике, упоминание *сокола трех мытей* вообще отсутствует. Оно встречается лишь в третьей редакции повести, старшие списки которой восходят к середине XVII в.»[24] О. В. Творогов выявляет также более близкие лексические параллели к образу «сокола в мытех», чем известные ранее, как, например: «Коли был сокол трех мытей, и он того гнезда не даваша своего в обиду». На основании своих изысканий исследователь делает предположение о том, что «устойчивое употребление образа сокола трех мытей в списках „Повести об Акире Премудром“ наталкивает на мысль: не явилось ли доставившее столько хлопот комментаторам выражение *въ мытехъ* результатом искажения слов „г҃ мытей“ (где г҃ — обозначение цифры 3), которое могло читаться в первоначальном тексте „Слова о полку Игореве“»[25]? С палеографической точки зрения такая правка весьма проблематична, так как требуется слишком много условий, чтобы форма «г҃ мытей» превратилась в «въ мытехъ». Изменение текста в этом случае не ограничивалось бы утратой титла над «г», требовалось бы также, чтобы «г» и «в» не различались в написании. И наконец, даже тогда отсутствие «ъ» при «г»/«в» должно было бы указывать переписчику скорее на цифру (с потерей титла), чем на предлог. Уместно отметить, что в исследованных О. В. Твороговым списках «Повести об Акире»

---

21 *Зимин А. А.* Указ. соч. С. 145.
22 См.: *Перетц В.* Слово о полку Ігоревім: Пам'ятка феодальної України — Руси XII в. Київ, 1926. С. 270.
23 См.: *Зимин А. А.* Указ. соч. С. 145.
24 *Творогов О. В.* «Сокол трех мытей» в «Повести об Акире Премудром» // Вопросы теории и истории языка: Сб. ст. памяти Б. А. Ларина. Л., 1969. С. 112.
25 Там же. С. 114.

при всех разночтениях и ошибках нигде не встречается искажение числа «г» [26].

Кроме того, в статье не ставится вопрос о том, как предложенное изменение текста отражается на образности рассматриваемого фрагмента «Слова». В комментарии к «Слову о полку Игореве» О. В. Творогов пишет следующее: «*Коли соколъ въ мытехъ . . .* — Имеется в виду не период линьки (когда сокол «мытится»), а сокол в зрелом возрасте» [27]. Возникает излишняя констатация возраста птицы, не характерная для «Слова», в то время как в «Повести об Акире», по наблюдениям О. В. Творогова, образ сокола трех мытей, употребленный несколько раз, «полюбился переписчикам повести» [28]. Во всех сценах с соколами в «Слове» нет специальных указаний на возраст птицы: «далече зайде соколъ птиць бья къ морю», «и полетѣ соколомъ подъ мьглами, избивая гуси и лебеди». Лишь в одном случае автор «Слова» говорит о «сокольце» — князе-юноше. Следует отметить, что, повторяя предположение в своей книге, исследователь снабжает его оговорками: «Можно высказать догадку, что и в „Слове“ первоначально говорилось о трижды линявшем (взрослом) соколе («г҃ мытей»); буква „г“ в Древней Руси обозначала число три; впоследствии текст был переосмыслен, цифра-буква „г“ заменена предлогом „в“. Но это, повторяю, всего лишь догадка» [29].

Статья Р. О. Якобсона, поводом для которой послужило также замечание А. А. Зимина о «соколе в мытех», содержит ценные наблюдения над языком «Слова о полку Игореве» и «Задонщины», подтверждающие первичность текста «Слова». Что же касается проблемы, обозначенной в заглавии статьи, Р. О. Якобсон не выдвигает собственного толкования образа «сокола в мытех», а полностью солидаризируется с А. А. Потебней, который, по его мнению, «с бесспорной очевидностью показал», что «сокол в мытех — в летах, старый». Р. О. Якобсон, с одной стороны, поддерживает мнение В. П. Петруся о невозможности «приурочить образ мощи и силы к периоду временной слабости боевой птицы, ко времени, когда она „мытится“». С другой стороны, Р. О. Якобсон отрицает интерпретацию В. П. Петруся — *мыть* (линька) как *мытъ* (пошлина, дань) и считает ее не только лишенной «малейшего правдоподобия», но и «совершенно излишней», потому что она не учитывает, по мнению Р. О. Якобсона, «хронологического, календарного значения, присущего формам множественного числа *мыти, мытей, мытех*»: «термины „трех мытей“ и „в мытех“ относятся друг к другу совершенно так же, как термины „стольких-то лет“ и

---

[26] Данное обстоятельство отмечено в работе: *Дмитриев Л. А.* Два замечания к тексту «Слова о полку Игореве» // ТОДРЛ. Л., 1976. Т. 31. С. 289. II. «Коли соколъ въ мытехъ бываетъ, высоко птицъ възбиваетъ».

[27] Памятники литературы Древней Руси: XII век. М., 1980. С. 685.

[28] *Творогов О. В.* «Сокол трех мытей». . . С. 113.

[29] *Творогов О. В.* Литература Древней Руси. М., 1981. С. 57. Примеч. 1.

„в летах“» [30]. В подтверждение этого мнения, восходящего к А. А. Потебне, использована ссылка на словарь В. И. Даля, где «в отношении сокола *мыть* служит синонимом года» [31]. Однако в словарной статье, указанной Р. О. Якобсоном, сказано буквально следующее: «*Сокол двух, трех мытей*, двух или трех лет» [32] или, как в другом месте у В. И. Даля: «. . .годы ловчих птиц считают по мытам» [33]. Таким образом, вместо синонимичности, на которой настаивает Р. О. Якобсон, здесь зафиксировано уже упоминавшееся значение *мыти* лишь в переносном смысле. Отметим также, что Р. О. Якобсон не со всей полнотой привлек данные словаря В. И. Даля, где в указанной им статье читаем: «*Ловчая птица мытится*, она в мыту», и далее: «*Мыть ж.* или *мыти* мн. более о птиц. *Сокол в мытях*, мытится, линяет, перебирается пером» [34]. Кстати, последняя цитата отвергает толкование Потебни—Якобсона.

Заслуживает внимания, что Р. О. Якобсон совершенно справедливо указывает на неразрывную связь образа «сокола в мытех» с предшествующим «настоятельным вопросом» [35] — «А чи диво ся, братие, стару помолодети?». Отвечая на него, автор «Слова», пишет Р. О. Якобсон, «прибегает к метафорической ссылке на доблесть старых, испытанных бойцов, в том числе Святослава, „грозного, великого, киевского“, прославленного перед тем „именно за могучее сокрушение вражьей силы“». Фраза о соколе, продолжает исследователь, «дополняет и объясняет: старому не диво помолодеть, и когда соколиное гнездо под угрозой, старый сокол, помолодев, разгонит налетчиков». Толковательный перевод выглядит так: «Если сокол не раз линял (т. е. если сокол в летах), он высоко взбивает (угоняет далече ввысь) птицу» [36].

Во-первых, перевод страдает неточностью, он не соответствует грамматической форме древнерусской фразы о «соколе в мытех», что в итоге ведет к искажению ее смысла. Приняв толкование А. А. Потебни «в мытех» — «в летах», Р. О. Якобсон, однако, не обратил внимания на замечание А. А. Потебни относительно того, что глагол «„бывает“ не может. . . иметь совершенного значения» [37], иначе говоря, его нельзя адекватно передать глаголом со значением действия, происшедшего в прошлом: «линял». Форма «бывает» использована в «Слове» в качестве глагола-связки в составном именном сказуемом, обозначающем состояние. Предлог «в» в сочетании с существительным «мытех» также указывает на состояние. Таким

---

[30] *Якобсон Р. О.* Сокол в мытех // Јужнословенски филолог. Београд, 1973. Кн. 30. Св. 1—2. С. 127, 128.
[31] Там же. С. 127.
[32] *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. СПб.; М., 1881. Т. II. С. 366.
[33] Там же. 1882. Т. IV. С. 262.
[34] Там же. Т. II. С. 366.
[35] *Якобсон Р. О.* Сокол в мытех. С. 127.
[36] Там же. С. 127, 129, 128.
[37] *Потебня А. А.* Указ. соч. С. 104.

образом, перевод Р. О. Якобсона «если сокол не раз линял» (или иначе: не раз побывал в линьке) не соответствует древнерусскому тексту «коли соколъ въ мытехъ бываетъ» точно так же, как и его первый перевод (1948), в котором исследователь придерживался версии издания 1800 г.: «Да разве диво, братья, старому помолодеть? // Если сокол *перелинял*, он высоко взбивает // птицу: не дает гнезда своего в обиду» [38].

Изменение в переводе — грамматическое и в результате смысловое — обусловлено тем, что исследователь шел не от истолкования реального текста «Слова» и образа «сокола в мытех» к пониманию вопроса «А чи диво ся, братие, стару помолодети?», а наоборот. При этом одной из характеристик Святослава — «великий, грозный» он придал обобщающее значение и распространил ее на контекст «золотого слова», обосновав ею образ старого боевого сокола.

Одним из положений статьи Р. О. Якобсона является то, что он подхватил и утвердил среди части исследователей мысль А. А. Зимина о прямой связи текстов «Слова» и «Повести об Акире», но в отличие от А. А. Зимина установил между этими произведениями обратную последовательность: «Фраза о зрелом, матером соколе явно перешла в „Повесть об Акире" из „Слова"» [39].

Безуспешные попытки объяснить несоответствие грамматической формы фразы о соколе устоявшимся толкованием образа (сокол в линьке / линьках — могущественный князь-воин) вызывают скептическое отношение к реальному тексту: «Вероятно, следовало усомниться в правильности передачи оригинала переписчиком». Предлагающаяся правка текста опирается лишь на представление о том, что «в метафоре участвовать должен был образ многократно перелинявшего сокола» [40]. В итоге подобных рассуждений О. Сулейменов пишет: «Мне кажется, что в протографе „Слова" исследуемое место было писано так: „Коли соколъ в҃ мытей бываетъ, высоко птицъ възбиваетъ, не дастъ гнезда своего въ обиду"». По его мнению, автор «Слова» «применил при передаче числительного „*трех*" глаголическое правило (аз — 1, буки — 2, веди — 3). Переписчик или не заметил титло, или рукопись дошла до него уже без оного. Цифра превращается в букву, и он получает право подчинить „в мытей" возникшей новой грамматической ситуации и исправить на „въ мытехъ", добавив к букве „веди" недостающий ей твердый знак». Данное построение, во-первых, не оригинально, оно в принципе повторяет высказанное ранее мнение О. В. Творогова (см.

---

[38] *Якобсон Р. О.* Изучение «Слова о полку Игореве» в США // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 14. С. 119.

[39] *Якобсон Р. О.* Сокол в мытех. С. 129. В настоящее время точку зрения Р. О. Якобсона по этому вопросу разделяет О. В. Творогов: «. . .в поздней редакции „Повести об Акире", отразившей этот образ „Слова", говорится о соколе „трех мытей" — то есть в расцвете сил» (Памятники литературы Древней Руси. С. 685).

[40] *Сулейменов О.* Указ. соч. С. 41.

выше). Во-вторых, в рассуждениях о приемах обозначения счета О. Сулейменов опирается на сомнительную посылку: «Вероятно, глаголический принцип более удобный, „пальцевый“, находил применение и в кирилловском письме»[41]. Приписывать автору «Слова» некий глаголический принцип обозначения числительных нет оснований хотя бы потому, что в других местах текста «Слова» числительные передаются в кириллической системе счета, например, «хотятъ прикрыти д҃ (четыре) солнца», и что особенно важно для нашего случая: «Темно бо бѣ въ г҃ (третий) день (курсив наш. — *М. Р.*, *Л. С.*)». Следовательно, написание «в мытеі» — в смысле «трех мытей» — исключается, если, конечно, не предполагать в данном случае ошибку автора «Слова», к чему нет никаких оснований.

Определенный итог обсуждению проблемы подводит Л. А. Дмитриев. Специально исследователь рассматривает точки зрения Р. О. Якобсона и О. В. Творогова. Трактовка Р. О. Якобсона «в мытех» как обозначение «в летах» подвергается сомнению, так как в таком случае «для того чтобы согласовать фразу о соколе с предшествующей ей, выражение это приходится толковать расширительно, видеть за ним определенный подтекст. Т. е. фраза о соколе во всем контексте данного отрывка заключает в себе мысль о том, что и немолодой человек, подобно соколу, побывавшему „в мытех“, может обновиться, стать сильным и грозным». Кроме того, замечает Л. А. Дмитриев, «едва ли можно этот оборот („в мытех“. — *М. Р.*, *Л. С.*) полностью отождествлять с определением „стольких-то лет“». Высказанное же «О. В. Твороговым предположение, что и в „Слове“ шла речь о соколе „трех мытей“, как мне представляется, — пишет Л. А. Дмитриев, — вполне заслуживает внимания». Исследователь разделяет мнение о взаимной зависимости фрагментов о соколе «трех мытей» «Повести об Акире» и соколе «в мытех» «Слова». Основной вывод следующий: «. . .за фразой о „перемытившемся“, перелинявшем, соколе, по-видимому, стояло не биологическое явление (определенный возраст птицы), а средневековое представление об особой храбрости и отваге, о возрождении молодой силы сокола, который прошел „три мыти“»[42]. В интерпретации Л. А. Дмитриева делается попытка сочетать два положения: первое — опирающийся на реальный текст «Слова» традиционный взгляд на «сокола в мытех» как на сокола перелинявшего; второе — предположение О. В. Творогова о том, что первоначально в тексте «Слова» присутствовало упоминание о соколе «трех мытей». В поисках метафорического смысла последнего образа Л. А. Дмитриев сосредоточил внимание на выявлении символического значения числа «три», которое, по мнению исследователя, должно восприниматься не как показатель возраста птицы, а как символическое выражение возвращения к соколу молодости

[41] Там же. С. 42, 43, 44.
[42] *Дмитриев Л. А.* Указ. соч. С. 289—290.

и силы. Предполагаемое понимание возникает под влиянием рассказа «Физиолога» о старом орле, который обновляется, трижды погрузившись в источник чистой воды [43].

Данная интерпретация, стремящаяся к толкованию, учитывающему разные аспекты образа, однако, уязвима. Главное возражение состоит в том, что образ сокола «трех мытей» в «Повести об Акире» не содержит в себе идеи возрождения. Встречающийся также в хорватском эпосе и сербохорватской литературе XV—XVII вв. образ «сокола-митаря» и «сокола-троемитаря» или «тричмитара» служил «олицетворением красоты, силы и отваги» (Ф. Я. Прийма) [44]. Само же сопоставление сокола трех мытей (трехлетнего, трижды линявшего) с орлом не вполне правомочно, так как линька — естественный (природный) вполне реальный процесс, а троекратное купание орла — легендарная условность. Идея обновления явно привнесена в образ сокола трех мытей для установления семантического параллелизма: помолодевший князь-старик — обновившийся сокол. Однако несостоятельность такового очевидна: трехлетний сокол (отнюдь не старый сокол) — поэтический образ расцвета сил, применение его по отношению к старому князю неуместно. Кстати, у орнитологов давно замечено, что «относительно медленно развивающихся хищных и болотных птиц говорится и об годовалых, двух-, трех- и четырехгодовалых птицах в противоположность к старым» (А. Брем) [45]. Не в этих ли реальных наблюдениях следует искать истоки образа возникновения сокола трех мытей?

Попытки ученых понять образ «сокола в мытех», исходя из реального текста «Слова», не привели к решению проблемы. Принципиальный недостаток предлагавшихся трактовок в том, что они, хотя и учитывают соотнесенность вопроса («А чи диво ся . . .») с ответом, не приводят, однако, к установлению того метафорического содержания, которым наполнен параллелизм *князь — сокол*. Текст «Слова», получавшийся в результате правок и переосмыслений, не заключал в себе метафоры. В поисках ее авторы были вынуждены выйти не только за рамки «золотого слова», но и за пределы «Слова» вообще.

Вот какой получается дословный перевод текста, учитывающий толкование-правку Потебни—Якобсона: «А удивительно ли, братья, старому помолодеть? Когда сокол в летах бывает, высоко птиц взбивает, не даст гнезда своего в обиду». Согласно интерпретации О. В. Творогова и Л. А. Дмитриева: «А удивительно ли, братья, старому помолодеть? Когда сокол трех мытей (трех лет) бывает, высоко птиц взбивает, не даст гнезда своего в обиду». В обоих случаях метафорическая связь между вопросом и ответом

---

[43] См.: Там же. С. 289.

[44] Цит. по кн.: Словарь-справочник «Слова о полку Игореве» / Сост. В. Л. Виноградова. Л., 1984. Вып. 6: Т—Я и доп. С. 228.

[45] Цит. по кн.: Охотничий словарь, составленный С. И. Романовым. М., 1876. Вып. I. С. 195.

отсутствует. В первом примере утверждается, что старый сокол силен, и тогда неясно пожелание, содержащееся в вопросе, — помолодеть; во втором описан сокол в расцвете сил — как это соотносится с упоминанием о старике? Вопрос функционально не оправдан, и смысл его остается неясным.

В итоге можно констатировать: связь полученных текстов с созданными на их основе интерпретациями столь неочевидна, что предложенные трактовки нельзя признать удачными. На их фоне версия первого издания имеет некоторые преимущества и выглядит предпочтительнее. В ней присутствует очевидный метафорический параллелизм: *помолодевший князь — перелинявший сокол*. Но достигается он, как уже сказано, путем скрытой, никак не объясненной конъектуры, т. е. текст памятника не изменяется, однако в переводе фактически имеется в виду правка текста: глагол передается в ином грамматическом времени. Таким образом, перед нами не оправданная реальным текстом «Слова» метафора. Опорой ей служит не собственно ближайший контекст «золотого слова», а извлеченные из других мест произведения определения Святослава как «великого, грозного». В результате на вопрос «А чи диво ся, братие, стару помолодити?» уже изначально предполагался положительный ответ: старому князю помолодеть нетрудно, потому что он могущественный правитель. Для выражения этого представления сокол в линьке был преобразован в перелинявшего сокола.

Имеются данные, позволяющие проследить пути возникновения последнего образа. Интересную попытку анализа их предложил Л. А. Дмитриев: «В переводах „Слова“, предшествовавших переводу первого издания, словосочетание „въ мытехъ“ было переведено „на охоте“: „Когда сокола на охоте спускают . . .“ В бумагах А. Ф. Малиновского оно оставлено без перевода, лишь изменена грамматическая форма: „Когда сокол в мыту бывает . . .“ В первом издании дан такой перевод: „Когда сокол перелиняет . . .“ Три этапа перевода отражают поиски значения непонятного слова: сначала домысел в рамках контекста, затем сознание, что домысел неверен, но так как значение слова не найдено, оно оставлено без перевода, и, наконец, определение значения слова „мыть“ как „линька птицы“. Толкование оказалось верным: такое значение слова „мыть“ подтверждалось языковыми параллелями и соответствовало смыслу фразы в природоведческом плане — перелинявший, возмужавший сокол более отважен»[46]. Представляется возможным не только дополнить, но и пересмотреть некоторые из выдвинутых положений. Вряд ли можно считать, что анонимный перевод конца XVIII в. является лишь «домыслом в рамках контекста». Несомненно, автор его искал значение термина «в мытех». Следует уточнить: фразе «коли соколъ въ *мытехъ бываетъ*» соответствует перевод: «Когда сокола *на охоте спускают* . . .» (курсив наш. — *М. Р.*, *Л. С.*). Очевидно, известное переводчику значение

---

[46] *Дмитриев Л. А.* Указ. соч. С. 287—288.

в мытех — в линьке не удовлетворяло его, он углубился в терминологию соколиной охоты и проделал, по-видимому, тот же путь, что впоследствии и В. И. Даль. В его словаре читаем: «стар. помыкальщик, соколятник, напускающий ловчую птицу, натравливающий ее. . . Здесь будто смешивается *мык* и *мыт*, и уже в Сл. о Пл. Иг. для нас речь: *когда соколъ въ мытехъ бываетъ* двусмысленна: когда он мытится или когда напускается? В первом случае он не гоняет, болея, а второе значение, очевидно верное, осталось лишь в производных» [47]. Серьезным подтверждением предположения об одинаковом ходе рассуждений автора анонимного перевода и В. И. Даля служат данные Словаря Академии Российской, где в статьях «Помыкиваю и помыкаю», «Помытчик» зафиксированы значения: «В соколиной охоте: *пуская* какую-нибудь ловчую птицу на других птиц, приучают чрез то к ловлению»; помытчиком же «в соколиной охоте называется тот, кто *пускает* кречетов, соколов и проч. других птиц, приучает к ловлению» [48].

Осмысление «в мытех» как «на охоте спускают» не соответствовало тексту «Слова», где окончание фразы «не даст гнезда своего в обиду» не имеет никакого отношения к описанию охоты. А. Ф. Малиновский предпочел сохранить выражение «в мытех», но употребил его в форме, более распространенной в его время, — «в мыту». Само изменение грамматической формы («в мытех» / «в мыту») свидетельствует о том, что А. Ф. Малиновскому было известно значение «мыть / мыт — линька» [49]. Поэтому в данном случае нельзя согласиться с мнением, что «значение слова не найдено». Важно отметить, что форма «в мыту» продолжала сохраняться и в XIX в. Именно в таком виде она зафиксирована словарем В. И. Даля: «*Сокол в мыту, мытится, линяет*» [50]. Таким образом, правку А. Ф. Малиновского можно считать определенным прояснением места по сравнению с анонимным переводом XVIII в.

Окончательно принятая первыми издателями форма «когда сокол перелиняет» является главным образом толкованием по контексту и переводом, не считающимся с грамматической формой сказуемого «въ мытехъ бываетъ». Эквивалентом ей служит глагол «мытится». Слова же «перелиняет», «перелинявший»/«перемытившийся» находятся в одном смысловом ряду с глаголом «перемытиться».

---

[47] *Даль В.* Указ. соч. 1882. Т. III. С. 277.

[48] Словарь Академии Российской, производным путем расположенный. СПб., 1793. Ч. IV. Стб. 358—359. Далее: $САР_1$.

[49] «Мытъ» как болезнь животных упоминается уже в $САР_1$. СПб., 1793. Ч. IV. Стб. 356. Во втором издании дано также следующее определение: «мыть, ти, с. ж. 4 скл. Говоря о соколах и ястребах, означает время, когда они роняют из себя перья» (Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный. СПб., 1814. Ч. III. Стб. 921). Далее: $САР_2$.

[50] *Даль В.* Указ. соч. Т. II. С. 366. Подобная терминология продолжала существовать и позднее. В поэме В. Хлебникова «Хаджи-Тархан» (1913): «Высокий и синий, боками крутой, // Приют соколиного мыта! // Стоит он, синея травой, // Над прадедов славой курган» (Русская историческая поэма конца XVIII—начала XX века. М., 1984. С. 325).

Для лучшего уяснения значения термина *мыть* необходимо обратиться к терминологии, посвященной охоте с соколами. Эта терминология была весьма обширна и хорошо разработана, содержала массу тонкостей и нюансов. Особый интерес в настоящей статье представляют те термины, которые образованы с корнем «мыт». К ним прежде всего относятся размыт (размыть, розмыть) и дикомыт (дикомыть). Оба они уже встречаются в древнейшем русском уставе соколиной охоты XVII в.[51] В издании «Урядника» царя Алексея Михайловича *дикомыт* комментируется следующим образом: «С птицею дикомытом, т. е. такою, которая успела перемытиться на воле, гораздо труднее охотиться [52], нежели со слетком (пойманною вскоре после того, как она слетела с гнезда) как с гнездарем (взятою с гнезда)» [53]. Прекрасно описана охота с соколом-дикомытом в одном из писем Алексея Михайловича [54].

Сам термин «дикомыт», а также повадки охотничьих соколов, зависимость их качеств от перенесенных в неволе мытей/линек были хорошо известны современникам первых издателей «Слова». В Словаре Академии Российской мы читаем: «Дикомыть. В соколиной охоте так называются ловчие птицы, которые пойманы старыя и имели у себя на дичи детей. *Из всех ловчих птиц бывают лучшие к добыче проворные дикомыти*» [55]. В «Книге для охотников до звериной и птичей ловли» отмечалось, что «перелинявшую птицу называют мытчей сокол. . . и по числу линяний означают их возраст, например, сокол двух мытей, трех мытей. Перелинявшие ловчие птицы бывают уже не таковы легки, как молодые, еще не мытившиеся, особливо же соколы, чем старее, тем больше ленивыми становятся. Между тем они соделываются сильнее и хитрее в ловле. Старые соколы хороши бывают в ловле уток. . .» [56].

Термины, употребляемые для обозначения ловчих соколов, оставаясь традиционными, не претерпели изменения и доныне. Так «дикомытом» называется «птица, пойманная в возрасте нескольких лет», а «ловчая птица, пойманная во вторую осень своей

---

[51] См.: Книга глаголемая Урядник: Новое уложение и устроение чина сокольничья пути // Собрание писем царя Алексея Михайловича / Изд. П. Бартенев. М., 1856. С. 116, 117.

[52] В данном случае, очевидно, имеется в виду трудность приучения птицы к охоте в неволе: «. . .вынашивание размытов и дикомытов безусловно трудней, чем дрессировка первогодков-слетков» (*Дементьев Г. П.* Сокола-кречеты. С. 170).

[53] Собрание писем царя Алексея Михайловича. С. 71.

[54] «. . . да отпустили сокола Семена Ширяева дикомыт: так безмерно таково хорошо летел, так погнал, да осадил в одном конце два гнезда шилохвостей, да полтретья гнезда чирят, так другореть погнал, так понеслось одно утя шилохвость, и милостию божиею и твоими молитвами и счастием как ее мякнет по шее, так она десятью перекинулась да ушла пеша в воду опять; так хотели по ней стрелять, почаяли што худо заразил, а он ее так заразил, што кишки вон; так она поплавала немношко да побежала на берег, а сокол-от сел на ней» (Там же. С. 70—71).

[55] $САР_1$. СПб., 1790. Ч. II. Стб. 671.

[56] *Левшин В. А.* Книга для охотников до звериной и птичьей ловли. М., 1813. Ч. II. С. 247. Разд. «Каким образом содержать ловчих птиц линяющих».

жизни после первой линьки, следовательно надевшая свой второй наряд, называется „розмытом"» [57]. Основная информация, содержащаяся в этих терминах и необходимая для охотника-сокольтника, дается в следующем определении: «„Размыты" и „дикомыты", т. е. перелинявшие («перемытившиеся» — от старинного слова «мыть») один или несколько раз на воле» [58]. В связи с этими терминами, а также встречающимся у В. И. Даля — «*перемыт*, годовалый» [59] — обратим внимание на то, что сам по себе корень «мыт» в этих словах не несет никакого хронологического оттенка. Следует подчеркнуть, что птицы одного возраста могут иметь разное название в зависимости от того, в каких условиях они линяли/мытились. Так, в отличие от годовалого «размыта», линявшего на воле, «слеток или гнездарь, перезимовавший и перелинявший в неволе, называется „переседом" или „старым"». Для охотника главным в определении охотничьих качеств птицы, способов ее дрессировки было узнать, где и сколько раз она мытилась и мытилась ли вообще. У специалистов «птицы, пойманные в следующем за вылетом из гнезда году, но еще не линявшие, называются „молодиками" (пойманных весной молодиков зовут „вишняками")», в отличие от «слетков», пойманных «в период с конца лета (август) до поздней осени» [60].

В «Росписи государевым охотникам, кому которых птиц указано держать» Алексея Михайловича мы не найдем никаких указаний на возраст птиц, но практически у каждой из них указано ее состояние на момент поимки (дикомыт, молодик, «весняк», розмыть). Единственное указание на возраст — «Любишке розмыть старый Беляй. . .» [61], очевидно свидетельствующее о том, что первоначальная характеристика (розмыть) укреплялась за птицей навсегда.

Все приведенные примеры говорят о том, какое важное, можно сказать, основное значение имела для охотников мыть (линька) соколов, поэтому существовало такое разнообразие терминов или прямо с ней связанных, или данных с учетом этого явления в жизни птиц. Существительные мыть, линька — равноправные синонимы, обозначающие определенное состояние. Разница их лишь в том, что издревле традиционно «мыть»/«мыт» применяется по отношению к ловчим птицам, «линька» — ко всем остальным.

Итак, сокол «в мытех», несомненно, сокол в линьке (линьках). Иного прочтения здесь быть не может. Фразу из текста «Слова» «Коли соколъ въ мытехъ бываетъ» следует переводить: «Когда сокол в линьке (линьках) бывает». Именно данное значение лежит в основе созданной автором символической картины. Понять ее главный компонент — художественный образ «сокола в линьке

---

[57] *Дементьев Г. П.* Охота с ловчими птицами. М., 1935. С. 7, 8.
[58] *Дементьев Г. П.* Сокола-кречеты. С. 166.
[59] *Даль В.* Указ. соч. Т. II. С. 262.
[60] *Дементьев Г. П.* Охота с ловчими птицами. С. 7, 8.
[61] Собрание писем царя Алексея Михайловича. С. 116, 117.

(линьках)», а не исключать его из своих рассуждений — задача исследователей.

Рассматриваемый нами фрагмент «золотого слова» открывается риторическим вопросом: «А чи диво ся, братие, стару помолодити?» По самой своей форме он предполагает возможность двух взаимоисключающих ответов: старику можно помолодеть или старику нельзя помолодеть. Какой из них автор «Слова» имел в виду? Вся предшествующая традиция перевода, за редчайшим исключением [62], придерживалась только одной версии — старику помолодеть возможно. Но такой ответ был бы оправдан, если бы в «Слове» имелось изображение не сокола «в мытех», а сокола, выходящего из состояния слабости и обретающего силу. Положительная версия ответа опиралась на установившееся прочтение, согласно которому получалось, что автор приписывает соколу в линьке (в мытех) противоестественное для его состояния поведение — боевитость. Данные обстоятельства вызывали недоверие к тексту фрагмента и даже к памятнику в целом (А. А. Зимин) и привели первых издателей к известной трактовке («коли сокол перелиняет»).

Бесспорно, образ сокола «в мытех» не случаен. Ему отводилась автором совершенно особая роль, отличная от той, которую выполняет в других местах произведения образ сокола — сильной птицы, символа доблестных князей-воинов. Верное прочтение и понимание фрагмента о соколе «в мытех» зависит, на наш взгляд, от правильного уяснения его поэтического синтаксиса. Следует учесть, что эпический текст — текст звучащий. «Слово» отличает стихия живой речи и связанное с ней интонационное богатство: «Слово» насыщено риторическими вопросами, восклицаниями, обращениями. Использование риторических оборотов создает, как правило, в тексте «впечатление большей близости говорящего к слушателям, большей эмоциональной насыщенности. Мы как бы видим того человека, который спрашивает, который к нам обращается. . . Тут есть какой-то элемент диалога, элемент непосредственной беседы со слушателем или с самим собой» [63].

Интересующий нас вопрос обращен к людям, которые, несомненно, были прекрасно знакомы с поведением охотничьих птиц, и им самим предоставлялась возможность ответить, отличается ли сокол в линьке боевитостью [64]: «Коли соколъ въ мытехъ бываетъ, высоко птицъ възбиваетъ? Не дастъ гнѣзда своего въ обиду?» [65]. Вполне очевидно, что эти вопросы должны были вызвать отрица-

---

[62] Здесь следует отметить оригинальную трактовку риторического вопроса А. Ф. Малиновским: «Но мудрено уже, братцы, помолодеть старому» (цит. по кн.: *Барсов Е. В.* Указ. соч. С. 495).

[63] *Томашевский Б. В.* Стилистика и стихосложение. Л., 1959. С. 286.

[64] Следует отметить, что существовала «почти всеобщая традиция соколиных охотников не охотиться с мытящимися птицами» (*Дементьев Г. П.* Охота с ловчими птицами. С. 60).

[65] Вопросительные предложения с частицей (или наречием) «коли» зафиксированы в древнерусских текстах. См.: Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 1980. Вып. 7. С. 238—239.

тельный ответ. Предлагаемая вопросительная форма фрагмента полностью снимает утверждение о противоестественности поведения сокола, описанного в нем. В иносказательной форме в тексте заключен отрицательный ответ и на первый риторический вопрос («А чи диво ся . . .»): так же как сокол в линьке не может успешно преследовать птиц, так и старик не может помолодеть. Примечательно, что именно этот смысл вытекает из трактовки И. И. Срезневским в данном фрагменте частицы «чи», которую он переводит как «разве не», тогда вопрос выглядит так: «А разве не диво, братья, старому помолодеть?» [66].

Соколиная охота — принадлежность феодального быта [67]. Символика, связанная с соколами, соколиной охотой и ее атрибутами, широко распространена в средневековых литературах Запада и Востока. Образ сокола всегда символизировал в них красоту, гордость, свободу, благородство. Типологические параллели к соколиной символике в «золотом слове» обнаруживаются в эпических произведениях других народов. Особый интерес для нас представляют описания соколов, в которых присутствует упоминание линьки, так или иначе служащей определенной характеристикой или птиц, или героев. Так, в «Песнях о Гильоме Оранжском» один из персонажей, описывая необычайные достоинства города Оранжа, советует герою послушать там «клекочущих линялых [68] соколов . . .» [69]. Перелинявший белый сокол («что оперение сменил» [70]) как образец силы и красоты фигурирует в казахском эпосе «Кобланды-батыр». Но более важным нам представляется сюжет, связанный с описанием выступления Кобланды в поход. Карлыгаш, сестра Кобланды, сравнивает его решимость выйти в поход с поведением сокола: «Белый сокол летает, когда надежны // И крылья его, и хвост» [71], т. е. когда его оперение в полном порядке, когда сокол перелинял. В «золотом слове» изображено состояние обратное только что описанному: оперение сокола слабо, он линяет, князь не может сам выйти в поход защищать свое гнездо-род, ему необходима помощь других князей.

В ткань художественных произведений органично вплетались выражения из языка сокольничих, наполнявшиеся метафорическим смыслом. Немецкий поэт XII в. Кюренбергер, современник автора «Слова», создавая свои песни, употреблял термины из знакомого и привычного ему словаря соколиной охоты. Сложные взаимо-

---

[66] *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1912. Т. III. Стб. 1516.

[67] Интересный очерк о месте соколиной охоты в культуре средних веков Запада и Востока содержится в упомянутой книге Г. П. Дементьева «Сокола-кречеты». Благодарим А. А. Кузнецова за указание на данную книгу и ценные сведения по орнитологии.

[68] «*Müez*» («La Prise d'Orange», v. 247) от *mue* — линяние (о животных); время линяния; перья, опавшие при линьке.

[69] Песни о Гильоме Оранжском. М., 1985. С. 186.

[70] Кобланды-Батыр: Казах. героич. эпос. М., 1975. С. 326.

[71] Там же. С. 251.

отношения между возлюбленными раскрывались через символику украшений охотничьего наряда сокола. Специфический оборот из профессионального языка сокольничих, означающий улет сокола от хозяина (помимо его воли), выражал в контексте песни жалобу женщины на то, что ее покинул возлюбленный [72].

Высочайшее искусство автора «Слова» проявилось в том, что он, отталкиваясь от природных явлений и реалий из жизни соколов, создавал на их основе сложные и поэтически точные символические картины. Слушатели «Слова» — князья и дружинники — знали и могли наблюдать поведение птиц именно в неволе. Как правило, соколы в неволе переносят линьку болезненнее, чем на свободе, и в частности, «кречеты линяют в неволе плохо и редко выходят из линьки со всеми новыми перьями» [73]. Вопрос: «Высоко птиц взбивает?» — точное подтверждение слабости сокола в линьке. Фраза: «Не даст гнезда своего в обиду?» — не зарисовка с натуры, а иносказательный образ. В природе инстинктом защиты гнезда обладает всякая птица, и проявляется он в любое время. Невозможность защиты гнезда является уже художественным развитием не образа сокола-птицы, а сокола-князя. «Гнездо» здесь, как и в других местах «Слова», — символ рода: «Инъгварь и Всеволодъ, и вси три Мстиславичи, не худа гнѣзда шестокрилци!», «Дремлетъ въ полѣ Ольгово хороброе гнѣздо. Далече залетело!» Князь Святослав, как старший в роде Ольговичей, призван быть защитником своего «гнезда». Итак, перед нами в «Слове» не один риторический вопрос: «А чи диво ся . . .?», а целая тирада, образованная цепочкой переплетающихся, неразрывно связанных между собой метафорическим смыслом вопросов: «А чи диво ся, братие, стару помолодити? Коли соколъ въ мытехъ бываетъ, высоко птицъ взбиваетъ? Не дастъ гнѣзда своего въ обиду?» В этой развернутой многослойной метафоре второй вопрос дает ответ на первый, и оба вместе образуют метафору: старик-князь — сокол в линьке. Эта метафора со значением слабости князя переходит в третий вопрос, который является общим выводом: князь в таком состоянии не способен защитить своего рода.

Находит ли себе подтверждение данный образ в контексте «золотого слова» Святослава? Необходимо обратить внимание на общую тональность этого «слова». Сам автор недвусмысленно указал на нее, подчеркнув, что «злато слово» «со слезами смешано». Уместно вспомнить высказанное ранее суждение о том, что «„золотое слово“ Святослава есть мужской вариант плача Ярославны» [74]. К тому же Святослав «слово» это «изронил» подобно тому, как «изронил», умирая, свою «жемчужну душу» «чрез злато ожерелье» молодой князь Изяслав. Дважды автор «Слова» использовал гла-

---

[72] *Wapnewski P.* Was ist minne. Studien zur mittelhochdeutschen Lyrik. München, 1975. S. 35.

[73] *Дементьев Г. П.* Охота с ловчими птицами. С. 60.

[74] *Соловьев А. С.* Новый итальянский перевод «Слова о полку Игореве» // ТОДРЛ. М.; Л., 1957. Т. 13. С. 650.

гол «изронити» и в обоих случаях для описания горестных событий. «Золотое слово» наполнено сетованиями и укорами князьям-родственникам: «О моя сыновчя, Игорю и Всеволоде! Рано еста начала Половецкую землю мечи цвѣлити, а себѣ славы искати»; «Се ли створисте моей сребреней сѣдинѣ? А уже не вижду власти. . . брата моего Ярослава. . .» Минорно заканчивается «золотое слово»: «Туга и тоска сыну Глѣбову!» Следовательно, возникающий из фрагмента о соколе «в мытех» образ бессилия князя не только точно соответствует общей тональности, но и способствует ее более глубокому выражению. Особый смысл поэтому приобретает примыкающая к описанию сокола «в мытех» фраза, полная горьких сетований: «Нъ се зло — княже ми непособие: наниче ся годины обратиша».

Трактовка же образа Святослава как могучего князя выпадает из контекста «золотого слова». Если князь в апогее своего могущества, то почему возникает горестное «но»? Героический образ Святослава противоречит в достаточной степени и художественной закономерности патриотического призыва автора к князьям-современникам. Великий князь киевский предстает в «золотом слове» удрученным печалями и невзгодами. Однако слабость и беспомощность не постоянные его качества, достаточно вспомнить данные также ему автором «Слова» эпитеты «великий, грозный». Святослав слаб и беспомощен только в контексте «золотого слова». Мастерство поэта проявилось в том, что для воплощения этого представления он смог найти соответствующее художественное выражение. Автор создал емкий образ сокола в линьке — это не унижающая достоинства князя характеристика его временной слабости. Как сокол, минуя линьку, обретет новые силы, так и могущество киевского князя вновь возродится, когда все князья придут к нему на помощь и встанут на защиту Русской земли. Художественная логика произведения требовала воодушевляющего призыва.

В определенном смысле сходная ситуация с использованием сходных же образов присутствует в одной из былин «Про Василья Буслаева». «Девушка-чернавушка» выручает Василия из погреба, он спешит на помощь своим товарищам, которых «мужики новогородския // Всех прибили-переранили // Булавами буйны головы пробиваны». И вот «завидели добрыя молодцы, // А ево дружина хоробрая // Молода Василья Буслаева: // *У ясных соколов крылья отросли*, // У их-та, молодцов, думушки прибыло. // Молоды Василий Буслаевич // Пришел-та *молодцам на выручки*» (курсив наш. — *М. Р., Л. С.*) [75]. Точно такой же образ в аналогичной же ситуации в песне «Михайла Скопин». Здесь на просьбу о помощи воеводы Скопина-Шуйского шведский король «честны Карлусы // Показал ему милость великую. . . Прибыла сила во Нов-город. // Из Нова-города в каменну Москву. // *У ясна сокола крылья от-*

---

[75] Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. М., 1977. С. 52—53.

росли, // У Скопина-князя думушки прибыло»[76]. Формула «крылья отросли», на наш взгляд, безусловно, соотносится с состоянием птицы после линьки, когда у сокола отрастают[77] на крыльях новые перья после линьки. Ситуация, описанная в приведенном фрагменте, — слабость (у сокола нет крыльев) — помощь — вновь обретенная сила (сокол с «отросшими» крыльями) — типологически сопоставима с образностью «золотого слова» Святослава: бессилие (сокол в линьке) и призыв о помощи, с тем чтобы вернуть былое могущество. Не только политическими и идеологическими интересами, но и художественными средствами автор «Слова» обосновал свое обращение к князьям-современникам. Минорная тональность «золотого слова» сменяется мажорной, героической. Автор призывает князей-героев выступить не только «за землю Рускую», но и «за раны Игоревы, буего Святъславлича!». Таким образом, и в призыве продолжается развитие идей о необходимости защиты рода — Ольгова гнезда. Проверка контекстом показала, что описание сокола в линьке не только точно соответствует названному состоянию птицы, но и является в «золотом слове» центральным поэтическим образом, мотивирующим закономерность следующего далее призыва.

Предложенное понимание фрагмента о соколе «въ мытехъ» позволяет снять, не прибегая ни к конъектурам, ни к переосмыслениям текста, то противоречие, над разрешением которого трудилась исследовательская мысль.

---

[76] Там же. С. 148—149. Существенно, что на песне «лежит отчетливый отпечаток эпической обработки исторической темы» (Там же. С. 446).

[77] Значение глагола «отрастать» — «расти снова на месте утраченного» (см.: Словарь современного русского литературного языка. М.; Л., 1959. Т. 8. Стб. 1564). См. также: *Срезневский И. И.* Указ. соч. СПб., 1902. Т. II. Стб. 761; САР$_1$. СПб., 1794. Ч. V. Стб. 80 («вырастаю паки, вновь»); *Даль В.* Указ. соч. Т. II. С. 750.

13 Заказ № 380

Н. М. Дылевский
(НРБ)

ПЕШЕЕ ВОЙСКО В ПОХОДЕ КНЯЗЯ ИГОРЯ

Вопрос о составе Игоревой рати в походе 1185 г. на половцев не находит в «Слове о полку Игореве» зримо выявленного выражения. Он привлекает внимание исследователей в плане вычисления времени и быстроты продвижения Игоревых полков в глубь Половецкой земли и более точного установления места их битвы с половцами. Ответ на этот вопрос затруднителен по причине отсутствия твердых фактических данных о возможном участии пеших ратников в войске Игоря. К сожалению, мы не располагаем такими данными за исключением двух: упоминания рассказа Ипатьевской летописи (1185) о «черных людях» Игорева войска [1] и двух выражений в тексте «Слова», которые будут указаны далее.

Обратимся к краткому обзору полемики сторонников наличия пеших воинов в полках Игоря с их оппонентами. Высказывания о возможности участия пехоты в походе 1185 г. имеются в работах К. В. Кудряшова, А. П. Дьяконова, Б. Д. Грекова, Д. С. Лихачева, Ф. М. Головенченко, А. В. Позднеева. Суждения об исключительно конном составе войска представлены в работах В. М. Глухова, Б. А. Рыбакова, М. Ф. Гетманеца.

Рассматривая полемическую позицию и исследовательские приемы К. В. Кудряшова, мы приходим к выводу о преобладании у него умозрительных рассуждений. В статье «„Слово о полку Игореве“ в историко-географическом освещении» [2] и книге «Про Игоря Северского, про землю Русскую» [3] К. В. Кудряшов ограничивается голословным заявлением о том, что названные в летописи «„черные люди“ были пешей ратью». Более пространно, но не менее декларативно выразил то же мнение К. В. Кудряшов и в своей статье «Еще раз к вопросу о пути Игоря в Половецкую степь» [4].

---

[1] Цитаты из рассказа Ипатьевской летописи (1185) о походе Игоря даются по кн.: *Орлов А. С.* «Слово о полку Игореве». 2-е изд., доп. М.; Л., 1946. С. 167. Далее страницы указываются в скобках в тексте.

[2] «Слово о полку Игореве»: Сб. ст. / Под ред. И. Клабуновского и В. Д. Кузьминой. М., 1947. С. 64, 72.

[3] См.: *Кудряшов К. В.* Про Игоря Северского, про землю Русскую: Ист.-геогр. очерк о походе Игоря Северского на половцев в 1185 г. М., 1959. С. 40; *Он же.* Половецкая степь: Очерки ист. географии. М., 1948.

[4] См.: *Кудряшов К. В.* Еще раз к вопросу о пути Игоря в Половецкую степь // ТОДРЛ. М; Л., 1958. Т. 14. С. 50. Далее страницы указываются в скобках в тексте.

Его рассуждения (со ссылкой на историка С. М. Соловьева и на его цифровые расчеты) движутся по линии предположений. Например, предположение о походе в столь далеком «конном рейде» сравнительно малочисленного отряда князей (без пеших ратников) он считает «невероятным» (50). Подтверждение своему мнению К. В. Кудряшов ищет и в описании боевого порядка русских войск с пехотой в центре и конницей на флангах. Именно такой порядок он склонен видеть и в расположении Игоревых полков. Однако он не обратил внимания на то, что, согласно рассказу Ипатьевской летописи, полк отборных стрельцов, выведенных из всех русских полков, был не из пеших, а из конных воинов: «На переди же, стрелци, иже бяхуть от всих князий выведени» (166). Но несколькими строками ниже, в описании погони князей Святослава Олеговича, Владимира Игоревича и Ольстина (с ковуями), за ускакавшими половцами бросились и упомянутые стрельцы (166). Только конные стрельцы почли «потьчи» (потечи — устремиться, броситься) за половецкими всадниками. Выводы К. В. Кудряшова завершаются неожиданным заключением: «Полагаем, что вопрос об участии пехоты в походе Игоря не нуждается в дальнейшем разъяснении» (52). Половинчатую позицию в отношении пешего войска Игоря занимает В. Г. Федоров. Он исходил из того, что в XI в. княжеские дружины были конными, и высказывает предположение, что пеших бойцов у Игоря было мало. В. Г. Федоров отмечает, что ни «Слово о полку Игореве», ни «История Российская» В. Татищева, ни Лаврентьевская летопись, ни Никоновская летопись, ни «История Российского государства» И. Стриттера (1800) не указывают на участие пеших воинов из числа «черных людей». Упоминание о пеших воинах является единичным и притом помещено в симпатизирующей Игорю Ипатьевской летописи, но «игнорировать его мы никоим образом не можем. Оно заставляет нас прийти к заключению, что в войсках Игоря имелись и пешие воины» [5].

Остальные сторонники точки зрения о возможности участия в походе пеших воинов ограничиваются небольшими общими заметками. Так, М. А. Дьяконов не сомневается, что смерды входили в состав ополчения [6]. Б. Д. Греков считает, что «сельчане-смерды всегда изображаются в войсках пехотинцами. На конях сражаются князья и дружинники, возможно, что и часть горожан» [7]. В «Очерках истории СССР» говорится, что в критический момент битвы 1185 г. князья сошли с коней и начали сражаться в пешем строю, чтобы в случае отступления не оставить на поле боя пешую часть войска [8]. Д. С. Лихачев также признает, что войско Игоря вклю-

---

[5] *Федоров В. Г.* Кто был автором «Слова о полку Игореве». М., 1956. С. 32.
[6] См.: Очерки общественного и государственного строя Древней Руси. 3-е изд. СПб., 1910. С. 102, 104.
[7] *Греков Б. Д.* Киевская Русь. М., 1949. С. 328.
[8] См.: Очерки истории СССР: Период феодализма. IX—XV вв. М., 1953. Т. 1. С. 161.

чало «конную княжескую дружину и пешее ополчение из крестьян» [9].

По-видимому, объективных данных больше у сторонников гипотезы об исключительно конном походе Игоря. Об этом достаточно свидетельств как в рассказе Ипатьевской летописи, так и в «Слове». В. М. Глухов, полемизируя с К. В. Кудряшовым, делает упор на значительность целей похода Игоря, на географические условия и на условия времени, убеждающие в том, что поход Игоря был конный. Он подчеркивает и возросшее в XI—XII вв. значение и роль конницы [10]. В. М. Глухов обратил внимание на летописное выражение с упоминанием «лучших конников» (очевидно, противопоставляемых худшим?), видимо связанное с упоминанием ниже в Ипатьевской летописи о «черных людях». Он же отметил конный состав Игоревых «стрельцов».

Свой опыт реконструкции рассказа Ипатьевской летописи Б. А. Рыбаков дополняет суждением, что даже и из «этого придуманного вставного куска никак не следует, что черные люди были пешими воинами — ведь им противно представлялись лучшие коньники, а, следовательно, черные люди даже в этом разделе текста рассматривались как конное войско, но худшее, уступавшее лучшим в качестве и количестве коней (у черных людей, например, могло не быть запасных коней в поводу). Поэтому никаких оговорок или поправок на наличие пехоты в войске Игоря делать не нужно» [11].

Фраза летописи, на которую ссылается Б. А. Рыбаков, представляется нам очень симптоматичной: «Ныне же поедемы черес ночь; а кто поедеть заутра по нас, то ци вси поедуть, но лучьшии коньници переберуться, а самеми как ны бог дасть». В этих словах дружины («молвяхуть бо») говорится о «лучьших коньниках» войска. Кто в таком случае были те «худшие», о которых подумали князья? Это, разумеется, не были дружнинники — они не могли быть названы «черными людьми». Вот почему напрашивается мысль, что эти «черные люди» и были «худоконными» всадниками. «Худоконными» могли быть эти «черные люди» при условии их выступления в поход на своих крестьянских конях, истощенных пахотой и другим сельским трудом.

Следует отметить, что рассказ Лаврентьевской летописи о походе Игоря упоминает о «конях» и не содержит сведений о пеших воинах.

Военные события позднейшего времени (в Галицко-Волынской Руси, XIII в.) показывают, наоборот, на очевидное преобладание в русском войске пехоты. Так, в Ипатьевской летописи упомина-

---

[9] Слово о полку Игореве. 3-е изд. М.; Л., 1953. С. 13. (Б-ка поэта. Малая сер.)

[10] См.: *Глухов В. М.* К вопросу о пути князя Игоря в Половецкую степь // ТОДРЛ. М.; Л., 1955. Т. 11. С. 24.

[11] *Рыбаков Б. А.* «Слово о полку Игореве» и его современники. М., 1971. С. 225. Ср.: С. 173, 185, 186, 187.

ется об участии «смерды многы пешьце» в походе Ростислава Перемышльского в 1245 г. против Даниила Галицкого. По словам летописца, Ростислав оказался победителем Даниила, «многи бо име пешьце бьющу же». Побежденный Даниил, однако, «собрав вои многи и пешьце и прогнаша из земле». Соотношение конных и пеших ратников в некоторых случаях могло выражаться в цифрах 1 к 10. В этом нас убеждают слова летописца: «. . .приде же Курил печатник князя Данила со треими тысящами пешець и тремя сти коньник» [12]. Нетрудно заметить, что в отличие от рассказа об Игоревом походе в той же летописи в этих отрывках выдвигается на первый план участие в битвах «пешцев», отвечавшее тогдашней боевой действительности. В таком случае по аналогии умолчание о «пешцах» в рассказе Ипатьевской летописи, по-видимому, следует расценивать также, как отражение действительности похода Игоря (отличавшегося отсутствием пехотинцев).

М. Ф. Гетманец обращает внимание на медленность движения княжеских дружинников, кони которых, по Ипатьевской летописи, «бяхуть. . . тучни велми». «Совершенно очевидно, — заключает М. Ф. Гетманец, — что, будь в составе Игоревой рати пешие воины, летописец указал бы, что именно они были причиной медленного движения» [13].

Итак, возможности обнаружения доказательств в пользу наличия пеших ратников в Игоревом походе в летописных источниках исчерпаны. Остается обратиться к воспроизведению подробностей и эпизодов похода в самом «Слове о полку Игореве».

Текст «Слова» категорически подтверждает конный характер похода. Постараемся проиллюстрировать сказанное примерами (по первому изданию «Слова», 1800 г.), сведенными в близкие тематические группы.

О «бръзых комонях» дружины упоминается в призывах Игоря и Всеволода к князьям и дружинникам (5, 7). О конных боевых действиях свидетельствуют и такие выражения, как: «С зарания в пятк потопташа поганыя плъкы Половецкыя; и рассушясь стрелами по полю, помчаша красныя девкы Половецкыя» (10); «Чръна земля под копыты, костьми была посеяна, а кровию польяна» (17—18). Полки половецкие были «потоптаны» — смяты конными русскими воинами. «Помчали» они на своих конях и половецких «красных девок».

На конный характер боевых схваток русских указывает и оружие воинов. Это «сабли изъострени» (8) скачущих воинов, «потручявшие» о шеломы Половецкыя (12), «поскепавшие» шеломы аварские (13), «гримлющие» о шеломы (17). К ним надо прибавить в данном случае мечи харалужные — «гремляющие о шеломы»

---

[12] Цит. по кн.: *Софроненко К. А.* Общественно-политический строй Галицко-Волынской Руси XI—XIII вв. М., 1955. С. 85.

[13] *Гетманец М. Ф.* Тайна реки Каялы: («Слово о полку Игореве»). Харьков, 1982. С. 22.

(13); «притрепавшие» врага (21); «цвелившие» Половецкую землю (26).

Очень впечатляюща сцена сражавшегося Всеволода и предводительствуемых им воинов на конях, как и он сам: «Яръ туре Всеволодѣ! стоиши на борони. . . гремлеши о шеломы мечи харалужными. Камо Туръ поскочяше. . . тамо лежатъ поганыя головы Половецкыя; поскепаны саблями калеными шеломы Оварьскыя от тебе Яръ Туре Всеволоде» (13).

Натянутые («напряжени») луки — также оружие конных курян, скачущих, подобно серым волкам, в поле (8).

«Приломленные» (изломанные) копья (12) могли быть рассечены саблями половцев в конном столкновении. Нанести удар саблей по шлему половецкого всадника мог только русский конник.

На предстоящие конные битвы с половцами намекает и глагол «потяти» («луцеж бы потяту, неже полонену быти», 5) в обращении Игоря к дружине в начале похода, имевшее в виду предстоящую опасность быть изрубленными половцами, а не вообще быть убитыми.

Ознакомление с повествовательной канвой «Слова» будто бы показывает, что в нем нет ни одного намека на возможное участие в походе «пещцев». Однако при более внимательном рассмотрении оказывается не совсем так. Постараемся дать ответ на этот ускользнувший из поля зрения исследователей вопрос.

Начнем с менее доказательного момента, имея в перспективе наличие и двух других, более убедительных. В сцене приближения Игоря и его «воев» к Дону говорится о лисицах, брешущих на «чръленыя щиты» русских воинов (10).

Какие же это щиты и каких воинов? Исторические иллюстративные источники дают точное представление о щитах русских воинов (конных и пеших) современной «Слову» и предшествовавших эпох. Древнерусские миниатюры Кенингсбергской, или Радзивиловской, прежде всего, и других лицевых рукописей изображают с «червлеными» длинными миндалевидными щитами только пеших русских воинов. Что касается конников, то они были снабжены преимущественно круглыми (или трапециевидными и т. п.) щитами, закрывавшими лишь их туловище, удобными для действий на коне. Кроме того, их щиты никогда не были поголовно красными — «червлеными», преобладавший цвет щитов был желтый, имитировавший в миниатюрах цвет металла, из которого они были сделаны, и некоторые другие цвета. В походе они закидывались на ремне за левое плечо всадника или висели у его левого бедра [14].

---

[14] Круглые щиты конных воинов (спешенных и на коне) можно видеть и на древнерусских иконах. Так, с круглым щитом за левым плечом изображен Георгий Победоносец (в рост) на иконе 30—40-х годов XII в., на иконе первой половины XV в. (на коне), на иконе покровителя воинов (в рост) Феодора Стратилата конца XV в. См.: *Лазарев В. Н.* Новгородская иконопись. М., 1969. С. 7, 8, 30, 39.

Из работ русских историков военного искусства и знатоков древнерусской миниатюры известно, что русские пешие воины были вооружены оборонительным оружием — длинными, до самых ступней миндалевидными щитами, обтянутыми кожей «червленого» цвета [15]. С такими щитами изображены древнерусские воины на смотру их князем Даниилом Галицким в Ипатьевской летописи, где они сравниваются по своей яркости с зарей: «Щите же их яко зоря бе» (1251) [16]. Такие же щиты «пешцев» видим и на миниатюрах лицевых древнерусских летописей и на иконах.

Еще византиец Псевдо-Маврикий, знаток военного дела (VI—VII вв.), в своем «Стратегиконе» сообщал о больших и неудобных для ношения щитах славянских воинов. Византийский хронист Лев Диакон в своей «Истории» (959—976) — сочинении о византийско-болгарской войне (ок. 971) — говорить о щитах русских воинов Святослава (пеших) — крепких и для большей безопасности длинных до самых ног, что он считал неудобством [17]. Правда, источник этот отдален от похода Игоря двумя столетиями. Но при медленности развития тогдашнего военного дела можем допустить неизменность этого защитного оружия и в дни Игоря.

Иллюстративный материал, ценный своей документальностью, дают цветные миниатюры Кенингсбергской (или Радзивиловской) летописи, содержащей в одном из своих разделов (1185—1200) восемь миниатюр, посвященных походу Игоря в 1185 г.[18]. К сожалению, в работах А. В. Арциховского, посвященных лицевым летописям, не разграничены четко щиты пеших и конных воинов. К этому следует присовокупить, что (по его наблюдениям) древнерусские иллюстраторы вообще игнорировали пехоту, бывшую в удельной Руси вспомогательным крестьянским ополчением. Пеших битв в миниатюрах древнейшего времени нет вовсе (не считая изображения народных восстаний) [19].

---

[15] О щитах древнерусских воинов, по данным византийского хрониста Льва Диакона (X в.), см.: *Оленин А. Н.* Опыт об одежде, оружии, нравах, обычаях и степени просвещения славян. СПб., 1832. С. 47—49. Упоминание о крепких и длинных щитах русских воинов-«пешцев» Святослава I у Льва Диакона — вызвало у А. Н. Оленина ассоциацию с «червлеными» щитами Игоревых воинов: «Русичи великая поля чрьвлеными щиты перегородиша. . .» (*Оленин А. Н.* Указ. соч. С. 10), представлявшимися ему такими же крепкими и длинными, как и у Святославовых пехотинцев, какими он представлял себе и ратников Игоря (С. 48—70). О различных видах древнерусских щитов красного, реже желтого, еще реже других цветов см.: *Сизов В. И.* Миниатюры Кенигсбергской летописи: (Археолог. этюд) // ИОРЯС АН. 1905. Т. X. Кн. I. С. 40 и след.; *Рабинович М. Г.* Из истории русского оружия IX—XV вв. // Тр. Ин-та этнографии. М.; Л., 1947. Т. 1. Н. С. С. 68.

[16] *Лихачев Д. С.* «Слово о полку Игореве». М.; Л., 1950. С. 398.

[17] См.: *Греков Б. Д.* Указ. соч. С. 315, 327.

[18] См.: *Рыбаков Б. А.* Указ. соч. С. 14—17.

[19] См.: *Арциховский А. Е.* Миниатюры Кенигсбергской летописи // Известия Гос. акад. истории материальной культуры. 1932. Т. 14. Вып. 2. С. 1—40; *Он же.* Древнерусские миниатюры как исторический источник. М., 1944. С. 36—37.

Итак, мы имеем достаточные основания утверждать о вооружении пеших ратей конца XII в. высокими миндалевидными щитами «червленого» цвета.

Высказаться в категоричной форме о принадлежности таких щитов, видимо вызвавших своей красной окраской лай лисиц, было бы трудно из-за отсутствия данных. Но их подчеркнутый красный цвет позволяет думать, что это были щиты пешего войска, двигавшегося плотными рядами.

В изображении данной походной сцены, однако, чувствуется некоторая неувязка. По сказанному автором «Слова» трудно судить о позе пеших воинов (если это в действительности были они) со щитами. Автор образно представлял их, вероятно, в положении, близком к боевой готовности. Он представлял их себе с длинными остроконечными щитами с левой стороны туловища, образовывавшими далеко видимый красный цветовой фон, и с длинными копьями в руке. При другом положении, со щитами, закинутыми за левое плечо, как это делалось на походе, они вряд ли вызвали бы такую реакцию у лисиц, глядевших на них с фронта, а не с тыла. Автором «Слова» был предпочтен первый вариант, более эффективный и при этом, возможно, более отвечавший обстановке вступления полков в Половецкую степь.

Расцениваемый как доказательство цитированный фрагмент не может получить квалификацию неоспоримого аргумента в пользу наличия «пешцев». Мы предварили им в качестве вводного два выражения «Слова», более важные в данном плане.

Эти два выражения: «Русичи великая поля чрълеными щиты прегородиша, ищучи себе чти, а князю славы» (10) и «Дети бесови кликом поля прегородиша, а храбрии Русици преградиша чрълеными щиты» (13). Здесь мы склонны усмотреть более ощутимый намек на участие в войске Игоря пеших ратников — смердов. Перегородить сплошной стеной небольшую часть поля, занятую русскими воинами, могли только пешие ратники, защитившие своих князей и соратников длинными миндалевидными красными щитами, упертыми навершиями в землю. Этим эпизодом открывается в «Слове» первая боевая сцена. Д. С. Лихачев поясняет, что русские перегородили своими красными щитами поле не в целях предоставления отдыха Игоревой рати, а для подготовки к битве [20].

Образ (несколько гиперболический) ставших стеной русских воинов в степи Половецкой вызывает в памяти классическое для военной истории изображение пеших воинов Святослава I Игоре-

---

[20] См.: *Лихачев Д. С.* Указ. соч. С. 400. По мнению В. П. Адриановой-Перетц, щиты в этом выражении не только термин, название части вооружения, но и символ защиты, обороны. Глагол «перегородиша» (с полногласием в корне) находит употребление в «Русской Правде»: глагол «перегородити» в прямом конкретном значении — «тыном перегородить». См.: *Адрианова-Перетц В. П.* «Слово о полку Игореве» и памятники русской литературы XI—XIII веков. Л., 1968. С. 81.

вича, оставленное византийцем Львом Диаконом. По его описанию, в битве при осаде Доростола в Дунайской Болгарии (весною—летом 971 г.) «тавро-скифы, сомкнув щиты (тяжелые и длинные, по его же свидетельству. — *Н. Д.*) и копья наподобие стены, ожидали их (византийцев. — *Н. Д.*) на месте сражения» [21].

Традиционная стена из щитов, созданная русскими воинами Игоря, могла быть образована лишь теми из них, которые были снабжены длинными и крепкими островерхими щитами. А ими вооружались только пешие ратники. Д. С. Лихачев видит в этом эпизоде («щитами перегородиша») реальный факт и сопоставляет его с выражением рассказа Ипатьевской летописи (1185): «. . .не бяшеть бо лзе ни бегаючи утечи, зане яко стенами силными огорожени бяху полки половецьскими» [22].

На это место в «Слове» обратил внимание и Б. А. Ларин. Кликам «детей бесовых» русские воины противопоставили зловещее молчание и «выставили как грозную твердыню свои сомкнутые красные щиты. Какой глубоко продуманный контраст!» — заключает он [23].

Трудно было бы себе представить, что эта оборонительная стена щитов была воздвигнута спешившимися конниками Игоревых дружин, державшими в руках небольшие круглые (или трапециевидные) и не сплошь красные щиты, едва закрывавшие верхнюю часть тела.

Таково поэтическое воплощение этих двух военных эпизодов, отрицающих реальность боевых порядков пехоты.

Автор «Слова о полку Игореве» — современник и, может быть, даже участник описываемых им событий, разыгравшихся в отдаленных половецких степях. Им засвидетельствовано поразительное знакомство с обстановкой, отраженной в «Слове»: с реалиями воинского быта и его терминологией, с военным строем и боевыми порядками русского войска, с различными видами оружия и боевых доспехов. Причем всюду видна наблюдательность автора: в описании им передвижения Игорева войска, сопровождавших поход трудностей и грозящих опасностей, зловещих и изменчивых явлений природы, батальных эпизодов со всей их колоритностью.

На наш взгляд, нет ни малейших оснований видеть в отмеченных сценах поэтический вымысел, эффективное с внешней стороны воспроизведение того, чего не было в действительности.

Отсутствие фактических данных об участии в Игоревом походе пеших воинов препятствует окончательному решению этого вопроса. Современное состояние источников предоставляет некоторые преи-

---

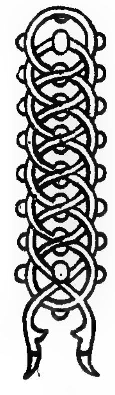
[21] «История» Льва Дьякона и другие сочинения византийских писателей / Пер. Д. Попова. СПб., 1820. С. 87.
[22] *Лихачев Д. С.* Указ. соч. С. 405.
[23] *Ларин Б. А.* Лекции по истории русского литературного языка: (X—середина XVIII в.). М., 1975. С. 164.

мущества сторонникам точки зрения об исключительно конном походе Игоревых войск. В защиту соображений противоположного порядка может быть привлечено как документальное доказательство лишь упоминание о «черных людях» в рассказе Ипатьевской летописи. Но и в этом пункте предположения склоняются в пользу того, что и «черные люди» имели коней. В резерве остается лишь предложенное нами толкование двух фрагментов в тексте «Слова». От отношения к этому толкованию в кругах специалистов будет зависеть дальнейшая судьба интересующего нас вопроса.

В. А. Захаров

ТМУТАРАКАНЬ И «СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»

«Се бо два сокола слѣтѣста съ отня стола злата поискати града Тьмутороканя». Не раз на страницах «Слова» мы встречаем упоминание Тмутаракани. Чем это объясняется? Почему автор поэтического произведения уделяет столь большое внимание этому городу?

В поле зрения летописца Тмутаракань входила чуть больше 100 лет. Впервые название этого древнерусского города встречается в Повести временных лет под 988 г., в перечне городов, которые разделил Владимир между своими сыновьями. Тмутаракань досталась Мстиславу [1], тому самому, которого Боян назвал «храбрым», о котором сообщалось в «Слове», что во время тмутараканского княжения Мстислав «зарѣза Редедю предъ пълкы Касожьскыми».

Последний раз город упоминается в летописи под 1096 г.И вот имя «Тмуторокань» появляется вновь спустя почти 100 лет, но теперь уже в «Слове». Несколько раз возвращается автор поэмы к «тмутараканской теме». Кроме вышеприведенного фрагмента, Тмутаракань фигурирует в «Слове» в следующих контекстах: «збися дивъ, кличетъ връху древа, велитъ послушати земли незнаемѣ, Влъзѣ, и Поморію, и Посулію, и Сурожу, и Корсуню, и тебѣ, Тьмутороканьскыи блъванъ»; «Тъи бо Олегъ мечемъ крамолу коваше, и стрѣлы по земли сѣяше. Ступает въ златъ стремень въ градѣ Тьмутороканѣ»; «Всеславъ князь людемъ судяше, княземъ грады рядяше, а сам въ ночь влъкомъ рыскаше изъ Кыева дорискаше до куръ Тмутороканя».

Итак, автор «Слова» неоднократно упоминает имя этого далекого города, сообщает о событиях, происходивших в нем, среди героев поэмы несколько тмутараканских князей и, как мы увидим ниже, «тмутарканская генеалогия» была хорошо знакома автору песни о походе Игоря.

Проходили века, и название города, находившегося в стороне от русских земель, забылось. Вопрос о его местоположении имеет свою давнюю историю.

Автор выражает глубокую благодарность доктору филологических наук А. Н. Робинсону за помощь и консультации при написании этой работы.

[1] См.: Повесть временных лет. М.; Л., 1950. Ч. 1. С. 83. Далее: ПВЛ.

Еще в конце 1708—начале 1709 г. ростовский митрополит Димитрий, работая над «Летописцем келейным» в письме к Феологу — монаху Чудова монастыря, спрашивал: «Что за страна варяги и где город Тмуторокань?» [2]. Но уже в 1738 г. Г. З. Байер отметил: «Тмутаракань есть самое то место, которое цесарь Константин Порфирогениста Таматаркою называет и полагает против Босфора или Керчи. Ныне называется сие место на турецких ландкартах Темрюк и лежит против крепости Тамана в северо-восточной стороне подле Меотического моря» [3].

В. Н. Татищев не согласился с этим мнением. «О княжении Тмутараканском, как в историях русских обстоятельно мест и урочищ не описано, а в давныя времена не знающие пользы исторической, имена народов и земель оставя, по новопостроенным городам пределы именовали, прежние в забвение предали, что и с сим учинилось. . .» [4] — отметил он в примечаниях к «Истории российской». Местоположение Тмутаракани В. Н. Татищев определял на реке Прони близ Рязани. Точку зрения Г. З. Байера разделили А. И. Мусин-Пушкин, Н. М. Карамзин, Н. Н. Мурзакевич, М. Н. Погодин [5]. На Черниговщине предполагал искать загадочное княжество Г. И. Спасский [6]. А. А. Спицын немало усилий приложил для того, чтобы доказать тождество Тмутаракани с Росией, упоминаемой византийскими авторами и находившейся, по его мнению, в устье Дона [7]. Отрицание существования Тмутаракани на Таманском полуострове привело к тому, что появилась большая статья В. Д. Смирнова, который старался доказать, что никакого города Тмутаракани не было, а что слово это обозначало целую страну, расположенную от Керченского пролива до реки Куры [8]. В 1924 г. В. А. Пархоменко заявил, что «Тмутаракань не следует топографически связывать с Таматархою и Таманью» [9].

В 20-е годы нынешнего столетия на Таманском полуострове

---

[2] *Шляпкин И. А.* Димитрий Ростовский и его время. СПб., 1891. С. 443,

[3] *Байер Г. З.* Краткое описание всех случаев, касающихся до Азова, от создания сего города до возвращения онаго под Российскую державу. СПб., 1738. С. 57—58.

[4] *Татищев В. Н.* История российская. М.; Л., 1963. Т. 2. С. 240.

[5] См.: *Мусин-Пушкин А. И.* Исторические исследования о местоположении древнего Российского Тмутараканского княжения. СПб., 1794; *Карамзин Н. М.* История государства Российского. СПб., 1833. Т. I. С. 106; *Мурзакевич Н. Н.* История генуэзских поселений в Крыму. Одесса, 1837. С. 40, 44; *Погодин М. Н.* Исследования, замечания и лекции о русской истории. СПб., 1846. Т. III. С. 144—146.

[6] См.: *Спасский Г.* Исследование Тмутараканского камня с русской надписью // Отеч. зап. 1844. Т. XXXVI, разд. II.

[7] См.: *Спицын А.* Тмутараканский камень // Зап. Отд. русской и славянской археологии Русского Археологического общества. Пг., 1915. Т. XI.

[8] См.: *Смирнов В.* Что такое Тмутаракань? // Византийский временник. Пг., 1923. Т. 23. С. 70—73. Далее: ВВ.

[9] *Пархоменко В. А.* Вопрос о времени существования и месте нахождения Тмутаракани: Тез. докл. // Бюл. конф. археологов СССР в Керчи. 1924. № 4. С. 4; *Он же.* К вопросу о Тмутаракани // Историк-марксист. 1939. Кн. 1. С. 195—197.

В. А. Городцовым были начаты археологические исследования [10], которые через десять лет продолжил А. А. Миллер [11]. В 50-е годы Таманское городище раскапывал Б. А. Рыбаков [12]. В последующие годы они велись И. Б. Зеест и А. К. Коровиной, сейчас ведутся совместные исследования Государственным музеем изобразительных искусств им. А. С. Пушкина и Таманским отделом Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника [13]. Вопрос о существовании и местоположении Тмутараканского княжества неразрывно связан с историей Тмутараканского камня. Вот почему нет ни одного исследования, в котором не связывались бы эти два вопроса.

Зимой 1067—1068 гг. тмутараканский князь Глеб Святославич, брат Олега Святославича, дед Игоря — героя «Слова», оставил надпись на мраморной плите с указанием расстояния между двумя населенными пунктами — Тмутараканью и Корчевом (нынешняя Керчь): «Въ лѣто 6576 ин[д] и [кта] 6 Глѣбъ князь мѣрилъ мо[ре] по леду. От[ъ] Тъмутороканя до Кърчева 10000 и 4000 саже[нь]» [14]. До недавнего времени шли споры о подлинности Тмутараканского камня, однако существование подлинного «Дела о находке камня. . .» [15], а также многочисленные исследования дореволюционных и советских ученых [16] позволили доказать подлинность этого замечательного эпиграфического памятника Древней Руси. Решена и проблема локализации Тмутаракани в районе нынешней станицы Тамань.

Отдельными вопросами истории Тмутараканского княжества занимались И. П. Козловский [17], Б. В. Лунин [18], В. В. Мавро-

---

[10] См.: *Рыбаков Б. А.* Предисловие // Керамика и стекло древней Тмутаракани. М., 1963. С. 3—4.

[11] См.: *Миллер А. А.* Таманская экспедиция ГАИМК в 1931 г.: (Крат. предвар. отчет об исслед. на Таман. городище) // Сообщения Гос. академии истории материальной культуры. 1932. № 3/4. С. 58—60.

[12] См.: Отчеты Таманской экспедиции за 1952—1953 гг. // Арх. Института археологии АН СССР. Д. 918; за 1954 г. — Д. 1051.

[13] См.: *Богословский О. В.* Работы Тмутараканской археологической экспедиции в 1983 г. // Материалы к научно-практическому семинару археологов. Краснодар, 1984. С. 5—6.

[14] *Рыбаков Б. А.* Русские датированные надписи XI—XV вв. М., 1964. С. 16.

[15] См.: *Захаров В. А.* К вопросу о подлинности Тмутараканского камня // История СССР. 1969. № 5. С. 211—213.

[16] Литература о Тмутараканском камне обширна, мы обращаем внимание на последнюю по времени работу, подведшую итог почти двухвековым спорам: *Медынцева А. А.* Тмутараканский камень. М., 1979. Некоторые недостатки книги отмечены в рецензиях В. А. Захарова и К. Попконстантинова. См.: Советская археология. 1983. № 1. С. 294—299. Далее: СА.

[17] См.: *Козловский И. П.* Тмуторокань и Таматарха — Матарха — Тамань // Изв. Таврического общества истории, археологии и этнографии. Симферополь, 1928. Т. 2. С. 58—72.

[18] См.: *Лунин Б. В.* В поисках древнего Тмутараканя // На подъеме. Ростов н/Д, 1935. № 3/4. С. 154—190; *Он же.* Следы древнего Тмутараканя // Наука и жизнь. 1935. № 3. С. 57—58; *Он же.* Подонье — Приазовье в V—XV вв. // История Дона с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. Ростов н/Д, 1965. С. 56—93.

дин[19], А. Н. Насонов[20], И. И. Ляпушкин[21], А. Л. Монгайт[22], ряд зарубежных ученых. Этимологии Тмутаракани посвящены работы Ф. Е. Корша[23], И. Г. Добродомова[24], Н. А. Баскакова[25], К. Г. Менгеса[26]. Но, к сожалению, до сих пор нет исторического очерка, посвященного Тмутараканскому княжеству, его истории в X—XII вв.

Впервые описание Тмутаракани мы находим в сочинении Константина Багрянородного «Об управлении империей». В 42-й главе он пишет: «Из Меотидского озера выходит пролив по названию Вурлик и течет к морю Понт; на проливе стоит Боспор, а против Боспора находится так называемая крепость Таматарха. Ширина этой переправы через пролив 18 миль. На середине этих 18 миль имеется крупный низменный островок по имени Атех. За Таматархой, в 18 или 20 милях, есть река по названию Укрух, разделяющая Зихию и Таматарху, а от Укруха до реки Никопсис, на которой находится крепость, одноименная реке, простирается страна Зихия. Ее протяженность 300 миль»[27].

Свидетельство Константина Багрянородного относится к середине X в., перечисленные в нем топографические названия легко локализуются следующим образом: Меотидское озеро — Азовское море, город Боспор — нынешний город Керчь, на противоположном берегу пролива находилась Таматарха — на месте нынешней станицы Тамань. Через два века на месте Тмутаракани арабский географ ал-Идриси застал город Матраху и составил его описание: «Город Матраха большой и населенный, имеет множество областей (акалим), обширные земли, благоустроенные селения, посевы,

---

[19] См.: *Мавродин В. В.* Славяно-русское население Нижнего Дона и Северного Кавказа в X—XIV вв. // Учен. зап. Ленингр. пединститута им. А. И. Герцена. Л., 1938. Т. 2. С. 231—273; *Он же.* Очерки истории Левобережной Украины с древнейших времен до второй половины XIV в. Л., 1940; *Он же.* Тмутаракань // Вопр. истории. 1980. № 11. С. 177—182. Далее: ВИ.

[20] См.: *Насонов А. Н.* Тмуторокань в истории восточной Европы X века // Ист. зап. М., 1940. Т. 6. С. 79—99.

[21] См.: *Ляпушкин И. И.* Славяно-русские поселения IX—XII ст. на Дону и Тамани по археологическим памятникам // Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л., 1941. № 6.

[22] См.: *Монгайт А. Л.* О границах Тмутараканского княжества // Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран. М., 1963. С. 54—61; *Он же.* Надпись на камне. М., 1969. См. рец. на эту работу: *Захаров В. А.* Указ. соч.; *Кузьмин А. Г,* Существует ли проблема Тмутараканского камня // СА. 1969. № 3. С. 278—283.

[23] См.: *Корш Ф. Е.* Турецкие элементы в «Слове о полку Игореве» // Изв. Отд. рус. яз. и словесности. 1903. Т. VIII. Кн. 4; 1906. Т. XI. Кн. I.

[24] См.: *Добродомов И. Г.* Тьмуторокань и Тамань // Рус. речь. 1973. № 5. С. 130—133.

[25] См.: *Баскаков Н. А.* Половецкие отблески в «Слове о полку Игореве» // Ural-Altaische Jahrbücher. Wiesbaden, 1976. Bd. 48.

[26] См.: *Менгес К. Г.* Восточные элементы в «Слове о полку Игореве». Л., 1979. С. 150—156.

[27] *Константин Багрянородный* Об управлении империей // Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. М., 1982. С. 302.

следующие непрерывно один за другим. Он находится на реке, называемой Сакир»[28].

Итак, вопрос о расположении Тмутаракани в настоящее время можно считать решенным. Попытки локализовать ее в любом другом месте, кроме района нынешней станицы Тамань, просто не состоятельны. Находка Тмутараканского камня с точным указанием расстояния между Корчевом и Тмутараканью в 14 тыс. саженей, или 18 миль, по Константину Багрянородному (что соответствует 21 199 м в современном исчислении)[29]. И, наконец, свидетельства археологов дают полную уверенность, что средневековая Тмутаракань находилась на западном берегу Боспора Киммерийского. Город возник на месте античной Гермонассы, а позднее хазарского города. Хазары, вероятно, и дали имя этому населенному пункту[30].

Тюркское название «Таман-Тархан» превратилось в византийских источниках VIII в. в «Таматарха», «Матарха», а позже в русское «Тъмуторокань», «Тьмуторокань»[31]. Первая часть названия — 'таман' — представляет собой древний тюркский титул высокого ранга, вторая часть — 'тархан' — означает человека, свободного от налогов[32]. Название города 'Тмутаракань', может иметь значение, как 'город, правитель которого свободен от налогов' или даже 'город, освобожденный от пошлин, налогов'[33]. К. Г. Менгес считает, что первая часть тюркского названия «сохранилась в названии Тамани». Вероятно, это название скрывается в древнерусском Тъму — тъмя — с носовым гласным из 'taman'[34].

---

[28] *Бейлис В. М.* Ал-Идриси (XII в.) о восточном Причерноморье и юго-восточной окраине русских земель // Древнейшие государства на территории СССР: Материалы и исследования. 1982 год. М., 1984. С. 211—212.

[29] См.: *Каменцева Е. И., Устюгов Н. В.* Русская метрология. М., 1965. С. 22.

[30] Большой интерес представляет наблюдение А. П. Новосельцева, что в источнике «многие хазарские цари упоминаются с титулом *тархан*. Иногда создается впечатление, что это имя собственное» (*Новосельцев А. П.* К вопросу об одном из древнейших титулов русского князя // История СССР 1982. № 4. С. 156).

[31] См.: *Радлов В. В.* Опыт словаря тюркских наречий. СПб., 1905, Т. III. С. 996; *Менгес К. Г.* Указ. соч. С. 151—156; *Монгайт А. Л.* О границах Тмутараканского княжества. С. 58; *Добродомов И. Г.* Указ. соч. С. 130—131.

[32] Ибн-Баттута называет tarqan 'местом (так!), где тюрки свободны от налогов'. Цит. по кн: *Менгес К. Г.* Указ. соч. С. 155.

[33] Ф. Е. Корш переводит из мужского собственного имени 'Темир' и 'тархан' т. е. 'человек, свободный от податных налогов, имеющий тарханскую грамоту от главы соответствующего государства, освобождающую от уплаты разного рода налогов', — Тъмуторокань < Temir tarxan. Цит. по кн.: Словарь-справочник «Слова о полку Игореве». / Сост. В. Л. Виноградова, Л., 1984. Вып. 6. С. 35. Далее: Словарь-справочник СОПИ.

[34] *Менгес К. Г.* Указ. соч. С. 151. К. Г. Менгес приводит замечание Р. Якобсона: «. . .как тюркское Taman, так и написание Тъмуторокань в надписи князя Глеба 1068 г. (на Тмутараканском камне. — *В. З.*) и в Лаврентьевском списке под 1024 г. поддерживают чтение Тъмутороканьскыи в «Слове», как это предполагает вариант Е. Обычно как П, так и М опускают «ъ» между согласными древней рукописи или заменяют его на «ь», где непра-

По-видимому, определенные торговые льготы, существовавшие в Таматархе-Тмутаракани, привлекли в эти места купцов. Город становится крупным торговым портом. Через Тмутаракань шел путь, связывающий Европу с Кавказом и Закавказьем, Средней Азией.

Ал-Идриси пишет: «Матраха — это вечный город, существует с древних времен, и неизвестно, кто его построил. Здесь есть виноградники и поля. Его владыки (мулук) мужественны, благоразумны и решительны. Их почитают по причине их отваги и их власти над теми, кто соседствует с ними. Это большой город со множеством жителей, с процветающими округами, в нем имеются рынки и [собираются] ярмарки, посещаемые людьми из самых дальних соседних стран и из ближайших округов» [35].

Судя по сохранившимся фундаментам зданий, можно считать, что планировка города была уличной: дома соединялись в кварталы, разделялись узкими переулками, мощенными обломками керамики и щебнем [36]. Во время раскопок 1954—1955 гг. Б. А. Рыбаковым в Тамани были открыты фундаменты тмутараканской церкви, построенной в 1023 г. Мстиславом Владимировичем в честь победы над предводителем касогов — Редедей [37]. Об этом событии повествуют не только летописи, но и «Слово».

Мы не будем подробно останавливаться на истории Тмутаракани в X—XI вв., в городе правили многие русские князья-изгои, и даже не по одному разу. Среди многочисленных исторических лиц, упоминаемых в «Слове» и непосредственно связанных с Тмутараканью, привлекает внимание фигура последнего тмутараканского князя Олега (в крещении — Михаила) Святославича — деда князя Игоря. Интерес к этому человеку проявляли и его современники, и автор «Слова» [38]. Дело в том, что Олег стал родоначальником целой династии князей, прозванных «Ольговичами», именно за Олегом закрепилось нелестное прозвище «Гориславич», данное автором «Слова». Имя Олега встречается в произведении неоднократно: «. . .были плъци Олговы, Ольга Святьславличя. Тъи бо Олегъ мечемъ крамолу коваше, и стрѣлы по земли сѣяше».

вильно читается Тьму-» (*Менгес К. Г.* Указ. соч. С. 151. Примеч. 211). Ср.: *Милов Л. В.* О «Слове о полку Игореве»: (Палеография и археография рукописи, чтение «русичи») // История СССР. 1983. № 5. С. 86—87.

[35] *Бейлис В. М.* Указ. соч. С. 211—212. Примеч. 27. Ср.: *Недков Б.* България и съседните и земли през XII век според «Географията» на Идриси. С., 1960. С. 100—101.

[36] См.: *Ляпушкин И. И.* Указ. соч.; *Плетнева С. А.* Салтово-маяцкая культура // Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981. С. 63.

[37] См.: *Рыбаков Б. А.* Мерило новгородского зодчего XIII в. // Памятники культуры: Письменность. Искусство. Археология: Ежегодник 1974 г. М., 1974. С. 209; *Значко-Яворский И. Л.* Исследование строительных растворов церкви 1023 г. в Тмутаракани // СА. 1979. № 1. С. 210—217.

[38] См.: *Робинсон А. Н.* Солнечная символика в «Слове о полку Игореве» // «Слово о полку Игореве»: Памятники литературы и искусства XI—XVII веков. М., 1978. С. 27—28.

Первое упоминание об Олеге находим у В. Н. Татищева под 1073 г., когда он получил от отца Святослава Ярославича в держание Ростовскую землю [39]. В 1077 г., воспользовавшись смертью Святослава Ярославича, его брат Всеволод захватил киевский престол. Другой брат — Изяслав Ярославич не согласился с таким решением, считая, что великокняжеский престол должен принадлежать ему по старшинству. Пока братья воевали между собой, в Чернигове восемь дней княжил Борис Вячеславович, но затем бежал в Тмутаракань. В июле Изяслав, «створиста миръ» с Всеволодом, получает Киев, а Всеволод Ярославич захватывает Чернигов.

Чтобы правильно оценить эти события, необходим небольшой исторический экскурс. Черниговский престол появился в результате борьбы двух братьев: Ярослава Мудрого Владимировича и Мстислава Владимировича Тмутараканского. После смерти Мстислава в 1036 г. Ярослав становится «единовластцем Русской земли», черниговский престол попросту ликвидируется.

Ярослав Мудрый завещал Чернигов своему сыну — Святославу Ярославичу [40], который княжил в городе с 1054 по 22 марта 1073 г., когда он вместе с Всеволодом выгнал Изяслава и занял киевский престол. Чернигов до смерти Святослава, т. е. до 27 декабря 1076 г., оставался за ним [41] и должен был перейти во владение его сына — Олега Святославича. Но этого не произошло. Всеволод Ярославич вместе со своим сыном Владимиром Мономахом нарушают завещание Ярослава Мудрого. Черниговский престол захватывает Всеволод, Олег поселяется, а скорее, его насильно поселяют у дяди. Все это делается для того, чтобы Олег был под присмотром, чтобы не дать ему возможности выступить против Всеволода.

Жить при дворе дяди было, видимо, нелегко, и неожиданно для всех на следующий год «бѣже Олегъ, сынъ Святославль, Тмутороканю от Всеволода, мѣсяца априля 10» [42]. В Тмутаракани в это время правил его брат Роман, о котором также упоминает «Слово». Боян пел песнь «красному Романови Святъславличю».

Военной силы Олег практически не имел никакой; понимая это, он входит в союз с половцами и объединенными силами, вместе с Борисом Вячеславовичем, своим двоюродным братом, идет к Чернигову. Летописец осуждающе сообщает об этом факте: «. . .приведе Олегъ и Борисъ поганыя на Русьскую землю, и поидоста на Всеволода с половци» [43]. Уже в августе 1078 г. на реке Сожице они разбивают Всеволода Ярославича и занимают Чернигов. «Олегъ же и Борисъ придоста Чернигову, мняще одолѣвше,

---

39 См.: *Татищев В. Н.* Указ. соч. Т. 2. С. 90.
40 См.: ПВЛ. Ч. 1. С. 108.
41 См.: *Греков Б. Д.* Киевская Русь. М., 1953. С. 495—496.
42 ПВЛ. Ч. 1. С. 131. Летописец не только оправдывает борьбу Олега за наследство отца, но считает его поступок справедливым. В Ипатьевской летописи под 1096 г. сообщается: «Олег же надеялся на правду свою, яко прав бе в сем».
43 ПВЛ. Ч. 1. С. 132.

а землѣ Русьскѣй много зло створше, проливше кровь хрестьяньску»[44].

Видимо, под влиянием летописных известий в современной литературе сложился отрицательный образ Олега Святославича. А. Н. Робинсон верно отмечает эту несправедливость: «Односторонне отрицательно оценивая деятельность Олега и идеализируя Мономаха, исследователи нередко ссылаются на союзы Олега (и всех Ольговичей) с половцами»[45]. Что же это за союзы?

Действительно, отношения с половцами у многих русских князей были родственными. Сам Олег Святославич был женат дважды. Его первой женой была гречанка Феофания (к ней мы еще вернемся), второй брак был заключен, вероятно, в начале 90-х годов с половчанкой, дочерью хана Осулка[46]. Все герои «Слова» — внуки этой половчанки.

В 1107 г. Владимир Мономах со своими двоюродными братьями Олегом («Гориславичем») и Давидом Святославичами отправились к половцам. Владимир женил своего сына Юрия (Долгорукого) на дочери хана Аепы (сына Осеня), Олег женил своего сына Святослава (отца Игоря) на дочери другого хана Аепы (сына Гиргеня)[47].

Нередко случалось, что Олег и Святослав Олегович в борьбе с Мономахом и его сыновьями обращались за помощью к половцам — своим шурьям и уям (дядьям по матери)[48]. К такой же помощи не раз обращался и сам Мономах. Летописец, сторонник Мономаха, осуждал Олега за приведение половцев на Русскую землю, а такие же действия Владимира Мономаха считал в порядке вещей.

Однако вернемся к событиям, происходившим в Чернигове в 1078 г. Правление Олега и Бориса было недолгим. Осенью к Чернигову подошли Изяслав, Всеволод, Владимир Мономах и Ярополк. Олег и Борис, находившиеся далеко от города, поспешили на выручку. 3 октября 1078 г. у села на Нежатиной ниве состоялась битва. Олег предлагал Борису «посливѣ с молбою къ стрыема своима». Но Борис был непреклонен: «Ты готови зри, азъ имъ противенъ всѣмъ». Летописец дважды подчеркивает хвастовство Бориса, за что тот и был сражен: «Первое убиша Бориса, сына Вячеславля, похвалившагося велми»[49]. Автор «Слова» пишет в эпическом духе: «Бориса же Вячиславлича *слава* на судъ приведе. . .».

---

[44] Там же.

[45] *Робинсон А. Н.* Солнечная символика. . . С. 27.

[46] Критический свод источников см.: *Робинсон А. Н.* Солнечная символика. . . С. 13. Примеч. 22.

[47] См.: ПВЛ. Ч. 1. С. 187. Игорь родился в 1151 г. не от этой половчанки. Его мать, новгородка, была второй женой Святослава Олеговича. См.: полное собрание русских летописей. М.; Л., 1962. Т. 2. Стб. 422. Далее: ПСРЛ.

[48] В Ипатьевской летописи под 1146 г. сообщается: «Святослав посла в Половцѣ ко уем совим, и приде их к нему в борзѣ 300». Под 1147 г.: «Святослав же пришед ста у Нериньска, и тогда придоша к нему посли ис Половець, от уев его. . .»

[49] ПВЛ. Ч. 1. С. 133.

На Нежатиной ниве пал не один Борис, но и Изяслав. Олег, поняв, что его сопротивление бесполезно, с небольшой дружиной бежал в Тмутаракань [50]. В 1079 г. Роман Святославич с дружиной и наемным половецким войском выходит из Тмутаракани на север. Против него выступил Всеволод Ярославич, который подкупил половцев. Роман отступил, но на обратном пути свои же половцы 2 августа убили его [51].

События 1079 г. в Тмутаракани довольно сложны. Когда Роман ушел с дружиной, Олега, оставшегося в городе, «емше козаре поточиша и за море Цесарюграду» [52]. Всеволод Ярославич сажает посадником в Тмутаракани киевского боярина Ратибора [53].

Историю Тмутаракани XI—XII вв. необходимо рассматривать и в аспекте связей двух крупнейших государств восточного христианского мира—Руси и Византии. В середине XI в. Херсонес, центр византийских связей с Причерноморьем и Древнерусским государством, приходит в упадок. Византийская империя, находясь в не менее трудном положении (борьба с турками-сельджуками), обратила свои взоры на богатую и многообещающую Тмутаракань [54].

Случай представился лишь в царствование Алексея I Комнина (1081—1118), но еще раньше, в 1079 г., при Никифоре III Вотаниате, между византийским двором и Всеволодом Ярославичем, по предположению Г. Г. Литаврина, существовало соглашение, по которому Олег Святославич был захвачен и сослан в Византию [55]. Два года проводит князь за морем, в ссылке. Игумен Даниил в начале XII в. слышал рассказы местных жителей, что на острове Родосе в течение двух лет и двух зим проживал русский князь Олег [56].

Тем временем в 1081 г. в Тмутаракани появляются два князя-изгоя. «Бѣжа Игоревичь Давыдъ с Володаремъ Ростиславичемъ мѣсяца мая 18 день. И придоста Тмутороканю, и яста Ратибора, и сѣдоста Тмуторокани» [57], — сообщает Повесть временных лет. Володарь — сын Ростислава Владимировича Тмутараканского, отравленного в 1066 г. котопаном Херсонеса, рассматривал Тмутаракань как свою «отчину», считал себя полноправным наследником отцовского престола.

---

[50] См.: Там же. С. 133—134.

[51] См.: Там же. С. 135.

[52] Там же. Г. Г. Литаврин считает, что термин «козаре» обозначал резидентов секреторной службы Константинополя, которые специализировались на захвате знатных лиц. См.: Советы и рассказы Кекавмена. М., 1972. С. 353. Примеч. 129; С. 354. Примеч. 131.

[53] См.: ПВЛ. Ч. 1. С. 135.

[54] См.: История Византии. М., 1967. Т. 2. С. 351—352.

[55] См.: *Литаврин Г. Г.* Русь и Византия в XII веке // ВИ. 1972. № 7. С. 38—40.

[56] См.: Путешествие игумена Даниила по Святой земле в начале XII века. СПб., 1864. С. 7.

[57] ПВЛ. Ч. 1. С. 135.

В мае того же 1081 г. в Константинополе в результате дворцового переворота пришел к власти новый император Алексей I Комнин. Угроза империи со стороны турок была столь очевидна, что Алексею I приходится лихорадочно искать пути к ее спасению. Главное военное могущество Византии, наводившее в течение веков страх и ужас на соседей, — «греческий огонь» постепенно исчезает. Источники нефти — основы «греческого огня», находившиеся в Малой Азии, оказываются в руках турок, и вот здесь-то внимание императора привлекает Тмутаракань, единственно свободный для Византии нефтеносный район. Узнав, что Тмутаракань ушла из рук Всеволода Ярославича, Алексей I вспоминает о знатном пленнике. Олег оказывается в Константинополе, где вскоре венчается с Феофанией Музалон и становится послушным орудием в руках императора, исполнителем его воли.

Женитьба на Феофании была не простым актом. Брак со знатной гречанкой доставил Олегу Святославичу неплохое приданое. Род Музалонов занимал видное положение среди господствующего класса гражданской знати Византийской империи. Из 16 семей, чьи социальные функции были связаны с церковью, Музалоны были среди первых. Из их рода, например, был константинопольский патриарх Николай IV (1147—1151), в их семьях были также крупные литераторы [58].

В 1083 г. Олег и Феофания, видимо при поддержке военных сил Византийской империи, возвращаются в Тмутаракань. «Приде Олегъ из Грекъ Тмутороканю; и я Давыда и Володаря Ростиславича и сѣде Тмуторокани. И исѣче козары, иже бѣша свѣтници на убьенье брата его и на самого, а Давыда и Володаря пусти» [59].

Заняв тмутараканский престол, князь в первую очередь расправился с «казарами», выдавшими его Византии. Давид, покинувший Тмутаракань и, по-видимому, озлобленный за отнятый престол на греков, занялся разбоем. Уже в записи следующего года летописец сообщал об этом: «Давыдъ зая грькы въ Олешьи, и зая у них имѣнье» [60]. Всеволоду пришлось за это расплачиваться: «Всеволодъ же, пославъ, приведе и, и вда ему Дорогобужь» [61].

С возвращением Олега в Тмутаракань началось и поступление нефти в империю для военных нужд. Необходимо еще раз подчеркнуть ту большую значимость, которую имела Тмутаракань для Византии как нефтеносный район. На это обращал внимание еще Константин Багрянородный: «Должно знать, что вне крепости Таматарха имеются многочисленные источники, дающие нефть. Следует знать, что в Зихии, у места Паги, находящегося в районе Папагии, в котором живут зихи, имеется девять источников, дающих нефть, но масло девяти источников не одинакового цвета, одно из них красное, другое — желтое, третье — черноватое.

---

[58] См.: *Каждан А. П.* Социальный состав господствующего класса Византии XI—XII вв. М., 1974. С. 151, 206.
[59] ПВЛ. Ч. 1. С. 135.
[60] Там же.
[61] Там же.

Да будет известно, что в Зихии в месте по названию Папаги, близ которого находится деревня, именуемая Сапакси, что значит „пыль“, есть фонтан, выбрасывающий нефть.

Должно знать, что там есть и другой фонтан, дающий нефть, в деревне по названию Хамух. . . Отстоят же эти места от моря на один день пути без смены коня» [62].

Тарой для перевозки нефти служили так называемые черносмоленые кувшины, в большом количестве находимые при раскопках Тмутараканского городища. Химический анализ смолистого вещества, которым покрыты внутренние стенки этих сосудов, показал, что это остатки нефти таманского и керченского происхождения [63]. Количество черносмоленых сосудов огромно. Только во время раскопок 1983 г. было обнаружено свыше 30 тыс. фрагментов [64]. Примерно такое же количество было найдено и в 1984 г. Впервые черносмоленые кувшины встречаются в слоях IX в. и составляют лишь незначительную часть массового керамического материала. Наибольшее же количество их падает на слои X—XII вв., т. е. на период тмутараканского времени и период владения городом Византией, в слоях XIII в. их уже нет [65].

«Греческий» или «живой» огонь не давал покоя не только Византии, знали о нем и на Руси, знали и половцы, и те и другие хотели им владеть. Так в Ипатьевской летописи есть сообщение под 1184 г.: «Бяше бо обрѣлъ (Кончак) мужа таковаго, бесурменина, иже стрѣляше живым огньмь; бяху же у них луци тузи самострѣлнии, одва 8 мужь можашеть напрящи. . . Кончакъ же то видивъ, занѣ утечеココресъ дорогу, и мьнщицю его яша, и оного бесурменина яша, у него же бяшеть живыи огонь» [66]. В том же году этого «бесурменина» Владимир Глебович Переяславский взял в плен и привел к Святославу в Киев.

Итак, Олег Святославич стал наместником византийского императора в нефтеносных районах Причерноморья, что подтверждается известной печатью князя, в легенде которой перечислены эти районы: «Господи, помоги Михаилу, архонту Матрахи, Зихии и всей Хазарии» [67].

---

[62] *Константин Багрянородный.* Указ. соч. С. 320.

[63] См.: *Анфимов Н. В.* Средневековые амфоры с нефтью с Таманского полуострова // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. М., 1953. Вып. 10; *Кострин К. В.* Исследование нефти из средневековых амфор, найденных близ станицы Пролетарской // СА. 1965. № 1; *Он же.* Исследование смолистого вещества из «черносмоленых» кувшинов средневековой Тмутаракани // Там же. 1967. № 1; *Он же.* Исследование смолистого осадка из амфор, найденных при раскопках Танаиса // Там же. 1971. № 1. В Керченском археологическом и Темрюкском историко-археологическом музеях хранятся амфоры и черносмоленые кувшины, до половины наполненные высохшей нефтью, найденные соответственно в Керчи и Тамани.

[64] См.: Отчет Гермонасской экспедиции за 1983 г. Табл. 9 // Архив Таманского музея.

[65] См.: Отчет Гермонасской экспедиции за 1984 г. // Там же.

[66] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 634—635.

[67] *Янин В. Л.* Печати Феофано Музалон // Нумизматика и сфрагистика. Киев, 1965. Вып. 2. С. 82.

Вторичное появление Олега в Тмутаракани носило иной, нежели это было прежде, характер. Если в 1079 г. он даже не был соправителем своего брата Романа, то в 1083 г. это уже самостоятельный князь, противопоставивший себя коалиции русских князей. Свидетельств тому немало. Прежде всего это наличие печатей как самого Олега Святославича, так и его жены Феофании, со столь же громкой титулатурой: «Господи, помоги рабе твоей Феофано, архонтисе Росии, Музалониссе» [68].

Очень символичен и тот факт, что Олег именует себя и свою жену «архонтом» и «архонтисой». В данном случае титул «архонт» имеет не только значение «наместник», «обладатель власти», здесь греческое «архонт» соответствует хазарскому «каган», или в Киевской Руси «великий князь» [69]. В данной связи любопытно, что предки Олега — его отец Святослав Ярославич (бывший князь Тмутараканский) и дед Ярослав Мудрый, — кроме того, что они были великие князья киевские, имели еще и титул кагана. Да и сам Олег именовался, вероятно, «каганом». Подтверждение этому мы видим в «Слове», где Олег имеет титул кагана: «Рекъ Боянь и ходы на [Ходына] [70] Святъславля пѣснотворца старого времени Ярославля, Ольгова коганя хоти. . .» [71]. По мнению А. П. Новосельцева, к концу XI—началу XII в. титул «каган» был уже архаичен, лишь «на задворках „империи Рюриковичей“, в Тмутаракани, этот титул мог известное время сохраняться» [72].

Внимание многих исследователей уже давно привлекают географические названия, перечисленные на легендах печатей Олега и Феофании. Так, Олег владеет не только Тмутараканью, но и сопредельными территориями — Зихией и всей Хазарией, т. е. довольно обширной областью, охватывающей Предкавказье (бассейн реки Кубань), Причерноморье и Приазовье. В титуле Феофании спор вызывало географическое название «Ро́сия». Некоторые авторы видели в этом указание на принадлежность к Киевской Руси [73]. В. Л. Янин считает, что владельцем печати могло быть только лицо, «обладающее реальной властью, но каких-либо территориальных указаний этот титул в себе не содержит, кроме самого общего указания на Русь» [74].

Нам кажется совершенно справедливо мнение А. Л. Монгайта, считавшего, что в титуле Феофании нет никакой двусмысленности.

---

[68] Там же. С. 89.

[69] Там же. С. 81—82.

[70] Возможно чтение «Ходына». См.: Словарь-справочник СОПИ. Вып. 6. С. 126—127.

[71] То есть «Олегова коганова жена». См.: *Соловьев А. В.* Восемь заметок к «Слову о полку Игореве» // ТОДРЛ. М.; Л., 1964. Т. 20. С. 377—378.

[72] *Новосельцев А. П.* Указ. соч. С. 159.

[73] «Сам князь Олег мог намеренно заказать такую печать, зная, что титул архонта Росии затрагивает Киевскую Русь и ее князя. Князь Олег являлся претендентом на всякие столы» (*Лихачев Н. П.* Материалы для истории византийской и русской сфрагистики. Вып. 1 // Тр. Музея палеографии. Л., 1928. Т. 1. С. 140).

[74] *Янин В. Л.* Указ. соч. С. 82.

Он просто указывает, что жена Олега получила город Ро́сию в свое владение, возможно по брачному договору. Передача византийской аристократке «номинальной власти над частью Тмутараканского княжества могла быть компенсацией за оказанную помощь» [75].

Росия, как и Тмутаракань, имела для Византии особое значение и в XII в. находилась под властью империи. Об этом свидетельствует тот факт, что в хрисовуле императора Мануила I Комнина 1169 г. Матраха и Росия исключались из территории, где генуэзским купцам разрешалось торговать. «Да смогут генуэзские корабли спокойно торговать во всех областях нашего владычества за исключением Руссии (России, Русии) и Матрахи (Матрики), если только моим величеством не будет дано на это специального разрешения» [76].

Итак, титул «архонтиса Росии» имеет исключительно тмутараканскую принадлежность и указывает на владение городом Росия. Но где он находился? Арабский путешественник середины XII в. ал-Идриси указывает: «От города Матраха до города ар-Русийа 27 миль. Между жителями Матрахи и жителями Русийи постоянная война» [77].

Все исследователи почему-то полагают, что город Ро́сия находится на противоположной от материка стороне и локализуют его на месте нынешней Керчи. Однако Идриси прямо указывает, что Ро́сия располагается на берегу большой реки, которая соответствует Кубани: «От города ар-Русийа, что на большой реке, текущей к нему с гор Кукайа» [78]. Б. А. Рыбаков отождествляет горы Кукайа со Среднерусской возвышенностью, отсюда и река, текущая с этих гор, по его мнению, Дон или Северский Донец [79].

Но этой точке зрения противоречат сведения ал-Идриси, описывающего после повествования о Матрахе горы Кукайа: «В упомянутую реку Русийа впадает шесть больших рек, истоки которых находятся в горах Кукайа, а это — большие горы, простирающиеся от моря Мраков до края обитаемой Земли. Эти горы тянутся до тех пор, пока не достигают страны Йаджудж и Маджудж на крайнем Востоке. Они пересекают эту страну, проходя в южную сторону от темного черного моря, называемого море аз-Зифти («Смолистое»). Это очень большие горы, никто не в состоянии подняться на них из-за сильного холода и постоянного обилия снега на их вершинах» [80].

Скорее всего, под именем гор Кукайа скрываются Кавказские горы, на Среднерусской возвышенности таких вершин, покрытых

---

[75] *Монгайт А. Л.* О границах Тмутараканского княжества. С. 60.
[76] *Насонов А. Н.* Указ. соч. С. 97.
[77] *Бейлис В. М.* Указ. соч. С. 212.
[78] Там же.
[79] См.: *Рыбаков Б. А.* Русские земли по карте Идриси 1154 г. // Краткие сведения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры. М., 1952. Вып. 43. С. 24.
[80] *Бейлис В. М.* Указ. соч. С. 213.

постоянными снегами, не найти. В горах Кавказа берет свое начало река Кубань с притоками, которые сами по себе представляют большие реки. Наша точка зрения не противоречит тому, что в другом месте своего труда ал-Идриси называет Кубань именем Сакир. Объясняется это тем, что полученные географом сведения происходили от разных информаторов, но речь шла об одной и той же реке [81].

Совершенно определенно, что город Росию следует локализовать не в Крыму, а на таманском берегу. Единственным местом, где мог располагаться этот город, мы считаем район нынешней станицы Голубицкой (Темрюкский район Краснодарского края). Подтверждение этому не только географическое положение — в древности здесь протекал один из истоков Кубани, не только расстояние от древней Тмутаракани, соответствующее 27 милям ал-Идриси, но и наличие мощного средневекового культурного слоя на Голубицком городище. Проведенные в 1980 г. разведывательные раскопки под руководством Ю. М. Десятчикова дали однотипный с Тмутараканью керамический материал, датируемый XI—XII вв. Вероятно, в начале XIII в. жизнь на территории этого городища прекратилась, оно было разгромлено ордами Чингизхана.

Возвращаясь к Олегу Святославичу, необходимо отметить, что он не просто взял себе титул «кагана», он был полноправный его наследник по линии отца, деда и прадеда, а вернувшись в Тмутаракань, стал еще и правителем («архонтом», «каганом») Хазарии. Как видим, здесь налицо стремление Олега оказаться выше других русских князей.

Еще одним ярким свидетельством великокняжеских претензий Олега явился выпуск им в Тмутаракани своей монеты — привилегия, которой обладал византийский император, а на Руси—киевский князь. Серебряные монеты с надписью «Господи, помози Михаилу», как теперь установлено, соответствовали весу резаны южнорусской системы денежно-весовых единиц X—XI вв. [82]. Как совершенно справедливо заметил А. В. Орешников, образцом в подражании послужили монеты Михаила VII Дуки (1071—1078), которые мог видеть Олег во время своего вынужденного пребывания в Византии [83]. Олегу, по нашему мнению, принадлежит выпуск медных и серебряных монет, ранее известных под названием «варварских подражаний». Об их тмутараканском происхождении свидетельствует как ареал их обращения, так и место находок — Таманский полуостров [84]. «Варварские подражания», которые сей-

---

[81] Ср.: Там же. С. 222—223.

[82] *Молчанов А. А.* Тмутараканский чекан Олега (Михаила) Святославича // СА. 1982. № 1. С. 251—254.

[83] См.: *Орешников А. В.* Денежные знаки домонгольской Руси. М., 1936. С. 84.

[84] См.: *Голенко К. В.* Подражания византийским монетам X—XI вв., найденным на Таманском полуострове // ВВ. М., 1953. Т. 7. С. 269—275; *Он же.* Новые материалы к изучению таманских подражаний византий-

час называют «таманскими подражаниями», повторяют тип византийских милиарисиев X—XI вв. и были в XI в. основным средством денежного обращения в Тмутаракани. Обилие разновидностей свидетельствует о значительном масштабе выпуска монет [85].

Приведенные выше сведения об Олеге Святославиче («Гориславиче») подтверждают точку зрения А. Н. Робинсона об исключительности судьбы этого князя, которая повлияла «на формирование его византийско-аристократического самосознания и сепаратного политического поведения» [86].

В 90-е годы XI в. Русь становится постоянным объектом половецких набегов. Составленная С. А. Плетневой координационная таблица свидетельствует, что именно на это время и на начало XII в. падает активная наступательная политика половцев, совершавших грабительские, победоносные набеги на русское пограничье [87]. В засушливый 1092 г. «рать велика бяше от половець и отовсюду» [88], сообщил летописец. Русь, ослабленная постоянными междоусобицами князей, не могла противостоять агрессивности половцев. В этой тяжелой обстановке умирает последний из Ярославичей киевский князь Всеволод. Начался дележ великокняжеского наследства, в котором принял участие и Владимир Мономах. Однако силы у Святополка было больше и Мономах удалился вновь в Чернигов. Олег, наблюдавший из Тмутаракани за событиями на Руси, двинулся со своими родичами, половцами, к Чернигову.

В 1094 г. «приде Олегъ с половци ис Тъмутороконя, и приде Чернигову» [89]. Владимир Мономах бросает город и идет в Переяславль, Олег Святославич возвращает себе законный черниговский престол. «Олегъ вниде в град отца своего», — подчеркивает летописец справедливость действий Олега.

Но уже через два года Святополк Изяславич и Владимир Мономах изгнали Олега из Чернигова и Гориславич обосновался в Стародубе, но ненадолго. Когда в том же году оба князя обратились к Олегу с предложением заключить договор против половцев, они получили отказ в духе Олега, который «въсприимъ смыслъ буй и словеса величава». Князья вновь начали против Олега войну. Больше месяца Стародуб был в осаде, пока Олег не запросил мира.

ских монет // Там же. М., 1961. Т. 18. С. 216—225; *Он же.* Новое о древнерусских монетах // Сов. коллекционер. 1967. № 5. С. 67—70; *Кропоткин В. В.* Клады византийских монет на территории СССР. М., 1961. С. 15 и след.; *Он же.* Новые находки византийских монет на территории СССР // ВВ. М., 1965. Т. 26. С. 166—189.

[85] Почти за 40-летний период раскопок Таманского городища таманских подражаний было найдено свыше 70. Опубликовано 53, остальные хранятся в фондах Таманского музея. Новые находки серебряных и медных подражаний относятся к 1983—1984 гг.

[86] *Робинсон А. Н.* Солнечная символика. . . С. 13.

[87] См.: *Плетнева С. А.* Половецкая земля // Древнерусские княжества X—XIII вв., М., 1975. С. 266.

[88] ПСРЛ. М.; Л., 1962. Т. 1. Стб. 215; Т. 2. Стб. 206.

[89] ПВЛ. Ч. 1. С. 148.

Его отпустили к брату в Смоленск с условием, что они вместе с Давыдом Святославичем заключат антиполовецкий союз. Но в Смоленске Олега встретили более чем враждебно, возможно, он попытался забрать у брата город, что ему не удалось, «не прияша его смолняне». Тогда, собрав дружину, Олег пошел к Мурому и стал требовать у Изяслава Владимировича город, объясняя законность своих претензий тем, что «а то есть волость отца моего» [90]. Изяслав был убит, горожане приняли Олега, который «и перея всю землю Муромску и Ростовьску, и посажа посадникы по городом, и дани поча брати» [91].

Однако вскоре сын Владимира Мономаха Мстислав изгнал посадников Олега, сам Гориславич бежал в Рязань, но и оттуда вскоре ушел в страхе перед Мстиславом. В 1097 г. по решению Любечского съезда часть вотчины Святослава Ярославича была разделена между Олегом, Давидом и Ярославом [92]. Мы не знаем, что именно досталось Олегу. В. Н. Татищев отметил, что в 1113 г. Олег Святославич владел и Тмутараканской землей [93]. Приведенные историком сведения чрезвычайно интересны, хотя они отсутствуют в дошедших до нас источниках. Можно предположить, что на какое-то время Олег возвращается в Тмутаракань, однако его правление там было недолгим. В 1115 г. он умирает в Чернигове [94].

Итак, Олег Святославич вовсе не отрицательный герой «Слова». Его действия и поступки находили объяснения и поддержку летописцев. Так, рассказывая о взятии Мурома, летописец сообщает: «Олег же надѣяся на правду свою, яко правъ бѣ в семь, и поиде к граду с вои. . . и бысть брань люта. . . Олег же вниде в городъ, и прияша и горожане» [95].

Оправдывает князя и автор «Слова», с большим уважением относясь ко всему роду Ольговичей: «. . .Игоря, сына Святъславля, внука Ольгова» (в данном случае подчеркнуты родословные связи героя поэмы), в других фрагментах «Слова» Ольговичи имеют титул «храбрыи»: «Олговичи, храбрыи князи», «Дремлетъ въ полѣ Ольгово хороброе гнѣздо» и т. д.

Симпатии автора «Слова» заметны и в насмешливом отношении к Владимиру Мономаху, отнявшему у Олега черниговский стол. Когда Олег «ступает въ златъ стремень въ градѣ Тьмутороканѣ. Тои же звонъ слыша давныи великыи Ярославь, а сын Всеволожь Владимиръ по вся утра уши закладаше въ Черниговѣ».

Как считает А. Н. Робинсон, «автор не случайно предварил этот контекст указанием на различие времен Ярослава и его внуков (Олега с Мономахом): «. . .минула лѣта Ярославля, были плъцы . . . Ольга Святъславлича». Но вслед за этим получалось,

---

[90] Там же. С. 168.
[91] Там же. С. 168—169.
[92] См.: ПСРЛ. Т. 1. Стб. 257; Т. 2. Стб. 231.
[93] См.: *Татищев В. Н.* Указ. соч. Т. 2. С. 130.
[94] См.: ПВЛ. Ч. 1. С. 200.
[95] Там же. С. 168.

что Ярослав (умер в 1054 г.) мог слышать звон золотого стремени внука только из мира потустороннего. Это естественно, такова была идеологическая реалия, отвечавшая культу предков, который существовал у князей до конца XIII в.» [96]. Автор «Слова» давал понять Ольговичам, «что их предок, тот же Ярослав, был удовлетворен подвигом Олега, восстановившего его завещание» [97]. Мономах понимал, что нарушил завет деда жить князьям между собой в мире. Ведь это к Владимиру Мономаху относятся слова знатных киевских бояр, «мужи смыслени», когда он начал ссору с Святополком за киевский стол: «Почто вы распря имата межи собою? А погании губять землю Русьскую?» [98]. Олег находился далеко, в Тмутаракани, и вынужден был обращаться к помощи половцев, своих родственников, а Владимир, там, на Руси, нередко нарушал заповедь Ярослава Мудрого.

Обращение автора «Слова» к векам минувшим, в которых Ольговичи, несмотря на все трудности, оказались победителями, объясняло и поведение Игоря, «внука Ольгова», захотевшего «поискати града Тьмутороканя». Действительно ли Игорь Святославич хотел вернуть эту далекую землю, вотчину его предков черниговских князей, или это просто эпическая мечта? Ответить на этот вопрос односложно нельзя, и вот почему. Ни в одном из дошедших до наших дней письменных источников, кроме «Слова», нет и намека на то, что Игорь отправился в поход с целью захвата, возвращения Тмутаракани. Но, с другой стороны, Игорь, вероятно, знал, что Тмутаркань находилась где-то за Доном, за полем половецким, ведь именно туда он отправился со своей дружиной: «. . .и рече Игорь къ дружинѣ своеи: „Братіе и дружино! луце жъ бы потяту быти, неже полонену быти; а всядемъ, братіе, на свои бръзыя комони да позримъ синего Дону“». Даже солнечное затмение, которое воспринималось современниками как беда именно рода Ольговичей, как своего рода проклятие [99], не остановило Игоря: «Спала князю умь похоти, и жалость ему знаменіе заступи искусити Дону Великого».

Почему мы так уверенно говорим: знал? Дело в том, что во времена Игоря, а точнее в 1152 г., в Ипатьевской летописи уже довольно точно определены границы расселения половцев: «. . .вся половецкая земля, что же их межи Волгою и Днѣпром» [100]. Эти границы совпадают с теми, которые указаны и в «Слове»:

---

[96] *Робинсон А. Н.* Литература Киевской Руси в мировом контексте // Славянские литературы: IX Междунар. съезд славистов. Докл. сов. делегации. М., 1983. С. 9—10.

[97] Там же. С. 10. Такое отношение к уже покойному Ярославу объясняется существованием на Руси у князей до конца XIII в. культа предков, к которым обращались в трудные моменты с мольбой о помощи. См.: *Комарович В. Л.* Культ рода и земли в княжеской среде XI—XIII вв.// ТОДРЛ. М.; Л., 1960. Т. 16. С. 86—88.

[98] ПВЛ. Ч. 1. С. 143. Ср.: *Рыбаков Б. А.* Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв. М., 1982. С. 447.

[99] См.: *Робинсон А. Н.* Солнечная символика. . . С. 52—56.

[100] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 455.

«Влъзѣ, и Поморію, и Посулію, и Сурожу, и Корсуню, и тебѣ Тьмутораканьскыи блъванъ». Все это территория «земли незнаемѣ» [101].

С уходом Олега Тмутаракань переходит во владения Византии [102], империя владеет городом на протяжении всего века [103], во всяком случае, в 1152 г. из Тмутаракани были посланы византийские войска к северу от Азовского моря, возможно в помощь Юрию Долгорукому [104]. По свидетельству В. Н. Татищева, в 1127 г. сын Олега Святославича Всеволод выгнал «стрыя своего Ярослава ис Чернигова и дружину его изсече и разграби; а Ярослав иде во Тмуторокань, а оттоле в Муром» [105]. В. Н. Татищев указывает, что после этого события Тмутаракань отошла к Ярославу Святославичу. Уже упоминавшийся нами арабский географ и путешественник ал-Идриси засвидетельствовал в середине XII в. в Тмутаракани (Матрике) самостоятельную династию «Олуабас», которую многие исследователи считают наследниками Олега Святославича — Ольговичами [106]. Такому мнению дает подтверждение найденный на Тамани брактеатр Всеволода (Кирилла) Ольговича, сына Олега Святославича. Надпись на монете: «Помози ми, господи Кирилу», а также родовой знак — тамга свидетельствуют о принадлежности монеты сыну Олега [107].

И все же к концу XII в. Тмутаракань была полностью во владении Византийской империи. Запретив генуэзским купцам заходить в Матрегу с 1165 г., империя в 1169 г. заключила такой же договор с Венецией [108], запрет этот был повторен и в 1192 г.[109]

---

[101] «В самом деле, — пишет В. В. Мавродин, — не могли же русские не знать Корсуня, Сурожа и тем более Посулья, Поморья и Волги, которые в „Слове“ также фигурируют как „земли незнаемые“» (*Мавродин В. В.* Очерки истории Левобережной Украины. . . С. 268).

[102] См.: *Литаврин Г. Г.* Русь и Византия в XII веке. С. 41—44; *Он же.* Новые сведения о Северном Причерноморье (XII в.) // Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе. М., 1972. С. 237—242.

[103] Точка зрения С. А. Плетневой, что с начала XII и до середины XIII в. длился половецкий период в Тмутаракани (см.: *Плетнева С. А.* Средневековая керамика Таманского городища // Керамика и стекло древней Тмутаракани. М., 1963. С. 71), ничем не подтверждается. Наоборот, XII в. характеризуется увеличением византийско-тмутараканской торговли. См. статьи Т. И. Макаровой и Ю. Л. Щаповой, опубликованные в том же сборнике.

[104] См.: *Каждан А. П.* Неизвестное греческое свидетельство о русско-византийских отношениях в XII в. // Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе. С. 235—236.

[105] *Татищев В. Н.* Указ. соч. Т. 2. С. 138.

[106] См.: *Рыбаков Б. А.* Русские земли по карте Идриси 1154 г. С. 19; *Недков Б.* Указ. соч. С. 101.

[107] *Энговатов Н. В.* Таманский брактеатр Всеволода (Кирилла) Ольговича // Нумизматика и сфрагистика. Киев, 1963. Вып. 1. С. 103—108.

[108] См.: *Зевакин Е. С., Пенчо Н. А.* Очерки по истории генуэзских колоний на Западном Кавказе в XIII и XV вв. // Ист. зап. М., 1938. Т. 3. С. 74.

[109] См.: *Литаврин Г. Г.* Русь и Византия в XII веке. С. 40.

В 1237 г. Матрику (Тмутаракань) посетил римский миссионер доминиканец Юлиан. Он пробыл в городе 50 дней вместе со своим спутником монахом Рихардом. В их описании Матрики сообщалось, что в городе проживает князь и народ, которые «называют себя христианами, имеющими книги и священников греческих»[110].

Как видим, до татаро-монгольского нашествия Тмутаракань была все же под властью Византийской империи, утверждение С. А. Плетневой, что в конце XII—начале XIII в. города Крыма и Тамани были захвачены половцами, не имеет под собой почвы. Хотя можно предположить, что в это время в Тмутаракани какую-то часть населения составляли половцы.

На 80-е годы XII в. падает решение Ольговичей (по словам автора «Слова») вернуть вотчину своего деда Олега. Но задача оказалась невыполнимой.

Автор «Слова» символически передал известие о пленении Игоря, желавшего «поискати града Тмутороканя», Кончаком: в подтверждение «вещего» сна бояре рассказали Святославу, что «два сокола» (Игорь и Всеволод) не дошли до Тмутаракани, а оказались в плену, опутанные «въ путины желѣзны».

Мечта внуков Олега Святославича не увенчалась успехом. Поражение Игоря, видимо, навсегда отбило у него желание вернуть причерноморские владения, а правнукам Олега было уже не до Тмутаракани, о ней черниговские князья забыли навсегда.

---

[110] *Насонов А. Н.* Указ. соч. С. 98; *Захаров В. О.* Сторінка історії Тмутараканського князівства // Український історичний журнал. 1987. № 10. С 96—105.

А. Н. Карсанов

К ВОПРОСУ О «ВРЕМЕНИ БУСОВОМ» В «СЛОВЕ О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»

В «Слове» есть интересные строки:

> Се бо готьскыя красныя дѣвы
> въспеша на брезѣ синему морю:
> звоня рускымъ златомъ,
> поютъ время Бусово,
> лелѣютъ месть Шароканю [1].

В примечаниях к тексту «Слова», изданному в 1800 г., было отмечено: «По какой связи одержанная половцами победа могла доставить готским девам русское золото, сообразить невозможно» [2].

Е. В. Барсов считал, что готы, жившие в Северном Причерноморье, «перекупали у половцев добычу, набираемую в Руси, особенно пленных, потом продавали выкупавшим их русским и таким образом собирали русское золото, которым звенели готские девы» [3]. В причерноморских странах главную роль в международной торговле играли византийские греки. Обычно русские без посредников выкупали своих соотечественников из половецкого плена.

В объяснительном переводе «Слова» Д. С. Лихачев расшифровывает вышеприведенное место так: «И вот готские красные девы запели на берегу синего моря: звоня русским золотом, воспевают [они] время Боза [антского князя, разбитого готским королем Винитаром], лелеют месть за Шарукана [деда хана Кончака, разбитого Владимиром Мономахом]» [4].

В комментариях к «Слову» Д. С. Лихачев указал, что готы праздновали победу половцев над русскими потому, что к ним попали «золотые вещи и украшения», «русские драгоценности», награбленные у разбитых русских дружинников, и которые им продали половцы [5]. В другом месте «Слова» в плаче русских

---

[1] Слово о полку Игореве / Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1950. С. 20. (Лит. памятники.)
[2] Там же. С. 25.
[3] *Барсов Е. В.* «Слово о полку Игореве» как художественный памятник Киевской дружинной Руси. М., 1890. Т. III.: Лексикология «Слова»: А—М. С. 169.
[4] Слово о полку Игореве. С. 90.
[5] *Лихачев Д. С.* Комментарий исторический и географический // Там же. С. 430.

женщин о павших воинах Игорева полка:

Уже нам своих милых лад
ни мыслию смыслити,
ни думаю сдумати,
ни очима сглядати,
а злата и сребра ни мало того потрепати.

т. е. «а злата и серебра [и в руках своих] совсем не подержать» [6]. В «Задонщине» описывается, что после победы над татарами на Куликовом поле русские взяли богатые трофеи «и дорогое узорочие, камкы, насычеве везут женам своим. Уже жены русские восплескаша татарским златом» [7]. С мнением Д. С. Лихачева согласиться трудно, ибо боевой поход не праздничный пир и дружинники Игорева полка, отправляясь в поход, снаряжались, а не наряжались. После поражения русских их оружие взяли себе половецкие воины. Ценные предметы (нательные кресты, кольца), если они были у русских, скорее всего попали к «половецким девам». Поэтому слова о «русском злате» у готов не имеют отношения к трофеям, которые половцы взяли у русских.

Слова «поют время Бусово» Д. С. Лихачев прокомментировал следующим образом: «Как было указано еще О. Огоновским («Слово о полку Игореве». Поетичный памятник руськоі письменности XII в. У Львові, 1876), Бус — это антский князь Бос, Боус или Бооз. Как рассказывает римский историк Иордан, гот по происхождению, в 375 г. н. э. готский король Винитар, внук Вультульфа, победил антов (предков восточных славян) и приказал распять на кресте короля антов Боза, его сыновей и 70 знатных антов. Готские девы воспевают это время и лелеют месть за поражение хана Шарукана» [8]. В «Словаре-справочнике „Слова"» приведена выдержка из работы О. Огоновского, написанной на украинском языке: «Время Бусово е без сумніньа той час, с котрім Бооз, король Антів — Славян трагичною умер смертью. Про — те готські дівчата величали богатира народу своего, Вінітара, що поборов племя, рідне сучасним Русичам» [9]. Но О. Огоновский был не перым, кто сопоставил Боза с «временем Бусовым». Об этом писал еще А. И. Шафарик: «Что до короля Бооза, то г. Кухарский думает, что о нем-то говорится в слове (Слове) о походе Игоря против половцев под именем Буса» [10]. К этой гипотезе присоединился А. А. Шахматов, отметивший, что «Боз, быть может, и не русское имя» [11]. А. С. Орлов также был сторон-

---

6 Слово о полку Игореве. С. 17, 87.

7 Задонщина // «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла М.; Л., 1966. С. 540, 545.

8 *Лихачев Д. С.* Указ. соч. С. 430—431.

9 Словарь-справочник «Слова о полку Игореве» / Сост. В. Л. Виноградова. М.; Л., 1985. Вып. 1: А—Г. С. 79.

10 *Шафарик П. И.* Славянские древности. М., 1847. Т. I, кн. I. С. 247—248. Примеч. 124.

11 *Шахматов А. А.* Древнейшие судьбы русского племени. Пг., 1919. С. 10.

ником этой гипотезы [12]. Б. А. Рыбаков признал «бесспорным» толкование О. Огоновского — А. А. Шахматова [13].

Необходимо проанализировать вопрос о «времени Бусовом», а вопрос о «мести Шароканю», связанный с другой эпохой, требует отдельного исследования.

В конце II в. н. э. с берегов Балтики в Северное Причерноморье переселились германские племена готов. В начале III в. они возглавили союз варварских племен, который вел наступательные войны с Римской империей. Римляне под командованием императора Клавдия II (268—270) нанесли поражение варварам, за что император получил прозвище «Готского». Вероятно, в начале IV в. готы разделились на два племенных союза: западных готов (вестготов) в Нижнем Поднестровье и восточных готов (остготов) на Нижнем Днепре до Дона. В середине IV в. во главе остготов стал вождь Германарих, под предводительством которого остготы совершали походы на соседние племена. Как сообщил Иордан (конец V—середина VI в.), готы Германариха одержали победу над племенем венедов и подчинили их своей власти [14]. Венедами первых веков н. э. считают древних славян [15]. В середине IV в. из Средней Азии началось движение гуннских племен, положившее начало эпохе «великого переселения народов». Гунны подчинили аланские племена, населявшие степи от Аральского моря до Дона. В 375 г. гунны в союзе с аланами развернули наступление на остготов и нанесли им поражение. Германарих погиб (по Марцеллину (330—400), покончил с собой, по Иордану, умер от раны после покушения на него) [16].

Далее Иордан писал об остготах: «Про них известно, что по смерти короля их Германариха они, отделенные от везеготов и подчиненные власти гуннов, остались в той же стороне, причем Амал Винитарий удержал все знаки своего господствования. Подражая доблести деда своего Вультульфа (старшего брата Германариха. — *А. К.*), он, хотя и был ниже Германариха по счастью и удачам, с горечью переносил подчинение гуннам. Понемногу освобождаясь из-под их власти и пробуя проявить свою силу, он двинул войско в пределы антов (Antorum) и когда вступил туда, то в первом сражении был побежден, но в дальнейшем стал действовать решительнее и распял короля их Божа (Boz, вар. Booz, Box) с сыновьями его и с семьюдесятью старейшинами, чтобы трупы распятых удвоили страх побежденных. Но с такой свободой повелевал он едва в течение одного года: этого положе-

---

[12] См.: *Орлов А. С.* Слово о полку Игореве. М.; Л., 1946. С. 120.

[13] *Рыбаков Б. А.* Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве/. М., 1972. С. 419.

[14] См.: *Иордан.* О происхождении и деяниях готов / Вступ. ст., текст, пер. и коммент. Е. Ч. Скржинской. М., 1960. С. 90.

[15] См.: *Седов В. В.* Происхождение и ранняя история славян. М., 1979. С. 29—31.

[16] См.: *Марцеллин Аммиан.* История / Пер. Ю. А. Кулаковского. Киев, 1908. Вып. III. С. 243; *Иордан.* Указ. соч. С. 91—92.

ния не потерпел Баламбер, король гуннов; он призвал к себе Гезимунда, сына великого Гуннимунда, который, помня о своей клятве и верности, подчинялся гуннам со значительной частью готов, и, возобновив с ним союз, повел войско на Винитария. Долго они бились: в первом и во втором сражениях одолел Винитарий». Но в третьем, решающем сражении гунны одержали победу над остготами и Винитарий погиб в бою. Баламбер взял себе в жены племянницу Винитария Вадамерку «и с тех пор властвовал в мире над всем покоренным племенем готов, но, однако, так, что готским племенем всегда управлял его собственный царек, хоть и соответственно решению гуннов». Первым таким «царьком» был Гуннимунд, сын Германариха [17]. Ранее Иордан сообщил, что анты подчинялись власти Германариха при его жизни [18].

В настоящее время общепринятой является точка зрения, что анты Боза были славяне. Трудно связывать «время Бусово» с именем антского вождя Боза. Если бы крымские готы в конце XII в. вспоминали времена 800-летней давности, то почему период, относящийся к концу IV в., называли «временем Бусовым» в «честь» распятого их предками антского вождя Боза, а не именем его победителя Винитария? В истории эпоху, связанную с войной, чаще всего называют именем победителя, и народ воспевает своих вождей, одерживавших победы. Если бы крымские готы вспоминали о победах над славянами, то более вероятно, что они могли вспомнить своего самого выдающегося вождя Германариха и его победу над венедами. Германарих успешнее воевал с венедами, чем Винитарий с антами, который в первом сражении был побежден ими. 9 августа 378 г. готы под командованием Фритигерна одержали победу над римской армией в битве под г. Адрианополем. Римская армия была разгромлена, в битве погиб император Валент (364—378) [19]. Это сражение было одним из крупнейших в эпоху «великого переселения народов». Римский император — фигура более значительная, чем племенной вождь. Поэтому если бы восемь столетий спустя готы вспоминали победы своих предков, то вероятнее, что они вспоминали бы битву под г. Адрианополем и победителя римлян Фритигерна.

На первый взгляд может показаться, что название «Сказание о Мамаевом побоище» связывает Куликовскую битву 1380 г. с именем побежденного Мамая. Но в этом названии подчеркивается главное — побоище, разгром татарских войск и гибель самого Мамая. На Руси и в других странах никому не приходило в голову связывать Куликовскую битву с «временем Мамаевым».

Слова о «готских девах» и «времени Бусовом» в поэме принадлежат киевским боярам. С конца IV в. за восемь столетий на рус-

---

17 *Иордан.* Указ. соч. С. 115.
18 См.: Там же. С. 90.
19 См.: *Марцеллин Аммиан.* Указ. соч. С. 275—281; *Иордан.* Указ. соч. С. 92—93.

ской земле столько «воды утекло», столько войн было, побед и поражений, что совершенно невозможно, чтобы русские помнили о трагической, но очень далекой гибели антских предводителей.

Гунны были первой волной тюркоязычных кочевников, вторгавшихся в Европу. Наверное, вначале гунны не отличали славян от готов. Поэтому от гуннского нашествия славяне могли пострадать не меньше, чем готы. Возникает вопрос: почему Винитарий, начав борьбу против гуннов, обрушился на славян — антов? Он мог привлечь их на свою сторону путем мирной договоренности или, одержав над ними победу, подчинить своей власти и использовать в борьбе с гуннами. После карательных репрессий, которым готы подвергли антов, никакие мирные контакты между ними были невозможны. П. И. Шафарик писал о «бесчеловечных готах» и отмечал, что «такой зверской, но совершенно ненужной жестокости мы, сколько известно, нигде не встречаем у гуннов»[20]. Действительно, как следует из сообщений Иордана, гунны не подвергали репрессиям побежденных готов и их племенных вождей оставляли у власти. В древности распинали преступников или восставших рабов. В чем состояло преступление антов Боза? Е. Ч. Скржинская в комментариях к Иордану утверждала, что «в гуннский союз влились и славянские племена, по территории которых гунны проследовали»[21]. И в другой работе: «. . .гунны, покорившие остроготов, имели антов своими союзниками, причем, быть может, предоставили им, как живущим близко к областям остроготов, право собирать дань с последних»[22]. Славяне — союзники гуннов или гуннские «баскаки» среди готов — это версия, не заслуживающая критики. Возникает вопрос: почему предводитель гуннов Баламбер «не потерпел» действий Винитария против славян — антов и начал военные действия против готов Винитария? Ведь действия Винитария против славян можно рассматривать как борьбу за укрепление племенного союза, во главе которого стали гунны.

Марцеллин, современник описываемых им событий, не упоминает славян (венедов, антов). У него Витимир (так он называет Винитария) «оказывал некоторое сопротивление аланам, опираясь на другое племя гуннов, которых он за деньги привлек в союз с собою. Но после многих понесенных им поражений он пал в битве, побежденный силою оружия»[23].

Трудно согласиться с Б. А. Рыбаковым, когда он сравнивает плен антского вождя с пленом князя Игоря[24]. По отношению к пленному Игорю и его сыну хан Кончак вел себя как сват и как отец, у которого дочь на выданье. Хотя после поражения Игорь

---

[20] *Шафарик П. И.* Указ. соч. Кн. 2. С. 94.
[21] *Иордан.* Указ. соч. С. 270.
[22] *Скржинская Е. Ч.* О склавенах и антах, о Мурсинском озере и городе Новиетуне // Византийский временник. М., 1957. Т. 12. С. 24.
[23] *Марцеллин Аммиан.* Указ. соч. С. 243—244.
[24] См.: *Рыбаков Б. А.* Указ. соч. С. 420.

пересел из «седла злата» в седло «кощиево», но Кончак «поручися по свата Игоря, зане бяшет ранен», и плен его был, можно сказать, почетным. Сыновья антского вождя были опутаны веревками и распяты, а Владимира Игоревича опутали «красною девицею», и в 1187 г. он вернулся на Русь «с Коньчаковною, и створи свадбоу Игорь сынови своемоу, и венча его и с детятем» [25].

Подводя итог сказанному, можно сделать вывод, что «время Бусово» не следует связывать с гото-антским конфликтом в конце IV в.

Было предложено немало версий, в основе которых лежит созвучие слова «Бусово» с разными именами и названиями. П. Г. Бутков видел в Бусе хазарского кагана Бусаря (Бусира) [26]. Н. Аристов, указав на несколько «Бусовых» названий в топонимике Харьковской области, связал их с половецким ханом Бусом [27]. Но в источниках половецкий хан с таким именем неизвестен. Указывали также на Болуша (Блуша), первого половецкого хана, попавшего в русские летописи в 1054 г. (1055) [28]. М. А. Салмина предполагает, что слово «бусово» могло означать мореходное судно — бусу. Это слово встречается в русских письменных источниках второй половины XV—XVI в. в связи с военными столкновениями. По мнению М. А. Салминой, готские девы поют «времена бус» [29]. Средства передвижения играют важную роль на войне, но главную роль играют воины и их предводители. Эпоха викингов (VIII—X вв.) — это морские походы норманнов, а не время судов, на которых норманны плавали. Эпоха великих географических открытий (XV—XVI вв.) — это эпоха выдающихся мореплавателей, а не «время каравелл».

Все рассмотренные версии сколь «созвучны», столь и необоснованны исторически. Таким образом, приходится констатировать, что проблема объяснения слов «время Бусово» остается нерешенной.

---

[25] Ипатьевская летопись // ПСРЛ. М., 1962. Т. 2. Стб. 645, 649, 659.

[26] См.: *Бутков П. Г.* Нечто к «Слову о полку Игоря» // Вестн. Европы. 1821. № 21, 22. С. 104; *Он же.* Оборона летописи русской, Несторовой, от навета скептиков. СПб., 1840. С. 86, 308—309.

[27] См.: *Аристов Н.* О земле половецкой. Киев, 1877. С. 11.

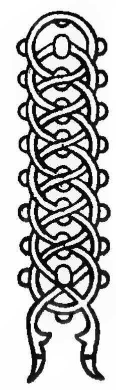
[28] См.: *Васильев А. А.* Готы в Крыму // Изв. Рос. акад. Истории матер. культуры (РАИМК). Л., 1927. Т. 5. С. 258—259.

[29] *Салмина М. А.* Из комментария к «Слову о полку Игореве» // ТОДРЛ. Л., 1981. Т. 36. С. 228.

Б. В. Сапунов

«СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ» В КУЛЬТУРЕ МОСКОВСКОЙ РУСИ

В настоящее время стало очевидным, что подавляющая масса древнерусских рукописей, особенно ранних — XI—XIII вв., — до нас не дошли. Их гибель зависела от ряда объективных и субъективных причин. Это были пожары, стихийные бедствия, нашествия Батыя, которые уничтожали все рукописи вне зависимости от их содержания. Кроме того, рукописи «старели» и исчезали в результате их использования, условий хранения и других причин.

На сохранность рукописей большое значение оказывали и субъективные факторы — смена художественных вкусов, стилей, потеря актуальности, моральное «старение». Их воздействие было выборочно, и разные произведения по-разному подвергались результатам таких воздействий. Значительную роль в судьбе памятников играла религиозная цензура, документально прослеживаемая с 1073 г., когда в Изборник Святослава был включен индекс запрещенных и рекомендованных книг [1].

Для периода раннего средневековья основным типом книгохранилищ были собрания монастырей и кафедральных соборов. За монастырскими стенами, в книгохранительных палатах крупных храмов рукописи имели больше шансов на сохранение. Но, с другой стороны, в клерикальных библиотеках в наибольшей степени проявлялась церковная цензура, в силу которой ряд сочинений не переписывались или просто уничтожались.

Однако существовали и положительные моменты, способствовавшие выживанию книжного наследия. Например, летописи, фиксировавшие память народа о своем прошлом, никогда не устаревали. Их тщательно хранили, редактировали, аккуратно переписывали. В особом положении находились памятники, связанные с православным культом.

Объяснение причины малой распространенности списков «Слова о полку Игореве» в Московской Руси следует искать как в специфике содержания, так и в особенностях художественной

---

[1] См.: Изборник 1073 г. ГИМ. Син. № 31-д. Богословица от словесности Л. 253, 253 об., 254. *Сапунов Б. В.* «Богословица от словес» в Изборнике 1073 г. и проблема читателя на Руси в XI в. // Изборник Святослава 1073 г.: Сб. ст. М., 1977. С. 234—246.

формы памятника. «Слово» — неотъемлемая часть русской культуры XII в. Значит, вопрос заключается в том, как могло оно включаться (а если не включалось то почему?) в структуру религиозного, философского и художественного мышления XIV—XVII вв.

Стандарты современного научного мышления требуют комплексного подхода к решению поставленной задачи. При этом необходимо помнить, что подход должен быть принципиально новым, так как многие аспекты рассматриваемой проблемы уже неоднократно и вполне успешно были разработаны.

Самым ранним известием о знакомстве русских книжников с текстом «Слова» считается запись 1307 г. на пергаментном псковском Апостоле, обнаруженная К. Ф. Калайдовичем в 1813 г.[2]

На последнем листе Апостола из собрания Синодальной библиотеки писец Домид сообщал, что игумен Изосима подарил книгу монастырю св. Пантелеймона. Далее он отметил, что в тот год на Русской земле был бой между Михаилом и Юрием за княжение Новгородское. Это известие писец прокомментировал следующими словами: «При сихъ князехъ. . . сѣяшется и ростяше оусобицами, гыняше жизнь наша, въ князѣхъ которы и вецы скоротишася человѣкомъ».

К. Ф. Калайдович, считая, что в записи 1307 г. воспроизведен соответствующий текст «Слова», писал А. И. Мусину-Пушкину, что он нашел доказательство подлинности песни о походе Игоря.

«Тогда при Олзѣ Гориславличи сѣяшется и растяшеть усобицами; погибашеть жизнь Даждь-Божа внука, въ княжихъ кромолахъ вѣци человъком скратищась» (Песнь Игоря XII века. М., 1800. С. 16—17. Далее цитируется по этому изданию).

Основная идея приписки — осуждение княжеских распрей, которые сокращали человеческие жизни, изложена более точно, в обиходной, разговорной форме своего времени. Она не подвергалась литературной правке, в контексте «Слова». Д. С. Лихачев видит в приписке более поздние черты по отношению к «Слову» [3].

Рассмотрим взаимоотношение текстов, исходя из конкретных особенностей истории России XII—XIV вв. Прогрессирующая феодальная раздробленность, ставшая ощутимой с конца XI в., сделалась основной внутренней проблемой. В большей или меньшей степени она затрагивала все социальные слои и прослойки общества. О княжеских распрях говорили и спорили, их гневно осуждали. Сама жизнь вырабатывала ряд более или менее устойчивых фраз и словосочетаний, наиболее емко и четко выразивших эти витавшие в воздухе мысли. Постепенно сложившиеся и став-

---

[2] См.: Апостол апракос. 1307 г. ГИМ. Син. № 722. Л. 180; Археографический ежегодник за 1964 г. М., 1965. С. 165—167; Археографический ежегодник за 1965 г. М., 1966. № 479. С. 215.

[3] См.: *Лихачев Д. С.* Изучение «Слова о полку Игореве» и вопрос о его подлинности // «Слово о полку Игореве» — памятник XII в. М.; Л., 1962. С. 26.

шие обыденными, фразеологические формулы должны были попасть в литературу и деловую письменность.

Исходя из такой предпосылки, можно думать, что и автор «Слова», и писец Домид в 1307 г. использовали готовое клише.

Автор «Слова» подверг его литературной правке и уже в отредактированном виде включил в текст своего произведения. Писец Домид записал его так, как оно звучало в его время. В таком случае становится ясным, почему в приписке исчезло словосочетание «Даждь-Божа внука», как писал автор «Слова». В начале XIV в., когда так называемый Ренессанс двоеверия, охватившего многие страны Европы в XII в., давно завершился, называть имя языческого бога (даже в церковной книге) было уже немыслимо. Княжеские распри названы в приписке именно так, как их называли в разговорном языке начала XIV в. — «которы», а не «крамолы», как говорил о них автор «Слова».

По-видимому, в настоящее время нет прямых доказательств утверждать, что приписка в псковском Апостоле восходит к тексту «Слова». Отсюда следует, что она не может служить бесспорным подтверждением знакомства писца Домида со «Словом». Однако это положение не снимает альтернативный тезис о возможности знакомства определенных кругов русского общества XIV в. со «Словом о полку Игореве».

Другим памятником, который бесспорно находится в определенной связи со «Словом», является «Задонщина». В настоящее время создание этого произведения датируется отрезком между 1380—1393 гг., когда упоминаемый в ней город Торнава — столица Болгарского царства Великое Тырново — был захвачен и разгромлен турками. Эмоциональное изложение событий Куликовской битвы позволяет приблизить дату написания памятника к 1380 г.[4]

После открытия «Задонщины» в 1852 г. стало совершенно очевидно, что система образов, текстуальные совпадения и другие характеристики сближают это произведение XIV в. со «Словом о полку Игореве». «Задонщину», посвященную победе русских войск на Куликовом поле, стали рассматривать как произведение, в определенной мере основанное на тексте «Слова». Находка рукописи «Задонщины» снова оживила полемику по вопросу датировки «Слова». Начиная с 90-х годов XIX в. «скептики» стали утверждать, что в данной литературной паре «Задонщина» является первичной, а «Слово» написано в конце XVIII в. по ее образцу. Дискуссия по этому поводу, продолжавшаяся до 60-х годов XX в., привела к тому, что подавляющее большинство специалистов признало «Задонщину» вторичной. Тем самым было доказано, что какой-то список или списки «Слова» были известны русским книжникам конца XIV в.

---

[4] Датировка «Задонщины» на основании упоминания Тырново принадлежит М. Н. Тихомирову. См.: *Тихомиров М. Н.* Древняя Москва (XII—XIV вв.). М., 1947. С. 202—203.

Дискуссия со «скептиками» (А. Мазон, А. А. Зимин, А. Л. Монгайт и др.) заставила исследователей еще раз продумать и уточнить свои позиции. Она ограничила круг рассматриваемых проблем вопросом старшинства того или другого члена пары. Ученые, признающие старшинство «Слова», выявили и объяснили черты сходства с ним «Задонщины». Но они обращали гораздо меньше внимания на глубокие различия, существующие между этими памятниками.

Теперь стало общепризнанным, что «Слово» не только гениальное, но и безусловно относящееся к XII в. произведение древнерусской литературы.

В решительном противоречии с типичными приемами характеристик, сложившихся в русской литературе той эпохи, находится замысел «Слова» и образ его главного действующего лица. С позиций официальной идеологии феодального государства и отражавшей ее литературы весь поход и лично сам Игорь должны были получить в «Слове» самую отрицательную оценку. Между тем тональность «Слова» совершенно иная. Автор восхищается своим героем, его удалью и смелостью, переживает его неудачи, страдает вместе с ним. «Слово» завершается славой Игорю, возвращение которого все радостно приветствуют.

Как правило, писатели и художники XI—XIII вв. создавали идеализированные образы, отвечавшие стандартам феодальной морали. Искусство и литература той отдаленной эпохи оставили потомкам не живописные (в современном понимании) изображения конкретных лиц, а как бы иконы, величавые и строгие, красивые и торжественные, достойные почитания и поклонения. В ту эпоху, когда христианская церковь выступала «в качестве наиболее общего синтеза и наиболее общей санкции существующего феодального строя» [5], официальное искусство было пронизано христианской философией и феодальной моралью. Поэтому оно не знало полутонов, не улавливало сложных и противоречивых коллизий земного бытия. Действующие лица были либо положительные, либо отрицательные. Если первые изображались как полное воплощение феодально-христианских добродетелей, то вторые — как их антитеза.

Столь же противоречив другой герой песни — князь Всеслав Полоцкий в изображении автора «Слова». Он весь в движении, в бурном водовороте событий, многие из которых вызваны его волей. Создав яркий образ князя-волхва, князя-оборотня, автор относится к нему с явным сочувствием, которое он хочет внушить читателю.

Д. С. Лихачев отмечает, что образ Всеслава носит черты народного эпического стиля [6]. Как показал Р. О. Якобсон, образ Всеслава в «Слове» восходит к устным преданиям о полоцком князе,

---

[5] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 7. С. 361.

[6] См.: *Лихачев Д. С.* Человек в литературе Древней Руси. М., 1970. Гл. III: Черты эпического стиля в литературе XI—XIII вв. С. 63—71.

которые в какой-то мере отразились в былине о Волхве Всеславиче и отчасти в описании Всеслава, сохранившемся в «Повести временных лет» [7]. Однако все три варианта не идентичны, они отражают разные точки видения, фиксируют различные проявления сложного характера князя Всеслава. Образ Всеслава в «Слове», хотя и отличается некоторыми чертами былинного стиля, но не соответствует совокупности принятых в этом стиле стандартов.

В галерее женских образов, созданных литературой Древней Руси, жена Игоря — Ярославна — занимает особое место. Так называемый «плач» Ярославны в своей основной части является типичным языческим заговором, который повторяет обычную четырехчастную форму заговоров, сохранившуюся до XIX в. Сначала идет обращение к высшим силам природы, затем прославляется их могущество, далее следуют конкретная просьба и заключение. В минуту смертельной опасности, когда дружина Игоря погибла в степях, Ярославна не вспоминает могущественного и милостивого христианского бога или небесную заступницу — Богоматерь. С просьбой о помощи она обращается к Ветру, к реке Днепру Словутичу, к главному божеству древних славян — светлому, трижды светлому солнцу.

Такой отход от православия должен был вызвать самое решительное осуждение со стороны церкви. Однако автор «Слова» выражает свое сочувствие героине. Что это — просто художественный прием или вызов господству церковной идеологии и открытое признание дееспособности языческих богов? Образ языческой княгини не исключение из системы религиозных и эстетических взглядов автора «Слова». Скорее, это одно из составляющих этой системы. Никак нельзя допустить, что образ Ярославны выполнен в манере литературного этикета того времени, что он отвечает нормам христианского мышления и искусства XII в.

Языческая стихия пронизывает всю ткань памятника, в значительной мере определяет его язык. Если просмотреть текст «Слова» на предмет выделения отдельных слов и пассажей, прямо или косвенно связанных с языческим и христианским миром, то получится примечательная картина.

Слова и образы, связанные с языческой терминологией

1—2 Вещий Боян
3 Тропа Трояна
4 Боян — внук Велеса
5 Див встрепенулся
6 Тмутороканский болван
7 Ветры — Стрибожьи внуки
8 Века Трояна
9—10 Дажль-Божьи внуки

Слова и образы, связанные с христианской терминологией

1—14 Половцы, их ханы, Кобяк, Кончак, Гзак названы «погаными», т. е. язычниками по христианской терминологии
15 Звон (колоколов)
16 Св. София Киевская
17 Св. София Полоцкая
18 Шестикрыльцы

[7] См.: *Jakobson R., Szeftel M.* The Vseslav epos. // Russian Epic Studies. Philadelphia: American Folklore Society, 1949. P. 13—80.

11 Земля Трояна
12 Карна и Жля
13 Див
14 Время Бусово
15 Седьмой век Трояна
16 Весь пассаж со Всеславом
17 Сон Святослава
18 Плач Ярославны
19 Звон колоколов в Киеве
20 Суд божий
21 Бог путь указывает Игорю
22 Богородицы Пирогощей храм в Киеве
23 За христиан
24 Аминь

Даже такой, несколько формальный подход к изучению религиозной основы «Слова» приводит к убеждению, что христианские и языческие мотивы и понятия, термины и образы сосуществуют в нем примерно в равной мере.

Приведенный анализ образов главных героев — Игоря, Всеслава, Ярославны — позволяет наметить весьма существенный вывод: они выполнены автором в манере или стиле, резко отличном от традиционных стилей эпохи.

Выход из наметившихся противоречий заключается в противоречиях эпохи, породившей «Слово». После крещения Руси в 988 г. православным проповедникам относительно быстро удалось заменить только сравнительно скромную обрядовую сторону язычества пышным, тщательно разработанным ритуалом византийско-христианского богослужения. Но принятие новой веры было связано с глубокими переменами в психологии и быте древнерусского общества. Процесс христианизации всего населения страны, особенно жителей лесных северных и северо-восточных районов, оказался весьма длительным и сложным. Разгромив пантеон языческих богов, вырубив священные рощи, сокрушив идолов, разогнав или физически уничтожив жрецов, верхи православного духовенства в союзе с великокняжеской властью так и не смогли выкорчевать остатки языческих верований, пережитки которых оказались чрезвычайно живучими. В ходе борьбы с ними церковь по ряду пунктов была вынуждена идти на определенные компромиссы. В результате сложного взаимодействия формально усвоенного христианства с остатками еще сохранившегося язычества сформировалась оригинальная синкретическая система, которую проповедники христианства того времени называли «двоеверием». Расцвет его приходился на XII в. Двоеверие распространилось не только среди сельского населения северных лесных районов Древней Руси. Оно проникло в ремесленные и торговые круги городского посада. В XII в. даже у представителей феодальных верхов можно уловить наличие пережитков языческих верований и обрядов. На обширном материале древнерусских литературных памятников В. А. Комарович показал широкое распространение в княжеской среде XI—XIII в. культа рода и земли [8]. Работу В. Л. Комаровича можно дополнить и расширить большим количеством памятников декоративно-приклад-

---

[8] См.: *Комарович В. Л.* Культ рода и земли в княжеской среде XI—XIII вв. // ТОДРЛ. М.; Л., 1960. Т. 16. С. 94—104.

ного искусства, которые дают бесспорные доказательства относительно широкого распространения двоеверческих представлений в разных слоях феодального общества [9].

Золотые и медные змеевики, золотые колты с изображениями проросшего зерна и птиц, серебряные с чернью браслеты с изображениями пляшущей женщины, серебряные со сканью лунницы были предметами быта господствующего класса древнерусского общества. Автор русского полемического сочинения домонгольского времени «Слово некоего христолюбца» прямо утверждал, что двоеверие увлекло не только «невеж», но даже «вежи», «попове и книжники» творят подобные богомерзкие дела. По мнению Е. В. Аничкова, специально занимавшегося этим памятником, «Слово некоего христолюбца» было произнесено с кафедры Софийского собора в Киеве перед собравшимися на богослужение представителями феодальной знати и иерархии православного духовенства [10]. Двоеверие создало свой идеал красоты, во многом определивший специфику русской культуры домонгольского периода. Это мировоззрение и порожденное им искусство сформировались под влиянием живого контакта с природой, еще не деформированного всесилием церковного идеализма и схоластики. Искусство, порожденное двоеверием, обращалось к таким темам и образам, которые были полностью исключены из сферы ортодоксального религиозного искусства. Церковь настойчиво запрещала светскую музыку и народные увеселения, а на серебряных браслетах ювелиры изображали гусляров и пляшущих женщин. На стенах лестничной клетки Софии Киевской помещены изображения скоморохов. Церковь выступала против борьбы, а на одном из фасадов Дмитриевского собора во Владимире на Клязьме (1194—1197) скульпторы высекли фигуры борющихся на поясах мужчин [11]. Церковь запрещала почитание птиц и «рощений», видя в этом остатки языческих культов, а на золотых колтах златокузнецы виртуозно выполняли в технике перегородчатой эмали птиц и древо жизни или прорастающее зерно, как символ вечности жизни. Церковь не допускала поклонение луне, как языческому божеству, а серебряные и медные лунницы встречаются на огромной территории Древней Руси. Иерархи русской церкви открыто выступали против почитания водной стихии — рек, озер, колодцев, а знаки, изображающие воду в виде волнистой линии, встречаются даже на древнерусских намогильных крестах [12]. Можно значительно увеличить перечень памятников этого варианта культуры Древней Руси, которые

---

[9] См.: *Сапунов Б. В.* Памятники материальной культуры двоеверцев // Тр. Гос. Эрмитажа. Л., 1970. Т. 11. Вып. 2. С. 7—24.

[10] См.: *Аничков Е. В.* Язычество и древняя Русь // Зап. ист.-филол. фак. С.-Петербург. ун-та. 1914. Ч. CXII. С. 136.

[11] См.: *Вагнер Г. К.* Скульптура древней Руси. М., 1969. С. 258. Рис. 211.

[12] См.: *Сапунов Б. В.* Памятники материальной культуры двоеверцев. С. 15—20.

резко отличались от тех, что процветали под сводами монастырских книгохранилищ, в интерьерах богатых храмов.

В решительной борьбе с двоеверием феодальное государство и православная церковь использовали все средства физического и идеологического воздействия на свою полухристианскую, полуязыческую паству. От XI—XIII вв. дошли разнообразные документы — Устав Владимира Святославича, Устав Ярослава Владимировича, Устав новгородского князя Всеволода Мстиславовича, Уставная грамота Ростислава Мстиславовича Смоленской епископии 1150 г., Определения Владимирского собора 1274 г., изложенные в грамоте митрополита Кирилла II, а также другие памятники, в которые были включены соответствующие статьи, сурово каравшие за двоеверие. Сохранилось немало полемических сочинений, гневно обличавших языческие пережитки и призывавших прихожан укрепиться в христианской вере. Отметим поучения и проповеди Кирилла Туровского, владимирского епископа Серапиона, митрополитов Даниила и Иоанна, а также ряд других слов и поучений, резко критиковавших двоеверческие представления паствы.

Примерно с начала XIV в. в этой борьбе наступил перелом. В обстановке психологической депрессии, вызванной ужасами нашествия хана Батыя и последовавшим за этим установлением системы ордынского ига, церковники значительно укрепили свои позиции. Правда, окончательно ликвидировать двоеверие им так и не удалось. В некоторых пережитках оно сохранялось у русских, украинских и белорусских крестьян до XIX в.

Постепенное преобладание православия привело к значительным изменениям в характере древнерусской культуры. Церковники начали усиленно насаждать свой идеал красоты, призванный прославлять и утверждать основы христианского вероучения. Искусство двоеверцев начало терять в глазах читателей какую-либо художественную ценность. Памятники письменности, не отвечавшие канонам ортодоксального христианского искусства, сохранявшие хотя бы следы двоеверческих традиций, методически изымались из обращения. Церковная цензура, документально прослеживаемая с 1073 г., отсекала целые пласты книжной культуры Древней Руси [13]. Тот факт, что один список «Слова» все же сохранился до конца XVIII в., следует рассматривать как невероятную удачу, шансы которой были ничтожно малы.

Современные представления о характере древнерусской литературы сложились на основе изучения сохранившихся до наших дней памятников. На самом деле они представляют только фрагменты одной стороны духовной культуры Древней Руси. Совершенно естественно, что на их фоне «Слово» выглядит одиноко.

Если полемические сочинения церковников, направленные против двоеверия, в какой-то мере помогают реконструировать

---

[13] См.: Изборник 1073 г. ГИМ. Син. № 31-д. Богословица от словесности. Л. 253, 253 об., 254.

сложный синтез сложившихся в нем христианских и языческих верований, то об эстетических воззрениях двоеверцев они почти ничего не говорят. Однако высокий художественный уровень древнерусского декоративно-прикладного искусства, в той или иной степени связанного с двоеверием, позволяет допустить, что в XII в. были созданы не менее талантливые произведения устной поэзии и письменной литературы, отражавшие это мировоззрение.

Языческие мотивы в «Слове» — вовсе не те элементы декора, в роли которых они выступают в литературе XVIII—первой трети XIX в. Они составляют органическую часть всей структуры песни, определяют характеристики действующих лиц, анимизированной природы, на фоне которой развертываются события.

На большое значение в «Слове» языческого начала сразу обратил внимание К. Маркс. В письме к Ф. Энгельсу из Лондона в Манчестер от 5 марта 1856 г. он писал: «Вся песнь носит героически-христианский характер, хотя языческие элементы выступают еще весьма заметно» [14].

Сравнивая «Слово» с сохранившимися памятниками художественной прозы Древней Руси, нельзя не отметить чрезвычайно высокий профессиональный уровень творчества его автора. Этот феномен требует своего объяснения. Достичь такой ясности и четкости построения, высокой эмоциональности, отточенности языка невозможно без определенного этапа проб и ошибок. Логично допустить, что еще до создания «Слова» были написаны какие-то произведения, в которых были разработаны творческие приемы, использованные затем в песне о походе Игоря. К сожалению, до нас они не дошли, хотя их фрагменты можно уловить. В тексте «Слова» не менее 6 раз цитируется песнотворец Боян, соловей старого времени. Анализ этих весьма фрагментарных отрывков позволяет думать, что Боян был духовно и стилистически близок автору «Слова», хотя, по его мнению, к концу XII в. Боян явно устарел.

В связи с изложенной оценкой «Слова» встает важный вопрос, который еще не привлек внимание литературоведов. Почему «Слово», практически не получившее признания в период средневековья, активно вошло в русскую культуру XIX—XX вв., а близкая к нему «Задонщина», весьма популярная в Московской Руси, в новое время стала достоянием специалистов?[15] Оба памятника являются не только литературной парой по фабуле и сюжету. Как писал К. Маркс, «суть поэмы — призыв русских князей к единению как раз перед нашествием собственно монгольских полчищ» [16]. «Задонщина» прославляла успех объеди-

---

[14] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1962. Т. 29. С. 16.

[15] См.: *Дмитриев А. А.* «Слово о полку Игореве» и русская литература // Слово о полку Игореве». Л., 1967. С. 69—92; *Прийма Ф. Я.* «Слово о полку Игореве» в русском историко-литературном процессе первой трети XIX в. Л., 1980.

[16] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 29. С. 16.

ненных русских полков в огромной битве на Куликовом поле. Если исходить только из содержания памятников, можно было бы предположить, что «Задонщина» имела гораздо больше шансов получить признание читателей XIX и XX вв., чем «Слово», повествующее о неудачном и незначительном походе на половцев новгород-северского князя с его родичами.

В настоящее время стало общепризнанным, что «Задонщина» является вторичной по отношению к «Слову». В связи с этим в рассматриваемой литературной паре должны проявиться закономерности взаимоотношений оригинала и повторения. В подавляющем большинстве случаев всякие повторения, подражания, переработки, пародии, копии, антитезы по своим художественным достоинствам стоят ниже оригинала. С точки зрения общей теории искусств это явление совершенно закономерно и легко объяснимо. Оригинальное произведение отражает свою эпоху в самых разных ее проявлениях. Поэтому в таких произведениях, если они выполнены на достаточном профессиональном уровне, форма и содержание обычно соответствуют друг другу. Любое повторение содержания и формы есть копия, новодел, подделка, не имеющая никакого художественного значения. Использование разработанного ранее сюжета, облаченного в одежды другого времени, приводит к тому, что между содержанием и формой вторичного произведения возникают непреодолимые противоречия, снять которые крайне трудно.

Идейная основа любого произведения художественной прозы в конечном итоге определяется философскими взглядами автора. Этот постулат приводит к весьма важному вопросу — различию мироощущений авторов «Слова» и «Задонщины». Как эти два неизвестные нам писателя разных эпох воспринимали и воспроизводили в своих творениях окружающий их мир и людей, живших в нем? Какими глазами, с каких философских позиций они смотрели на своих героев?

К. Маркс и Ф. Энгельс неоднократно отмечали, что христианская философия была пронизана элементами стихийного материализма [17]. Остатки этих ранних стихийно-материалистических представлений об окружающей природе и обществе в какой-то мере сохранились в системе мировоззренческих взглядов русских двоеверцев. С усилением всепроникающего господства церкви ее философские взгляды и гносеологические представления стали между человеком и природой, значительно деформировав сложившиеся ранее связи. Элементы стихийно-материалистического восприятия мира, занимавшие определенное место в эклектической по своей основе структуре натурфилософских воззрений русских двоеверцев, должны были опосредованно проявиться в литературе, созданной в этой среде.

Попытаемся определить некоторые черты, формировавшие

---

[17] См.: Там же. Т. 20. С. 142, 502, 640.

стиль «Слова». Автор песни не идеализировал своих героев. Скорее наоборот, даже те из них, кому он явно симпатизировал, показаны далеко не в иконописном виде. Как реальные живые люди, его герои несут в себе одновременно и отрицательные и положительные черты. Игорь показан как смелый, отважный воин, защитник русской земли. Но вместе с тем автор подчеркивает, что сепаратистские действия Игоря нарушают идею единства князей, что именно он, выступив в одиночку, не только виновен в гибели своей дружины, но и ответствен за последовавшие набеги половцев. Его поступки определяют не логика государственного мужа и расчет военачальника, не верность сюзерену, а необузданное честолюбие, эмоциональный порыв, импульсивность решений. Такой прием был явной антитезой принципа преднамеренной идеализации положительных героев, обязательного для традиционных стилей официального феодально-христианского искусства Древней Руси. Как уже было показано выше, образы других основных действующих лиц — Ярославны, Всеслава Полоцкого также нарушают нормы искусства и корпоративный этикет данной эпохи.

Князья и святые в литературе и изобразительном искусстве той эпохи не знали душевной борьбы, внутренних конфликтов. Их поступки и решения были всегда строго детерминированы социальным статусом, нормами поведения сословия, к которому они принадлежали. В летописях, житиях и других памятниках письменности домонгольской Руси нельзя проследить духовного развития или противоречий внутреннего мира личности. Гамлетовский вопрос — «быть или не быть» — перед ними еще не возникал. Даже тогда, когда писатель сообщал о колебаниях героя, в конце концов оказывалось, что он просто взвешивал все обстоятельства, все «за» и «против», но никогда не испытывал нерешительности.

Требования феодальной чести, верность сюзерену должны были неукоснительно соблюдаться. Между тем и Игорь и Всеслав относятся к ним весьма своеобразно. Так, 15 сентября 1068 г. во время восстания киевлян против своего законного князя Изяслава Всеслав был освобожден из заключения восставшими и, опираясь на них, захватил великокняжеский престол. Со свойственным автору «Слова» лаконизмом поэт дает только намек, который, по-видимому, был вполне понятен современникам. Через год, не задумываясь над проблемами этики, Всеслав тайно, ночью бежал из Белгорода, предав своих союзников горожан перед решительной битвой с войсками наступавшего на Киев Изяслава в союзе с польским королем Болеславом. Конечно, можно возразить, что ожесточенная борьба за киевский престол была постоянным явлением и никакими законами этики или чести не ограничивалась. Но современники событий знали и ценили мужественное и благородное решение Игоря, когда его войско было окружено превосходящими силами половцев, принять бой, а не прорываться с конной дружиной, оставив на гибель пешую рать.

Автор «Слова» обращал большое внимание на духовный мир своих героев. В ряде случаев их поступками руководили не подсказанные этикетом решения, а внутренние, личные мотивы, обусловленные высоким накалом страстей. На этой основе возникла подчеркнутая эмоциональность повествования. Например, сколько искреннего горя и тоски звучит в плаче Ярославны! Не случайно этот отрывок привлек к себе внимание многих поэтов. Его переводили Ф. Глинка, И. Козлов, В. Соловьев, С. Городецкий, А. Прокофьев, В. Звягинцев, Л. Татьяничева, П. Антокольский, Н. Рыленков и другие поэты.

Философская мысль средневековья мучительно билась над разрешением проблемы взаимоотношения свободы воли и божественного провидения. Если возможности божества безграничны, то поступки людей строго и заранее детерминированы. В общих чертах эти представления разделяли авторы летописных сводов, житий и других памятников письменности Древней Руси. Но при этом они не снимали с человека ответственности за его поступки.

Автор «Слова» утверждал другую точку зрения. Затмение солнца в Древней Руси обычно расценивалось как недоброе предзнаменование [18]. Во время похода 1 мая 1185 г. у берега реки Донец солнечное затмение предупреждало Игоря о грядущей неудаче. Однако князь не внял указаниям «знамения». Автор объясняет такое решение следующими словами: «. . .жалость ему знамение заступи, искусити Дону великаго» [19]. Приняв решение продолжать поход, Игорь тем самым бросил вызов высшим силам. Князь сам определил судьбу своих воинов, своих родственников — удельных князей и лично свою.

Нагнетая чувство тревоги за судьбу русских полков, автор дважды обращается к этому сюжету. Не только затмение солнца, но и окружающая природа предостерегает князя. И хотя явная авантюра закончилась неизбежным разгромом, автор завершает песнь благополучным концом — Игорь «со славой», к общей радости, возвращается на Русь. Событие это изображается в «Слове» таким образом, что человек может сам решать свою судьбу, что он обладает правом выбора даже в том случае, если его решение противоречит «знамению» небес.

Внутренне противоречив сам замысел песни о походе Игоря. Автор призывает русских князей к единству на примере типично удельного поведения Игоря, которое, однако не вызывает осуждения. В «золотом слове» великого князя Святослава, которое, по сути дела, излагает авторскую позицию, в адрес Игоря не было сказано ни одного резкого слова упрека. А ведь было за что! Такая диалектическая трактовка сюжета полностью противоречит

---

[18] См.: *Робинсон А. Н.* Солнечная символика в «Слове о полку Игореве» // «Слово о полку Игореве»: Памятники литературы и искусства XI—XVII вв. М., 1978. С. 7—58.

[19] Слово о полку Игореве / Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1950. С. 10. (Лит. памятники).

основным нормам официального христианского искусства Древней Руси.

Большое значение для понимания художественной структуры и философского базиса «Слова» имеет авторский комментарий. Автор не только показывает своих героев, он объясняет их поступки, дает им оценки. Завершая рассказ о князе-оборотне, князе-волхве Всеславе Полоцком, автор с явной симпатией и сочувствием добавляет от своего имени: «Аще и вѣща въ дръзѣ тѣлѣ нъ часть бѣды страдаше». В обстановке ожесточенной борьбы с двоеверием выражение симпатии князю-оборотню церковь должна была расценить как тяжелый грех.

Искусство и литература Древней Руси изображали людей, высоко стоявших на лестнице феодальных отношений. Все остальные члены общества либо вообще не интересовали автора, либо, если их все же приходилось включать в композиции, превращались в безликий фон, массу, толпу. Так, иконописцы и миниатюристы, изображая сцены боя, писали на первом плане несколько условных шлемов, передающих колонны воинов. Но даже сами герои-князья или святые не имели индивидуальных характеристик. Всегда и очень тщательно изображались внешние атрибуты их социального статуса: у князей — княжеские шапки и меч у пояса, у монаха — монашеские одеяния, крест, у воина — боевое снаряжение и вооружение. Они — символы, воплощавшие феодально-христианский правопорядок, мораль, идеологию. Поэтому внешне так схожи все князья, представители высшего духовенства, святые, монахи на иконах, в житиях и летописях. Данное положение, правильное в своей основе, вовсе не исключает возможность индивидуальных характеристик. Так, в Ипатьевской летописи под 1180 г. указано, что смоленский князь Роман Ростиславич был «. . .ростом высок, плечами велик, лицом красен».

В «Слове» действующим лицам приданы индивидуальные черты, показаны их слабые и сильные стороны. Исключительное место в художественной ткани песни занимают описания природы и животного мира южнорусских степей [20]. Восприятие природы как разумного начала, ее анимизация были характерными чертами мировоззрения двоеверцев.

Отмеченные особенности творчества автора «Слова», по-видимому, не являются случайными. Они тесно связаны между собой, сливаются в единую стилевую систему, которая пока еще не имеет названия.

Основное значение «Задонщины» заключается в том, что она является типичным произведением ортодоксального христиан-

---

[20] См.: *Шарлемань Н. В.* Из реального комментария к «Слову о полку Игореве» // ТОДРЛ. М.; Л., 1946. Т. 6. С. 117—124; Природа в «Слове о полку Игореве» // «Слово о полку Игореве»: Сб. исслед. и ст. М.; Л., 1950. С. 212—217; Заметки натуралиста к «Слову о полку Игореве» // ТОДРЛ. М.; Л., 1951. Т. 8. С. 53—67.

ского искусства [21]. В «Задонщине» слова, обороты и образы, связанные с православием, употреблены не менее 75 раз. Христианское мышление полностью доминирует над разрозненными обломками язычества, которые прослеживаются только в четырех случаях. Два раза Боян назван «вещим» и два раза упомянуто некое «Диво», которое то свергается на землю, то кричит.

В «Задонщину» по аналогии со «Словом» введен пассаж с плачем жен. Ярославна обращается с мольбой к Днепру Словутичу, прося его принести к ней ее мужа. Хорошо известно, что языческая Русь поклонялась водной стихии в образе рек, озер, источников. Просьба Ярославны в этом плане была логична. Совершенно по-другому звучит плач знатных дам в «Задонщине». Повторяя канву плача Ярославны, автор этого произведения описывает плач Марии, жены боярина и воеводы великого князя Микулы Васильевича. Рано утром на забралах городских укреплений Москвы она просила быструю реку Дон прилелеять ей ее господина. Это обращение к Дону было явно бессмысленно в нашем понимании, так как несколькими строками выше автор дважды сообщает, что Микула Васильевич пал смертью храбрых. Большой отрывок текста «Задонщины», посвященный плачу московских и коломенских жен, не содержит никаких языческих мотивов. Обращение московских жен к великому князю является просьбой усилить охрану южных рубежей Руси от набегов татар.

Сличение информации, содержащейся в двух упомянутых отрывках, отчетливо показывает, в каком направлении шла переработка «Слова». Исследователи неоднократно отмечали, что автор «Задонщины» во многих случаях не понял смысла текста и содержания образов «Слова», от которых он отталкивался. По-видимому, дело не только в этом. Как представитель другой исторической эпохи, автор «Задонщины» не мог принять двоеверческую основу произведения своего предшественника. Он сознательно и по мере возможности старательно перерабатывал их в соответствии с идеологией своего времени. Сохраняя формально целые куски текста, отдельные слова и выражения, он тщательно устранял все языческие реминисценции «Слова», вводя на их место мотивы, соответствующие христианской идеологии. Эта перелицовка методически проходит через весь текст. «Задонщина» — не только антитеза «Слову» по сюжету. В «Слове» идет рассказ о разгроме русских дружин, в «Задонщине» — об уничтожении огромной ордынской рати Мамая. В «Слове» — грозные предзнаменования адресованы русским, в «Задонщине» — татарам. О противопоставлении «Слова» и «Задонщины» по жанру и стилю достаточно подробно писал

---

[21] См.: Повести о Куликовской битве. М., 1959; «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. М.; Л., 1966. Текст «Задонщины» см. в кн.: Слово о полку Игореве. Л., 1967. С. 363—373. Одним из первых, кто обратил внимание на глубокие философские и художественные различия этих произведений, был бельгийский славист Жан Бланкоф (*Blankoff I.* Les presages dans de Lit d'Igor et la Zadonscina. Extrait de Annaire de l'Institut de Philologie et Histoire Orientales et Slaves. Bruxelles, 1960. T. 15).

Д. С. Лихачев [22]. Об образах этих повестей имеются интересные соображения в сборнике «Куликовская битва в литературе и искусстве» (М., 1980).

Однако все перечисленные и неотмеченные отличия «Слова» от «Задонщины» в конечном итоге являются вторичными от основного вопроса о том, как авторы этих произведений относились к проблеме философского восприятия мира.

Каждая философская система создавала свое искусство, со своим идеалом красоты. Искусство русского двоеверия, опиравшееся в определенной мере на философию стихийного материализма, содержало значительные элементы реалистического отражения мира. Конечно, это не был реализм в современном значении. Говоря об элементах реалистичности в древнерусской литературе, Д. С. Лихачев отметил, что советские литературоведы применяют термины «средневековый реализм», «стихийный реализм» или «тенденции реализма», «реалистические тенденции» [23]. В «Слове» элементы реалистичности представлены в таком количестве и выполняют настолько важную роль, что превращаются в качественно иное явление. Возникает некая структура, которую условно можно назвать «протореализмом». Для периода XIII—XVI вв. количество и значение подобных элементов резко сокращается. Снова они начинают нарастать со второй половины XVII в., что стало характерной особенностью искусства московского барокко.

Здесь мы снова подошли к вопросу; почему «Слово», которое мы считаем шедевром древнерусской литературы, было практически неизвестно в Московской Руси? «Задонщина» и связанное с ней «Сказание о Мамаевом побоище» — это, по сути дела, диалектическое отрицание художественных и философско-религиозных основ «Слова».

Читатели Московской Руси, выросшие в эпоху всепроникающего господства церкви и доминирования искусства, порожденного идеалистическим видением мира, не могли ни понять, ни принять «Слова».

Читатели Нового времени, воспитанные на русской и западноевропейских литературах реалистического направления, обладавшие высокой читательской культурой, воспринимали «Слово» как художественный рассказ о событиях и людях, действовавших в реальной обстановке. Поступки главных героев песни о походе Игоря мотивированы причинно-следственными связями, понятными новому поколению. В какой-то мере созвучным им оказался художественный строй «Слова». По-видимому, в этом заключается одна из основных причин изменения отношения к «Слову» в разные периоды истории.

---

[22] См.: *Лихачев Д. С.* Поэтика древнерусской литературы. 3-е изд. М., 1979. С. 189—203.

[23] Там же. С. 129—160.

В. Д. Черный

«СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ» И КНИЖНЫЕ МИНИАТЮРЫ

Уже давно минуло то время, когда «Слово о полку Игореве» называлось «уединенным памятником в пустыне нашей древней словесности» [1]. За прошедшие после этого высказывания А. С. Пушкина 150 лет многочисленные исследования литературоведов убедительно продемонстрировали разнообразные связи «Слова» с другими литературными произведениями средневековой Руси. Последние десятилетия были ознаменованы выходом в свет работ обобщающего характера, позволяющих составить достаточно полное представление об отношении «Слова» к устному народному творчеству [2], о закономерностях его стилистических, жанровых и поэтических характеристик как произведения XII в.[3] Качественно новой можно назвать попытку представить «Слово» в контексте мировой литературы средних веков [4]. Весьма плодотворными следует признать усилия по изучению исторического содержания памятника [5]. Но еще потребуется немалая работа различных специалистов, чтобы оценить его как явление древнерусской культуры [6]. В русле этого направления и поставлена частная задача по сопоставлению художественных образов «Слова» и книжной миниатюры.

В тексте «Слова» не раз упоминается о стремлении персонажей «мысленно» измерить поля, обратить свой взор на далекие во времени или пространстве события, «свить» воедино славу прошлого

---

[1] *Пушкин А. С.* О ничтожестве литературы русской // Собр. соч.: В 10 т. М., 1981. Т. 6. С. 206.

[2] См.: *Адрианова-Перетц В. П.* «Слово о полку Игореве» и устная народная поэзия // Слово о полку Игореве. М.; Л., 1950. (Лит. памятники.)

[3] См.: *Лихачев Д. С.* «Слово о полку Игореве» и культура его времени. Л., 1978; 2-е изд., доп. Л., 1985.

[4] См.: *Робинсон А. Н.* Литература Древней Руси в литературном процессе средневековья XI—XIII вв. М., 1980.

[5] См.: *Рыбаков Б. А.* «Слово о полку Игореве» и его современники. М., 1971; *Он же.* Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». М., 1972; и др.

[6] Анализ событий и памятников культуры, предпринимаемый исследователями «Слова», преследовал цель не столько определить его взаимосвязи с современной ему культурой, сколько показать общие условия, в которых было создано великое произведение. См.: *Воронин Н. Н.* «Слово о полку Игореве» и русское искусство XII—XIII вв. // Слово о полку Игореве. М.; Л., 1950; и др.

и настоящего, растечься «мыслию по древу» или вознестись «умом под облака» «Мысленно» представить ту или инкую ситуацию — значит нарисовать в своем воображении некую картину, порой невероятную в реальной жизни. Поэт стремится выделить только самое главное и характерное, с его точки зрения, зачастую представляемое им в аллегорическом плане, благодаря чему складываются образы определенного места и действия. При всем очевидном желании автора «Слова» наглядно показать перипетии похода князя Игоря, он не задается целью раскрыть содержание каждого образа, взятого из арсенала современной ему культуры. Смысл, заложенный в таких образах, понятен тем, для кого предназначалось произведение.

В то же время каждый вид художественного творчества обладает своей спецификой. Если текст, называя ситуацию, только призывает зрительно представить определенный образ, то живописное изображение на сходную тему доступными ему средствами в какой-то мере реализует эту задачу.

К исследованию привлекается комплекс дошедших до нашего времени изобразительных источников — книжных миниатюр, посвященных событиям русской истории XII—XVI вв. и способных в определенной мере проиллюстрировать содержание поэтического текста. Это прежде всего лицевые летописные своды — Радзивиловская летопись конца XV в. [7], являющаяся копией более древней рукописи, восходящей по крайней мере к началу XIII в.[8], и Лицевой летописный свод XVI в.[9] Лицевое «Сказание о Борисе и Глебе» XII в.[10] представлено списками: сильвестровским (XIV в.) [11] и лихачевским (XV в.) [12]. Созвучные «Слову» образы содержатся в «Сказании о Мамаевом побоище», из многочисленных списков которого восемь являются лицевыми. Датируются они в основном XVII в. (один — Прянишникова —

---

[7] См.: БАН АН СССР. 34.5.30. Опубликована: Радзивиловская, или Кенигсбергская летопись. СПб., 1902. Т. I—II. ОЛДП. № CXVIII.

[8] См.: *Кондаков Н. П.* Заметка о миниатюрах Кенигсбергского списка начальной летописи // Радзивиловская, или Кенигсбергская летопись. Т. II. С. 115—127; *Айналов Д. В.* О некоторых сериях Радзивиловской летописи // Изв. ОРЯС. СПб., 1908. Т. XIII. Кн. 2. С. 307.

[9] Из десяти сохранившихся томов семь относятся к русской истории за 1113—1567 гг.: Голицынский (шифр: ГПБ. F.IV.225. Далее: Г.), Лаптевский (ГПБ. F. IV. 233. Далее: Л.), Остермановский I (БАН. 31.7.30. Далее: О-I), Остермановский II (БАН. 31.7.30. Далее: О-II), Шумиловский (ГПБ. F.IV.232. Далее: Ш.), Синодальный (ГИМ. Синод. 962. Далее: С.), Царственная книга (ГИМ. Синод. 149. Далее: Ц.).

[10] См.: *Айналов Д. В.* Очерки и заметки по истории древнерусского искусства: Миниатюры «Сказания о Борисе и Глебе» Сильвестровского списка // Изв. ОРЯС. СПб., 1910. Т. XV. Кн. 3. С. 12.

[11] См.: ЦГАДА. Ф. 381. № 53; *Срезневский И. И.* Сказания о святых Борисе и Глебе: Сильвестровский список XIV века. СПб., 1860.

[12] См.: *Лихачев Н. П.* Лицевое житие святых благоверных князей русских Бориса и Глеба: По рукописи конца XV столетия // ОЛДП. СПб., 1907. Т. CXXIV. ЛОИИ. Ф. 238. № 71.

1894 г.)[13], но происходят от одного архетипа, созданного, вероятно, в 60-е годы XV в.[14] Анализ широкого круга книжных миниатюр исторического содержания, как восходящих ко времени создания «Слова», так и более поздних, позволит наглядно продемонстрировать средства построения художественных образов в древнерусской культуре, диапазон их значений и, наконец, направления их развития.

До последнего времени не было работ, специально посвященных взаимосвязям «Слова» и книжной миниатюры, хотя о необходимости параллельного рассмотрения произведений литературы и изобразительного искусства говорилось неоднократно[15]. Как правило, авторы ограничивались отдельными замечаниями по поводу реалистичности отраженных в миниатюрах деталей. Так, в лекциях А. С. Орлова обращалось внимание на «Сказание о Борисе и Глебе» по сильвестровскому списку: «Эти иллюстрации замечательны по реализму: например, у русских воинов красные щиты, „червленые“ по „Слову о полку Игореве“; воинский значок на древке — лошадиная челка, как в „Слове о полку. . .“»[16]. Неоднократно в качестве иллюстраций использовались миниатюры Радзивиловской летописи, повествующие о походе князя Игоря, и только совсем недавно они стали предметом изучения. Впервые миниатюры на эту тему в Радзивиловской летописи и Лицевом летописном своде XVI в. получили подробный научный комментарий[17]. Вместе с тем миниатюры в данных статьях рассматривались в связи с их текстовой основой — летописной информацией, а не самим «Словом». Существующий пробел в изучении памятника в определенной мере и должна восполнить наша работа.

Как недавно было установлено, «солнечная символика идейно и композиционно обрамляет „Слово“, а также последовательно проходит через все лиро-эпическое повествование в качестве внут-

---

[13] См.: Британский музей. Шифр: Т. 51 (Лон.); ГИМ. Увар. № 1435 (Ув.) — опубликован: *Дианова Т. В.*, *Черниловская М. М.*, *Шульгина Э. В.* Сказание о Мамаевом побоище. М., 1980; ГИМ. Муз. № 2596 (М.); ГИМ. Увар. № 999а (У.) — опубликован: *Дианова Т. В.* Сказание о Мамаевом побоище: (Лицевая рукопись XVII века из собрания Государственного Исторического музея). М., 1980; ГИМ. Барс. № 1798 (Б.); ГБЛ. Муз. № 3123 (P_1) — опубликован: *Шамбинаго С. К.* Сказания о Мамаевом побоище // ОЛДП. СПб., 1907. Вып. CXXV; ГБЛ. Муз. № 3155 (P_2) — опубликован: *Дмитриев Л. А.* Сказание о Мамаевом побоище. Л., 1980.

[14] См.: *Черный В. Д.* «Мамаево побоище» в древнерусских миниатюрах: (Миниатюра как культурно-исторический феномен) // Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины. М., 1983. С. 200—209.

[15] См.: *Лихачев Д. С.* Устные истоки художественной системы «Слова о полку Игореве» // Слово о полку Игореве. М.; Л., 1950; *Он же.* Человек в литературе Древней Руси. М., 1970; *Он же.* Поэтика древнерусской литературы. 3-е изд. М., 1979. С. 22—54.

[16] *Орлов А. С.* Древняя русская литература XI—XVI вв. М.; Л., 1937. С. 110.

[17] См.: *Морозов В. В.* Лицевой летописный свод о походе Игоря Святославича // ТОДРЛ. Л., 1985. Т. 38. С. 520—536.

ренней темы, мотивирующей излагаемые события» [18]. Столь заметное место солнца в поэме определяется тем значением, которое придавалось ему древними русичами. Со «знамениями» соотносили люди свое будущее, с восходами и заходами — душевное состояние и пространственные границы своего бытия. Едва ли не исчерпывающими параметрами существующего мира называет популяр-

Пример ориентировки изображения на север («луна рогами на север»). Миниатюра Радзивиловской летописи, XV в., л. 152 нижняя, БАН СССР.

нейшая на Руси книга песнопений Псалтырь [19] восток и запад: «Бог богов Господь глагола и призва землю от востока до запад. . .» [20]. «Посолони», т. е. следуя за солнцем, описываются земли и народы в «Повести временных лет», «Слове о погибели земли Русской». Тот же принцип описания сохраняется и в «Слове о полку Игореве» [21].

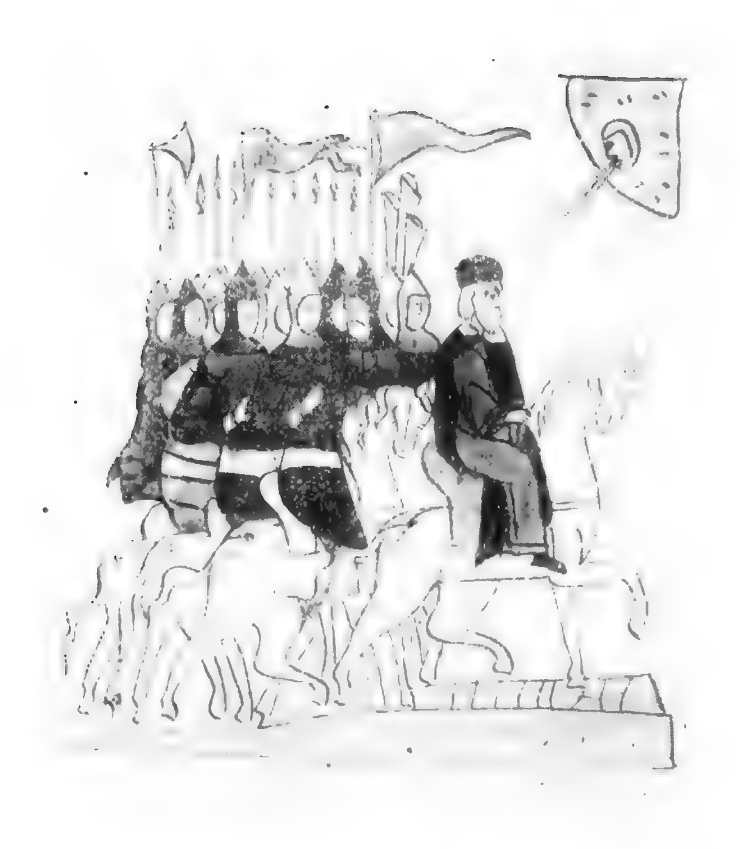
---

[18] *Робинсон А. Н.* Солнечная символика в «Слове о полку Игореве» // «Слово о полку Игореве»: Памятники литературы и искусства XI—XVII вв. М., 1978. С. 57.

[19] См.: *Порфирьев И.* Употребления книги Псалтырь в древнем быту русского народа // Православный собеседник. Казань, 1857. Такие же предельные границы пространства называются и в устном народном творчестве, в частности в сказках. Так, персонаж сказки «Мудрые ответы» на вопрос: «А широка ли (в данном контексте — велика ли. — *В. Ч.*) земля?» — отвечает: «Вон там солнце всходит, а там заходит — столь широка!» // Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: В 3 т. М., 1957. Т. 3. № 326.

[20] *Щепкина М. В.* Миниатюры Хлудовской псалтыри: Греческий иллюстрированный кодекс IX в. М., 1977. Л. 48 об.

[21] См.: *Сумаруков Г. В.* Кто есть кто в «Слове о полку Игореве». М., 1983. С. 55—63.

Выход русского воинства на Куликовскую битву. 1380 г. Миниатюра Лондонского лицевого списка «Сказания о Мамаевом побоище», XVII в., л. 17 об., Британский музей.

Впрочем, особенности мировосприятия того времени отражались не только в литературных произведениях. Книжная миниатюра едва ли не в большей мере выражает это своеобразие, ибо перед художником прямо ставится задача обозначить окружающий мир в конкретных его проявлениях и очертаниях. Но всегда неизменной остается полоска листа, отведенная под сюжетную миниатюру. Большая часть этой полосы используется как «вертикальный фон» и только узкая лента в нижней части изображения показывает глубину пространства и трактуется как «горизонтальная плоскость». На нее опираются основания зданий, по ней движутся люди и животные. «Ленточная», или «фризовая», композиция, свойственная не только наиболее древним русским, но и византий-

ским и болгарским рукописям [22], предполагает развитие действия только по горизонтали в пределах отведенного для этого места. В такой композиции изображения, сохранявшейся на Руси до конца XV в., становится практически невозможным параллельный показ сюжетов; неожиданный переход от одной темы к другой. Повествование в ранней миниатюре на всем своем протяжении сохраняет последовательность событий, не перебивается резкими отступлениями. Все эти качества, в равной мере присущие и фольклору, и древней литературе, характеризуются как «однолинейность» в развитии действия [23].

Примечательно, что направленность действия в миниатюрах определенным образом ориентируется. Достаточно обратить внимание на те изображения, в сопроводительном тексте к которым названы части света. В Радзивиловской летописи восток показан с левой стороны (л. 12, 22 нижняя (далее: н.), а север — с правой стороны (л. 132 н. — см. иллюстрацию; 135, 152 н.). Хотя запад и юг не отразились в рисунках, определить их местоположение не составляет труда. Запад должен занять правую сторону — противоположную востоку, а юг — левую, противоположную северу. Таким образом, восток и юг, так же как и запад и север, в миниатюрах Радзивиловской летописи полностью идентифицируются [24]. Для композиции, в которой предусмотрено только два направления движения, такая поляризация вполне естественна. Тем более что восток—юг и запад—север близки по своему символическому значению и в этом смысле трактуются однозначно: рай и ад, бог и дьявол, добро и зло. . . В основе ориентировки изображения не столько реальная географическая среда, сколько полюса морально-нравственных ценностей, типичная для средневековья «двумирность» восприятия пространства [25]. Не случайно средневековый человек рассматривал и географическое путешествие как перемещение по «карте» религиозно-моральных систем: те или иные страны мыслились как еретические, поганые или святые [26]. Выделение в географическом пространстве полюсов «добра» и «зла» не чуждо и книжным рисункам, где «праведной» стороной является левая, а «неправедной» — правая. Слева изображаются русские, воюющие со своими врагами, а в сценах междоусобий

---

[22] См.: *Щепкина М. В.* Болгарская миниатюра XIV в. М., 1963. С. 111—112. *Подобедова О. И.* Миниатюры русских исторических рукописей: К истории русского лицевого летописания. М., 1965. С. 54—56.

[23] См.: *Лихачев Д. С.* Поэтика древнерусской литературы. С. 237, 247, 251 и др.

[24] Совпадение расположения стран света свойственно и миниатюрам ряда других рукописей, в частности топографии Космы Индикоплова. См.: *Редин Е. К.* Христианская топография Козьмы Индикоплова по греческим и русским спискам. М., 1916. Ч. I. С. 76—83.

[25] См.: *Гуревич А. Я.* Проблемы средневековой народной культуры. М., 1981. С. 218.

[26] См.: *Лотман Ю. М.* О понятии географического пространства в русских средневековых текстах // Труды по знаковым системам: (Учен. зап. Тартус. гос. ун-та. Вып. 181). Тарту. 1963. Т. 2. С. 212.

воинства тех княжеств, с позиций которых освещает ситуацию художник (чаще всего вслед за летописцем). Это правило может иметь особое толкование, когда русские князья-язычники выступают против христиан. Такой случай проиллюстрирован в Радзивиловской летописи под 866 г. (10 н.), когда князья-язычники Аскольд и Дир пытаются взять штурмом Константинополь, но патриарх Фотий омачивает в море ризу Богородицы Влахернской и поднявшаяся буря «безбожных руси корабли смяте».

С «нравственного востока» в миниатюрах Радзивиловской летописи на половцев выступает и дружина князя Игоря (232 об., 233 верхняя (в.), 233 н., 233 об.[27]). Для миниатюриста это отнюдь не заурядный набег князей, а высокая моральная миссия. Такое звучание изображения приобретают благодаря четкому противопоставлению противоборствующих сторон, знамя одной из которых венчает крест, а другой — полумесяц [28]. Подобная поляризация свойственна и «Слову». Весь мир в нем как бы разделен на Русскую и Половецкую земли. Устремляя свой полк в половецкие степи, Игорь стремится прежде всего отстоять позиции Руси («на землю Половѣцькую за землю Руськую»). Борьба с «погаными» возвышается до уровня отстаивания нравственных позиций. И основную роль в этой теме играет солнечная символика.

Стоило походу начаться, а участь его, согласно средневековому мировоззрению, уже была предопределена божественным провидением. Его знаком стало прежде всего солнечное затмение. Упоминание о нем вполне сознательно вопреки хронологии выносится в начало «Слова», точно так же, как это делается в летописной повести из Суздальской летописи и соответственно в Радзивиловской летописи. Настойчивое стремление средневековых авторов связать затмение с конкретным историческим событием еще более заметно в последующее время. Особенно явственно эта тенденция проявляется в миниатюрах Лицевого летописного свода XVI в., где составитель, объединяя его с идущим под тем же годом событием, сопровождает текст общей миниатюрой [29]. Хотя иногда и здесь нарушается хронологический принцип и происшедшее позднее предзнаменование передвигается вперед в самый верх изображения, откуда в нем начинается повествование [30]. В такой связи становится более понятным и оправданным первое, казалось бы преждевременное, сообщение в «Слове» о солнечном затмении, которое некоторые исследователи предлагали считать как бы

---

[27] Летописная повесть о походе Игоря Святославича на половцев из Радзивиловской летописи содержит еще четыре миниатюры, повествующие уже о последующих этому походу событиях (234 в., 234 н., 234 об. в., 234 об. н.).

[28] См.: *Рыбаков Б. А.* Просвещение // Очерки русской культуры XIII—XV веков. М., 1970. Ч. 2.: Духовная культура. С. 174.

[29] См.: *Подобедова О. И.* Указ. соч. С. 206.

[30] См.: *Лихачев Д. С.* Поэтика древнерусской литературы. С. 48. Примечательно, что в Лицевом своде известие о солнечном затмении непосредственно предшествует повествованию о походе князя Игоря (Л. 640).

началом единого описания этого явления, ошибочно попавшим не на свое место [31].

Для того чтобы уточнить роль описаний затмения солнца в содержании «Слова», обратимся также к памятникам куликовского цикла, в частности к лицевым спискам «Сказания о Мамаевом побоище». В произведениях этого цикла много текстологических и смысловых параллелей со «Словом» [32]. Правда, вместо затемненного светила, «заступающего путь», солнце здесь «на восток сияеть и путь повѣдает» князю Дмитрию Ивановичу. К двум сюжетам имеют отношение изображения солнца в миниатюрах «Сказания». Первый из них — выход воинства на битву (Лон. 17 об. — см. иллюстрацию), второй — преддверие самой победы [33]. А между тем не один день и не одну ночь добирались русские воины до Куликова поля, и, думается, не раз за это время светило на небосводе солнце, но автор не считает нужным упоминать об этом, а художник — изображать. Каждый из эпизодов выполняет свою функцию в структуре повествования: в начале это своеобразная смысловая заставка грядущей победы, а финале — знак ее близости. В таком же ключе, вероятно, надо рассматривать и солнечное затмение в «Слове».

При столь пристальном внимании к затмению в «Слове» и отчасти в летописных повестях о походе князя Игоря вызывает некоторое удивление отсутствие соответствующей иллюстрации в Радзивиловской летописи. Такая ситуация объясняется в литературе стремлением миниатюриста к самостоятельной трактовке похода князя Игоря, его нежеланием показать в своих рисунках «тот дух пренебрежения к Игорю и к его неудачной затее, которым проникнут текст» [34]. Не возражая в принципе против этой точки зрения, попытаемся выяснить, как трактовалось затмение солнца, происшедшее во время похода Игоря. Согласно «Слову», князь вопреки предзнаменованию продолжил свой путь к Дону. Но этот свой шаг он не считает отчаянным. Перед ним дилемма: либо «главу свою приложити», либо «испити шеломомь Дону». Так же неопределенно толкуется знамение и в повести из Ипатьевской летописи, где Игорю приписываются слова: «. . .таины божия никто же не вѣсть, а знамению творѣць богъ и всемоу мироу своемоу, а намъ, что створить богъ или на добро или на наше зло, а то же намъ видити. . .» [35]. Как же видит экстремальное явление художник — современник князя Игоря? Знамения на страницах Радзивиловской летописи показаны довольно часто. Они всегда занимают центральное место в изображении и рассматриваются не сами

---

[31] См.: *Гудзий Н. К.* Еще раз о перестановке в начале текста «Слова о полку Игореве» // ТОДРЛ. М.; Л., 1956. Т. 12. С. 35—41.
[32] См.: «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. М.; Л., 1966.
[33] См.: *Черный В. Д.* Указ. соч. С. 206.
[34] *Рыбаков Б. А.* Просвещение. С. 174.
[35] ПСРЛ. М., 1962. Т. 2. Стб. 638.

по себе, а как некий знак судьбы для показанных тут же людей, о присутствии которых текст не сообщает (152 н., 154 об., 155 об. н., 172, 184 в., 238 об. н. и др.). Эти персонажи некоторым образом и проясняют отношение создателей протооригинала летописи к знамениям. Фигуры людей напряжены, взоры их обращены вверх, протянутые вперед руки с отставленными большими пальцами характеризуют молельную позу, мысленное обращение, ожидание. Такой жест персонажей, сопровождающий знамения, отразившийся в ранней книжной миниатюре, никак не согласуется с аналогичными изображениями более позднего периода. В Лицевом своде это уже зачастую жест скорби (Л. 215, 640; О—I. 131, 620; Г.272; Ш.951 и др.) — руки (или одна рука), прижатые к щекам, — прямое указание на ожидаемое несчастье [36].

Проведенные сопоставления зримо представляют разные оценки знамений в эпоху создания «Слова» и в последующее время. Первоначально, в момент, когда они происходили, вероятно, считалось предосудительным заранее предсказывать их значение. Слова Игоря («таины божия никто же не вѣсть. . .»), надо полагать, отражают не личное мнение князя, а господствующую точку зрения. Не зря художник Радзивиловской летописи не придает своим персонажам, наблюдающим за светилами, позы страдальцев, как это делает миниатюрист Лицевого свода. Поэтому вряд ли можно уличить князя Игоря в нарушении нравственных правил современного ему общества, когда он, несмотря на затмение, решается продолжить поход. Иное дело, как показано затмение в «Слове» — художественном произведении, где необходимо было найти подтверждение справедливости божественного предзнаменования и наделить содержание определенной моралью. Отсюда и солнце с самого начала как бы подсказывает Игорю («тъмою путь заступаше») прекратить дальнейшее продвижение навстречу половцам.

Как известно, русское войско, выступившее в поход 23 апреля, только спустя девять дней — 1 мая наблюдало солнечное затмение [37]. Но о многодневном переходе «Слово» не сообщает, словно «спрессовывая» весь этот период в один день. В момент затмения русичи уже достигли берегов Донца [38], или «чистого поля», как по-былинному определяет это место автор «Слова». И довольно точное указание Повести в Ипатьевской летописи и не столь четкое в «Слове» тем не менее не противоречат друг другу. В районе Донца проходила восточная граница окраинного Переяславского княжества [39]. В «чистое поле» — к пограничным рубежам — выезжали русские богатыри постоять за отечество. Это место воспри-

---

[36] См.: *Подобедова О. И.* Указ. соч. С. 55.

[37] См.: *Яценко Б. И.* Солнечное затмение в «Слове о полку Игореве» // ТОДРЛ. Л., 1976. Т. 21. С. 116—122.

[38] См.: ПСРЛ. Т. 2. Стб. 638.

[39] См.: *Насонов А. Н.* «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. М., 1951. С. 51; *Кучера М. П.* Переяславское княжество // Древнерусские княжества X—XIII вв. М., 1975. С. 124.

нимается как некий рубеж, и рубеж не только между русскими и половецкими землями. Здесь как бы кончается дневной круг солнца и проходит граница между светом и тьмою. Сразу же после первого рефрена: «О Руская землѣ! уже за шеломянем еси!» — в «Слове» описывается солнечный закат: «Заря свѣт запала»[40]. Русские воины словно пересекают границу между «востоком» и «западом»[41]. Конечно, имеется в виду запад не географический, а территория «греховного» мира язычников, вступление на которую символизирует сгущающаяся тьма наступающей ночи. Правда, затем описываются еще два утра, но о появлении солнца-светила (а не об аллегорических солнцах-князьях) в тексте вплоть до возвращения Игоря на Русь уже упоминается. Солнце, подобно самой Русской земле, надолго скрывается за холмом.

Слова редкой эмоциональной силы: «О Руская землѣ! уже за шеломянем еси!» — дважды звучат в «Слове» как горестный вздох об оставленной родине. Смысл этих слов вполне понятен: Русь уже не видна, она далеко. Буквально эта фраза художниками не иллюстрируется, поскольку не встречается в лицевых рукописях. Но образ некой земли, расположенной «за холмом», т. е. на значительном расстоянии, в миниатюрах встречается. Холм, увенчанный деревом, появляется в изображениях Радзивиловской летописи, когда в тексте речь идет об отдаленных землях, например, об отправке послов по приказу князя Ярослава Мудрого в 1015 г. «за море» за варягами (73 н.), о походе русского воинства в 1145 г. «на ляхи» (175 в.) и других дальних переходах (46 в., 46 н., 59, 161 и т. д.). В древнерусской живописи рассматриваемый образ приобретает значение постоянно используемой мировоззренческой категории. Категории не конкретной, но вполне осязаемой и в то же время легко подходящей для представления любого по протяженности пространства[42]. Весьма показательный в этом

---

[40] Толкованию этого выражения посвящено немало работ, где оно оценивается по-разному. Основная проблема, которая в них решается, связана с выяснением того, утренняя или вечерняя заря имеется в виду. См.: *Никольский А. А.* К толкованию текста «Слова о полку Игореве» («заря свет запала») // ТОДРЛ. М.; Л., 1960. Т. 16. С. 70—72. По нашему мнению, эти слова, как и предыдущие («ночь мрькнеть»), следует рассматривать как описание заката: . . .ночь сгущается, заря погасла («запала» — от слова «запад»). Такая трактовка в большей мере отвечает и символическому смыслу произведения.

[41] Абстрактной границей между «праведным» и «неправедным» миром, между светом и тьмою называет исследователь из Западного Берлина И. Клейн Донец. См.: *Клейн И.* Донец и Стикс: (Пограничная река между светом и тьмою в «Слове о полку Игореве») // Культурное наследие Древней Руси. Истоки, становление, традиции. М., 1976. С. 64—69. Но эта точка зрения совсем не противоречит тому, что наряду с Донцом за пограничный ориентир принимался и некий холм, скрывший за собою Русь. Ведь в «Слове» называется также два ориентира главных половецких кочевий — Дон и море.

[42] Это особенно хорошо видно на примере древнерусской живописи, в которой холмы играют важную роль в организации пространства. Если иллюстрируемое действие происходит за пределами населенного пункта, холмы

отношении пример содержится в «Слове» в описании ночи перед побегом Игоря. Он «мыслию поля мѣритъ отъ великаго Дону до малаго Донца», т. е. примерно до того самого места, где, согласно тексту, находится холм, за которым начиналась Русская земля [43]. Иная «единица отдаленности» входит в обиход в более позднее время — в XV—XVI столетиях. Если в период создания «Слова» понятие «далеко» определялось преодолением границ обозримого пространства, то для эпохи великих географических открытий мерилом значительных расстояний стали, по-видимому, моря. Не случайно наиболее значительное произведение о сверхдальнем, по понятиям того времени, путешествии носило название «Хожение за три моря». Аналогичные «единицы отдаленности» и в арсенале художников XVI в.: в миниатюрах Лицевого летописного свода XVI в. за морем помещается Византия (О—II.859), Италия (Ш.331), Швеция (О—I.193 об.) и т. д. За двумя морями отмечена Испания (С.308). В то время как в Радзивиловской летописи моря обозначались лишь тогда, когда текст их прямо называл, и то не всегда.

Оставив позади Русскую землю, войско князя Игоря вступило в «чистое поле» — зону непосредственного столкновения с врагом. Желая подчеркнуть важность наступления периода военных действий, автор «Слова» открывает повествование об этом вступлением Игоря «въ златъ стремень». Тем самым как бы подтверждается серьезность его намерений. Вступление князя в стремя отразилось в миниатюрах Радзивиловской летописи под 1185 г., и не в одном (234 в. — см. иллюстрацию), как это ранее отмечалось [44], а в двух рисунках (см. также 237 об. в.). Если учесть, что в Радзивиловской летописи иллюстрируются далеко не все, а выборочные сюжеты, то повышенное внимание художников именно к моменту посадки князя на коня явно указывает на это действие как на особый ритуал. Обычай этот, судя по миниатюрам Лицевого свода, сохранялся довольно долго. На особую значимость ритуала указывает изображение этого сюжета при описании самых знаменитых битв русского средневековья — Невской и Куликовской (Л. 907 — см. иллюстрацию; О—II.83 об., 105). Тем более что действующие здесь лица — прославленные полководцы прошлого — Александр Невский и Дмитрий Донской. Во всех случаях торжественно обставленная посадка на коня является привилегией князя. В миниатюрах Лицевого свода этот обряд дополняется еще одной деталью — прямоугольным постаментом, с кото-

---

ограничивают или разграничивают место действия. Такие композиционные решения очень часто встречаются и в Радзивиловской летописи (37, 41 в., 69 и др.).

[43] Нам представляется необоснованной попытка К. В. Кудряшова идентифицировать холм («шеломя») в «Слове» с Изюмским курганом. См.: *Кудряшов К. В.* Про Игоря Северского, про землю Русскую: Ист.-геогр. очерк. М., 1959. С. 36.

[44] См.: *Лихачев Д. С.* Устные истоки художественной системы «Слова о полку Игореве». С. 77—79.

рого князья садятся на коня. Как правило, князю помогает один человек, удерживающий стремя, коня за уздцы или подсаживающий своего господина. Наиболее полное выражение данный ритуал нашел в изображении Лицевого свода в сцене, запечатлевшей уже одержанную победу на Куликовом поле: «. . .всадише его на конь и воструобиша на костех с радостью велиею» (О—II.105). Эта торжественная сцена наиболее подробна. Помимо

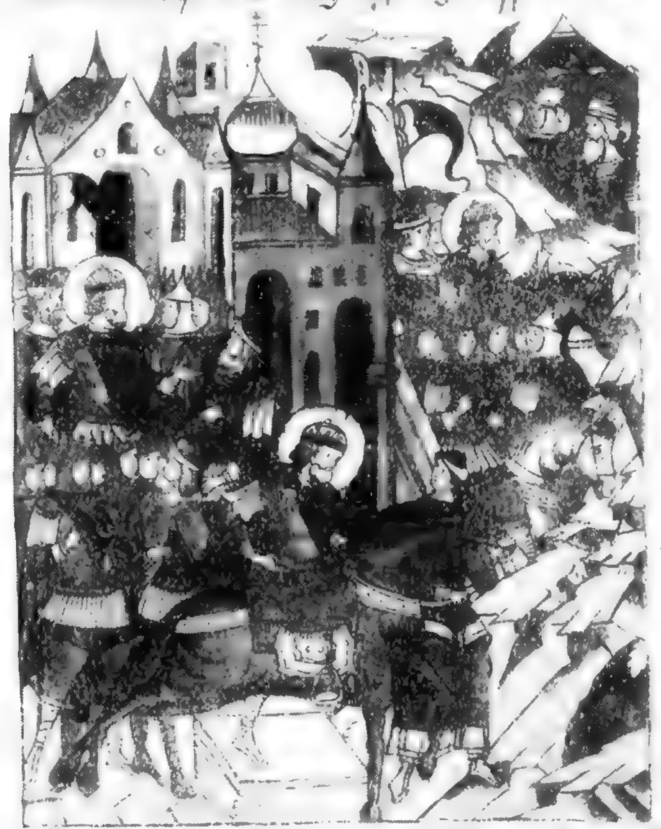

«Вступление в стремя» русских князей Святослава и Рюрика. 1185 г. *Миниатюра Радзивиловской летописи, XV в., л. 234 вертиня, БАН СССР.*

Дмитрия Ивановича, вступающего в стремя, в обряде участвуют еще три воина: один подставляет князю стремя, другой удерживает под уздцы коня, третий поддерживает самого полководца. Естественность действий каждого из этих персонажей заставляет думать, что примерно так и выглядел ритуал вступления князя «въ златъ стремень».

Непосредственному столкновению русских воинов с половцами предшествовал многодневный их путь навстречу врагу, сбор воинства, о чем первыми известили трубы в Новгороде-Северском, и который, согласно повести из Ипатьевской летописи, проводился постепенно («и тако идяхуть тихо сбираюче дружину свою»)[45], вероятно, до самой границы. Наряду с трубами, трубящими в Новгороде, в «Слове» упомянуты стяги, стоящие в Путивле. Не говорят ли стяги, поднятые в Путивле, о том, что именно здесь,

[45] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 638.

*«Вступление в стремя» Александра Невского. 1240 г.
Миниатюра Лаптевского тома
Лицевого летописного свода XVI в.,
л. 907, ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.*

по версии автора «Слова», собиралась первая группа союзников, по крайней мере князь Игорь со своим сыном Владимиром и братом Всеволодом. Тем более что вслед за словами «стоятъ стязи в Путивлѣ» следует текст об ожидании Игорем «мила брата Всеволода»[46]. Каждый князь выступал в походы под своими знаменами, и то, что о них в городе Игоря — Новгороде-Северском — не сообщается, думается, сделана вполне сознательно: в Путивле поднимаются боевые стяги и здесь же на городских стенах и ожидала возвращения мужа Ярославна. Стяги могут указать не только место сбора войск. Им в «Слове» приписывается способность указать направление движения половцев («стязи глаголютъ: половци идуть отъ Дона, и отъ моря. . .»), единодушие или разногласие союзников («нъ розно ся имъ хоботы пашутъ»), воинственный настрой или поражение («падоша стязи Игоревы»). В книжной средневековой миниатюре отразился немалый набор различных ситуаций, значения которых определяются главным образом с помощью изображения знамен.

Наличие знамен у изображенных в миниатюрах групп людей всегда соответствует указаниям текста о военных приготовлениях или выступлениях. Ярким подтверждением сказанному служат миниатюры Лицевого свода, повествующие о междоусобном столкновении 1152 г. Изяслава Киевского и Владимира Галицкого, в которых показан не только сам военный поход, но и возвращение из него после несостоявшейся битвы. На первом изображении (Л. 53) «исполчившиеся полки» союзников киевского князя с 15 знаменами и двумя бубнами, на втором (Л. 58) — бубны и стяги уже отсутствуют. Иногда арсенал воинских атрибутов представляется в рисунках в более или менее полном наборе, т. е. помимо стягов можно увидеть бубны, трубы, копья, мечи, сабли и другое вооружение. Вместе с тем все воинские атрибуты могут игнорироваться художниками и в качестве адекватной замены всего этого перечня представляются одни знамена.

Несколько неожиданно выглядят знамена наступающих войск в ранних миниатюрах: их хоботы развеваются не назад, как было бы естественно, а по ходу движения. Так же были показаны знамена русских и в ряде лицевых списков «Сказания о Мамаевом побоище» (Ув. 26; У. 70; $Р_2$. 174; Б. 283 об.; П. 21 об. и др.), когда в тексте говорится о благодати божьей, выраженной в попутном ветре[17]. Рассмотрение миниатюр Радзивиловской летописи, и в том числе и относящихся к походу Игоря, дает подобную же картину. В первых двух миниатюрах (232 об. — см. иллюстрацию; 233 в.), где показано столкновение русских воинов с половцами, когда удача еще не отвернулась от Игоря, хоботы его знамен обращены вперед, в то время как у противника они повернуты

---

[46] Согласно повести из Ипатьевской летописи, встреча Игоря и Всеволода произошла у реки Оскол (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 638). В задачу данной статьи не входит выяснение справедливости той или иной версии.

[17] См.: *Черный В. Д.* Указ. соч. С. 206.

назад. После первой победы целый ряд признаков, приведенных автором «Слова», предвещает поражение: это и «кровавые зори», и «черные тучи», идущие с моря. Вслед за известием о ветрах, веющих с моря стрелами «на храбрыя плъкы Игоревы», сообщается и о стягах, «глаголющих» о половцах, идущих «отъ Дона и отъ моря». Хотя в тексте Радзивиловской летописи ничего не говорится о ветре и его направлении, художник четко фиксирует изменение военной ситуации именно с помощью развевающихся стягов, обращая их хоботы в противоположную сторону — «отъ Дона и отъ моря» (233 н. — см. иллюстрацию; 233 об.). Ветры в «Слове» не просто явление природы. Они вводятся в повествование только как проявления сверхъестественной воли. «Насильно веющий» ветер развевает знамена, указывая их хоботами, с какой стороны грядет немилость, одним из проявлений которой были отряды наступающего врага [48]. Таким образом, еще до их появления стяги как бы сообщали, откуда идут половцы [49].

О поражении русских от половцев после трехдневной битвы свидетельствуют «упавшие» стяги князя Игоря. В миниатюрах знамена терпящих поражение войск обычно приклоняются. Такую картину можно наблюдать в Радзивиловской летописи (84 об. н., 97 об., 150 об. н., 192 н., 252 об. и др.), лицевых списках «Сказания о Мамаевом побоище» (Лон. 45 об. в.; Ув. 58 об.) и Лицевом летописном своде (Л. 909 об.). Однако чаще поверженные войска вовсе лишаются стягов (Радзивиловская летопись: 81, 82, 167 об., 184 об., 225; «Сказание о Мамаевом побоище»: У. 45 об., 75; Лицевой свод: Л. 236 об., 270; Г. 113, 219; О—I.794 об.). Изображения такого рода, вероятно, продиктованы реальным положением дел. Знамя становилось главным трофеем победителя. Так произошло и после первоначальной победы Игоря над половцами. Ему достался красный стяг, белая хоругвь, а также красная челка и серебряное древко.

Описание поражения князей в «Слове» имеет яркие образные ассоциации, связанные прежде всего с солнечной символикой — «гибелью» света и наступлением тьмы: «. . .чръныя тучя съ моря идутъ, хотятъ прикрыти 4 солнца. . .». Светилам уподобляются русские князья и в повествовании о сне великого князя Святослава (солнцу — Игорь и Всеволод, месяцу — Олег, сын Игоря, и Святослав, племянник Игоря) [50]. «Темно бо бѣ въ 3 день, — писал автор

---

[48] Отождествление «гнева божьего» с ратью «поганых» — обычное для древнерусской литературы. Особенно часто такого рода моралистические взаимосвязи можно встретить в летописных статьях первой трети XIII в. В частности, под 1227 г. в Лаврентьевской летописи говорится: «Богъ бо казнит рабы своя напастми различными: огнем, водою, ратью, смертью напрасною» (ПСРЛ. М., 1962. Т. 1. Стб. 449).

[49] Д. С. Лихачев считает, что «говорить о наступлении половцев могли только стяги половцев, а не русских». См.: *Лихачев Д. С.* Устные источники художественной системы «Слова о полку Игореве». С. 73.

[50] См.: Слово о полку Игореве / Вступ. ст. и подгот. древнерус. текста Д. Лихачева; Сост., ст. и коммент. Л. Дмитриева. М., 1983. Коммент. С. 207.

«Слова»: «...два солнца помѣркоста, оба багряная стлъпа погасоста и съ нима молодая мѣсяца...» Аналогичные образы запечатлены и в книжной миниатюре. В свое время О. И. Подобедова обратила внимание на изображение похорон Андрея Владимировича Переяславского (1142 г.) в Радзивиловской летописи (172) и Лицевом своде (Г. 75 об.), где иллюстрируется текст о появлении

Первое столкновение воинства князя Игоря с половцами. 1185 г.
Миниатюра Радзивиловской летописи, XV в.,
л. 132 об., БАН СССР.

на небе во время панихиды трех солнц — трех столпов «от земля до небесе» и горящего месяца над ними, «акы дуга» [51]. Знамение исчезло, по словам летописца, «дондеже похорониша и». Здесь явно подчеркивается взаимосвязь между «гибелью» светил и смертью князя [52]. Аллегория «князь — солнце» встречается в устном народном творчестве (например, Владимир — Красное Солнышко) и в литературе. Достаточно напомнить слова из Жития Александра Невского, относящиеся к похоронам князя: «...разумѣйте, яко уже заиде солнце земли Суздальской!» [53]. Явно подчиненное положение в описанном в «Слове» знамении занимают молодые месяцы. На это указывает уточнение, что они «погасли» не сами по себе, а «съ нима», т. е. вместе с солнцами и их стол-

[51] *Подобедова О. И.* Указ. соч. С. 211—213.
[52] См.: *Робинсон А. Н.* Солнечная символика в «Слове о полку Игореве». С. 20—21.
[53] Повести о житии и о храбрости благоверного и великого князя Александра // Памятники литературы Древней Руси. XIII век. М., 1981. С. 438.

нами. Второстепенная роль месяцев проявляется и в миниатюрных изображениях подобных знамений, в которых столпы соединены только с солнцами. Значение такой связи в «Слове» не расшифровывается. Поэтому попробуем ее прояснить с помощью других источников, в том числе и миниатюр. Что подразумевается под подобными столпами, объясняется в одной из статей «Повести

Разгром воинства князя Игоря половцами. 1185 г. Миниатюра Радзивиловской летописи. XV в., л. 233 нижняя, БАН СССР.

временных лет» под 1110 г.[54] В ней описывается появление над гробом Феодосия Печерского «столпа огнена» и со ссылкой на пророков, и главным образом, на Моисея, утверждается, что это ангел, который не может явиться перед человеком в ином виде. Днем ангел принимает облик облачного столпа, а ночью — светящегося. И хотя стяги русских пали «третьяго дни къ полудню», образ наступившей в это время тьмы вполне оправдывает появление днем багряных столпов. Аналогичная трактовка столпов-ангелов отразилась и в книжной миниатюре, в частности, в лицевых списках «Сказания о Борисе и Глебе». Иллюстрируя текст о поднявшемся около тела убитого Глеба огненном столпе, «яко свеща горяща», и о звуках ангельского пения, художник сильвестровского списка изображает двух ангелов (94 н.) и не считает уже нужным показывать столп. Лихачевский же список наряду с двумя ангелами воспроизводит между ними столп (15). Назначение ан-

[54] См.: ПСРЛ. Т. 1. Стб. 284–285; Т. 2. Стб. 260–264.

гела в такого рода знамении объясняет уже упомянутая нами статья «Повести временных лет», указывающая на его причастность к персонажу, с которым происходит чудесное явление: ангел «буди с тобою» и «от тебе схранить тя»[35]. Это ангел-хранитель. В «Слове» оба столпа «тьмою ся поволокоста и въ морѣ погрузиста», т. е. исчезли после пленения — нравственной гибели князей.

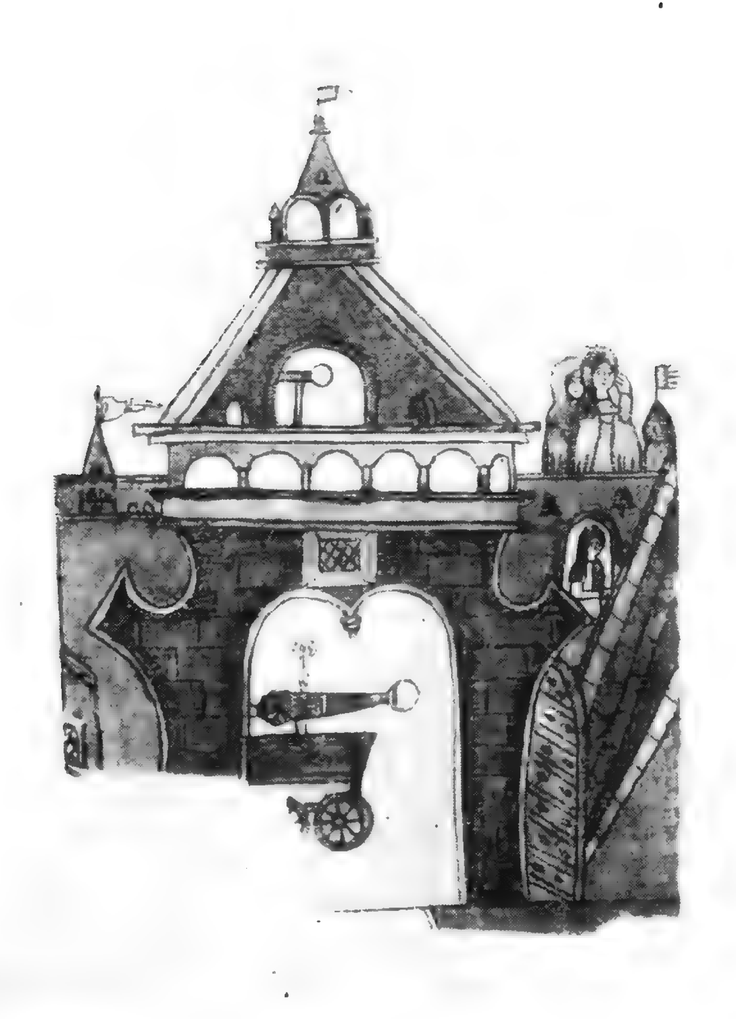

Поединок князя Мстислава и касожского князя Редеди. 1022 *г.*
Миниатюра Радзивиловской летописи, XV в.,
л. 83 *об., нижняя, БАН СССР.*

Однако упоминание о таком знамении, в котором участвуют ангелы-хранители князей, можно истолковать как возможность «спасения» — в данном случае избавления от плена поганых.

Своеобразным подтекстом основной темы о поражении русских от половцев звучат слова о стародавних временах «оть стараго Владимера до нынѣшняго Игоря». Вспоминает автор в «вѣчи Трояни», «время Бусово», «лѣта Ярославля», «пръвую годину и пръвых князей», наиболее яркие и поучительные события, связанные с их именами. Автор как бы призывает князей нынешних обратиться к опыту истории. Здесь и предостережения от крамол

[35] Созвучна описанной в «Слове» ситуации и концовка летописной статьи: ангел не может противиться воле божьей, который наказывает за грехи, наводя поганых, но если «противу Божью повеленью не могут противитися, но молять Бога прилѣжно за хрестьяньскыя люди, якоже и бые молитвами святыя Богородица и святыхъ ангелъ оумилосердися Богъ, и посла ангелы в помощь Русьскимъ княземъ на поганыя. . . се ангелъ мои прѣдыноидеть предъ лицемъ твоимъ, якоже рекохомъ прѣже знаменье. . .» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 264).

Плач русских женщин на забралах. 1380 г. Миниатюра Музейного (№ 3123) лицевого списка «Сказания о Мамаевом побоище», XVII в., л. 63 об., ГБЛ.

и междоусобий, и призывы к активным совместным действиям против внешних врагов, и укор современникам, утратившим славу предков. К наиболее ярким воспоминаниям относятся удачные походы Ярослава против печенегов, поражения половецкого хана Шарукана, личный подвиг храброго Мстислава, победившего касожского князя Редедю. Подвиг, воспетый, по свидетельству

автора «Слова», еще вещим Бояном, отразился в «Повести временных лет»[56] и в одной из миниатюр Радзивиловской летописи (83 об. н. — см. иллюстрацию). Летописный источник и миниатюра в какой-то мере разъясняют скупую фразу «Слова» о Мстиславе, «иже зарѣза Редедю предъ пълкы касожьскыми». Если у древнего певца не было необходимости уточнять своим современникам, при каких обстоятельствах Мстислав зарезал Редедю, то миниатюрист, опираясь на летописный текст, уже должен показать, как это происходило. Согласно летописной версии, «касожьский князь» Редедя предложил Мстиславу: «. . .не оружьемь ся бьеве но борьбою». Так и проходил поединок, пока, не одержав верха в единоборстве, Мстислав не достал нож и не зарезал Редедю. Две стадии схватки в миниатюре показаны последовательно слева направо. В первой борцы стараются опрокинуть друг друга, во второй — над лежащим на спине противником Мстислав, направляющий нож ему в горло. И как следствие завершившегося поединка — бегство касожских войск, обозначенное в правой части изображения. Уже на примере одного этого сюжета нетрудно представить направление развития действия в ранней книжной миниатюре. Более ранние по времени сюжеты остаются слева, а поздние — справа. Однако данная схема «течения времени» в миниатюрах справедлива только в тех случаях, когда речь идет о походах (или иных действиях) той стороны, с позиций которой ведет повествование автор-миниатюрист. Если же художник иллюстрирует текст о возвращении «своих» из иных земель или о приходе иноземцев, повествование развивается в противоположную сторону[57]. Таким образом, показать «абсолютное» прошлое в ранней книжной иллюстрации невозможно. Что касается поздней миниатюры, в частности Лицевого летописного свода XVI в., то в ней такой проблемы уже не существует и художник без труда «свивает воедино» прошлое и настоящее. Здесь в пределах одного изображения встречаются Мамай и Батый (О—II.21 об.), великий князь киевский Владимир Святославич и Александр Невский, его отец — Ярослав Всеволодович, мать — Феодосия (Л. 898); сербские деспоты трех поколений: Симон (Неманя), Техомил и Белоруш (Л. 551) и т. д. Многослойные композиции Лицевого свода отводят ранее минувшим эпохам и историческим персонажам более высокие ступени изображения, чем тем, о которых летописный текст сообщает как о современных.

Преамбула к заключительной части произведения — плач Ярославны «в Путивле на забрале» — как бы завершает тему скорби. Сам факт появления Ярославны на городских забралах воспринимается как ее надежда на возвращение Игоря[58]. Ведь

---

[56] См.: Там же. Стб. 134.
[57] Ср.: *Лихачев Д. С.* Поэтика древнерусской литературы. С. 43.
[58] Достаточно вспомнить о том, как описывает забрала автор «Слова» несколько ранее: «Ту Игорь князь высѣдѣ изъ сѣдла злата, а въ сѣдло кощиево. Уныша бо градомъ забралы, а веселие пониче». Эти строки, ве-

именно на крепостных стенах собирался многочисленный люд, встречающий войско, находившееся в походе. Подтверждение тому — миниатюры «Сказания о Мамаевом побоище» с изображением плача жен воинов, участвовавших в Куликовской битве (Ув. 71; $Р_1$. 63 об. — см. иллюстрацию). Эпизод этот помещен в «Сказании» уже после рассказа об одержанной победе перед сообщением о возвращении русских войск домой. На миниатюрах — Коломна, первый крупный русский город на пути к Москве. Иллюстрируя текст, художники по-своему его интерпретируют, помещая многочисленных женщин на забралах у главной городской проездной башни [59], тем самым уточняя традиционное место ожидания близких.

Слова Ярославны обращены к трем стихиям: ветру («О вѣтрѣ-вѣтрило!»), воде («О Днепре Словутицю!») и солнцу («Свѣтлое и тресвѣтлое слънце!»). В них мольба о помощи ее мужу. И стихии словно покровительствуют беглецу. Если раньше ветер, «насильно вея», препятствовал движению русских и полету их стрел, то при побеге Игоря идущими от моря смерчами «князю богъ путь кажетъ изъ земли Половецкой на землю Рускую. . .» Художники способны показать «благодать божию», выраженную в ветре, только в периоды столкновения войск с помощью развевающихся знамен, о чем мы уже сообщали. Других изобразительных средств для этого в распоряжении древнерусских художников не было. Столь же сложно было показать расположение к человеку водной стихии. Зато ее противодействие обычно очень наглядно представлено в миниатюрах грудами утонувших в реках во время побоищ тел. Гораздо внимательнее миниатюристы к солнечной символике. Порой достаточно одного упоминания о «благодати божией», чтобы художник изобразил небесную сферу с тремя лучами (например, такую картину видим на одной из миниатюр Лицевого свода — С. 487 об., в тексте которой говорится о том, что «божиею благодатью угасиша огонь»). Три солнечных луча обращены в средневековых изображениях к тем, кто чтит нравственные правила своего времени и за это удостаивается «благодати» (Радзивиловская летопись: 84 об. в., 111 об.; Лон. 17 об.; О—II.93 об., 94 об. и др.). Солнечный свет в «Слове» рассматривается как высшая ипостась проявления сверхъестественной воли. В трех солнечных лучах заключен в представлении древнерусского человека сам предмет веры — троица. Упоминание света солнца как знака

роятно, можно истолковать так: получив известие о поражении русских войск в битве с половцами и о пленении Игоря, в русских городах потеряли надежду на возвращение близких, поэтому-то забрала «уныша», т. е. опустели.

[59] Как справедливо отмечает Д. С. Лихачев, именно главные городские ворота наделялись особым символическим значением. С ними были связаны наиболее важные события истории города: через них пытались войти в город враги, здесь устраивались торжественные проводы и встречи. См.: *Лихачев Д. С.* «Слово о полку Игореве» и культура его времени. С. 212—215.

свершившейся благодати появляется одновременно с известием о возвращении Игоря в родные русские земли («Солнце свѣтится на небесѣ — Игорь князь въ Руской земли»). И как результат этого минует уныние и печаль: «страны ради, гради весели».

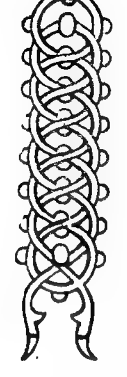
Проведенное сопоставление образов «Слова о полку Игореве» и тематически близких к ним образов книжных миниатюр обнаруживает несомненное сходство их содержания. Такое сходство может объясняться только общей мировоззренческой и культурно-исторической основой. Вместе с тем миниатюры XII—XIII вв. в силу специфики развития этого вида изобразительного искусства еще не могут дать связного рассказа, они не в состоянии полностью охватить содержание, поэтому представляют собой не полный текст, а как бы его реплики. Стереотипность книжного рисунка домонгольского периода, когда один и тот же образ легко подходит к другим, похожим по смыслу сюжетам, не позволяет с уверенностью утверждать о знакомстве художников со «Словом». Тем не менее изображения, созданные в одну историческую эпоху с ним, отличаются адекватной трактовкой ситуации, пространства и действия. Действие в миниатюре и в «Слове», как в произведениях художественного творчества, помещается в параметры условного времени и пространства, где господствуют не метрические, а религиозно-нравственные критерии. Они в значительной мере определяют композицию изображения, местоположение в нем персонажей, направление их движения и оценку самих событий. Миниатюра доступными ей средствами вполне достоверно отражает существование в домонгольской Руси представления о различного рода знамениях, прочих знаках «провидения» и «благодати», точно передает особенности воинского ритуала. Некоторые из представлений, запечатленные в ранней миниатюре, в XV—XVI вв. под влиянием новых исторических условий претерпевают изменения, другие во многом остаются прежними.

В ряде случаев, придавая образам «Слова» зримые очертания, миниатюрные изображения уточняют и существенно дополняют их смысловое значение.

В. П. Козлов

МАЛОИЗВЕСТНАЯ РУКОПИСЬ И. Н. БОЛТИНА — ОДИН ИЗ ИСТОЧНИКОВ ПЕРВЫХ КОММЕНТАРИЕВ «СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»

Проникновение в творческую лабораторию первых комментаторов и издателей «Слова о полку Игореве» является одной из важных задач изучения поэмы, так как позволяет представить понимание памятника людьми, которые стояли у его открытия и введения в общественный оборот, а значит, уточнить и ряд спорных, неясных мест текста утраченного подлинника. Однако «увидеть» в полной мере поэму глазами ее первооткрывателей не позволяет скудость сохранившихся источников. До сих пор остаются до конца не ясны возможность и характер участия в первых изучениях «Слова о полку Игореве» последнего владельца памятника — А. И. Мусина-Пушкина, а также его коллег — Н. Н. Бантыша-Каменского, А. Ф. Малиновского. Сохранившиеся переводы и комментарии поэмы XVIII в., исключая так называемые «бумаги Малиновского», анонимны. Да и известное на этот счет свидетельство самого Мусина-Пушкина слишком неопределенно, чтобы не порождать различные гипотезы и предположения. В письме к К. Ф. Калайдовичу 31 декабря 1813 г. он сообщал: «Во время службы моей в С. Петербурге несколько лет занимался я разбором и преложением оныя Песни на нынешний язык. . . и хотя все было уже разобрано, но я, не быв переложением моим доволен, выдать оную в печать не решился. . .» [1].

Как можно понять из слов Мусина-Пушкина, в первые годы после открытия поэмы ему пришлось одному заниматься ее изучением. Только после переезда графа из Петербурга в Москву к работе над ней он привлек Бантыша-Каменского и Малиновского. Свидетельство Мусина-Пушкина вполне согласуется с тем, что мы знаем в настоящее время о деятельности возглавляемого им кружка. В конце 80—начале 90-х годов XVIII в., когда «Слово», по всей видимости, оказалось в книгохранилище графа или, во всяком случае, было здесь обнаружено, петербургский центр кружка, за несколько лет до этого активно развернувший свою деятельность по собиранию, изданию и изучению отечественных

[1] *Калайдович К.* Биографические сведения о жизни, ученых трудах и собрании российских древностей графа Алексея Ивановича Мусина-Пушкина // Зап. и тр. ОИДР. М., 1824. Ч. II. С. 36.

древностей, понес ощутимые потери: в октябре 1792 г. умер И. Н. Болтин, а в сентябре 1793 г. — И. П. Елагин. Оба они слыли среди современников большими знатоками отечественной истории, оставив после себя крупные исторические сочинения.

В историографии «Слова о полку Игореве» давно утвердилось мнение о возможном участии в первых исследованиях поэмы Болтина и Елагина. После находки елагинской цитаты из «Слова о полку Игореве» знакомство Елагина с памятником можно считать бесспорным [2].

Иначе обстоит дело с Болтиным. В 1819 г. один из первых исследователей «Слова о полку Игореве» — президент Российской академии А. С. Шишков сообщал, что «над переложением оной (поэмы. — *В. К.*) трудились многие, и между прочими известный своими в языке и словесности знаниями г-н Болтин» [3]. Сам Шишков не был причастен к первому изданию «Слова о полку Игореве». Неизвестен и источник его в общем-то беглого свидетельства. Однако именно со времени этого замечания Шишкова в Болтине стали видеть, как уже отмечалось выше, и одного из «самовидцев» памятника, и даже одного из тех, кто принимал непосредственное участие в его первых переводах и комментировании. Не раз предпринимались и попытки выявить принадлежащие перу ученого комментарии поэмы, содержащиеся в так называемых «екатерининских бумагах» по «Слову о полку Игореве» и в первом издании памятника. В основе большинства таких попыток лежали предположения о сходстве стиля комментариев к «Слову о полку Игореве» со стилем повествования Болтина. Так, Д. Н. Шанский, автор интересной книги об ученом, на основании такого подхода отнес к авторству Болтина примечание к тексту поэмы: «Уже бо беды его пасет птиц по дубию. . .», видя в этом примечании отражение интереса Болтина к народным поверьям и характерные для других сочинений «набор слов» и «построение фразы» [4]. Конечно, нельзя при определении авторства пренебрегать «признаками стиля», но очевидно, что они могут что-либо дать только в комплексе с другими, более выраженными признаками.

В этом смысле более обоснованными являлись соображения Л. А. Дмитриева в его фундаментальной монографии об истории издания «Слова о полку Игореве». Л. А. Дмитриев, в частности, обратил внимание не на стилевое, а на фактическое совпадение многих элементов комментария № 48 в екатерининских бумагах по «Слову о полку Игореве» с соответствующим местом «Критических примечаний» Болтина на первый том «Истории» М. М. Щер-

---

[2] См.: *Козлов В. П.* «Слово о полку Игореве» в «Опыте повествования о России» И. П. Елагина // Вопр. истории. 1984. № 8. С. 23—31.

[3] *Шишков А. С.* Собрание сочинений и переводов. СПб., 1827. Ч. XI. С. 384.

[4] *Шанский Д. Н.* Из истории русской исторической мысли: И. Н. Болтин. М., 1983. С. 42.

батова и даже попытался нарисовать общую схему участия ученого в комментировании поэмы [5].

Впрочем, эту схему Л. А. Дмитриев предложил с рядом осторожных оговорок, в конечном счете исходивших из неясности времени открытия памятника. Однако последующие изыскания ввели в научный оборот новые факты и соображения. Г. Н. Моисеева предположила, что в петербургских кругах о рукописи «Слова о полку Игореве» стало известно в конце 80-х—начале 90-х годов XVIII в. [6] «Так как И. Н. Болтин, — пишет она, — умер в октябре 1792 г. и, кроме того, в 1791 г. усиленно работал над подготовкой издания „Русской Правды“, как это показано С. Н. Валком, то очевидно, что „над переложением“ (переводом) „Слова о полку Игореве“ он мог трудиться ранее, т. е. в 1789—1790 гг.» [7] Опираясь на это утверждение, Ф. Я. Приймa заключал: «В настоящее время, когда, как сказано выше, открытие памятника переносится на более раннее время, участие в переводе и истолковании „Слова“ как Болтина, так и „многих“ приобретает вполне правдоподобный характер» [8].

Но «правдоподобие» — это всего лишь подобие истины. И если исследователи вынуждены довольствоваться только «правдоподобием» в данной проблеме, то, конечно, происходит это по причине, от них не зависящей, — отсутствия столь нужных фактов, что ставит задачу их поиска.

Еще в самой первой биографии Болтина, написанной неизвестным автором и легшей в основу соответствующей биографической справки об ученом в словаре русских писателей Евгения Болховитинова, говорилось, что «Полное собрание его (Болтина. — *В. К.*) сочинений можно видеть в библиотеке Алексея Ивановича Мусина-Пушкина, которые куплены мудрой Екатериной и пожалованы графу Мусину-Пушкину, яко охотнику и любителю отечественной истории» [9]. В процессе разысканий сведений о дальнейшей судьбе рукописных трудов Болтина наше внимание привлекло сообщение К. Ф. Калайдовича в его до сих пор являющейся первоисточником и требующей более внимательного прочтения биографии Мусина-Пушкина. Рассказывая о «Собрании российских древностей» графа, молодой ученый в числе его прочих «раритетов» назвал «выписки для уразумения древних летописей с изъяснением древних слов, из употребления вышедших и географических мест, упоминаемых в летописях наших» [10].

---

[5] См.: *Дмитриев Л. А.* История первого издания «Слова о полку Игореве». М.; Л., 1960. С. 308–309.

[6] См.: *Моисеева Г. Н.* Спасо-Ярославский хронограф и «Слово о полку Игореве». 2-е изд., доп. и перераб. Л., 1984. С. 105.

[7] Там же.

[8] *Приймa Ф. Я.* «Слово о полку Игореве» в русском историко-литературном процессе первой трети XIX в. Л., 1980. С. 40—41.

[9] ГПБ. Погод. 2009/2. Л. 377.

[10] *Калайдович К. Ф.* Указ. соч. С. 18.

Это сообщение Калайдовича, мало обращавшее внимание исследователей, как показали дальнейшие разыскания, оказалось точным. Еще в декабре 1793 г. по поручению Екатерины II словарь Болтина разыскивал статс-секретарь императрицы В. С. Попов. На запрос последнего бывший статс-секретарь Екатерины II А. В. Храповицкий сообщал: «Сколько помню, то покойным Иваном Никитичем Болтиным сочиняем был Лексикон Российский к языку относящийся, также и Лексикон географический. Все манускрипты его куплены ее императорским величеством чрез посредство Алексея Ивановича Пушкина, у коего, чаятельно, они и остаются доныне» [11]. 21 декабря 1793 г. Мусин-Пушкин писал Попову: «На письмо Вашего превосходительства имею честь донести, что Российский историо-[гео]графический лексикон покойного Ивана Никитича, оставшийся после смерти его, я имел счастие поднести переписанный в нескольких тетрадях, не переплетенный, ее императорскому величеству. Но как вчерашний день ввечеру имел я счастие слышать от ее величества, чтоб оный отыскать, спросить надобно Александра Васильевича Храповицкого, то и советую Вашему превосходительству отнестись об оном к Александру Васильевичу. У меня же хотя и есть список с оного, но очень черен, измаран, а белый еще не написан. Как скоро напишу, то с превеликим моим удовольствием доставить Вам не премину» [12].

В 1794 г. сам Мусин-Пушкин в работе, посвященной местоположению Тмутараканского княжества, ссылался на «имеющийся у меня рукописный словарь его (Болтина. — *В. К.*) древних российских городов и областей», в других местах называя его то «письменным географическим словарем г. Болтина», то просто «письменным словарем г. Болтина» [13]. Этот труд Болтина граф широко использовал в «Описании народов, городов и урочищ, означенных в чертеже», приложенном к работе о Тмутараканском княжестве.

Как известно, богатейшее собрание Мусина-Пушкина было утрачено в 1812 г. Однако часть его, хотя и очень незначительная, дошла до нашего времени, в том числе, как это случилось с «Опытом повествования о России» И. П. Елагина, не совсем ясными путями.

Нечто похожее произошло и с названным трудом Болтина. Правда, в отличие от «Опыта» Елагина нам неизвестен его автограф, по всей видимости утраченный вместе с остальными рукописями собрания Мусина-Пушкина в 1812 г. Зато известны два сохранившихся списка.

---

[11] Соч. имп. Екатерины II. СПб., 1906. Т. XI. С. 655.
[12] ГПБ. Ф. 609. Д. 244. Л. 7.
[13] *Мусин-Пушкин А. И.* Историческое изследование о местоположении древняго Российского Тмутараканского княжения. СПб., 1794. С. 4; LXIX и др.

Первый список — Румянцевский — сохранился в собрании графа Н. П. Румянцева [14]. Он изготовлен после 1816 г. (филигрань: «1816»). Список без пагинации, великолепной сохранности, в картонном переплете с кожаным корешком, без заглавия, содержит слова от «Альта» до «Яга» (реки). На корешке переплета вытиснено: «Словарь географический и исторический к Истории Татищева».

Второй список находится в собрании Общества истории и древностей российских [15]. Как свидетельствуют протоколы ОИДР, 10 января 1816 г. председатель Общества известный книгоиздатель П. П. Бекетов «представил соч. г. Болтина рукопись, содержащую «Географический словарь» всем городам, рекам и урочищам, кои упоминаются в летописи Несторовой, оная рукопись была гг. членами рассматриваема и рассматривание оной определено продолжать в следующие заседания» [16]. Неизвестно, было ли продолжено Обществом дальнейшее изучение труда Болтина. Письмо М. П. Погодина 27 сентября 1847 г. к О. И. Бодянскому, приложенное к рукописи, свидетельствует о том, что с 20-х годов XIX в. словарь находился у Погодина и был возвращен им в ОИДР только в 1847 г.

Список. который мы будем называть Бекетовским, дефектен. Он включает слова от «Альта» до «Скови», последующая часть утрачена. Список недавно был отреставрирован, однако текст, особенно первых страниц, имеет многочисленные повреждения. Часть текста со стр. 59 написана на бумаге, в которой просматривается филигрань «1803». Со стр. 35 рукопись написана другим почерком. На первой, позднейшей, обложке список озаглавлен: «Словарь географический к летописи Несторовой. Сочинение Болтина». На обложке, современной тексту списка, заголовок иной: «Словарь географический всем городам, рекам и урочищам, кои воспоминаются в летописи Несторовой. Соч<инение> г. Болт<ина>» и выше заголовка запись о поступлении рукописи в библиотеку ОИДР 16 января 1816 г. Следующий лист, с которого начинается собственно текст словаря, имеет заголовок, идентичный заголовку на второй обложке.

Бекетовский список имеет многочисленные пометы красным карандашом, характерные отметки чернилами (крестики) напротив большинства географических названий, который можно рассматривать и как следствие сверки словника с оригиналом, и как указания на слова, которые необходимо выписать. На поле с. 49 об. не совсем ясная помета: «После оной статьи писать еще две под таковым же знаком. Смотри на предыдущей странице».

Тексты списков имеют ряд особенностей. Во-первых, у них не совпадает во многих случаях алфавитный порядок слов. Во-

---

14 См.: ГБЛ. Ф. 256. Д. 395.
15 Там же. Ф. 205. Карт. 124. Д. 1.
16 Зап. и тр. ОИДР. Ч. II. С. 31.

вторых, в Румянцевском списке имеется ряд слов, отсутствующих в Бекетовском, и наоборот. В-третьих, в Бекетовском списке имеются многочисленные пропуски слов, которые можно объяснить только тем, что писец во многих случаях не смог прочитать свой оригинал. В Румянцевском списке такие слова прочитаны, однако он содержит большое количество орфографических ошибок и неверно прочитанных слов, что вообще не характерно для копий, изготовлявшихся сотрудниками Румянцева. Создается впечатление, что писец стремился во что бы то ни стало передать текст оригинала, даже если эта передача не давала какого-либо осмысленного чтения. Характер отмеченных особенностей позволяет утверждать, что Румянцевский список — более поздний и не восходит к Бекетовскому. Оба списка либо имели общий оригинал, прочтение которого в равной степени, но в разных местах представляло трудности для писцов (вспомним замечание Мусина-Пушкина об имевшемся у него «черном, измаранном» списке), либо восходят к разным спискам. С другой стороны, различная полнота словников того и другого списка наталкивает на мысль о том, что подлинный список труда Болтина мог представлять не рукопись в прямом смысле этого слова, а выписки на отдельных листах, часть которых была утрачена или перепутана ко времени копирования.

Заголовки Румянцевского и Бекетовского списков, а также приведенные Калайдовичем и Мусиным-Пушкиным не совпадают друг с другом, что может породить сомнение: имеется ли в виду один и тот же труд Болтина и даже — болтинское ли это сочинение. Это сомнение не имеет оснований. В 1794 г., ссылаясь на труд Болтина, Мусин-Пушкин привел из него цитату — мнение Болтина относительно свидетельства М. Стрыйковского о местонахождении Тмутараканского княжества («Первая подпора для удостоверения слаба в рассуждении премногих Стриковского погрешностей» [17]), которая полностью совпадает с соответствующими местами Румянцевского и Бекетовского списков [18]. Много совпадений текстов списков имеется и с другими местами труда Мусина-Пушкина, хотя последний уже не приводил прямых цитат из сочинения своего коллеги, а часто вообще не ссылался на него (общая отсылка на словарь Болтина была сделана графом в названии «Описания народов, городов и урочищ. . .»).

Для нашего дальнейшего рассказа и оценки труда Болтина важно установить время его работы над словарем. Базой словаря явилась «История» В. Н. Татищева, поэтому не случайно Румянцевский список назван «Словарем. . . к „Истории" Татищева» — название если и не восходящее к протографу, то по крайней

---

[17] *Мусин-Пушкин А. И.* Указ. соч. С. 4.

[18] См.: ГБЛ. Ф. 256. Д. 395. «Тмутаракань». Здесь и далее мы будем ссылаться на Румянцевский список, как наиболее полный. Ввиду отсутствия в нем пагинации ссылки даются по словнику. Текст Бекетовского списка привлекается в необходимых случаях для поправок чтения Румянцевского.

мере отражающее суть работы Болтина. Однако ссылки в словаре на «Историю» Татищева охватывают только первые три книги, вышедшие в 1768—1774 гг. Ссылки на четвертую книгу, увидевшую свет в 1784 г., отсутствуют. Следовательно, можно предполагать, что свой словарь Болтин готовил между 1768—1784 гг. Это подтверждается и другим. Согласно расчетам Д. Н. Шанского[19], представляющимися убедительными, в 1784—1786 гг. Болтин готовил один из своих важнейших трудов — «Примечания на „Историю древния и нынешния России“» Леклерка, напечатанные в 1788 г. Среди прочих вопросов он остановился здесь и на проблеме местонахождения Тмутараканского княжества. Важное свидетельство об эволюции взглядов ученого в последующее время оставил Мусин-Пушкин. «Г. Болтин, — писал он, — в примечаниях своих на Историю Леклерка положил сей город в Старой Рязани, но по дружескому своему почти ежедневному со мною обращению, многократно споря в защищение сего мнения, паче же читая сообщенные мною ему из истории обстоятельства и усмотрев несходство их с мнением своим и г. Татищева, принужден был напоследок переменить свои мысли и в ответе на письмо князя Щербатова, напечатанном в 1789 г., на странице 71 признался так: „Давно уже приметил я по многим обстоятельствам, что в Рязани Тмутаракань полагать несходно, но, не обретя другого места приличнейшего, принужденным нашелся согласиться на мнение Татищева“»[20].

Словарь Болтина содержит специальную обширную статью о Тмутаракани, представляющую собой подборку всех известных в то время фактов об этом княжестве с его собственными, подчас противоречивыми, неуверенными рассуждениями, вошедшими в «Примечания» на Леклерка уже как более определенные заключения. Это также говорит о том, что текст о Тмутаракани был написан в словаре до работы над книгой о сочинении Леклерка, т. е. до 1784 г.

Таким образом, основная работа по подготовке словаря была проведена Болтиным до 1784 г. Это обстоятельство проливает новый свет на характер и назначение труда ученого. Словарь явился первым в отечественной науке специальным историко-географическим справочником — известный «Лексикон российский исторический, географический, политический и гражданский» В. Н. Татищева был неполон, не доведен до конца и в части дефиниций топонимов давал преимущественно не историко-географические, а географо-экономические определения.

Словарь отразил начальный этап исторических разысканий Болтина, который не мыслил изучение прошлого без знания географии. «История с географиею, — писал он, — столь тесно связаны, что, не зная одной, писать о другой никак не можно»[21].

---

[19] См.: *Шанский Д. Н.* Указ. соч. С. 22.

[20] *Мусин-Пушкин А. И.* Указ. соч. С. 7.

[21] Критические примечания генерал-майора Болтина на первый том «Истории» князя Щербатова. СПб., 1793. С. 17.

С другой стороны, интерес ученого к географической и исторической лексике объяснялся и его собственно лингвистическими упражнениями, с результатами которых он не раз знакомил сочленов по организованной в 1783 г. Российской академии. Читая Татищева, Болтин не просто глубоко знакомился с прошлым своей страны. Одновременно он готовил для себя важное справочное пособие по истории и географии древней Руси. Более того, очевидно, свой словарь Болтин предназначал не только для себя, но и мечтал о его публикации. Об этом свидетельствует одно из замечаний ученого. Помещая в словарь город Дестр, он пишет: «Город, до Российской географии не принадлежит, но по упоминанию его в Несторовой летописи *для разумения тех, кои ее читать будут, вносится сюда»* [22].

Последнее обстоятельство, а также тот серьезный интерес, который проявил Болтин при ознакомлении с историко-географическими сюжетами «Истории» Татищева, предопределили значимость проделанной ученым работы. Болтин тщательно зафиксировал около 600 топонимов «Истории» и заинтересовавшую его чем-либо историческую лексику. Во многих случаях Болтин просто дословно приводил определения Татищева, превращая их в словарные дефиниции. Таковы, например, топонимы «Амовжа», «Свиногород», «Хортич остров», слова «гривна», «тиун» и др. Но нередко автор словаря обнаруживает критическое восприятие мнений Татищева, подчас поправляя его. Так в статье о реке Гзе, приведя сообщение Татищева о том, что на ней великий князь Всеволод сразился со своим братом Мстиславом у реки Палицы, Болтин отметил: «. . .кажется, сие прописка, а надобно бы написать у Липицы, ибо сие урочище вторично на странице 390 упоминается, где стоит правильно Липица» [23]. Выписав у Татищева упоминания реки Альты, он поправляет своего предшественника, замечая, что она «не впадает в (реку) Трубеж», как сказано у В. Н. Татищева [24]. Рассказывая о Корсуне, Болтин замечает: «О местоположении его ни малейшего сумнения нет, что был в Крыму. Татищев погрешил, назвав сие выдумкою сочинителя Большого Чертежа» [25]. Осмысливая текст Татищева, а также, очевидно, используя какие-то другие источники, ученый стремился дать свои дефиниции. Таково, например, определение слова «болонье», которое Татищев переводил как «плоскость» [26]. Болтин дает иное толкование: «Болонье — преградие, пространство [города] окружающее, которое или выгоном для городских жителей служит, или предместиями заселено бывает», хотя и ссылается

---

[22] ГБЛ. Ф. 256. Д. 395. «Дестр».
[23] Там же. Д. 395. «Гзя».
[24] Там же. Д. 395. «Альта». В Бекетовском списке описка: опущена частица «не». См.: Там же. Ф. 205. Карт. 124. Д. 1. Л. 50.
[25] Там же. Д. 395. «Корсунь».
[26] См.: *Татищев В. Н.* История Российская с древнейших времен. СПб., 1773. Кн. II. С. 276.

всего лишь на соответствующее место «Истории» Татищева [27]. Нередко словарные статьи в труде Болтина приобретают характер пространных рассуждений — первых набросков собственных выводов и наблюдений ученого, затем развернутых им в последующих трудах.

Все это позволяет говорить о значительной самостоятельности словаря Болтина. Отталкиваясь от «Истории» Татищева, Болтин создавал не только необходимое в его будущих разысканиях справочное пособие, но и одновременно настойчиво стремился уяснить для себя многие из историко-географических сюжетов. Словарь должен был стать и стал для его автора в последующие годы незаменимым пособием. С его помощью ученый мог оперативно навести справки у Татищева по широкому кругу вопросов, освежить те свои представления, которые возникли однажды при систематическом знакомстве с «Историей».

Однако словарь Болтина представляет для нас интерес не только как свидетельство об одном из ранних этапов историко-географических изысканий замечательного русского ученого XVIII в. В свете проблемы, очерченной в самом начале настоящей работы, было важно попытаться выявить хотя бы следы взаимосвязи труда Болтина с работой по подготовке екатерининских бумаг по «Слову о полку Игореве» и первого издания утраченного памятника. С одной стороны, можно было полагать, что поэма, богатая упоминанием топонимов, в том числе единственным упоминанием гидронима «Каяла», как-то отразилась на страницах неопубликованного словаря ученого. С другой стороны, легко представить и иную ситуацию. Попытки прочтения и объяснения поэмы после ее открытия встретили серьезные трудности, в том числе и в части, касающейся топонимов «Слова о полку Игореве». В распоряжении первых исследователей памятника находились два справочных пособия по исторической географии Древней Руси — уже упоминавшийся «Лексикон» Татищева и Книга Большому Чертежу. Однако и словарь Болтина в работе по комментированию мог оказаться как нельзя кстати: простота пользования им и авторитет его автора обеспечивали и оперативность наведения справок, и их высокий научный уровень.

К сожалению, в словаре не оказалось каких-либо следов влияния «Слова о полку Игореве». Зато вторая посылка нашла свое подтверждение при сравнении болтинского словаря с рядом примечаний в екатерининских бумагах по «Слову о полку Игореве» и в комментариях первого издания поэмы.

В екатерининских бумагах обращают на себя внимание примечания № 8, 10, 29 и 48. Приведем текстологическое сопоставление каждого из них с соответствующими местами словаря Болтина.

---

[27] ГБЛ. Ф. 256. Д. 395. «Болонье». В «Критических примечаниях» на второй том «Истории» Щербатова Болтин еще дальше развивает это толкование.

Примечание № 8 [28]	*Словарь Болтина* [29]
Ворскла, Хороль, Сула, Сугли суть рѣки, пограничныя к Половцамъ, которые близь их кочевали. На берегахъ Ворсклы бывали многія сраженія у Русскихъ съ Половцами. На Хороли съѣзжжались Россіане нерѣдко для договоровъ съ Половцами. По Сулѣ великій Владиміръ построілъ многіе города и населилъ ихъ Славянами, Кривичами, Чудью и Вятичами, дабы Печенѣгамъ приходящимъ часто въ предѣлы Кіевскіе положить преграду. Суугли есть та самая рѣка, которую Святославъ Ольговичь и Владиміръ Игоревичь перешед одержали въ первый разъ надъ Половцами верхъ.	*Ворскла* — река. Долгое время была границею от половцев и на брегах ее многие сражения между русских и половцев происходили. *Хороль* — река. Граничила половецкие кочевья от жилищ русских. На сей реке бывали съезды [30] с половцами для договоров. Они, часто нападая, громили селения, по сей реке находящиеся, кои, наконец, все истребили. *Сула* — река. По сей реке Владимир 1-й города построил и поселил их славянами, кривичами, чудью и вятичами, дабы печенегам, часто впадающим в пределы Киевского княжения, положить препону. *Суугли* — река в половецких кочевьях. Войски русские шли от Донца к реке Осколу, от Оскола к реке Салнице, от Сальницы шли всю ночь и на утрие, около обеда, пришли к реке Сугли, где встретили их половцы за рекою ⟨Татищев⟩. III.262. При сей реке имели русские князья несчастливое сражение с половцы, все князья бывшие и со всем войском или побиты, или в плен взяты, а спаслись только из всего войска 215 человек: сие было в 1185 году. Сколько войска русского было, неизвестно, но в плен только взято 5000 человек.

Как видим, примечание в екатерининских бумагах объединяет четыре статьи словаря Болтина. За счет обобщения сходного начала каждой из болтинских дефиниций оно приобрело более сокращенный вид. Отличия заключаются в естественном сокращении текста болтинского труда о битве с половцами в 1185 г. и ошибочно введенном по созвучию тексте о победе русских войск 30 июля 1184 г. на реке Угли (Ореле).

В первом издании «Слова о полку Игореве» рассмотренного примечания к тексту памятника нет. Зато в предисловии при упоминании реки Суугли сделано примечание, которое почти дословно повторяет текст о Суугли в словаре Болтина (только после слова «река» включено слово «сия» и изменен порядок слов в конце на: «где и встретились с половцами») вплоть до отсылки на Татищева [31].

Однако текст примечания в первом издании далек от татищевского, где всего лишь сказано, что Игорь Святославич «перешед

---

[28] См.: *Дмитриев Л. А.* История первого издания «Слова о полку Игореве». С. 328.

[29] Здесь и далее текст словаря приводится по Румянцевскому списку, в современной транскрипции ввиду наличия в нем многочисленных описок. В ряде случаев наиболее характерные из таких описок приведены в вариантах. При критическом воспроизведении текста словаря используются чтения Бекетовского списка, когда они в нем имеются.

[30] В Румянцевском списке: следы.

[31] Фотокопию первого издания см.: *Дмитриев Л. А.* История первого издания «Слова о полку Игореве». С. IV.

Донец, пошел к реке Осколу и тут ожидал брата Всеволода 2 дня, который шел из Курска другим путем, и, совокупясь, пришли к реке Салнице, тут пристали к ним скоуеды. . . Тако согласясь, пошли к ним чрез всю ночь и наутрие в пяток, около обеда, увидели половцев в собрании, которые, убирая станы свои, отступили назад далее, а русские стояли за рекою Сууглн. . .»[32].

Примечание № 10[33]	*Словарь Болтина*
Шеломая была пограничная волость Руская къ Половцамъ.	*Шеломыя.* С‹ело› Переяславския области близ Ольты ‹Татищев›. III.120.

Примечание № 10 екатерининских бумаг, несмотря на исключение указания на реку Ольту, в своей основе также восходит к соответствующему месту словаря Болтина. Вместе с тем в нем можно видеть и следы непосредственного обращения к «Истории» Татищева, который писал: «В то же время половцы, пришед в область Переяславскую, воевали около Носова и до Олты июля 23 и взяли 800 человек в плен около сел княжни Мстиславлей, Котельницы и Шеломыя»[34]. Воздействие Татищева выразилось в замене болтинской дефиниции топонима как «села» на «волость», выступившую синонимом татищевской «области». Однако комментарий в первом издании «Слова о полку Игореве» еще больше приблизился к определению этого топонима Болтиным: «(л) Русское село въ области Переяславской на границе къ Половцамъ лежащее близъ реки Ольты. Татищ‹ев›. Часть III, стр. 120»[35], отразив повторное знакомство со словарем Болтина уже непосредственно в процессе подготовки первого издания, так как в бумагах Малиновского этот комментарий восходит к примечанию екатерининских бумаг.

Примечание № 29[36]	*Словарь Болтина*
Шаруканъ городъ Половецкій былъ близъ рѣки Донца: он въ 1111-м году сдался безъ сопротивленія войскамъ великаго Князя Святополка. Тат. Ист. Кн. 2, стр. 207.	Шуракан — городок на Донце половецкой ‹Татищев›. II.207.

Примечание № 29 екатерининских бумаг также представляет собой комбинацию из текста словаря Болтина и текста Татищева, указанного ученым. Со словарем Болтина его сближает четкость начальной части дефиниции топонима как половецкого города на реке Донце. Последующая часть примечания — пересказ соответствующего места Татищева («ввечеру же пришли ко граду Шуракаию») и его примечания № 351: «Сии грады, видимо, что по

---

[32] *Татищев В. Н.* Указ. соч. Кн. III. С. 262.
[33] См.: *Дмитриев Л. А.* История первого издания «Слова о полку Игореве». С. 328.
[34] *Татищев В. Н.* Указ. соч. Кн. III. С. 120.
[35] *Дмитриев Л. А.* История первого издания «Слова о полку Игореве». С. 10. Фотокопия первого издания.
[36] См.: Там же. С. 331.

Донцу, где многие древние городища находятся, как в Большом Чертеже показано; имена же городов по тогдашним владельцам, а не существенные, положены» [37]. Более того, можно полагать, что именно словарь Болтина оказал воздействие на автора примечания в екатерининских бумагах в самом объяснении «Шаруканя» как топонима, а не имени собственного. Лишь в комментариях бумаг Малиновского и первого издания «Слова о полку Игореве» издатели освободились от этого воздействия. На основании более внимательного прочтения Татищева они обнаружили в его «Истории» известие о князе Шуракане, который в 1107 г., «едва ушел, оставя весь их обоз русским в добыток» [38]. Поэтому комментарий окончательно приобрел иной вид: «. . .о Шуракане в лѣтописяхъ под 1107 годомъ упоминается, что по имени сего Князя названъ былъ Половецкой на рѣкѣ Донцѣ городъ съ котораго в 1111 году Русскіе взяли окупъ. Татищ. Часть II, стран. 204» [39], предложив довольно смелую интерпретацию текста Татищева.

Примечание № 49 [40]	*Словарь Болтина*
Боричевъ. Урочище въ самомъ городѣ Кіевѣ, которое не индѣ быть, по описанію лѣтописей, является, как на горѣ къ Подолу на самомъ томъ мѣстѣ, или близъ онаго, гдѣ нынѣ церковь апост. Андрѣя первозваннаго находится. Сіе мѣсто въ первобытности было внѣ града, и тутъ Владиміромъ поставленъ былъ на холмѣ идолъ Перуна, яко на мѣстѣ возвышеннѣйшемъ и красивѣйшемъ прочіихъ; а при томъ что и площадь между кумира и города довольная была для умѣщенія народа стекающагося на торжественныя жертвоприношенія. На сей же площади былъ Дворецъ великокняжескій называемый теремнымъ, въ которомъ Ярополкъ убитъ отъ брата своего Владиміра. На самомъ томъ холмѣ, гдѣ стоялъ Перуновъ Кумиръ поставлена, по крещеніи Владиміровомъ, церковь С. Василія. Подъ самою сею горою имѣл прежде Днѣпр теченіе; но по времени занесло	*Боричев.* Урочище в самом городе Киеве, которое не инде быть по описанию летописей, является как на горе [41] к Подолу, на самом том [42] месте или близ оного, где ныне церковь ап. Андрея Первозванного находится. Сие место в первобытности было вне града и тут Владимиром поставлен был на холме идол Перуна [43], яко на месте возвышеннейшем и красивейшем всех прочих, а притом, что и площадь между кумира и города довольная была для умещения народа, стекающегося на торжественные жертвоприношения. На сей же площади был дворец великокняжеский, называемый теремным [44], в котором Ярополк убит от брата своего Владимира. На самом том холме, где стоял Перунов кумир, поставлена по крещении Владимировом церковь святого Василия. Под самою сею горою имел прежде Днепр течение, но по времени занесло песком и сде-

---

[37] *Татищев В. Н.* Указ. соч. Кн. II. С. 207, 456. Примеч. 351.
[38] Там же. С. 204.
[39] *Дмитриев Л. А.* История первого издания «Слова о полку Игореве». С. 26. Фотокопия первого издания. Интересно отметить, что в комментариях к первому изданию ссылки на Татищева не унифицированы: его книги выступают то как части, то как тома. Не является ли это указанием на разных авторов примечаний?
[40] См.: Там же. С. 334.
[41] В Румянцевском списке: на зоре.
[42] В Бекетовском списке: там.
[43] В Румянцевском списке: и донъ Труна.
[44] В Румянцевском списке: Теремивом.

пескомъ и сдѣлалось довольнаго пространства площадь, на которой нынѣ находится предмѣстиѣ названное Подолъ, по причинѣ нискаго ея положенія. Что мѣсто, гдѣ нынѣ подолъ, было покрыто водою, и что Боричевъ подлинно надъ нимъ обрѣтался, свидѣтельствуютъ то нижеписанныя слова из Нестора: Древляне, прибывъ къ Кіеву пристали подъ Боричевымъ; тогда бо Днѣпръ теченіе имѣлъ подлѣ горы Кіевскія, а на Подолія не было жилища, но на горѣ.

⟨Татищев⟩ Кн. II, с. 36.

лалась] довольного пространства площадь, на которой ныне находится предместие, названное Подол, по причине низкого ее положения. Что место, где ныне Подол, было покрыто водою и что Боричев подлинно над ним обретался, свидетельствуют то нижеписанные слова из Нестора: «. . .древляне, прибыв к Киеву, пристали под Боричевым, тогда бо Днепр течение имел подле горы Киевския, а на Подолии не было жилища, но на горе».

⟨Татищев, Т.⟩ II.36.

Примечание № 49 екатерининских бумаг представляет собой наиболее яркое заимствование из словаря Болтина. Несмотря на то что в нем содержится отсылка к Татищеву, его текст далек от татищевского, являясь оригинальным авторским текстом Болтина. У Татищева было сказано: «Оные, прибыв к Киеву, пристали под Боричевым; тогда бо Днепр течение имел подле горы Киевския, а на Подолии не было жилища, но на горе. Град же Киев был, где есть ныне двор Гордятин и Никифоров, а двор княжий был в городе, где ныне двор демественников за церковию Святыя Богородицы: бе бо ту терем каменный»[45]. Примечание № 49 екатерининских бумаг в несколько сокращенном и отредактированном виде было использовано в соответствующем комментарии бумаг Малиновского и первого издания «Слова о полку Игореве», причем в последнем случае — со все той же ссылкой на Татищева. Таким образом, высказанное в свое время соображение Л. А. Дмитриева о возможном авторстве примечания № 49 Болтина можно считать полностью подтвержденным. Правда, этот комментарий восходит не к «Критическим примечаниям» Болтина на «Историю» М. М. Щербатова, как полагал Л. А. Дмитриев, а к словарю ученого[46].

Итак, можно твердо говорить о том, что словарь Болтина стал важным подспорьем в комментировании «Слова о полку Игореве» уже на самом раннем этапе изучения поэмы — в процессе создания екатерининских бумаг. Однако только этим этапом обращение к труду Болтина не ограничилось. В первое издание «Слова о полку Игореве», либо в список, промежуточный между екатерининским списком и первым изданием, был внесен ряд новых комментариев.

Один из комментариев первого издания (в бумагах Малиновского его нет) касался выражения «из луку моря», определяя слово «лука» как «кривизна», излучина»[47]. Напомним, что перево-

---

45 *Татищев В. Н.* Указ. соч. Кн. II. С. 36.

46 См.: *Дмитриев Л. А.* История открытия рукописи «Слова о полку Игореве» // «Слово о полку Игореве» — памятник XII века. М.; Л., 1962. С. 421—423.

47 *Дмитриев Л. А.* История первого издания «Слова о полку Игореве». С. 22. Фотокопия первого издания.

ды «Слова о полку Игореве» XVIII в. толковали «из луки моря» как «залив морской» и «из дна моря» [48]. Словарь Болтина содержал топоним «Лукоморие». В нем было приведено одно из мест Татищева, который, упоминая половцев «Лукоморских», писал, что они, «видимо, меж Дона и Днепра, подле Черного моря жили. Лукоморие бо и Поморие едино есть, как другое Лукоморие на Севере именует ‹примечание› № 319», и в указанном примечании замечал: «Лукоморие есть у русских древнее имя, значит приморское место, как здесь именует самоядов меж Печоры и Оби. . . також на Белом море лопари Лукоморские у Колы на западной стороне и еще при Черном море, где половцы жили Лукоморские» [49]. Болтин, старательно записав соображения Татищева, тем не менее выразил свое несогласие с ним: «Т‹атищев› думает, что Лукоморие и Поморие есть одно, но мне видится, есть разность. Поморие есть всякой [50] берег морской, а Лукоморие — тот берег, который окружает залив морской, то есть имеющий фигуру дуги или лука, а потому и лукоморским назван, сиречь морской берег, фигуру лука представляющий» [51]. Толкование Болтина, таким образом, подтолкнуло издателей на изменение первоначального перевода и его оговорку в специальном комментарии.

Следующий комментарий первого издания (он отсутствует в бумагах Малиновского) объяснял упоминавшийся в «Слове о полку Игореве» город Плеспьск (Пленск). Он определен со ссылкой на Татищева как «городъ Галичскаго Княжения, смежный съ Владимѣрскимъ на Волыни. Татищ‹ев›. Часть III, стр. 287 и 288» [52]. Однако на указанных страницах у Татищева о городе говорилось следующее: «Роман. . . поехал наперед ко Пленску, велел оный войску захватить» и «Романовы посланные, пришед к Пленску, требовали оной. . .» [53]. Текст комментария в первом издании почти дословно повторил соответствующее место словаря Болтина: «*Пленск* — город Галицкого княжения, смежный Владимирскому. III. 288» [54]. Издатели, как видим, лишь изменили редакцию, добавив ссылку на еще одну страницу Татищева, где упоминался город.

Комментарий первого издания о реке Немиге (его нет в бумагах Малиновского) также представляет собой сокращенный вариант текста болтинского словаря. Этот комментарий лишь формально связан с Татищевым. На указанных в нем страницах «Истории» Татищева Немига лишь упоминалась.

---

[48] Там же. С. 322, 343.
[49] *Татищев В. Н.* Указ. соч. Кн. III. С. 301; Кн. II. С. 446—447. Примеч. 319.
[50] В Румянцевском списке: великий.
[51] ГБЛ. Ф. 205. Карт. 124. Д. 1. Л. 41.
[52] *Дмитриев Л. А.* История первого издания «Слова о полку Игореве». С. 23. Фотокопия первого издания.
[53] *Татищев В. Н.* Указ. соч. Кн. III. С. 287, 288.
[54] ГБЛ. Ф. 256. Д. 395. «Пленск».

Первое издание [55]	*Словарь Болтина*
Немига, что ныне *Немень*, между *Минска* и *Полоцка*. — Татищ. II, част. 119 стр.	*Немонь* — река в половецкой области, между Минска и Полоцка. В 1066 году на сей реке было сражение между полоцкого князя Всеслава Брячиславича и между Изяслава, Святослава и Всеволода Ярославичев, на котором последние победу одержали ⟨Татищев⟩. II. 119.

Наконец, еще один комментарий первого издания — о реке Стугне — также может восходить к словарю Болтина (он отсутствует в бумагах Малиновского). Об этой реке Болтин сообщал ряд данных, в том числе и о том, что «на сей реке под Триполем Ростислав к⟨нязь⟩ Переяславский, бежал от половцев, преследующих российское побежденное войско, утонув в 1093 году» [56]. Комментарий в первом издании, как и в словаре Болтина, не содержит ссылки на Татищева, он представляет собой несколько видоизмененную редакцию с генеалогической справкой: «Юный Князь Ростислав, сынъ Великаго Князя Всеволода I и Великія Княгини Анны, дочери Половецкаго Князя, утонулъ на рѣкѣ Стугнѣ 1093 года, когда тамъ разбиты были Россійскія войска отъ Половцевъ» [57].

Таким образом, приведенные выше факты подтверждают участие Болтина в комментировании «Слова о полку Игореве». Сложнее обстоит дело с определением формы этого участия. Бесспорно, что рассмотренные выше комментарии в екатерининских бумагах и примечания в первом издании поэмы восходят именно к рукописи словаря Болтина. Сам ли ученый использовал свой труд, предоставил ли он его Мусину-Пушкину для комментирования «Слова о полку Игореве», наконец, был ли использован словарь графом уже после смерти Болтина — ответить на эти вопросы в настоящее время с абсолютной уверенностью не представляется возможным. Мы полагаем, что словарь был использован Мусиным-Пушкиным, вероятно, уже после смерти Болтина, когда его архив и коллекция оказались в собрании графа. Сохранившиеся материалы о покупке Екатериной II рукописей ученого относятся к ноябрю 1792 г. [58] Если это так, то и екатерининские бумаги по «Слову о полку Игореве» не могли быть составлены ранее ноября 1792 г.

Болтинский словарь дает возможность еще больше проникнуть в творческую лабораторию автора или авторов комментариев в екатерининских бумагах и первом издании поэмы. Обнаружен новый, доселе неизвестный источник комментариев. Словарь вместе с «Историей» Татищева, «Родословником» Екатерины II, «Историей государства Российского» И. Стриттера, «Словарем» Российской академии, «Критическими примечаниями» Болтина

---

[55] См.: *Дмитриев Л. А.* История первого издания «Слова о полку Игореве». С. 36. Фотокопия первого издания.
[56] ГБЛ. Ф. 256. Д. 395. «Стугна».
[57] *Дмитриев Л. А.* История первого издания «Слова о полку Игореве». С. 42. Фотокопия первого издания.
[58] См.: ЦГАДА. Ф. 1239. Д. 53099. Л. 1.

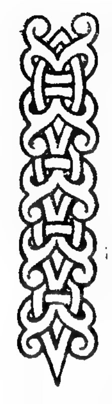
на Щербатова составил тот корпус справочных пособий, который был использован при изучении поэмы в первые годы после ее открытия.

К рукописи словаря обращались по меньшей мере дважды: в ходе подготовки комментариев, сохранившихся в екатерининских бумагах, и в процессе подготовки примечаний к первому изданию «Слова о полку Игореве». Наблюдения над характером привлечения труда Болтина для комментирования «Слова о полку Игореве» позволяют заключить, что его использование ни в коем случае нельзя назвать плагиатом в современном смысле этого слова. Высокий авторитет Болтина-ученого для первых исследователей поэмы предопределил безусловное доверие к его рукописи издателей «Слова».

А. С. Курилов

«СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ» И РУССКАЯ ФИЛОЛОГИЯ НА РУБЕЖЕ XVIII—XIX ВВ.

Сама по себе проблема «„Слово о полку Игореве“ и русская филология» для отечественной науки не нова. Она обозначилась уже в 70-е годы XIX в., когда появились более или менее регулярные обзоры литературы вопроса. Однако вплоть до недавнего времени проблема эта решалась исключительно в одном аспекте — *историографическом*: как возникла, формировалась и развивалась собственно наука о «Слове о полку Игореве», как и в каких направлениях, в русле каких школ и какими методами изучался этот выдающийся памятник древнерусской литературы с момента его открытия, как шла работа над его текстом и какие принципы использовались при его изданиях. Одним словом, исследовалось лишь то, что дала и чем обогатила наши знания о «Слове» отечественная филология XIX—XX вв. И сделано здесь действительно немало [1].

Но при этом из поля зрения исследователей выпал и практически не изучался другой аспект — *науковедческий*: что дало открытие «Слова о полку Игореве», его публикация и последующая работа над его текстом, комментариями, толкованием темных мест и т. п. самой русской филологии. А дало оно так много.

---

[1] См.: *Смирнов А.* О «Слове о полку Игореве»: Литература «Слова» со времени открытия его до 1876 г. // Филол. зап. Воронеж, 1876. Вып. 6; 1877. Вып. 2, 3, 5, 6; *Он же.* О «Слове о полку Игореве»: Литература «Слова» со времени открытия его до 1876 г. Воронеж, 1877; *Барсов Е. В.* Критический очерк литературы «Слова о полку Игореве» // ЖМНП. 1876. Сент. С. 1—45; Окт. С. 109—132; *Он же.* «Слово о полку Игореве» как художественный памятник Киевской дружинной Руси // ЧОИДР. 1883. Кн. 1. Отд. 4; *Он же.* «Слово о полку Игореве» как художественный памятник Киевской дружинной Руси. М., 1887; *Владимиров П. В.* Литература «Слова о полку Игореве» со времени его открытия (1795 г.) по 1894 г. // Университет. изв. Киев, 1894. № 4. С. 65—135; *Головенченко Ф. М.* «Слово о полку Игореве»: Историко-литературный и библиографический очерк // Учен. зап. МГПИ им. В. И. Ленина. М., 1955. Т. 82. Каф. рус. лит. Вып. 6; *Гудзий Н. К.* Судьбы печатного текста «Слова о полку Игореве» // ТОДРЛ. М.; Л., 1951. Т. 8, С. 31—52; *Дмитриев Л. А.* История первого издания «Слова о полку Игореве»: Материалы и исследования. М.; Л., 1960; *Лихачев Д. С.* Изучение «Слова о полку Игореве» и вопрос о его подлинности // «Слово о полку Игореве» — памятник XII века. М.; Л., 1962. С. 5—25.

что есть все основания говорить об определенном перевороте в филологическом сознании нашего общества, который произошел на рубеже XVIII—XIX вв., в одно, как говорится, мгновение расширив горизонты национальной научной и художественной мысли.

«. . .Новый гений, — писал В. Г. Белинский, — открывает миру новую сферу в искусстве и оставляет за собою господствующую критику, нанося ей тем смертельный удар. . .» [2]. Обнаружение и публикация «Слова о полку Игореве» — творения гениального, хотя и безымянного автора XII в., открыло миру поистине новую сферу в искусстве, сферу, до того не только неведомую, но даже и не подозреваемую, — древнерусскую художественную литературу, сферу оригинальную, самобытную, уникальную. Открытие это перечеркнуло все существовавшие тогда и у нас и за рубежом представления о русском национальном литературном богатстве и исторических далях нашей художественной культуры. В России начинает формироваться качественно новое филологическое мышление, что самым непосредственным образом сказалось на развитии всех областей отечественной филологии того времени: истории и теории словесности, литературно-художественной критики, языкознания и истории русского языка, а также вспомогательных дисциплин — текстологии и эдиции, палеографии, комментирования и т. д.

Значение этого открытия для судеб русской филологии стало очевидным лишь в наше время, в 70-е годы XX в., когда приступили к последовательному изучению истории национальной науки о литературе [3]. Тогда же было обращено внимание и на некоторые стороны формирования у нас нового филологического, в частности историко-литературного, мышления [4]. Однако во всем объеме роль «Слова о полку Игореве» в развитии отечественной филологии XIX в. не исследовалась. Изучению самого начального периода этого процесса и посвящена данная работа.

Открытие «Слова о полку Игореве» прежде всего сказалось на отечественном историко-литературном мышлении, в основе которого лежали тогда представления о сравнительно недавнем происхождении русской поэзии (литературы).

Большинство наших филологов XVIII в. (В. К. Тредиаковский, С. Г. Домашнев, И. Ф. Богданович, Н. И. Новиков) первого русского — «славянского» — поэта видели в Симеоне Полоц-

---

[2] *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1955. Т. 6. С. 287.

[3] См.: Возникновение русской науки о литературе. М., 1975. С. 225; *Николаев П. А., Курилов А. С., Гришунин А. Л.* История русского литературоведения. М., 1980. С. 42—43; *Прийма Ф. Я.* «Слово о полку Игореве» в русском историко-литературном процессе первой трети XIX в. Л., 1980. С. 212.

[4] См.: *Курилов А. С.* «Слово о полку Игореве» и русская историко-литературная мысль конца XVIII—начала XIX в. // «Слово о полку Игореве»: Памятники литературы и искусства XI—XVII вв.: Исследования и материалы по древнерусской литературе. М., 1978. С. 151—162.

ком [5]. А. П. Сумароков полагал, что первыми деятелями на поприще отечественного стихотворства были Феофан Прокопович и Антиох Кантемир [6]. Анонимное «Известие о некоторых русских писателях» открывалось статьей о Феофане Прокоповиче [7]. М. М. Херасков считает, что «неправильное стихотворство», т. е. без соблюдения «правил пиитических», действительно появилось на Руси в годы правления Алексея Михайловича и «изобретателем» такого рода стихов «был, быть может», Симеон Полоцкий. Однако, утверждает он, творения Полоцкого и его последователей «только что по имени были стихи». Кантемир и Тредиаковский, отмечал далее Херасков, пытались сделать свое стихосложение более «исправным», но «истинная гармония» «в нем не наблюдается». И лишь Ломоносов, сочинив оду на взятие Хотина, обучил «россиян правилам истинного стихотворства» [8]. М. Н. Муравьев, соглашаясь с мнением, что уже Симеон Полоцкий «известен был стихотворениями своими», вместе с тем утверждал, что только Кантемир «открыл России пространное поле стихотворства» [9].

Таким образом, наша историко-литературная мысль XVIII в. в своем стремлении ответить на вопросы: кто был первым по времени русским поэтом и где берет свое начало отечественная «правильная» поэзия (литература)? — пыталась это сделать исключительно на историческом пространстве от эпохи Симеона Полоцкого до Ломоносова. Правда, и Тредиаковский, и Домашнев, и Херасков признавали существование «российского стихотворства» и до Симеона Полоцкого, но лишь в виде поэзии устной, народной, т. е. не письменной, «неправильной». К ним относили «пастушеские», «увеселительные», «молодецкие и других содержаний песни» [10], а также былины — песни-поэмы «об Илье Муромце, о пирах Владимировых» и им подобные [11].

Такого рода представления сказались на характере отечественного историко-литературного мышления, отличавшегося вследствие этого известной противоречивостью понятий.

С одной стороны, наши филологи вполне естественно находили истоки «российского стихотворства» в поэзии дохристианской, языческой Руси: «неподозрительным свидетельством» существования таковой поэзии выступал для них фольклор, «мужицкие песни».

---

[5] См.: *Курилов А. С.* Симеон Полоцкий и русская историко-литературная мысль XVIII в. // Русская старопечатная литература (XVI—первая четверть XVIII в.): Симеон Полоцкий и его книгоиздательская деятельность. М., 1982. С. 318—333.

[6] См.: *Сумароков А. П.* Избранные произведения. Л., 1957. С. 116, 127, 129.

[7] См.: Немецкое известие о русских писателях (1768). М., 1862. С. 25—26.

[8] *Херасков М. М.* Рассуждение о российском стихотворстве // Русская литературная критика XVIII века. М., 1978. С. 278.

[9] *Муравьев М. Н.* История изящных письмен Российских // Соч.: В 2 т. СПб., 1856. Т. I. С. 395.

[10] *Тредиаковский В. К.* О древнем, среднем и новом стихотворении российском // Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие. 1755. Июнь. С. 506.

[11] *Херасков М. М.* Указ. соч. С. 276.

С другой стороны, всю историю «российского стихотворства» они укладывали в какие-то 100 с небольшим лет, начиная с 1663 г., когда, по словам Тредиаковского, к нам перешел и утвердился «польский состав» стиха, т. е. силлабическое стихосложение, на смену которому приходит стихосложение силлабо-тоническое, введенное в 1735 г. самим Тредиаковским [12]. В результате достаточно четко обозначался многовековой, но тем не менее «пустой» период в истории отечественной поэзии, когда «музы не дерзали вступить в отечество наше». Существование этого периода допускалось как закономерное следствие «тьмы изнеможения», облекшей Русь, находившуюся под «игом иноплеменников», длительной борьбы за свое «от варваров освобождение» и необходимости после покорения поработителей иных дел, иных забот, «которые безопасность ее и благоденствие обеспечить могли» [13].

Но если истоки «российского стихотворства» восходят к языческой поэзии, то не могло быть «пустого» периода в его развитии. Подобного рода допущение равносильно представлению о дереве, которое имеет корни и ветви, но не имеет . . .ствола. А если считать, что «пустой» период все-таки был, значит, неверно определены сами истоки нашего стихотворства и их надобно искать в другом месте. Чувствуя определенное здесь противоречие и пытаясь его как-то преодолеть, Тредиаковский, например, утверждал, что «новое» (т. е. в XVIII в.) стихотворство является, по сути, не столько «новым», сколько «возобновленным» по образцу «древнего», языческого.

И хотя исторические дали гражданской истории России манили наших филологов, которые стремились хоть как-то связать с ними и исторические дали отечественной поэзии, тем не менее в распоряжении историков «российского стихотворства» не было тогда ни одного письменного памятника, ни одного письменно закрепленного факта, подтверждающего древность происхождения нашего национального стихотворства, поэтической культуры. Они по-прежнему возвращались, просто вынуждены были возвращаться к мысли о том, что по крайней мере до второй половины, точнее — до последней трети XVII в., практически до Симеона Полоцкого, у нас не было письменной поэзии вообще, не говоря уже о «правильном стихотворстве».

Вместе с тем уже к середине XVIII в. было открыто и стало достоянием наших филологов немало имен древнерусских писателей. В основном это были летописцы, составители хронографов, авторы исторических сочинений и житий. Так, в «Опыте исторического словаря о российских писателях» Н. И. Новикова приводились сведения о девяти русских писателях, живших в X—XIII вв., т. е. до начала татаро-монгольского нашествия, — Иоакиме Корсунянине, архиепископе Болгарском, Несторе, игу-

---

[12] См.: *Тредиаковский В. К.* Указ. соч. С. 513, 516.
[13] *Херасков М. М.* Указ. соч. С. 277—278.

мене Сильвестре, епископах Нифонте и Симоне, архимандрите Поликарпе, Иоанне Новгородском и новгородце Тимофее — и двенадцати писателях, которые жили в XIV—XVI вв. — во время Куликовской битвы и до избрания царем Михаила. Среди них были Кирилл Белозерский, Андрей Курбский, Авраамий Палицын и др. [14] Однако сочинения этих авторов воспринимались и оценивались русской литературной общественностью XVIII в. исключительно как памятники отечественной гражданской или церковной (жития святых) истории, а не художественной литературы, поэзии, а потому и не учитывались при построении общей исторической картины «российского стихотворения».

Первую попытку проследить пути развития отечественной художественной словесности (литературы) в целом предпринимает в самом начале 90-х годов XVIII в. М. Н. Муравьев в статье с характерным названием «История изящных письмен российских».

В отличие от своих предшественников — Тредиаковского, Домашнева и Хераскова, при освещении «древнего» нашего стихотворства принимавших во внимание памятники устного народного творчества, Муравьев в своем историческом обзоре рассматривает только письменную словесность, и не вообще, а прежде всего ту, которая подходит под определение «изящные письмена», т. е. уже собственно художественную, по нашим понятиям, литературу. Качественно новым для отечественной филологии было привлечение Муравьевым на равных и включение в единый национальный историко-литературный процесс как поэтических (стихотворных), так и прозаических «изящных письмен»—произведений. До Муравьева наша филология не шла дальше исторического рассмотрения одного «российского стихотворства», полагая, что только в «стихотворении» заключено все искусство слова.

Правда, уже Тредиаковский высказал предположение, что «пустой» для «российского стихотворения» период в действительности не был таковым для отечественной поэзии (литературы, словесности) в целом и что образованная часть русского общества, пребывая «с X века по XVI включительно без стихов, собственно так называемых по составу», имела, «впрочем, стихи, только ж в прозе» [15]. Но то, что для Тредиаковского было лишь предположением, для Муравьева становится реальным и непреложным фактом, подкрепленным разысканиями отечественных филологов и получившим свое отражение в «Опыте исторического словаря о российских писателях» Н. И. Новикова, где «древний» и «средний» периоды нашей словесности были представлены главным образом — а «древний» вообще целиком — именами писателей-прозаиков.

Но и Муравьев тем не менее также допускает наличие «пустого» периода в развитии «изящных письмен российских», полагая,

---

[14] См.: *Новиков Н. И.* Опыт исторического словаря о российских писателях. СПб., 1772.

[15] *Тредиаковский В. К.* Указ. соч. С. 508.

что после «Истории» Нестора и сочинений «летописателя Сильвестра» вплоть до времени Алексея Михайловича ничего «изящного» российскими авторами создано не было [16]. То есть и он в силу сложившейся традиции, инерцию которой так и не смог преодолеть, не увидел произведений словесного искусства в сочинениях тех 17 упомянутых в «Словаре» Новикова писателей, что явились на Руси после Нестора и Сильвестра в XIII—XVI вв., всеми своими сочинениями показывая: никакой многовековой пустоты, никакого зияющего провала, обрыва в истории отечественных «изящных письмен» не было.

Таким образом, русская филология, несмотря на целый ряд фактов если и не опровергавших до конца, то ставивших явно под сомнение существовавшую точку зрения о «пустом» периоде в истории «российской словесности», вступила в последнее десятилетие XVIII столетия будучи все-таки уверенной в том, что наше Отечество по крайней мере до 60-х годов XVII в. не имело своей национальной письменной изящной словесности, что наша «правильная», т. е. художественная, литература — поэзия и проза — еще была слишком молода, что просвещение, а вместе с ним и поэтическая, художественная культура, изящный, правильный вкус в силу сложившихся исторических обстоятельств обходили Русь стороной чуть ли не по первые десятилетия XVIII в. И в этот момент в одном из сборников произведений древнерусской письменности обнаруживают «Слово о полку Игореве».

О существовании этого замечательного памятника наша литературная общественность узнала из примечания к 16-й песне поэмы Хераскова «Владимир Возрожденный», которое автор внес, включая поэму в состав первого собрания своих «творений». «Недавно, — писал Херасков, — отыскана рукопись под названием: „Песнь полку Игореву“, неизвестным писателем сочиненная. Кажется, за многие до нас веки в ней упоминается Боян — российский песнопевец» [17]. Почти одновременно известие об этом произведении пришло и к зарубежному читателю. В октябрьском номере журнала «Северный зритель» за 1797 г. (издавался в Гамбурге на французском языке) увидела свет статья Н. М. Карамзина «Несколько слов о русской литературе», где «Слово о полку Игореве» упоминалось в ряду других памятников отечественной поэзии.

Однако это было не просто упоминание: открытие «Слова» позволило Карамзину раскрыть перед зарубежным читателем художественное богатство и разнообразие поэзии, «которую русские создавали задолго до времен Петра Великого» [18]. Последнее утверждение, как нетрудно заметить, было принципиально новым для отечественной филологии тех лет, когда преобладало мнение,

---

[16] *Муравьев М. Н.* Указ. соч. С. 394—395.

[17] Творения М. Хераскова, вновь исправленные и дополненные: В 12 ч. М., 1797. Ч. 2. С. 300.

[18] *Карамзин Н. М.* Избр. соч.: В 2 т. М.; Л., 1964. Т. 2. С. 146.

что лишь при Петре I у нас создаются определенные условия и открываются возможности для подлинно поэтического творчества. Получалось, что это далеко не так. И одной из причин для пересмотра устоявшегося мнения явилось открытие «Слова о полку Игореве».

«Есть у нас, — писал в своей статье Карамзин, — песни и романсы, сложенные два-три века тому назад, где мы находим самое трогательное, самое простодушное выражение любви, дружбы и проч. <. . .>

Есть у нас и старинные рыцарские романы (герои их обычно военачальники князя Владимира, нашего Карла Великого) и волшебные сказки — некоторые из них достойны называться поэмами. Но вот, милостивый государь, что поразит вас, быть может, более всего — года два назад в наших архивах обнаружили фрагмент поэмы, озаглавленной «Слово о полку Игореве», которую можно поставить рядом с лучшими местами из Оссиана и которую сложил в двенадцатом веке безымянный певец. Энергический слог, возвышенно-героические чувства, волнующие картины ужасов, почерпнутые из природы, — вот что составляет достоинство этого отрывка, где поэт, набрасывая картину кровавого сражения, восклицает: «О, я чувствую, что моя кисть слаба и бессильна. У меня нет дара Бояна, этого соловья прошедших времен. . .». Значит, и до него были на Руси великие певцы, чьи творения погребены в веках. В наших летописях сей Боян не упомянут; мы не знаем ни когда он жил, ни что он пел. Но дань уважения, воздаваемая его гению подобным поэтом, заставляет нас сокрушаться об утрате его созданий» [19].

Карамзина, одного из первых читателей «Слова о полку Игореве», поразили достоинства произведения, созданного в XII в. безымянным русским автором. Он увидел, что творцом «Слова» был действительно великий поэт. Но еще больше поразило Карамзина обращение автора «Слова» к неизвестному дотоле Бояну. Эта «дань уважения» была реальным свидетельством современника, что «и до него на Руси были великие певцы», а значит, он читал или слышал их великие творения. То, что эти творения несомненно были великими, подтверждалось высочайшими художественными достоинствами самого «Слова о полку Игореве». И древнерусская литература предстала перед взором Карамзина в совершенно ином свете, во всем возможном ее своеобразии и художественном богатстве. «Слово о полку Игореве» показывало, что русская письменная литература — одна из древнейших в современной Европе и ее произведения могут стоять на равных с самыми замечательными литературными памятниками других народов мира. Об этом и спешил поведать европейскому читателю Карамзин.

И что примечательно: Карамзин не только говорит о высоких художественных достоинствах «Слова», но вводит его в националь-

---

[19] Там же. С. 146—147.

ный историко-литературный контекст, выступая с принципиально новой концепцией развития отечественной литературы, уделяя при этом преимущественное внимание поэзии, созданной «задолго до времен Петра Великого», т. е. уже собственно древнерусской литературе. И это не случайно. Послепетровской литературе не было еще и ста лет, а допетровская насчитывала не менее шести веков: временные параметры явно несоизмеримые. Но не это было главным, решающим в смещении исследовательских акцентов в сторону нашей древней поэзии.

С открытием «Слова о полку Игореве» в отечественной филологии начинает формироваться качественно новое понятие — древнерусская *художественная* литература. Оказалось, что наши далекие предки имели не только своих замечательных прозаиков — историков, «летописателей», но и выдающихся поэтов. Именно это обстоятельство способствовало наполнению новым содержанием существовавшего тогда понятия о «древнем российском стихотворстве», одновременно преобразовывая его в понятие «древнерусская художественная литература» («древнерусская изящная словесность» — по терминологии того времени). И первым свидетельством начала такого преобразования становится исторический обзор русской поэзии, созданной в древнейшие времена, который осуществил Карамзин в статье «Несколько слов о русской литературе».

В своем предельно лаконичном обзоре Карамзин тем не менее дает самое широкое, по сравнению с предшественниками (хотя, надо признать, и далеко не полное относительно уже известных к моменту написания статьи фактов) представление о древнерусской литературе, по-новому обозначив ее хронологические границы — X—XV вв. — и выделив несколько этапов в ее развитии.

Тредиаковский, например, считал, что «древнее российское стихотворение» прекратило свое существование с введением на Руси христианства, т. е. в конце X в. Херасков нашему древнему стихотворству отводит более длительный период, относя к нему все, созданное до нашествия татаро-монголов, т. е. по первую треть XIII в. включительно. Карамзин расширяет эти границы еще на два века, одновременно как бы намечая и периодизацию развития самой древнерусской литературы.

В статье Карамзина нижняя граница — X в. — определяется временем княжения Владимира — «нашего Карла Великого», — т. е. Владимира I, былинного «Красного Солнышка». Верхняя — XV в. — утверждением: «. . . два-три века тому назад. . .». Внутри этих границ Карамзиным обозначается как бы три этапа.

X—XI вв. — эпоха создания «старинных рыцарских романов» — былин и «волшебных сказок» — поэм. Здесь он идет прямо за Херасковым, полагавшим, что наше стихотворство (поэзия) началось именно с прославления подвигов «мужей отважных» и «памятных приключений победоносных рыцарей наших», что

и получило отражение в «песнях об Илье Муромце, о пирах Владимировых и им подобных»[20].

XI—XII вв. — время Бояна, «соловья прошедших времен», и других «великих певцов», колыбель замечательных художественных творений и высочайшей самобытной, национальной поэтической культуры, ярким и убедительным подтверждением чему является «Слово о полку Игореве».

XIV—XV вв. — эпоха «песен и романсов», время лирической поэзии, «простодушного выражения любви, дружбы и проч.».

Не оспаривая с точки зрения наших сегодняшних научных представлений правомерности подобной периодизации, предложенной Карамзиным, отметим только, что она отвечала самым высоким параметрам филологического мышления того времени, которое стремилось на доступном ему исследовательском материале проникнуть в отдаленные глубины истории национальной художественной культуры.

В статье Карамзина мы фактически встречаемся с первой у нас попыткой построить более или менее развернутую историко-литературную концепцию древнерусской литературы, где определены основные направления художественного освоения древними авторами окружающей их действительности, раскрыто содержание их произведений, названы ведущие жанры, дано самое общее представление о поэтике, выразительных и изобразительных средствах, а также намечены важнейшие вехи-этапы древнерусского («задолго до времен Петра Великого») литературно-художественного развития. Центральную часть, как нетрудно заметить, — и хронологически, и по своему художественному значению — занимает в этой концепции «Слово о полку Игореве».

Статья «Несколько слов о русской литературе» показала, что наша историко-литературная мысль благодаря открытию «Слова» поднялась на качественно более высокую ступень, приобретая способность для глубокого, *концептуального*, а не только фактографического и хронологического изучения отечественной литературы. И прежде всего «древней» и «средней» литературы, на долю которой приходилось значительное историческое время — шесть из семи веков — национального художественного развития.

Осознание Карамзиным древнерусской литературы как самобытного художественного явления позволило ему сделать вывод о принципиальном отличии новой русской литературы, литературы послепетровского времени, от литературы древней. Причем сравнение древнерусской литературы с новой оказалось явно не в пользу последней, которая, что нетрудно было заметить, имея перед собою «Слово о полку Игореве», утратила важнейшие качества: национальную самобытность, оригинальность, самосто-

---

[20] См.: *Херасков М. М.* Указ. соч. С. 276. Правда, Херасков считает, что все эти песни были созданы в дохристианской, языческой Руси, т. е. до начала XI в. (с. 277).

ятельность, сделалась подражательной, превратилась «в отзвук и отражение чужеземных поэзий и словесности» [21]. То, чего не замечали филологи, предшественники Карамзина в деле исторического обозрения «российского стихотворства», — в силу неизученности отечественной художественной культуры и которым просто не с чем было сравнивать творения наших писателей XVIII в., кроме как с соответствующими художественными достижениями других народов Европы, — резко бросалось в глаза при чтении «Слова о полку Игореве», произведения, в высшей степени непохожего на все известное в то время как в нашей, так и в зарубежной литературе. И то, что до этих пор вменялось нашим писателям XVIII в. в заслугу — создание национального Парнаса по образу и подобию западноевропейского, — теперь представало как недостаток, как непростительная утрата своего творческого лица, «национальной физиономии» в искусстве.

Да, признает Карамзин, «мы с успехом испробовали силы свои почти во всех жанрах литературы. Есть у нас эпические поэмы, обладающие красотами Гомера, Виргилия, Тасса; есть у нас трагедии, исторгающие слезы, комедии, вызывающие смех; романы, которые можно прочесть без зевоты, остроумные сказки, написанные с выдумкой, и т. д. и т. д. У нас нет недостатка в чувствительности, воображении, наконец — в талантах; но храм вкуса, но святилище искусства редко открываются перед нашими авторами» [22].

Это сетование о редко открывавшемся перед нашими авторами «святилище искусства», при почти всеобщем тогда восторге от того, что и у нас есть свои Пиндары, Горации, Корнели, знаменательно. Оно возникло у Карамзина несомненно под впечатлением от «Слова о полку Игореве», говоря о вызревании в отечественной филологии, хотя еще подспудном, но естественном и закономерном, мысли о необходимости самостоятельного, неподражательного творчества: здесь лежал ключ, которым открывались двери «святилища искусства», в него нельзя было войти, шествуя лишь по следам других, — у входа в «храм вкуса» стояла надежная и неподкупная художественная стража, безошибочно отличая вторичное от первичного. А потому Карамзин был не совсем прав, видя основную причину редко открываемой в этот храм двери для русских писателей XVIII в. в том, что мы «пишем по внезапной прихоти», что «слабое ободрение не побуждает нас к усидчивому труду», что «справедливые критики редки на Руси» [23].

Отмеченное им, конечно, тоже не содействовало полному раскрытию отечественных дарований. Однако главное заключалось в том, что бросившись в подражание, наши писатели XVIII в. утратили способность творить самобытно, оригинально, предали забвению национальные поэтические традиции, выработанные

---

[21] *Карамзин Н. М.* Указ. соч. С. 147.
[22] Там же.
[23] Там же. С. 147—148.

своим собственным художественным мышлением и видением мира, без чего невозможно подлинное искусство и, следовательно, открытый, свободный доступ в его «святилище». Именно такой вывод реально напрашивался из «нескольких слов», сказанных Карамзиным о русской литературе «задолго»-допетровского и послепетровского времени.

Потому Карамзин и уделил в своей статье преимущественное внимание древнерусской литературе, что она, с одной стороны, носила самобытный, национальный характер, а с другой — была в чем-то типологически, и прежде всего в жанровом отношении (песни — «романсы», былины — «рыцарские романы», волшебные сказки — поэмы; а также переклички с Оссианом и т. п.), схожа с западноевропейскими литературами, тем самым выступая с ними вполне на равных. Во всяком случае, ее произведения можно было без каких-либо натяжек поставить рядом с древнейшими памятниками поэзии других народов, чего, как он полагал, нельзя было сказать о творениях наших писателей XVIII в., являвшихся во многом отзвуком и отражением «чужеземных поэзий и словесности».

Пройдет совсем немного времени, и задача возвращения к самобытному художественному началу, к народности и самостоятельности будет осознана нашей филологической мыслью в качестве первостепенной, от решения которой во многом зависело дальнейшее развитие отечественной литературы, ее будущее. И здесь важнейшим творческим ориентиром выступит «Слово о полку Игореве» с его удивительной, неповторимой образностью и ярко выраженной — выстраданной — национальной проблематикой.

Деление русской литературы на *древнюю* и *новую* по признаку их *самобытности*, *оригинальности*, какое мы встречаем в статье Карамзина и чего не знала предшествовавшая ему отечественная историко-литературная мысль, говорило о новом уровне методологических исканий, на который поднимается наша филология вместе с открытием «Слова о полку Игореве». Это деление в дальнейшем на какое-то время становится для наших историков литературы и критиков аксиоматичным. Молодой В. Г. Белинский, к примеру, так вообще будет считать литературу послепетровского периода просто «пересаженным цветком» [24].

Опираясь на художественные достоинства «Слова о полку Игореве», Карамзин открывал пути для новых методологических принципов национального историко-литературного познания. Представление о древней и новой русской литературе как о двух в творческом отношении принципиально отличавшихся друг от друга литературных эпохах несомненно способствовало активизации нашей филологической мысли в ее обращении к отечественному поэтическому, художественному прошлому: притягательная сила

---

[24] См.: *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч. М., 1953. Т. 1. С. 65.

древнерусской самобытности неудержимо манила исследователей в глубь веков. . .

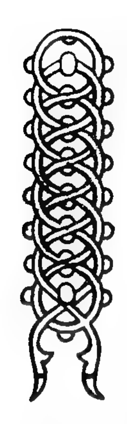
После открытия «Слова» уже невозможно было утверждать, что русская литература, русская поэзия берут свое начало где-то в конце XVII—первой трети XVIII в. Их истоки отодвигались по крайней мере к XII в. — времени создания «Слова о полку Игореве».

Публикация «Ироической песни о походе на половцев удельного князя Новагорода-Северского Игоря Святославича», сочиненной «в исходе XII столетия», означала, что для отечественной филологии пора догадок и предположений относительно существования «древней нашей словесности» уходит в прошлое, уступая место представлениям и суждениям о ней, основанным на художественных фактах, имевших не только конкретную временну́ю, но уже и достаточно точную хронологическую привязанность, без чего невозможно было доказательно говорить о древнем происхождении любой, в том числе и нашей национальной, литературы.

В. Ю. Троицкий

«СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ» В ТВОРЧЕСКОМ СОЗНАНИИ РУССКИХ РОМАНТИКОВ 20—30-Х ГОДОВ XIX В.

Открытие и публикация [1] в конце XVIII—начале XIX в. «Слова о полку Игореве» было событием огромного значения: знакомство с этим выдающимся национально-героическим памятником древнерусской литературы стало не только и даже не столько историческим открытием, сколько фактом современности, подчеркнувшим настоятельнейшую необходимость возрождения утраченных поэтических традиций, «обращения к национальным источникам вдохновения, национальному художественному опыту» [2]. Постепенное осознание идейно-художественного содержания «Слова», осмысление его богатой образности сделало это произведение мощным стимулом дальнейшего движения русской литературы на пути к самобытности и народности, возбуждало желание «вникать в характер российского народа, в дух российской древности и потом в частные характеры наших древних героев» и воссоздавать в литературе «что-нибудь великое, важное и притом чисто русское» [3]. «Слово. .» очень скоро стало широко известным в литературе и уже в первые десятилетия после его публикации вызвало целый ряд переводов, переложений, подражаний, а также многочисленные заимствования его тем, образов, характерных конфликтов, наконец, отдельных выражений [4].

К 20-м годам XIX в., т. е. ко времени полновластного господства романтизма в русской литературе, кроме перевода А. Ма-

---

1 См.: *Головенченко Ф. М.* «Слово о полку Игореве»: Историко-литературный и библиографический очерк // Учен. зап. МГПИ им. В. И. Ленина. М., 1955. Т. 82. Вып. 6; *Прийма Ф. Я.* «Слово о полку Игореве» в русском историко-литературном процессе первой трети XIX в. Л., 1980.

2 *Курилов А. С.* Начало теоретического осознания романтизма русской критикой // История романтизма в русской литературе: Возникновение и утверждение романтизма в русской литературе (1790—1825). М., 1979. С. 167.

3 *Тургенев А. И.* [Речь о литературе. 1801] // Литературная критика 1800—1820-х годов. М., 1980. С. 44, 45.

4 См.: *Барсов Е. В.* «Слово о полку Игореве» как художественный памятник Киевской дружинной Руси. М., 1887. Т. I. С. 31—188; *Шамбинаго С. К.* Художественное переложение «Слова» // Слово о полку Игореве. М.; Л., 1934. С. 199—228; *Головенченко Ф. М.* Указ. соч. С. 5—47; *Прийма Ф. Я.* «Слово о полку Игореве» в русском историко-литературном процессе первой трети XIX в. Гл. 3—7; и др.

линовского, были известны около десяти переводов и переложений «Слова» [5]. При этом, как известно, «„литературное единоборство“ наших писателей первой половины XIX столетия с гениальным автором „Слова“ выразилось не только в стремлении сочинить нечто однородное „Слову“, как, например, „сочинить поэму“ с содержанием из древнекиевской исторической жизни в духе „Слова о полку Игореве“ (см., напр., опыт Жуковского сочинить поэму «Владимир»)» [6].

Факты использования «Слова» в качестве материала для художественного творчества широко известны. В упомянутом выше основательном исследовании Ф. Я. Приймы эти факты определенным образом обобщены. Однако, подводя итог своему труду, автор пишет, что его «замечания по такому важному вопросу, как значение „Слова“ в развитии исторической прозы начала XIX в., как и содержание книги в целом, носят рекогносцировочный характер», и считает, что «место Игоревой песни в русском историко-литературном процессе XIX в. — тема, на редкость слабо изученная» [7]. Мы коснемся лишь немногих аспектов восприятия и использования тематики и поэтики этого памятника в романтической литературе.

1

В использовании «Слова» как источника художественного вдохновения и арсенала тем и образов к 20-м годам в поэзии уже сложились известные традиции. Некоторые из них были обусловлены эстетикой сентиментализма [8].

В созданной Радищевым художественной картине Древней Руси наблюдается предромантическая традиция: поэт стремится оттенить характерные свойства русичей, представив их как залог грядущей славы народа:

О народ, народ преславный!
Твои поздние потомки
Превзойдут тебя во славе
Своим мужеством изящным,
Мужеством богоподобным. . .
Все преграды, все оплоты
Сокрушат рукою сильной,
Победят — природу даже. . . [9]

---

[5] См.: *Сиповский В. В.* Следы влияния «Слова о полку Игореве» на русскую повествовательную литературу первой половины XIX столетия // Изв. по русскому языку и словесности АН СССР. Л., 1930. Т. 3. Кн. 1. С. 241—242.

[6] Там же. С. 247.

[7] *Прийма Ф. Я.* «Слово о полку Игореве» в русском историко-литературном процессе первой трети XIX в. С. 244.

[8] См.: Там же. С. 218—219.

[9] *Радищев А. Н.* Песни, петые на состязаниях в честь древним славянским божествам // Стихотворения. Л., 1975. С. 162. (Б-ка поэта. Большая сер.).

При этом Боян и создатель «Слова», по существу, олицетворяют гражданские позиции, ибо Радищев стремится «выявить присущие им свободолюбивые черты» [10]. В дальнейшем патриотический пафос «Слова», его героический настрой был своеобразно оттенен в театральной драме «Боян» (1808) С. Н. Глинки, где, однако, образы древнерусской повести используются вне древней истории для оценки современных автору исторических событий.

Героико-патриотическая направленность «Слова» начинает привлекать особое внимание в связи с событиями Отечественной войны 1812 г. Следует прежде всего упомянуть стихотворение Жуковского «Певец во стане русских воинов», отразившее дух и черты страстного патриотического стиля «Слова» и содержащее ряд заметных речевых заимствований («пир кровавый», «Орлом шумишь по облакам. // по полю волком рыщешь» и др.). В таких, например, произведениях, как «Отрывок из повести о князе Мстиславе Великом, победителе Половцев» Н. Кугушева [11], наряду с обильным использованием выражений и образов «Слова» наблюдалась вольная интерпретация исторических реалий и одновременно подчеркивалась тема преданности княжеской власти. Более значительна в художественном отношении «Песнь о первом сражении русских с татарами под предводительством князя Галицкого Мстислава Мстиславовича Храброго» [12] А. П. Катенина. Ее герой, потерпевший поражение, глубоко опечален думою о судьбе родной земли, которой грозят враги:

Их орд на нас польется море,
А сила русская мала.
О горе, вечное мне горе,
Что я виновник первый зла.

Другим важнейшим аспектом восприятия и художественного использования «Слова» была ориентация на самобытность, на выражение в нем нравственных народных идеалов, взглядов, настроений. Речь идет не только о восприятии родной земли («прекрасное — это Родина»), но и об отношении к героизму ее защитников, об идее их братства и «печалования», о тех, кто пострадал за отечество. Речь идет также о женской любви и верности, воплощенной в знаменитом плаче Ярославны, наконец, о народном оптимизме, проявившемся в мажорных аккордах «Слова» и воспринятом русской литературой. В этом смысле «Слово» — образец национального воззрения на вещи, произведение, вполне выражаю-

---

[10] *Прийма Ф. Я.* «Слово о полку Игореве» в русском историко-литературном процессе первой трети XIX в. С. 214. См. также с. 215—217. Автор отмечает, что Боян, известный в подражаниях «Слову» «как певец любви и в лучшем случае как певец княжеских ратных побед», впервые здесь «выступает в новом качестве. Песнь, на которую вдохновляет Боян Всегласа, является своеобразным гимном новгородской свободе».

[11] См.: *Прийма Ф. Я.* «Слово о полку Игореве» в литературной жизни начала XIX века // ТОДРЛ. Л., 1954. Т. 10. С. 239—243.

[12] См.: Сын Отечества. 1820. Ч. 59. С. 31—37.

щее взгляд на действительность, сформировавшийся в процессе исторического развития народа.

Такой взгляд был глубоко осознан писателями и поэтами-декабристами, во многом определившими характер восприятия и интепретации рассматриваемого памятника в последующей литературе. Секрет особой проницательности декабристов объясняется, так сказать, параллелью в психологическом восприятии разных исторических эпох: автор «Слова» призывал к объединению во имя защиты Русской земли от «поганых», завоевателей. Декабристы организовывали общества, стремились к единству во имя освобождения народа от «внутреннего рабства». В разных исторических условиях, с различными историческими целями существовало, таким образом, желание утвердить единство в борьбе за понимаемое в духе общих интересов благо отчизны.

В героях прошлого декабристы пытались оттенить черты героизма, понимаемые в свете своих политических стремлений, чем, с одной стороны, как бы возвышали «Слово», усиливали его звучание, с другой — отходили от конкретно-исторического восприятия этого литературного памятника. Кстати, поэтический образ Бояна, свободно летающего мыслью своей «сѣрымъ вълкомъ по земли, шизымъ орломъ подъ облакы», не мог не служить известной поэтической аналогией свободного творчества, что, в свою очередь, содействовало вольной интерпретации событий писателями-романтиками.

Еще одной задачей, которую романтики неизменно считали своею, было воспроизведение национального быта, так сказать, этнографического колорита исторического повествования.

Характерные приемы использования сюжетного содержания и образов «Слова» в декабристской поэзии и прозе по преимуществу вырабатывались с целью «приближения» этого памятника к современности. Яркие примеры тому дает творчество К. Ф. Рылеева. Так, в стихотворном переложении «Слова» поэт видел воплощенные «идеалы высоких чувств, мыслей и вечных истин» [13], священный пафос героизма:

...В душе пылая жаждой славы,
Князь Игорь из далеких стран
К коварным половцам спешит на пир кровавый
С дружиной малою отважных северян
Но, презирая смерть и пламенея боем,
Последний ратник в ней является героем...
<1821—1822>

Такое толкование «Слова» вовсе не исключало конкретно-исторического понимания его событий. Об этом свидетельствует, в частности, примечание Рылеева к думе «Боян». Поэт рассуждает о возможном времени, «когда жил сей славянский бард», и считает

---

13 *Рылеев К. Ф.* Несколько мыслей о поэзии: (Отрывок из письма к NN) // Там же. 1825. № 22. С. 154.

правдоподобным, что «Боян был певцом подвигов Владимира и знаменитых его сподвижников. . .» [14].

Вместе с тем Боян выступает у Рылеева и в обличье меланхолического певца, печалящегося о быстротечности времен, о том, что нынешние ратные подвиги уйдут в прошлое.

И песни звучные Бояна-соловья
На пиршествах не станут раздаваться. . .

(«Боян»)

Не исключено, что грустное предчувствие о славных временах, эхо которых «умолкнет невозвратно», передавало характерные настроения внутренних сомнений и колебаний, связанных со смелыми замыслами декабристов. Позже Рылеев также воссоздает образ легендарного певца Бояна, который «славил Рюрика судьбу»:

Пел удивление врагов,
Его нетрепетность, средь боя,
И к славе пылкую любовь,
И смерть, достойную героя. . .

(«Рогнеда»)

И опять: мысль о смерти, достойной героя, не могла восприниматься Рылеевым только в отношении к прошлому; в ней, несомненно, просматривалась связь с размышлением о готовности к жертве в справедливой политической борьбе. Ведь «Слово» являлось славословием не только военному, но и гражданскому подвигу выступивших «за землю Русскую». Потому-то оно и привлекло Рылеева, убежденного в том, что

. . . подвиг воина гигантский
И стыд сраженных им врагов
В суде ума, в суде веков —
Ничто пред доблестью гражданской.

(«Гражданское мужество». Ода, 1824)

Непринужденное отношение к исторически-конкретному содержанию «Слова» сказывалось не только в переосмыслении его пафоса, но и в поэтических контаминациях его устойчивых выражений («живые струны» — «златые струны»; «растекашется мыслию. . . шизымъ орломъ подъ облакы» — «парил он мыслию в веках» и т. п.).

В представлении декабриста А. А. Бестужева (Марлинского) (1823) «Слово» выступает прежде всего как воплощение самобытности и величия народного духа: «Безыменный певец вдохнул русскую боевую душу в язык новый, но и самою странностью привлекательный. Он украсил его цветами мечты, вымыслом народной мифологии, разительными сравнениями и чувствами глубокими. Непреклонный, славолюбивый дух народа дышит в каждой строке» [15].

---

[14] *Рылеев К. Ф.* Стихотворения. Стансы. Очерки. Докладные записки. Письма. М., 1956. С. 156.

[15] *Бестужев А. А.* Взгляд на старую и новую словесность в России // «Полярная звезда» на 1823 год, изданная А. Бестужевым и К. Рылеевым. СПб., 1822. С. 6.

Знаменательно и обращение А. А. Бестужева-Марлинского к поэме «Андрей, князь Переяславский» (1832; произведение не было завершено), в которой слова о воинской доблести во имя независимости отчизны, вложенные в уста героев, служат непременным аккомпанементом развивающихся на историческом материале взаимоотношений героев — князя Романа, Световида, князя Андрея и др.

Следует также напомнить, что несколько ранее образы и текст «Слова» широко использовал в своем творчестве Ф. Н. Глинка. В его представлении «Слово» как бы олицетворяло собою дух древности, проникновение в который необходимо для потомков, наследующих славным своим предкам («Письмо к другу. . .», 1816), и в то же время было арсеналом вдохновенных речений, передающих высоту духа героев («Зиновий Богдан Хмельницкий, или Освобожденная Малороссия», 1816).

К образам и речениям «Слова» обращается и Н. Языков, так же как и Ф. Глинка, очень широко понимавший значение древней поэмы. Эпиграфом к стихотворению, посвященному временам ордынского ига, — «Песнь Барда во время владычества татар в России» (1823) — поэт берет строку из «Слова»: «О! стонати русской земле, спомянувши пръвую годину и първых князей». Тем самым высота ратного духа древности как бы противопоставляется более поздним временам, современности. Воспоминания о давних победах русского оружия над греками заключаются горестным восклицанием:

. . .А мы. . . нам долго цепи влечь:
Столетья протекут — и русский меч не грянет
Тиранства гордого о меч.
Неутомимые страданья
Погубят память об отцах,
И гений рабского молчанья
Воссядет, вечный, на гробах [16].

В стихотворении «Баян к русскому воину при Димитрии Донском, прежде знаменитого сражения при Непрядве» (1824) образ древнего стихотворца становится символом певца-вдохновителя:

. . .На бой, на бой! — И жар Баянов
С народной славой оживет,
И арфа смелых пропоет:
«Конец владычеству тиранов». . .[17]

В декабристской поэзии образ Бояна становится олицетворением свободолюбивого вдохновителя народов. Не случайно и стихотворение В. Григорьева «Нашествие Мамая» (1825) также носит подзаголовок: «Песнь Баяна», хотя ни по теме, ни по стилю оно не имеет отношения к «Слову». То же можно сказать и о стихотворении Вл. Розальона-Сошальского «Баян на поле Куликовом»

---

[16] *Языков Н. М.* Песнь барда // Полн. собр. стихотворений. Л., 1934. С. 121.
[17] Там же. С. 123.

(1825), написанном в духе высокого витийства декабристской поэзии [18].

Героический аспект восприятия «Слова» и в дальнейшем будет наиболее плодотворным в творческом сознании русских романтиков.

«Слово» привлекает романтиков как кладезь поэтически воссозданных национальных характеров. Здесь едва ли не первостепенную роль играл обаятельный образ Ярославны. Так, в 1821 г. появилось вольное поэтическое переложение «Плач Ярославны» И. И. Козлова. Ее образ воссоздавался поэтом в связи с общим духом произведения: Ярославна горюет о попавшем в плен к врагам любимом муже, печалится обо всем русском воинстве:

Ветер, ветер, о могучий,
Буйный ветер! что шумишь?
Что ты в небе черны тучи
И вздымаешь и клубишь!

Что ты легкими крылами
Возмутил поток реки,
Вея ханскими стрелами
На родимые полки? [19]

«Родной стан», «родимые полки», «наша доля» — вот слова Ярославны, плач которой воспринимается в контексте стихотворения как печалование о всей русской земле.

К 20-м годам относится и переложение, точнее было бы сказать — «вариации», «Плача Ярославны» рано умершего талантливого поэта Павла Петровича Шкляревского (1806—1830). Шкляревский тонко уловил фольклорную основу древнего памятника. Его стихотворение изобилует постоянными эпитетами, характерными для фольклора сравнениями и т. п. («слезы горькие», «поле ровное», «луг муравчатый», «солнце светлое», «стрелы острые», «море синее» и др.). Он свободно переработал «Плач», внеся, однако, в его текст некоторые образы и интонации сентиментальной поэзии. Так поэтический образ одинокой кукушки («полечу, рече, зегзицею по Дунаеви») заменяется (правда, вслед за переводом Малиновского) образом воркующей голубки, затем появляется сравнение (свойственное также сентиментализму) с вянущим ландышем и т. д.

Где ты, Игорь — радость, счастие
Ярославны одинокия,
Как в долине ландыш вянущий?
Прилети веселой птичкою
На поля цветущей родины,
Прилети в мои объятия,
Осуши с лица печального
Поцелуем слезы горькие. . .

В вариациях Шкляревского при всех их несомненных поэтических достоинствах: непринужденном, лиричном стихе, достаточной близости к содержанию первоисточника и использовании его подлинных выражений и образов — почти исчезала одна су-

---

[18] Украин. журнал. 1825. № 16. С. 221—222.
[19] *Козлов И.* Собрание стихотворений. СПб., 1833. Т. II. С. 90. Впервые опубликовано: Дамский журн. 1821.

щественная сторона плача как части «Слова», а именно сквозящая в нем дума о всей Русской земле. Мотив разлуки с милым (с налетом сентиментальности) стал основным. И лишь в словах, обращенных к светлому солнцу, возникает подлинный отзвук «Слова»:

Ах, зачем лучи каленые
Пролило на милых воинов?
Лук засох унывших ратников,
Притупились стрелы острые,
Щит и шлем покрыты пылию!

2

«Слово» влияло на тематику и пафос целого ряда произведений русской прозы: на А. Вельтмана, М. Загоскина, Н. Гоголя и др. Каждый из этих писателей воспринимал в «Слове» нечто более близкое своей творческой манере, своим художественным задачам.

Так, А. Вельтман остро почувствовал самобытное мироощущение автора «Слова», сливающего воедино свое восприятие мира и природы с теми действующими и вмешивающимися в судьбы героев ее силами, которые представлялись ему как бы живыми, вполне реальными. «Природа в „Слове", — писал В. В. Сиповский, — это такая мощная и жуткая стихия, перед лицом которой бледнеет человеческая личность с ее дерзкими, жалкими порывами освободиться от чар наваждения мрачных сил хаоса; меркнет солнце, кричит в степи зловещий, таинственный див; встает какая-то жуткая дева-обида, плещет крылами. Даже крик степных телег ночью вырастает в какой-то мистический символ, во что-то стихийное и многозначащее. . .

Из писателей XIX в. только один А. Вельтман почувствовал именно эту сторону „Слова". И оттого, даже подражая „Слову", он остался самостоятельным и оригинальным» [20].

В. В. Сиповский верно отметил антропоморфизм «Слова», но он преувеличил «черты его мистического духа» и враждебность в нем природы человеку. Ведь природа бывает не только враждебна, но и «дружественна» героям: после поражения Игоря «ничить трава жалощами, а древо с тугою к земли преклонилось». Из обращения Ярославны к силам природы также следует, что силы эти по-разному относятся к героям. Дружественна Игорю река Донец, по которой бежит он из плена. Знаменательна и такая параллель: «Солнце светится на небесе. Игорь князь в Русской земли». Однако же заметим: природа в «Слове» чудесна, она хранит некий тайный смысл, действует по каким-то своим неясным замыслам. Это таинство природы в «Слове» ощутил и стремился отразить А. Вельтман, не без основания видевший в своеобразии восприятия мировых стихий в «Слове» связь с фольклором и национальную самобытность произведения.

---

[20] *Сиповский В. В.* Указ. соч. С. 251.

В романе «Кощей бессмертный» (1832) писатель часто использует выражения «Слова», иногда лишь слегка переиначивая их. Вот, например, встречи Олега и Свельды: «О! — сказал Олег в тот же еще день, в который объявили ему волю, — буря занесла сокола в землю чуждую; испил Волхова, взглянул на новгородскую деву, и уже крылья его не ширяют! Не хочет он лететь в родную землю»[21]. И далее: «Чу, красные девы воспели на берегу светлого Волхова» (Там же). Или — песня, приводимая далее:

Чему ты мое веселье
По ковылью веешь?
Чему ты на злак излила
Студеную росу?
Веща душа в дружнем теле,
Сглядай мои слезы!
Изрони ты слово злато,
Взлелей мою радость:
Я люблю ти, голубицу,
Жемчужную душу! (I, 23)

Иногда встречаются явные заимствования: «Взлеяял бы тебя словесы Баяновы, пустил бы вещие персты по живым струнам и начал бы старую повесть старыми словесы. . .» (I, 50). Так, битва в песне жнецов нарисована как молотьба-пир:

. . .Мы посеем те ржи
Да взростим до небес,
Да серпами пожнем,
Да увяжем в снопы. . .
Мы взрастим свою рать,
Да пожнем мы врагов
И увяжем в снопы;
Размолотим мы их,
Да отвеем врагам
Мы от тела злой дух;
Да на их-то костях
Мы кровавым вином
К ним нелюбье запьем.

Рассказывая о детях пастуха Мокоша и Яги — Силе и Леде, Вельтман пишет о них: «. . .под трубами повиты, под шлемом взлелеяны, концом копья вскормлены» (II, 14) и т. п.

Подобного рода характерные вкрапления в текст выражений «Слова» есть и в романе «Светославич, вражий питомец. Диво времен Красного Солнца Владимира» (1835), а также в других произведениях А. Вельтмана.

Заимствует речения «Слова» и М. Загоскин в своем романе-повести «Аскольдова могила» (1833), уже в первой части произведения заявляя: «Я хочу послушать вещих соловьев Владимира, вдохновенных Боянов древности. . .»[22], затем создавая песню девушки, напоминающую плач Ярославны. Или, например, вкладывая в уста героя-богатыря Добрыни такие слова о Владимире: «Высоко ты сидишь на своем златокованом столе; ты подпер горы Угорские своими железными полками; перегородил широкие степи Печенежские щитами Русскими; ты славен и велик. . . вымолви слово Княжеское, и мы разбрызгаем веслами широкий Днепр; прикажи, и верная твоя дружина вычерпает шеломами глубокий Дон» (III, 200—201).

---

[21] *Вельтман Александр.* Кощей бессмертный, былина старого времени. М., 1833. Ч. 1. С. 22. Далее указание части и страниц этого издания в тексте статьи.

[22] *Загоскин М.* Аскольдова могила: Повесть времен Владимира Первого: В 3 ч. М., 1833. Ч. I. С. 11. Далее указание части и страниц издания в тексте статьи.

Очевидные заимствования встречаются и у Н. Полевого в повести «Пир Святослава» [23].

Самостоятельное, творческое отношение к «Слову» сразу появляется у Гоголя [24]. Так, навеянный легендарным Бояном образ старого слепца «превратился в „Страшной мести“ в типичного украинского кобзаря» [25], хотя и сохраняет некоторые черты своего литературного прототипа.

Позже, обратившись к исторической героике в «Тарасе Бульбе», Гоголь не мог не ощущать безусловную преемственность по отношению к «Слову», в котором, вслед за Максимовичем, находил «однородство» с украинскими народными песнями [26] и одновременно «образец воинской героической эпопеи, близкой к его собственному произведению» [27]. Главное же, как уже было отмечено исследователями, — во второй редакции «Тараса Бульбы» возникает образ, являющийся ключевым в нашей знаменитой древней повести: «понятие Русской земли» как общей земли предков для русских и украинцев, столь отчетливо выраженное в «Слове о полку Игореве», проходит красной нитью во второй редакции повести «Тарас Бульба», резко отличая ее этим от первой редакции.

Обратимся к «Слову». Игорь, говорится там, «наведе своя храбрыя плъкы на землю Половецькую *за землю Руськую*». Повествуя о том, что Игорь подвел свои войска к Дону, автор неоднократно восклицает: «*О, Руская земле*! уже за шеломянемъ еси!». Рассказывая (позже) об усобицах, он говорит: «Тогда *по Руской земли* рѣтко ратаевѣ кикахуть, нъ часто врани граяхуть, трупіа себѣ дѣляче». Далее — о конце печальной битвы Игоря: «. . .ту пир докончаша храбріи Русичи: сваты попоиша, а сами полегоша *за землю Рускую*». И вновь, вспоминая о временах усобиц: «А поганіи съ всѣхъ странъ прихождаху съ побѣдами *на землю Рускую*», «. . .кликну Карна и Жля, поскочи по Руской земли. . .» И затем: «Тоска разліяся по Руской земли. . .» Или: «Вступита, господина, въ злата стремень за обиду сего времени, за землю Русскую, за раны Игоревы, буего Святъславлича» и т. п. (курсив наш. — *В. Т.*).

В «Тарасе Бульбе» образ Русской земли возникает с не меньшей настойчивостью. Славит отчую землю перед битвой могучий Тарас Бульба: «Вы слышали от отцов и дедов, в какой чести у всех была земля наша». Утверждает он мысль о могучем единстве народа Русской земли в речи о товариществе, призывая породниться родством «по душе, а не по крови». «Бывали и в других землях товарищи, но таких, как в Русской земле, не было таких

---

[23] См.: Моск. наблюдатель. 1835. Ч. IV. С. 329—376.

[24] См.: *Водовозов Н. В.* Н. В. Гоголь и «Слово о полку Игореве» // Учен. зап. МГПИ им. В. П. Потемкина. М., 1954. Т. 34. С. 3—16.

[25] Там же.

[26] См.: *Максимович М. А.* Письмо к П. А. Вяземскому от 17 февраля 1833 г.// Старина и новизна. СПб., 1901. Кн. IV. С. 192—193.

[27] *Водовозов Н. В.* Указ. соч. С. 10.

товарищей». «„Нет, братцы, так любить, как русская душа, — любить не то чтобы умом или чем другим, а всем, чем дал бог, что ни есть в тебе, а. . .“, — сказал Тарас и махнул рукой, и потряс седою головою, и усом моргнул, и сказал: „Нет, так любить никто не может!“» [28].

О Русской земле вспоминают в пронзительные мгновения жизни и многие другие герои гоголевской повести, защищающие от врагов Русскую землю. Так, умирая на поле сражения, казак Шило «сказал, обратившись к товарищам: „Прощайте, паны братья, товарищи! Пусть же стоит на вечные времена православная Русская земля, и будет ей вечная честь!“» (138). В предсмертных словах казака Степана Гуски, поднятого в сражении на четыре копья, то же: «Только и успел сказать бедняк: „Пусть же пропадут все враги и ликует вечные веки Русская земля!“» (139). С подобными же словами расстается с жизнью мужественный Бовдюг: «Прямо под самое сердце пришлась ему пуля, но собрал старый весь свой дух и сказал: „Не жаль расстаться с светом. Дай бог и всякому такой кончины! Пусть же славится до конца века Русская земля!“» (139—140). А вот предсмертные слова куренного атамана Балобана: «Пусть же цветет вечно Русская земля!» (140). Или, наконец, умирая в бою, возглашает богатырь Кукубенко: «Пусть же после нас живут еще лучшие, чем мы, и красуется вечно любимая Христом Русская земля!» (141).

Этот повторяемый многократно образ выражает, по существу, пафос всей повести, идею несокрушимой силы народа. И живое воплощение этой силы — могучий Тарас, заживо сжигаемый врагами, думает о товарищах, защитниках родной земли, о родине, которой отдает до конца свою жизнь: «Да разве найдутся на свете такие огни, муки и такая сила, которая бы пересилила русскую силу!» (172).

3

Огромное влияние на романтическую поэзию и прозу 20—30-х годов продолжала оказывать воспринятая романтиками поэтика «Слова», содержащая многие характерные черты средневековой художественной поэтики.

Прежде всего, несомненно, продолжал быть известного рода образцом сам *жанр «Слова»*, сочетающий в себе широкие эпические картины, связанные воедино мощным и проникновенным лирическим началом и страстным ораторским пафосом. Можно сколько угодно спорить об аналогах этого жанра, но нельзя не признать его удивительную художественную емкость.

Писатели-романтики нередко как бы шли за автором «Слова». В первых исторических повестях (и даже в их названиях) в центре находился какой-то герой, *историческая личность*, хотя повество-

---

[28] *Гоголь Н. В.* Тарас Бульба // Полн. собр. соч. М., 1937. Т. 2. С. 133. Далее страницы настоящего издания указываются в тексте статьи.

вание выходило за пределы личной жизни, касалось исторического события (или событий), в котором герой принимал участие.

Авторы исторических произведений, как правило, обращались «к событиям сего времени», т. е. к определенным историческим сведениям, но каждый из них, как только представлялась малейшая возможность, подобно легендарному Бояну, «растекашется мыслию по древу. . .», т. е. осуществлял, говоря словами романиста 30-х годов В. Ушакова, «тесный союз исторической истины с пылкостью воображения» [29].

Достаточно вспомнить ряд исторических произведений 30-х годов, чтобы убедиться в наличии здесь аналогий. «Ермак, завоеватель Сибири» И. Буйницкого изображает судьбу Ермака и — это отражено даже в названии — повествует об историческом событии огромного масштаба: завоевании Сибири. Роман Ф. Глинки «Зиновий Богдан Хмельницкий, или Освобожденная Малороссия» назван и построен по тому же принципу: жизнь Хмельницкого в конечном счете посвящена историческому деянию огромного значения — освобождению родной страны. И вся предыстория этого освобождения с участием героя дается как бы с учетом будущих подвигов Богдана в этом освобождении. То же — в «Адо» В. К. Кюхельбекера, в «Романе и Ольге» А. А. Бестужева-Марлинского и др.

Не просто личность, но личность, причастная к историческому событию, к жизни Русской земли, — вот что было в центре масштабного повествования «Слова». Именно по этому пути идут и авторы исторических произведений 20—30-х годов, наследуя черты жанра древней героической повести. Эпическое повествование и широкие эпические характеристики времен и событий в романтической прозе зиждутся на таком принципе.

Другая сторона жанра «Слова» — проникновенный лиризм повествования, играющий в силу масштабности мышления автора и глубокой причастности героя к истории ведущую роль в содержании и структуре произведения. Лиризм характерен и для романтической прозы; несомненно, что «Слово» и в этом отношении было для нее классическим национальным образцом.

«Слово» пронизано риторическими вопросами, обращениями, восклицаниями, направленными то к слушателям («Не лѣпо ли ны бяшеть, братіе. . .»), то к вдохновителю певцу Бояну («О, Бояне, соловію старого времени. . .»), то к судьбе-времени («Быти грому великому! Идти дождю стрелами с Дону великаго. . .»), то к тому или иному герою («Яръ туре Всеволодѣ! стоиши на борони, прыщеши на вои стрѣлами, гремлеши о шеломы мечи харалужными»), наконец, как бы к самому себе и вместе с тем — к слушателям, сопереживающим повествованию («О, Руская землѣ! уже за шеломянемъ еси! . .» или: «Что ми шумить, что ми звенить далече рано предъ зорями?»).

---

[29] *Ушаков В.* Димитрий Самозванец: Сочинение Ф. Булгарина // Моск. телеграф. 1830. № 6. С. 24.

Подобная от автора идущая эмоциональность характерна и для Бестужева-Марлинского, и для Лажечникова и многих других. Так, например, в повести «Роман и Ольга» (1823) читаем в связи со сценой объяснения героев: «Души пылкие! вам они (чувства. — *В. Т.*) понятны: вы изведали сии волшебные мгновения, когда каждая мысль — радость, каждое ощущение — нега, каждое чувство — восторг!» [30]. Или: «Ах, зачем, добрая няня, ты не ведаешь отговоров от любви-чародейки? Зачем старостью отуманились твои очи?» (I, 51). Или: «Чего же нам страшиться за нашего витязя, когда теплая вера ему покровом!» (I, 53). И далее: «И кому же светел день сквозь слезы? Кому не долги короткие ночи, когда измеряют их кручиною?» (I, 62).

Или, например, в «Замке Венден» (1823) при повествовании о мщении Серрата: «Но чья тень мелькает в парах, изменяющих току реки в глуши дикого леса? Не привидение ли то, страж клада князей Герсики, погибших в дебрях? Или то мстительный вайделот исторгается в час полуночи для призвания чарами адских духов на сгубу пришельцев—разрушителей Перкуна?» (I, 74). Примеры подобного повествования есть и в «Аммалат-Беке» (1832).

То же — и у Лажечникова. Например, глава вторая «Ледяного дома» начинается с лирического отступления о Летнем саде; позже встречаем такого же рода авторское обращение к Петербургу (гл. IX) и др.

Однако особенно заметно влияние «Слова» на стиль, на лиризм тех писателей, которые следовали самой форме его выражения или восходили в характере своего повествования к фольклорному эпосу. Среди них назовем А. Вельтмана («Кощей Бессмертный», «Светославич, вражий питомец. . .») и Н. Гоголя («Тарас Бульба»).

Для «Слова» характерен ораторский пафос, демонстративная активность авторских обращений, призывов, восклицаний; оно все — в страстном, горячем, ждущем сочувствия и отзыва порыве к слушателю. . . Ораторский пафос, разнообразные формы обращений к читателю, открытое возбуждение его заинтересованности, сопереживания, содействия присущи и многим историческим произведениям романтической прозы. Пожалуй, наиболее яркий пример такой черты исторического жанра романтиков — гоголевский «Тарас Бульба» (например, речь Тараса о товариществе).

В «Слове» немало случаев художественного использования поэтических форм, образов и мотивов народного творчества в произведении, созданном одним автором. Образы языческого мира, прочно вошедшие в народное сознание, сравнения, пословицы, характерное слияние мотивов печали и радости — все восходит здесь к фольклорному мировосприятию и одновременно глубоко индивидуально.

Русские писатели 20—30-х годов стремились уловить в песнях, сказках, былинах те мысли и чувства, «которые переходят

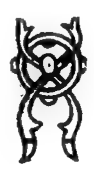
[30] *Бестужев-Марлинский А. А.* Соч.: В 2 т. М., 1981. Т. 1. С. 43. Далее указание тома и страниц этого издания в тексте статьи.

из уст в уста, передаются от предков к потомкам, вместе с голосами, сохраняются от едкости времен, повторяются в массах народа» [31]. Здесь открывается еще одна существеннейшая поэтическая общность «Слова о полку Игореве» и произведений многих прозаиков того времени — умение окинуть взором прошлое и уловить пронзительную связь времен, скрепленную священными заветами и великим опытом давних лет.

Прошлые эпохи присутствуют и постоянно «всплывают» в сознании автора «Слова». Он воскрешает в памяти «първых временъ усобицѣ», упоминает о старых князьях и их подвигах, о времени «старого Владимира», «лѣта Ярославля», о времени, когда «при Олзѣ Гориславличи сѣяшется и растяшет усобицами, погибашеть жизнь Даждьбожа внука», даже «вѣчи Трояни». И все времена «сходятся» для него в одном событии — походе князя Игоря, предваряя его и одновременно подготавливая могучий и страстный призыв: «Вступита, господина, в злата стремень за обиду сего времени, за землю Русскую, за раны Игоревы, буего Святславлича». В этой опрокинутой в современность ретроспекции исторического мышления — характернейшая черта и поэтическая сила «Слова». Силу его поэтического историзма наследовали русские романтики, используя в своем творчестве яркие образы отечественной истории.

---

[31] Вестн. Европы. 1820. № 14. С. 113.

В. И. Сахаров

«СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ» В ЛИТЕРАТУРНО-КРИТИЧЕСКИХ ВОЗЗРЕНИЯХ А. С. ПУШКИНА

Среди любимых книг Пушкина есть одна, привлекавшая особое внимание поэта в последние месяцы жизни. Друг его Александр Иванович Тургенев, еще в 1834 г. снабдивший поэта этой и тогда редкой книгой, просил Жуковского отыскать ее на рабочем столе покойного: „Может быть, найдется у вас и «Песнь о полку Игореву», in 4, в бумажке, с отметками карандашом *Италинского*. Я ссудил ею Пушкина для его издания этой песни» [1]. Речь шла о первом издании «Слова о полку Игореве» с собственноручными комментариями дипломата, археолога и знатока восточных языков А. Я. Италинского.

Да, в последний год своей жизни Пушкин много и увлеченно занимался «Словом о полку Игореве», знал его наизусть, готовил его критическое, т. е. со вступительной статьей и историко-литературным и лингвистическим комментарием, издание, любил беседовать о поэме с писателями и знатоками отечественной старины, сличал разные ее переводы, собрал целую библиотеку по этой теме, внимательно читал ученые и псевдонаучные толкования «Слова» и сопоставлял его с другими памятниками древней литературы и народного творчества, в горячих спорах со скептиками отстаивал подлинность этого замечательного произведения. Незавершенная статья, разрозненные заметки и сохраненные современниками суждения Пушкина о «Слове» показывают, насколько серьезны и целенаправленны были эти занятия, соединявшие в себе живую, подлинную научность с гениальным поэтическим проницанием.

«С месяц тому Пушкин разговаривал со мной о русской истории; его светлые объяснения древней „Песни о полку Игореве“, если не сохранились в бумагах, невозвратимая потеря для науки» [2], — вспоминал один из последних собеседников поэта. То же писал и А. И. Тургенев, не раз имевший с Пушкиным «умный и любопытный разговор» о «Слове» и русской истории: «Разговор его был полон жизни и любопытных указаний на примечательные пункты и характеристические черты нашей истории. Ему оставалось дополнить и передать бумаге свои сведения. Великая потеря!» [3].

---

[1] Московский пушкинист. М., 1927. Кн. 1. С. 28.
[2] Пушкин-критик. М., 1950. С. 538.
[3] Рус. арх. 1903. Кн. I. С. 143.

Сетовали они напрасно: пушкинские заметки и высказывания о «Слове» в основном сохранились, они изданы, прокомментированы, вокруг них уже сложилась целая литература [4]. И все же в самой работе Пушкина над «Словом» есть нечто загадочное, у внимательного читателя его разрозненных заметок невольно возникают вопросы. . . Почему столь упорный интерес к древней поэме появляется именно в это время, в самом конце жизни поэта? Отчего им выбран столь сложный, трудоемкий путь капитального критического издания древнего памятника, а не просто написана очередная статья или заметка для «Современника»? И наконец, как эта работа над «Словом» связана с другими идеями и начинаниями Пушкина и тогдашними воззрениями на поэму? Увы, окончательные ответы на эти вопросы все еще не найдены, несмотря на все успехи ученых-пушкинистов и специалистов по «Слову».

Обращение поэта к систематическому изучению и научному изданию «Слова о полку Игореве» в 1836 г. не было, конечно, случайным, оно подготовлено всеми его предыдущими литературными занятиями. Пушкин, по всей видимости, узнал «Слово» еще в юности, однако заинтересованные и продуманные высказывания его о древней поэме являются только в 30-е годы (а точнее, с 1829 г.), причем интерес этот принимает порой самые неожиданные формы вплоть до знаменитого университетского диспута 1832 г. с профессором М. Т. Каченовским о подлинности «Слова», когда «исторический скептицизм антиквария встретился лицом к лицу с живым чувством поэта» [5].

Решение Пушкина выпустить свое научное издание «Слова» вызвано этими многолетними размышлениями о поэме и ее месте в отечественной и мировой литературе и задумано явно как продолжение спора со скептиками и своевольными толкователями, затемнявшими подлинный смысл древней поэмы. В свою очередь, мысли поэта о «Слове» до конца понятны только в общем круге его литературно-критических штудий и к тому же должны быть прочитаны в историко-литературном контексте той эпохи.

Знаменито следующее высказывание Пушкина: «Приступая к изучению нашей словесности, мы хотели бы обратиться назад и взглянуть с любопытством и благоговением на ее старинные памятники, сравнить их с этою бездной поэм, романсов, ироических и любовных, простодушных и сатирических, коими наводнены европейские литературы средних веков. . . Но, к сожалению, старинной словесности у нас не существует. За нами темная степь и на ней возвышается единственный памятник: „Песнь о Полку Игореве“» [6]. Слова эти, затем повторенные поэтом в заметке с ха-

---

[4] См.: *Прийма Ф. Я.* «Слово о полку Игореве» в русском историко-литературном процессе первой трети XIX в. Л., 1980. Гл. 8; *Теребенина Р. Е.* Неизвестная запись Пушкина к «Слову о полку Игореве» // Временник Пушкинской комиссии. 1973. Л., 1975.

[5] Цит. по кн.: «Слово о полку Игореве»: Сб. исследований и статей. М.; Л., 1950. С. 260.

[6] *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 10 т. Л., 1978. Т. 7. С. 155, 156.

рактерным названием «О ничтожестве литературы русской» (1834 г.) с добавлением столь же резкого выражения «пустыня нашей древней словесности» [7], всегда вызывали сетования специалистов по древнерусской литературе. Профессор Н. К. Гудзий утверждал даже, что Пушкин здесь «отрицал самое бытие древнерусской литературы» [8].

Суждения эти понятны, но лишены должного историзма и к тому же не учитывают других высказываний Пушкина о поэме. Слова поэта пессимистичны только на наш взгляд, на самом же деле, говоря так о «Слове», он лишь следовал уже сложившейся традиции.

Первая четверть XIX столетия была эпохой возрождения древнерусской литературы, стремительного роста научного и читательского интереса к ней. Выход томов «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина, где говорилось и о «Слове», этому увлечению лишь способствовал. Появились множество публикаций старинных текстов, научные книги и статьи в популярных журналах, наши историки и филологи просматривали русские и зарубежные архивы, монастырские древлехранилища, частные коллекции [9]. И в центре их внимания было «Слово о полку Игореве», многократно переведенное и комментированное, постоянно и тщательно изучаемое, сопоставляемое с другими памятниками. Пушкин был прекрасно осведомлен об этой работе. Со многими исследователями «Слова» он был знаком, их книги, статьи и рукописные заметки о поэме собирал и изучал.

Однако тогда сложилась парадоксальная ситуация: даже знатоки русских древностей предпочитали говорить о «Слове» как о произведении уникальном, единственном. «От всей поэзии древней сохранилась для нас только одна поэма о походе Игоря, князя Северского, на половцев» [10], — писал в 1823 г. критик-декабрист А. А. Бестужев, и такого рода суждения о «Слове» стали общепринятыми.

Но самый этот уникальный памятник служил неоспоримым доказательством существования развитой, богатой подлинно художественными произведениями и замечательными писателями древнерусской литературы. И Бестужев, и Пушкин, говоря о поэме как об «уединенном памятнике» в «пустыне древней словесности», следуют Державину, писавшему в «Рассуждении о лирической поэзии или об оде» (1811—1815): «Достигшая до нас и одна в целости древняя песнь о походе Игореве. . . едва ли не оспоривала бы предварение наше в словесности у всей Европы, ежели бы только не остановило ход ея бедственное нашествие с востока на

---

[7] Там же. С. 211.
[8] *Гудзий Н. К.* Пушкин в работе над «Словом о полку Игореве» // Пушкин: Сб. ст. М., 1941. С. 291.
[9] См.: *Козлов В. П.* Колумбы российских древностей. М., 1985.
[10] *Бестужев-Марлинский А. А.* Соч.: В 2 т. М., 1981. Т. 2. С. 377

Россию кипчатских орд в XII веке, то есть в то самое время, когда в Париже учрежден университет»[11].

Основываясь на одном только памятнике, Державин сам увидел и другим показал общую картину развития древней отечественной словесности, смело утверждал, что литература эта не хуже и не моложе других, что она давно имеет европейское достоинство. Отсюда был один только шаг до признания мирового значения «Слова о полку Игореве». И шаг этот был сделан другом и единомышленником Державина, адмиралом и филологом А. С. Шишковым, писавшим: «„Слово о полку Игореве" далеко отстоит от „Илиады", от „Одиссеи", от „Энеиды"; в сравнении с ними оно есть малый отрывок от оных, и паче сказка или повесть, нежели поэма; но в своем роде оно исполнено красотами, не уступающими Гомеровым или Оссиановым»[12].

Таковы были капитальные мысли предшественников Пушкина, которые поэт знал и развивал в своих суждениях о «Слове». Примечателен самый ход пушкинской мысли: приступая к изучению отечественной литературы, надо оглянуться назад и сквозь «дым столетий» увидеть ее истоки, древние памятники, эти ориентиры, важные и для правильного движения вперед.

Поэт не случайно выбирает такой способ панорамного видения. Ведь в известных Пушкину в рукописи «Философических письмах» П. Я. Чаадаева такой взгляд на историю и культуру России уже есть: «Окиньте взглядом все прожитые нами века, все занимаемое нами пространство, вы не найдете ни одного привлекательного воспоминания, ни одного почтенного памятника, который властно говорил бы вам о прошлом, который воссоздавал бы его перед вами живо и картинно»[13].

Чаадаев оглянулся на наше прошлое и не увидел ничего. Пушкин тоже посмотрел назад, увидел «уединенный памятник» — «Слово о полку Игореве», и сразу же картина развития отечественной культуры волшебно преобразилась, стала видна историческая судьба и динамика «словесности, которая рождается сама собою, от своих собственных начал»[14]. Пушкинский реальный историзм стал успешно и доказательно спорить с принципиальным, полным трагического отчаяния чаадаевским романтическим антиисторизмом и, опираясь на все достижения отечественной истории и филологии, одержал важную победу.

Отсюда и неожиданная на первый взгляд пушкинская идея критического издания «Слова о полку Игореве», которое показало бы непреходящую художественную ценность древней поэмы и утвердило этот памятник на приличествующем ему месте в многовековой истории русской литературы. Готовя это уникальное издание, великий поэт, помимо всего прочего, отвечает Чаадаеву

---

[11] *Державин Г. Р.* Избранная проза. М., 1984. С. 340—341.
[12] *Шишков А. С.* Собр. соч. и переводов. СПб., 1817. Ч. III. С. 81—82.
[13] *Чаадаев П. Я.* Соч. и письма: В 2 т. М., 1914. Т. II. С. 111.
[14] *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. Т. 7. С. 368.

и другим скептикам. Пушкин понимал также, что капитальное научное издание Игоревой песни, созданное первым поэтом новой России, имело бы европейское значение, открыло бы глаза ученым и писателям Запада на древность и самобытность русской культуры и государственности. Становятся понятны в этой связи и основательность, особая тщательность подготовки Пушкина к работе над этим изданием, поистине уникальные научные его познания, позволившие поэту далеко опередить тогдашнюю историю и науку о литературе [15]. Здесь знания соединились наконец с мыслью, и с какой мыслью!

Таков, пусть и не полный, историко-литературный контекст, в котором надо читать незавершенную статью Пушкина о «Слове о полку Игореве» и другие его заметки и высказывания о поэме. И все же этих фактов недостаточно для понимания пушкинского замысла. Понятно, что издание «Слова» не только ответ Чаадаеву, которому в том же 1836 г. уже было ясно сказано: «Что же касается нашей исторической ничтожности, то я решительно не могу с вами согласиться» [16]. Пушкинское издание поэмы не просто спор со скептиками и суесловными ее толкователями. По всей видимости, Пушкин постоянно соотносит свою работу над «Словом» с другими своими идеями и начинаниями. И сама эта взаимосвязь чрезвычайно важна для правильного понимания мира пушкинских идей.

Некоторое представление об этой многосложной работе пушкинского гения дает сопоставление ее с сохранившимся в записной книжке поэта К. Н. Батюшкова интересным замыслом — написать историю отечественной литературы с древнейших времен до Карамзина и Жуковского: «Говорить об одной русской словесности. . . показать. . . ее рождение, ход, сходство и разницу ее от других литератур, все эпохи ее и, наконец, довести до времен наших» [17].

Батюшков дал даже подробный конспект такой книги. И если мы посмотрим на внешне разрозненные критические статьи, заметки и письма зрелого Пушкина как на единую в своем глубинном замысле и главной цели работу, то увидим, что поэт, в сущности, следует идее Батюшкова, основным пунктам его конспекта и стремится написать именно сравнительную историю русской литературы, где лучшие ее достижения были бы должным образом сопоставлены с капитальными явлениями литературы мировой.

Планы такой истории литературы Пушкин начинает набрасывать с 1829 г. И в первом же наброске уже есть «Слово о полку Игореве». И сразу надо сказать, что здесь древняя поэма предстает отнюдь не «уединенным памятником в пустыне», рядом с ней, помимо песен, сказок, пословиц и летописей, в пушкинском плане

---

15 См.: *Формозов А. А.* Пушкин и древности: Наблюдения археолога. М., 1979.

16 *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. Т. 10. С. 689.

17 *Батюшков К. Н.* Опыты в стихах и прозе. М., 1978. С. 420.

стоит «Сказание о Мамаевом побоище», замечательное произведение XV столетия, щедро использовавшее образы «Задонщины» (а следственно, и «Слова о полку Игореве»), опубликованное в том же 1829 г. и сразу же сопоставленное историками К. Ф. Калайдовичем и И. М. Снегиревым со «Словом о полку Игореве». Пушкин эту публикацию читал и сделал в ее тексте пометки [18].

Дело, конечно, не в этих пометках словарного характера. Пушкин понял, что там, где за «Словом о полку Игореве» закономерно следует «Сказание о Мамаевом побоище», есть уже целая древняя литература. Ведь уже учитель Пушкина Карамзин говорил о безвестном авторе «Слова»: «Значит, и до него были на Руси великие певцы, чьи творения погребены в веках» [19]. Для Пушкина открытие вслед за «Словом» «Сказания о Мамаевом побоище» лишь подтвердило правоту его мыслей о богатстве и древности русской литературы, планы истории которой он и пишет, неизменно ставя рядом эти два произведения. Планы эти привели к незавершенной статье «О ничтожестве литературы русской» (1834), где уже говорилось о «Слове» наряду с памятниками мировой литературы, а затем и к специальной работе о поэме 1836 г.

Так что с самого начала своих занятий «Словом о полку Игореве» Пушкин смотрит на поэму исторически, все время говорит о ее особом месте в истории отечественной литературы. Но этим он не ограничивается. Пушкин понимает, что поэма эта может быть правильно переведена и объяснена лишь в контексте мировой литературы и истории.

К тому времени поэт знал уже об отзыве о поэме известного немецкого историка А. Шлецера, о работе ученых из славянских стран над переводами и объяснением «Слова», об уже приводившемся державинском сравнении «Слова» с западноевропейской литературой, о шишковских сопоставлениях поэмы с Гомером, Вергилием и Оссианом, о мыслях А. Италинского (которому мог быть известен найденный в архиве Петрарки словарь половецкого языка) насчет восточного «слоя» в лексике и образах «Слова», собрал целую библиотеку славянских словарей и грамматик, знал и «Историю поэзии» будущего исследователя «Слова» С. П. Шевырева и др. Все это Пушкин читает, должным образом оценивает (к сожалению, утеряна его важная запись на чешском издании поэмы, выполненном Вацлавом Ганкой) и использует в своей статье о «Слове».

А рядом с этой работой появляются пушкинские статьи и заметки о Шекспире, Вольтере, Мильтоне и Шатобриане, Байроне, итальянском поэте Сильвио Пеллико, американской литературе («Джон Теннер»), Карамзине, Гоголе, отповедь дубовато-прямолинейному «староверу» М. Е. Лобанову, третировавшему французскую литературу, и т. п. Библия, памятники античности, ли-

---

[18] См.: *Азбелев С. Н.* Пушкин и «побоище Мамаево» // Временник Пушкинской комиссии. 1974. Л., 1977.

[19] *Карамзин Н. М.* Соч.: В 2 т. Л., 1984. Т. 2. С. 92.

тературы Востока и европейского Возрождения — вот что привлекало тогда внимание поэта, о чем свидетельствуют и его художественные произведения того времени. Ясно, что в сознании Пушкина эти очень разные имена писателей и литературные явления связаны теснейшим образом. Этим пестрым материалом движет единый замысел.

Все вышеназванные факты говорят об одном: Пушкин в последние годы своей жизни последовательно выстраивал собственную картину развития мировой литературы, в которой и отечественная словесность, старая и новая, постепенно находит свое место. Такая картина литературного развития с самого начала была не схоластической схемой, а живым, подвижным организмом, постоянно уточнялась и была особенным образом ориентирована в пространстве и времени. Говоря иными словами, у Пушкина выработались свои основательные и обширные понятия о географии и истории мировой литературы. И если бы у русской литературы не было исторического прошлого, если бы она действительно «явилась вдруг в 18 столетии» [20], то законное место ее было бы рядом со следующей за английскими писателями юной американской словесностью, в которой сам Пушкин обнаружил только один самобытный шедевр — «Записки Джона Теннера».

С таким выводом сам Пушкин решительно не согласен, но доказать противное ему было нелегко, и потому «Слово о полку Игореве» стало главным его доказательством. Истории древнерусской литературы как самостоятельной дисциплины тогда не существовало, она лишь начинала зарождаться, и лишь позже С. П. Шевырев и другие ученые академического склада создали окончательно эту науку. И Пушкину самому пришлось стать такой наукой и заговорить о древнерусской литературе и о «Слове о полку Игореве» с тогдашними учеными, и в том числе с молодым Шевыревым. И результатом этих бесед стали не только пушкинские заметки о «Слове».

Когда в 40-х годах профессор Шевырев читал университетские лекции, на основании которых написана его известная «История русской словесности, преимущественно древней», где речь шла и о «Слове», критик Иван Киреевский заявил: «История древнерусской литературы не существовала до сих пор как наука; только теперь, после чтений Шевырева, должна она получить право гражданства в ряду других историй всемирно-значительных словесностей» [21]. И критик был прав.

Однако в книге этой Шевырев с благодарностью вспоминает и о том, как Пушкин делился с ним своими мыслями о «Слове» и предопределил тем самым направление и тему будущих занятий молодого ученого. А из пушкинской рецензии на «Историю поэ-

---

[20] *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. Т. 7. С. 156.

[21] *Киреевский И. В.* Полн. собр. соч.: В 2 т. М., 1911. Т. II. С. 111. См.: *Сахаров В. И.* Страницы русского романтизма: Книга статей. М., 1988. Гл. Движущаяся эстетика.

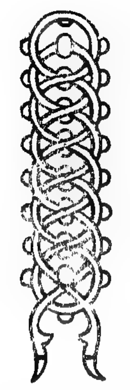
зии» мы знаем, что поэт приветствовал и исторический метод Шевырева, примененный впоследствии к «Слову». Следовательно, своими исследованиями «Слова о полку Игореве» поэт первый дал нашей древней словесности возможность стать в одном ряду с другими национальными литературами и заявил о мировом ее значении. Тем самым было разъяснено и мировое значение великой поэмы о походе Игоря. Значит, Пушкин — исследователь «Слова» стоит у истоков истории древнерусской литературы как науки.

Смерть Пушкина оборвала работу над изучением и изданием Игоревой песни. Но его замечательные, пророческие мысли об уникальном литературном памятнике Древней Руси не забылись и не устарели, в них запечатлены движение живой мысли поэта и самый способ его суждений о древней и новой словесности. Потому-то мы снова и снова обращаемся сегодня к заметкам Пушкина о «Слове о полку Игореве», которыми многое поверяется в современной литературе об этой поэме.

Л. И. Сазонова

«СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ» В ПОЭТИЧЕСКИХ КОНТЕКСТАХ XX в.

Открытое на исходе XVIII в. «Слово о полку Игореве» органически вошло в культуру и духовную жизнь Нового времени. Оно не только остается живым и современным, но влияние его на литературу все возрастает. Некоторые идеи произведения приобретают все более широкое значение и глубокое звучание. Содержание подлинно высоких произведений искусства всегда шире тех конкретных целей, которые ставит перед собой автор. Сохраняясь в литературе веками, мотивы, темы и образы произведения получают новое осмысление сообразно тому историческому и культурному контексту, в котором они воспринимаются. Уже в древности особую остроту обрела идея «Слова» о необходимости единства Русской земли и осуждение феодальных междоусобиц и распрей. Это подтверждают и знаменитая приписка 1307 г. в «Апостоле», и повести Куликовского цикла. И хотя военное поражение Игоря и победа Дмитрия Донского, одна из величайших побед в русской истории, — события абсолютно несопоставимые и даже противоположные по своему значению, влияние «Слова» на «Задонщину» и на «Сказание о Мамаевом побоище» оказалось возможным именно потому, что реальную основу получили его главные идеи — призыв к единению и борьбе с захватчиками. Они несли глубокий политический и общественный смысл. Эти идеи были обращены к будущему, они определяли перспективу национального развития. Идейный лейтмотив «Слова» «За землю Русскую!» стал тогда лозунгом борьбы за национальное освобождение от ига. Для древнерусских книжников притягательной силой обладала главная идея произведения, поэтому вместе с ней в повествование «Задонщины» и «Сказания о Мамаевом побоище» была вовлечена образность и художественная ткань «Слова».

В культуре Нового времени «Слово» воспринято не только как величайший памятник средневековья, но как нечто живое, феномен эмоциональный и вневременной. Как выдающееся явление поэтической культуры, «Слово» оказало глубокое нравственное и эстетическое воздействие прежде всего на поэзию, превратившись в ее вечный спутник. Много раз в соперничество с безымянным автором «Слова» вступали поэты-переводчики в стремлении передать средствами современного русского языка емкое идейное содержание, богатую символическую образность и сложный рит-

мико-интонационный строй памятника. Сегодня известны десятки таких переводов [1]. Ими отнюдь не исчерпывается литературная судьба «Слова» в Новое время.

«Слово о полку Игореве» оказалось неиссякаемым источником мощной поэтической энергии и творческого вдохновения. В еще большей степени, чем переводы, современность древней поэмы и ее органические связи с поэзией нашего века подтверждают многочисленные отклики, отзвуки, переклички со «Словом», далекие и близкие, у поэтов разных поэтических школ (символистов, футуристов, акмеистов), разных художественных систем. «Слово» сохраняло актуальность для всех писательских поколений. В XX в. к нему обращались К. Бальмонт, А. Блок, В. Брюсов, А. Бунин, М. Волошин, С. Есенин, Н. Клюев, В. Маяковский, Ф. Сологуб, В. Хлебников, М. Цветаева, а также Н. Асеев, П. Антокольский, Э. Багрицкий, С. Городецкий, М. Дудин, Н. Заболоцкий, Д. Кедрин, С. Наровчатов, Б. Окуджава, А. Прокофьев, Н. Рыленков, В. Саянов, В. Соснора, А. Тарковский, О. Чухонцев, И. Шкляревский и другие поэты. В их творчество вошли многие темы, мотивы, образы, реалии, строки, выражения, интонации «Слова». Особенно показательны для изучения воздействия этого произведения на творчество и мироощущение поэтов те реминисценции из него, которые возникают в контексте стихотворения, казалось бы, неожиданно и без прямой установки автора на создание поэтических вариаций на темы «Слова». Такие отзвуки и отражения «Слова» свидетельствуют о том, сколь органично внедрилось древнее творение в глубины поэтического сознания.

Задача настоящей статьи отнюдь не сводится к указанию возможно большего числа реминисценций из «Слова» в творчестве поэтов нашего столетия и литературно-критической оценки стихов, созданных под его вдохновляющим воздействием. Гораздо важнее понять, в чем проявилось созвучие средневекового произведения настроениям XX в., в какие поэтические контексты входило «Слово». Изучение древнерусской поэмы в историко-функциональном аспекте призвано выявить те его идейные и художественные черты, которые получили особую актуальность в новом историческом и культурном контексте [2].

---

[1] О поэтических переводах и переложениях «Слова» см.: *Шамбинаго С.* Художественные переложения «Слова» // Слово о полку Игореве. М.; Л., 1934; *Еремин И. П.* «Слово о полку Игореве» в русской, украинской и белорусской поэзии // Учен. зап. ЛГУ. Сер. филол. наук. Л., 1948. Вып. 13; *Стеллецкий В. И.* «Слово о полку Игореве» в художественных переводах и переложениях // Слово о полку Игореве / Под ред. В. Ф. Ржиги, В. Д. Кузьминой и В. И. Стеллецкого. М., 1961. С. 279—310; *Чуковский К.* Высокое искусство. М., 1968. С. 276—286; *Дмитриев Л. А.* Литературная судьба «Слова о полку Игореве» // Слово о полку Игореве. 3-е изд. Л., 1985. С. 49—72. (Б-ка поэта. Большая сер.).

[2] В иных аспектах и в других хронологических рамках, а также в значительной степени на других литературных источниках реминисценции из «Слова» изучались в работах: *Панышева Ю. В.* «Слово о полку Игореве»

Традицию восприятия «Слова о полку Игореве» и его образов в русской литературе XIX в., освященную именами А. Н. Радищева, В. А. Жуковского, Н. М. Карамзина, А. С. Грибоедова, А. С. Пушкина, А. Н. Островского, А. К. Толстого, А. Н. Майкова, завершает юбилейная кантата И. Анненского «Рождение и смерть поэта» (1899), написанная к 100-летию со дня рождения Пушкина. Анненский соединил символической связью два дорогих для русской литературы имени. Боян — древний княжеско-дружинный поэт, предшественник и вдохновитель автора «Слова о полку Игореве» выступает здесь не в своем традиционном облике певца ратных подвигов и бранной славы, но как родоначальник русской поэзии вообще. Поэтому именно ему дано право первому возвестить о «солнце русской поэзии».

Для поэтической жизни «Слова» в XX в. чрезвычайно характерна следующая закономерность: интерес к произведению особенно обострялся в переломные и исторически ответственные моменты. Тогда сознание, народная память, культура тотчас же отражали «Слово». В начале века К. Бальмонта и М. Волошина привлекает космичность пейзажей, огромная мощь природной стихии «Слова» и особенно описание грозы. Что это было — отражение пережитых тогда страной общественных потрясений или смутное предчувствие новых? В 1906 г. К. Бальмонт написал цикл стихов «Злые чары. Книга заклятий» и в эпиграфе к нему соединил строки, выбранные из разных мест «Слова», чтобы создать тревожно-грозовую атмосферу цикла: «Долго ночь меркнет; заря свет запала; мгла поля покрыла. Кровавые зори свет поведают, ...хотят прикрыти четыре солнца; а в них трепещут синие молнии»[3].

В сонете М. Волошина «Гроза» из цикла «Киммерийские сумерки» символическое описание грозы образовано сцеплением образов мятежной природы, с которыми в «Слове» связано настроение тревоги, предчувствие беды и грозных событий: гудит земля, кличет в глухой степи таинственный Див, беспокоятся птицы, меркнет свет. Волошин использует для создания сугубо описательного эпизода прямые цитаты из «Слова», подчеркивающие актуальность для него лексической стороны памятника:

И тутнет гулкая. Див кличет пред бедой
Ардавде, Корсуню, Поморью, Посурожью, —
Земле незнаемой разносит весть Стрибожью:
Птиц стоном убуди и вста звериный вой.

в русской и украинской поэзии XIX—начала XX века // Учен. зап. ЛГУ. Сер. филол. наук. Л., 1939. Вып. 4. С. 304—319; *Смирнов И. П.* Цитирование как историко-литературная проблема: Принципы усвоения древнерусского текста поэтическими школами XIX—начала XX века: (На материале «Слова о полку Игореве») // Блоковский сборник. Тарту, 1981. Вып. 4. С. 246—276 (Учен. зап. Тартус. гос. ун-та; Вып. 535); *Романичева Е. С.* «Слово о полку Игореве» в ранней лирике И. А. Бунина // Литература Древней Руси: Сб. науч. тр. / Под ред. Н. И. Прокофьева. М., 1983. Вып. 4. С. 133—139.

[3] *Бальмонт К.* Избранное: Стихотворения. Переводы. Статьи / Сост. В. Бальмонт; Вступ. ст. Л. Озерова; Примеч. Р. Помирчего. М., 1980. С. 230.

В «Слове»: «земля тутнетъ»; «нощь стонущи ему грозою птичь убуди; свистъ звѣринъ въста. . . дивъ кличетъ връху древа, велитъ послушати — земли незнаемѣ, Влъзѣ, и Поморию, и Посулию, и Сурожу, и Корсуню». Со строками из «Слова» «заря свѣт запала», «трепещуть синии млънии» перекликаются стихи:

Запал багровый день. Над тусклою водой
Зарницы синие трепещут беглой дрожью [4].

В сонете Волошина «Обида вещая раскинула крыло // Над гневным Сурожем и пенистым Азовом». Аллегория Девы Обиды, воплощающая в «Слове», подобно мифологическим скандинавским валькириям, представление об ужасах войн, приобретает особое значение в поэзии XX в., которой суждено было отразить трагические моменты отечественной истории.

Начиная с А. Блока, «Слово о полку Игореве» включается в поэтические контексты, связанные с раздумьями поэтов об исторических судьбах России. Интерес Блока к «Слову» проявился еще в студенческие годы, когда он учился в Петербургском университете. Русскую древность здесь преподавали известные ученые-медиевисты А. И. Соболевский и И. А. Шляпкин. Под руководством последнего А. Блок писал свои первые научные работы. «Слово» занимало, по-видимому, определенное место в дискуссиях студентов, поскольку, когда им предложили самим составить темы для письменного государственного экзамена по профилирующему предмету — истории русской литературы, — они назвали среди прочих и тему «„Слово о полку Игореве“ как памятник русской поэзии XII века» [5]. К студенческим годам относится первое обращение поэта к «Слову»: в стихотворении «Зачатый в ночь, я в ночь рожден» (1907) риторический вопрос «Что ми шумить, что ми звенить?», первоначально свободный от лирической рефлексии, приобретает смысл исповедальный, личностный и, связываясь с раздумьями о жизненном пути, превращает блоковский текст в реализацию вечной темы загадок бытия:

Она зовет. Она мани́т.
    В снегах земля и твердь.
Что́ мне поет? Что́ мне звенит?
    Иная жизнь? Глухая смерть? [6]

Между двух революций, в канун ожесточенного столкновения двух исторических эр Блок осознает величие темы Родины и России: «Она не только больше меня, она больше всех нас; и она все-

---

[4] *Волошин М.* Стихотворения / Вступ. ст. С. Наровчатова; Сост., подгот. текста и примеч. Л. А. Евстигнеевой. Л. 1977. С. 122. (Б-ка поэта. Малая сер.).

[5] *Кумпан К. А.* Александр Блок — выпускник университета // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1983. Т. 42, № 2. С. 164—169.

[6] *Блок А.* Собр. соч.: В 8 т. М.; Л., 1960. Т. 2. С. 131. (Далее ссылки на том и страницы указываются в тексте в скобках. Впервые эта реминисценция отмечена в работе: *Stelleckij V. I.* A. A. Blok und das «Lied von der Heerfahrt Igors» // Zeitschrift für Slawistik. 1971. Bd. 16. H. 4. S. 566.

общая наша тема» (8, 265). Тогда же поэт остро ощутил и переходность эпохи, которая, писал он, «лишает нас всех очарований, и на всех перекрестках подстерегает нас какая-то густая мгла, какое-то далекое багровое зарево событий, которых мы все страстно ждем, которых боимся, на которые надеемся» (5, 257). Эти пророческие строки появились в 1908 г., и тогда же был создан цикл «На поле Куликовом». Напряженно вглядываясь в будущее страны и пытаясь предугадать его черты, Блок обратился к истории. Воссоздавая в символических образах Куликовское сражение, он опирался на три древнерусских памятника, связанных друг с другом: «Слово о полку Игореве», «Задонщину», «Сказание о Мамаевом побоище». Далекие отсветы «Слова» падают на первое стихотворение цикла. Природа у Блока, как и в «Слове», антропоморфна, она предупреждает о предстоящих испытаниях. Стихотворение пронизывают грозные предзнаменования «Слова» — образы ночи, мглы, кровавых зорь, черных туч, претворенные в новые поэтические символы:

И даже мглы — ночной и зарубежной —
Я не боюсь.
. . . .
Идут, идут испуганные тучи,
Закат в крови! (3, 249)

Степной ковыль, по которому развеялась радость Ярославны, вспоминается, когда читаешь стихи: «Опять с вековою тоскою пригнулись к земле ковыли» (3, 251). Из «Слова» проникают в блоковский цикл образ «темного и зловещего Дона», тревожные крики лебедей и многие реалии степной ночи. К образности «Слова» «уже бо бѣды его пасеть птиць по дубию», «орли клектомъ на кости звѣри зовуть» тяготеют стихи:

И чертя круги, ночные птицы
Реяли вдали.
. . . .
Орлий клекот над татарским станом
Угрожал бедой (3, 251) [7].

Реминисценции из «Слова» возникают, присутствуют в стихотворении Блока «Новая Америка» (1913), вдохновленном увлекавшей тогда поэта идеей индустриального обновления России. Позднее, в предисловии к поэме «Возмездие» Блок раскрыл содержание и значение образа, давшего название стихотворению. «„Уголь превращается в алмаз“, Россия — в Новую Америку;

---

[7] Подробно о творческом освоении Блоком поэтики древнерусских произведений, и в частности «Слова о полку Игореве», см. специальные работы: *Левинтон Г. А.*, *Смирнов И. П.* «На поле Куликовом» Блока и памятники Куликовского цикла // ТОДРЛ. Л., 1979. Т. 34. С. 72—95; *Кусков В. В.* Осмысление поэтических образов древнерусской литературы в цикле стихотворений «На поле Куликовом» // Вестн. МГУ. Сер. 9, Филология. 1980. № 6. С. 12—17; *Стеллецкий В. И.* Блок и древнерусская литература («Слово о полку Игореве» и «Задонщина») // Лит. учеба. 1980. № 5. С. 175—182; *Усок И. Е.* Куликовская битва в творчестве Александра Блока // Куликовская битва в литературе и искусстве. М., 1980. С. 258—277.

в новую, а не в старую Америку» (3, 298), настоятельно подчеркивал он. В его понимании Новая Америка — это поэтический образ будущей России, «роковой родной страны», которой суждено пройти через «великое возрождение» на основе мощного развития национальной промышленности. Как и в цикле «На поле Куликовом», в «Новой Америке» проявилось своеобразие блоковского восприятия времен, позволившее сопоставить события из разных исторических эпох:

Иль опять это — стан половецкий
И татарская буйная крепь?
Не пожаром ли фески турецкой
Забуянила дикая степь?

Нет, не видно там княжьего стяга,
Не шеломами черпают Дон,
И прекрасная внучка варяга
Не клянет половецкий полон. . .

Нет, не вьются там по ветру чубы,
Не пестреют в степях бунчуки. . .
Там чернеют фабричные трубы,
Там заводские стонут гудки (3, 269).

Знаменитая воинская метафора из «Слова о полку Игореве» «испити шеломом Дону» включена Блоком в отрицательный параллелизм, в символическую картину противостояния двух эпох — древности и современности, призванную усилить звучание идеи о мирном, созидательном труде современности. Со «Словом» сближают также реалии стихотворения: «стан половецкий», «дикая степь», «княжий стяг», «половецкий полон», «бунчук». Извлечения из древней поэмы использованы Блоком для построения «такой негативной аналогии между минувшим и настоящим, которая подчеркивала оригинальность, самоценность сегодняшнего дня» [8]. Строфы с фигурой отрицательного параллелизма должны свидетельствовать о том, что прошлое стало лишь уделом истории, оно четко отграничено от текущей современности. Такой взгляд в известной мере контрастировал с идейными представлениями тех предшественников поэта, которые переносили минувшую эпоху в культурный контекст настоящего. В блоковских строках с упоминанием «прекрасной внучки варяга» слышится полемика, например, со стихотворением К. Случевского («Ты не гонись за рифмой своенравной. . .», 1898—1902), утверждавшего: «А Ярославна все-таки тоскует // В урочный час на каменной стене. . .» [9].

В «Скифах» (1918) Блока тревожное ощущение времени, предчувствие великих событий и роковых мгновений истории переводится в аллегорический образ крылатой Девы Обиды из «Слова» («Въстала обида въ силахъ Дажьбожа внука, вступила дѣвою на землю Трояню, въсплескала лебедиными крылами на синѣмъ море у Дону»). Введение его в соответствующий контекст удосто-

---

[8] *Смирнов И. П.* Указ. соч. С. 260.
[9] Слово о полку Игореве. С. 375. (Б-ка поэта. Большая сер.)

веряет также отношение к «Слову» как к памятнику, которому суждено предугадывать будущее:

Вот — срок настал. Крылами бьет беда,
И каждый день обиды множит,
И день придет — не будет и следа
От ваших Пестумов, быть может! (3, 360)

«Слово о полку Игореве» вошло в творчество А. Блока вместе с расширением его исторического кругозора, но при этом «историческая тема никогда не превращается у Блока ни в мертвую ретроспекцию, ни в плоскую декорацию, ни в предмет эстетической стилизации» [10]. Поэтому использование поэтики, образности и стиля древнего памятника сочетается у Блока с творчески свободным к нему отношением.

В восприятии Н. Клюева, для творчества которого важна народно-песенная основа, «Слово» становится источником фольклорной поэтики. Скорбящая Дева Обида — воплощение страдания и горя народа. Отзвук «Слова» не только в названии стихотворения «Обидин плач» (1908—1919), но и в картине «поля грозного, убойного», явно навеянной описанием битвы на реке Немиге:

Из конца в конец я видела
Поле грозное, убойное,
Костяками унавожено.
Как на полюшке кровавоём
Головами мосты мощены. . . [11]

(ср. в «Слове»: «На Немизѣ снопы стелютъ головами. . . кровави брезѣ не бологом бяхуть посѣяни—посѣяни костьми рускихъ сыновъ»). Героическая тема вошла в стихотворение «Сказ грядущий» (1917) вместе с образами русских «батырей» (богатырей), среди которых и Всеволод Буй-Тур (342). Особенно дорог Клюеву образ Бояна как воплощение народного творческого начала: «Пустите Бояна — Рублевскую Русь» («Песнь солнценосца», 1917; 347). А. В. Кольцова — «великого народного певца» — Клюев называет «Велесов первенец» (стихотворение «Где рай финифтяный и Сирин», 1916 или начало 1917; 329). Эта метафора с представлением о божественном происхождении поэтического дара явно навеяна «Словом», где Боян — «Велесов внук». Стихотворение «Застольный сказ» (1917), посвященное теме творчества, поэт заключает строкой: «Где вы, вещие Бояновы сыны?», имея в виду тех, кто призван выразить самобытность русской культуры, отыскать «ключ от песни всеславянской и родной» (340). Говоря о своем поэтическом мироощущении, Н. Клюев противопоставляет его скорбному плачу Ярославны, для чего ис-

---

[10] *Орлов Вл.* Перепутья: Из истории русской поэзии начала XX века. М., 1976. С. 360.

[11] *Клюев Н.* Стихотворения и поэмы / Вступ. ст. В. Г. Базанова / Сост., подгот. текста и примеч. Л. К. Швецовой. Л., 1982. С. 113. Далее ссылки даются в тексте в скобках.

пользуется излюбленная в народной поэзии и характерная для «Слова» фигура отрицательного сравнения:

Не Ярославна рано кычет
На забороле городском,
То богоносный дух поэта
Над бурной родиной парит
(«Я посвященный от народа», 1918; 359—360)

Клюев близко к тексту «Слова» передает начало плача Ярославны, сохраняя древнерусский глагол «кычет». В другом стихотворении употребляет слово «загозынька», созвучное «зегзице» из «Слова» и означающее также кукушку: «Не кукуй, загозынька, // Про судьбу мою! . . » («Я надену черную рубаху», 1908; 104).

Определяя влечение Клюева к орнаментальности стиля, С. Есенин воспользовался одним из самых изысканных образов «Слова»: «. . . художник пошел не по тому лугу. Он погнался за яркостью красок и „изрони женьчужну душу из храбра тела чрез злато ожерелие“ . . .»[12]. («Ключ Марии», 1918). Образность «Слова» Есенин включал в рассуждения о поэтическом творчестве. Говоря в «Ключах Марии» о «законах заставочной образности», он вспоминает зачин «Слова» и Бояна, которого он сопоставляет с Гомером: «Вглядитесь в слова Гомера, ведь он до ясности подчеркивает в себе приобретенное мастерство от пернатых царевичей звуков. . . Наш Боян рассказывает так же, как и Гомер, целую эпопею о своем отношении к творческому слову. . . Сам он может взлететь соколом под облаки, в море сплеснуть щукою, в поле проскакать оленем, но мир для него есть вечное, неколебимое древо». В статье «Быт и искусство» рассуждения о мифологическом образе поэт подкрепляет ссылкой на имя славянского языческого бога солнца, упоминаемого «Словом»: «Мифический образ заключается и в уподоблении стихийных явлений человеческим ликам. Отсюда Даждь-бог, дающий дождь» (168).

К периоду увлечения Есенина диалектизмами относится его незавершенное стихотворение «Не пора ль перед новым посемьем. . .» (19 строк; ноябрь 1917), весь текст которого пронизан реминисценциями из «Слова о полку Игореве»: здесь и принадлежащие предметному миру национального эпоса вещественные и топографические реалии («аксамитник», Каяла, Дон, фантастическая «лунь-птица», напоминающая Дива), и свойственные ему ораторские приемы построения (риторический зачин стихотворения, строка «Что шумит, что звенит за курганом», почти дословно воспроизводящая цитату из «Слова»), а также ряд других элементов. Опыт Есенина — один из первых стихотворных откликов на события Октября, в котором тема мятежа разрабатывается с привлечением образности «Слова». «Для Есенина старая Россия гибла в революции, чтобы возродиться в России вселенской,

---

[12] *Есенин С.* Собр. соч.: В 3 т. М., 1983. Т. 3. С. 156. Далее ссылки даются в тексте в скобках.

призванной обновить и спасти мир» [13], в стихотворении «революция становится фактом национального предания, мифологизируется» [14], что имеет непосредственное отношение к общей архаизирующей установке текста. Контаминируя элементы «Слова» с диалектизмами, Есенин действовал в согласии с центральной идеей скифства, «которая заключалась в том, что крестьянство, отождествляемое со всей нацией, объявлялось хранителем некоей „древней Тайны“, утраченной в новое время». Чтобы раскрыть ее, «поэт должен обратиться к старинным памятникам, а также к диалектному слову, которое объявлялось рудиментом древности» [15].

Для отношения Есенина к «Слову» показательна также его статья «Ярославны плачут» (1915), написанная во время первой мировой войны и посвященная творчеству женщин-поэтов военной поры. О стихах одной из них он пишет: «Она поет об оставшихся, плачет об ушедшем на войну и в этих слезах прекрасна, как Ярославна», которая «плачет без слез, плачет сердцем, а сердце плачет кровью». Поэт смело ставит Ярославну рядом с национальной героиней Франции: «Нам одинаково нужны Жанны Д'Арк и Ярославны. Как те прекрасны со своим знаменем, так и эти со своими слезами» (134).

Такое сближение привносит в образ Ярославны новый — героико-патриотический смысл. Характерно, что когда о Ярославне пишут поэты в мирное время, восприятие этого образа иное. Так, например, в известном стихотворении В. Брюсова «Певцу Слова» (1912) оно чисто книжное:

Иль певец безвестный мудрый, тот, кто Слово спел,
Все мечты веков грядущих тайно подсмотрел?
Или русских женщин лики все в тебе слиты?
Ты — Наташа, ты — и Лиза, и Татьяна — ты! [16]

Пытаясь понять возникший в далеких веках образ, Брюсов обратился к литературной традиции женских образов, созданных русскими классиками.

В творчество В. Хлебникова «Слово о полку Игореве» вошло как одна из многих литературных традиций, путем своеобразного синтеза которых Хлебников создал собственную систему поэтики, отличающуюся необычайной емкостью. Примечательна характеристика, данная ему Вячеславом Ивановым: «Он подобен автору „Слова о полку Игореве“, чудом дожившему до нашего времени» [17]. У Хлебникова-футуриста «никогда не было желания „сбросить с парохода современности“ культуру прошлого. Он не отказывался

---

[13] *Панченко А. М., Смирнов И. П.* К интерпретации стихотворного текста Есенина «Не пора ль перед новым посемьем. . .» // Рус. лит. 1971. № 4. С. 144.

[14] Там же. С. 146.

[15] Там же. С. 145.

[16] *Брюсов В.* Собр. соч.: В 7 т. М., 1973. Т. 2: Стихотворения. 1909—1917. С. 186.

[17] *Хлебников В.* Собр. произведений. Л., 1928. Т. 1. С. 33. Примеч. 1.

от опыта тысячелетий. От наследства языка, мудрости сказаний и легенд, от образного мышления разных народов, приближенного к природным стихиям» [18]. «Слово о полку Игореве» так органично внедрилось в поэзию В. Хлебникова, что иногда его образы и цитаты почти не вычленимы, хотя присутствие «Слова» явно ощущается. Объясняется это тем, что представители некоторых фракций футуристического движения «изымали цитируемую речь из ее смысловой и исторической среды, стирали ее реминисцентный оттенок, превращая прежний художественный опыт в составную часть современного или даже завтрашнего и присваивая себе результаты этого опыта (по формуле Хлебникова: «Что было — в нашем тонет»). Этот процесс выражался обычно в том, что футуристические произведения вызывающе контаминировали в себе несочетаемые, приуроченные к различным историческим интервалам лексические средства, поэтические формулы и реалии» [19].

В начале 1910-х годов Хлебников написал несколько поэм, посвященных славянской языческой древности. Одна из самых ранних — «Внучка Малуши» (1908—1910) хранит следы обращения к «Слову о полку Игореве». В ней, как это характерно для поэтического метода Хлебникова, объединились разные исторические эпохи: языческий мир, Русь времени Владимира и столичный Петербург начала XX в. Говоря об эпическом прошлом, поэт применяет краски и образы «Слова». Реминисценции из него присутствуют в описании похода киевской дружины. Перекличка основана и на лексических элементах («кычет», «червленые щиты»), и на реалиях предметного мира:

Красные волны
В волнах ковыля
То русскими полны
Холмы и поля.
Среди зеленой нищеты,
Взлетая к небу, лебедь кычет,
И бьют червленные щиты
И сердце жадно просит стычек.
Позвал их князь
Итти на врага
И в сушь, и в грязь
Шагай, нога! [20]

В творчестве Хлебникова древнерусский эпос предстает преображенным. Не отзвуком ли его образа «кричат телеги в полунощи, рци, лебеди роспущени» являются строки из поэмы «Хаджи Тархан»:

Ты видишь степь: скрипит телега.
Песня лебедя слышна [21].

---

[18] *Урбан А.* Философская утопия: (Поэтический мир В. Хлебникова) // Вопр. лит. 1979. № 3. С. 168.
[19] *Смирнов И. П.* Указ. соч. С. 262—263.
[20] *Хлебников В.* Указ. соч. Л., 1930. Т. 2. С. 65.
[21] Там же. Т. 1. С. 120.

Или, быть может, восходит к «Слову» образ из стихотворения о князе Святославе «Иду на вы»: «Лишь бег от стрел дождя»? (в «Слове»: «итти дождю стрелами»). Образ Синего Дона, с которым в «Слове» связаны честолюбивые устремления Игоря, возникает в сознании поэта, когда он пишет футуристическое эссе (1916): «. . .Будетлянин железной рукой взял повода. Затянул удилами твой конский рот! Еще удар ветра, и начнется новая дикая скачка погони всадников рока. Опьянению скачкой пусть их научит *Синий Дон*!» [22].

В рассказе «Великий день» (1909) современные украинские парни и девушки — это те, кто «сражались вместе с Игорем и плакали вместе с Ярославной» [23]. Хлебников вводит эти образы «Слова», чтобы передать остроту ощущения живой связи современности с предшествующими историческими эпохами. В тревоге о будущем Хлебников пишет антивоенные стихи «Война в мышеловке» (1915—1919), в которых «Слово» предстает как воплощение вечных, незыблемых ценностей. Древнерусский героический эпос для него — начало начал, оптимистический символ самосознания и культуры народа:

И когда земной шар, выгорев,
Станет строже и спросит: «Кто же я?»
Мы создадим Слово Полку Игореви
Или же что-нибудь на него похожее [24].

Для М. Цветаевой «Слово» — произведение, с которым она готова пойти на смерть: «Любимые книги в мире, те, с которыми сожгут: „Нибелунги“, „Илиада“, „Слово о полку Игореве“» [25]. Она признавалась также: «Никого не знаю Игорю («Слову») в рост» [26]. Вообще Цветаевой было свойственно «острое чувство России — ее истории, ее национального характера» [27]. Ее поэтическое видение русской истории допускает смещение временных перспектив, символизацию исторических событий и реалий. Половцев и татар воспринимает Цветаева в едином образе врагов Русской земли, попирающих ее, порабощающих, разоряющих. Поэтому в цикл «Ханский полон», в котором создан образ Руси татарского владычества — «мамаевщины», Цветаева переносит «по внутренней принадлежности» к нему стихотворение о половецких ханах Гзе и Кончаке (1922). Этот цикл вошел в лучший цветаевский сборник стихов «Ремесло».

Стихи «Ханского полона» связаны единством темы, каждое из них — лирическое познание России, ее трудной исторической судьбы: «Эх, Родина-Русь, неподкованный конь!» Стихотворение Цветаевой основано на свободной поэтической фантазии, оно не

---

[22] Там же. Л., 1933. Т. 5. С. 144.
[23] Там же. С. 121.
[24] Там же. Т. 2. С. 244.
[25] Ответ на анкету, ок. 1925. Цит. по кн.: *Орлов Вл.* Указ. соч. С. 262.
[26] *Цветаева М.* Наталья Гончарова // Прометей. М., 1970. Т. 7. С. 199—200.
[27] *Орлов Вл.* Указ. соч. С. 283.

связано ни с историческим содержанием, ни с историческим фоном событий «Слова о полку Игореве». На основе реалий «Слова» Цветаева создает новую сюжетную ситуацию, поэтически воскрешая память о Древней Руси. Символы «Слова» приобретают в стихотворении другой, иногда более общий смысл. В поэтическом восприятии Цветаевой Бус — это и не половецкий хан, и не антский вождь Бооз, как традиционно трактуется этот образ «Слова», а языческое божество: «Бусом — любовь // Бусом — божба» [28]. «Времечко Бусово» — это период господства язычества на Руси: «Знать не дошла еще // Кровь Голубина. // Озером — Жаль, // Полем — Обида. // (Уж не тебя ль, // Князь мой нелжив?) // Озером — Жаль, // Деревом — Див». В стихотворении Цветаевой удержаны не только символические образы — Жаль (в «Слове» — «Желя»), Обида, Див, с которыми в «Слове» связаны представления о горе и печали русской земли. В его лирическом сюжете главная роль принадлежит ханам Гзе и Кончаку: «Исполосована // Русь моя русая. // Гзак и Кончак еще // Вороны Бусовы». В стихотворении отчетливо различимы две традиции: одна, идущая от «Слова», другая — от народно-поэтической речи. Цветаева заметила в древнем тексте скрытые, внутренние поэтические ассоциации и создала на их основе новые образы, родственные поэтике «Слова». Определение «Вороны Бусовы», данное Гзаку и Кончаку, рождено соединением зловещих «бусовых враней» из вещего сна князя Святослава с образом «черный ворон, поганый половчанин». Поэт использует и излюбленные в устном народном творчестве формы существительных с ласкательными суффиксами: «Травушки стоптаны, // Рученьки розняты. // В поле стыдобушка // Никнет березынькой». Эти образы также возвращают нас к «Слову», к его фольклорной стихии: «Ничить трава жалощами, а древо с тугою к земли преклонилось». Элементы поэтики «Слова» и фольклора Цветаева переплавляет в своем собственном стиле, поэтому стихотворение не оставляет впечатления стилизации. В другом стихотворении поэта лирическая героиня отождествляется с Ярославной [29].

Сможет ли новая Россия оценить и сохранить великое наследие минувших эпох — таков был один из главных вопросов культуры послереволюционного времени. Проблемой исторической памяти и национальных традиций занято сознание Ф. Сологуба в стихотворении «Сквозь туман едва заметный» (1920). В нем примечательны две строки, посвященные Ярославне, но именно они — ключ к пониманию всего стиха. Перед взором автора — русский город Кострома, воздух его напоен историей:

Кострома — воспоминанья,
Исторические сны,

---

[28] *Цветаева М.* Ремесло: Книга стихов. Москва; Берлин: Геликон, 1923. С. 71—73.

[29] См.: *Саакянц А.* Марина Цветаева: Страницы жизни и творчества (1910—1922). М., 1986. С. 259.

Легендарные сказанья,
Голос руской старины.

Кострома для Ф. Сологуба — символ славных национальных традиций; однако поэта тревожит:

Но от этой были славной
Сохранила что она?
Как в Путивле Ярославна,
Ждет ли верная жена?[30]

«Слово о полку Игореве» глубоко проникло в поэтическое сознание В. Маяковского. Об этом свидетельствуют примеры творческого переосмысления некоторых образов «Слова». Характеризуя собственное поэтическое мастерство в поэме «Человек» (1916), Маяковский применил метафору, которая перекликается с зачином «Слова», описывающим творческую манеру Бояна («Тогда пущашеть 10 соколовь. . .») — «охоты поэта сокол» [31]. В стихотворении «Две Москвы» (1926) явственно проступает сюжетный мотив «Слова» — «помчаша красныя девкы половецкыя, а съ ними злато и паволокы, и драгыя оксамиты». События прошлого попадают в контекст настоящего: «А я убежден, что, удар изловча, добро везут, разбив половчан. Из подмосковных степей и лон везут половчанок, взятых в полон» [32]. Так же как в «Новой Америке» А. Блока, мотив «Слова» вовлекается в противопоставление прошлого индустриальному настоящему. В стихотворении «Гимназист и строитель» (1927), пафос которого связан с утверждением новых принципов обучения и воспитания молодого поколения, иронически воспроизведена первая строка из «Слова»: «В башку втемяшивают, годы тратя: „Не лепо ли ны бяше, братие. . .“» [33]. Наряду со «Словом» в сниженный контекст введена и цитата из «Илиады»: «А сын твердит, дрожа осиной: „Пой, о богиня, про гнев Ахиллеса, Пелеева сына: Зубрит — 8 лет!“». Поэт обращается к древнегреческому и древнерусскому эпосам как к наиболее наглядным примерам из числа классических произведений, обязательное изучение которых предусматривалось гимназической программой. Ирония Маяковского направлена не на снижение «Слова» и «Илиады», цитатами из этих поэм он остроумно высмеял «отжившие навыки» старой школы. О том, что рутинное преподавание вызывало отвращение у учащихся к предмету, свидетельствуют также воспоминания А. Бенуа: «. . .я грешил если не презрением, то известным пренебрежением. . . к древнерусской литературе. . . едва ли в этом не была виновата гимназия и то, что нас, совершенно незрелых мальчиков, заставляли любоваться древними былинами, „Словом о полку Игореве“, строгим языком ле-

---

[30] *Сологуб Ф.* Стихотворения / Вступ. ст., сост., подгот. текста и примеч. М. И. Дикман. Л., 1975. С. 427—428. (Б-ка поэта. Большая сер.)
[31] Ср.: *Смирнов И. П.* Указ. соч. С. 270.
[32] *Маяковский В. В.* Полн. собр. соч.: В 12 т. М., 1940. Т. 8. С. 101—102.
[33] *Маяковский В. В.* Собр. соч.: В 13 т. М., 1958. Т. 8. С. 222.

тописей. . . Это неуклюжее и просто бездарное навязывание в гимназии только усугубляло мое пренебрежение». Открыть мир «Слова» юному А. Бенуа помогла опера А. П. Бородина «Князь Игорь»: «. . .пренебрежение сменилось пытливым интересом, за которым последовало лучшее понимание и, наконец, восхищение» [34]

В отношении В. Маяковского к «Слову» проявилось не пренебрежение им, а полемика с теми методами его преподавания и способами интепретации, которые сам он определил (имея в виду толкователей А. С. Пушкина) как «хрестоматийный глянец».

Молодая советская поэзия воспринимала «Слово о полку Игореве» революционно-патриотически. Как некая закономерность предстает то, что отсветы «Слова о полку Игореве» падают на произведения, в которых создан поэтический образ борющейся, страдающей и побеждающей Родины. Образы «Слова» включены в контекст героической поэмы Э. Багрицкого «Дума про Опанаса» (1926): «Прыщут стрелами зарницы, // Мгла ползет в ухабы, // Брешут рыжие лисицы // На чумацкий табор. // За широким ревом бычьим — // Смутно изголовье; // Див сулит полночным кличем // Гибель Приднестровью. // А за темными возами, // За чумацкой соньюю, // За ковыльными чубами, // За крылом вороньим, // Омываясь горькой тенью, // Встало над землею // Солнце нового сраженья — // Солнце боевое <. . .>» [35]. Утренний пейзаж кануна битвы соткан из явных перекличек со «Словом», в поле зрения автора попадают символические реалии, предвещающие в «Слове» несчастье Игореву войску: мифический Див, брещущие лисицы. Описание мглы (тумана) варьирует мотив «Слова»: «мъгла поля покрыла». Есть в «Думе про Опанаса» и другие реминисценции из «Слова», например «Коган волком рыщет» (ср.: «Всеславъ. . . волкомъ рыскаше»). Как затмение солнца в «Слове о полку Игореве» предвещает гибель Игоревой дружины, так в поэме «туманное солнце» предупреждает о беде — гибели комиссара Когана: «Смотрите, солнце встает, ребята, // Такое

---

[34] *Бенуа А.* Мои воспоминания: В 5 кн. / Изд. подгот. Н. И. Александрова, А. Л. Гришунин, А. Н. Савинов, Л. В. Андреева, Г. Г. Поспелов, Г. Ю. Стернин. М., 1980. Кн. 1—3. С. 649. Возникновение интереса к «Слову» у будущего художника привело к перевороту в его восприятии всей древнерусской культуры, он «почувствовал связь той древней домонгольской России к издавна милой . . . сердцу Европе». «Сколько нам вдалбливали в голову, что удельная Русь не имела ничего общего со строем феодального средневекового Запада. Я принимал это на веру, и для меня русские князья с их дружинами были чем-то совершенно противоположным „моим“ баронам, „моим“ рыцарям. Древние русские люди представлялись мне какими-то дикарями или они казались мне темными, жалкими рабами кочевников, а вовсе не гордыми и благородными властителями. . . Для меня, завзятого западника, эта русская старина становилась близкой, родной, она манила меня всей своей свежестью, чем-то первобытным и здоровым — тем самым, что трогало меня в русской природе, в русской речи и в самом существе русской мысли» (Там же. С. 650).

[35] *Багрицкий Э.* Стихотворения и поэмы / Вступ. ст. Е. П. Любаревой; Сост. Е. П. Любаревой и С. А. Коваленко; Подгот. текста и примеч. С. А. Коваленко. М.; Л., 1964. С. 86 (Б-ка поэта. Большая сер.)

туманное, как в пыли». Развертывающаяся перед читателем действительность предстает как место действия древнего литературного текста. События гражданской войны, которым посвящена поэма, происходили на земле героев «Слова». Возможно, эти исторические ассоциации побудили Э. Багрицкого обратиться к национальному героическому эпосу.

Зачин «Слова» послужил скрытым аналогом для начальных стихов революционно-романтической поэмы Н. Асеева о сибирском партизане «Семен Проскаков» (1928). Вступление смонтировано из тех же семантических форм, посредством которых в «Слове» авторская манера повествования противопоставляется «замышлению» Бояна: «Можно написать „. . .Тропка вела // не то на небеса, // не то на елань“. // Мы ж хотим без выдумок» [36]. Упоминание «племени Боянова» появилось еще в раннем стихотворении Асеева «Гудошная» (1914), где архаика переплетается с неологизмами (84). Такое сочетание «было свойственно многим футуристическим произведениям, в том числе утверждавшему идею обратимого (т. е. пространственного) времени стихотворению Асеева «Начало зора». В этом тексте сближения со «Словом о полку Игореве» ощутимы на лексическом («туга», «комони», ср. здесь же футуристический неологизм „словобыри“) и на звуковом ярусах. . .» [37]. Переживание летящего времени как пространства позволило поэту подключить этот образ в стихотворении «Город Курск» (из цикла «Курские края», 1930—1943) к повествованию о скрещении старых и новых культурных традиций. Описывая родной город, Асеев пользуется формулой «Слова»:

Старина в нем сошлась с новизной,
обе полы времени свиты
(281).

Своих земляков поэт воспринимает как потомков славных курян.

Воспоминание о далеких событиях, о которых поведало «Слово», включается в контекст стихотворения В. Луговского «Дорога» (1926). Он обращается к образам прошлого России, чтобы выразить отношение к ее настоящему. Символично название стихотворения: «Дорога — это исторический путь России»; и примечательно, что русская история в представлении поэта ведет свое начало от событий «Слова»:

Дорога идет от широких мечей,
От сечи и плена Игорева. . . [38]

---

[36] *Асеев Н.* Стихотворения и поэмы. 2-е изд. Л., 1967. С. 487. (Б-ка поэта. Большая сер.). Далее ссылки даются в тексте в скобках. О прямой связи этих строк со «Словом о полку Игореве» писал сам поэт. См.: Советские писатели: Автобиографии: В 2 т. М., 1959. Т. 1. С. 93.

[37] *Смирнов И. П.* Указ. соч. С. 266.

[38] *Луговской Вл.* Собр. соч.: В 3 т. М., 1971. Т. 1: Стихотворения и поэмы. С. 45. В стихотворении В. Луговского «Повелитель бумаги» (1929) в пейзажную зарисовку включена воинская метафора «Слова»: «И снова шеломами черпают Дон // Вечерние облака. . .».

Стихотворение В. Луговского — это признание поэта в своей вековечной преданности Родине.

Для К. Бальмонта, оторванного от своей страны, «Слово о полку Игореве» стало и символом Родины, и связью с ней. Не поняв и не приняв революцию, он эмигрировал из Советской России. На чужбине его сжигало одиночество, безысходность, неизбывная тоска по утраченной родине. «Я хочу России. . . пусто, пусто. Духа нет в Европе» [39], — писал он уже через год разлуки. И вот тогда, думая о России, поэт обратился к своему заветному творческому замыслу и перевел стихами «Слово о полку Игореве». Это произведение давно уже привлекло внимание Бальмонта. Работа над поэтическим переложением «Слова», громадная и упорная, увлекла поэта. В посвящении, предпосланном первой (журнальной) публикации перевода (1930), Бальмонт писал: «Мой, трудный и легкий, смиренный и дерзостный, давно задуманный, сладостный мой труд — стихом наших дней пропетое „Слово о полку Игореве“» [40].

Гражданско-патриотическая позиция автора «Слова о полку Игореве» приобрела в советской литературе значение непреходящей ценности. В этом отношении показательно стихотворение О. Мандельштама «Стансы» (1935). Исследователи считают,что оно перекликается с ответом поэта на анкету «Советский писатель и Октябрь»: «Я благодарен ей (Октябрьской революции. — *Л. С.*) за то, — писал он, — что она раз и навсегда положила конец духовной обеспеченности и существованию на культурную ренту. Чувствую себя должником революции» [41]. «Стансы» — это стихотворение, в котором Мандельштам с публицистической страстностью откликнулся на актуальные темы нового социального и культурного строительства:

Я не хочу средь юношей тепличных
Разменивать последний грош души,
Но, как в колхоз идет единоличник,
Я в мир вхожу — и люди хороши.

В заключительной строфе поэт прямо говорит о том, что Октябрь окрылил его музу и раздвинул ее горизонты:

И не ограблен я, и не надломлен,
Но только что всего переогромлен.
Как «Слово о полку», струна моя туга,
И в голосе моем после удушья
Звучит земля — последнее оружье —
Сухая влажность черноземных га. . . [42]

---

[39] *Бальмонт К.* Указ. соч. С. 7.

[40] Цит. по кн.: Слово о полку Игореве. 2-е изд. Л., 1967. С. 530. (Б-ка поэта. Большая сер.)

[41] Цит. по кн.: *Мандельштам О.* Стихотворения / Вступ. ст. А. Л. Дымшица; Сост., подгот. текста и примеч. Н. И. Харджиева. Л., 1975. С. 300.

[42] Там же. С. 182.

Всю строфу держит чеканная формула «Как „Слово о полку", струна моя туга». Для Мандельштама «Слово о полку Игореве» — мерило острой гражданственности, патриотизма, слиянности судьбы поэта с жизнью своей страны и народа.

К «Стансам» Мандельштама близко по своему пафосу стихотворение Б. Пастернака «Волны» (1931) из книги с глубоко символическим названием «Второе рождение». Пастернак размышляет о новой действительности и о своей роли поэта в ней. В его раздумьях возникает лишь один книжный образ, и связан он со «Словом о полку Игореве»: это воспоминание о плаче Ярославны, символизирующем в представлении поэта горе, печаль и тоску прошлых времен. Поэтому о своей обновляющейся родине Пастернак пишет:

Ты — край, где женщины в Путивле
Зегзицами не плачут впредь,
И я всей правдой их счастливлю,
И ей не надо прочь смотреть [43].

Много поэтических вариаций на темы «Слова» вызвал 750-летний юбилей произведения, отмечавшийся в 1937—1938 гг. Среди них — цикл стихов А. Прокофьева, поэма «Слово о Мамаевом побоище» В. Саянова, стихотворение «Ярославна» В. Звягинцевой и «Плач Ярославны» С. Городецкого [44] и др.

Глубоко современно зазвучала древняя поэма в суровые годы Великой Отечественной войны. С необычайной силой проявился изначально свойственный ей пафос гражданственности и государственности. К ней обращались поэты, чтобы передать свое ощущение кровного единения с Родиной и народом. Трагическому времени соответствовала основная идея «Слова», оставшаяся неоцененной в литературе XIX в.[45], — призыв древнего автора

---

[43] *Пастернак Б.* Стихотворения и поэмы / Вступ. ст., сост., подгот. текста и примеч. Л. А. Озерова. Л., 1977. С. 278—279. (Б-ка поэта. Малая сер.) В прозе Пастернака первая мировая война сопоставлена со «Словом о полку Игореве», и сопоставлена она образом Девы Обиды; второй фрагмент, входящий в «Три главы из повести» (1922), так и называется — «Дева Обида». См.: *Пастернак Б.* Воздушные пути: Проза разных лет. М., 1983. С. 116—119.

[44] Любопытно, что С. Городецкий в «Плаче Ярославны» (1938) впервые перевел вразрез с установившейся традицией «бебряный рукав» не как «бобровый», а как «шелковый»: «Омочу рукав шелко́вый / В голубой волне Каялы». Впоследствии и независимо от интуитивной догадки поэта такое же прочтение научно обосновал Н. А. Мещерский. См.: *Мещерский Н. А.* К толкованию лексики «Слова о полку Игореве» // Учен. зап. ЛГУ. Сер. филол. наук. 1956. № 198. Вып. 24: Очерки по лексикологии, фразеологии и стилистике. С. 3—9.

[45] В этом отношении интересна оценка, данная «Слову» В. Г. Белинским столетием ранее: «В „Слове о полку Игореве" нет никакой глубокой идеи. Это больше ничего, как простое и наивное повествование о том, как князь Игорь с удалым братом Всеволодом и своей дружиной пошел на половцев. . . «Слово о полку Игореве» принадлежит к героическому периоду жизни Руси; но как героизм Руси состоял в удальстве и охоте подраться, без всяких других претензий, то „Слово" и не может назваться герои-

к единению, чтобы вступить в бой «за обиду сего времени, за землю Русскую». Героическая сторона «Слова» оказалась созвучной патриотическому воодушевлению народа нашей страны, и «Слово» стало вдохновителем национально-патриотической темы. Среди лучших произведений советской поэзии военной поры — «Дума о России» Д. Кедрина (1942). Она хранит память о национально-освободительных войнах из прошлого России. «Много бед Россия выносила», но выходила из них всегда победительницей. Исторический опыт подсказывает поэту, что и теперь враг будет сокрушен. С лирической публицистичностью он заявляет, используя и видоизменяя воинскую метафору «Слова»:

Не испить врагу шеломом Дона!
Не погнутся русские знамена!
Будем биться так, чтоб видно было:
В мире нет сильнее русской силы [46].

Боян в стихотворении выступает как певец русской исторической славы:

Пели гусли вещего Баяна
Славу прошлых битв, и Русь стояла. . .

Не менее, чем героическая, поэтов привлекала в «Слове» его лирическая тема, связанная с образом Ярославны. Никогда, пожалуй, не появлялось так много стихов о Ярославне, никогда еще не поднимался этот образ до такого высокого обобщения, как во время Великой Отечественной войны.

В 41-м году в блокадном Ленинграде О. Берггольц обращается к своим землякам со стихотворением «Я буду сегодня с тобой говорить». В нем лирический образ верной и любящей Ярославны сопрягается с величественным образом Родины, Отчизны, которая «с материнской тоскою» следит за подвигом ленинградцев и города-героя. Так во время войны переосмысляется лирика:

. . .Смотри — материнской тоскою полна,
за дымной грядою осады
не сводит очей воспаленных страна
с защитников Ленинграда.

Так некогда, друга отправив в поход,
на подвиг тяжелый и славный,
рыдая, глядела века напролет
со стен городских Ярославна. . . [47]

скою поэмою. . . В поэме нет никакого драматизма, никакого движения; лица поглощены событием, а событие совершенно ничтожно само по себе. Святослав является не как действующее лицо, но голосом истории, выразителем политического состояния Руси. Поэма — детский лепет, полный поэзии, но скудный значением» (*Белинский В. Г.* Собр. соч.: В 9 т. М., 1979. Т. 4. С. 177, 179, 180).

[46] *Кедрин Д.* Избр. произведения / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. С. А. Коваленко; Сост. Л. И. Кедриной. Л., 1974. С. 176—178. (Б-ка поэта. Большая сер.)

[47] *Берггольц О.* Избр. произведения / Вступ. ст. А. И. Павловского; Сост. М. Ф. Берггольц и А. И. Павловского; Подгот. текста и примеч. Т. П. Головановой. Л., 1983. С. 210—211. (Б-ка поэта. Большая сер.)

В стихотворении С. Наровчатова «В те годы» (1942) Ярославна — обобщенный образ всех скорбящих женщин:

В своей печали древним песням равный
Я села, словно летопись, листал.
И в каждой бабе видел Ярославну,
Во всех ручьях Непрядву узнавал [48].

Ярославне посвящены стихи военных лет Н. Брауна, Л. Татьяничевой, Вл. Зотова, А. Малышко, П. Воронько, поэма П. Антокольского [49].

Обращение поэтов к «Слову о полку Игореве» во время войны закономерно. Это древнее произведение отразило лирическую стихию человеческого духа. Его вечные темы — жизни и смерти, отваги и патриотизма, любви и разлуки — глубоко связаны с эмоционально-психологической природой человека и потому никогда не утратят своего значения для читателей разных эпох и разных народов.

Современная поэзия обращается к «Слову», чтобы выразить мысль о неразрывной связи времен. «Слово» сопутствует поэтам в осмыслении ими темы Родины и России. Показательно, что стихотворение А. Тарковского «Русь моя, Россия, дом, земля и матерь» открывается цитатой-эпиграфом из «Слова» — «Кони ржут за Сулою», благодаря которому историческое время синхронизируется с настоящим, ощущение опасности и тревоги переносится в сегодняшний день. Свое лирическое переживание: «Хоть бы в пропасть кинуться — тебя отстоять» (т. е. Россию. — *Л. С.*) — поэт мотивирует в строках, в которых Игорь изображается защитником Руси:

Разве горький Игорь, смертью смерть поправ,
Твой не красил кровью бебряный рукав? [50]

Реалия «бебряный рукав» недвусмысленно указывает читателю, что речь идет именно о герое «Слова». В стихотворении А. Тарковского «Тебе не наскучило каждому сниться» [51], посвященном Ярославне, прошлое также осознается как актуальное настоящее благодаря лирическому герою, представляющему себя участником далеких событий.

В связи с тем что цитаты из «Слова» получают переосмысление и расширительную трактовку, возрастает уже весьма заметная популярность ряда строк поэмы как эпиграфов.

Современная поэзия знает примеры такого использования «Слова о полку Игореве», при котором учитываются не только его

---

[48] *Наровчатов С.* Собр. соч.: В 3 т. М., 1977. Т. 1. С. 51.

[49] См.: *Державина О. А.* Образ Ярославны в творчестве поэтов XIX—XX вв. // Слово о полку Игореве: Памятники литературы и искусства XI—XVII вв. М., 1978. С. 186—190.

[50] *Тарковский А.* Избранное: Стихотворения. Поэмы. Переводы: 1929—1979. М., 1982. С. 78.

[51] Там же. С. 79.

идеи, темы, образы, мотивы, стилистика, но и его жанр. На лиро-эпический жанр ориентирована поэма И. Шкляревского «Слово о мире» (1984) [52]. Уже в заглавии поэт устанавливает между двумя произведениями внешнюю связь, которую в тексте поэмы доводит до читательского сознания. Один из показательных примеров пересечения с текстом «Слова о полку Игореве» содержится в строках: «Братья, не время ли нам сказать наше слово о веке двадцатом?». Со «Словом» перекликается фрагмент поэмы, в котором события нашей современности описаны с привлечением сакрально-мифологических понятий: «Или трубы Освенцима мечут богу в очи золу человечью?» Внешне удаленная от своего источника, дословно не совпадающая с ним, эта метафора построена, однако, по его семантической модели: «Жля поскочи. . . смагу людемъ мычючи въ пламянѣ розѣ». Схождения между двумя текстами поддерживаются и аллитерацией: «мечут—очи—человечью» — «мычючи». В поэме широко использованы изобразительные возможности такой характерной для «Слова о полку Игореве» формы образного построения, как творительный сравнения, посредством которого выражались эпические мифологические представления о перевоплощениях: «Ни выдрой, ни птицей, ни рыбой — никуда не уйдешь от двадцатого века!» Влияние поэтики «Слова о полку Игореве» проявилось и в отсутствии сюжетности, в ассоциативном способе развертывания поэтической мысли. Эпическое пространство создается в «Слове о мире» свободным перебрасыванием действия из одной географической точки в другую, вовлечением в него всей природы.

Поэты и писатели XX в., как и их предшественники XIX столетия, выражают глубокое восхищение языком «Слова о полку Игореве», его «предельной выразительностью», «образной точностью», лексическим богатством. В. Луговской отмечает, что стиль автора «Слова» имеет свойства гениальной простоты: «Это непышное, энергическое применение слова свойственно всей русской речи, всей великой русской литературе» (статья «Любите русский язык», 1955) [53]. Образность языка «Слова» воспринимается в контексте высоких ценностей народной русской речи: былин, пословиц, поговорок. «У кого учился, в частности, я? — писал Н. Асеев. Прежде всего у пословиц и поговорок, у присловий и присказок, что бытуют в речи народной. . . Еще — у «Слова о полку Игореве», прельщающего силой языкового размаха. . .» («Не такое нынче время», 1961) [54]. К. Бальмонт отмечает в «Слове» мелодичность, «напевность», благозвучие, свойственное народной русской речи: «Возьмем ли мы духовный стих, или былину про богатырей, или народную песню недавнего времени, или „Слово о полку Игореве“, или пословицы, поговорки, загадки, или отдельные

---

[52] См.: *Шкляревский И.* Слово о мире // Лит. газ. 1984. 20 июня. С. 5.
[53] *Луговской Вл.* Собр. соч. Т. 3: Поэмы. Статьи и речи. С. 317.
[54] *Асеев Н.* Собр. соч.: В 5 т. М., 1964. Т. 5: Проза. 1916—1963. С. 390.

места летописи» — всюду «сквозь дымную церковнославянскую слюду просвечивает напевное естество чистого русского языка» («Русский язык. Воля как основа творчества») [55].

В обращении поэзии XX в. к «Слову о полку Игореве» проявился историзм лирики. В разного рода поэтических откликах, вариациях это произведение попадало в зависимость от субъективных намерений авторов. Но закономерно при этом, что «Слово» включалось в контексты, в которых прошлое сопоставляется с настоящим и будущим, чувство истории соотносится с чувством современности. В разные исторические периоды выводы, извлекаемые из этой аналогии, были различны. Характерно, что в послереволюционное десятилетие переклички со «Словом» равно используются в произведениях, говорящих о преимуществе настоящего перед прошлым, и там, где некоторое предпочтение отдано минувшему, и наконец, «Слово» звучит в стихах, где противопоставление времени старого и нового снято и присутствует философско-лирическое размышление, связанное с восприятием этих времен как единого исторического пути. Современная поэзия укрепила наметившееся еще в начале века в блоковском цикле «На поле Куликовом» отношение к «Слову о полку Игореве» как к тексту, при помощи которого утверждается идея преемственности разных исторических эпох и выражается лирическое переживание поэтом своей сопричастности прошлому и современности. Для всей поэзии XX в. особо значимой в «Слове» оказалась и его пафосная сторона, и его глубокий лиризм. Наше столетие в литературной судьбе «Слова» не просто новая хронологическая эпоха. Это век, события и настроения которого, влияя на творчество и мироощущение писателей, помогали им открывать в «Слове» все новые черты его художественного мира. Поэтическое освоение «Слова о полку Игореве» наглядно свидетельствует о высокой ценности и неисчерпаемом богатстве его семантического строя, о способности древней поэмы к постоянному возрождению для нового бытия.

---

[55] *Бальмонт К.* Указ. соч. С. 638.

Боню Ст. Ангелов
(НРБ)

«СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ» В ПЕРЕВОДАХ НА БОЛГАРСКИЙ ЯЗЫК

Среди произведений древней русской литературы, привлекавших внимание болгарских литературных деятелей еще до Освобождения Болгарии, находится ее классический памятник «Слово о полку Игореве», одно из прекраснейших и единственное в своем роде произведение во всех древнеславянских литературах.

Вследствие большого интереса, который «Слово» вызывает у всех культурных народов, оно переведено (в стихах или в прозе) на многие языки мира. Болгарская литература тоже проявляет интерес к этой великой национальной поэме Древней Руси, выраженный прежде всего в переводах и затем в некоторых кратких историко-литературных заметках, главным образом в связи с именем певца Бояна, упоминаемым в ней.

Первое сообщение о «Слове» встречаем в журнале «Цариградски вестник» (№ 13 от 27 марта 1848 г.) В нем напечатана статья «Русская литература», являющаяся показательной во многих отношениях для нашей литературной и культурной мысли того времени. Это первая научно-критическая осведомительная статья в нашей печати о русской литературе. В ней говорится сначала о древнерусской литературе, затем о времени Петра I, об Антиохе Кантемире, Ломоносове, Сумарокове, Крылове, Гнедиче, Пушкине и др. О «Слове» сказано: «В то время вышло в свет на русском языке довольно много басен и героическое стихотворение с заглавием: „Расказвание за бойт на княз Игор към половците" („Рассказ о бое князя Игоря с половцами")». Здесь отмечается «чудное стихотворство древних книжников» и говорится о Бояне, которого называют Соловьем всех времен, несмотря на то что многие из молодых спорили о том, что это имя относилось якобы в России ко всем стихотворцам, которые пели на царских праздниках о богатырских подвигах подданных царей» (с. 3).

Первый болгарский перевод «Слова» был сделан Райко Жинзифовым и издан в его книге «Новобългарска сбирска» (Новоболгарский сборник): «„Слово за пълкът Игорев", превод от старорусский язик. — Краледворска ръкопис, превод от чешский язик. — Гусляр Тараса Шевченка, превод от малоруско наречие. — Новобългарска гусла. Москва, 1863, с. 7—58».

В своем предисловии к переводу Жинзифов говорит о большом интересе в науке к «Слову», а также отмечает следующее: «А те несколько слов, которые читатели встретят ниже о „Слове“, заимствованы из изданий Дубенского, Гербеля и Максимовича, переводами которых мы пользовались, имея при них и первообразное „Слово“, которое мы прилагаем рядом с нашим переводом, чтобы читатели видели, насколько мы отдалились от первообразного и насколько верно мы передали на наш язык содержание „Слова“, и легче смогли заметить наши ошибки» (с. 8).

Затем Жинзифов дает краткое сообщение об открытии «Слова» в 1795 г. Мусиным-Пушкиным, о судьбе рукописи. Он указывает на существование уже 17 переводов «Слова» на разные языки, в частности на славянские — чешский, польский, сербский. «А на наш современный язык, если мы не ошибаемся, до сих пор перевода нет». В одном месте Жинзифов пишет: «Что нас заставило перевести „Слово“ на болгарский язык, здесь не место говорить, а хорошо ли переведено «Слово», пусть рассудят читатели, пусть тонко оценят как перевод, так и первообраз, и отметят в наших современных изданиях все наши ошибки, за что мы будем им благодарны от всего сердца» (с. 15). В своих заметках «К читателям» к переводу «Краледворской рукописи», изданному в этой же книге, Жинзифов до известной степени дает понять, почему он перевел «Слово». Во время работы Жинзифова еще не было установлено, что «Краледворская» и «Зеленогорская» рукописи были искусной подделкой чешского ученого и поэта В. Ганки. Говоря о «Краледворской рукописи» и об уничтожении древних чешских рукописей немцами, Жинзифов делает следующее лирическое отступление: «Здесь я, помимо моего желания, с сердечной грустью и прискорбием вспоминаю злосчастную судьбу, которая постигла болгарские древнеславянские книги и рукописи. Сколько народных сокровищ уничтожили и сожгли лютые преследователи нашей славяно-болгарской народности. . . Но несмотря на этот страшный потоп, который обрушился на нашу древнюю литературу, мы, современные болгары, потомки наших славных дедов, должны обыскать все наши церкви и монастыри и пр.; может быть, и осталось какое-нибудь древнее народное сокровище, в котором, как в зеркале, мы увидим жизнь наших дедов; может быть, и нам наша несчастная судьба оставила нетронутой какую-нибудь рукопись, как русским славное „Слово о полку Игореве“, чехам их „Краледворскую рукопись“ и пр.» (с. 62).

Замечательно то, что первый болгарский перевод «Слова» сделан в стихотворной форме. Р. Жинзифов решился дать болгарский стихотворный перевод этого классического произведения, которое он разделил на 12 частей. Перевод сделан на «тяжелом» для своего времени языке, на котором написаны все произведения Жинзифова. Этот перевод очень устарел, он труден для чтения и понимания, что хорошо видно уже в начальных стихах:

Дали не ляпо ке бяше за нас, братя,
С стари на приказн мачни слова мие
Да начнем песня за пълкът Игорев,
Игоря того сина Святослава!
И да ся начнит тая песня
По работи на сегашно време,
А не как що Боян задумвал?

Жинзифов не всегда придерживается оригинала, он допускает значительные отклонения, которые чаще всего ему приходилось делать из-за требований стиха. Поэтому перевод растянут (содержит 824 стиха). Кроме того, переводчик делает перестановки в тексте, вставляет слова и выражения, которых нет в оригинале. Прекрасный лирический пассаж: «О Бояне, соловию старого времени абы ты сиа плъкы ущекоталъ, скача, славию, по мыслену древу, летая умомъ подъ облакы, свивая славы оба полы сего времени, рища въ тропу Трояню чресъ поля на горы» — получил такой неточный и неуклюжий перевод:

О Бояне, славей от старо ни време!
Да беше запеял за ови дружини,
Летайки ти под облаци с ум свой,
Да беше свил слава на наше време
Тръчейки по Троянови трази
През поля широки на гори. . .

Слова «на наше време», «широки» отсутствуют в оригинале; глагольные формы тоже переданы неправильно.

Задача Жинзифова — создать первый болгарский перевод «Слова», тем более в стихах, — при тогдашнем состоянии нашей литературы и литературного языка была чрезвычайно трудна. Перевод Жинзифова свидетельствовал о его большой любви к великому русскому народу и к его литературе. Он имел значение и для болгарской литературы, так как ознакомил наш народ со «Словом» и вообще послужил важным моментом в развитии болгарско-русских литературных отношений. Жинзифов надеялся, что его перевод или сам оригинальный текст «поощрит кого-нибудь из болгар, более сведущих как в знании нашего народного языка, так и в знании древнего славянского языка, перевести «Слово» более полно, более верно и более гладко».

Но пожелание Жинзифова осталось надолго без отклика. После его перевода кое-где в нашей периодической печати встречались краткие заметки о «Слове», главным образом в связи с жизнью и деятельностью его первого переводчика [1].

Перевод Жинзифова «Слова о полку Игореве» вскоре после его обнародования получил правильную оценку в рецензии Любена

[1] См.: Свобода. 1870. № 24. С. 191; Марица, VI. 1883. № 483; *Бобчев С. С.* [Рецензия] // Наука. Пловдив. 1882/83. — II. № VIII/IX. С. 745—773. Рец. на кн.: Слово о полку Игореве / Пер. Р. Жинзифов; *Ихчиев Л. Д.* [Рецензия] // Изв. Семинара славян. филол. 1911. Вып. III. С. 516. Рец. на кн.: Слово о полку Игореве / Пер. Р. Жинзифов. В 1927 г. было сделано второе издание перевода Жинзифова в книге «Сочинения Райко Жинзифова». Подобрала Зора Здравева.

Каравелова вообще о «Новоболгарском сборнике» (см. г. Българска пчела. Г. II. 1864. № 3, 4, 5). В этой чрезвычайно важной рецензии Каравелова говорится: «У Жинзифова было весьма хорошее намерение, он хотел познакомить болгар с другими славянскими народами и с их литературой; его цель была прекрасна, но достиг ли своей цели Жинзифов — мы увидим ниже. «Новоболгарский сборник» не оправдал наших надежд; во-первых, эта книга плохо составлена, во-вторых, плохо переведана. В деле знакомства болгар с общеславянскими литературами, без всякого сомнения, никакие другие памятники не смогли бы так хорошо удовлетворить нас, как перевод «Слова о полку Игореве» и «Краледворской рукописи»; эти переводы принесли бы болгарам бо́льшую пользу, если бы Жинзифов исполнил добросовестно свой труд. Если Жинзифов по-детски откровенно говорит, что его перевод не стоит ни копейки, то и мы по-детски откровенно должны сказать, что образец «Слова о полку Игореве», который напечатан в конце его перевода, будет более понятен и значительно лучше познакомит болгар с «Словом», чем сам перевод» (№ 4,5).

Рекомендация Р. Жинзифова в отношении нового перевода «Слова о полку Игореве» начала осуществляться в 1886—1887 гг. на страницах литературного журнала «Мысль», выходившего в городе Силистра под редакцией Ивана Добрева. Редакция журнала руководствовалась желанием перевести на болгарский язык классические творения мировой литературы. Она нашла необходимым напечатать оригинальный текст «Слова о полку Игореве». Текст «Слова» дан в стихотворной форме согласно шестому изданию Гербеля (1881 г.). В следующем году редакция имела намерение напечатать и перевод «Слова», но это не было осуществлено из-за прекращения выпуска журнала. В заметке редакции говорится: «Мы подождем перевода песни на болгарский язык и тогда скажем о ней (песне) еще несколько слов как подтверждение нашей нынешней заметки». Важна заметка редакции о «Слове о полку Игореве», в которой говорится: «Мы только как исторический памятник перепечатываем как в оригинале русское „Слово о полку Игореве“, являющееся важным памятником древней русской литературы. Они, русские, датируют его XII веком, а в этот век болгарское царство было в своем расцвете под владычеством Калояна. Нет сомнения, что „Слово о полку Игореве“, будучи написано на древнеславянском языке, важно и для нас. . .» [2].

Проходит около 15 лет со времени этого второго напоминания о новом болгарском переводе «Слова». Учитель гимназии Ефрем Каранов снова переводит «Слово», которое выходит в свет в Кюстендиле в 1898 г. как оттиск «Литературно-научного сборника»,

---

[2] Текст «Слова» отпечатан в восьми последовательных номерах журнала с большим числом опечаток — № 5. С. 105—106; № 6. С. 130—131; № 7. С. 155—157; № 8. С. 178—179; № 9. С. 201—202; № 10. С. 225—226; № 11. С. 259—260; № 12. С. 278—279.

издававшегося в пользу «Общества помощи бедным ученикам» при Кюстендилском педагогическом училище (сам сборник вышел в свет в 1900 г.).

Этот перевод имеет заглавие: «„Слово за пълка Игорев“ (Обяснения и превод от оригинала в стихове)». Вступительные заметки Е. Каранова вкратце знакомят с историей «Слова» и с его поэтическими достоинствами, сжато передают содержание его отдельных частей. О переводе Жинзифова «Слова» Каранов говорит, что он «почти непонятен». Стихотворный перевод Каранова разделен на 15 частей, содержит 994 стиха и очень произволен. Каранов не соблюдает порядка самого оригинала и делает значительные перестановки. Переводчик вставляет новые фразы, которых нет в оригинале. Небрежное отношение переводчика к русскому тексту делает его перевод неточным, непоэтическим, значительно растянутым. Например, сжатое выражение: «Боянь же, братие, не 10 соколов на стадо лебедѣи пущаше, нъ своя вѣщиа пръсты на живая струны въскладаше; они же сами князем славу рокотаху» Каранов перевел очень непонятно и произвольно:

Но не соколи, братя, пускаше
Върх куда бели лебеди —
Той вещи пръстье мяташе,
Върх живи струни редеше,
А струни живи живнали,
На князе слава блекнали
И чудно замърморили.

Совсем определенный, краткий и ясный текст в «Слове»: «На Дунаи Ярославнънъ глась ся слышитъ, зегзицею незнаема рано кычеть» Каранов переводит следующими многословными стихами, не имеющими ничего общего со смыслом оригинала, кроме собственных имен:

Чий ли глас се тъй извива,
Сутрин рано се разлива!
Кой тъй жално си кукува,
Реде, плаче и тъгува!
Кукувица ли й незнайна,
Или туй е Ярославна —
Небе, земя тя заклиня
и съдбата си проклиня.

Вообще перевод Е. Каранова не лучше перевода Жинзифова. Основное различие до некоторой степени только в языковом отношении — он дан на более живом, современном переводчику языке [3].

Переводы Жинзифова и Каранова трудны для понимания, не передают настроения и мыслей великого древнерусского поэта.

---

[3] Краткое сообщение о переводе Каранова имеется в «Периодическо списание» (1899. № IX. С. 815): «„Слово за пълка Игорев («Слово о полку Игореве») Ефрема Каранова. Кюстендил, 1898, 8°, 44 стр. Это второй перевод на болгарский язык (после перевода Р. Жинзифова в „Новоболгарском сборнике“ 1863 г.) замечательной древнерусской поэмы».

Было необходимо сделать новый перевод «Слова». И действительно таковой появился — третий по счету, но уже в прозе. Этот перевод выходит в журнале «Светлина» (год. XV, 1907. № IX/X. С. 3—7) под заглавием «Слово за Игоревия поход» («Слово о походе Игоря»). Перевод сделан Бойчо Липовским (Николаем Василиевым), поместившем и свою статью «Почему мы даем третий перевод одного и того же произведения». Сначала Липовский излагает историю находки «Слова», затем упоминает о переводах Жинзифова и Каранова, которые не одобряет.

Будучи неудовлетворен стихотворными переводами «Слова», Б. Липовский ставит перед собой задачу дать точный и хороший прозаический перевод этого «единственного памятника — жемчужины не только древнерусской, но вообще древнеславянской поэзии». По выражению Липовского, его «перевод сделан в форме так называемых стихотворений в прозе, так как и сам текст „Слова" печатается обычно так. Разделение на части занимаем у Гербеля» (с. 3). Его перевод имеет значительно меньше отклонений от русского текста, чем другие переводы. Вопросительная форма высказывания мысли в начале заменена обычным повествовательным выражением: «Да наченем, братя, трудната песен за Игоревия поход, за похода на Игоря Святославича!» Местами переводчик вставляет дополнительные слова и подробности, которых нет в древнерусском тексте. Пример неправильного перевода: лирическое выражение «О, Руская земле! уже за шеломянемь еси» переведено: «О, руска земьо, пред гроба свой си вече ти!» Этот перевод извращает мысль поэта, который не говорит о том, что русская земля уже на пороге покорения, а говорит о грусти, охватившей русских воинов, когда они отдалились от своей родной земли, оставшейся «за холмом».

Тем не менее перевод «Слова», сделанный Б. Липовским, значительно ближе к русскому тексту, чем прежние два перевода. Он дан на современном болгарском языке, в форме «стихотворения в прозе»; этот перевод передает значительно лучше содержание и поэтические достоинства «Слова» [4].

Кроме полных переводов «Слова о полку Игореве» на болгарский язык — в стихах и прозе, — имеются также переводы отрывков из него. Такие отрывки переводит Хр. Кесяков; они напечатаны в «Хрестоматии по изучению словесности в старших классах гимназий, пятиклассных, педагогических и духовных училищах». Составили Ст. Костов и Д. Мишев (Пловдив, 1889, Т. II. С. 65—66). Под заглавием «Из „Слово о плъку Игореве"» переведено четыре отрывка: отправление Игоря в поход; обращение к галицкому князю Ярославу Осмомыслу; плач Ярославны и окончание. По сравнению с предыдущими стихотворными пере-

---

[4] Краткое извещение о переводе Б. Липовского имеется в Русском филологическом вестнике (1908. IX. С. 406), причем дается и маленькая цитата из него: «От заран до вечер, от вечер до зори летят стрели калени».

водами перевод Хр. Кесякова представляет значительный прогресс: он более гибок, более сжат, понятен и более лиричен. Перевод содержит 145 стихов с восьмью слогами. Вот несколько стихов:

О, драга руска землице
Хълмища тебе веч скриха.
Ето, нощ дълга настъпи;
Зарята слънце замести,
Мъгла полята обвила,
Славейска песен замлъкна,
Будни те врани гракнали.

Отдельный перевод «Плача Ярославны» под заглавием: «Плач на Ярославна (от Словото за Игоревийт полк) от Гербеля» появляется в старозагорском журнале «Знание», посвященном науке и литературе (год 1. 1884—1885, № 5. С. 65). В примечании говорится: «Слово о полку Игореве является русской эпической поэмой, написанной неизвестным поэтом в конце XII или начале XIII столетия. Сюжетом поэмы послужил поход удельного северского князя Игоря в 1185 году против половцев. . .» Этот перевод сделан Детелиновым (псевдоним Рачо Славейкова) и написан в размере хорея; он разделен на восемь строф — четыре содержат по четыре стиха, а другие четыре неравномерные. Прекрасной болгарской речью переводчику удалось передать лирическое настроение Ярославны. «Плач Ярославны» является самым выдержанным болгарским переводом этого знаменитого фрагмента «Слова» в конце XIX в. Вот две строфы из него:

Тъй в Путивл като тъжи
На връх градските стени,
Плаче млада Ярослава,
Горко стене пред зори

Слънце, слънце, трижды ясно!
Красно, топло си за вси,
Ти защо със свойте лъчи
Нашата войска изгори?

Спустя 50 лет после перевода Б. Липовского (1907 г.) в 1955 г. появляется новый перевод, задуманный по случаю 150-летия первого издания «Слова о полку Игореве». Новый перевод сделан известным болгарским писателем Людмилом Стояновым и носит заглавие «Песен за похода на Игор, Игор Святославич, внук Олегов». В богато орнаментированной книге дается также и древнерусский текст поэмы. Помещены и исследования, посвященные «Слову». Издание начинается вступительной статьей Л. Стоянова, в которой он восхищается замечательным древнерусским произведением. Для него «Слово» — художественное произведение, отличающееся силой образов, высоким пафосом своей основной идеи. Неизвестный автор поэмы, как высокообразованный сын своего времени и пламенный патриот, способствует народному единству против крамол феодальных князей, объединению Русской земли.

Болгарская академия наук, подчеркивает Л. Стоянов, «должна была удовлетворить потребность в новом переводе „Слова“, согла-

сованном с требованиями современного болгарского языка, используя новейшие исследования текста. Нужно было дать эту замечательную русскую национальную поэму в руки нашего читателя не только потому, что он интересуется ею, но и для того, чтобы исполнить свой долг по отношению к великому русскому народу и русской литературе». Дальше Л. Стоянов рассказывает, через какие этапы прошел его перевод, выражает благодарность акад. Н. Лилиеву и проф. Н. М. Дылевскому, которые приложили «значительные усилия для выяснения древнерусского текста».

Вступительная статья Л. Стоянова была новым словом в нашем литературоведении. Она отличалась глубокой гражданственностью, эмоциональностью, серьезным отношением к научной литературе, посвященной «Слову», и к его современным переводам. Причиной этого является не только современное развитие болгарского литературного языка, но и творческое отношение поэта Л. Стоянова к делу, которым он занялся, максимальное сближение с духом и пафосом «Слова». Его перевод «Слова» производит впечатление прежде всего своей эмоциональностью, близкой к эмоциональности оригинала. Он как бы передает читателю чувства древнего поэта. Порядок слов, принятый Л. Стояновым, также хорошо понятен (по сравнению с прежними переводами). Например:

а) Не е ли хубаво, братя,
да започнем със старинна реч
повестта тъжовна
за похода на Игор,
Игор Святославич?

Не лепо ли ны бяшеть, братие,
начати старыми словесы
трудных повестий о пълку Игореве,
Игоря Святъславлича?

б) Гласът на Ярославна край Дунав се чува,
като кукувица клета рано кука:
«Ще литна — казва — като
кукувица покрай Дунав,
ще наквася бобров ръкав
в река Каяла,
ще измия кървавите рани
по могъщата снага на князя.
Ярославна рано плаче
на стената във Путивъл
и нарежда:
«О, ветре-ветрило!
Що насреща, господарю, вееш!»
Що тъй носиш хиновски стрели
на крила си леки
срещу воините на моя мил? [5]

На Дунаи Ярославнын глас ся слышит,
зегзицей незнаема рано кычеть:
«Полечю, — рече — зегзицею по Дунаеви,
омочю бебрян рукав в Каяле реце,
утру князю кровавыя его раны
на жестоцем его теле

Ярославна рано плачет
в Путивле на забрале, аркучи:
«О ветре, ветрило!
Чему, господине, насильно вееши!
Чему мычеши хиновскыя стрелкы
на своею нетрудною крилцю
на моея лады вои?

---

[5] Рецензии на перевод: *Метева Е.* Людмил Стоянов като преводач на древноруската поема «Слово о полку Игореве» // Людмил Стоянов: Изследвания и стадии за творчеството му. С. 1961. С. 291—316; *Русакиев С.* Едно културно събитие «Слово о полку Игореве» на български // Вечерни новини. 1956. № 55. 5 март; *Генов Кр.* Достоен поетичен превод на «Слово о полку Игореве» // Език и литература. 1956. № 3. С. 244—246; *Лихачев Д. С.* Новое болгарское издание «Слова о полку Игореве» // Славяны. 1956. № 7. С. 57—59; *Корнилов П.* «Слово о полку Игореве» на български // Литературна мисъл. 1958. № 1. С. 143—144.

Самый новый полный болгарский перевод «Слова» сделал Кирилл Кадийский — в качестве своей студенческой дипломной работы — в 1971 г. Перевод опубликован в 1978 г. в книге Велчо Велчева «Руската литература в образци и очерци» (с. 64—70). Из исследования Михаила Михайлова «Българските преводи на „Слово о полку Игореве"»[6] узнаем, что К. Кадийский был награжден за этот перевод Кабинетом студента-писателя «Димчо Дебелянов» в 1973 г.

Перевод сделан в стихах и носит заглавие «Слово за похода на Игор, Игор — син Святославов, внук Олегов». В нем хорошо передано лирическое настроение оригинала, выражен пафос древнерусского поэта. Наряду с этим следует отметить, что во многих местах в переводе имеются значительные отклонения от оригинального текста — неточный перевод отдельных слов, вставленные слова и выражения, которых нет в «Слове», и пр. Например:

Оригинал:

О, Бояне, соловию стараго времени! Абы ты сиа плъкы ущекотал, скача, славию, по мыслену древу, летая умомъ подъ облакы, свивая славы оба полы сего времени, рища в тропу Трояню чресъ поля на горы.

Перевод:

О, Бояне, славею от старо време! Ако ти възпееше дружините, о славею, заскачал по мисловното дърво, с ума си полетял под облаците, спомнил стародавна и сегашна слава — вълк препуснал по пътеката Троянова през поля към планини.

Все болгарские переводы «Слова о полку Игореве» (за исключением перевода Кирилла Кадийского) сопровождаются более или менее обширными вводными заметками, в которых раскрываются история «Слова» и его поэтические качества. В некоторых заметках подчеркивается, что «Слово» может иметь значение и для нашей культурной истории. Все переводчики принимают «Слово» как великое творение древнерусской литературы (XII в.). Следует отметить также, что интерес к «Слову о полку Игореве» у нас возник еще до Освобождения (перевод Райко Жинзифова и рецензия Любена Каравелова). Это определяется сильным влиянием русской литературы и культуры на развитие болгарской литературы, а также глубокими братскими чувствами нашего народа к русскому народу. В первые годы после Освобождения интерес к «Слову» усиливается, что является результатом укрепляющихся культурных связей между обоими народами.

После Девятого сентября 1944 г., когда Советская Армия освободила болгарский народ от ига фашизма, наступил основной перелом в нашей общественной, экономической и культурной жизни. Теперь дружба и братские экономические, общественные и культурные связи с советским народом, и в первую очередь с русским народом, стали основным условием успешного развития бол-

---

[6] Трудове на Великотърновския университет «Кирил и Методий». Велико Търново, 1980. Т. 15, кг. 1: Филологически факултет 1978—1979. С. 46.

гарского народа по пути социализма. Интерес к произведениям классической русской и советской литературы растет с каждым днем. Отражением этого возросшего интереса является и новый болгарский перевод «Слова о полку Игореве», сделанный акад. Л. Стояновым. В годы монархо-фашистской реакции Л. Стоянов сделал много переводов произведений русских и советских писателей — А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Л. Н. Толстого, И. С. Тургенева, Н. Островского, В. В. Маяковского и др. Кирилл Кадийский продолжил его дело, так как он перевел не только «Слово о полку Игореве», но и некоторые художественные произведения советской литературы.

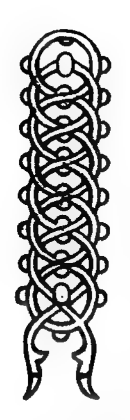
Новые поэтические переводы «Слова о полку Игореве», основанные на новейших русских переводах и последних исследованиях советской науки о «Слове», являются ценным вкладом в укрепление связей нашей развивающейся социалистической литературы с русской и советской литературой, вкладом в развитие болгаро-советской дружбы.

М. Бабович

(СФРЮ)

ИЗУЧЕНИЕ «СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ» В ЮГОСЛАВСКОЙ РУСИСТИКЕ

«Слово о полку Игореве» — произведение, по художественной ценности превосходящее все литературные творения в течение семивекового развития древней русской словесности, почти два столетия тому назад стало предметом интенсивного изучения в славяноведении и сохранило до наших дней статус актуальной темы как в русском, так и в зарубежном литературоведении.

Однако вряд ли в какой-нибудь из европейских стран «Слово» вызвало такой интерес, как у южных славян (переводы —девять на сербохорватский, два на словенский, два на македонский языки)[1]. Изучение «Слова» шло наряду с переводами. Переводчики должны были знакомиться, хоть частично, с комментариями и исследовательскими работами, посвященными «Слову», и таким образом вникали в проблематику этого загадочного древнерусского памятника. Переводчики чувствовали необходимость дать читателям ряд объяснений, поэтому большинство переводов «Слова» на южнославянские языки сопровождалось предисловиями, примечаниями, послесловиями, на основании которых мы формируем представление об уровне их значений о «Слове». Кроме того, переводы показывают, в какой степени их авторы были в состоянии понимать и воспринимать поэтический текст «Слова», чтобы переложить его на свои родные языки.

Так было вначале. Но когда этот древнерусский памятник стал более известным югославянским славистам, тогда изменились и подход к проблематике памятника, и профиль работ, исследующих его. Статьи общего характера сменили работы, трактующие

---

[1] *Светић М.* Песна (Слово) о полку Игоревом // Голубица. Београд, 1842. N 4; *Он же.* Слово о полку Игоревом // Сабрана дела. Сремски Карловци, 1858. Кн. 2; *Жинзифов Р.* Слово за пълкът Игорев. М., 1863; *Pleteršnik M.* Slovo o polku Igorjeve. Celovec, 1866; *Megiћ D.* Слово о полку Игоревом. Св. Петроград, 1870; *Utješenović O.* Slovo o puku Igorevu. Vila Ostrozinska. II Beč, 1871; *Његош П. П.* Зайјев, Помрчање, Погибија, Плач Јарославнин, Годишњица Николе Чупића св. 24. Београд, 1905. *Шајковић И. Др.* Песма о војевању Игорову. Нови Сад, 1930; *Шајковић И. С.* Песма о војевању Игорову. Хелсинки, 1939; *Nahtigal R.* Slovo o polky Igorjeve. Ljubljana, 1954; *Панић-Суреп М.* Слово о полку Игореву. Београд, 1957. *Badalić J.* Srjev o vojevanju Igorevu // Slavistična revija. 1957. N 1—4; *Димитровски Т.* Слово за походот Игорев. Скопје, 1957; *Недић В.* Песма о ратовању Игорову // Летопис Матице српске. Нови Сад.

конкретные вопросы: о времени возникновения памятника, об открытии рукописи, о публиковании ее, о разногласиях в толковании «темных мест» и т. д.

Первые известия об открытии рукописи «Слова» появились в сербской периодике с 30-летним опозданием: в альманахе «Сербская пчела» за 1832 г. в библиографическом обзоре упоминается: «Песнь Игорева. Сь овым драгоценным памятником поезие наши предкова, вели г. Воейков, купленым Графом Мусиным-Пушкиным отъ Архимандрита Спасо-Ярославскогь манастыра (Иоиля) у едной кньиги налази се йошт у следуюћем реду: кньига называема Хронограф. . .» [2].

Однако нельзя сказать, что у нас ничего не знали об этом литературном памятнике. Та часть югославянской интеллигенции, которая училась в Петербурге, Москве, Киеве или в Праге и Вене, могла и раньше узнать о находке «Слова», так как уже в 10-е годы XIX в. в русской периодике немало писали об этом событии. Есть еще одно доказательство. Ф. Я. Прийма в недавно опубликованной книге приводит интересный факт — переписку Я. И. Булгакова с сыном, служащим в русском посольстве в Вене.

В письме от 26 ноября 1806 г. Булгаков сообщает сыну, что через итальянца Болони посылает ему «Игореву песню» с целью отдать ее кому-нибудь из сербов или славян с просьбой «перевести ее на славянский язык, ежели будет ее разуметь. Она писана старинным русским языком; мы ее переводили; но половины слов и выражений сами не понимали. Не лучше ли поймут ее славяне». А. Я. Булгаков в письме от 10 января 1807 г. известил отца о своем намерении один экземпляр «послать в Карловиц к митрополиту, человеку умному и знающему хорошо славенской и русской язык». Летом же того 1807 г. А. Я. Булгаков сообщает отцу: «Об Игоре писал вам пространно. По сие время не прислал еще его ко мне архиеписком карловицкой, но он мне обещал переводом его заняться, я ему на сих днях напомню, ибо он позволил мне к себе писать» [3].

Приведенные отрывки из переписки Булгаковых показывают, что митрополит карловацкий Стефан Стратимирович уже в начале 1807 г. получил список или первое издание «Слова», подготовленное А. Ф. Малиновским и Н. Н. Бантыш-Каменским. Естественно предположить, что он о памятнике говорил близким людям. Поэтому если не раньше, то в 1807 г. известный круг образованных людей в Новом Саде и в Карловицах знал об обнаружении «Слова».

Нет сомнения в том, что «этот драгоценный памятник» тогда у нас мог привлечь внимание только немногочисленного круга культурных деятелей.

В предисловии к своему переводу «Слова» Д. Медич писал, что «Людевит Гай из всех южных славян больше всего старался

---

[2] Сербска пчела. Будим. 1832. С. 123.

[3] *Прийма Ф. Я.* Слово о полку Игореве в русском историко-литературном процессе первой трети XIX века. Л., 1980. С. 42—44.

объяснить „Слово" и был одним из тех, которые хорошо его понимали». Объясняя значение слова «див», Медич писал: «Гербель говорит, что объяснения Минаева и Максимовича неверны, и указывает на мнение Л. Гая, что «див» зловещая птица. . . и может быть, что у нас филин» [4].

Приведенное мнение Медича может внушить мысль о том, что Гай занимался толкованием «Слова». Может быть, и готовился переводить его. Однако в описи его библиотеки не находим ни одного русского издания «Слова», а только переводы Ганки на чешский и А. Беловского на польский язык. Кроме того, в библиографии работ Гая не упоминается ни одна статья о «Слове». В его корреспонденции также нет данных о том, что он занимался комментариями текста памятника. Первые русские сербокроатисты, Срезневский и Прайс, которые встречались с Гаем в Загребе в 1841 г., в своих письмах не упоминают о его занятиях «Словом».

Итак, у южных славян не писали о «Слове» до начала 40-х годов, пока Милош Светич в «Голубице» не опубликовал свои «Примечания к „Слову о полку Игореве"», интересные в разных аспектах. Во-первых, они определяют уровень тогдашних наших знаний о «Слове» и, во-вторых, указывают на источники, из которых черпались сведения о нем. Светича интересуют вопросы жанра произведения, личности поэта, композиции и стиля памятника, возникновения «темных мест» — вопросы, которыми чаще всего занимались исследователи «Слова». Наконец, этой скромной работой сербское литературоведение включилось в мировой процесс изучения знаменитого древнерусского литературного памятника.

Светич в своих «Примечаниях» не упоминает исследователей, считающих «Слово» мистификацией, и в его работе выражено убеждение, что «Слово» «подлинное литературное произведение XII века». Одновременно этой констатацией выражается и его взгляд на вопрос о времени возникновения памятника. Что касается личности автора «Слова», то Светич думал, что он был монахом, вероятнее всего, киевского монастыря Богородицы Пирогощей. К такому выводу его привела полемическая позиция автора «к Бояну, который много выдумывал и был народным придворным поэтом». Но Светич считает, что автор «Слова» не освободился до конца от влияния Бояна, потому что поэзия Бояна жила в его сознании, в силу чего «он не мог избежать в своей повести употребления его выражений, где это ему казалось удобным». На его взгляд, Боян и автор «Слова» не писали на одном и том же языке: первый, как и все народные певцы, выражался языком народа, а поэт «Слова» писал на «церковно-библейском языке». Интересно отметить факт, что Светич не согласен с довольно распространенным тезисом, что «Слово» написано в стихах и является произведением народного творчества. «Я никак не согласен с теми писателями, которые считают и проповедуют, что эта повесть по

---

[4] *Медић Д.* Указ. соч. С. 25.

форме и по содержанию является чистейшим поэтическим творением русского народного духа оного времени». Светич полемизирует с Востоковым и Максимовичем. Первый в своем труде «Основы русского стихосложения», опубликованном в 1817 г., не мог окончательно решить вопрос, написано ли «Слово» в стихах или прозе и остановился на заключении: «Слог „Слова о полку Игореве" прозаический, но можно его разделить на довольно равномерные периоды или стихи». На вопрос: сочинено ли «Слово» для пения, и если для пения, то в стихах ли или в прозе, Максимович ответил: «Решить этот вопрос я не умею». В отличие от упомянутых исследователей Светич думает, что «поэт эту повесть написал не в стихах, а в прозе. Она лишена поэтической формы, поэтому и неудобна для пения, однако она изобилует многими поэтическими красотами и фигурами, хотя не всегда равномерным ритмом выраженными».

Стилевую сложность «Слова» Светич почувствовал в работе над его переводом. В «Примечаниях» же он указывает на два стилевых пласта, формирование которых пытается объяснить тем, что поражение князя Игоря сначала стало темой народных песен, и когда поэт «Слова» этот мотив воплощал в прозе, то включал в текст и стихи из былин, которые знал наизусть. Как даровитый поэт он не мог не почувствовать, что некоторые моменты событийного плана нельзя было образнее выразить, чем это народный певец уже сделал. Поэтому, хотя и «преображены, разбросаны, перешиты и перелиты в прозу и церковнославянский язык», стихи все-таки сохранили в себе красоту народной поэзии и обогатили разнообразием повествование «Слова».

В зависимости от такого подхода к пониманию стиля «Слова» Светич трактовал и композицию памятника. Так как поэт включал в свою поэму и заимствования, то они, не сливаясь с его речью, обусловили неединство структуры произведения: «Всюду чувствуется, что произведение составлено из ряда песен, сшито и повязано». Суммируя свои мысли о «Слове», Светич в заключение «Примечаний» писал: «Следовательно, так как повесть Игорева не представляет собою стихотворное сочинение, также нельзя считать ее по языку и форме настоящим и чистым выражением народного песенного творчества, пропущенного через душу и язык монаха того века, в форме церковно-библейской сохранено и потомству передано; посредством ее лучи народного поэтического творчества и его красот того времени светят нам из этой повести» [5].

Публикуя в 1858 г. свой новый перевод «Слова», Светич не менял текст своих «Примечаний», свидетельствуя этим, что его понимание памятника, изложенное десятью годами раньше, не изменилось. Основанные на работах Востокова, Гербеля и Максимовича, «Примечания» Светича знакомили югославского читателя с результатами, достигнутыми русским литературоведением в изу-

---

[5] *Светић М.* Слово о полку Игоревом. С. 176.

чении «Слова». Одновременно они были несомненно полезны в пробуждении интереса южных славян к древнерусской литературе.

Усилению интереса к «Слову» помогли и лекции Франи Миклошича, читанные в 1852/53 учебном году студентам славистики в Венском университете. По этому поводу «Словенская пчела» в номере от 21 ноября 1852 г. писала: «Наш славный земляк господин профессор Миклошич в этом учебном году толкует „Слово о полку Игореве“». Газета «Новице» («Новости») 30 ноября того же года, отмечая курс лекций Миклошича, дала и краткую оценку предмета его исследований: «Профессор Миклошич в этом году в Вене читает лекции о прекрасной старорусской песне о полку Игореве». Миклошич пробудил любовь к «Слову» в одном из своих слушателей — М. Плетершнике, сделавшем по окончании университета первый перевод этого произведения на словенский язык. Свой перевод он также сопроводил предисловием, в котором изложил основную информацию о памятнике. По мнению Плетершника, «„Слово“ — героическая песня, которая не в стихотворной форме излагает событие, случившееся в двенадцатом столетии». По сравнению со Светичем он дает более конкретное сообщение об авторе «Слова»: «Из песни можно понять, что поэт был ровесник Игорев и член его дружины». Данные для своих комментариев Плетершник брал из приложений к немецкому переводу «Слова» А. Болтца и к чешскому переводу М. Хаталы, в чем сам признается: «Из этих книжек взяты большинство сведений, сопровождающих перевод». Плетершник уделяет одинаковое внимание и литературоведческим вопросам, и исторической ситуации в Киевской Руси времени возникновения памятника. Трудный для понимания оборот «свивая оба полы сего времени» предлагает переводить так: «. . . соединяя былую славу времен князя Владимира с нынешнею славою Игоря». В основе «темного места» «рыща в тропу трояню» Плетершник видит фигуру сравнения князя Владимира с римским императором Траяном, «который так же счастливо царствовал». Карна и Жля, по его мнению, половецкие ханы. Апострофу «О Руская земле! уже за шеломянем еси» он понимает и переводит возгласом: «О, земля русская, ты уже в опасности». Естественно предположение, что Плетершник пользовался и объяснениями, узнанными на лекциях Миклошича. Второй ученик Миклошича, Я. Трдына, в своих «Воспоминаниях» приводит его оценку «Слова»: «Эта песня самая чудесная из всех, которые когда-нибудь были у меня в руках» и добавляет, что Миклошич так восторгался «Словом», что почти половину текста знал наизусть. Удивительно, однако, что Р. Нахтигал в своей книге о «Слове» не упоминает ни одной работы Миклошича об этом литературном памятнике.

В отличие от Светича и Плетершника Франя Маркович в своей работе «О славянских балладах» трактует «Слово о полку Игореве» как произведение устного творчества. Поэтому он не затрагивает ряд вопросов, которыми занимались Светич и Плетершник. Инте-

ресны три тезиса Марковича: объяснение демографическим фактором персонификации природных явлений в славянских балладах и в «Слове»; утверждение, что на славянскую балладу и на «Слово» влияло устное творчество скандинавских племен; это влияние заметнее всего в фантастике, идеале героизма и в образцах мужской и женской красоты: «Владычество германских героев оставило следы в древнейших памятниках русского духа: в „Начальной летописи Нестора“ и старейшей великорусской песне „О войне Игоря Святославича“, возникшей в начале XIII века». Второй тезис Марковича и состоит в датировке возникновения «Слова» началом XIII в. Самый спорный его тезис третий: положение, что славянская мифология начала исчезать еще до крещения Руси: «Боготворение природы постепенно преображалось в более разумную любовь к природе как верной подруге человека». Текст «Слова», однако, не давал Марковичу аргументы для такого вывода, напротив, в этом памятнике, возникшем через два столетия после принятия христианства, сохранился словенский языческий Олимп, а бог в христианском понимании упоминается только раз и, вероятно, представляет интерполяцию в более поздней редакции памятника.

В 1870 г. в Петербурге опубликован перевод в стихах «Слова» Данила Медича. Для понимания этого «важнейшего памятника древней русской литературы» Медич составил два приложения: введение и предисловие, в которых изложил необходимые сведения о русской истории и культуре киевской эпохи. Он часто ссылается на Гербеля, опиравшегося, в свою очередь, на «Историю государства Российского» Карамзина. Медичи пишет о Киевском княжестве, «колыбели славянской государственности», о крещении Руси в 988 г., об усобицах, набегах кочевников — половцев, о плане киевского князя Святослава разгромить половцев, о зависти Игоря и Всеволода, которые «не могли допустить, чтобы Святослав прославился», и до общего похода напали на половцев. Несмотря на некоторые ошибки, это самая богатая информация об исторической канве «Слова», какую переводчики до Медичи не предоставляли югославскому читателю. В комментариях Медич постоянно ссылается на Дубенского, Шишкова, Вельтмана, Максимовича, Тихонравова, Гербеля. Хотя большинство сведений он перенял от них, Медич не всегда согласен с ними и отдает предпочтение другим исследователям и переводчикам «Слова». Так, например, по поводу текста «О! стонати Руской земли. . .» до «копия поют» Медич пишет: «Это одно из самых трудных для понимания мест во всей поэме. Каждый переводчик переводит его как знает и умеет; я следовал поляку Кращинскому, потому что он это место понимал лучше самого Гербеля». Медич объяснил словосочетания «трудная повесть», «тропа Трояна», «угорские иноходцы», «седло кощиево», «истягну ум крепостию», дал топографическую информацию о местности, на которой произошло сражение. Что касается композиции произведения, Медич пишет: «Несмотря на целостность „Слова“, которую никто не отрицает, в нем все-таки за-

метны две части, отступающие от целого, а именно четвертая и девятая песни» [6].

Годом позже Медича, в 1871 г., опубликовал свой перевод «Слова о полку Игореве» Огнеслав Утешенович-Острожинский. В предисловии и комментариях он дает точную информацию о сборнике, в котором найдена была рукопись «Слова» — «жемчужина древнерусской поэзии конца XII столетия», о потере подлинника в пожаре Москвы в 1812 г., приводит известные ему издания. Острожинский пользовался главным образом комментариями Тихонравова и Эрбена, на основании которых предлагает новые толкования ряда «темных мест». Например: «О, Руская земле! уже за шеломянем еси!» Это место Утешенович перевел так: «О, руска земльо већ си за шеломјаном!» — и объяснил следующим образом: «Шеломян значит броня, укрепление». Поэтому вторая часть стиха значит: «. . .ты уже без обороны». Он не согласен с прежними объяснениями текста «рыща вь тропу Трояню» и предлагает новое толкование: «Все прежние издатели этой песни читали и понимали это место как по следу Трояна». Но профессор Тихонравов считает такое чтение ошибочным и предлагает читать «по следу Бояна», т. е. древнего поэта, упоминавшегося раньше. Без этого было бы это место совсем непонятно, ибо русская история не знает никакого Трояна; еще неубедительнее было бы относить это место к римскому императору Трояну или к какому-нибудь переселенцу из Трои. Текст «За нимь кликну Карна и Жля. . .» Утешенович объясняет совсем иначе, чем Светич, Плетершник и Медич: «Прежние издатели „Слова“ читали здесь „За ним кликнули Карна и Жла“ (половецкие воеводы), но Эрбен доказывает, что это место говорит о войне и усобицах; поэтому Карна и Жля значат кара и зло, которые нахлынули на землю русскую, метая пожар из рога пламенного» [7].

Еще одно место Острожинский объяснил лучше своих предшественников. Текст: «Рекъ Боянъ и ходы на Святславля, песнотворца старого времени Ярославля, Ольгова, коганя. . .» — Медич, например, не понял и считал, что наряду с Бояном здесь упоминается и второй поэт — Ходина. Утешенович, напротив, вслед за Эрбеном перевел это место так: «Рече Бојан и пријеће на Свјетослава пјесмотворца, старого времена Јарослава, Ољгова господства похоте». Признав в комментариях неясность места, Утешенович пишет: «Это место так плохо читано от прежних издателей, говорит Эрбен, что было непонятно, а причина тому — необыкновенный порядок слов. Он читает это место так, как здесь и переведено». Насколько же это место трудно для перевода, свидетельствует и вариант академика Орлова, который пользуется конъектурой и переводит: „Сказал Боян и конец для (меня)

---

[6] *Медић Д.* Указ. соч. С. 12.
[7] *Утјешеновић О.* Слово о полку Игореву. Беч, 1871. С. 229.

песнотворца Святославова, песнотворца Ярославова старого времени, Олегова княжеского. . ." [8].

Так как переводы и комментарии Медича и Утешеновича опубликованы почти одновременно, они воспринимались читателем в сопоставлении; это подтверждает тот факт, что и в рецензии В. Ягича они постоянно сопоставляются. Ягич тогда был несомненно лучшим знатоком русского языка и литературы у южных славян. Не вдаваясь в подробности, он уделил максимальное внимание подходу переводчиков к тексту «Слова». По его мнению, Утешенович переводом в прозе поступил целесообразнее Медича, выбравшего стих. Кроме того, «перевод Утешеновича ближе к тексту подлинника, а Медич переводил по образцу русских переводов в стихах».

«Утешенович старается в своем переводе быть верным подлиннику, поэтому перевел в прозе, сохраняя всюду, где это было возможно, лексику и стиль произведения. Подражая русским стихотворным переводам, Медич выбрал строфу Гундулича, чтобы в этой форме показать нам эту поэму. Его выбор мне кажется нецелесообразным. Кто знает содержание „Слова о полку Игореве", тот согласится с этим моим замечанием» [9].

Более обширно Ягич занимается «Словом» в своей работе «Материалы для славянской народной поэзии», опубликованной в 1876 г. Это ценнейшая специальная работа о «Слове», появившаяся на сербохорватском языке в XIX в. Решая вопрос жанра памятника, Ягич выдвигает тезис о том, что былина как литературный жанр существовала и на южнорусской территории, и в доказательство приводит «Слово» и «Задонщину» — единственные памятники этого типа, дошедшие до нас.

Кроме того, Ягич видит в «Слове» и ряд особенностей украинских дум, поэтому делает вывод: «Слово», в сущности, представляет синтез былины и думы: «Что такое „Слово", несмотря на его исковерканный вид? Только малороссийская дума XII—XIII веков или малороссийская былина того времени, и одно и другое определение считаю подходящим» [10].

Сходство «Слова» с севернорусскими былинами Ягич видит в роли певца, сходство же с думой — в выборе темы и манере повествования. В отличие от былин, прославляющих героизм и победы, дума чаще всего оплакивает поражение. В доказательство своего тезиса Ягич приводит факт, что в «Слове» упоминается владимирский цикл народных песен, в чем выражается желание автора связать свое произведение с циклом старинных былин. Этим желанием, на взгляд Ягича, и мотивируется упоминание Бояна в памятнике. В противовес мнению, что Боян был поэтом князя Ярослава, Ягич утверждает, что Боян мифическое лицо.

---

[8] *Орлов А. С.* Слово о полку Игореве. Л., 1946. С. 87.
[9] *Jagić V.* Grada za slovensku narodnu poeziju // Rad JA. 1870. Кн. 37. С. 96.
[10] Там же. С. 102.

Его образ поэта и интересует как феномен в процессе возникновения мифа в народе, поэтому наряду с его талантом выдвигается и другая его особенность, приписанная ему легендой, — необычайное умение подражать. Его песни были известны в народе, пленяли и в сознании примитивного человека вызывали представление, что поэт — божественное существо, поэтому Боян в «Слове» и называется «внуком бога Велеса». Указывая на тезис Венелина, по которому Боян был одним из сыновей болгарского царя Симеона, Ягич думает, что здесь мы имеем дело с одним и тем же мифом, распространявшимся в двух вариантах — на русской и на болгарской территории. У русских поэт был божественного происхождения, у болгар же — царского рода. На взгляд Ягича, «Боян или Баян — имя коллективное, в котором вся народная поэзия получила свою персонификацию, свое настоящее начало» [11]. Большинство остальных толкований для Ягича представляют лишь «остроумные догадки».

Для своей концепции, определяющей «Слово» как реликт когда-то развитого литературного жанра, Ягич находит подтверждение во влиянии, которое это произведение оказало на южнорусские летописи, украинские думы и в особенности на «Задонщину», поэт которой очевидно зависит от «Слова», «от его образов, интонации повествования и описания поражения». Сопоставляя сходные места этих двух памятников, Ягич указывает, какие из них переняты в целости, а какие только модифицированы. Значение «Задонщины» он видит прежде всего в том, что она доказывает аутентичность «Слова», «ибо не может быть никакого сомнения в том, что автор „Задонщины" хорошо знал „Слово" и брал из него отдельные места в целости, почти слово в слово, и включал в свое произведение». Ягич отвергает тезис, что поэт «Задонщины» знал «Слово» по устной словесности, и считает, напротив, что он «имел в руках текст, читал его своими глазами».

Мысли Ягича о «Слове», хотя изложены в работе, не посвященной специально этому памятнику, представляют первую у южных славян научную работу, исследовавшую специальную проблему: соотношение «Слова» и народной эпической поэзии. Удивительно, однако, что Ягич не касался вопроса соотношения «Слова» и народной поэзии южных славян, хотя эта тема интересовала не одного исследователя известного памятника.

С 70-х годов до конца прошедшего столетия не встречаем новых переводов «Слова» или статей о нем. В «Истории сербской литературы», вышедшей в 1876 г., Стоян Новакович пишет о М. Светиче как поэте, но не упоминает о его переводе древнерусского памятника. О «Слове» не говорится и в монографии «Жизнь и деятельность Й. Хаджича-Светича», изданной в 1899 г. в Новом Саде. Неожиданнее всего факт, что Никола Андрич в своей книге «Переводная беллетристика у сербов с 1777 по 1847 годы», напечатанной

---

[11] Там же. С. 104.

в Загребе в 1892 г., хотя и говорит о переводческой деятельности Светича, не упоминает о его переводе «Слова». Это не может быть результатом незнания, а, очевидно, является следствием каких-то других причин.

Первые десятилетия XX в. также не принесли новых значительных работ о «Слове». Это можно до некоторой степени объяснить тем, что освободительные войны Сербии и Черногории, оккупация Австрией Боснии и Герцеговины выдвинули на первый план национальные интересы и темы, оттеснив на второй план все другое. Как бы то ни было, за 30 лет появилось только несколько заметок, посвященных «Слову». Андра Гаврилович во введении к переводу Негоша четырех отрывков из «Слова», опубликованных в 1905 г., знакомит читателя только с основной информацией о памятнике. Также не превышает рамки информации и опубликованная в 1913 г. в газете «Браник» анонимная статья о А. С. Петрушевиче — «лучшем литературоведе и языковеде Галицкой России, которому принесли славу его работы о старорусском литературном памятнике „Слово о полку Игореве“» [12].

С начала 30-х годов у нас заметно возрастает интерес к «Слову», чему способствовали главным образом два момента: появление нового перевода Ивана Шайковича в 1930 г. и юбилей 750-летия возникновения «Слова», который отмечала югославская периодика в 1938—1939 гг.

В обширном предисловии к переводу Иван Шайкович затронул многие вопросы, связанные с изучением «Слова». По его мнению, не только древнерусская, но и новая русская литература «не дала более драгоценного произведения». Он ссылается на высказывание Пушкина, что в произведениях всех русских поэтов XVIII в. нет столько поэзии, сколько в кратком тексте «Слова». «По своему значению и художественной красоте оно превосходит уровень национальной ценности и входит в число общечеловеческих, равняясь с „Песнью о Роланде“ и другими литературными произведениями мирового значения» [13].

В первой части предисловия Шайкович полемизирует с тезисами В. Перетца о «Слове». Ему, очевидно, мешает трезвая оценка общественной обстановки в Киевской Руси, разрушающая романтические представления о ней, поэтому анализ и оценки Перетца воспринимаются Шайковичем как намеренное издевательство над традицией. Оппонируя Перетцу, Шайкович подбирает цитаты из «Изборника Святослава», Лаврентьевской летописи и «Истории» Ключевского, стараясь доказать, что русские князья вели борьбу не только за власть, но и за народное благополучие, поэтому Киевская Русь и достигла такого высокого культурного уровня. Надо сказать, однако, что, помимо воли автора, его полемика

---

[12] Браник. 1913. Бр. 228. С. 3.
[13] *Шајковић И. Др.* Указ. соч. С. 14.

с Перетцем формировала у югославского читателя убеждение, что гораздо больше правды в том, что он оспаривал, чем в том, что хотел доказать.

Касаясь вопроса подлинности «Слова», Шайкович отвергает аргументы скептиков — Каченовского и Сеньковского, указывающих на то, что этот памятник по художественным качествам представляет исключительное явление в древнерусской литературе, и снова ссылается на Пушкина, писавшего, что «Слово» проникнуто духом старины, которую нельзя имитировать.

Решая вопрос о личности автора, Шайкович приводит разные точки зрения: Владимирова, утверждавшего, что поэт «Слова» был киевлянин; Перетца, доказывавшего, что в культуре автора дает себя знать черниговская традиция; Сеньковского, по мнению которого, автор был уроженец галицкий и воспитанник Киевской духовной академии; К. Аксакова, предполагавшего, что автор «Слова» был иностранец — из южных славян или грек. С этим вопросом Шайкович связывает полемику вокруг проблемы: был ли поэт современником князя Игоря и событий, составляющих содержание памятника? Исследователь, хотя и оговаривает, что «не может быть конечного ответа „да" или „нет", ибо ни то, ни другое не может быть доказано», все-таки разделяет мнение, что «поэт был современником событий, воспетых в „Слове"». Однако он не согласен с утверждением, что автор был дружинником Игоря и участником битвы на Каяле; ведь если бы это было так, то маловероятно, чтобы он об этом умолчал, — по крайней мере, «внес бы в песню больше личного». Шайкович не соглашается с тезисом, что автор «Слова» был придворным поэтом вроде западноевропейских бардов, и считает более вероятным предположение, что он «был один из тех „грамотеев", которые упоминаются в русских летописях, должность которых была переводить разные сочинения с чужих языков и переписывать древние памятники». Интересно и следующее высказывание Шайковича: «Трудно предположить, что поэт, так смело критиковавший свое время, мог тогда предать гласности свое произведение» [14].

В заключительной части предисловия Шайкович излагал свое мнение об авторе «Слова», обосновывая его текстом памятника: «Самое главное доказывает „Слово" лучшим образом, а именно что его сочинитель был настоящий поэт и человек высшего образования. Кроме того, он отлично знал обстоятельства своей общественной среды и предмет, воспеваемый им. Был он настоящим патриотом, любившим землю русскую, не княжеским подхалимом, а смелым человеком, умевшим говорить правду — хвалить добро и осуждать зло».

Анализ и выводы Шайковича свидетельствуют о том, что этот исследователь предпочитал опираться на субъективные впечатления, чем на документы. Субъективизм иногда вводит его в заблуж-

---

[14] Там же. С. 17.

дение и вызывает ошибки, что самым наглядным образом видно в двух случаях: ему кажется невероятным тезис, что «поэт был христианином и язычником»; он утверждает, что поэт, «разумеется, был чистым христианином, который ясно, без колебаний выражает свою веру». Кумиры Перун, Велес, Дажбог, Хорс и другие, по мнению Шайковича, не выражают религиозного сознания автора, а представляют обыкновенные поэтические символы: «Уничтожая языческие кумиры, христианство уничтожило превосходные художественные средства, которые трудно было заменить. Поэтому неудивительно, что поэт XII века обращается к старым знакам» [15]. Это толкование остроумно, но неверно, потому что из текста чувствуется, что для автора, как и для героев, кумиры представляют не олицетворение природных сил, а — божества. Он христианин потому, что жил в эпоху, когда христианство было в России уже официальной религией, но сознание его несомненно языческое. Судьба его героев явно определена волею богов: затмение солнца предсказывает поражение Игоря; по воле Стрибога ветры несут стрелы половецкие на войско Игоря; особенно ясно выражается языческое миропонимание в мольбе Ярославны, которая обращается не к христианскому богу, а к древним славянским божествам.

Вторая ошибка Шайковича в том, что он отвергает факт, что в течение веков переписывания «Слова» в тексте появились ошибки и неясности. Он утверждает: «Я полностью разделяю точку зрения Барсова, что «Слово» сохранило свою целостность и гармонию композиции» [16]. Исходя из такого понимания, Шайкович отрицает целесообразность конъектур текста памятника, которые, по его мнению, не только не пояснили смысл произведения, а даже еще больше его запутали. Поэтому он рекомендует переводчикам опираться не на комментарии, «а на свое личное восприятие». Однако в работе над переводом он сам не придерживался прокламированного правила. Для двух неясных мест он предлагает следующие объяснения: в тексте «Спала князю умь похоти» слово «похоти» разделить на «по хоти» и читать в значении: «Князю не приходила на ум жена» — и в скобках добавляет: «. . . так думают еще некоторые комментаторы». В тексте «то растекашется мыслию по дереву. . .» слово «мыслию» он понимает в значении «думой», «ибо все другие объяснения неприемлемы и уводят в область фантазии». Толкования Шайковича, конечно, не оригинальны, а взяты из литературы о «Слове», но надо указать на факт, что он, как правило, усваивал те объяснения, которые позже становились общепринятыми.

В заключительной части предисловия Шайкович излагает свои замечания о стиле «Слова», указывая на два его основных компонента: афористичность повествования и высокую степень лиризма.

---

[15] Там же. С. 16.
[16] Там же. С. 17.

«Поэт хочет в немногих словах сказать многое. И то, что в поэме недосказано, что осталось скрыто в короткой фразе, должно быть интуитивно понято». Дальше он подчеркивает разницу между стилем «Слова» и народной поэзией. В этом аспекте он делает замечания русским поэтам, переводившим «Слово» «фразеологией русской народной поэзии», считая, что они нарушали индивидуальные особенности стиля памятника, «безжалостно окрашивая его стилевой манерой народных песен, с которыми „Слово" не имеет ничего общего». Автор «Слова», на взгляд Шайковича, был не поэтом-певцом, а поэтом-писателем.

В 1930 г. опубликована работа Ивана Эсиха «„Слово о полку Игореве" — хорватско-сербские и словенские переводы». Будучи студентом Ягеллонского университета в Кракове, Эсих прослушал курс лекций о «Слове» литературоведа Богдана Лепкого. Лектор не знал ни одного перевода «Слова» на южнославянские языки, и, может быть, это побудило Эсиха написать вышеупомянутую статью. Во введении он рассматривает изучение «Слова» в других славянских странах как «пример сердечного духовного сотрудничества, соединенного с любовью к красоте». В его работе для нас интересны только два момента: попытка реабилитации концепции Миллера о влиянии сербской народной поэзии на «Слово» и толкование «Слова» как памятника украинской литературы.

Эсих считает, что Миллер «многочисленными сопоставлениями доказал влияние на „Слово" южнославянских переводов византийских романов». Толкуя «Слово», Эсих постоянно пользуется терминами «украинская земля» и «украинская литература». Указывая на светский характер памятника, Эсих пишет: «В отличие от старых произведений, проникнутых церковным духом, «Слово» свободно от этого, оно знает только Украину, милую родину. . .» Дальше он упоминает тезис Осипа Турянского о психологическом дуализме героев «Слова», оценивая его мнение как попытку нового освещения памятника. А это новое освещение, в сущности, сводится к следующему положению: «В „Слове" встречаем два типа украинской национальной души: старую, полную энергии и рыцарства, душу украинских предков и новую душу — потомков, расслабленную богатой жизнью на лоне роскошной природы. Предки физическими и умственными силами захватили лучшую землю в Европе и таким образом создали могучий базис для государственной жизни; их потомки ослабили энергию народа. . .» [17].

По всей вероятности, такую концепцию «Слова» Эсих перенял из лекций Богдана Лепкого.

Еще в одной работе «Слово» трактуется как памятник украинской литературы. Николай Коган в статье «Князь Игорь — самая древняя славянская героическая песня» писал: «Врагам тезиса, что для решения вопроса, какому народу принадлежит поэма,

---

[17] *Esih I. Dr.* Slovo o polku Igorevom // Kalendar «Napredak». Zgb., 1930. P. 79.

необходимо знать историю украинского народа, они никак не могли примириться с положением целого ряда авторитетных исследователей, утверждавших, что поэма принадлежит народу Киевского государства»[18].

Толкование «Слова» как памятника украинской литературы ошибочно, потому что неисторично. Понятие «Киевское государство» обозначает всю территорию, заселенную восточнославянскими племенами. Литература киевского периода имела общерусский характер, и это составляет одно из существенных ее качеств по отношению к древнерусской литературе с XIII по XVI в. Поэтому называть «Слово» памятником украинской литературы значит не понимать ни исторической обстановки, в которой оно возникло, ни развития древней русской литературы.

В 1930 г. опубликован в Загребе «Общеславянский сборник» и в нем статья Петра Савицкого «Литература факта в „Слове о полку Игореве"», написанная с целью показать, что́ текст памятника дает естественнику, географу, ботанику. Савицкий указывает на широту кругозора поэта «Слова», для которого понятие «Русская земля» означало «все пространство от Балтики и Карпат до Волги». Кроме того, поэт показывает отличное знание не только русской действительности того времени, но и быта кочевников. Однако, несмотря на то, что его географический кругозор раздвинут от Балтики до Волги и Тмутороканя, в центре его — Новгород-Северский, ибо «поэт „Слова" смотрит на окружающий мир из Новгорода-Северского». Этот факт дает Савицкому основание сделать вывод, что поэт или жил в Новгороде-Северском, или это его родина. Савицкому интересно и то, что поэт верно обрисовал пейзажи на протяжении от Киева до Черноморского побережья, и в особенности область Курска и степи донские, где дружина Игоря сражалась с половцами: «Поэт показал, как Игорь из полосы дубовых лесов зашел в степи, поросшие ковылем». Обращая внимание на частое употребление синтагмы «черная земля», Савицкий считает, что это не случайно и что это не только поэтический эпитет, но и доказательство того, что уже тогда так называлась та полоса Русской земли, в которой случились события, воспетые в «Слове», и которая позже названа «Черноземье». И словосочетание «чистое поле» не является только фольклорным эпитетом, а доказывает, что «уже в XII веке на юго-востоке от Путивля образовалось большое безлесное пространство». Савицкий также указывает на «описание с большой точностью погоды в дни битвы, ибо в той области весною ветры дуют с моря и с Дона». С такой же точностью «описана Донецкая низменность с ее туманами, речками, растениями», однако автор не может сказать, так ли изображена и фауна.

Статья Савицкого, хотя прямо не касается литературных вопросов «Слова», как это ни странно, имеет значение в доказатель-

---

[18] *Коган И.* Кнез Игор // Врбаске новине. 1939. Бр. 909. С. 3.

стве подлинности «Слова». Если Савицкий, естественник, знающий по научным источникам состояние полосы южной России в начале этого тысячелетия, нашел в тексте «Слова» столько «точных описаний», то это становится аргументом в пользу аутентичности памятника.

В середине 30-х годов появились еще две статьи, заслуживающие внимания. В «Странном прегледу» («Иностранное обозрение») опубликована рецензия А. Соловьева на книгу Е. Ляцкого о «Слове», а в «Русском архиве» рецензия А. Елачича об издании «Слова» под редакцией Л. В. Каменского. Оценивая монографию Ляцкого, Соловьев одобряет поступок автора, решившего не касаться «чисто филологических и палеографических вопросов, которыми многие комментаторы загружали памятник», и исследовать эстетические ценности «Слова». Соловьев особенно хвалит результаты сопоставительного изучения Ляцким текста «Слова» и русских летописей XII в., в которых также говорится о поражении Игоря в эпическо-лирических фрагментах, сохраняющих даже ритмическую прозу. Статья Соловьева сообщала существенные выводы монографии Ляцкого: «Г. Ляцкий на основе анализа блестяще доказывает, что „Слово о полку Игореве“ не представляет исключительного явления, а естественно возникло в военной среде, песни которой вторгались в монастырские кельи и в души богомольных монахов-летописцев. Одновременно этот анализ г. Ляцкого дает новое веское доказательство подлинности „Слова“» [19].

А. Елачич преимущественно сообщает основные положения «видного большевика В. И. Невского, который в предисловии к „Слову“ подчеркивает влияние народного творчества на автора „Слова“». С точки зрения Невского, «Слово о полку Игореве» в силу своих художественных качеств находится в зените мировой литературы средних веков: «Что из западноевропейской поэзии средневековья можно поставить рядом с плачем Ярославны? Долгое время на Западе господствовало мнение, что в древней русской литературе нет таких величественных „полных обаяния женских характеров, какие есть в западноевропейской поэзии. Разве образ Ярославны не воплощает духовную красоту, которою сияла и до сих пор сияет славянка?“» [20].

750-я годовщина «Слова» отмечена рядом периодических изданий. Эти статьи, неодинаковые по профилю, свидетельствуют об интересе к древнему памятнику.

В «Српски књижевни гласнике» была напечатана обширная статья Е. Ляцкого, излагавшая суть его книги о «Слове» и несомненно влиявшая на формирование взглядов по нескольким важнейшим проблемам памятника. Прежде всего, из этой работы

---

[19] *Соловјов А.* Јевг. Љацки. Слово о полку Игореве // Страни преглед. 1935. № 1—4. С. 160.

[20] Руски архив. 1936. Св. 36—37. С. 183.

читатели могли узнать о том, что известный французский славист А. Мазон продолжает доказывать свой тезис, что «Слово» представляет собой весьма ловкую мистификацию. С помощью ряда доказательств Ляцкий обосновывает вывод, что Мазон свое сомнение не подкрепил никакими фактами, поэтому его тезис ожидает судьба теории бесславного профессора Московского университета — Каченовского, ибо «в науке нельзя жить одними отрицаниями и сомнениями». Ляцкий напоминает, что не было ни одного серьезного русского литературоведа, который не посвятил бы «Слову» хотя бы одной работы. Мазон же, несравненно меньше их знающий русскую литературу, заносчиво недооценивает их труды и усилия в толковании загадки памятника. В адрес Мазона направлены и замечания Ляцкого о языке «Слова» — главном аргументе подлинности памятника, так как это, несомненно, язык русской литературы XII в.: «Мы не можем требовать от иностранца, чтобы он чувствовал и воспринимал язык „Слова" так, как его может воспринимать русский, которому это не только родной язык, но который получил и филологическое образование в русской школе» [21].

Подводя итог своим исследованиям, Ляцкий делает несколько выводов. Прежде всего, он считает, что «Слово» было написано в стихах с целью изложить в поэтической форме летописные повести о походе князя Игоря. Кроме того, композиция памятника привела его к заключению, что надо отличать поэта «Слова» от составителя «Слова». По его мнению, в памятнике заметны две части: первая из них посвящена походу Игоря против половцев и кончалась описанием поражения; вторая часть воспевает бегство Игоря из плена. Обе части проникнуты реминисценциями о прошлом. Ляцкий обращает внимание на то, что поэт ни одним словом не упрекнул Игоря, а, напротив, говорит о нем и его брате Всеволоде с нескрываемой симпатией. В части песни, говорящей о счастливом побеге Игоря, заметнее всего то, что ни разу не упоминается о его поражении. На основании этого факта Ляцкий делает предположение, что «первая и вторая части были написаны в разное время и, может быть, не одним, а двумя певцами, которые были сторонниками князя Игоря». Упреки зачинщикам похода, закончившегося поражением и нанесшего огромный вред государственным интересам, Ляцкий объясняет принадлежностью этих мест другому поэту, человеку другой ориентации и, вероятно, из окружения одного из князей — противников Игоря. Этот поэт картинами пожаров русских сел, плача вдовиц и страданий народа не хотел вызвать сочувствие к Игорю, а, напротив, явно хотел осудить его.

«Не может быть, чтобы обе части были написаны одним и тем же человеком, которому принадлежат и скорбные плачи, совершенно иначе показывающие неудачный поход. Не надо терять из виду

---

21 *Љацки J.* Слово о полку Игоревом // СКГ. 1938. Св. 55. С. 183.

факт, что составитель песни о Святославе был и своего рода историком. Он хотел подкрепить свою основную мысль — о необходимости самодержавной власти киевского князя в делах войны и мира — и делает это, указывая на исторические примеры: напомнил, как страдала русская земля из-за внутренних раздоров, вызванных Всеславом Полоцким, и сколько зла нанесли русской земле союзы Олега Святославича с половцами, которые потом привыкли вмешиваться в усобицы русских князей»[22].

Толкование «Слова», по мнению Ляцкого, осложняют два момента: листы рукописи, по которой было подготовлено первое издание, были смешаны и переписчики делали ошибки. Оба момента дают исследователям право на конъектуры и даже делают их необходимыми. Критерии для этого были различны. Ляцкий предлагает как наиболее целесообразный метод реконструкции хронологическую последовательность сюжета и ритмический ключ. Конечно, ему ясна относительность и такого метода, ибо отклики «Слова» в «Задонщине» и других памятниках свидетельствуют о существовании нескольких списков «Слова», подвергавшихся изменениям и порче в течение веков. Этим объясняется, по мнению Ляцкого, и возникновение неясных мест. В тексте он замечает конфликт двух литературных школ и выделяет три стилистических пласта. Картины похода и битвы «реализованы грубо», плач Ярославны и бегство Игоря «характеризуют женская нежность и субтильная метафора». Третий пласт составляет слово Святослава — в сущности, патетическое послание с чертами панегирика, свойственного и византийскому, и русскому придворному этикету. Меняла ли рука переписчика или составителя «индивидуальные особенности отдельных мест» — этот вопрос, по мнению Ляцкого, ждет своего научного освещения.

Высшую ценность «Слова» Ляцкий видит не в его документальности или в его идейных лозунгах, хотя и то и другое, несомненно, важно, а в его образности, богатстве поэтических моделей, воплощающих сюжет. «Обаяние „Слова“ составляет незаурядное сочетание образов и звуков. Гармония звуков так спаяна с пластичностью образов и красок, что их можно разделять лишь в целях научного анализа».

Если на современном этапе изучения «Слова» некоторые положения Ляцкого неприемлемы, все-таки его статья и в особенности его книга остаются серьезной попыткой объяснения ряда проблем памятника.

В альманахе «Прилози за проучаванье народне књижевности» за 1939 г. опубликована статья Св. Матича «Две новые защиты аутентичности „Слова“», вызванная работой А. Соловьева «Слово о погибели русской земли», которая подтвердила основной тезис Ляцкого, что «Слово» не исключительное явление в древней русской литературе. В работе Соловьева доказывается, что «„Слово

---

[22] Там же. С. 188.

о погибели земли русской“, возникшее полвека спустя после „Слова о полку Игореве“, принадлежит той же поэтической школе“». Матич детально излагает статью «известного старого слависта» А. Брюкнера, подвергающую суровой критике работы А. Мазона и Кшижановского. С нескрываемым удовольствием Матич констатирует, что Брюкнер доказал слабость их аргументации. Так, например, по поводу работы Кшижановского Брюкнер отозвался грубо: «Сколько слов, столько глупостей». Матич полностью согласен с положением Брюкнера, что именно темные места доказывают подлинность «Слова». Фальсификаторы поступают иначе. Брюкнер указывает, что «в подлоге Ганки нет ни одного неясного места, что немыслимо для памятника такой древности». Статья Матича заканчивается выводом Брюкнера: «Итак, „Слово“ остается единственным памятником славянского средневековья. Оно делает честь Славянству и может, благодаря плачу Ярославны например, стать рядом с лучшими произведениями германской и романской словесности. Жемчужина древней русской литературы не бусы, а настоящий жемчуг».

Годовщину «Слова» отметил и журнал марксистской ориентации «Наша стварност» статьей известного поэта-коммуниста Радована Зоговича. Наряду со своим переводом описания битвы, плача Ярославны, призыва Святослава князей к единству Зогович комментирует «Слово». В его статье интереснее всего новый подход к двум важным вопросам: факт, что «Слово» сохранилось в единственном экземпляре, он объясняет причинами идейного характера: «Монгольское нашествие уничтожило независимость Киевской Руси; литература нашла единственный приют в монастырях и в силу этого проникалась все глубже церковным духом. Светские тенденции в литературе ослабевают, а религиозные доминируют до семнадцатого века. Понятно, что в таких условиях произведения светского характера оказались в дискриминированном положении. Старые рукописи гибли, потому что не переписывались. Сколько других литературных памятников погибло по этой причине! „Слово“ же сохранилось только благодаря случаю».

По-новому Зогович трактует и вопрос о роли главного героя, утверждая, что «Слово» — поэма не о князьях, а о народе: «„Слово о полку Игореве“ воспевает героизм русского народа в борьбе за защиту родины. . .» [23]. Наконец, Зогович считает, что автор «Слова» осуществил в своей поэме синтез поэтической культуры и народной поэзии Киевской Руси.

В том же году была напечатана в журнале «Хришћанска култура» статья А. Сердюковой «Одна славянская поэма», в которой «Слово» рассматривается в аспекте «мистического понимания мученичества и трагизма истории», пережитого славянской расой глубже всех других народов. По мнению Сердюковой, основной мотив «Слова» — поражение и страдание героя — весьма распро-

---

[23] Наша стварност. 1939. Бр. 7—8. С. 116.

страненная тема мирового эпоса, поэтому она сопоставляет древнерусский памятник с «Песнью о Роланде» и Косовским циклом сербского народного эпоса. Если трагедия Роланда вытекает из его «неизмерной гордости», то драма Игоря — результат желания подвига и славы, рассматриваемых как «грех». Однако поражение и страдания Игоря представляют наказание не за личные ошибки, а за «грехи предков». Страдания Игоря имеют такой же глубокий исторический смысл, как и «выбор царства небесного сербским царем Лазарем». Их жертва и кровь, пролитая за других, «соединяют и возрождают»; «тайна Голгофы в том, что страданием искупается не только личное бессмертие, но и миссия объединения своего народа».

В газете «Morgenblatt», органе немецкого меньшинства в Югославии, в номере от 3 февраля 1940 г. напечатана статья «Die wahrheit über das Igorlied», в которой содержится неточная информация. что центральной темой несостоявшегося международного конгресса славистов в 1939 г. был вопрос аутентичности «Слова».

До начала второй мировой войны больше не появилось ни одной работы о «Слове». После второй мировой войны изменился статус русского языка в югославской системе среднего и высшего образования. Во всех университетах основаны кафедры русистики. В начале 50-х годов закончили университет первые специалисты по русской литературе, несколькими годами позже уже вступившие на научное поприще. Начался и новый этап в изучении «Слова», обзор которого требует специальной работы.

Э. Малэк

(ПНР)

«СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ» В ПОЛЬШЕ

«Слово о полку Игореве», памятник древнерусской литературы XII в., принадлежит к числу произведений, которые по сей день не утратили своего художественного обаяния, которые в состоянии волновать современного читателя своими поэтическими красотами, глубиной мысли и искренностью чувств. С момента открытия А. И. Мусиным-Пушкиным уникальной рукописи, содержащей «Слово о полку Игореве», этот памятник прошлого стал одновременно действенным фактором русской литературы и культуры, вызвав нескончаемое количество переводов, пересказов, парафраз и т. п.

«Слово» привлекало и привлекает внимание других народов, в том числе поляков. Его рецепция в Польше совпадает по времени со «вторым рождением» памятника. Уже в 1804 г. Циприан Годебский в III томе журнала «Приятные и полезные развлечения» писал: «Мы не можем умолчать о знаменитой песне Игоря графа Алексея Ивановича Мусин-Пушкина, найденной им в старинной рукописи и которую известное периодическое издание „Le Spectateur du Nord" сравнивает с прекраснейшими песнями Оссиана» [1]. Два года спустя в V томе того же журнала Годебский помещает обширную статью «О заграничной литературе», значительную часть которой занимают рассуждения на тему «Слова», сопровождаемые частичным переводом и пересказом памятника по немецкому тексту И. Рихтера [2]. Его пересказ прозою, как и стихотворные фрагменты (Годебский считал, что «Слово» было написано стихом), написаны выспренним псевдоклассическим слогом, лишенным лиризма и полностью очищенным от фольклорной поэтики. Польский поэт старался, как сам пишет, следовать больше духу, чем поэтическим красотам древнерусского произведения. Вот как звучит в его переложении речь Игоря к своей дружине:

Rodacy, przyjaciele, ojczyzny obrońce,
Czyliż macie uważać na zaćmienie słońce?
Niech to zjawisko waszej odwagi nie zmniejsza!

---

[1] Zabawy przyjemne i pożyteczne. 1804. T. III. S. 38. Цит. по ст.: *Шольсон М. М.* О первом переводе «Слова о полку Игореве» на польский язык // ТОДРЛ. 1956. Т. 12. С. 75.

[2] Ср.: *Шольсон М. М.* Указ. соч. С. 75—78.

Śmierć dla mężnych ze sławą nad hańbę znośniejsza.
W pochód, bracia, co żywo! — ufni w rącze konie.
Rychło ujrzemy Donu niebieskiego błonie;
Spieszcie za mną! [3]

Годебский, который склонялся к мысли о подделке текста «Слова» Мусиным-Пушкиным, увидел в нем, однако, образец героической поэмы, достойной подражания [4]. Ему принадлежит небольшая поэма «Плач Ефросинии Ярославны по мужу своему Игорю» («Żal Eufrozyny Jarosławny po mężu swoim Igorze), являющаяся первой поэтической парафразой прославленного плача Ярославны. Лирический плач жены Игоря в поэтическом восприятии поэта-легионера, посвятившего все свое творчество борьбе за независимость Польши и за сохранение польской народности, получил неожиданное преломление: Ярославна уподобилась польским женщинам, прощающимся со своими мужьями, уходящими на войну с врагом. Призывая своего мужа, она заодно вспоминает и последние слова Игоря, ставившего любовь к родине выше любви к женщине:

Igor, nim w złote strzemię włożył nogę,
Przyszedł — i cóż mi powiedział na drogę?
«Żegnam cię, żono — rzekł do mnie w zapale —
Poświęćmy miłość narodowej chwale.
Może się więcej nie zobaczem z sobą!. . .
Tyś mi przed wszystkim — ojczyzna przed tobą».
To rzekłszy zniknął podobny do błysku,
Jakby się lękał swej żony uścisku [5].

Перевод «Слова» и «Плач Ефросинии Ярославны» были переизданы в 1821 г. в собрании сочинений Ц. Годебского, подготовленном его сыном Ксаверием [6].

В 20-е годы польские читатели имели возможность познакомиться со «Словом о полку Игореве» и по другим публикациям. Так, например, в переведенный Самуилом Богумилом Линде «Опыт краткой истории русской литературы» Н. И. Греча вошли

---

[3] *Godebski C.* Dzieła wierszem i prozą. W-wa, 1821. Cz. II S. 314—315. „Земляки, друзья, защитники родины, // Неужели вы должны обращать внимание на солнечное затмение? // Пусть это явление не уменьшает вашей отваги! // Доблестным воинам смерть со славой приятнее бесчестья. В путь, братья, быстрее! — доверия быстрым коням! // Скоро узрим луга синего Дона. // Спешите за мной!». (Пер. Э. Малэк.)

[4] «Смею ее (т. е. «Песнь о походе Игоря». — *Э. М.*) считать подброшенным плодом (апокрифом) или, по меньшей мере, образом, видоизмененным своим обновлением», — писал Годебский (Zabawy przyjemne i pożyteczne. 1806. N V. S. 98).

[5] Zabawy przyjemne i pożyteczne. 1806. T. V. S. 101. «Игорь, раньше чем в золотое стремя вложил ногу, // Пришел — и что ж мне сказал перед отъездом? // «Прощай, жена! — рек ко мне с воодушевлением. — Давай посвятим любовь народной славе. // Может, мы больше друг друга не увидим! . . // Ты мне милее всех — родина милее тебя». // Сказав это, исчез, подобный молнии, // Как бы опасаясь объятий своей жены». (Пер. Э. Малэк.)

[6] *Godebski C.* Op. cit. S. 308—323 («Wyprawa Igora przeciw Połowcom»), 324—330 («Żal Eufrozyny Jarosławny po mężu swoim Igorze»).

лучшие фрагменты «Слова» в пересказе Н. М. Карамзина [7]. Перевод Линде, хотя тоже не восходит к оригиналу, намного лучше, чем пересказ Годебского, передает дух древнерусского памятника. Те же фрагменты «Песни о походе Игоря» из «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина перевел (независимо от Линде) Гжегож Бучиньский [8].

В начале 20-х годов XIX в. появился также первый (правда, неполный) польский перевод «Слова» по древнерусскому тексту, принадлежавший знаменитому ученому первой половины столетия Игнатию Бенедикту Раковецкому. К польскому изданию «Русской правды» Раковецкий присоединил «Исторический очерк обычаев, нравов, религии, законов и языка древних славянских и славяно-русских народов», некоторые свои положения иллюстрируя текстом «Песни о походе Игоря на половцев» в подлиннике и в собственном переводе на польский язык.

Непосредственное общение с оригиналом положительно сказалось на характере перевода. Раковецкому, например, удалось довольно точно передать своеобразную ритмическую организацию памятника:

Od rana do wieczora,
od wieczora do świtu
lecą hartowne strzały;
grzmią szable o szyszaki;
kruszą się kopie stalowe,
w polu nieznaiomém w śród ziemi Połowieckiéy.
Czarna ziemia kopytami ztratowana, kośćmi
zasiana a krwią polana, i po całym kraiu
Ruskim smutek powschodził [9].

Отдельные погрешности перевода, например неправильное толкование некоторых темных мест «Слова», объясняются неполнотой сведений о языке и культуре Киевской Руси в первой четверти XIX в. К сожалению, переложение Раковецкого, помещенное в научном труде, было практически недоступно широкому кругу читателей.

Несомненно, больший резонанс, чем перевод Раковецкого, получил плач Ярославны в прозаическом переводе Казимежа Бродиньского (1823 г.). Польский критик и теоретик литературы считал «Слово о полку Игореве» образцом славянской «героической элегии». В отличие от Годебского он переводил «Плач Ефросинии Ярославны» почти дословно, сохраняя как композицию, так

---

[7] *Griecz M.* Rys historyczny literatury rosyjskiej. . . / Z rosyjskiego przez S. B. Linde. W-wa, 1823.

[8] *Karamzin N.* Historia państwa rosyjskiego. . . / Przełożył G. Buczyński. W-wa, 1825. T. III.

[9] Prawda Ruska, czyli Prawa w. xięcia Jarosława Władymirowicza tudzież traktaty Olga . . . których Texta obok z polskiém tłomaczeniem poprzedza Rys historyczny zwyczajów, obyczajów, religii, praw i języka dawnych słowiańskich i słowiańsko-ruskich narodów. W-wa, 1820. S. 80. См. текст «Слова»: «С раннего утра до вечера. . . горем взошли они по Русской земле» (Слово о полку Игореве. М., 1983. С. 61. Сер. Классики и современники).

и стиль оригинала. Комментируя этот фрагмент поэмы, Бродиньский восторгается поэтическими образами плача, великолепно оттеняющими чувства любящей женщины: «Повторение слов: „Ярославна рано плачет“ — истинно поэтически представляет многодневную тоску. . . Все здесь в равной мере правдиво и поэтично» [10].

Большим ценителем и знатоком древнерусской поэмы был Зориан Доленга-Ходаковский (Адам Чарноцкий). Как этнографа и исследователя славянских древностей его привлекали лексика и образы «Слова», ее старинная символика, в которой он усматривал реликты языческой обрядности и мифологии. «В работе над комментированием „Слова о полку Игореве“, — пишет Прийма, — Ходаковскому удалось разъяснить или приблизиться к разъяснению нескольких мест древней поэмы. Эта работа убеждала Ходаковского в полном соответствии поэмы об Игоревом походе с духом, обычаями, понятиями и языком Руси XII в.» [11].

Судя по запискам современников и заметкам Ходаковского на экземпляре «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина и рукописи «Историко-географического словаря», ученый намеревался доказать путем сличения древнерусского текста с народными поэтическими песнями достоверность «Слова», бывшего в его понимании произведением большого значения, национальной эпопеей «Игоридой».

Работы Ходаковского оказали благотворное влияние на львовских литераторов второй трети XIX в., которые, подобно ученому, видели в «Слове о полку Игореве» оригинальное древнерусское произведение, проникнутое пафосом патриотизма и заботой о единстве русской земли.

Важным событием в истории изучения и рецепции «Слова о полку Игореве» в Польше было появление небольшой книжечки львовского славянофила Августа Белёвского «Wyprawa Igora na Połowców. Poemat sławiański» (Lwów, 1833). В понимании Белёвского древнерусская поэма принадлежала всем славянским народам, в том числе и полякам, так как отражала общеславянские взгляды на мир. Белёвский знакомит читателей с историей открытия памятника, его первого издания и переводов на русский и другие языки, отмечая также польские попытки перевода и изучения памятника. Подобно Бродиньскому, он весьма критически оценивает работу Годебского над «Словом», упрекая его в неосведомленности и неоправданном скепсисе. По его мнению, «Песнь о походе Игоря на половцев» возникла в конце XII в. и отражает события и дух раннего славянского средневековья. Белёвский включил в свою книжечку прозаический (мы бы се-

---

[10] Ср.: Roczniki Tow. Królewskiego Warszawskiego Przyjaciół Nauk, 1823. T. XVI. S. 129—130; Цит. по ст.: *Brodziński K.* Pisma estetyczno-krytyczne. Wrocław: W-wa; Kraków, 1964. T. 1. S. 213.

[11] *Прийма Ф. Я.* Зориан Доленга-Ходаковский и его наблюдения над «Словом о полку Игореве» // ТОДРЛ. М.; Л., 1951. Т. 8. С. 90.

годня сказали — филологический) и поэтический переводы «Слова» с древнерусского оригинала. Исследователи высоко оценивают стихотворный перевод Белёвского, подчеркивают красоту стиха и языка, овеянного духом подлинника. В самом деле, написанное 11-сложником (5+6) переложение «Слова» звучит хорошо и отнюдь не монотонно благодаря разнообразной и богатой рифмовке.

Прозаический перевод во многом уступает поэтической версии — главным образом потому, что Белёвский слишком рабски следует за древнерусским оригиналом. Переводя текст «Слова», он не столько подыскивает польские семантические эквиваленты древнерусских слов и словосочетаний, сколько подбирает одинаково или сходно звучащие псевдопольские соответствия [12]. Буквализм и пословность перевода ведут к многочисленным калькам (лексическим и синтаксическим), а нередко и к полному затмению смысла [13].

Интерес львовского поэта-славянофила к памятнику Древней Руси (был непосредственно связан с программой альманаха «Зевония» Ziewonia), целью которого было создание национальной героической литературы [14]. В древнеславянских героических песнях, к числу которых львовские поэты относили и «Песнь о походе Игоря на половцев», они искали и находили темы героического прошлого, вдохновляющего на подвиг в борьбе за национальную независимость. Не находя в польском фольклоре песен сродни сербской и украинской эпике, не располагая произведениями типа «Краледворской рукописи» или «Слова о полку Игореве», они старались переводить лучшие славянские тексты, чтобы постичь их специфику и создать образцы польской героической эпики.

Интересно отметить, что Белёвский в 1840 г., ознакомившись с русскими переводами «Слова», понял много темных мест оригинала и заново переработал свой прозаический перевод [15].

Кроме Белёвского попытку перевести «Слово» предпринимает его друг Люциан Семеньский, который познакомился с древнерусским памятником во время своего пребывания в Одессе. Он также считает «Слово» общеславянским достоянием, поэтому говорит: «Мы можем гордиться. . . нашей „Песней о походе Игоря“ или песнями о рыцарях Владимирова стола» [16]. К сожалению, Семеньский перевел лишь начальные фрагменты «Слова», хотя, как сам пишет, намеревался перевести полностью «этот единственный памятник славянорусской поэзии XII века» [17]. В своем

---

[12] Ср.: Słowo o wyprawie Igora / W opracowaniu A. Obrębskiej-Jabłońskiej. W-wa, 1954. S. 76.
[13] См.: Wyprawa Igora na Połowców. Lwów, 1833. S. 40.
[14] Ср.: *Poklewska K.* Galicja romantyczna (1816—1840). W-wa, 1976. S. 202—228.
[15] Ср.: *Goriaczko-Borkowska A.* Twórczość poetycka Augusta Bielowskiego. Wrocław, 1965. S. 56.
[16] *Siemieński L.* Dzieła. W-wa, 1882. T. IX. S. 204.
[17] Ср.: Początek pieśni o wyprawie Igora Światosławicza przeciw Połowcom //

стихотворном переложении древнерусского текста он старался передать его поэтическое обаяние, менее заботясь о дословности перевода. И это ему во многом удалось.

Переводы Белёвского и Семеньского вызвали восторженные отклики рецензентов. Анонимный обозреватель журнала «Тыгодник Краковский» ставил стихотворный перевод Белёвского в один ряд с поэтическими достижениями Мицкевича, Залеского и Гощиньского [18]. М. Грабовский считал Белёвского и Семеньского лучшими польскими переводчиками древнеславянских памятников, ставя им в заслугу умелое использование фольклорной и древнеславянской лексики [19]. Положительно оценил работу обоих поэтов и К. Вуйчицкий [20], и только К. Слотвиньский, сопоставив переводы с древнерусским текстом, указал на некоторые ошибки или неточности польских переводов, хотя в целом положительно оценил поэтический перевод Белёвского [21].

Интерес к «Слову о полку Игореве» вызвал не только его переводы на польский язык, но и многочисленные поэтические подражания. Так, например, сознательную ориентацию на древнерусский памятник наблюдаем в исторических песнях поэтов, связанных с альманахом «Зевония»: в поэмах Л. Семеньского «Trąby w Dnieprze» и А. Белёвского «Pieśń o Henryku Pobożnym». Поэма Семеньского рассказывает о походе Болеслава Хороброго на Киев, причем историческое, соответствующее летописным данным повествование прерывается, как и в «Слове», многочисленными лирическими отступлениями, авторскими комментариями. Походу Болеслава в «землю незнаемую» сопутствуют, как и походу Игоря, зловещие явления природы:

Stadami kawek czernieją dzwonnice,
Wilk zadnieprzański wyje korowodem,
Dadzi-bóg datkiem nie darzy, a głodem
Wybija wnuków. Sokół zazulice
Porzucił młode. . .[22]

Czasopismo Naukowe Zakładu Narodowego im. Ossolińskich. Lwów, 1833. Z. 2. S. 70. Текст перевода на с. 71—77. З. Неделя считает, что Семеньский прервал свою работу над переводом, узнав об аналогичном намерении Белёвского. См.: *Niedziela Z.* Słowiańskie zainteresowania pisarzy lwowskich w latach 1830—1840. Kraków, 1966. S. 93.

18 *«Galicjanin»*. Kilka słów o nowej i starej poezji polskiej // Tygodnik Krakowski. Kraków, 1834. S. 36.

19 *Grabowski M.* Literatura galicyjska. Dziennik Warszawski. 1851.

20 *Wójcicki K. W.* Lucjan Siemieński. Z księgi moich wspomnień // Biblioteka Warszawska. 1878. T. I. S. 4—18; Warszawa, jej życie umysłowe i ruch literacki w ciągu lat trzydziestu (od 1800—1830). Biblioteka Warszawska. 1878. T. II. S. 65—66.

21 *S[łotwinski] K.* Uwagi nad polskimi przekładami pieśni «O wyprawie Igora Światosławicza na Połowców» // Czasopismo Naukowe Zakładu Narodowego im. Ossolińskich. 1834. Z. 1—4. S. 33—40, 121—128, 223—240, 345—379. Ср. также: Słowo o wyprawie. . . S. 80—81; *Goriaczko-Borkowska A.* Op. cit. S. 56.

22 *Siemieński L.* Op. cit. S. 5. Ср. также: *Goriaczko-Borkowska A.* Op. cit.

Композиционно поэма, написанная рифмованным астрофическим стихом, распадается на разной длины части, определяемые содержанием произведения (интересно, что таким же стихом переводили львовские поэты «Слово о полку Игореве»). Описания похода чередуются с авторскими раздумьями, восклицаниями, апострофами. Концовка поэмы — похвала Болеславу и военным подвигам его рыцарей — перекликается с финалом «Слова», в котором поется слава князю и его храброй дружине.

Семеньский переносит в свое произведение целые поэтические картины, созданные автором «Слова», пользуется образной символикой древней поэмы (например, характеризует внуков по дедам) и ее образами. В приведенном выше фрагменте он использует образ Даждь-бога, в другом месте вводит столь популярный у польских романтиков образ Бояна:

Podwodną pieśnią zagrzmiało powietrze,
Taką czcił Bojan dawne bohatyry,
Gdy wieszczym palcem bił o struny żywe [23].

«Песнь о Генрике Набожном» Белёвского открывается эпиграфом из «Слова о полку Игореве»: «A więz pocznijmy pieśń, wedle osnowy zdarzeń», т. е. «начати же ся тъй пѣсни по былинамь сего времени», а в предисловии к поэме автор так характеризует принцип отбора и интерпретации исторического материала: «Я взял их (факты) из хроник, полностью сохраняя их содержание и порядок. . . в соответствии со словами древнего, а этим событиям — почти современного певца, стих которого я привел в виде эпиграфа» [24]. Приведенные высказывания Белёвского наглядно показывают вдохновляющую роль «Слова». Как было установлено исследователями, Белёвский довольно верно передает исторические события, хотя и толкует их по-своему. Связь «Песни» со «Словом» проявляется также во введении в поэму Белёвского женских образов, прежде всего в сцене причитаний жены Генрика — Анны [25].

Белёвский и Семеньский не были единственными писателями первой половины XIX в., испытывающими вдохновляющее влияние древнерусского произведения. Небывалую литературную «карьеру» сделал образ старинного певца Бояна, воспетого автором «Слова». Боян, возлагающий «свои вѣщиа пръсты на живая

S. 146—166. «Стаями галок чернеют колокольни, // Заднепровский волк воет хороводом, // Даждьбог даров не дарит, но голодом // Избивает внуков. Сокол кукушек бросил молодых. . .». (Пер. Э. Малэк.)

[23] *Siemieński L.* Op. cit. S. 6. «Подводной песней загремел воздух. // Такой Боян воздавал честь древним героям, // Когда вещим перстом ударял в живые струны». (Пер. Э. Малэк.)

[24] *Bielowski A.* Pieśń o Henryku Pobożnym // Ziewonia / Zebrał i wydał A<ugust> B<ielowski>. Praga, 1838. S. 93. Цит. по ст. : *Mucha B.* «Słowo o wyprawie Igora» w polskiej poezji romantycznej // Przegląd Rusycystyczny. Łódź, 1984. Rocz. 7. N 1/2.

[25] Ср.: *Poklewska K.* Op. cit. S. 221.

струны», растекающийся «мыслию по древу, сѣрымъ вълкомъ по земли, шизымъ орломъ подъ облакы», в произведениях польских поэтов-романтиков становится символом поэта-пророка, поэта-прорицателя. Кстати, такое понимание его роли совпадало с романтическим толкованием образов древних певцов, причем Боян ставился в один ряд с Гомером и Оссианом.

Особенно много места образ Бояна занимает в думах Ю. Б. Залеского (1802—1886). «Соловей Украины» сознательно призывает Бояна, соловья «старого времени», чтобы показать преемственную связь между старым «отцом Бояном» и его сыном — поэтом Нового времени, между старой и новой ars poetica:

«Słowiku czasu starego, Bojanie!»
Wieszcz Igorowy w cześć jemu wykrzyka:
Toż ile razy wsłucham się w słowika,
Bojanowego coś grać jestem w stanie:
W jego rozdźwiękach bo — ars poetica!
To niewolące głosu spadkowanie,
Ta pełna — strojna — a rozgłośna nuta,
W ojcu Bojanie, na stepie przeczuta [26].

Признав в лице Бояна лучшего барда древних славянских народов, Залеский (ср. думы «Duch od stepu», «Sen-Drzewo—Wieszcze») призывает современных польских поэтов следовать его искусству:

Kto pierwszy rószczkę Snu-Drzewa dostanie,
I sercem Boże cuda w niej zrozumie;
Po królu pieśni, po wieszczym Bojanie,
Między Słowiany zawiekuje w Damie! [27]

Как отметил С. Советов, у Залеского образ Бояна «тесно переплетается с мыслью о национальном освобождении Польши». В его интерпретации Боян был «прототипом того национального певца, который в своих песнях сможет провозгласить национальную свободу Польши» [28]. Сам Залеский уподобил себя правнуку Бояна и назвался Бояничем (ср. думы «Степной дух» и «Боянич»).

Образ народного славянского певца Вернигоры из поэмы Юлиуша Словацкого «Беневский» тоже навеян «Словом о полку

---

[26] Poezye Józefa Bohdana Zaleskiego. SPb., 1851. T. III. S. 106. «Соловей старого времени, Боян! // Певец Игоря в честь ему восклицает: // Потому, сколько раз я вслушаюсь в соловья, // Я в состоянии играть что-либо бояновское, // Ибо в его голосе — искусство поэзии! // Это покоряющее изменение голоса, // Эта полная, стройная, громкая нота, // В отце Бояне, в степи предугаданная». (Пер. Э. Малэк.)

[27] Ibid. T. II. S. 78. «Кто первый ветку Сна-Дерева достанет // И сердцем поймет в ней божьи чудеса, // После короля песни, после вещего Бояна, // Он вечно жить будет в думке среди славян!». (Пер. Э. Малэк.)

[28] *Советов С. С.* Образ древнерусского Бояна в интерпретации польских поэтов-романтиков // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 14. С. 129.

Игореве». Вернигора — это по сути дела новый общеславянский лирник, наследник Бояна [29].

Тымон Зыборовский (1799—1828), в свою очередь, использовал «Слово» для создания древнеславянского эпического произведения, посвященного изображению борьбы русских князей с печенегами. Опираясь на образы «Слова», он хотел создать поэму о событиях XI в., т. е. о событиях, свидетелем которых мог быть легендарный Боян, и приписать ее авторство легендарному певцу. Из задуманной поэмы «Боян» до нас дошли лишь отрывки, из которых наиболее близкими «Слову» оказались вступительные строки обращения к слушателям и описания сражения русских с печенегами [30].

Как видим, польские поэты-романтики воспринимали древнерусскую поэму избирательно. Они увидели в ней только те стороны, которые были близки или совпадали с их собственными представлениями о поэте и задачах поэзии. Но так же воспринимали древний текст и русские поэты того времени.

«Слово о полку Игореве» привлекло внимание Адама Мицкевича, который посвятил древнерусскому памятнику две из своих лекций по славянским литературам, читанных в Коллеж де Франс в Париже (12 и 16 февраля 1841 г.).

Польский поэт, несомненно, читал «Слово» в оригинале (он мог познакомиться с ним еще во время учебы в Виленском университете, где лекции по русской литературе читал И. И. Чернявский) и очень хорошо постиг художественные особенности памятника. Большой заслугой Мицкевича был сравнительный анализ «Слова» и эпических произведений Древней Греции и скандинавских скальдов, предвосхищающий типологический подход к изучению «Слова». В результате польскому поэту-исследователю удалось уяснить специфику древнерусского произведения. «По форме своей поэма об Игоре, — писал Мицкевич, — совершенно оригинальна; ее нельзя сравнивать ни с греческим эпосом, ни с лирической поэзией нашего времени. В ней прежде всего бросается в глаза отсутствие сверхъестественного, чудесного элемента, который в произведениях подобного рода является, выражаясь по-школярски, „рычагом" и который в эпосе раскрывает и обобщает основную мысль поэтического произведения» [31].

В славянской поэзии, образцом которой для Мицкевича было именно «Слово», отсутствует, на его взгляд, «та изощренность, которая присуща греческому стилю, нет у нее и резкости линий, свойственной скандинавским лирическим поэмам. Ее стиль пластично-образный, чувственно ощутимый, и этим она отличается и от древней скандинавской и от современной немецкой поэзии» [32].

---

[29] Ср.: Там же. С. 130—131; *Mucha B.* Op. cit.
[30] Ср. *Mucha B.* Op. cit.
[31] *Мицкевич А.* Собр. соч. М., 1954. Т. 4. С. 163.
[32] Там же. С. 164.

Он также хорошо уловил основную идею памятника, сказав: «Автор идеализировал свой век и высказал собственные страдания, собственные мнения. Он выражает чувства, общие всему славянству той эпохи, стремление к сильному, могучему и, главное, единому государству. Он приводит даже слова Бояна, этого вещего древнего певца, который восклицает: „Беда телу без головы, а земле без князя!“» [33].

Мицкевич хорошо подметил связь поэтики «Слова» с народными поверьями, с образами народного поэтического творчества, а также попытался определить ритмический строй древней поэмы, отмечая совершенно справедливо, что «она напоминает скорее размеренную прозу церковной латыни, столь поэтичную и музыкальную, с коегде обозначенными ассонансами или рифмами» [34].

Очередной стихотворный перевод «Слова о полку Игореве» на польский язык, изданный в конце 1856 г. в Петербурге, принадлежит перу известного филолога епископа Адама Красиньского [35]. В предисловии к своему труду Красиньский пишет, что его задачей было не только переложение на польский язык текста поэмы, но и объяснение некоторых из ее темных мест. Работа Красиньского была положительно оценена анонимным рецензентом академических «Известий по русскому языку и словесности» [36] и русским историком С. Н. Палаузовым [37]. Перевод снабжен 90 примечаниями и объяснениями. Красиньский, опираясь на работу Сахарова, разбил текст «Слова» на десять песней и решил индивидуализировать содержание с помощью стиха разной длины и разнообразия строфических форм.

Красиньскому не везде удалось сохранить смысловую точность и стилистическое единство произведения, однако его перевод (переизданный в серии «Венец славянских поэтов» рядом с древнерусским текстом, прозаическим переводом К. Я. Эрбена на чешский и стихотворным переводом М. Гербеля) наряду с переложением Белёвского знакомил поляков, не знающих оригинала, с шедевром древнерусской литературы.

В 60-е годы XIX в. попытку издать и перевести «Слово» на польский и украинский языки предпринял Ян Вагилевич, близкий друг и сотрудник А. Белёвского (Вагилевич вместе с Белёвским подготовил, между прочим, польский перевод «Летописи» Нестора). Его работа сохранилась в беловой рукописи, содержа-

---

33 Там же.
34 Там же.
35 Pieśń o półku Igora. Starosłowiański poemat z XII wieku / Przekład ks. Adama Stanisława Krasińskiego, kanonika katedry wilenskiej. Petersburg, 1856.
36 ИпоРЯС. 1857. Т. VI. Вып. I. С. 80—81.
37 Ср.: *Могилянский А. П.* Из истории переводов «Слова о полку Игореве» на польский язык: (Отзыв С. Н. Палаузова о переводе А. Красиньского) // ТОДРЛ. Л., 1976. Т. 31. С. 341—343. Красиньский преподнес перевод Александру II и в знак признания получил от монарха бриллиантовый перстень.

щей его труды по фольклору и литературе, и до сих пор не привлекалась исследователями «Слова»[38]. Интересующая нас часть работы озаглавлена «Слово о плъкоу Игоревѣ». Słowo o pułku Igorowym. Zabytek języka staroruskiego z kónca XII wieku. Text oryginalny sprostował, objaśnił i przełożył na język polski i małoruski Jan Wagilewicz. Lwów, 1865[39].

После конспективного изложения содержания памятника Вагилевич знакомит читателей с историей изучения «Слова» с момента открытия памятника до 1864 г., т. е. до момента введения в научный обиход Екатерининской копии, решительно выступает против «скептиков», видевших в «Слове» позднюю подделку (а причину появления сомнений усматривает в несовершенстве первого издания), полемизирует с исследователями, считавшими, что «Слово» было написано «польско-русским диалектом», знакомит читателей с исторической и культурной обстановкой второй половины XII в., обусловившей его возникновение, наконец, сообщает обо всех известных тогда следах воздействия «Слова» на древнерусскую литературу и перечисляет важнейшие переводы на русский, польский и другие славянские языки. По мнению Вагилевича, автором «Слова» был какой-то участник похода, близкий к Игорю, воин и ратай, хорошо знающий военное дело и чуткий к природе.

Вагилевич подготовил также критическое издание древнерусского текста по первому изданию и Екатерининской копии, очистив, как он пишет, язык памятника от позднейших великорусских наслоений и сопроводив текст множеством исторических и филологических комментариев. В польском переводе, разделенном (по примеру Гербеля) на XII частей, стараясь избежать излишней архаизации, Вагилевич пользуется средствами современного польского языка, хотя и сохраняет некоторые лексические, а еще чаще синтаксические конструкции первоисточника. В связи с этим перевод страдает излишним буквализмом, пословная система перевода ведет к возникновению многочисленных калек, как лексических (например, kopię przyłamać — копие приломити, telegi — телеги, po jarugach — по яругамъ, czarne tucze — чръныя тучя), так и синтаксических (Zacząć więc się tej pieśni — Начати же ся тъй пѣсни; i widział od niego ciemnością wszystkie swoje wojsko przykryte — и видѣ от него тьмою вся своя воя прикрыты).

Вот как звучит отрывок обращения автора «Слова» к слушателям в переложении Вагилевича:

---

[38] Перевод «Слова» на украинский язык, выполненный Вагилевичем, был издан в XIX в. и неоднократно переиздавался. Ср.: «Слово о плъку Игоревѣ» в українських художнiх перекладах i переспiвах XIX—XX ст. / До видання пiдготував С. У. Маслов. Київ, 1953. С. 65—72.

[39] Ср.: *Wagilewicz J.* Badania filologiczne. Lwów, 1856. Ks. I. T. II. S. 86—153. Эта рукопись хранится в Библиотеке им. Оссолиньских во Вроцлаве, шифр: Ossol. 2411. Указание на нее и ее содержание мы нашли в упоминаемой выше работе Горячко-Борковской.

«Owoz poczniem, bracia, powieść tę od starego Włodzimierza do niniejszego Igora, co wściągnął umysł krzepkością swoją, i zaostrzył serce swoje męstwem, a napełniwszy się wojowniczym duchem powiódł swoje chrobre pułki na ziemię połowiecką za ziemię ruska». (S. 113) [40].

Встречаются в переводе Вагилевича и неправильные чтения (например, «испити шеломом Дону» переводится «wypić hełmem Don», т. е. испить шлемом Дон, «на жестоцем его теле» — «na skrzepłem jego ciele», т. е. на застывшем его теле), а также лексические и синтаксические украинизмы.

Не получив признания при жизни автора, переложение Вагилевича сохраняет сегодня лишь историческое значение.

По мнению А. Л. Каплан, отзвуки увлечения древнерусской поэмой находим также в цикле небольших исторических поэм Т. Ленартовича, изданных в Риме в 1870 г., но написанных еще в 1861 г., — «Z dawnych zbroie», в котором «то и дело попадаются парафразы его отдельных мест; встречаются также и непосредственные заимствования из перевода Белёвского» [41].

Приведенные факты наглядно показывают масштабы активного интереса поляков XIX в. к «Слову о полку Игореве». Многочисленным переводам (филологическим и художественным), а также попыткам научного исследования «Слова» сопутствовало включение сведений о знаменитом памятнике древнерусской литературы в курсы всемирной литературы [42], в энциклопедии и энциклопедические словари [43].

В XX в. интерес польских переводчиков и исследователей к «Слову» не ослабевает. В 1905 г. в Кракове появляется удачный для своего времени и по сей день не потерявший эстетической ценности стихотворный перевод украинского писателя Б. Лэпки [44]. В отличие от Белёвского Лэпки переводит «Слово» не одним стихотворным размером, а разными размерами (от 6-ти до 13-сложника и свободного стиха) с богатой и разнообразной рифмовкой, разбивая текст на разные ритмические периоды и дифференцируя эпические, риторические и лирические партии текста. Отличительной чертой перевода Б. Лэпки является сознательная, хотя и поверхностная, фольклоризация текста перевода. Лэпки (в отличие от своих предшественников) вводит в свой перевод диалект-

---

[40] См. текст «Слова»: «Начнем же, братья, повесть эту. . . на землю Половецкую за землю Русскую» (Слово о полку Игореве. С. 55).

[41] *Каплан А. Л.* «Слово о полку Игореве» и польские писатели XIX—XX вв. // Науч. бюл. ЛГУ. Сер. Славистические заметки. Л., 1946. № 11/12. С. 77.

[42] Ср., напр.: Obraz literatury powszechnej w streszczeniach i przykładach ułożyli P. Chmielowski i E. Grabowski. W-wa, 1895. T. 1: Starożytność i wieki średnie. S. 476—480. Wyprawa Igora na Połowców (лучшие отрывки «Слова» в переводе Белёвского и краткая справка о событиях, легших в основу памятника).

[43] Ср. напр.: Ilustrowana Encyklopedia Trzaski, Everta i Michalskiego. W-wa, 1928. Szp. 933. T. 4.

[44] Słowo o pułku Igora. Kraków, 1905.

ную лексику и характерные для устного поэтического творчества тропы (например, отрицательные сравнения), а также стилизацию стиха под ритм народной песни [45]. Ср., например, отрывок XII песни:

A na Niemidze krwawe żniwa.
Nie snopami kryta niwa,
I nie zboże młócą cepy,
Jeno miecze i oszczepy
Duszę z ciała wywiewają,
Ruskimi kośćmi zasiewają
Niemigi krwawe brzegi. . .[46]

Еще выразительнее фольклорный колорит проявился в плаче русских жен:

. . .Kobiety
Ruskie płacząc wołają: «Już nam naszych mężów
Ani myślą wymyśleć, ni dumą wydumać,
Ani zoczyć oczyma! . .» [47]

Лэпки удачно переводит тавтологические словосочетания «Слова»: «. . .ни мыслию смыслити, ни думою сдумати» и даже создает третью, на этот раз псевдонародную, тавтологическую пару — zoczyć oczyma (в оригинале — «очима съглядати»). Кстати, как отмечает Обрембска-Яблоньска, таких псевдонародных выражений в его переводе больше.

Поэт прибегает также к архаизации языка перевода (главным образом в области лексики) и сильно подчеркивает западнорусскую основу «Слова» путем введения в текст перевода фонетических, лексических и синтаксических украинизмов (так, например, почти все личные имена и ойконимы даются им в украинском варианте) [48].

Подобную технику применяет Лэпки и в прозаическом переводе «Слова» [49]. Сильная архаизация и использование поэтических вольностей, бóльшая забота об экспрессии, выразительности перевода, нежели о верности подлиннику, является убедительным доказательством того, что Лэпки, по справедливому замечанию Обрембской-Яблоньской, был прежде всего поэтом, а не филологом.

Сам Лэпки выше своего поэтического перевода ставил перевод Белёвского, о чем свидетельствуют не только его восторженные отзывы о последнем, но и тот факт, что в 1906 г. в серии «Шедевры

---

[45] Ср. характеристику этого перевода, данную А. Обрембской-Яблоньской в ее издании «Слова» (см. сн. 12 на с. 88—89).

[46] Ср.: «На Немиге снопы стелют головами. . . посеяны костьми русских сынов» (Слово о полку Игореве. С. 73).

[47] Ср. текст «Слова»: «Жены русские восплакались. . . ни глазами не повидать» (Там же. С. 64).

[48] Ср. характеристику этого перевода, данную А. Обрембской-Яблоньской в ее издании «Слова» (см. сн. 12) на с. 91.

[49] Кстати, это был первый полный прозаический перевод «Слова» на польский язык, так как в переводе Белёвского пропущен один фрагмент.

польских и зарубежных писателей» он издает «Слово» в стихотворном переводе Белёвского, присоединив к нему свой прозаический перевод и снабдив издание вступительной статьей и объяснениями [50].

Много внимания уделил «Слову о полку Игореве» виднейший польский славист А. Брюкнер. Первые упоминания об этом памятнике появились в его синтетическом очерке литературы и просвещения в России, помещенном в журнале «Ateneum» за 1901 г., и в написанной на немецком языке истории русской литературы [51]. Главы о «Слове» вошли также в другие работы Брюкнера по истории русской культуры и литературы, из которых самое большое научное значение имеют его вступительная статья к изданию первого перевода «Слова», выполненного Ю. Тувимом, и очерк «Die Echtheit des Igorliedes» [52].

Брюкнер решительно отстаивал подлинность «Слова», полемизируя по этому вопросу с Ю. Кжижановским и В. Заводиньским, видевших в «Слове» позднее подражание «Задонщине». Достаточно напомнить, что автор «„Задонщины", — писал Брюкнер, — Игорево шеломя 'холм' спутал с Соломоном и неслыханные нагородил глупости, чтобы замысел, достойный дурака, как-то оправдать» [53]. Он напоминает также о приписке к псковскому «Апостолу» 1307 г. и приходит к выводу, что продолжение споров на тему подлинности «Слова» совершенно бесплодно и бесперспективно. Сам Брюкнер считал, что «Слово» было написано в 1186 г. каким-то образованным и начитанным в древнерусских воинских повестях и летописях мирянином, но не определяет ни его происхождения, ни места жительства.

Интересно отношение ученого к тексту памятника. Он решительно отвергает всякие попытки исследователей исправлять дошедший до нас текст «Слова», делать в нем произвольные перестановки и пропуски. Несостоятельны, по его мнению, также попытки вскрывания стихотворной основы памятника, так как наличие в его тексте элементов звукоподражания и отдельных рифмующихся строк еще не является свидетельством его стихотворной организации.

Брюкнер правильно оценивает идейный пафос «Слова», его связь с политическими и эстетическими воззрениями второй половины XII в. Он также подчеркивает связь поэтики «Слова» с фольклорной стихией и языческой мифологией. Ученый считает,

---

50 Słowo o pułku Igora / Przekład Augustyna Bielowskiego z objaśnieniami i wstępem Bohdana Łepkiego // Arcydzieła polskich i obcych pisarzy. Brody, 1906.

51 Ср.: *Brückner A.* Z dziejów literatury i oświaty w Rosji // Ateneum. 1901. T. II. S. 911—951; Russlands geistige Entwicklung im Spiegel seiner schönen Literatur. Tübingen, 1908; Russische Literatur. Breslau, 1922.

52 Zeitschrift für Slavische Philologie, 1937.

53 *Brückner A.* Na marginesie sporu o byliny i Igora // Ruch Literacki. 1937. N 2. S. 36; *Idem.* Historia literatury rosyjskiej. Lwów, 1922. S. 103—122.

что метафорическое употребление имен языческих богов, столь характерное для «Слова», появилось под влиянием песенного творчества скальдов.

Сравнительно много внимания уделяет Брюкнер своеобразной композиции и оригинальной поэтике «Слова», высоко оценивая мастерство анонимного древнерусского автора. Причины малой популярности «Слова» он усматривает в отсутствии в этом произведении «душеполезного» и «спасительного» начал, а также в отсутствии прямых связей памятника с письменной литературой своего времени.

Огромным событием в рецепции «Слова о полку Игореве» в Польше было появление в 1928 г. перевода этого памятника, принадлежавшего перу выдающегося поэта и замечательного переводчика Юлиана Тувима. Перевод был опубликован во второй серии «Национальной библиотеки», в состав которой входили шедевры мировой литературы, и был адресован широкому кругу читателей (книжки этой серии включались в списки обязательной литературы для гимназий и вузов) [54].

Содержательная вступительная статья большого знатока и любителя древнерусской литературы проф. А. Брюкнера, раскрывающая идейную сущность и художественное своеобразие «Слова», как и многочисленные обстоятельные комментарии к труднейшим местам поэмы, помогали читателям проникнуть в мир древнерусского произведения. Работа Тувима была высоко оценена как польскими, так и советскими рецензентами. Отмечалось умение переводчика передать поэтическое обаяние древнерусского текста [55]. Неудивительно, что именно этот перевод был включен в историю мировой литературы под редакцией С. Ляма [56].

Однако, несмотря на лестные отзывы рецензентов, Тувим продолжал работу над совершенствованием собственного переложения, ибо оно не до конца его удовлетворяло. Мысль о новом, более совершенном переводе «Слова» созрела у поэта в 40-е годы в эмиграции. Новый перевод был включен в вышедший в 1948 г. в Нью-Йорке сборник, посвященный «Слову о полку Игореве» [57]. Два года спустя он был опубликован в Польше в той же серии «Нацио-

---

[54] Słowo o wyprawie Igora // Przełożył J. Tuwim; Wstępem i objaśnieniami zaopatrzył A. Brückner. Kraków, 1928.

[55] Ср.: *Kułakowski S.* // Głos Prawdy. 1928. N 246; *Lednicki W.* // Przegląd Współczesny. Kraków, 1931. T. 35. S. 301; *Siedlecki F.* Przekłady z poezji rosyjskiej // Skamander, 1936. Z. 71—72; *Советов С.* Переводы «Слова о полку Игореве» на польский язык // Сборник работ студентов научных кружков фак. истории, языка и материальной культуры ЛГУ. Л., 1929. Стр. 36—42.

[56] Wielka literatura powszechna / Pod red. S. Lama. T. 6: Antologia, cz. druga. W-wa, 1933. S. 617—618. В т. 4 (Literatury słowiańskie, literatura bizantyńska i nowogrecka. W-wa, 1933. S. 361—363) о «Слове» писал А. Брюкнер.

[57] La geste du prince Igor'. Epopée russe du douzième siècle / Texte établi, traduit et commenté sous la direction d'Henri Grégoire, de Roman Jakobson et de Marc Szeftel. New York, 1948.

нальной библиотеки», что и первый перевод, со вступительной статьей и примечаниями Мариана Якубеца [58].

Второй перевод Тувима во многом отличается от первого. И дело тут не только в творческом использовании новейших исследований по «Слову», новых толкований некоторых темных мест, но главным образом в новом подходе к проблеме перевода вообще, в творческой эволюции Тувима-поэта и Тувима-переводчика [59].

Первый перевод отличается напевностью, песенной тональностью. Во втором переводе «Слово» звучит более сурово, местами даже резко (такой эффект объясняется, между прочим, ликвидацией лирических повторов и чрезмерного драматизма, выражающегося в обилии восклицательных конструкций, повышающих эмоциональный настрой произведения). Одним из самых выразительных примеров нового подхода к источнику может послужить сравнение тех фрагментов первого и второго переводов, которые соответствуют фразе: «Уныша бо градомъ забралы, а веселие пониче». В первом переводе она разрослась в целое шестистишие. Во втором переводе текст сокращен втрое, благодаря чему он более адекватен оригиналу:

Niewesoła nastała godzina,
Radość znikła, w grodach pustka głucha (s. 19).

В издании 1928 г. текст «Слова» был разбит на 12 песен, во втором переводе Тувим отходит от этого искусственного деления поэмы по гербелевскому образцу, предпочитая членение на более мелкие смысловые единицы, отличающиеся друг от друга и стихотворным размером, и рифмовкой, и характером повествования.

Самая большая трудность для переводчиков «Слова о полку Игореве», в том числе и для Тувима, состояла в том, чтобы сохранить исторический колорит памятника и одновременно передать народный, фольклорный характер многих образов произведения. Мастерство Тувима в этой области общепризнано. Поражает его умение соблюсти равновесие между архаическими и современными (лексическими и синтаксическими) формами, творческая передача стилистических особенностей «Слова».

В конце 40-х годов польские ученые откликнулись на работы Андре Мазона (считавшего «Слово» подделкой XVIII в.), присоединяясь к мнению советских защитников подлинности памятника [60]. В это же время появились интересные работы А. Зайонч-

---

[58] Słowo o wyprawie Igora / Przełożył J. Tuwim. Wstępem i objaśnieniami zaopatrzył M. Jakóbiec. Wyd. drugie, zmien. Wrocław, 1950.

[59] Ср.: *Sawicka J.* Tuwim i literatura rosyjska: Uwagi o twórczości przekładowej Tuwima // Studia Polono-Slavica-Orientalia: Acta Litteraria. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1977. T. 4. S. 15—16; *Łazarczyk B.* Sztuka translatorska Juliana Tuwima: Przekłady z poezji rosyjskiej. Wrocław etc., 1979. S. 97—101.

[60] *Urbańczyk S.* Z zagadnień literatury staroruskiej // Kuźnica. 1948. N 48; *Gomolicki L.* Autentyczność «Słowa o pułku Igora» w świetle badań radzieckich // Ibid.; *Zajączkowski A.* Obrona «Słowa o wyprawie Igora» // Odrodzenie. 1949. N 2.

ковского на тему половецко-славянских языковых контактов, проливавшие новый свет на некоторые из темных мест «Слова о полку Игореве» [61]. Так, например, Зайончковскому удалось доказать, что такие слова, как «чага», «ногата», «кобяк» и другие, восходят к тюркским языкам и отражают состояние древнерусского языка в киевскую эпоху, следовательно, их наличие в тексте «Слова» не может служить доводом его позднего происхождения.

С 50-х годов польские журналы постоянно знакомят своих читателей с лучшими работами о «Слове» [62], а также печатают статьи, посвященные польским переводам древнерусского памятника [63].

В 1954 г. А. Обрембска-Яблоньска публикует монографию, посвященную «Слову», которая по сей день остается самым серьезным трудом польских ученых на данную тему [64]. Работа состоит из двух частей. В первой части — «Историческое и культурное значение произведения» — рассматриваются вопросы, связанные с открытием рукописи «Слова» и первой его публикацией, освещаются проблемы текстологии «Слова», широко и объективно излагаются доводы защитников и противников древнего происхождения этого уникального памятника литературы Киевской Руси. Много внимания уделяется летописным сведениям о походе Игоря на половцев, а также вопросам поэтики и идейного звучания памятника. Наконец, даются сведения о влиянии «Слова» на древнюю и новейшую русскую литературу и делаются интереснейшие наблюдения над польскими переводами «Слова».

Во вторую часть вошли тексты «Слова» (древнерусский текст по изданию А. С. Орлова, филологический перевод на польский язык, выполненный З. Фэдэцким и автором монографии, второй перевод Ю. Тувима и фототипическое воспроизведение издания 1800 г.), сопровождаемые обширными комментариями, объясняющими польскому читателю реалии и поэтические образы памятника.

Работа Обрембской-Яблоньской была положительно оценена как рецензентами, так и многочисленными поколениями польских студентов-русистов, изучающими древнерусскую поэму именно по этому изданию [65].

---

[61] *Zajączkowski A.* O związkach językowych połowiecko-słowiańskich. Wrocław, 1949.

[62] Ср., напр., рецензии Р. Лужного (Slavia Orientalis, 1964. N 2), А. Обрембской-Яблоньской (Kwartalnik Instytutu Polsko-Radzieckiego. 1956. N 3/4) и Э. Горанина (Slavia Orientalis. 1974. N 1).

[63] Ср.: *Obrębska-Jabłońska A.* Transpozycja imion własnych w polskich przekładach «Słowa o wyprawie Igora» // Język Polski. 1951. N 2. S. 97—111; *Idem.* «Słowo o wyprawie Igora» w przekładach polskich // Pamiętnik Literacki. 1952. Z. 1—2. S. 408—441.

[64] Słowo o wyprawie Igora / W opracowaniu A. Obrębskiej-Jabłońskiej. W-wa, 1954.

[65] Ср. рецензию Х. Сафарэвич (Kwartalnik Instytutu Polsko-Radzieckiego. 1955. N 3. S. 192—194) и В. В. Данилова (ТОДРЛ. М.; Л., 1955. Т. 11. С. 504—505).

В 60—70-е годы статьи о «Слове» появляются в популярных и научных трудах [66], в журналах [67], но все они, как правило, опираются на существующую литературу и в связи с этим не отличаются новизной и большей самостоятельностью интерпретации древнерусского произведения, однако сам факт их появления должен быть оценен положительно, так как он способствует дальнейшей популяризации «Слова о полку Игореве» в Польше.

Обширные главы отведены «Слову» в новейших польских вузовских учебниках по истории русской литературы [68]. Для первого глава была написана В. Якубовским и Р. Лужным, для второго — Т. Колаковским. Оба автора очень обстоятельно знакомят читателей с древним памятником, особо подчеркивая его поэтическую привлекательность и непреходящую ценность.

Приведенные факты показывают, что «Слово о полку Игореве» вызвало у польских читателей глубокий интерес, результатом которого и явились многочисленные переводы, переложения и парафразы, а также попытки научного изучения древнерусского текста. Благодаря трудам переводчиков и исследователей этот замечательный памятник прочно вошел в круг чтения всех тех, кто интересуется средневековой литературой и средневековым эпосом, в частности.

---

66 *Sliwowski R.* «Słowo o wyprawie Igora» // Mały słownik pisarzy narodów europejskich ZSRR. W-wa, 1966. S. 257—258; *Łyżny R.* Słowo o wyprawie Igora // Słownik starożytności słowiańskich / Pod red. G. Labudy i Z. Stiebera. Wrocław; etc., 1975. T. 5. S. 303—305.

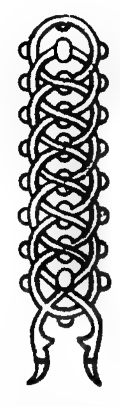
67 *Małek E.* Слово о полку Игореве // Język Rosyjski. 1974. N 5. S. 295—303.

68 Historia literatury rosyjskiej: Praca zbiorowa / Pod red. M. Jakóbca. Wyd. drugie zmien. W-wa, 1976. T. 1. S. 65—74; Literatura rosyjska w zarysie / Pod red. Z. Barańskiego i A. Semczuka. W-wa, 1975. S. 21, 34—40.

С. С. Лунден
(НОРВЕГИЯ)

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПЕРЕВОДА «СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ» НА НОРВЕЖСКИЙ ЯЗЫК

Дискуссии вокруг «Слова» ведутся без малого два века, и на первый взгляд представляется, что о проблемах его перевода нельзя сказать ничего нового, особенно если учесть, что библиография о нем содержит почти столько же номеров, сколько в нем слов. Поэтому автор этих строк должна сразу же признаться, что прочитала она далеко не все работы и потому рискует повторить кое-что из уже сказанного другими.

И если я все же отваживаюсь писать на эту тему, то причиной тому следующее: в течение многих лет я подготавливала для студентов ксерокопии норвежского перевода «Слова», ибо печатного перевода до сих пор нет. Вообще, насколько мне известно, существует лишь один перевод памятника на скандинавские языки, а именно датский перевод Тора Ланге (1888) [1]. Это очень вольный, но весьма поэтический пересказ, полностью в духе стиля героического эпоса его времени.

Во всей колоссальной библиографии есть всего одна работа, принадлежащая перу норвежца — рецензия проф. Улафа Брока на поэтический перевод Сиверса [2]. Хотя в ней по преимуществу рассматриваются вопросы метрики и фонетики, из нее явствует, что У. Брок был хорошо знаком со «Словом», хотя больше и не писал о нем.

То же можно сказать о его преемнике, проф. Христиане С. Станге, с конца 40-х годов регулярно читавшем курс лекций, посвященный «Слову». Именно эти его лекции, которые я слушала более 35 лет тому назад, пробудили у меня интерес к произведению, и интерес этот не угас и поныне. Он-то и придал мне смелости попытаться сделать перевод, обращенный к достаточно широкой читательской аудитории в Норвегии.

---

[1] Kvadet om Igors Fylke: Oldrussisk Heltedigt / Efter Grundtexten ved Thor Lange. Kbh., 1888.

[2] *Broch O.* «Eduard Sievers» Untersuchungen auf slavischem Gebiet // Norsk Tidsskrift for Sprogvidenskap. Oslo, 1930. B. 4. P. 5—70. За время подготовки книги вышла еще одна работа: Igorkvadet: Oversatt av Siri Sverdrup Lunden. Med. etterod av Jostein Bortnes. Oslo: Universitetsforlaget AS, 1987.

С какими же проблемами сталкивается тот, кто переводит «Слово» на норвежский язык? В общем, с теми же, что возникают при переводе на любой иностранный язык. Однако есть и своя специфика. Характерной чертой языковой ситуации в Норвегии является наличие двух официальных языковых норм — букмола и «новонорвежского», и на первый взгляд может показаться, что труден сам выбор одной из этих норм. Между тем лично для меня тут трудностей не было: естественный для меня вариант — это букмол, им я пользуюсь всю жизнь. Конечно, существует множество великолепных поэтических переводов произведений иноязычной литературы, равно как и памятников норвежского средневековья, на «новонорвежский», но я не могу обольщаться мыслью, будто я владею этим вариантом столь же уверенно, как тем, которым владею с детства.

Общеизвестно, что главное требование, предъявляемое к переводу, — требование максимально возможного соответствия оригиналу. В идеале это относится как к содержанию и идее произведения, так и к его форме (рифме и метрике). Разумеется, это идеальное требование не может быть полностью выполнено при переводе средневекового памятника вроде «Слова», тем более что, несмотря на усилия исследователей, в нем есть темные места, в отношении которых не достигнуто полного единства взглядов.

Подготавливаемый мною сейчас к печати перевод обращен к более широкой читательской аудитории, нежели круг филологов-русистов, для которых я переводила до сих пор, и к нему предъявляются иные требования. Если хочешь, чтобы перевод дошел до широких читательских кругов Норвегии, интересующихся литературой, но едва ли даже подозревающих о существовании «Слова», то он, этот перевод, должен прежде всего передать читателю хотя бы часть тех ощущений, которые оригинал вызвал у переводчика. Такой перевод не должен перебиваться бесчисленными сносками и примечаниями. Насколько это возможно без насилия над оригиналом, следует отбирать «самообъясняющиеся» эквиваленты, т. е. слова и выражения, смысл которых ясен сам по себе.

Современный норвежский читатель, как правило, не слишком хорошо знаком с социальными, историческими и культурными условиями, являющимися фоном «Слова». Сообщить эти сведения можно, разумеется, в предисловии; в той или иной форме следует дать пояснения, касающиеся неизвестных имен, топонимов и т. п. С другой стороны, мы оказываемся в выгодном положении, поскольку у нас есть переводы весьма богатой древнескандинавской литературы, и хотя в наши дни не всякий школьник читал, к примеру, «Круг земной» Снорри Стурлусона со множеством скальдических стихов, мы вправе полагать, что читать перевод «Слова» будут те, кто знаком со Снорри. Сообщая переводу до некоторой степени тональность саг (не превращая его, однако, в пастиш), можно связать мир «Слова» с другим известным читателю миром.

И еще одна проблема, сложная не для всех переводчиков «Слова», но для части их, в том числе и для автора: не все мы

поэты. К сожалению, филолог-лингвист, годами изучавший «Слово» именно как филолог, уже по одному этому не может воссоздать его в поэтической форме. Поэтому я прибегла к помощи друзей, которые незнакомы с оригиналом и потому, не будучи связанными текстом, могли критиковать те места перевода, которые им казались буквализмами или недостаточно поэтичными.

Перехожу к рассмотрению конкретных вопросов.

Лексика. Я стремилась в принципе избегать неоправданных архаизмов и непонятных слов. Когда «Слово» создавалось, оно, следует полагать, было понятно слушателям. Хотя язык этого произведения не был идентичен разговорному языку, слушателями были люди, знакомые с поэтическими выразительными средствами произведений этого жанра, и даже для тех, кто слушал его впервые, в нем не было ничего непонятного. Потому и не следует без нужды затемнять перевод, заставляя читателя непрерывно смотреть в словари. На долю переводчика выпадает трудная задача избежать Сциллы архаизации и Харибды модернизации.

Конечно, определенная часть лексики перевода не может не представляться архаичной. Взять хотя бы терминологию, связанную с вооружением, не говоря уже о других реалиях.

В общем я руководствовалась следующим принципом: слова, известные из переводов, скажем «Круга земного», можно использовать и в переводе «Слова». Сказанное относится, например, к слову *полк*. В современном норвежском языке значение «поход» может быть переведено словом felttog, а в значении «войско» ему соответствует слово regiment. Но оба эти эквивалента слишком «современные» для того, чтобы их можно было поместить в наш средневековый текст; поэтому я пользуюсь употребительными в переводах саг словами hærtog и fylking (в последнем случае филологу доставляет радость и этимологическое родство). Русской лексеме *дружина* в сагах соответствует hird, но слово это, к сожалению, отягощено для моего поколения отрицательными ассоциациями: так называлась боевая организация норвежских нацистов; впрочем, с молодыми читателями дело, видимо, обстоит иначе. Слову *труба* соответствует современное норвежское trompet, horn, но в сагах (как, кстати, и в фольклоре) используется lur. Думается, предложение *трубы трубят в Новѣградѣ* адекватно переводится норвежским lurene lyder i Novgorod.

С сельскохозяйственной терминологией современный читатель в целом знаком плохо. Особые трудности доставляет переводчику слово *цеп*. В современном норвежском языке это понятие обозначается тремя различными территориально ограниченными лексемами: tust, sliel, flygel. Здесь я предпочла менее точное соответствие med staver av stål «стальными палками (батогами)» (в оригинале *чепи харалужными*): оно хоть избавляет читателя от необходимости пользоваться словарем.

Сложно передать понятие, обозначаемое словом *обида*. «Словарь-справочник» (Л., 1973. Вып. 4. С. 10) дает следующее определение значению трех из пяти случаев употребления слова:

«. . .оскорбительное нарушение прав, нанесение ущерба для чести». Трудно подобрать норвежское слово. которое бы однозначно и полно выражало именно это понятие средневекового кодекса чести. Переводчики «Слова» по-разному решали данную проблему. Д. Оболенский в своем прозаическом переводе [3] во всех пяти случаях пользуется словом injury, X. Грассхофф [4] (перевод его также прозаический) использует 4 различных слова (Beute, Kränkung, Rechtlosigkeit, Niederlage), Деннис Уорд [5] 4 раза дает эквивалент offence, а в предложении *встала обида въ силах Даждьбожа внука* — перевод injury.

Мне не удалось найти норвежское слово, которое бы адекватно передавало понятие «нарушение княжеских феодальных прав» [6]; слова fornærmelse, krenkelse ассоциируются прежде всего с оскорблением личности. Лучшее, что мне удалось подыскать, — это перевод vanære «бесчестье». Но и при этом трудно воспроизвести персонификацию Обиды в «въстала обида»; сама форма женского рода в русском языке придает такую особую наглядность этому образу, какую не в состоянии придать ему ни одно норвежское слово. И если перевести *за обиду Ольгову* норвежским соответствием английскому all for the offence of Oleg, то смысл искажается (здесь, представляется мне, многие переводчики допускают неточность, поскольку читатель воспринимает форму родительного падежа как родительный субъекта). В данном случае приходится прибегать к описательному переводу, как, например у Ирины Петровой [7]: for a wrong done to Oleg, «потому что он обидел Олега».

Аллитерация (*ассонанс*). Эти выразительные средства характерны для норвежской средневековой поэзии (в особенности аллитерация) и, разумеется, используются в современной норвежской поэзии (и фольклоре). В прошлом веке, когда темы, связанные с сагами, были популярны, норвежские поэты крайне широко использовали аллитерацию в произведениях этого жанра, так что порой это смахивало на пародию. Ср. первые строки «Слова» в переводе Тора Ланге:

> *St*ander tæt i Kreds, *st*emmer op en Sang,
> *St*emmer op en Sang efter gammel *S*æd,
> Om en blodig *F*ærd, om en *f*ylket Hær,
> *F*ørt af Igor, Søn of *F*yrst Svjatoslav.

---

[3] The Penguin Book of Russian Verse / Introduced and Edited by D. Obolensky. Harmondsworth, 1969. P. 58—71.

[4] Altrussische Duchtung aus dem 11.—18. Jahrhundert / Hgg. von Helmut Grasshoff. Leipzig, 1971. P. 58—71.

[5] *Ward D.* «Slovo o polku Igoreve» // Forum for Modern Language Studies. 1966. N 2. P. 160—174.

[6] *Лихачев Д. С.* «Слово о полку Игореве»: «Историко-литературный очерк) // Слово о полку Игореве / Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1950. С. 279.

[7] The Lay of the Warfare Waged by Igor / Translated from Old Russian into English by I. Petrova. M., 1981.

Станем тесно кругом, затянем песню,
Затянем песню по старому обычаю,
О кровавом походе, о поднятом войске,
Ведомом Игорем, сыном князя Святослава.

Однако, чем дольше я работала над переводом «Слова», тем больше приходила к убеждению, что аллитерация и ассонанс составляют часть поэтической структуры произведения и что они должны быть отражены в переводе. Суть дела состояла в том, чтобы использовать эти средства там, где они естественны в норвежском, а не пытаться воспроизвести аллитерацию и ассонанс оригинала. Например, место *«наплънився ратнаго духа. . .»* легко передается так:

*F*ylt av krigerånd
*F*ørte han sin tapre *f*ylking. . .

Буй-Тур Всеволод также поддается аллитерации: *V*sêvolod *V*illtyr.

Ср. также выше: lurene lyder i Novgorod, staver av stål.

Инверсия. Как известно, современный норвежский язык характеризуется более жестким порядком слов, чем древненорвежский и русский, так что и в этом отношении нельзя соблюсти абсолютную верность оригиналу. Нормальный (нейтральный) порядок слов в современном норвежском языке: подлежащее — сказуемое (— дополнение) — обстоятельство; однако если на первое место вынести второстепенный член предложения (дополнение либо обстоятельство), то за ним непременно следует сказуемое (точнее, личная форма глагола), а потом подлежащее, ср.:

Da så Igor opp mot den lysende sol. . .
досл.: Тогда посмотрел Игорь вверх на. . . Тогда Игорь възрѣ. . .

Характерный для оригинала порядок слов «обстоятельство — подлежащее — сказуемое» здесь исключен.

Естественно, и в норвежском в целях эмфазы рема может ставиться перед темой. Так, в приводимых ниже примерах дополнение может быть вынесено в начало предложения, ибо оно не может быть воспринято как подлежащее:

Veine kjenner de. . . Пути им вѣдомы. . .

Våre kjære menn kan vi ikke lenger sanse i sinnet. . .

Уже намъ своихъ милыхъ ладъ ни мыслию смыслити. . .

Однако в иных случаях нарушения обычного порядка слов произвели бы впечатление архаизации либо нарочитых красивостей. Конечно, порою трудно устоять перед соблазном воспользоваться этим средством для достижения ритмического эффекта:

Steg da fyrst Igor i sin gylne stigbøyle. . .
Тогда вступи Игорь князь. . .

Постановка глагола на первое место часто встречается в скальдической поэзии, а также в «стиле саг» минувшего столетия, но я пользовалась этим приемом достаточно осторожно.

Что касается сочетания «эпитет — имя собственное», то нормой для современного норвежского языка (в титулах и прозвищах) является постпозиция эпитета, например: Olav den hellige («Улав Святой»). Этот принцип проведен и в переводе: Jaroslav den gamle («Старый Ярослав»), Mstislav den tapre («Храбрый Мстислав») и т. д.

Ритм. Хотя в «Слове» бесспорно есть следы ритмических единств, в переводе на современный язык не следует пытаться копировать их. Наилучшим, на мой взгляд, решением является придание всему переводу некой ритмичности и тем самым плавности. Филологу, стремящемуся педантично следовать букве оригинала, это было особенно трудно, и здесь я глубоко признательна моим консультантам за их советы и конструктивную критику.

Темные (*спорные*) *места.* Как хорошо известно, в «Слове» есть еще ряд темных мест и мест, толкуемых весьма различно. Могу сказать, что в целом я руководствовалась прагматическими соображениями, т. е. оказывала предпочтение такому решению, которое с лингвистической и палеографической точки зрения представлялось оправданным и при этом наиболее четко передавало смысл современному читателю. В очень многих случаях эти толкования совпадают с решениями, к которым пришли советские исследователи (в первую очередь Д. С. Лихачев), хотя и не во всем.

Может представиться спорной установка на «наиболее четкую передачу смысла». Отдельные переводчики следуют до некоторой степени принципу, согласно которому то, что темно, должно оставаться темным и в переводе, ибо «Слово» — это руины памятника, а руины в принципе не следует восстанавливать. Согласно же моей принципиальной установке на то, что «Слово» должно быть доступно современному читателю, недопустимо затемнять текст там, где этого можно избежать. Для того чтобы современный норвежский читатель, незнакомый с русским средневековьем, проникся духом «Слова», почувствовал его очарование, он должен идти столь трудным путем, что путь этот не грех сделать чуточку легче.

И все же есть места, где я отступала от этого принципа. Особенно это относится к месту *Донъ ти, княже, кличетъ. . .* в «золотом слове» Святослава. Вставка эта производит впечатление абсолютно немотивированной, и ни одно из предлагаемых исправлений не представляется мне убедительным. Как ни перекраивай это место, остается неясным, кто же произносит эти слова и к кому они обращены. Так оно и осталось нерешенным в моем переводе.

Рассмотрение всех темных мест завело бы нас слишком далеко, поэтому я ограничусь тем, что приведу несколько более или менее прагматических решений.

Дебрь Кисаню. Хотя прочтение *лес Кияни*, быть может, столь же верно, что и *дъбрьски сани*, я предпочла последнее, поскольку факт перевозки покойников на санях засвидетельствован в источниках. Мой перевод gravslede, правда, не дословен: первый компонент этого слова, означающий «похоронный, могильный», выбран для того, чтобы читателю стал ясен смысл сна.

Хынова. Ввиду того, что веские аргументы говорят в пользу трактовки слова как «гунны» (возможно — венгры как их потомки), я перевожу слово эквивалентом hunnerne «гунны». Слово это знакомо норвежскому читателю и, вероятно, вызовет требуемые ассоциации. Если перевести его словом hedning «язычник» (или англ. pagan, как это делает кое-кто), то читатель может подумать, что речь здесь снова идет о половцах. Другое решение — оставить слово в тексте без перевода — на мой взгляд, значит излишне усложнить перевод. Напротив, такие названия, как татраны, шельбиры, топчаки и т. п., оставлены мною в тексте без перевода. Этот список названий экзотических народностей сам по себе поэтичен и может быть прочтен без учета того, что они обозначают.

Въ друзѣ тѣлѣ. Это прочтение, забракованное многими исследователями в пользу *въ дрѣзе тѣлѣ*, я сохранила, поскольку оно очень близко древненорвежскому обозначению оборотня eigi ein-hamr «имеющий не одной обличье» [8]. К сожалению, в современном норвежском языке нет адекватного эквивалента для этого значения, так что я использовала более конкретное varulv-kropp «тело оборотня».

Днѣпрь темнѣ. Большинство правит это место, деля первое слово на *днъ при.* Один из аргументов в пользу такого прочтения состоит в том, что река Днепръ не подходит здесь по смыслу, так как речь идет о сравнении рек Донец и Стугна. Но Днепр вполне мог быть назван здесь как конкретная информация: ведь мать Ростислава могла оплакивать сына у себя в Киеве, где она предположительно находилась, когда до нее дошла скорбная весть. Исправление на *Днѣпрѣ* не более крупное, чем многие другие предложенные.

И ходы на. И в этом случае переводчику приходится самому делать выбор в соответствии с тем, что ему кажется правильнее. Нельзя отвергнуть взгляд многих исследователей, видящих здесь имя (еще) одного неизвестного певца — *Ходына*, но я предпочла исправление и *до сына Святославля.* Читателю, внимательно следившему за изложением до этого места, известно, что Боян был вещий и, таким образом, пел о будущем, в данном случае предрек судьбу сына Святослава.

Таковы несколько примеров, призванных проиллюстрировать принцип, которому я следовала в отношении передачи темных мест. Мне лично кажется, что я нигде не совершила насилия над текстом и могу оправдать мои решения. Возможно, не все с этим согласятся. Нужна большая смелость, чтобы вообще взять на себя попытку сделать «Слово» доступным новому кругу читателей, и мне остается лишь надеяться, что мой перевод покажет норвежским читателям достоинства этого произведения.

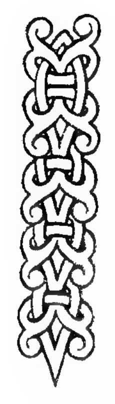
Перевел с норвежского В. П. Берков

---

[8] *Jakobson R.* Selected Writings. IV. The Hague-Paris, 1966. P. 158. С. С. Лунден дополнительно указала на датский перевод «Слова». Igorkvadet. Oversat og Kommenteret of Georg Sarauw. Odense, Universitets — forlag. 1985.

Вэй Хуанну
(КНР)

«СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ» В КИТАЕ

Русская литература, которую основоположник литературы Китая Лу Синь назвал «нашим учителем и другом», начала постепенно проникать в Китай в конце XIX в. К 20-м годам XX в. изучение русской литературы в Китае достигло расцвета [1]. Мы узнали, что в истории русской литературы есть жемчужина, национальная эпическая поэма «Слово о полку Игореве», не уступающая таким памятникам средневековой европейской литературы, как «Песнь о Роланде», «Беовульф», «Песнь о Нибелунгах».

Нас познакомил со «Словом» Цюй Цюбо, один из руководителей КПК, первый китайский писатель, посетивший СССР. В 1921 г. в статье «Русская литература до Октябрьской революции» он писал: «В древней литературе конца XII—начала XIII в. самым достоверным произведением, которое также дошло до нас полностью, является „Слово о полку Игореве“ о походе Игоря в 1185 г. против половцев. Автор „Слова“, видимо, приближенный князя, он не только владеет литературным языком, но и излагает причины поражения похода, а также обращается с наказом к князьям».

В 1921 г. в журнале «Сяошо юэбао» (приложение № 12, главный редактор Мао Дунь) — «Изучение русской литературы» — была помещена статья Шэнь Цзэминя «Русская эпическая поэма», в которой также упоминалось «Слово». Шэнь Цзэминь в 20-е годы учился в Советском Союзе. Он приходит к выводу, что «Слово» было написано в XV в. Неизвестный автор в первых строках говорит, что он будет пользоваться «формой своего времени, а не той, которой пользовался Боян». Цюй Цюбо первым в Китае высказал мысль, что «автор, скорее всего, был приближенным князя» [2]. Шэнь Цзэминь считал, что автор «действительно был известным поэтом того времени». Б. А. Рыбаков полагает, что автором «Слова» был знатный феодал Петр Бориславич [3]. Мы считаем, что мысль Б. А. Рыбакова также является предположением, она не имеет каких-либо неопровержимых доказательств.

---

[1] *Цюй Цюбо.* Русская литература: Сб. рассказов. Шанхай. 1920.
[2] *Цюй Цюбо.* Собр. соч. Пекин. 1956. Т. 3. С. 468.
[3] *Рыбаков Б. А.* Русские летописи и автор «Слова о полку Игореве». М., 1972.

В «Краткой истории русской литературы», написанной известным писателем и ученым Чжэн Чжэньдо, было высказано суждение о связи «Слова» с фольклором: «В начальный период эпохи просвещения русская литература, как и во многих других странах, включала в себя немало устных народных произведений, которые передавались из поколения в поколение. . . Это и народные песни, и баллады, и эпические поэмы. . . Часть произведений распространились из Монголии, Турции и других восточных стран. Самым известным из них является эпическая поэма „Слово о полку Игореве“» [4].

Особо следует отметить ярко выраженную патриотическую позицию автора, который по своему духу близок к трудовому народу Руси. Его произведение — это горячий призыв к объединению Руси, призыв к князьям встать на ее защиту перед лицом внешней угрозы. «Слово» — плод духовного творчества очевидца события.

В 20—40-х годах помимо работ китайских исследователей в трудах европейских и американских авторов часто упоминалось «Слово», что расширило наши знания и кругозор. Например, М. Бэринг в книге «Русская литература» писал: «Это не только одно из заметных древнерусских произведений с точки зрения его особенностей, присущей ему исторической правды, живости изложения — оно занимает важное место и в истории европейской литературы. Некоторые даже сравнивают его с „Песнью о Роланде“» [5].

В начале 30-х годов в «Истории русской литературы», автором которой был популярный в свое время в Китае Кропоткин, также содержалась очень высокая оценка «Слова». Оно было охарактеризовано как «прекрасная» и богатая поэтическими жанрами поэма. Автор особенно высоко оценил прекрасный плач Ярославны, назвав его «самым лучшим образцом ранней русской поэзии».

Гонконгским издательством «Наньго чубаньшэ» был выпущен сборник «Хундоу» (т. 2). Во втором его номере — «Мировой эпос» — издан сделанный неизвестным переводчиком сокращенный перевод английского перевода «Слова». В предисловии отмечалось, что эта поэма — «свет русского фольклора, сокровище России». Перевод этот содержит лишь несколько интересных отрывков «Слова» и сделан довольно точно.

С течением времени значение «Слова» все больше возрастало во многих странах мира. Оно тщательно изучалось не только в Советском Союзе, но и было переведено на десятки языков, получило известность за пределами СССР.

К сожалению, в старом Китае было очень трудно познакомиться с русским изданием «Слова». Образование нового Китая

---

[4] *Чжэн Чжэньдо.* Краткая история русской литературы. Шанхай: Шан"у иншугуань, 1924. С. 6.

[5] См.: *Бэринг М.* Русская литература. 1930. С. 5. На кит. яз.

открыло широкие возможности для переводчиков и исследователей русской литературы. В течение 50-х годов переводы и работы по русской литературе занимали самое важное место в переводах зарубежных литератур в Китае. В 1954 г. издательство «Бэйцзин цзоцзя чубаньшэ» выпустило «Историю русской литературы» под редакцией Н. Бродского (переводчики Цзян Лу и Сунь Вэй). Этот учебник для средней школы стал первой книгой, которая позволила китайским читателям познакомиться со «Словом». Кроме того, данная книга оказала глубокое влияние на преподавание и изучение у нас русской литературы. С 1954 по 1957 г. вышли три эпические поэмы: «Витязь в тигровой шкуре» грузинского поэта Ш. Руставели, армянская поэма «Давид Сасунский» и «Слово» [6].

Автор данной статьи в начале 40-х годов занимался переводами русской литературы. Испытывая большой интерес к «Слову», я собрал несколько различных вариантов его перевода на современный русский язык. В Пекинском университете курс лекций по русской литературе я начал со «Слова». Основывался я главным образом на переводе «Слова» Д. С. Лихачева, вышедшем в издательстве «Детская литература», пользуясь также изданием АН СССР 1950 г. под редакцией В. П. Адриановой-Перетц и английским изданием Оксфордского университета 1915 г. Во второй половине 1954 г. я перевел поэму, напечатал ее и роздал перевод каждому студенту. Я неоднократно редактировал свой перевод и в 1957 г. издал его в Пекине. Это китайское издание «Слова» было иллюстрировано гравюрами В. А. Фаворского. Карты и генеалогическая таблица были даны по изданию АН СССР. В китайском издании 224 примечания, взятые из оригинала, а частично и из других переводов. В «Послесловии» я, по мере своих сил, показал исторический период создания поэмы, ее общественно-историческое значение, рассказал о ее художественных особенностях. В 1982 г. мною было осуществлено второе издание «Слова», в котором помещен новый перевод «Задонщины». Хотя тираж обоих изданий невелик, однако они позволили показать китайским читателям огромные достоинства этой эпической поэмы, имеющей всемирное значение. Дополнительно замечу, что в 1957 г. издательство «Бэйцзин иньюе чубаньшэ» выпустило перевод замечательной оперы А. П. Бородина «Князь Игорь» (переводчики Чэнь Мянь и Цзинь Шэнь). Это было первое издание русской оперы в Китае, и оно привлекло большое внимание музыкальной общественности.

Выход в свет китайского перевода «Слова» дал возможность читателям понять высокую идейность поэмы, ее глубокий лиризм и блестящую художественную технику. Мы считаем, что причина жизненной силы поэмы в том, что она пронизана великим чувством человеколюбия и глубоким пониманием «воинской доблести».

---

[6] См.: Слово о полку Игореве. Пекин: Жэньминь чубаньшэ, 1957.

После выхода в 1957 г. перевода «Слова» на китайском языке оживилась атмосфера преподавания истории русской литературы и истории зарубежной литературы в вузах страны, расширился кругозор студентов. Перевод «Слова» вошел в первый том экспериментального учебного пособия для вузов «Хрестоматия зарубежной литературы» (1961). В хрестоматию были включены три прекрасных отрывка из «Слова»: битва Игоря с половцами, «золотое слово» Святослава, плач Ярославны. Здесь говорилось, что автор выразил в поэме «стремление к объединению Руси», выразил самые прекрасные чувства и сильную любовь к родине, и поэтому поэма вечно живет в сердцах людей. «Хрестоматия зарубежной литературы» в 1979 г. была переиздана шанхайским издательством «Ивэнь чубаньшэ» и распространилась по всей стране, расширив влияние «Слова». В 1964 г. вышло в свет учебное пособие для гуманитарных факультетов «История европейской литературы» (I часть) под редакцией Ян Чжоуханя. В разделе «Героические баллады и рыцарская литература» был помещен специальный комментарий к «Слову».

После 1966 г. в результате «десятилетия смуты» исследования и преподавание русской литературы были почти полностью прерваны. Только после разгрома «банды четырех» началось постепенно восстановление изучения и издания произведений иностранной литературы.

В 1980 г. в издательстве «Гуйчжоу жэньминь чубаньшэ» вышла книга «55 лекций по зарубежной литературе» (I часть). В этой книге дано краткое описание событий, изображенных в «Слове», рассказывается о композиции поэмы, ее связях с народным творчеством. В 1982 г. были изданы два тома «Китайской энциклопедии», посвященные зарубежной литературе. В статье «Слово», написанной мною, говорилось следующее: «Древнерусская героическая эпическая поэма. Автор неизвестен. Написана в период между 1185—1187 гг., основана на реальном факте разгрома дружины князя Игоря в 1185 г. В то время Киевская Русь переживала внутренние и внешние неурядицы, смута не прекращалась. Князья боролись за власть, истребляли друг друга, тогда как тюркские племена половцев, жившие на побережье Черного моря, серьезно угрожали безопасности русского народа. Автор показывает, что причиной национального кризиса является не сила врага, а распри между князьями. Он призывает князей к единству, к совместному отпору врагу. По замыслу автора, киевский великий князь изображается как мудрый правитель, защитник интересов всей Руси. Патриотизм поэмы имел в то время реальное значение». Как отмечал К. Маркс, «суть поэмы — призыв русских князей к единению как раз перед нашествием собственно монгольских полчищ» [7]. Автор, с одной стороны, осуждает Игоря за стремление к личной славе, за его необдуманную попытку

---

[7] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 29. С. 16.

сражаться в одиночку. В то же время автор воспевает дух героизма Игоря, смело выступившего против врага. Автор изображает поход Игоря не только в кровной связи с народом, но и в тесной связи с русской землей, природой. Выступает ли Игорь в поход, терпит ли поражение, возвращается ли на Русь, птицы и звери русской земли, травы, деревья и даже горы и реки постоянно делят с ним его радость и горе. Все это усиливает патриотизм и лирику поэмы. Хотя автор одушевляет природу, он выражает идеологию христианства. К. Маркс писал: «Вся песнь носит героически-христианский характер, хотя языческие элементы выступают еще весьма заметно» [8]. Добавлю, что в поэме соединяются вместе лирика и эпос. Многие образы и сцены (некоторые военные эпизоды, побег Игоря) заимствованы из народных песен, богаты их символикой. Плач Ярославны восходит к народному плачу.

Обращает на себя внимание дискуссия, развернувшаяся в Китае, о характере похода Игоря. В 1982 г. в третьем номере «Вестника Куньминского педагогического института» (провинция Юньнань) была опубликована статья Лю Вэньсяо «К вопросу о „патриотизме" „Слова о полку Игореве"». Автор на основе многочисленных ссылок и цитат подверг сомнению точку зрения советских и китайских ученых о том, что «Слово» является патриотическим произведением. Его основной довод состоит в том, что война была развязана князем Игорем, который тайком напал на половцев. Половцы же, будучи не готовыми, вынуждены были поспешно принять вызов. «Ответственность за эту войну лежит на Игоре, на русских князьях». «На каком основании, — пишет автор, — Игорь начинает эту войну? Является ли месть поводом для начала войны? Ни он, ни русские князья не имели права на это, так как только за год до похода Игоря (в 1184 г.) киевский великий князь Святослав во главе объединенного войска русских князей совершил поход против половцев, в результате которого был даже взят в плен хан Кобяк. . . Если говорить о мести, то такое право имели только половцы, а совсем не русские князья.

Относительно территориального вопроса в поэме ясно сказано, что в то время граница между русскими и половцами проходила по рекам Сула и Рось. Игорь перешел традиционную границу и вошел в земли половцев, нападая на людей. Разве может быть «патриотическое» обоснование подобных неоднократных вторжений на чужую землю?

Что же, в конце концов, повлекло Игоря в поход на половцев? Не что иное, как алчные устремления, присущие феодальной знати.

В целом изображенные в поэме причины войны, ее цели, место, способы и последствия, а также симпатии и антипатии народа показывают, что походы Игоря или русских князей не являются патриотическими, носят несправедливый характер. Каково от-

---

[8] Там же.

ношение автора к походу? Этот так называемый поэт-патриот полностью одобряет его. Он осуждает Игоря не за его агрессию против других, а за то, что Игорь хотел в одиночку захватить все плоды победы, не смог выбрать удобный момент. Игорь начал «слишком рано», что привело к разгрому его дружины и позору. Несмотря на это, автор восхваляет «героизм» и «чаяния» Игоря. В конце поэмы автор восклицает: «Слава Игорю Святославичу. . . Да здравствуют князья и дружина!» За что? За то, что совершили агрессию. За то, что убивали и насиловали. За то, что покрыли себя позором во имя Руси». Лю Вэньсяо подчеркивает, что выступать за единение не означает «патриотизм». Всякое единение имеет цель — или это единение для защиты от агрессии, или это единение для совершения агрессии. Если только в общем, абстрактно говорить о „единении против врага", то это не значит говорить о „патриотизме"».

Статья Лю Вэньсяо привлекла внимание китайских ученых, вызвала оживленные споры. Выступая против главного аргумента статьи Лю Вяньсяо, Бао Лянцзюнь (из Пекинского университета) написал статью «„Слово о полку Игореве" — патриотическое произведение» [9]. Автор говорит, что в конце IX в. образовалось государство Киевская Русь, которое фактически лишь внешне имело вид государства. Это был конгломерат малых княжеств, не объединенных между собой. Отношения между киевским великим князем и местными князьями носили характер вассальных отношений без поднесения дани или ограничивались поднесением дани. Поэтому в 1054 г., после смерти киевского князя Ярослава, на Руси начался процесс феодальной раздробленности, вовлекавший Русь в братоубийственные войны. Распри между князьями облегчили возможность внешней агрессии, постоянные набеги половцев из южных степей создали серьезную угрозу безопасности Руси. Существуют доказательства набегов половцев на Русь в 1061, 1068, 1092, 1093, 1096 гг. За период с 1061 по 1210 г. половцы совершили более 46 крупных набегов на Русь, не считая еще большего числа нападений меньшего масштаба. Половцы много раз вторгались в район Переяславля—Киева, сжигали поселения, уводили людей, угоняли скот, разоряли поля, перерезали торговые пути. «В начале XII в. обстановка изменилась. Владимир Мономах стал великим князем киевским, междоусобицы уменьшились. Русские князья предприняли жесткие меры в отношении половцев. Дружины некоторых князей выступили в совместные карательные походы. Князья предпринимали походы против половцев, например, в 1103, 1106, 1107, 1111, 1116 гг. В течение XII в. было предпринято 16 довольно крупных походов, в том числе поход Игоря.

Обобщая вышесказанное, можно утверждать, что половцы нападали на находившуюся уже в упадке Русь и нанесли ей боль-

---

[9] История СССР (исторический ф-т Ланьчжоуского ун-та). 1984. N 1.

шой ущерб. Некоторые западные историки рассматривают вторжения половцев как главную причину упадка Киева. Основным аргументом служит то, что вторжения вызвали сокращение населения в районе Киева, поля были разорены. Если серьезно поставить вопрос об «ответственности», то можно сказать, что первыми спровоцировали раздоры половецкие ханы. С обеих сторон война была жестокой, и половцам она тоже принесла тяжелые бедствия. Однако вопрос в том, может ли какой-либо один поход русских князей, например такой, как поход Игоря, считаться агрессией русских против половцев? Но из вышеизложенных фактов видно, что лучше поставить вопрос следующим образом: сколько раз походы Игоря носили характер ответного удара в качестве самообороны? Такая постановка, пожалуй, не будет чрезмерной.

Автор «Слова» решительно осуждает нападения половцев на Русь, восхваляет героев, павших при защите Руси. . . Это и есть яркое проявление патриотизма».

Бао Лянцзюнь указывает, что автор поэмы требует усиления княжеской власти, надеется, что «слабый» великий князь киевский станет идеальным предводителем всех князей, надеется на появление сильного единого государства. «Можно сказать, что в поэме проводится идея уважения к правителю и любви к родине. Поэтому „Слово" является все-таки прекрасным патриотическим произведением Древней Руси». Статья Бао Лянцзюня не только оказала убедительное воздействие на читателей, но и пробудила горячий интерес к изучению древней русской литературы.

Лу Цзяюй (из Пекинского университета) также не согласен с доводами Лю Вэньсяо. Он считает, кроме того, что в Китае некоторые читатели не имеют достаточных знаний о «Слове», поэтому он приложил силы для перевода работы Д. С. Лихачева «Золотое слово русской литературы» [10].

«Слово» не только хорошо известно в Китае преподавателям, студентам и исследователям. Оно привлекло широкое внимание китайских поэтов. Некоторые из них чрезвычайно высоко оценили поэму. Например, поэт Ли Юенань написал статью «Драгоценность из сокровищницы мировой поэзии, жемчужина народной литературы». Автор показывает глубокую связь эпической поэмы с фольклором, затем он делит мировой эпос на «эпос о создании мира» и «героический эпос». Примером первого являются «Великие оды. Рождение народа» из китайской «Книги песен» — «Шицзин». Примером «героического эпоса» является «Слово», которое представляет собой синтез индивидуального таланта и коллективного устного народного творчества. Это очень напоминает «Девять песен», «Вопросы к Небу», «Лисао» из «Чусских строф» китайского поэта Цюй Юаня. Литературные произведения, как пишет автор, «сочетающие в себе талант поэта и коллективное

---

[10] См.: Зарубеж. лит. (Пекин. ун-т). 1984. № 2.

творчество народа в Китае, могут называться „простонародной литературой“». В них можно обнаружить одни и те же способы художественного изображения: развитие сюжета идет в хронологическом порядке (это не мешает использованию возврата к описанию прошлых событий), часто встречаются «вступление» и «заключение», построение фраз и лексика близки к устной речи, для которой характерна сжатость и ясность изложения, часто используются гиперболы, повторы, разъяснения, символы и другие художественные формы. На примере «Слова» это можно показать. Автор поэмы с помощью гиперболы рисует князя Всеволода Святославича как богатыря: «Яр-тур Всеволод! Куда тур // ни поскачешь // своим шлемом златым посвечивая, // там и лежат поганые // головы половецкие!» Прием повтора использован при описании того, как трижды «Ярославна плачет», не меняется только место плача. Еще пример: «На Немиге // стелют снопы головами, // молотят цепами булатными, // на току жизнь кладут, // веют душу от тела!» Это аналогия. Все указанные художественные приемы встречаются не только в «Слове», они являются общими для фольклора и народной литературы мира. В народной литературе привычные, пришедшие из устного творчества лексика и приемы служат для более глубокого выражения главной темы. Эта первая статья, в которой китайский писатель анализирует «Слово» с точки зрения фольклора, заставила нас по-новому взглянуть на произведение.

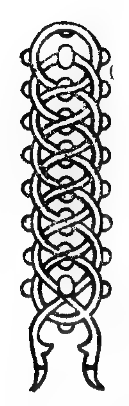
В целом со времени появления перевода «Слова» на китайский язык поэма получила широкое распространение среди китайской интеллигенции. Особенно взволновал нас дух патриотизма, которым проникнута поэма.

В. К. Былинин

«СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ» В ИСПАНИИ И ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ

1. Первые испанские переводы

Испанцы получили возможность впервые ознакомиться с переводом текста «Слова о полку Игореве» лишь в середине нынешнего столетия. Настоящее открытие русской словесности в Испании заметно затянулось из-за долгого отсутствия здесь переводов из русских авторов. Как справедливо заметил по этому поводу В. В. Рахманов, «русской литературы до Достоевского, Тургенева и Толстого для испанцев почти что не существует» [1]. Только на самом рубеже прошлого и нынешнего столетий картина резко меняется к лучшему: в испанскую литературу буквально хлынул поток литературных переводов с русского на испанский [2]. С этих пор разные деятели испанской культуры все чаще стали обращать внимание на поразительное сходство характеров испанского и русского народов. «Объяснение этого феномена, — отмечает В. В. Кулешова, — искали в сходном географическом положении стран (окраины Европы), в особенностях исторического развития (реконкиста в Испании, заслонившая Европу от арабского нашествия; борьба России с татаро-монгольским игом, выполнившая подобную же функцию), в общности социально-экономической структуры, отягченной феодальными пережитками, но более всего в сфере духовной. . .» [3]

Рано или поздно эти поиски должны были привести испанцев и к выдающейся древнерусской поэме. По всей видимости, впервые они узнали о ней из книги Эмилии Пардо-Басан «Революция и роман в России. Лекции, читанные в мадридском Атенее» (La revolución y la novela en Rusia. Lecturas en el Ateneo de Madrid),

---

[1] *Рахманов В. В.* Русская литература в Испании // Язык и литература (РАНИОН. НИИ сравнительной истории литератур и языков Запада и Востока). Л., 1930. Т. 5. С. 338.

[2] *Portnoff G.* La literatura rusa en España. N. Y., 1932. P. 33. Наиболее полные сведения об этих переводах приведены в новейшей работе: *Schanzer G. O.* Russian literature in the Hispanic World: A bibliography. Toronto: University of Toronto press, 1972.

[3] *Кулешова В. В.* Испания и СССР. Культурные связи 1917—1939 гг. М., 1975. С. 15.

изданной в Мадриде в 1887 г.[4] Характеризуя в общем введении к книге русскую народную словесность, писательница попутно затрагивает и «Слово о полку Игореве». Она говорит, что у русских «Слово о полку Игореве» («el Canto de la Horda de Igor») играет ту же роль, что у испанцев «Поэма о Сиде», а у французов «Песнь о Роланде». По ее выражению, «Слово» является «творением безыменного Гомера, пантеистической эпопеей, проникнутой властным и почти тираническим чувством природы, которое является преобладающим в русском литературном гении» (p. 37). Далее этого комментария Пардо-Басан не пошла. Из приложенного к ее книге библиографического перечня использованной литературы видно, что для оценки «Слова» писательница обращалась к опубликованному незадолго перед тем в Париже труду А. Рамбо «La Russie épique, étude sur les chansons héroiques de la Russie» (I part. «La chanson de Igor»), содержащему характеристику и перевод древнерусской поэмы на основе анализа ее исследований, вышедших до 1876 г., и к выпущенному дипломатом Баргон Фор Рионом переводу «Слова», озаглавленному «La Guerre d'Igor» [5].

Еще более сжатые сведения о «Слове» дает статья о русской литературе в «Enciclopedia universal ilustrada hispano-americana» [6]: «(Кроме былин) существовали также и эпические повествования в прозе, образцом которых может быть „Segovo (!) o polcú Igorevi" („История полка графа Игоря" — „Historia del regimiento del conde Igor")». «Впрочем, — замечает П. Н. Берков, — следует отметить, что в той же энциклопедии есть и специальная статья о „Слове" под названием „Igor. Poema o narración de Igor" (1925, t. XXVIII, p. 958—959). Статейка эта довольно верно излагает сведения о древнерусской поэме» [7]. Конечно, нельзя не разделить мысль П. Н. Беркова о том, что все это не давало испанскому читателю полного и правильного представления о «Слове». По мнению ученого, такое представление было впервые дано публикацией в девятом номере московского журнала «La literatura internacional» за 1945 г. (вскоре переименованного — «La literatura soviética») испанского перевода «Слова о полку Игореве» в связи со 150-летием со дня его открытия (p. 46—54) с примечаниями (p. 55—56) и вводной статьей, озаглавленной «Sobre el Cantar de las Huestes de Igor» (p. 40—45). Последняя представляла собой

---

[4] Правда, еще раньше — в 60-е годы — о «Слове» мог упоминать в своих лекциях, прочитанных в том же мадридском Атенее, сотрудник русского посольства К. Л. Кустодиев. См.: *Проф. Т-ский.* К. Л. Кустодиев и его жизнь в Испании // Странник. 1884. Янв. С. 71—88; *Алексеев М. П.* Очерки истории испано-русских литературных отношений XVI—XIX вв. Л., 1964. С. 209—211.

[5] О переводах А. Рамбо и Б. Ф. Риона см.: Учен. зап. ЛГУ. 1941. № 76. С. 324—325.

[6] Enciclopedia universal ilustrada hispano-americana: (Espasa Calpe). S. l., 1926. T. 52. P. 936.

[7] *Берков П. Н.* «Слово о полку Игореве» в испанском переводе // Науч. бюл. ЛГУ. 1947. № 14/15. С. 51.

сокращенную редакцию вводной статьи Н. К. Гудзия к юбилейному изданию «Слова» (1938).

Авторы испанского перевода — Ф. Кельин и Сесар Арконада положили в его основу именно это юбилейное издание памятника, включавшее полные стихотворные переводы 12 поэтов, начиная с Жуковского и кончая «переложением» М. Тарловского. Испанские переводчики остановили свой выбор на переводе С. Шервинского. Причиной тому, пишет П. Н. Берков, могли послужить одобрительные отзывы на него со стороны некоторых критиков). «Поэтому нельзя предъявлять к испанскому переводу „Слова о полку Игореве" требования, которым, по замыслу переводчиков, он не должен удовлетворять: они не ставили своей целью дать свое, особое, новое толкование памятника и отдельных темных мест; их задачей было на основе перевода Шервинского дать испанское переложение, transcripción, памятника, чтобы владеющий испанским языком читатель почувствовал в основных чертах идейную и художественную красоту гениального творения русской поэзии» [8]. Критически разбирая текст перевода, П. Н. Берков считает, что особенно удачно в нем организовано начало, так как представленные здесь подбор и порядок слов позволяют авторам сразу установить «торжественно-лирический, серьезный тон повествования»:

Hermanos¿ y no grato seríanos
Principiar a cantar con palabras
Viejas, de historias de gestas
A las huestes de Igor
De Igor, hijo de Sviatoslav? (P. 46) [9]

«Исключительно хорошо» переведен плач Ярославны — «этот обычный камень преткновения переводчиков „Слова"» [10]:

En el Danubio se oye la voz de Jaroslavna,
Como un cuclillo ignoto canta al amanecer. . . (P. 52) [11]

В то же время в совместной работе Кельина и Арконады просматривается ряд неточностей в передаче взятого в основу текста С. Шервинского. Так стихи:

О Боян! соловей старого времени!
Ежели б ты те походы со щекотом пел,
Скача, — соловей! — по дереву мысли

переданы:

Oh, Boiàn,
Ruiseñor de los lueñes tiempos,
Si hubieras tu cantado estas batallas

---

[8] Там же. С. 52.

[9] «Братья, а не лучше ли нам будет // начать петь словами // старыми о героических повестях // про полки Игоря, // Игоря, сына Святослава?» (Все переводы испанских текстов В. Былинина.)

[10] *Берков П. Н.* Указ. соч. С. 52.

[11] «На Дунае слышен голос Ярославны, // как неведомая кукушка поет поутру. . .»

Como ruiseñor saltando por un
arbol de meditaciones (p. 46) [12].

В следующем фрагменте желание авторов перевода передать с помощью описательного выражения малопонятное испанским читателям русское слово «былины» привело к фактическому нарушению общего настроя произведения:

Segun *los cantos épicos* que son
de nuestro tiempo
y no las invenciones de Boiàn [13].

В самом деле, «эпические песни» — термин классической поэтики и в контексте «Слова о полку Игореве» он совсем неуместен. Неудачными признаются также замены некоторых других слов — определения «хиновские» (стрелы) на impías («жестокие») (p. 53), существительного «ковыль» — на alta yerba («высокая трава») (p. 53) [14]. Однако в целом перевод Кельина и Арконады получил высокую оценку советского ученого. П. Н. Беркову остался неизвестным другой испанский перевод древнерусской поэмы, выполненный несколькими годами раньше Ольгой Пшевалиньской-Феррер. Она, филолог-литературовед, опубликовала свой «адаптированный» пересказ «Слова» под заглавием «Cantar de la campaña de Igor», снабдив его также своими замечаниями и подробным комментарием [15]. К сожалению, нам пока не удалось познакомиться с самим текстом перевода Пшевалиньской-Феррер, так как его нет в библиотеках нашей страны. По той же причине недоступным для нас оказалось и третье по хронологии издание «Слова о полку Игореве» на испанском языке, увидевшее свет в 1949 г. [16] Правда, о его авторах известно довольно много. Яков и Мария-Роса Малькьель — супруги, эмигрировавшие из фашистской Испании в Америку. Яков — видный ученый-лингвист (испанист), Мария-Роса — литературовед.

Таким образом, первые переводы «Слова о полку Игореве» на испанский язык пришлись на первые военные и послевоенные годы нынешнего столетия; обширна их география (Испания, СССР, США).

---

[12] «О Боян, // соловей стародавних времен, // если бы ты воспел эти сражения, // *как соловей* скача по // мысленному древу».

[13] «Согласно *эпическим песням* // нашего времени, // а не по измышлению Бояна».

[14] *Берков П. Н.* Указ. соч. С. 52—53.

[15] Cantar de la campaña de Igor / Adaptación, notas y comentarios de Olga Prjevalinsky Ferrer. Madrid, 1941. 77 p.

[16] «El Cantar de la hueste de Igor / Introducción, notas y traducción por Jakov Malkiel y María Rosa Lida de Malkiel. (S. L.), 1949. P. 1—17, 176. Место издания перевода не указано, но наиболее вероятным является Калифорнийский ун-т (США), где в это время, судя по всему, работал Я. Малькьель.

2. Переводы в Латинской Америке

В Латинской Америке интерес к русской литературе проявился почти одновременно с Испанией, приблизительно с 90-х годов прошлого века. Что же касается знакомства латиноамериканского читателя со «Словом о полку Игореве», то, пожалуй, одно из первых сообщений об этом произведении содержала напечатанная в 1941 г. в чилийском журнале «Atenea» статья П. Шестаковского «Русская литература до монгольского нашествия» [17]. Помимо характеристики древнерусской поэмы, в статье был приведен перевод двух стихотворных отрывков из нее. Вообще П. Шестаковский приложил немало усилий для популяризации старинной литературы среди латиноамериканцев. Позднее разрозненные статьи были с некоторой доработкой собраны им в одной книге — «История русской литературы» [18] (изд. 1945 г.). В том же году и под аналогичным заглавием в Мексике увидел свет перевод не лишенной известной тенденциозности работы русского историка Казимира Федоровича Валишевского [19]. «Слову» здесь посвящено несколько замечаний в контексте общих рассуждений о русской литературе древнейшего периода. В дальнейшем в латиноамериканской печати появилось еще несколько книг, в которых так или иначе затрагивался вопрос о «Слове о полку Игореве», его месте в истории русской и мировой культуры [20].

Согласно располагаемым нами к настоящему моменту сведениям, первым латиноамериканским переводом «Слова» на испанский язык является работа кубинца Хосе Мартинеса Матоса — «Cantar de la hueste de Igor» («Песнь о полку Игоря»), опубликованная во втором номере журнала «Unión» за 1977 г. [21] В основу своего перевода «Слова» М. Матос, как он сам пишет в предисловии, положил известную «поэтическую версию Н. Заболоцкого». Стремясь в основном тесно следовать за своим русским оригиналом, кубинский переводчик в отдельных случаях позволяет себе опустить целые строки (р. 119, 130) или же дает его вольную интерпретацию, например:

Н. Заболоцкий:
Или так воспеть тебе, Боян,
Внук Велесов, наш военный стан:
«За Сулою кони ржут,
Слава в Киеве звенит» [22].

М. Матос:
Y yo dejo de alabarte a ti, Voiàn, nieto de Velesov, // porque en nuestro campamento allende Sula los // caballos relinchan, y resueña la gloria en Kíev (p. 114) [23].

---

[17] *Shostakovskii P.* Las letras rusas anteriores a la invasión mongólica // Atenea. Concepción. 1941. T. 64, ed. 191. P. 152—176.
[18] *Shostakovskii P.* Historia de la literatura rusa. Buenos Aires; Losada, 1945.
[19] *Waliszewski K.* Historia de la literatura rusa. México, 1945.
[20] *Slonim M.* La literatura rusa. México; Fondo, 1962; *Gostkowski G.* Poesía popular de los eslavos // El Domingo. México, 1972. Ed. 2. N 2/4; etc.
[21] Unión. La Habana, 1977. N 2. P. 112—131. Далее все ссылки на страницы этого издания указываются в скобках в основном тексте статьи.
[22] Цит. по кн.: *Заболоцкий Н. А.* Избранное. М., 1972. Т. 2. С. 82. Далее ссылки на это издание приводятся в скобках в основном тексте статьи.
[23] «Я перестаю хвалить тебя, Боян, внук Велесов, // так как в нашем лагере за Сулой // кони ржут, и звенит слава в Киеве».

В другом месте М. Матос, видимо, желая полнее очертить малопонятный для его читателя образ мифической птицы Дива, переносит на этот образ некоторые определения, которые и у Заболоцкого, и в древнерусском тексте конвертированы в предшествующей изображению Дива картине грозной ночи:

Н. Заболоцкий:	*М. Матос*:
Ночь грозою птиц перебудила, Свист зверей несется, полон гнева, Кличет Див над ним с вершины древа, Кличет Див как половец в дозоре (84).	La noche despertó un horrendo pájaro, el silbido de la fiera lleno de odio. Div pregona sobre ellos desde la copa de un árbol, // Div pregona desde la atalaya como un polovsiano (115) [24].

В результате такого «усовершенствования» текста «Слова» наносится определенный ущерб его образно-поэтической системе, которая в данном фрагменте теряет важный элемент — показ действенного участия всех сил природы в развитии сюжета поэмы. Было бы ошибочным утверждать, что перевод М. Матоса неудачен с литературной точки зрения, но в нем имеются очевидные смысловые погрешности, о которых считаем необходимым сказать несколько подробнее. Вряд ли оправданным можно признать следующие произвольные (т. е. никак не связанные со сложностью перевода) изменения:

Н. Заболоцкий:	*М. Матос*:
В Киеве далеком на горах Смутный сон приснился Святославу И объял его великий страх (90);	En Kíev, lejos, en el bosque, un sueño inquietó // a Sviatoslav y le tomó un gran pánico (121) [25];
Где же ваш отеческий шелом, Верный щит, копье из *ляшской стали*? (94)	¿ Dónde está vuestro yelmo patrio, el fiel escudo, la lanza de *acero damasquino*? (125) [26]

Иногда кубинский переводчик пытается править Заболоцкого непосредственно по древнерусскому тексту, как, например, в эпизоде обращения князя Святослава Киевского к брату Ярославу Всеволодовичу Черниговскому:

Н. Заболоцкий:	*Древнерусский текст «Слова»*:
Где же его черниговские слуги? Где татраны, жители дубрав, Топчаки, ольберы и ревуги? (92)	. . .А уже не вижу власти. . . брата моего Ярослава, съ черниговьскими былями, съ могуты, и с татраны, и с шельбиры, и съ топчакы, и съ ревугы, и съ ольберы. . .

Ср. у М. Матоса: ¿ Dónde sus ayudantes de Chernigov, con sus tatrantes, con sus *Shelbires*, con sus torchakos (sic!), con sus olberes? (123)

---

[24] «Ночь пробудила ужасную птицу, // свист жестокого зверя полон гнева. // Див возвещает над ними (над воинами Игоря. — *В. Б.*) с вершины древа, // Див возвещает со сторожевой вышки, как половец».

[25] «В Киеве, далеко в лесу (?), сон потревожил // Святослава, и охватила его великая паника».

[26] «Где ваш отчий шлем, верный щит, // копье из *дамасской стали*?»

Однако в следующем примере обращение к древнерусскому первоисточнику привело к явному недоразумению. Ср.:

Н. Заболоцкий:	*Древнерусский текст «Слова»*:
Время что ли двинулось назад?	. . .наниче ся годины обратиша.
Ведь *под самым Римовым* кричат	Се *у Римъ* кричать подъ саблями
Русичи под саблей половецкой! (92)	половецкыми.

М. Матос: «¿ Puede volver el tiempo atrás? Por *la misma Roma* gritan los rusos bajo los alfanjes polovsianos» (123) [27].

Так небольшой русский городок на реке Суле (Римов) превращается у кубинского переводчика в великий Рим (Roma), и, конечно, смысл переводимого им фрагмента поэтому серьезно меняется.

Упоминающиеся Заболоцким (как и древнерусским источником) имя «Троян» и производные от этого имени определения — «троянова», «трояновы» заменяются М. Матосом на «Трою» и соответственно производными от этого топонима прилагательными:

Н. Заболоцкий	*М. Матос*
Игорь-князь, могучий внук Траянов. . . (82)	Igor príncipe poderoso, nieto de los troyanos. . . (113) [28]
Были, братья, времена Траяна. . . (86)	. . .fueron los tiempos de Troya (118) [29].
Поднялась Обида от курганов И вступила девой в край Траянов. . . (88)	La Afrenta se ha multiplicado, ella, que como virgen habia entrado en la comarca de Troya [30].

Прочтя эти строки из перевода кубинского писателя, испаноязычный читатель должен увериться в том, что князь Игорь — не более и не менее как потомок легендарных троянцев, владение которых (Región Troyana), охватывающее огромное пространство «между Днепром и Доном. . . было в эпоху „Слова“ оккупировано половцами».[31] Отсюда он легко может быть подведен к заключению, что древнерусская поэма вполне вписывается в цикл многочисленных позднейших («послегомеровских») «троянских сказаний». Сколь проблематична такая трактовка содержания «Слова», говорить не приходится. Можно назвать немало и очевидных ошибок в переводе М. Матоса. Так, в поэтическом переложении Заболоц-

---

[27] «Можно ли время повернуть назад? *Из-за того же Рима* русские кричат под кривыми саблями половцев». (Использование терминов alfanjes — «кривые сабли», damasquino «дамасский» создает у испаноязычного читателя неверное представление о половцах как мусульманских воинах.)

[28] «Игорь-князь могучий, внук троянцев. . .»

[29] «. . . были времена Трои».

[30] «Обида умножилась, она как дева вступила на территорию Трои» (P. 119).

[31] Unión. La Habana, 1977. N 2. P. 113. Сноска 2. По сути, в этом толковании М. Матос солидаризируется с «троянской гипотезой» П. П. Вяземского, предполагавшей связь «Слова» с эпическим циклом о Троянской войне. В свое время эта гипотеза подверглась аргументированной критике со стороны А. С. Орлова (см.: *Орлов А. С.* «Слово о полку Игореве». М.; Л., 1938. С. 92—94), но недавно у нее появились новые сторонники (см.: *Пиккио Р.* Мотив Трои в «Слове о полку Игореве» // Проблемы изучения культурного наследия. М., 1985. С. 86—99).

кого Ярославна говорит: «Обернусь я, бедная, кукушкой, по Дунаю-речке полечу» (97). Ср. то же у М. Матоса: *Volveré* yo, pobre cuclillo, *por el Don* volando (127) [32].

В русском переложении «Слова» о Всеславе Полоцком читаем:

Словно волк, напав на верный путь,
Мог он Хорсу бег пересягнуть (96).

А вот как понял это место М. Матос: «Como un lobo atacando en los caminos nocturnos, a toda carrera llegaba hasta Hors» (127) [33]: Еще один пример:

Н. Заболоцкий:
И воздвиглась на Хвалу Хула,
И на волю вырвалось Насилье. . .
Девы готские у края (моря). . .
Время Бусово поют (91).

М. Матос:
Y se erigió la Injuria sobre la Alabanza // y la Fuerza acometio a la Libertad. . . // Y las doncellas godas junto al mar azul vienen. . . // a este tiempo de borrasca cantan (122) [34].

Как нам представляется, кубинский писатель испытывал значительные затруднения в переводе древнерусских названий и терминов. Вот лишь некоторые образцы их неверного прочтения 1) вместо «Мстислав» — «M*a*stislav» (113); 2) вместо «Кончак» — Ko*l*chak (116, 130); 3) вместо «Карна» — Kar*m*a (120); 4) вместо «Чернигов» — Chern*o*gov (117); 5) вместо «топчаки» — t*or*chacos (123); 6) вместо «Галич» — Galizia (124, 127); 7) вместо «Ярославна» — Yaroslava (127, 128) и т. д. Русское выражение «внук Велесов» М. Матос перевел nieto de Velesov, хотя правильней был бы перевод nieto de Veles; фраза «Вражий ворон в Плесенске кричал» переведена: el cuervo infiel. . . en Plesensk*a* gritaba (121) (правильно: en Plesensk gritaba). То же относится ко всем упоминаниям в испанском переводе М. Матоса реки Каялы: во всех формах это имя транскрибируется здесь как Kayalí (вместо Kayala) (см. p. 118, 119, 121).

Русское «буй-тур», «яр-тур» передается опять-таки не совсем точным Búfal-Brávio («свирепый буйвол»), Búfalo-Furioso («яростный буйвол») (см. p. 114, 117), хотя в испанском языке есть слово uro, которое точно передает значение русского «тур». Как часто бывает, одна неточность влечет за собой другую: комментируя подобранный им же самим эпитет, М. Матос замечает: «Этот эпитет заимствован (надо полагать, автором «Слова». — *В. Б.*) из культа Тора» (Este epíteto está relacionado con el culto a Tor, — p. 114). Вообще в своих комментариях к «Слову» кубинский переводчик упорно акцентирует идею норманнского влияния на древнерусского «слагателя-хуглара». В частности, к «скандинавской мифологии» относит он Дива (см. сн. 9, p. 122). Любопытны его примечания к «сну Святослава» и к прозвищу Ярослава Галицкого — «Ос-

---

[32] «*Вернусь я*, бедная кукушка, *по Дону* полетев».
[33] «Как волк, нападая на ночных дорогах, — бегом настигал он даже Хорса».
[34] «И воздвиглась Хула на Хвалу, и Насилие яростно напало на Свободу. . . И готские девы вместе приходят к синему морю. . . в это время о буре они поют».

момысл». В первом случае он пишет: «Филарх в III в. до н. э. относит высыпание жемчуга из колчанов к обряду принесения жертвы через заклание»[35]; во втором дает следующую сноску: «Славянину (al eslavo) посвящался дидактический трактат Евагрия Понтийского под заглавием «Трактат о восьми мыслях». Здесь (в тексте «Слова о полку Игореве». — *В. Б.*) Ярослав тоже соединяет в себе восемь качеств: служить всем, защищать от оскорблений и т. д.» (124)[36].

Весьма самобытным представляется взгляд М. Матоса на ритмосинтаксическую структуру «Слова». Переводчик высказывает мнение, что в оригинале («подлинно» — originalmente) оно было написано «версикулами»[37]. Чтобы быть в этом вопросе точным, надо отметить, что уже имели место попытки истолкования ритмосинтаксической структуры древнерусской поэмы в плане ее соотнесения с гимнографическими моделями. Правда, до сих пор речь шла о возможном воздействии на поэтику «Слова» греко-византийской церковно-песенной культуры[38], но поиск таких параллелей не встретил большого доверия у специалистов[39].

Не в пользу историко-филологического комментария М. Матоса служит сформулированная им общая оценка «Слова» как «первого литературного памятника русского языка» (112), а также его замечание со ссылкой на некое общепринятое мнение (?), что поэма была написана «в связи со свадьбой сына князя Игоря» (там же).

Вместе с тем, как уже отмечалось, рассматриваемой работе кубинского писателя нельзя отказать в признании безусловных достоинств. Его перевод «Слова» выглядит идейно и стилистически цельным, сохраняя трехчастную композицию и строфическое деление, свойственные поэтическому переложению Заболоцкого. В пе-

---

[35] М. Матос имеет в виду, конечно, «Историю Эллады и Пелопоннеса (с 272 по 219 г. до н. э.)» Филарха Афинского. См.: Die Fragmente der griechischen Historiker / Von F. Jacoby. Leiden, 1962. T. 2. A. 81.

[36] Евагрий (346—399) — византийский монах, христианский писатель мистико-аскетического толка. О нем и его сочинениях см.: *Frankenberg W.* Evagrius Ponticus. B., 1912.

[37] Versiculum — краткая словесная формула, чаще всего использовавшаяся в средневековой латинской религиозной литературе, в гимнографии. Обычно строилась из двух частей — речи служителя культа и ответа хора. В церковнославянской традиции ей приблизительно соответствуют стихиры, восходящие к греч. «антифонным стихам». О последних подробнее см.: *Гаспаров М. Л.* Очерки истории русского стиха: Метрика. Ритмика. Рифма. Строфика. М., 1984. С. 24—25, 306—307.

[38] См.: *Бирчак В.* Византiйска церковна пiсня i «Слово о полку Iгоревi» // Записки Наукового товариства iм. Т. Шевченка. 1910. Т. XCV. С. 5—29.

[39] См.: *Гудзий Н. К.* Литература «Слова о полку Игореве» за последнее двадцатилетие (1894—1913). СПб., 1914. С. 30. Из новых исследований, касающихся этой проблематики, см.: *Besharov J.* Imagery of the Igor' tale in the ligth of byzantino-slavic poetic theory. Leiden, 1956; *Кусков В. В.* Связь поэтической образности «Слова о полку Игореве» с памятниками церковной и дидактической письменности XI—XII вв. // «Слово о полку Игореве»: Памятники литературы и искусства X—XII веков. М., 1978. С. 69—86.

реводе М. Матоса сохранены (а порой даже усилены) синтаксический параллелизм, стилистическая симметрия. Удачно варьируются здесь анафоры, аллитерации и ассонансы (к примеру: sin rumbo vuelva él, sin camino, abate cisnes para el festín del mediodía (129); Manteneos firmes, señores, en los estribos dorados por la afrenta de estos días negros. Por la tierra rusa, por las heridas de Igor (124) и т. п.).

Нередко переводчик обращается к перечислениям — бессоюзным и типа ni. . . ni. . ., con. . . con. . . и др., однако не увлекается ими; напротив, в ряде конкретных случаев несколько избыточная паратаксичность современного русского перевода исправляется им за счет замены соединительных союзов подчинительными, такими, как para, pero, que. Совершенно правомерно сохраняет он написание некоторых специфичных для латиноамериканского читателя древнерусских понятий, не развертывая их в перифрастические обороты. Так, в начале произведения он верно передает русское «былины» (Primero, la bilinas de su tiempo. . .); очень точно переводится им слово «вежи» в контексте фразы «буйным ветром вежи всколыхнуло»: un viento furioso las tiendas conmovió. Положительным в принципе является и то, что переводчик не чувствует себя скованным, не стремится переводить исключительно «слово в слово». Он переставляет строки, иногда перенося их из одной строфы в другую, изменяет грамматические формы слов и формы их синтаксических связей, при этом не забывая, что перед ним цельное поэтическое произведение. Перевод М. Матоса достаточно хорошо ритмизован (несмотря на его «прозаизированную» запись), слог его отличается размеренной торжественностью, напевностью. Что особенно важно — в своей первой латиноамериканской версии древнерусская поэма не утеряла присущего ей высокого идейного настроя, пронизанной лирико-эпическим чувством патриотичности. Эта версия выполнила почетную роль своеобразного стимулятора интереса латиноамериканских читателей и литературоведов к «Слову о полку Игореве».

Именно она была учтена создателем другого перевода «Слова» — видным мексиканским ученым-театроведом, переводчиком русской и советской литературы Армандо Партидой.

В основу своего перевода, получившего заглавие «El Cantar del príncipe Igor» («Песнь о князе Игоре») [40], он, как и Мартинес Матос, кладет поэтическое переложение «Слова» Н. Заболоцкого. Вот что сам он говорит о своей работе: «Перевод „Слова" выполнялся по заказу министерства народного образования, которое приступило к изданию серий книг классической мировой литературы. . . Он предназначался для учащихся средней школы, го-

---

[40] Los Clásicos de la literatura. Rusia, siglo XII: El Cantar del príncipe Igor y otros textos / Introducciones, traducción y adaptación: Armando Partida. México, Prod. SEP, 1982. Далее все ссылки на страницы этого издания вносятся в скобки и приводятся в основном тексте статьи.

товящихся стать бакалавром и продолжать образование в высшей школе. . . Я взял три различных версии перевода „Слова“ на русский язык: прошлого века, современный перевод, а также реконструкцию подлинного текста с переводом, изданную в XIX в., где на каждую строку давалось множество примечаний. Опирался я, главным образом, на работу Николая Заболоцкого, но сверял и с другими изданиями. Перевел также все пояснения к подлиннику — из них сформировался пролог. . . У критики „русский том“ получил блестящий отзыв. . . Поначалу, — добавляет А. Партида, — книга получила название „Песнь о набеге князя Игоря“. В конце концов, после многочисленных споров остановились на названии „Песнь о князе Игоре“. Поскольку в Мексике хорошо знают «Песнь о Роланде», «Песнь о моем Сиде», то и здесь слово „песнь“ служит прямым указанием на время создания поэмы» [41].

В целом перевод А. Партиды выполнен на довольно высоком профессиональном уровне. Он в основном верно, без существенных смысловых искажений, передает поэтическую версию Заболоцкого. Мексиканский филолог полностью сохраняет формальную структуру русского оригинала, он гораздо точнее своего кубинского предшественника в исторических комментариях, в передаче большинства древнерусских слов и терминов. Тем не менее столь сложная работа, как перевод «Слова о полку Игореве» (пусть даже с современого русского) на испанский язык, причем с учетом очень слабой осведомленности латиноамериканской читательской аудитории в области древнерусской истории и культуры, не обошлась и на этот раз без определенных семантических и поэтико-стилистических отступлений и неточностей. Причину появления некоторых из них объясняет сам автор перевода в предисловии («прологе»): «„Песнь“ не написана в метрической форме, поскольку в ту эпоху поэзия была поющейся. Ее ритмическая система глубоко оригинальна, так как тесно связана с синтаксическими конструкциями фраз, имеющих отношение к основному смыслу, к содержанию текста. Ритмический темп также примыкает к ее композиции через посредство равномерных тематических изменений, что все вместе создает общую композицию. Вот почему перевод представляет серию трудностей, поэтому, например, глаголы движения, характерные для русской народной поэзии, со своими префиксами и суффиксами, которые означают сложные и изменяющиеся действия, на испанском даются исключительно в форме фразеологических оборотов. Есть и иное, большое число глаголов, которые означают различные оттенки действий, каковые не всегда можно передать перифрастической формой, потому что они трудно воспринимаются; вот почему мы обратились к глагольным фор-

---

[41] И вновь зазвучало на испанском языке «Слово. . .». // Лат. Америка. М., 1984. № 5. С. 90—92. Говоря о «консультативном» использовании одного из переводов «Слова» на русский язык, выполненных в XIX в., А. Партида подразумевает поэтический перевод А. Н. Майкова. См.: P. 9.

мам более простым, хотя несколько раз пришлось обратиться и к эквивалентным глаголам. Другая трудность — это метафорическая система, которая в основном связана со сравнениями и персонификациями природы, природных явлений, животных и птиц и т. д. Следующий лингвистический уровень, трудный для передачи, — это славянский религиозный тон, осложненный древнерусским и популярно-поэтическим» (9). Установка на раскрытие семантики малопонятных русских слов не всегда может быть оправдана в художественном отношении. Об этом свидетельствует наиболее слабый, на наш взгляд, перевод А. Партидой зачина поэмы:

¿ No es tiempo, hermanos, de que iniciemos // el cantar de incursión de Igor? // Para con palabra antigua relatar // el acto del príncipe osado; // y tendremos, hermano, que cantarlo // en alabanza a sus esfuerzos y heridas // con cantos épicos de hoy, // sin tener que ir en el cantar tras el Boyàn (12) [42].

О стилистической неправомерности раскрытия понятия «былины» посредством термина классической поэтики cantos épicos уже говорилось выше — применительно к более раннему (1945 г.) испанскому переводу «Слова». Не совсем удачным кажется здесь и двойное использование глагольной конструкции tener+infinitivo с значением долженствования (точнее было бы применение десидеративного оборота que+presente de subjuntivo или a+infinitivo) и варьирование числа в обращениях — «братья», «брат» при одновременном опущении данного в оригинале повтора форм глагола «начати». А. Партида заменяет или опускает не только отдельные слова оригинала, но и целые строки: им пропущен перевод стиха «как орел под облаком парил» (о Баяне) (см. у Заболоцкого, с. 81, у А. Партиды, p. 13), стиха «Ольговичи храбрые одни вступили в бой» (с. 94 — p. 42), а в предыдущем стихе этой строфы (X, с. II) обращение к Игорю «княже» переведено словом príncipes — «князья» (42). Неверно понят мексиканским переводчиком и следующий фрагмент:

Н. Заболоцкий:	*А. Партида*:
Игорь-князь во злат стремень ступает, В чистое он поле выезжает. Солнце тьмою путь ему закрыло. Ночь грозою птиц перебудила, Свист зверей несется, полон гнева (85).	El príncipe Igor toma las riendas de oro; // a campo abierto, cabalgando, // con su sombra cubriendo va el camino. // La noche, llena de cólera, con una tormenta de pájaros provoca // de las fieras el silbido (18) [43].

Как видим, цепочка простых предложений, отличающая синтаксическое устройство русского текста, почему-то переведена герундивными конструкциями, а в последних двух строках перевода

---

[42] «Не пора ли нам, братья, начать // песнь о набеге Игоря? // Чтобы древним словом поведать // о деянии отважного князя; // и должны мы, брат (!), рассказать об этом // в похвалу его трудам и ранам // нынешними эпическими песнями, // а не следовать в песне за Бояном».

[43] «Князь Игорь вступает в златые стремена; // в поле открытое выезжая, // своей тенью покрываясь, едет он по дороге. // Ночь, полная гнева, бурей птиц вызывает // у хищников шипение».

27 Заказ № 380

два простых предложения превратились в одно, причем с несколько искаженным по отношению к оригиналу смыслу. Что же касается перевода русского творительного орудийного — «солнце тьмою», то это, несомненно, такое место в древнерусской поэме, которое может вызвать затруднения не только у испаноязычного, но и у современного русского читателя. Признаем, что А. Партида вышел из сложного положения весьма оригинально. Но уже ничем не оправдана подмена колоритного слова «брешет» (ср. у Заболоцкого: «На щиты червленые лисица // Дико брешет в сумраке ночном», с. 84), каковому в испанском языке соответствует ladra (3 л. ед. ч. наст. вр. от глагола ladrar «брехать, лаять»), фразеологической формой arrastrar el quejido y crujido:

Ya la zorra sobre el escudo bermejo arrastra
el quejido y crujido en la obscuridad de la noche (19)[44].

Точно так же, несмотря на наличие в испанском языке понятий el carcaj и la aljaba, являющихся фактическими эквивалентами русского тюркизма «колчан», А. Партида вновь предпочитает пользоваться перифразом и переводит этот термин как lugar de con flechas («место для стрел», р. 33). Очевидно, фонетическое сходство встречающихся в тексте древнерусской поэмы отдельных тюркизмов — «кипчаки», «Кончак», «колчаны» — сбило мексиканского переводчика с толку, в результате чего «колчаны» превратились у него в «поганых Колчановцев». Ср.:

Н. Заболоцкого:	*А. Партида*:
Сыпали жемчуг на полотно Из колчанов вражьего изделья (90).	Y desparramaron perlas sobre un lienzo — labor de los Kolchanos enemigos (33)[45].

Отступлением от оригинальной образной системы «Слова» можно считать подмену А. Партидой сравнения «как барсы» (в древнерусском тексте «акы пардуже гнѣздо») сравнением como ordas:

Н. Заболоцкий:	*А. Партида*:
И как барсы лютые на нас Кинулись поганые с войною (91).	Y, como ordas feroces, sobre nosotros se lanzaron los enfieles al combate (35)[46].

В той же строфе, где прочитываются эти строки, помещен стих «y la injuria se erigió sobre el elogio» («и воздвиглась хула на похвалу»).

Но в русском тексте выведены символические персонификации — Хула и Хвала, тогда как по мексиканской версии смысл фрагмента получается несколько иным, ибо elogio (лат. elogium) — «похвала», прежде всего, как литературный жанр. Чуть дальше

---

[44] «Уже лисица на алый щит наводит // стон и (зубной) скрежет в ночной мгле».
[45] «И сыпали жемчуга на полотно — // изделие враждебных Колчановцев».
[46] «И как свирепые орды на нас // пустились поганые с войною».

переводчик включает такую фразу: «a un lado saltó el prodigio sobre la tierra» («сторонясь, спрыгнуло диво на землю»), которая должна соответствовать стиху: «Прянул Див на землю». В другом месте А. Партида четко транскрибирует слово «Див», дает к нему обстоятельный комментарий («бог восточных народов. . .» и т. д., см. р. 18); здесь же почему-то решил калькировать его, нарушая тем самым цельность и последовательность реализации образной системы древнерусского памятника. Завершая перевод, он допустил еще одну небольшую неточность. Стихотворные строки «По Боричеву восходит удалой (Игорь! — *В. Б.*) // К Пирогощей богородице святой» (101) — были переложены им так: «por Borichev asciende una alegre canción // hacia la santa virgen de Pirogosch» (56) [47].

Отмеченные нами неточности и отступления от стихотворного источника ни в коей мере не умаляют многих литературных достоинств, большой культурной значимости книги А. Партиды. Мексиканский переводчик тонко прочувствовал и сумел талантливо передать своеобразный лиро-эпический пафос древнерусской поэмы. Умело передана им ее эмоционально-экспрессивная гамма. Обратимся к характерному примеру:

Н. Заболоцкий:	*А. Партида:*
Уж трепещут синие зарницы, Вспыхивают молнии кругом. Вот где копьям русским преломиться, Вот где саблям острым притупиться, Загремев о вражеский шелом! О Русская земля! Ты уже за холмом (85—86).	¡ Ya se estremecen los relámpagos azules. // relumbran los relámpagos alrededor. // He aquí que las lanzas rusas se quiebran, // he aquí que los sables afilados se amellan, // al retumbar sobre el yelmo enemigo! // ¡Oh tierra rusa! Ya estás tras la colina (21).

Ритмическая организация текста, предложенная переводчиком за счет его отказа от регулярной рифмы и равносложия, оказывается ближе к древнерусскому оригиналу, чем к поэтической версии Заболоцкого. Фрагментное же использование парной риммовки, как и в «Слове», выполняет тут роль семантического сигнификанта. Таковы строки:

— Jugando con el oro ruso,
cantan los tiempos del rey Busov (36).

В основном верно, впечатляюще в художественном отношении мексиканским переводчиком «Слова» раскрыта его сложная образная система.

Теперь вернемся на Кубу. Годом ранее публикации перевода А. Партиды здесь вновь появляется в высшей степени оригинальный перевод «Слова», озаглавленный «Cantar de las huestes de Igor» («Песнь о дружинах Игоря») [48]. Его автор, сотрудник Института

---

[47] «По Боричеву восходит веселая песня // к святой богородице Пирогощей».
[48] Cantar de las huestes de Igor. (Anónimo) / Traducción, versión poética y prólogo de A. Caballero Rodríguez. Ciudad de la Habana, 1980. Далее ссылки на это издание приводятся в скобках в основном тексте настоящей статьи.

языкознания и литературы Кубинской академии наук, Альфредо Кабальеро Родригес, в отличие от своего соотечественника М. Матоса и мексиканца А. Партиды, по существу, создал не максимально приближенный к какому-то современному русскому переложению «Слова» перевод, но собственную поэтическую версию древнерусской поэмы. На осуществление этой работы, согласно собственному замечанию писателя, ему потребовалось около 12 лет. В предисловии («прологе»), открывающем публикацию, он пишет, что для поэтического переложения им «выбрана форма испанского романса (свободно-ассонансная), чтобы передать эпикогероический дух поэмы, чтобы приблизить его к испанской эпике, достичь связи и единства в формальном аспекте, так же как и для того, чтобы в более широкой мере воспроизвести поэтические средства оригинала» (5). Действительно, испанские средневековые романсы, эта «мощная ветвь древнего древа испанского эпоса» [49], обладают богатейшим набором образно-поэтических средств. При всем том, как и всякие традиционные фольклорные произведения, они имеют более или менее клишированную стилистическую структуру, в то время как «Слово» в данном отношении выглядит значительно более сложным, ритмически изысканным, литературным. Но положительной стороной переложения «Слова» в стиле романсеро представляется нам то, что благодаря этому древнерусская поэма фактически оказывается соотнесенной с кругом древнейших памятников жесты (исп. canciones de gesta), т. е. в конечном итоге с теми carmina majorum, которые исполнялись древнейшими готскими кифаристами.

Особенности перевода К. Родригеса в основном определяются избранной им формой художественного изложения. Так, по сравнению со «Словом», в кубинской поэтической версии прослеживается больше специфических черт, свойственных песенной поэзии. Особый акцент сделан на использование рефренов, анафор, анадиплосисов и некоторых других видов словесного повтора. Например:

por un asiento mezquino,
por un asiento esclavo (28).

sobre los montes de Kíev. . .
sobre mi lecho, de noche. . .
sobre mi vertían un vino. . .
sobre mi esparcen luego. . . (28—29)

Или:

¿ Dónde dejasteis los yelmos,
los yelmos de oro macizo. . .? (34).

Потому же в текст перевода попадают слова, целые фразы, чуждые древнерусской поэтике, хотя типичные для поэтики испанских исторических романсов. К таковым относится описание орла, «который раздвигает // своим величавым полетом // тучи Запада» (que hiende // con su volar majestuoso // a las nubes del Poniente, p. 15), или следующее обращение к Бояну:

---

[49] *Menéndez P. R.* El romancero español. N. Y., 1910. P. 20—21.

. . . ruiseñor de idos tiempos!
Debieran ser tú el cantor
de estos bravíos guerreros,
aunque tan sólo saltases
por las ramas *de tu almendro* (17) [50].

Своеобразным теоретическим обоснованием этой практики служит высказывание К. Родригеса о том, что «автор „Песни о Игоре“ есть прежде всего поэт», который «был знаком с фондом устной и письменной литературы своей эпохи и использовал в своей поэме средства и элементы устной народной поэзии, но не имитируя их, а вырабатывая собственный стиль». По утверждению кубинского переводчика, автор «Слова» «порывает с традиционной манерой сочинения (песен), что ясно показывает построение сюжета поэмы, которая делится на три части: 1) рассказ о походе Игоря против половцев; 2) описание сна князя Святослава и 3) описание возвращения Игоря из плена, чему предшествует „плач Ярославны“» (9). Отсюда делается вывод, что в жанровом отношении «Слово» есть «литературное произведение составного жанра, поскольку это в одно и то же время — декламационная пьеса (pieza de oratoria), военно-историческая повесть и эпико-героическая песнь» (9). На неординарность жанровой природы «Слова» указывали многие его исследователи. «В „Слове», — пишет Д. С. Лихачев, — нет признаков следования заранее данной традиционной схеме. . . Однако было бы ошибочным считать, что перед нами типичное ораторское произведение, предполагать, что в «Слове о полку Игореве» соединены жанровые признаки ораторского „слова“. Не исключена возможность, что автор „Слова“ предназначал свое произведение для пения» [51].

Как видим, кубинский переводчик стоит на очень близких позициях. Вместе с тем избранная им форма перевода неизбежно требовала известного отхода от древнерусского оригинала, что нашло выражение не только в виде уже отмеченных новаций. Нередко русский текст весьма вольно интерпретируется К. Родригесом, в отдельных же случаях он опускает важные детали. Примером могут послужить стихи:

A orillas del mar azul
bellas muchachas cantaron (30) [52],

в которых не говорится, что плачут «готские красные девы» и поэтому возникает неясность.

На наш взгляд, не совсем удачной поэтической вольностью является и наименование половцев «сыновьями Сатаны», ср.:

---

[50] «. . .соловей уходящих времен! // Ты должен был бы стать певцом // этих храбрых воинов, // хотя бы только скача // по ветвям *своего миндаля*». Ср. с романсом о гибели инфантов Лара, с популярными на Кубе старинными романсами о графе Олиносе и др.

[51] *Лихачев Д. С.* Великое наследие: Классические произведения литературы Древней Руси. М., 1980. С. 181—182.

[52] «На берегу синего моря // прекрасные девушки воспели».

¡ Los hijos de Satanás,
con su cruel grito de guerra
los campos han dividido! (22) [53].

Вообще, согласуясь с поэтикой испанского романса, К. Родригес усиливает в своем переводе христианское звучание «Слова». Это, конечно, наносит определенный ущерб правильному восприятию латиноамериканским читателем древнерусской поэмы. Иногда стремление к эксплицированию христианских мотивов ведет переводчика к исторически некорректным определениям, как, скажем, в тех случаях, где он называет язычников-половцев «еретиками» (29 и др.). Наконец, в поэтической версии К. Родригеса много стихотворных добавлений, каковых нет в тексте «Слова». Чтобы показать их характер, обратимся всего лишь к двум фрагментам. Известные строки «Слова»: «Что ми шумить, что ми звенить — давече рано предъ зорями?» — переданы так:

¿ Qué estruendo es ése
que en mis oídos siento,
y qué ruido es ése
que oigo desde muy lejos
mucho antes de la aurora? —
Una desgracia presiento (25) [54].

Готских дев (см. выше) кубинский переводчик заставляет петь самостоятельную песню:

Como el perdido oro ruso
todas juntas repicamos,
los tiempos de Bus el Grande
recordamos en el canto,
y soñamos con que venga
el Sharukhán a vengarnos,
¡ mas nuestras huestes queridas
nos faltan, y las lloramos! (30) [55].

Текст этот слабо коррелирует с соответствующим ему древнерусским: «. . .звоня рускымъ златомъ, поютъ время Бусово, лелѣютъ месть Шароканю. А мы уже, дружина, жадни веселия!». По-видимому, недоразумением продиктована подмена К. Родригесом слова «пахари» («оратаи») словом «поэты» при переводе фразы «Тогда по Руской земли рѣтко ротаевъ кикахуть». Ср.: pocos poetas erraban por la Rus. . . entonces (24) («немногие поэты бродили тогда по Руси»); равно как и следующее «уточнение»: Святополк Изяславич

[53] «Сыновья Сатаны // своим ужасным воинственным криком // поля перегородили».

[54] «Что это за грохот, // который я ощущаю своими ушами, // и что это за шум, // который слышу издалека // задолго до утренней зари? // — Предчувствую несчастье».

[55] «Как потерянное русское золото, // все мы вместе позваниваем, // времена Буса Великого // вспоминаем в песне // и грезим, что придет // Шарукан, чтобы отмстить за нас, // но наших полков дорогих // с нами нет, и мы их оплакиваем!».

mandó llevar a su padre
sobre *cuatro* corceles
a Santa Sofia de Kíev (23).

(«приказал нести своего отца *на четырех* скакунах к святой Софии Киевской»). Тогда как в «Слове» сказано: «между угорскими иноходцами», т. е. на носилках, прикрепленных *к двум* бегущим друг за другом коням.

Судя по некоторым признакам, переводчик преимущественно опирался на перевод «Слова о полку Игореве» Д. С. Лихачева. Это обстоятельство в целом благотворно сказалось на переложении К. Родригеса, ибо в основном оно верно воспроизводит древнерусские термины и понятия, высокий идейный пафос поэмы, ее сюжетную канву. Что особенно ценно — перед нами первая самостоятельная поэтическая версия «Слова», автором которой является активный носитель испаноязычной культуры. Только с учетом желания переводчика обеспечить прежде всего наилучшее художественное восприятие своего произведения может быть верно понято его стремление предельно облегчить испанский поэтический текст, освободив его от научных комментариев либо посредством как можно более частого объяснения темных мест в основном контексте произведения, либо посредством их семантико-стилистического упрощения или посредством полного снятия.

Не все упоминавшиеся и разобранные нами переводы «Слова о полку Игореве» на испанский язык получили одинаковую известность [56]. Однако можно с достаточной уверенностью утверждать, что все они, будучи первыми, открывают новый этап в истории русско-испанских и русско-латиноамериканских литературных отношений, этап, ознаменованный глубоким «прорывом» испаноговорящего читателя в культурное прошлое нашей родины. В этом прежде всего видится нам непреходящее значение этих переводов.

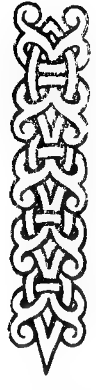
[56] В 1986 г. в Мадриде появился еще один перевод «Слова», выполненный Хосе Фернандесом Санчесом. См.: *Груздева Н. Л.* «Слово о полку Игореве» в Испании и Латинской Америке // Новые советские и зарубежные исследования «Слова о полку Игореве». М., 1987. С. 154—155.

А. С. Елеонская

«СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ» В СОВЕТСКОЙ ШКОЛЕ

(ИЗ ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ)

К 1917 г. «Слово о полку Игореве» имело длительную историю школьного изучения: до революции с опытом методических пособий выступали крупнейшие филологи и ученые-педагоги — Ф. И. Буслаев, Н. С. Тихонравов, В. И. Водовозов, В. Я. Стоюнин и др. Произведение вошло во все учебники и хрестоматии, был осуществлен ряд специальных школьных изданий [1].

Продолжением и развитием накопленного опыта явилось изучение «Слова» в советской школе. Цель настоящей статьи — проследить основные тенденции этого изучения до середины 60-х годов, когда в результате коренной переработки школьных программ наступил новый период и в работе над «Словом». Автор не претендует на полный охват существующих трудов и их исчерпывающую характеристику, так как это задача обширного исследования.

Первые шаги были сделаны уже в 20-е годы, хотя школа не имела тогда стабильных программ, а изучение литературы было повернуто в основном в сторону современности [2]. Например, учебные цели преследовало издание, осуществленное крупным советским медиевистом А. С. Орловым в 1923 г.[3] Во вступительной статье «Слово» рассматривается на широком литературном фоне своего времени, в сопоставлении с зарубежными памятниками. Текст напечатан с конъектурами автора, не все из которых, правда, приняты литературоведами [4]. Здесь же приведен прозаический перевод, сделанный А. С. Орловым.

Немногочисленные школьные разработки по «Слову о полку Игореве» не избежали вульгарно-социологических тенденций, характерных для 20-х годов. Так, в пособии В. А. Келтуялы, осуществленном в школьной серии, утверждается, что в «Слове» выведены «русские князья с их дружинами и боярами, т. е. высший

---

[1] См. подробнее: *Елеонская А. С.* «Слово о полку Игореве» в русской школе XIX—начала XX в. // «Слово о полку Игореве»: Памятники литературы и искусства XI—XVII вв. М., 1978. С. 163—175.

[2] См.: *Роткович А. Я.* Вопросы преподавания литературы: Ист.-метод. очерки. М., 1959. С. 258.

[3] См.: *Орлов А. С.* Слово о полку Игореве. М., 1923.

[4] См.: *Головенченко Ф. М.* Слово о полку Игореве: Ист.-лит. и библиогр. очерк // Учен. зап. МГПИ им. В. И. Ленина. М., 1955. Т. 82. Вып. 6. Каф. рус. лит. С. 284.

правящий класс; прочие общественные классы, буржуазия — ремесленная и торгово-промышленная — наемные работники. Крестьянство, холопы (рабы), существовавшие на Руси в конце XII в., находятся вне поля зрения автора» [5]. Столкновение интересов различных княжеско-боярских группировок, по мнению автора пособия, — основной конфликт «Слова». Одну из них представляет Игорь, другую — Святослав Киевский и его единомышленники. Стремление Новгород-Северского князя «испить шеломом Дону» получает следующее объяснение: «За образами Дона и Тмутороканя в умах северских князей и классов, примыкавших к ним, должны были скрываться определенные хозяйственные и материальные интересы, для осуществления которых, с точки зрения инициаторов похода, стоило рисковать своими головами и головами дружинников, за образами Днепра и Киева, с другой стороны, скрывались иные, необыкновенно жизненные экономические интересы, для осуществления которых блестяще поработали Святослав Киевский и примыкавшие к нему классы» [6]. Соответственно этой концепции для учащихся предлагается план «Слова о полку Игореве». Один из его пунктов звучит следующим образом: «Конфликт между устремлением группы северских князей в лице их руководителя Игоря и его боярства в половецком вопросе» [7].

«Раскрыть ту социальную среду, психоидеология которой нашла свое художественное оформление в образах и во всем стиле изучаемого произведения», — определяется и главной задачей «Рабочей книги по литературе» В. В. Голубкова. Произведения русской и зарубежной литературы, входящие в эту книгу, предназначенную для 8-го класса (8-й группы), распределены по следующим рубрикам: 1) литература средневекового феодализма; 2) литература феодального дворянства эпохи нарастания торгового капитализма; 3) буржуазная литература эпохи нарастания торгово-промышленного капитализма; 4) литература феодальной аристократии в эпоху ее распада и т. д.

Характеристика «Слова о полку Игореве», включенного в первый раздел (литература средневекового феодализма), предваряется справкой об экономическом состоянии Руси, ее общественном и государственном строе. Высказывается ошибочная точка зрения о низком культурном развитии Древней Руси: «В массе своей русские были невежественны, грамотных людей была небольшая горсть, по преимуществу духовенство и кое-кто из князей и бояр. Научного объяснения жизни природы и общества ни у кого не было: во всем видели действие таинственных потусторонних сил. . . Книг в Древней Руси было очень мало: от XI и XII вв. сохранилось до нас около 100 книг; почти все они духовного со-

---

[5] Слово о полку Игореве / Пер., примеч. и объясн. ст. В. А. Келтуялы. М.; Л., 1928. С. 69. (Школ. сер.).
[6] Там же. С. 77.
[7] Там же. С. 89.

держания» [8]. Историческому событию, которое легло в основу произведения, здесь уделено всего лишь несколько строк, только в сноске дается упоминание об открытии «Слова».

Вместе с тем можно говорить и об определенных методических удачах этого пособия применительно к «Слову». В книге приведен полный текст памятника в прозаическом переводе А. С. Орлова, а также два отрывка на древнерусском языке (зачин «Слова» и «плач Ярославны»). В небольшой статье П. Н. Сакулина дан интересный анализ композиции произведения, подчеркнута стройность его архитектоники, которая «поддерживается как единством героя и события, так и определенностью художественной идеи». Автор утверждает, что «Слово о полку Игореве» имеет «свой определенный стиль», и доказывает это анализом изобразительных средств «Слова».

Педагогическое предназначение книги подчеркнуто наличием вопросов к учащимся и заданий для них. В основном они рассчитаны на углубленное изучение «Слова», предполагают серьезную работу над текстом. Приводим удачные, на наш взгляд, задания и вопросы: 1) На какие части делится «Слово»? Составьте план. Если можно, иллюстрируйте план картинами и подпишите под каждой картиной характерную для нее цитату из текста «Слова». 2) Какими чертами наделяет автор князей: Игоря, Всеволода, Владимира? Обратите внимание, что он характеризует их двумя способами: прямой характеристикой (автор высказывает свой взгляд на героев) и характеристикой косвенной (предоставляет читателю сделать выводы о героях на основании их действий и высказываний). 3) Герои «Слова о полку Игореве» и «Песни о Роланде» (параллели): постановка данного вопроса была возможна в связи с тем, что работе над «Словом» предшествовало изучение «Песни о Роланде» [9].

С 30-х годов «Слово о полку Игореве» стало одним из основных программных произведений школы-десятилетки, которым начиналось знакомство учащихся с историей литературы. В дальнейшем если и менялась на протяжении ряда лет сетка часов, отведенная «Слову», то незыблемым оставался принцип работы — углубленный текстуальный анализ памятника. Поэтому неудивительно, что в течение 30—60-х годов выходят новые школьные издания «Слова», появляются методические монографии о нем и многие статьи.

Интересу к «Слову о полку Игореве» в педагогической среде во многом способствовало празднование 750-летнего юбилея памятника. В «Учительской газете» за 25 мая 1938 г. была помещена статья талантливого советского методиста В. В. Литвинова под названием «Гениальное творение на уроках литературы», где он делится своим опытом по изучению «Слова» в школе, приводит

---

[8] *Голубков В. В.* Рабочая книга по литературе: 8-я группа школы II ступени. 3-е изд. М.; Л., 1929. С. 38.
[9] См.: Там же. С. 46.

выдержки из сочинений учеников. Со своим переводом отрывков из «Слова» выступает учитель А. Кайев, будущий автор учебников по литературе для высшей школы [10].

Рассмотрим прежде всего школьные издания. В 1934 г. для школьников предпринимает издание Г. Шторм [11]. Здесь приведен древнерусский текст по первому изданию 1800 г., параллельный перевод писателя, его же вступительная статья и примечания. Для облегчения восприятия памятника школьниками, а также для выявления его ритмики Г. Шторм разбил текст на стихи. Статья в доступной форме сообщает необходимые сведения об открытии рукописи, обстоятельствах похода Игоря, высокой культуре Древнерусского государства. Значительно меньше места уделено самому произведению. Однако подробные комментарии к тексту, приведенные в конце книги, этот пробел в значительной мере восполняют.

Издание Георгия Шторма было повторено в 1937 г.[12] На обороте титульного листа отмечено, что оно предназначено «для неполной средней и средней школы». Здесь немного сокращена вступительная статья за счет изъятия социологических суждений, которые хоть и в небольшом количестве, но все же имели место в первом издании. В остальном — то же самое.

Важным моментом для развития школьного литературоведения о «Слове» стало издание «Слова о полку Игореве», подготовленное Д. С. Лихачевым [13]. Им написаны вступительная статья («Золотое слово русской литературы»), подготовлен текст, сделаны прозаический и объяснительный переводы, даны комментарии. Академик Лихачев следует здесь за традициями русской науки: напомним, что с опытами школьных пособий по «Слову» выступали в свое время крупнейшие ученые-филологи Ф. И. Буслаев и Н. С. Тихонравов. Однако книга Д. С. Лихачева осуществляет еще одну цель, которой не преследовали дореволюционные авторы, а именно эмоциональное воздействие на учащихся средствами «Слова о полку Игореве». Примечательно, что появлению книги предшествовала экспериментальная работа в школе № 171 Ленинграда: «Я рассказывал детям о „Слове“ и отвечал на их вопросы. В результате установил, что́ им интересно и что́ скучно. Интересны были комментарии природоведческого характера, сведения об оружии, тактике боя, о состоянии духа воинов, прощание с Русской землей. Опыт свой я учел в „Школьной библиотеке“» [14].

---

10 См.: *Головенченко Ф. М.* Указ. соч. С. 335.

11 См.: «Слово о полку Игореве» // Вступ. ст., пер. и примеч. Г. Шторма. М., 1934. (Школ. сер. классиков).

12 См.: «Слово о полку Игореве»: Для непол. сред. и сред. школы / Вступ. ст. Г. Шторма. М.; Л., 1937.

13 См.: «Слово о полку Игореве» // Вступ. ст., ред. текста, дослов. и объясн. пер. с древнерус., примеч. Д. С. Лихачева. М.; Л., 1952. (Сер. Школ. б-ка для сред. шк.)

14 Из письма автору настоящей статьи.

Действительно, и статья, и комментарии дали учителю яркий материал для вступительного слова и уроков комментирования, помогли нарисовать живую картину жизни Руси XII в. Очень полезна заметка об особенностях древнерусской орфографии, облегчающая юному читателю восприятие подлинника. Например, поясняется, как произносилась буква «ѣ» (ять); говорится, что сочетание «лъ» и «ръ» следует по большей части читать как «ол», «ел», «ор», «ер», что орфография не была окончательно устоявшейся и поэтому одно и то же слово иногда писалось по-разному и т. д.

Педагогической ценности издания способствует его оформление гравюрами Фаворского. Это своеобразный наглядный материал, отражающий всю цепь событий в произведении и могущий быть канвой для пересказа, для работы над композицией.

Объяснительный перевод Д. С. Лихачева помогает учащимся не только понять содержание «Слова», но и выполнить такую задачу, как составление плана. Перевод разделен на части, снабженные заголовками.

Учителю и ученикам адресовано издание, подготовленное В. И. Стеллецким и Л. И. Тимофеевым [15]. Вступительная статья написана интересно, доступно, наполнена множеством конкретных фактов.

«Слово о полку Игореве» подробно рассматривается в учебниках для средней школы. Первый стабильный учебник — Н. Поспелова и П. Шаблиовского — вышел в 1939 г.[16] «Слову» здесь предшествует общая характеристика древнерусской литературы, из которой выделены для анализа апокрифы, «Александрия», «Повесть временных лет», «Поучение Владимира Мономаха», «Галицко-Волынская летопись». Таким образом, учащиеся подготовлены к восприятию «Слова».

П. Шаблиовский и Н. Поспелов достаточно полно характеризуют «Слово». Текст главы разделен на рубрики: 1) Открытие памятника; 2) Историческая основа «Слова»; 3) Содержание и план «Слова»; 4) Основная идея «Слова»; 5) Жанр; 6) Композиция; 7) Образ Бояна; 8) Образ Игоря Святославича; 9) Образ Всеволода; 10) Образ великого князя киевского Святослава Всеволодовича; 11) Образ Ярославны; 12) Лиризм «Слова о полку Игореве»; 13) Система изобразительных средств в «Слове»; 14) Автор «Слова» — народный певец.

Четкость в изложении материала и лаконизм подразделов делали материал легко обозримым для учащихся и удобным для запоминания. Вместе с тем определенным недостатком изложения

---

15 См.: «Слово о полку Игореве»: Древнерус. текст и пер. / Вступ. ст., ред. текстов, прозаич. и поэт. пер., примеч. к древнерус. тексту и слов. В. И. Стеллецкого; Стихотворное переложение и пояснение к нему Л. И. Тимофеева. М., 1965.

16 См.: *Поспелов Н., Шаблиовский П.* Русская литература: Учеб. для 8-го класса сред. шк. М., 1939. Последнее (12-е) издание учебника вышло в 1952 г.

является скупое обращение к тексту памятника и стремление все передать своими словами. Неполнотой отличается характеристика эпохи: например, ничего не сказано о княжеских усобицах. Имеется определенная модернизация в определении идеи «Слова» как призыва к единству государства. Однако в целом, если особенно учесть, что это был первый систематический учебник для 8-го класса советской школы, книга была полезна, в том числе и разделом о «Слове о полку Игореве».

Древнерусская литература представлена и в учебнике для 1-го класса педагогических училищ А. А. Зерчанинова и Н. Г. Порфиридова (1946) [17]. Материал здесь расположен в хронологическом порядке и охватывает XI—XVII вв. Подчеркнута художественная ценность древнерусской литературы, отмечены ее патриотическая направленность, высокий нравственный потенциал, а также связь с литературой новой.

«Слово о полку Игореве» занимает здесь центральное место. Авторы учебника следуют традиционному плану: история открытия, поход Игоря, содержание, идея, образы действующих лиц, композиция, изобразительные средства, жанр, автор, значение памятника для последующей литературы. Обращает на себя внимание справедливое суждение, предваряющее пересказ: «Как всякое истинно поэтическое произведение, „Слово о полку Игореве“ много теряет в передаче. Его надо читать в подлиннике» (с. 97). Тем не менее пересказ, который приводится дальше, в целом удачен своей близостью к тексту. В контексте учебной книги как методический прием воспринимается сопоставление «Слова» с летописной статьей, выявляющее особенности композиции «Слова о полку Игореве». Сделана попытка показать различие жанровой системы литературы древнерусской и новой: например, в учебнике сказано, что определять жанр «Слова» как лирико-эпическую поэму можно только с точки зрения современных понятий, сам же автор называет свое произведение то словом, то повестью, то песней.

На новый школьный учебник для 8-го класса С. М. Флоринского, применительно к разделу о «Слове о полку Игореве», оказали определенное влияние труды Д. С. Лихачева. В книге, существовавшей в качестве стабильного учебника в течение 15 лет, гораздо полнее, чем раньше, разработан материал о художественной форме «Слова» и ее обусловленности идеологическими задачами [18]. Например, подчеркнуто, что автор «Слова» то сопоставляет прошлое с настоящим, то разрывает повествование, вставляя свои размышления и воспоминания, то переставляет события, — эти особенности композиции помогают глубже раскрыть

---

[17] См.: *Зерчанинов А. А., Порфиридов Н. Г.* Русская литература: Учеб. для 1-го класса педагог. училищ / Под общ. ред. Н. Л. Бродского. М., 1946.

[18] См.: *Флоринский С. М.* Русская литература: Учеб. для 8-го класса сред. шк. М., 1954.

судьбы Русской земли, дать оценку событиям в свете главной идеи. С. М. Флоринский избегает формализма в анализе изобразительных средств языка, — они обусловлены, отмечает он, отношением автора к происходящему, его стремлением создать определенное настроение у слушателей. С этой точки зрения подробно рассматриваются приемы ораторской речи, символические картины, метафоры, связь с устным народным творчеством.

«Слово о полку Игореве» нашло место и в учебнике для нерусских школ, притом в достаточно подробном изложении [19]. Краткая характеристика «Слова» содержится также в учебном пособии для вечерних школ И. А. Фогельсона. Правда, здесь больше места отведено стихотворным переводам (В. А. Жуковского, А. Н. Майкова, Н. А. Заболоцкого, Н. Рыленкова), чем самому произведению [20].

В 1938 г. появилось первое методическое пособие по «Слову», обращенное к учителю [21]. Его автор М. Н. Салтыкова подчеркивает, что работа над «Словом» должна вызвать у учащихся интерес и любовь к замечательному произведению. Эта цель может быть достигнута прежде всего с помощью глубокого проникновения в текст «Слова», которое достигается чтением произведения в классе и его комментированием. М. Н. Салтыкова первая из советских методистов определила пути школьного анализа «Слова», принятые словесниками в дальнейшем на протяжении нескольких десятилетий: чтение текста крупными частями самим преподавателем.

Н. К. Семенова, автор другого методического пособия по «Слову о полку Игореве», подчеркивает большое воспитательное и образовательное значение памятника [22]. Она ставит перед учителем задачу добиться, чтобы подростки восприняли древнюю поэму не как иллюстрацию к истории, а как произведение искусства, оценили ее эстетические достоинства. Автор предостерегает учителя от «педагогического педантизма» при комментировании текста. Не следует объяснять буквально все, так как в этом случае внимание учащихся будет рассеиваться и пострадает эмоциональное восприятие произведения: многое еще придется рассмотреть, уточнить и систематизировать на обобщающих занятиях.

В соответствии с принятой в те годы программой весь материал по «Слову» распределяется на семь часов.

Одновременно с книгой Н. К. Семеновой вышло методическое пособие по «Слову о полку Игореве» В. И. Тищенко для украин-

---

[19] См.: *Краевский П. Д., Липаев А. А.* Русская литература: Учеб. для VIII класса нерус. сред. шк. М., 1956.

[20] См.: *Фогельсон И. А.* Русская литература: Учеб. пособие для девятых классов вечер. и заоч. сред. шк. М., 1967.

[21] См.: *Салтыкова М.* «Слово о полку Игореве» в 8-м классе. Л., 1938.

[22] См.: *Семенова Н. К.* Изучение «Слова о полку Игореве» в VIII классе: В помощь учителю. Л., 1957.

ских школ двух типов — с основным украинским языком и с русским [23].

Тема «Слова о полку Игореве» подробно разработана в методическом пособии для 8-го класса Н. О. Корста и С. А. Смирнова, вышедшем двумя изданиями (1954 и 1956 гг.) [24].

С. А. Смирнов считает, что читать памятник лучше по частям плана. Каждую часть нужно комментировать, так как при безостановочном чтении учащиеся поверхностно усваивают содержание «Слова» и неохотно возвращаются к перечитыванию. Опущенные куски текста следует пересказать с отдельными цитатами.

Интересной представляется словарная работа, предлагаемая в пособии: заменить современными словами древнерусские «лепо», «древо», «персты», «ристати», «шелом», «вельми», туга» и др.; найти в тексте памятника древнюю форму слов «красивый», «красный», «воин», «конь», «плен», «воспевать», «знамя», «овраг», «пахарь», «печаль», «кукушка» и др.; выписать слова, в которых форма является несовременной, но смысл которых нам понятен (начяти, словесы, хотяше, творити); отыскать в тексте слова, ушедшие из русского языка (истягну, потяту, кикахуть, граяхуть); и т. д.

Некоторой схематичностью в пособии отличаются разделы, посвященные образам «Слова», и в особенности художественному мастерству. В издании 1956 г. глава заканчивается библиографией для учителя. В ней особо выделены книги по «Слову о полку Игореве» Д. С. Лихачева, а также библиографический указатель Ф. М. Головенченко.

С разработкой уроков по «Слову о полку Игореве», основанной на личном опыте, знакомит Б. С. Найденов [25]. Принципиальным моментом в его методике является внимание к сведениям по теории литературы, которые сообщаются при изучении текста.

Поискам новых путей изучения «Слова о полку Игореве» в школе посвящена статья Н. О. Корста «Древняя русская литература и литература XVIII века по новой программе» [26]. Она была написана после резкого сокращения часов на «Слово», перенесенного в программу IX класса. При наличии всего двух часов на древнерусскую литературу, включая «Слово о полку Игореве», единственно возможным методом, отмечает автор, становится лекция, перемежаемая чтением и комментированием отрывков из произведения. Задача первого урока дать общее представление

---

[23] См.: *Тищенко В. И.* Изучение «Слова о полку Игореве» в VIII классе средней школы. Каменец-Подольск, 1957.

[24] См.: *Корст Н. О., Смирнов С. А.* Методические указания к преподаванию литературы в VIII классе. М., 1954; *Они же.* Методические указания к преподаванию литературы в VIII классе. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1956.

[25] См.: *Найденов Б. С.* Что показал опыт занятий по древнерусской литературе и литературе XVIII века в VIII классе // Лит. в шк. 1957. № 4. С. 46—49.

[26] См.: *Корст Н. О.* Древняя русская литература и литература XVIII века по новой программе // Лит. в шк. 1963. № 3. С. 62—67.

о культуре и литературе Древней Руси, а также об исторической основе произведения, его жанре и композиции. На втором уроке читаются отрывки из текста, перемежаемые пересказом учителя. В процессе чтения учитель кратко характеризует основные образы «Слова», вскрывает связь его поэтического языка с устной народной поэзией.

В сложившихся условиях, подчеркивает Н. О. Корст, значительное место должна занять самостоятельная работа учащихся дома. Действенным методом преподнесения трудного материала он считает использование на уроке наглядных пособий: диапозитивов с изображениями древних книг, архитектурных сооружений, предметов быта, а также иллюстраций в учебнике и школьных изданиях «Слова».

О путях анализа «Слова о полку Игореве» в школе кратко говорится также в учебнике для пединститутов В. В. Голубкова, выходившем несколькими изданиями [27].

Кроме пособий об изучении «Слова о полку Игореве» в целостной системе, появляются и более частные работы. Одни из них посвящены школьной трактовке особенностей самого произведения. В других материал «Слова» используется для решения собственно методических задач. Например, в книге Б. В. Рождественского «Изучение композиции литературных произведений в школе» в одной из глав рассматривается «Слово о полку Игореве» [28]. Автор исходит из установки о недопустимости сводить композицию «Слова» лишь к сюжету, а трактует ее как общую организацию тематического материала. С этой точки зрения рассматривается диспозиция персонажей, которые группируются, с одной стороны, по принципу противопоставления (русские—половцы), с другой, — градации: Святослав как идеальный князь и Игорь и Всеволод, стоящие ступенькой ниже.

Вместе с составлением плана рекомендуется рассмотреть элементы сюжета, но этим не ограничиться и обратить внимание на внесюжетные вставки, в первую очередь воспоминание об Олеге Гориславиче. В главе дан также материал о принципах построения характера, — например, Игорь и Всеволод показаны в действии, Святослав же Киевский через ораторскую речь. Недостатком главы является ее несколько общий характер, а также известная модернизация: герои «Слова» рассматриваются как типические образы.

Рассмотрение стилистики «Слова о полку Игореве» на всех этапах школьного анализа явилось предметом экспериментальной работы автора данной статьи, проведенной им совместно со студентами пединститута в одной из школ Москвы [29].

---

[27] Первое издание: *Голубков В. В.* Методика преподавания литературы: Учеб. пособие для высш. педагог. учеб. заведений. М., 1938; последнее издание: *Он же.* Методика преподавания литературы. М., 1962.

[28] См.: *Рождественский Б. В.* Изучение композиции литературных произведений в средней школе: Пособие для учителя. М., 1958. С. 11—22.

[29] См.: *Елеонская А. С.* Изучение языка и стиля «Слова о полку Игореве»

Уже во вступительной лекции, где давалась историческая характеристика XII в. и рассказывалось о походе Игоря, была прокомментирована военная лексика произведения, объяснены соответствующие термины, раскрыты воинские символы. Необходимый материал был почерпнут из исследований С. П. Обнорского [30], Д. С. Лихачева [31], А. В. Арциховского [32]. Чтобы учащиеся представили зрительно, как выглядело древнерусское воинство, были показаны диапозитивы из серии, составленной С. А. Смирновым. При ознакомлении с текстом внимание было уделено и природоведческой лексике, поскольку велика роль природы в развитии сюжета. Для подготовки к урокам студентам были рекомендованы исследования В. В. Данилова [33] и Н. В. Шарлеманя [34].

«Слово о полку Игореве» как одна из иллюстраций для решения методической проблемы используется в статье В. В. Неверова «Комментированное чтение на уроках литературы в VIII классе» [35]. Выступая в роли чтеца, учитель одновременно является истолкователем произведения — основная мысль работы. Своей интонацией, логическими ударениями, паузами он характеризует действующих лиц, выявляет отношение к ним автора. В процессе чтения делаются также краткие пояснения, касающиеся идейного содержания и формы произведения.

«Слово о полку Игореве» требует прежде всего исторического комментария. В статье приведен пример подобной работы над вступлением памятника, которое читается сначала по-древнерусски, а затем в переводе. После чтения комментируется упоминание о соколиной охоте как элементе феодального быта. Комментируется также описание битвы и трофеев, захваченных русскими. После чтения «золотого слова» Святослава даются исторические пояснения к характеристике последнего, изображенного в «Слове о полку Игореве» сильным и грозным князем, и т. д. В статье говорится и о необходимости в процессе комментированного чтения вести словарную работу.

в школе // Учен. зап. МГПИ им. В. И. Ленина. М., 1957. Т. 105. С. 117—128.

[30] См.: *Обнорский С. П.* Очерки по истории русского литературного языка старшего периода. М.; Л., 1946. С. 182.

[31] См.: *Лихачев Д. С.* Исторический и политический кругозор автора «Слова о полку Игореве» // Слово о полку Игореве / Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1950. С. 5—52.

[32] См.: *Арциховский А. В.* Русское оружие X—XIII вв. // Докл. и сообщ. ист. фак. МГУ. М., 1945. Вып. 4. С. 11.

[33] См.: *Данилов В. В.* Заметки к тексту «Слова о полку Игореве» // Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1950. С. 207.

[34] См.: *Шарлемань Н. В.* Из реального комментария к «Слову о полку Игореве» // ТОДРЛ. М.; Л., 1949. Т. 7. С. 115.

[35] См.: *Неверов В. В.* Комментированное чтение на уроках литературы в VIII классе // Лит. в шк. 1957. № 2. С. 40—47.

«Слово о полку Игореве» как первое произведение, изучавшееся текстуально, использовалось словесниками для выработки у восьмиклассников необходимых навыков и умений. Например, В. Д. Бурмакина показывает на нем учащимся основные приемы работы с учебником [36]. После рассказа учителя о композиции «Слова» вслух читается соответствующий раздел из учебника, по которому составляется план (1. Что такое композиция произведения? 2. В чем конкретно выражается стройность композиции «Слова»? 3. Три основные части «Слова» и добавление автора к каждой части. 4. Припевы «Слова» и их назначение. 5. Роль изображения природы в «Слове». 6. Особенности жанра «Слова». 7. Как выражает автор свое отношение к событиям? 8. Чем авор достигает лиризма). Пользуясь планом, восьмиклассники пересказывают содержание учебной статьи, а учитель разъясняет понятие композиции, лиризма, жанра. Раздел учебника о поэтических особенностях «Слова» ученики готовят самостоятельно, составляют план статьи и подбирают к нему цитаты из произведения.

М. Л. Портнов использует текст «Слова» для развития устной речи учеников, которые на первых порах еще не умеют самостоятельно отбирать необходимый материал и излагать его в стройной системе [37]. В статье приводится, в частности, план к характеристике князя Игоря, служащий канвой для устного рассуждения.

Навыки самостоятельной работы формирует с помощью «Слова» у своих воспитанников С. А. Гуревич [38]. Он ведет их к великому памятнику от мира их собственных увлечений. Любителю природы поручается рассказать о животных и птицах, упоминаемых в произведении. Знатоку военного искусства — составить схему движения русских войск. Ученику музыкальной школы — подобрать музыкальные иллюстрации из оперы Бородина.

«Слово о полку Игореве» находит большое место в методических трудах о письменных работах. В статье М. Шильниковой подчеркивалось, что в VIII классе наибольшее место занимают обычно сочинения типа изложения с элементами рассуждения, представляющие собой переход от обычных изложений к сочинениям. Именно такой характер имеют в основном и предложенные здесь письменные работы по «Слову о полку Игореве»: «Сборы Игоря в поход», «Плач Ярославны», «Привести примеры сравнений и метафор в описании битвы» и др.

Более сложны примерные темы для домашних сочинений: «Основная идея „Слова о полку Игореве“ и выражение ее в системе

---

[36] См.: *Бурмакина В. Д.* Домашние задания по литературе в VIII—IX классах // Там же. № 4. С. 50.

[37] См.: *Портнов М. Л.* Работа над ответом ученика в старших классах // Там же. № 5. С. 56—57.

[38] *Гуревич С. А.* В лаборатории учителя. М., 1975. (Сер. Педагогика и психология). В работе обобщен опыт автора тех лет, когда «Слово» изучалось текстуально.

образов памятника»; «Образы князей и воинов в „Слове о полку Игореве"»; «В чем и как выражены в „Слове о полку Игореве" патриотические чувства автора?»; «Образ Бояна в „Слове о полку Игореве"» [39].

Этот список представляется удачным, так как он охватывает почти все существенные стороны произведения и доступен по содержанию и формулировке 14-летним детям.

В методических работах «Слово» привлекается преимущественно как материал для обучения учащихся новому для них виду письменных работ — сочинений. Подробную разработку урока по тренировочному сочинению на тему «Святослав и его „золотое слово"» дает А. П. Романовский. В качестве эпиграфа к сочинению берутся слова: «Вступите, господа, в золотые стремена за обиду сего времени, за землю Русскую, за раны Игоря, храброго Святославича». Справа, против этой записи, дается пояснение: «Эпиграф — выдержка из какого-нибудь произведения или изречение. В нем выражена ведущая мысль, которая раскрывается всем сочинением». Далее в статье раскрывается работа над планом: он записывается слева, справа фиксируются необходимые пояснения. Затем каждая часть наполняется содержанием, что также отражается в записях [40].

Для обучения новому виду письменной работы обратился к «Слову о полку Игореве» и С. А. Смирнов [41].

Как видим, «Слово о полку Игореве» оказалось на протяжении десятилетий одним из самых воспитывающих и обучающих произведений. При этом сила его воздействия на учащихся была столь велика, что памятнику стало тесно в рамках урока и он дал богатое содержание внеклассной работе. Одной из первых обратилась к ней в 20-х—начале 30-х годов М. А. Рыбникова. «Не забуду, — говорит С. А. Смирнов, — ее драматизации „Слова о полку Игореве", „Песни про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова". Эти школьные постановки отличала смелая выдумка, тонкий вкус, умение использовать возможность школьной сцены и привлечь большой коллектив учащихся к работе над инсценировкой» (речь идет о работе в опытной Малаховской школе под Москвой) [42].

Об использовании «Слова» как темы занятий литературного кружка рассказала саратовская учительница Л. А. Ухова-Соломина. Примечательно, что в виду имеется не восьмой класс, где изучалось произведение, а десятый, — видимо, интерес к вели-

---

[39] См.: *Шильникова М.* О видах и тематике письменных работ по литературе в старших классах // Лит. в шк. 1956. № 6. С. 85.

[40] См.: *Романовский А. П.* Тренировочное сочинение // Там же. 1950. № 3. С. 40—44.

[41] См.: *Смирнов С. А.* Как обучать построению изложений и сочинений в курсе средней школы // Учен. зап. МГПИ им. В. И. Ленина / Под ред. В. В. Голубкова. М., 1955. Т. 90. Каф. методики рус. яз. и лит. Вып. 2. С. 107.

[42] *И. К.* Выдающийся педагог и методист: (К 75-летию со дня рождения М. А. Рабниковой) // Лит. в шк. 1960. № 3. С. 92.

кому памятнику древней литературы не пропал и после знакомства с классическими образцами литературы новой: «1-я тема — „Героический эпос Древней Руси“ — была освещена путем доклада и просмотра диапозитивов. Доклад был сделан по произведению „Слово о полку Игореве“. Ученица подобрала газетный материал, посвященный 750-летию знаменитого памятника, иллюстрации к тексту, сделала краткое сообщение об истории произведения, продемонстрировала материал; руководительницей кружка была после этого объяснена настенная выставка по „Слову“» [43].

Не менее продуктивны и виды внеклассной работы, как бы способствующие восприятию «Слова о полку Игореве», хотя и не рассматривающие самого произведения непосредственно. Такой характер имеет работа, отраженная в статье В. С. Гречинской «Малая Третьяковская галерея в сельской школе» [44]. Например, среди репродукций, собранных учащимися, находилась картина В. М. Васнецова «После побоища Игоря Святославича». Проведенная по ней беседа на кружке благотворно сказалась на знаниях по «Слову о полку Игореве».

В заключение хочется еще раз подчеркнуть, что в данной статье мы не исчерпали полностью темы. Однако и рассмотренный материал дает право говорить о непреходящей ценности «Слова» в идейном, нравственном и эстетическом воспитании молодого поколения.

---

[43] *Ухова-Соломина Л. А.* Литературный кружок: (Опыт работы в X классе) // Там же. 1940. № 6. С. 72.

[44] См.: *Гречинская В. С.* «Малая Третьяковская галерея» в сельской школе // Там же. 1957. № 4. С. 94.

Г.-Р. Купер
(США)

ИЗУЧЕНИЕ «СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ» В СЕВЕРНОЙ АМЕРИКЕ ДО КОНЦА 1983 г.

В 1958 г. профессор Гарвардского университета Роман О. Якобсон опубликовал статью об изучении «Слова о полку Игореве» в США в ленинградских Трудах Отдела древнерусской литературы[1]. Эта статья, в сущности отчет о коллективе европейских и американских медиевистов, работавших в Нью-Йорке во время второй мировой войны над текстом древнерусского шедевра, включала и перевод на русский язык «Слова», подготовленный Якобсоном, и список 39 научных исследований о «Слове», изданных в Америке по 1956 г. Эта работа является первым развернутым опытом библиографии изданных в США работ, посвященных «Слову»[2].

Благодаря трудам как Р. О. Якобсона, так и целого ряда американских и канадских славистов, североамериканский вклад в изучение «Слова» приобрел более заметное место в библиографиях работ о «Слове», изданных в СССР в 60-х годах и позже. Имеется в виду не только очень важное исследование под редакцией Д. С. Лихачева и Л. А. Дмитриева — «„Слово о полку Игореве“ и памятники Куликовского цикла»[3], но и две статьи, специально посвященные изучению «Слова» за рубежом, обе Ю. К. Бегунова: первая включает период от 1963 по 1968 г., а вторая — от 1968 по 1973 г.[4] Поставив себе целью обзор всей неотечественной «Игорологии» за десять лет, автор, конечно, не мог включить абсолютно все статьи о «Слове» в североамериканских публикациях. Однако надо сказать, что он включил почти все самое значительное.

---

1 См.: *Якобсон Р. О.* Изучение «Слова о полку Игореве» в Соединенных Штатах Америки // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 13. С. 102—121.

2 Ранее статьи Р. О. Якобсона. В 1953 г. проф. Эдвард Станкевич опубликовал свою работу «American Responses to the Igor Tale». См.: American Slavic and European Review. 1953. N 12. P. 424—426.

3 См.: «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла: К вопросу о времени написания «Слова». М.; Л., 1966.

4 См.: *Бегунов Ю. К.* «Слово о полку Игореве в зарубежном литературоведении: (Краткий обзор) // От «Слова о полку Игореве» до «Тихого Дона»: Сб. статей к 90-летию Н. К. Пиксанова. Л., 1969. С. 236—249; *Он же.* «Слово о полку Игореве» в зарубежном литературоведении // Рус. лит. 1974. № 2. С. 226—232.

В 1978 г. я издал свою библиографию работ о «Слове», которая была издана по 1976 г. за пределами Советского Союза [5]. Она включает в себя 390 аннотированных статей и в конце книги в качестве приложения — пятую, последнюю, реконструкцию текста «Слова», сделанную Р. О. Якобсоном. Рецензии на эту книгу появились как в Северной Америке, так и в Западной Европе.

Искренне благодарю всех рецензентов за дополнительные материалы, сообщенные в их рецензиях, а также профессора Екатерину Чвани (Massachusetts Institute of Technology) за ее ценные советы.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *George Z. Patrick.* Le Chanson de Roland et le Dit. des Guerriers d'Igor // Romanic Review 15 (1924): 296—307. О сходстве этих двух поэм.
2. Metropolitan Ilarian (Ohienko). Слово Істини 4 (1950): 10—11. О происхождении «Слова».
3. *Vladimir Sajkovic.* The Tale of Igor: Question of its Authenticity. Ph. D. Dissertation, University of Pennsylvania, 1953. Докторская диссертация об истории научного исследования «Слова», о критиках поэмы, о необходимости соблюдать только научные принципы, а не уступать националистическим предрассудкам в изучении «Слова».
4. *Constantine Bida.* Linguistic Aspects of the Controversy over the Authenticity of the Tale of Igor's Campaign // Canadian Slavonic Papers 1 (1956): 76—88. Лингвистические рассуждения в пользу подлинности «Слова».
5. *V. Kiparsky.* Le 'lit d'if' et le manuscript du Slovo d'Igor // For Roman Jakobson: Essays on the Occasion of his Sixtieth Birthday, 11 October 1956. The Hague: Mouton, 1956. P. 254—259. О слове «тисове / тесовой» и датировке открытия рукописи «Слова».
6. *Alexandre V. Soloviev.* Encore deux gloses sur Le Dit d'Igor: I. Bojan et Xodyna; II. Jaroslav et les petits-fils de Vseslav // Ibid. P. 475—484. Боян и Ходына как певцы на дворе князя Святослава и Ярослав как самый молодой сын Глеба Минского и внук Всеслава.
7. *Wolhodymer.* The Heroic Song of the Campaign against Polovtsi of the Ukrainian Prince Ihor, Son of Svyatoslav, Son of Oleh. The Order, 1958. Перевод «со старого украинского» на современный украинский язык, изданный в 100 экземплярах.
8. *Borys Oleksandriv.* «Слово о полку Ігоревім», пам'ятник староукраїнс'кого пис'менства: Нарис. Toronto: Moloda Ukraïna, 1960.
9. *Justinia Besharov-Djaparidze.* Reflections of the Kievan Literary Tradition in the Russian Epics of the Thirteenth to Seventeenth Centuries // The American Philosophical Society Held at Philadelphia for Promoting Useful Knowledge, Year Book 1960 (1961): 618—622. Об использовании византийских поэтических приемов в «Слове» и других старорусских произведениях.
10. *Sidney Monas.* Boian and Iaroslavna: Some Lyrical Assumptions in Russian Literature // The Craft and Context of Translation / William Arrowsmith and Roger Shattuck, eds. Austin: University of Texas Press, 1961. P. 107—121. О том, как трудно перевести «Слово» на английский, особенно «женственность» «Плача Ярославны» (ср. № 23).

---

[5] *Cooper H. R. Jr.* The Igor Tale an annotated bibliography of 20-th century non-soviet scholarship on the Slovo o polku Igoreve. L., 1978.

11. *Nikolay Andreyev.* Recent Soviet Studies of Russian Hitsory and Culture before 1462 // Slavic Review 21 (1962); 336—342. Краткая оценка археологических, исторических и литературоведческих исследований советских ученых о древнерусской литературе, включая и «Слово».
12. *William E. Harkins* // Slavic and East European Journal 7 (1963): 194—197. Рецензия на книгу Д. С. Лихачева «Слово о полку Игореве»: Памятник XII века (М., 1962).
13. *L. Matejka.* Comparative Analysis of Syntactic Constructions in the Zadonščina // American Contributions to the Fifth International Congress of Slavists, Sofia 1963. Vol. 1: Linguistic Contributions. The Hague: Mouton. 1963. P. 221—242. Сравнительное исследование основных синтаксических явлений в главных источниках «Задонщины».
14. *Thomas Riha.* Soviet Historians Today // The Russian Review 23/3 (1964): 259—264. О работе А. А. Зимина о «Слове».
15. *Vsevolod Kurbas.* «Плач Ярославны» // В помощь преподавателю русского языка в Америке 19 (1965): 78—80. Перевод на современный русский язык «Плача Ярославны» для студентов.
16. *Dean S. Worth.* Lexico-grammatical Parallelism as a Stylistic Feature of the Zadonščina // Orbis scriptus: Dmitrij Tschižewskij zum 70. Geburtstag. Munich: Wilhelm Fink Verlag, 1966. P. 953—961. О лексических и грамматических — в том числе и синтаксических — параллелизмах в «Задонщине», и просьба не считать «Задонщину» лишь «бедным пасынком» «Слова», а настоящим шедевром старой письменности.
17. *Mark Andrew Hirniak.* The Tale of Igor's Campaign in English Language Translations. Master's Thesis, University of Ottawa, 1968.
18. (The Rev.) *Mykhailo Krawczuk.* The Tale of Prince Ihor's Campaign: Ukrainian Epic of the Twelfth Century. New York: The Basilian Press Printers and Publishers, 1968. Том 12 в серии «Shevchenko Scientific Society's Ukrainian Literary Library»; краткое введение, перевод в прозе (на украинский) с примечаниями и комментарием.
19. *D. Tschižewskij.* Евгемеризм в старославянских литературах // Новый журнал / The New Review 92 (1968): 254—271. О том, что автор «Слова» был представителем светского евгемеризма, а не древнерусского двоеверия. (См. № 21.)
20. *Peter A. Crowther*, ed. A Bibliography of Works in English on Early Russian History to 1800. New York: Barnes and Noble. 1969. Одна глава посвящена древнерусской литературе в англоамериканской критике.
21. *V. Seduro.* Когда написано «Слово о полку Игореве»? // Новый журнал / The New Review 94 (1969): 302—303. Письмо редактору журнала о № 19.
22. *Harold J. Terrill, Jr.* «The Zadonščina»: A History of the Investigation. Ph. D. Dissertation, University of California at Berkeley, 1969. Докторская диссертация, в которой автор указывает на необходимость изучения «Задонщины» как самостоятельного произведения искусства, не подчиненного «Слову», и на связи между «Задонщиной» и другими произведениями куликовского цикла.
23. *Sidney Monas and Burton Raffel.* The Tale of Igor's Men, of Igor Son of Svyatoslav, Grandson of Oleg // Delos 6 (1971): 5—15. Перевод в прозе на английский с кратким комментарием Монаса. См. № 10.
24. *A. V. Solov'ev.* Светлая и святая Русь // Новый журнал / The New Review 104 (1971): 281—291. О тавтологиях как «свет светлый ты, Игорю» в «Слове» и других древнерусских произведениях.
25. *George Krugovoy.* Evolution of a Metaphor in Old Russian Literature // Canadian Slavonic Papers 14 (1972): 57—75. О сравнении боя с пиром и фразе «кровавое вино» в «Слове» и «Повести о разорении Рязани Батыем».
26. *W. S. Prior.* An Analysis of the Igor Tale and the Zadonshchina with a View to Showing Which Monument was Created First // New Zealand Slavonic Journal 9 (1972): 50—60. О лингвистических различиях между «Словом» и «Задонщиной» и о первоначальности «Слова».

27. *Omeljan Pritsak.* The Igor' Tale as a Historical Document // Annals of the Ukrainian Academy of Arts and Sciences in the US 12 (1972): 44—61. О датировке «Слова» между 1199 и 1201 годами на основе внутренних показаний.
28. *Robert C. Howes.* The Tale of the Campaign of Igor: A Russian Epic Poem of the Twelfth Century. N. Y.: W. W. Norton, 1973. Предисловие об историческом контексте «Слова», перевод на английский, выписка из Ипатьевской летописи о походе Игоря и краткая библиография.
29. *Charles A. Moser.* The Problem of the Igor Tale // Canadian-American Slavic Studies 7 (1973): 135—154. О неподлинности «Слова» и о возможном фальсификаторе — архитекторе-поэте Н. А. Львове.
30. *George J. Perejda.* «Beowulf» and «Slovo o polku Igoreve»: A Study of Parallels and Relations in Structure, Themes and Imagery. Ph. D. Dissertation, University of Detroit, 1973. Докторская диссертация о параллелях и связях между «Беовульфом» и «Словом» на основе их общего скандинавского происхождения, о скандинавском влиянии в Киеве и после создания «Слова».
31. *Jar. Rudnyc'kyj.* «Слово про Ігорів похід»: В переспівах на с'огочасну україн'ску мову. 2-nd Edition. Winnipeg: University of Manitoba Department of Slavic Studies, 1973. С предисловием переводчика о «Слове» как о первой украинской поэме.
32. *Nikolay Andreyev* // Slavic Review 33 (1974): 767—768. Рецензии книг Б. А. Рыбакова «„Слово о полку Игореве" и его современники» (М., 1971) и «Русские летописцы и автор „Слова о полку Игореве"» (М., 1972).
33. *Riccardo Picchio.* The Holy Scriptures and the Igor' Tale // Minutes of the Seminar in Ukrainian Studies Held at Harvard University during the Academic Year 1974—75 5 (1974—5): 20—22. О «Слове» как части древнерусской литературы, особенно в связи с древнерусским понятием о «прегрешной гордости».
34. *Adele Marie Barker.* Sea and Steppe Imagery in Old English and Old Russian Epic. Ph. D. Dissertation. New York University, 1976. О «Беовульфе» и «Слове», о роли моря в первом, а степи в другом.
35. *Riccardo Picchio.* Roman Jasobson on Russian Epics and Old Russian Literature // Roman Jakobson: Echoes of His Scholarship / Daniel Armstrong and C. H. van Schooneveld, eds. Lisse: Peter de Ridder Press, 1977. P. 321—355. Обзор работы Р. О. Якобсона над памятниками древней литературы, особенно (с. 334—351) «Словом» и «Задонщиной».
36. *William Schmalstieg.* Nahtigalova izdaja Slova o polku Igoreve // Nahtigalov zbornik ob stoletnici rojstva. Ljubljana, 1977. P. 407—417. Американский славист пишет о словенском переводе «Слова» Р. Нахтигаля (1954 г.).
37. *Gary Cox.* Toward a System of Poetic Parallelism in the Slovo o polku Igoreve // Ulbandus Review 1/2 (1978): 3—15. О двух-, трех- и четырехчастных параллельных конструкциях в «Слове» и их поэтическом значении.
38. *Sviatoslav Hordyns'kyi.* Das Ihorlied als Literaturdenkmal // Südosteuropa-Mitteilungen. 18 (1978): 155—183. Канадский славист о «Слове».
39. *Riccardo Picchio.* Notes on the Text of the Igor' Tale // Harvard Ukrainian Studies 2/4 (1978): 393—422. Об «исоколическом принципе» как средстве прояснить несколько «темных мест» в «Слове».
40. *Patricia Pollock Brodsky.* The Russian Source of Rilke's 'Wie der Verrat nach Russland kam' // Germanic Review 54 (1979): 72—77. Об использовании Рильке русских источников в своей поэзии, включая и «Слово».
41. *К. Г. Менгес.* Восточные элементы в «Слове о полку Игореве». Л.: Наука, 1979. Перевод его книги 1951 г. Кажется, книга, упомянутая Бегуновым (прим. 4, 1974, с. 231), никогда не осуществилась.
42. *A. Poppe.* On an Interpolation in the KB Manuscript of the Zadonshchina // Canadian-American Slavic Studies 13 (1979): 102—110. С польского оригинала, о неправильности дня и числа «среда, 8 сентября» в Кирилло-Белозерском списке «Задонщины».
43. *Robert Mann.* The Song of Prince Igor, Russia's Great Medieval Epic. Eugene: OR: Vernyhora Press, 1979. Предисловие об устной композиции

«Слова», перевод с подробным комментарием почти всех стихов (с. 27—62), регистр имен и избранная библиография.

44. *Andrzej Poppe.* On the Title of Grand Prince in the Tale of Ihor's Campaign // Harvard Ukrainian Studies 3—4 (1979—1980): 684—689. О правовом использовании титула «великий князь» в «Слове»; по-видимому, автор знал подробно иерархическое положение Руси в XII в.
45. *Catherine V. Chvany.* The Role of Verbal Tense and Aspect in the Narration of The Tale of Igor's Campaign // The Structural Analysis of Narrative Texts: Conference Papers / Andrej Kodjak, Michael J. Connolly and Krystyna Pomorska, eds. Columbus, OH: Slavica, 1980. P. 7—23. Об употреблении глагольного времени и вида в старорусском на основе материала из «Слова»; автор статьи сравнивает это употребление с современной кинематографической техникой.
46. *Robert Mann.* 'Iron Talons' in the Igor Tale // Canadian Slavonic Papers 22 (1980): 408—410. О слове «папорзи», которое следует читать «пазногти».
47. *Robert Mann.* A Note on the Text of the Igor Tale // Slavic Review 39 (1980): 281—285. Предлагает внести цифру «170» в шестой стих «Слова»: «. . .от старого Владимира 170 лет до нынешнего Игоря», на основе «Задонщины».
48. *Omeljan Pritsak.* The Origin of Rus' / Vol. 1: Old Scandinavian Sources Other than the Sagas. Cambridge, MA: Harvard Ukrainian Research Institute, 1981. Особенно с. 247—249; общее о «Слове», много информации о скандинавских источниках древнерусской культуры. Кажется, книга, упомянутая Бегуновым (см. прим. 4, 1969, с. 247), никогда не осуществилась. И другую книгу Прицака, упомянутую самим автором, я искал напрасно O. Pritsak, The Pečenegs (Lisse: 1976).
49. *Sviatoslav Hordyns'kyi.* З люпою літературного детектива над «Словом о полку Ігоревi» // Sučasnist' 22/6 (1982): 32—48. О связях «Слова» с народной, и особенно украинской, поэзией, чтобы прояснить несколько «темных мест».
50. *Robert Mann.* Is There a Passage Missing at the Beginning of the Igor Tale? // Slavic Review 41/4 (1982): 666—672. О возможности упущения целой страницы в начале «Слова» (на основе показаний «Задонщины» и неправильности времени глагола «бяшет»).
51. *Robert L. Mann.* Oral Composition in the «Slovo o polku Igoreve'» / Ph. D. Dissertation, University of Kansas, 1984. О «Слове» как устной эпической поэме или письменном подражании устному творчеству; о связях с «Задонщиной»; о новых доказательствах подлинности «Слова»; новые данные о нескольких «темных местах».
52. *Nicholas Poppe, Jr.* A Survey of Studies of Turkic Loan Words in the «Slovo o polku Igoreve» // Central Asiatic Journal 28/1—2 (1984): 89—99. Об архаичном слое тюркизмов в «Слове» как доказательстве его древности и подлинности, особенно в связи с «Задонщиной».

ЗАСЕДАНИЯ ОБЩЕМОСКОВСКОГО СЕМИНАРИЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ XI—XVIII вв.

Семинарий как форма обсуждения научных докладов и сообщений руситов-медиевистов (литературоведов, лингвистов, историков, искусствоведов и пр.) был организован в конце 1986 г. в Институте мировой литературы им. А. М. Горького на основе опыта заседаний прежней Группы древнерусской литературы, преобразованной в Сектор древнерусской литературы. Активную помощь оказали преподаватели и аспиранты кафедры русской литературы МГУ. Особенности семинария: 1) заседания проводятся регулярно — раз в неделю по средам с 18 час.; 2) доклад длится обычно не более 45 мин., а его обсуждение — желательно критика — занимает около 2 час., иногда больше; 3) выступать с докладами и на обсуждении могут все желающие, включая студентов, и в самой живой форме; 4) председательствующие меняются на каждом заседании; 5) участники семинария — их на данный момент более 200 — предупреждаются о заседаниях по домашним телефонам.

В настоящее время готовятся сборники трудов семинария под общим названием «Герменевтика древнерусской литературы».

Приводим перечень докладов, прочитанных по октябрь 1988 г.

1986

1. *Демин А. С.* Герменевтика писательского высказывания. На материале «Сказания о Борисе и Глебе». 29.X.
2. *Былинин В. К.* Проблемы воздействия архитектуры на литературу Древней Руси. 5.XI.
3. *Кусков В. В.* Принцип ретроспективной исторической аналогии в «Слове о полку Игореве». 12.XI.
4. *Богданов А. П.* Поэтический триптих Кариона Истомина. 26.XI.
5. *Софронова Л. А.* Ломоносов и Сарбевский: опыт сопоставления двух поэтик. 3.XII.
6. *Кучкин В. А.* «Свой дядя» в завещании Симеона Гордого. 10.XII.
7. *Конявская Е. Л.* Проблема авторского самосознания древнерусского книжника. На материале агиографии XII—XV вв. 17.XII.
8. Заседание памяти О. А. Державиной: годовщина со дня смерти. 24.XII.

1987

9. *Чуканова Т. Ю.* «Отразительное писание» Евфросина как источник по истории раскола. 7.I.
10. *Калугин В. В.* Наименования формата книг, филиграней, сортов бумаги в русском языке XV—начале XVIII вв. 14.I.

11. *Чубинская В. Г.* Икона «Богоматерь Донская» XIV в. в живописной раме Петровского времени. 21.I.
12. *Демин А. С.* Социальное мироощущение древнерусских писателей XI—XII вв. 28.I.
13. *Фонкич Б. Л.* Греко-славянская школа при Московском печатном дворе 1680-х гг. 11.II.
14. *Морозов Б. Н.* Первое послание Андрея Курбского Ивану Грозному в сборнике конца XVI—начала XVII вв. 18.II.
15. *Анхимюк Ю. В.* Новый антииосифлянский памятник публицистики 1512—1515 гг. 25.II.
16. *Одесский М. П.* Программы и пересказы пьес в русской культуре Петровского времени. 4.III.
17. *Зверева С. Г.* Хор государевых певчих дьяков XVI—начала XVII вв. 11.III.
18. *Лебедев Е. Н.* Драматургический дебют Княжнина. 18.III.
19. *Сохраненкова М. М.* Музыкально-поэтическое творчество Тредиаковского. 25.III.
20. *Щапов Я. Н.* Системы права в Древней Руси X—XIII вв. 1.IV.
21. *Симонов Р. А.* Астрологические знания при дворе царя Алексея Михайловича. 8.IV.
22. *Карсанов А. Н.* Ясы на Руси X—XIII вв. 15.IV.
23. *Черная Л. А.* Эстетика первого русского театра. 22.IV.
24. *Робинсон А. Н.* О символике «Слова о полку Игореве»: битва-жатва. 29.IV.
25. Заседание памяти Н. К. Гудзия: 100-летие со дня рождения. 6.V.
26. *Звонарева Л. У.* Влияние науки на поэзию Симеона Полоцкого. 13.V.
27. *Мочалова В. В.* Плебейский «мир наизнанку» в польской литературе XVI—XVII вв. и в русской литературе второй половины XVIII в. 20.V.
28. *Синицына Н. В.* Писатель Исайя Каменец-Подольский и Максим Грек. 27.V.
29. *Солощенко Л. Ф.* Типология русского духовного стиха. 3.VI.
30. *Бусева-Давыдова И. Л.* Зеркало в русской культуре XVII в. 10.VI.
31. *Чернецов А. В.* Посох Стефана Пермского и неизвестная редакция его «Жития». 17.VI
32. *Брюсова В. Г.* Когда и где был поставлен митрополит Иларион. 24.VI.
33. *Балашов В. Б.* Полмесяца в семье старообрядцев Лыковых. 30.IX.
34. *Елеонская А. С.* Неопубликованный панегирик 1719 г. из литературного наследия семьи Кантемиров. 14.X.
35. *Селю Ю. С.* Птицы и звери в «Слове о полку Игореве». 21.X.
36. *Тарасова Е. В.* Реформа церковно-славянского языка в переводах и книжной справе Максима Грека. 28.X.
37. *Демин А. С.* Социально-имущественные чувства и представления русских писателей XV и XVI вв. 4.XI.
38. *Фонкич Б. Л.* Греческое книгописание в России XVII в. 11.XI.
39. *Хромов О. Р.* Политическая роль Коломенской усадьбы и «Приветство» Симеона Полоцкого. 18.XI.
40. *Вдовин Г. В.* Портрет и зритель в русской культуре XVIII в.: несколько тезисов о функции замещения. 25.XI.

41. *Пушкарев Л. Н.* Содержание и границы понятия «общественная мысль». 2.XII.
42. *Кошелева О. Е., Мошкова Л. В.* Древнерусская учебная литература: основные тенденции и этапы развития. 9.XII.
43. *Лёвочкин И. В.* «Изборник» Святослава 1073 г. в новейшей советской литературе: 1983—1987 гг. 16.XII.
44. *Сумаруков Г. В.* Ходына — возможный автор «Слова о полку Игореве»: новые аргументы. 23.XII.
45. *Лебедев Е. Н.* Духовные оды Ломоносова. 30.XII.

1988

46. *Поздеева И. В.* Учебные издания Московского печатного двора первой половины XVII в. и их распространение. 6.I.
47. *Кириллин В. М.* Сказание об иконе Тихвинской богоматери в культурной жизни Руси конца XV—начала XVI вв. 13.I.
48. *Пентковский А. М.* Календарная традиция Древней Руси. 20.I.
49. *Даниленко Н. И., Галактионова Н. В.* Ранняя каменная постройка на территории Китай-города времени Ивана Калиты. *Чернов С. З.* Археологические раскопки в Москве в 1987 г. 27.I.
50. *Добродомов И. Г.* О трудностях в истолковании древнерусских слов. 3.II.
51. *Черная Л. А.* Неизданные труды А. С. Лаппо-Данилевского по истории русской культуры XVII—XVIII вв. 10.II.
52. *Пауткин А. А.* Летописная повесть 1151 г. о борьбе за Киев. 17.II.
53. *Громов М. Н.* Что понимали под «философией» в Древней Руси. 24.II.
54. *Кантор А. М.* Социально-философские представления русского посада второй половины XVII в. 2.III.
55. *Крутова М. С.* Три типа сборников «Златая цепь». 9.III.
56. *Кротов М. Г.* Элементы пародии и памфлета в послании царя Алексея Михайловича патриарху Никону о смерти патриарха Иосифа. 16.III.
57. *Никитин А. Л.* О последствиях крещения Руси. 23.III.
58. *Калиганов И. И.* Проблемы изучения южнославянского влияния на Руси. 30.III.
59. *Плюханова М. Б.* Мотив принесения царевича в жертву в русской литературе и фольклоре XVI—XVII вв. 6.IV.
60. *Мурьянов М. Ф.* Хронометрия Киевской Руси. 13.IV.
61. *Салтыков А. А.* Вопросы церковного искусства на Стоглавом соборе. 20.IV.
62. *Конотоп А. В.* «Глас волоревущий и козлоблеющий» («Мусикия» И. Коренева о многогласном пении). 27.IV.
63. *Соколов Б. М.* Слово в эстетике русского кубка. 4.V.
64. *Ужанков А. Н.* Об авторе «Летописца Даниила Галицкого». 11.V.
65. *Гриценко З. А.* Бунин и древнерусская литература. 18.V.
66. *Павленко А. А.* Деятельность иноземных художников в России XVII века (по архивным документам). 25.V.
67. *Гогишвили А. А.* Звукопись в «Слове о полку Игореве». 1.VI.
68. *Булычёв А. А.* Публицистическая переработка деяний собора 1620 г. в «Требниках» 1639 г. 8.VI.

69. *Щапов Я. Н.* Идеи мира в древнерусском летописании. 15.VI.
70. *Пожидаева Г. А.* Демественное пение XV—XVI вв. 22.VI.
71. *Бадалян Л. Г.* Древнерусские тексты как источник по истории социальной психологии (постановка проблемы на материале «Повести о Ерше Ершовиче»). 21.IX.
72. *Никитина С. Е.* Духовный стих как жанр. 28.IX.
73. *Калачева С. В.* Один из первых деятелей российской Академии Наук Иван Семенович Горлитский. 5.X.
74. *Голейзовский Н. К.* Новое о Дионисии. 12.X.
75. Выступление мужского хора издательского отдела Московского патриархата под управлением иеродьякона Амвросия Носова. 19.X.
76. *Турилов А. А.* Древнейшие славянские чудеса Георгия Победоносца. 26.X.
77. *Робинсон А. Н.* Наблюдения медиевиста над изданиями К. Маркса и В. И. Ленина в СССР (замалчивания и фальсификации текстов). 2.X.

А. С. Дёмин
В. К. Былинин

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора 5

А. Н. Робинсон «Слово о полку Игореве» среди поэтических шедевров средневековья 7

Д.-С. Ворт (США) Лирический элемент в «Слове о полку Игореве» 38

С. Матхаузерова (ЧССР) Система образов в «Слове о полку Игореве». Сравнительный анализ 46

А. С. Демин Куда растекался мыслию Боян? 54

В. В. Кусков Исторические аналогии событий и героев в «Слове о полку Игореве» 62

Ё. Накамура (Япония) «Слово о полку Игореве» и «Повесть о доме Тайра» (сравнение с точки зрения системы цветов) 80

Г. О. Винокур К вопросу о языке «Слова о полку Игореве» 90

Т. М. Николаева Функционально-смысловая структура антитез и повторов в «Слове о полку Игореве» 103

В. Э. Орел «Слово о полку Игореве» и его этимологическое изучение 125

В. Л. Виноградова К лексико-семантическим параллелям «Слова о полку Игореве» 141

Д.-В. Хейни (США) К вопросу о просодической системе «Слова о полку Игореве» 153

М. А. Робинсон, Л. И. Сазонова Новый опыт комментирования «Слова о полку Игореве» (фрагмент «соколъ въ мытехъ») . . . 174

Н. М. Дылевский (НРБ) Пешее войско в походе князя Игоря 194

В. А. Захаров Тмутаракань и «Слово о полку Игореве» 203

А. Н. Карсанов К вопросу о «времени бусовом» в «Слове о полку Игореве» 222

Б. В. Сапунов «Слово о полку Игореве» в культуре Московской Руси 228

В. Д. Черный «Слово о полку Игореве» и книжные миниатюры 243

В. П. Козлов Малоизвестная рукопись И. Н. Болтина — один из источников первых комментариев «Слова о полку Игореве» 265

А. С. Курилов «Слово о полку Игореве» и русская филология на рубеже XVIII—XIX вв. 281

В. Ю. Троицкий	«Слово о полку Игореве» в творческом сознании русских романтиков 20—30-х годов XIX в.	293
В. И. Сахаров	«Слово о полку Игореве» в литературно-критических воззрениях А. С. Пушкина	307
Л. И. Сазонова	«Слово о полку Игореве» в поэтических контекстах XX в.	315
Б. Ст. Ангелов (НРБ)	«Слово о полку Игореве» в переводах на болгарский язык	336
М. Бабович (СФРЮ)	Изучение «Слова о полку Игореве» в югославской русистике	346
Э. Малэк (ПНР)	«Слово о полку Игореве» в Польше	365
С. С. Лунден (Норвегия)	Некоторые вопросы перевода «Слова о полку Игореве» на норвежский язык	383
Хуанну Вэй (КНР)	«Слово о полку Игореве» в Китае	390
В. К. Былинин	«Слово о полку Игореве» в Испании и Латинской Америке	398
А. С. Елеонская	«Слово о полку Игореве» в советской школе (из истории изучения)	416
Г.-Р. Купер (США)	Изучение «Слова о полку Игореве» в Северной Америке до конца 1983 г.	429
	Заседания общемосковского семинария исследователей русской культуры XI—XVIII вв. . . .	434

«СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»

Комплексные исследования

Утверждено к печати Институтом мировой литературы им. А. М. Горького АН СССР

Редактор издательства *Т. А. Белопасцева*
Художник *В. Ю. Кученков*
Художественный редактор *М. Л. Храмцов*
Технический редактор *А. С. Бархина*
Корректор *Ф. Г. Сурова*

ИБ № 38008

Сдано в набор 03.05.88
Подписано к печати 04.11.88
А-13372
Формат 60×90[1]/[16].
Бумага офсетная № 1
Гарнитура обыкновенная
Печать высокая
Усл. печ. л. 27,5. Усл. кр. отт. 29,38. Уч.-изд. л. 31,6.
Тираж 4250 экз. Тип. зак. 380
Цена 4 р.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Наука»
117864 ГСП-7, Москва В-485
Профсоюзная ул.,90.

Ордена Трудового Красного Знамени Первая
типография издательства «Наука»
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12

4 руб.

„СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ"

Комплексные исследования

Книга является первым опытом изучения шедевра древнерусской и мировой литературы в условиях сотрудничества ряда советских и иностранных ученых (из НРБ, КНР, Норвегии, ПНР, СФРЮ, США, ЧССР и Японии). «Слово» рассматривается в разных аспектах литературоведения, языкознания, искусствоведения, истории и изучается как великое патриотическое и поэтическое произведение Древней Руси.

·Наука·

„СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ" • *Комплексные исследования*

